

9(Укр)
Д 42

М. П. Драгомановъ.

Політическія сочиненія.

Подъ редакціей

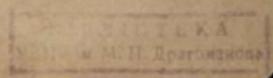
проф. И. М. Тревса

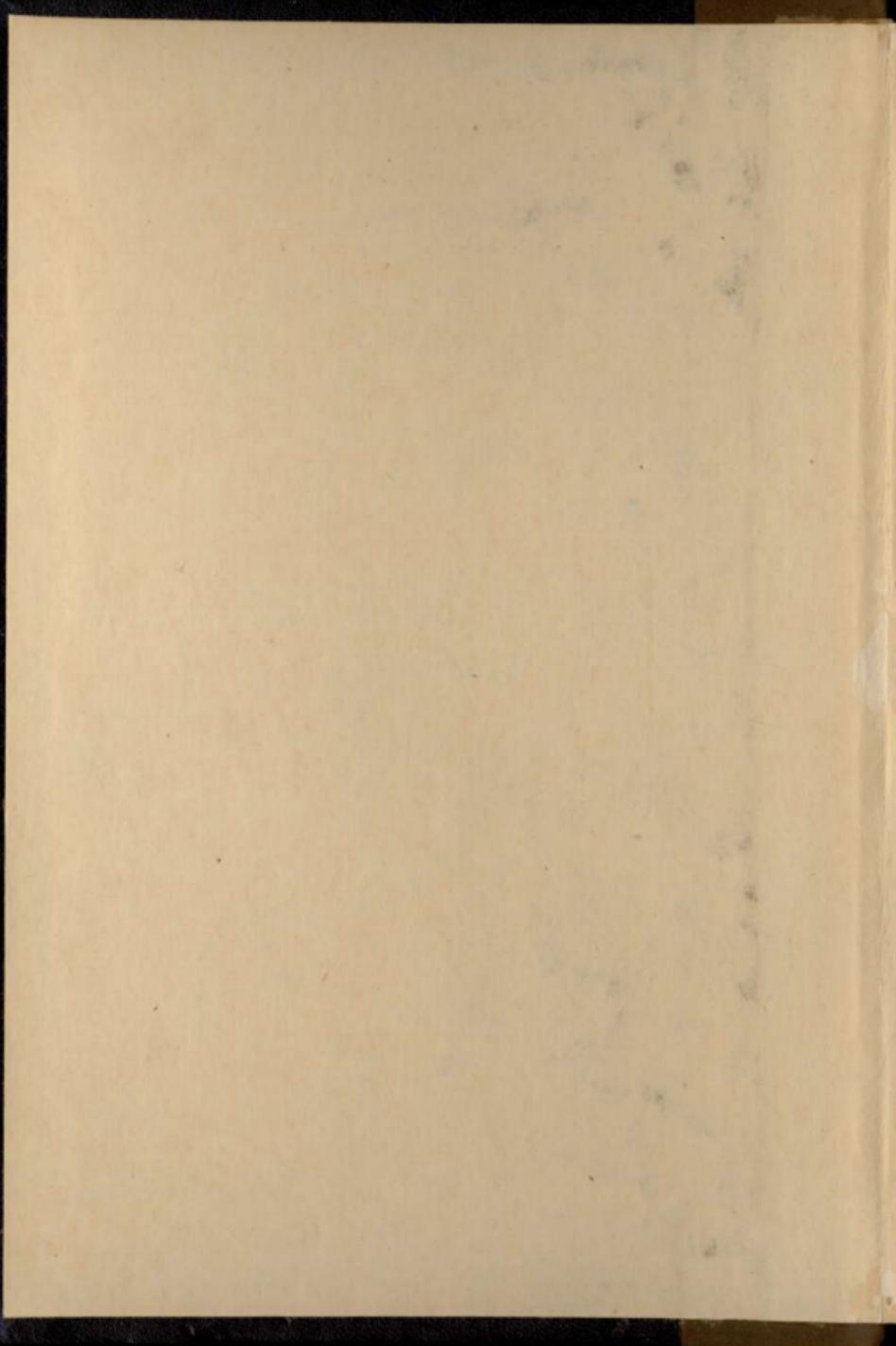
и І. Я. Кистяковскаго.

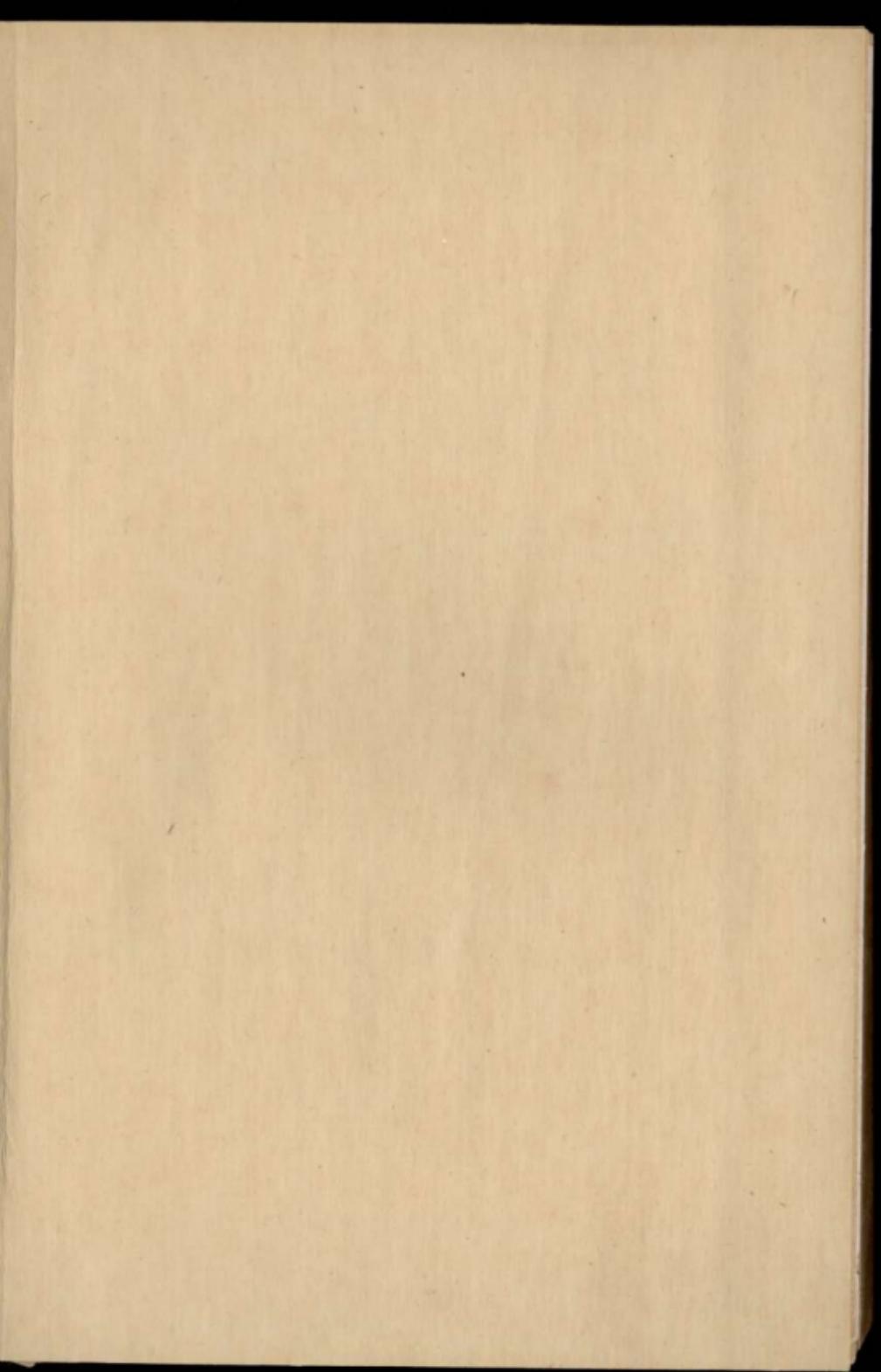
Томъ I.

Цехтаръ и окраинъ.

ІІ-241249

Гортинография

М. П. Драгомановъ.

Політическія сочиненія.

Подъ редакціей
проф. И. М. Гревса
и Б. А. Кистяковскаго.

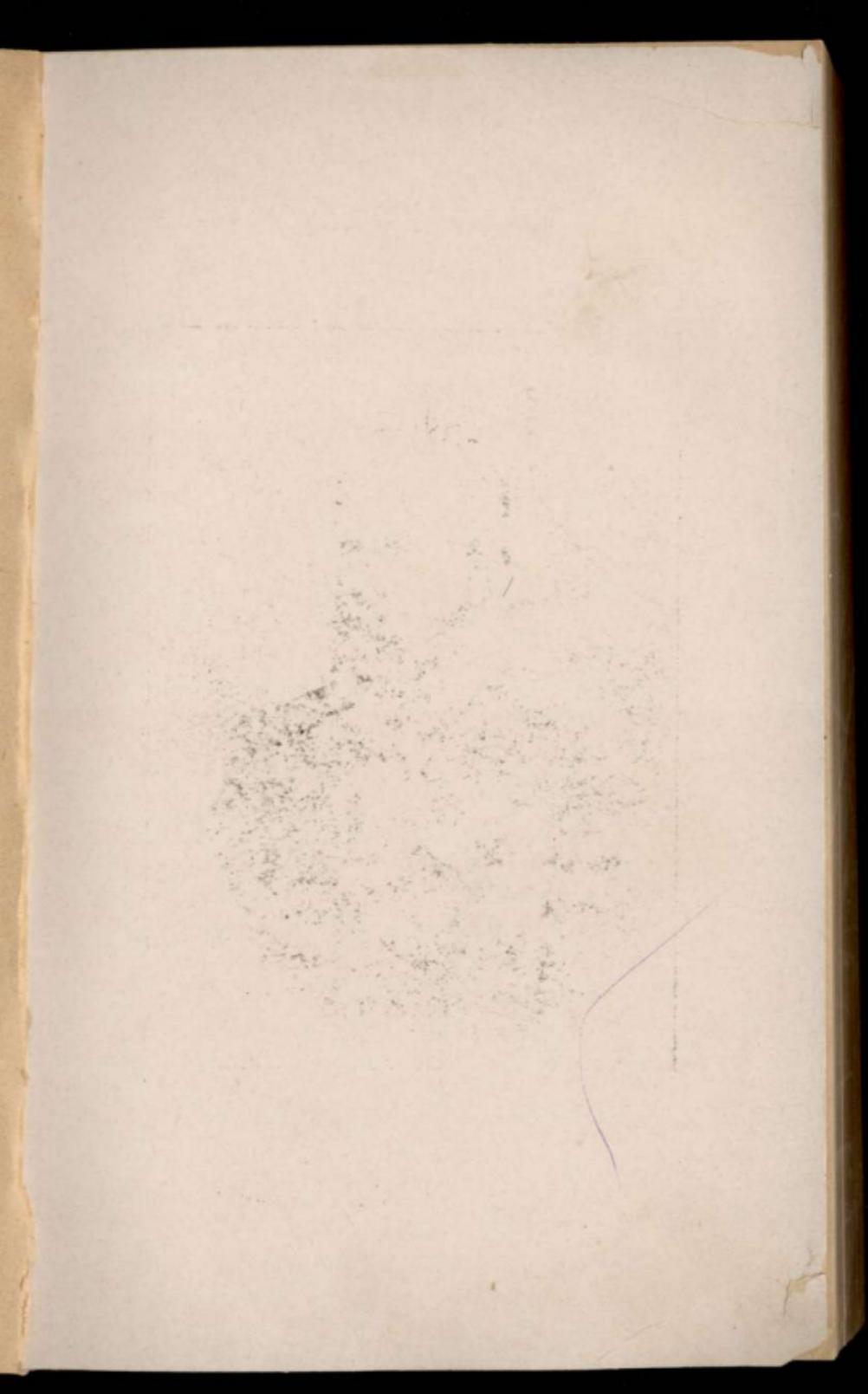
Томъ I.
Центръ и окраины.

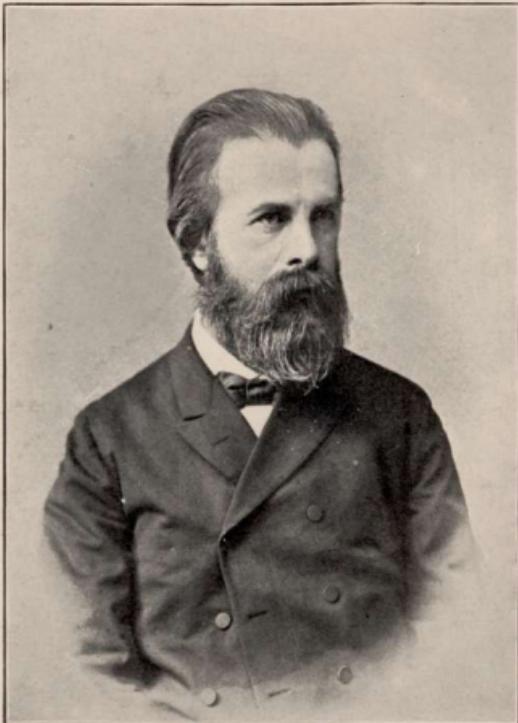

Типографія Т-ва Н. Д. Сытіна, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва. — 1908 г.

БІБЛІОТЕКА (учебн. збор.)
УДАРУ ІМ. М. Д. ДОГІНА

Гортинография

М.Доронинъ

ОТЪ РЕДАКТОРОВЪ.

Собрать и обнародовать сочиненія *Михаила Петровича Драгоманова* составляетъ серьезный долгъ соотечественниковъ и единомышленниковъ не только передъ памятью пре-восходнаго человѣка и замѣчательнаго дѣятеля, но и передъ русскимъ обществомъ и родною землею. Почитатели и сотрудники М. П. въ Галиціи, его ближайшіе одноплеменники-украинцы, немедленно послѣ его кончины предприняли опубликованіе научныхъ трудовъ и историко-литературныхъ этюдовъ, написанныхъ имъ на малорусскомъ и другихъ языкахъ. Та же обязанность оставалась до сихъ поръ незавершенною по отношенію къ многочисленнымъ и важнымъ сочиненіямъ политического и публицистического содержанія, напечатаннымъ авторомъ на языкѣ великорусскомъ. Такова именно задача настоящаго изданія.

Тяжелыя обстоятельства постоянно ломали нормальное теченіе личной жизни Драгоманова: преслѣдованія правительства разорвали непосредственную связь его съ родиною; трудная условія работы въ положеніи эмигранта, принужденного говорить изъ-за тщательно охраняемаго рубежа, держали его въ отдаленіи, гдѣ онъ часто оставался одинокимъ среди противниковъ, гдѣ слишкомъ легко покидали его и друзья. Колебанія у насъ общественныхъ настроений и рѣзкія смѣны революціонныхъ порывовъ туманили безпристрастное отношеніе къ всегда послѣдовательному и прямому слову Драгоманова. Все это непрерывно подкашивало возможность правильнаго, равномѣрно развивающагося вліянія его

идей на умы нашей интеллигенции. Справедливо признать это большую бѣдою для интересовъ серьезнаго политического образованія и твердаго направлениія руководящихъ, активныхъ группъ нашего общества въ эпоху, послѣдовавшую за реформами царствованія Александра II, — эпоху, которую можно назвать временемъ реакціи старого абсолютизма, съ одной стороны, борьбы за освобожденіе,— съ другой.—Идеяяя проповѣдь Драгоманова пополняла существенный, громадный пробѣль въ ряду элементовъ, изъ которыхъ слагалась у насть политическая мысль: онъ былъ долгіе годы единственнымъ истиннымъ представителемъ широкаго конституціонализма и полнаго пониманія демократіи. Онъ также являлся однимъ изъ немногихъ защитниковъ осуществленія этихъ великихъ начальствъ путями сознательной, планомѣрной постепенности („эволюціонизма“), однако не постоянно прилаживающей или вѣчно отступающей, а всегда твердо завоевывающей шагъ за шагомъ ясно напечатленныя позиціи, непримиримой при проведеніи въ жизнь политическаго убѣжденія.

Не сравнивая таланта и силъ Драгоманова съ гениемъ Герцена, справедливо будетъ сказать, что онъ вдохновлялся идеалами и завѣтами великаго писателя. Критически разви-
вая взгляды послѣдняго вмѣстѣ съ новыми требованіями мысли и дѣйствительности, онъ работалъ всѣми силами своего духа для дальнѣйшаго наслажденія заложенной Герценомъ тради-
ціи, двигая ее впередь.—Чистое дѣло требуетъ чистыхъ
средствъ” — таковъ высокій девизъ, который нравственно оду-
хотворялъ дѣло М. П. во все его поприще до послѣдняго
вздоха. Непоколебимая вѣрность повелительнымъ выводамъ
изъ міросозерцанія, выработанаго упорными и мучитель-
ными усилиями труда и творчества,—міросозерцанія широкаго и
свободнаго, живого и совершенствовавшагося до конца, озаряла
покоряющими свѣтомъ правды всю его внутреннюю личность,
сообщая ей печать безупречной, предъ всѣми открытой, ниче-
го не страшашея искренности.—Свобода была святы-
ней, которой онъ служилъ всѣми силами своими. И эта сво-
бода понималась имъ съ всеобъемлющую, у насть совершенно
исключительную полнотою. Онъ мыслилъ ее, какъ независи-

мость народа и личности отъ угнетающаго государства, группъ и классовъ—отъ монополій и привилегій другихъ, въ солидарной равноправности, какъ независимость окраинъ отъ центра, народностей—отъ утѣсненія другими, сильнѣйшими, совѣсти и идеи—отъ нетерпимости абсолютныхъ догматовъ, кѣмъ бы они ни провозглашались: деспотической властью, господствующею церковью или революціонною сектою.

Указанныя адѣсь главныя основы общественныхъ взглядовъ Драгоманова объединялись въ немъ также рѣдко, неизблемою вѣрою въ освободительное могущество культуры, въ огромную цѣну просвѣщенія для народа и для борцовъ во имя его блага и процвѣтанія. Самъ широко образованный человѣкъ, обладавшій обширными, разносторонними знаніями, оперировавшій мыслью, крѣпко выкованною въ лабораторіи неустащаго умственнаго труда, онъ представлялъ настоящее олицетвореніе научнаго отношенія къ жизни, образецъ силы приложенія науки къ работѣ политического освобожденія. Смѣость убѣжденнаго слова, хотя бы оно не только вызывало противъ него преслѣдованія очевидныхъ враговъ, но и ставило его подъ удары тѣхъ, кто долженъ быть видѣть въ немъ союзника; глубокая правильность его возарѣній, до сихъ поръ недостаточно прошедшихъ въ сознаніе, твердая научность ихъ обоснованія, проникающая его слова и дѣла великая сила любви, терпимости и идеализма,— вотъ что дѣлаетъ его желаннымъ учителемъ тѣхъ поколѣній, которыя у насъ готовятся теперь къ служенію родной странѣ и народу.

То, что сейчасъ сказано выше, заключаетъ въ себѣ болѣе чѣмъ оправданіе рѣшимости издать политическія сочиненія М. П. Драгоманова нынѣ, когда печатью въ Россіи завоевана для того первая возможность. Имя Драгоманова пользовалось и до сихъ поръ почетною извѣстностью, а идеи и программа его—авторитетомъ въ довольно многочисленныхъ кругахъ образованныхъ людей изъ его сверстниковъ, а также изъ среды цѣлаго ряда поколѣній молодежи, особенно учившихся въ южныхъ университетахъ. Но и они все изучали его сочиненія лишь урывками и клочками; у широкой

ке массы русскихъ читателей цензура отнимала его совсѣмъ. Настала пора возвратить русской литературѣ утраченное ею дорогое достояніе. Только тогда, когда вся совокупность работъ Драгоманова будетъ собрана въ доступномъ изданіи, русское общество окажется въ состояніи воспользоваться оставленнымъ имъ богатымъ наслѣдствомъ и почерпнуть обильныя зерна для развитія своего политического сознанія изъ его стройно продуманнаго, научно разработаннаго, гуманнаго и прогрессивнаго міровоззрѣнія. То, что составляетъ идеиное и фактическое содержаніе работы М. П., является не только весьма важнымъ историческимъ памятникомъ, но и сохранять значеніе живыхъ и цѣнныхъ уроковъ политической мудрости и правды для настоящаго и будущаго. Поэтому было бы не вѣрно утверждать, что сочиненія Драгоманова запоздали своимъ появлѣніемъ. Напротивъ, хотя иѣкотория статьи написаны тридцать слішкомъ лѣтъ назадъ, онъ и пынъ современны, даже животрепещущи какъ по поставленнымъ вопросамъ, такъ и по дающимся решеніямъ. Можно надѣяться, что углубленное вниманіе читателей сумѣть преодолѣть въ печатаемомъ материалѣ объемистость размѣровъ и иѣкоторую тяжеловѣсность формы, и что они извлекутъ изъ него цѣнныя данія и духъ ихъ будетъ крѣпнуть и закаляться честною и благородною, глубоко вооруженною, пропагандистскою мыслью.

Задуманное собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова на русскомъ языке составить четыре тома. Въ него войдутъ многочисленныя крупныя и мелкія статьи автора, печатавшіяся въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій XIX в. въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ въ Россіи и за границею или выходившія отдельными брошюрами. Планъ настоящаго первого тома, озаглавленнаго „Центръ и окраины“, будетъ разъясненъ ниже (см. „Предисловіе къ первому тому“). Во второй томъ („Национальность и культура“) войдутъ работы по истории литературы и национальному возрожденію различныхъ угнетенныхъ национальностей. Третій томъ составятъ, во-первыхъ, статьи, написанныя по поводу русско-турецкой войны 1877—1878 г., которыхъ были первыми произведеніями

автора, вышедшими за границей, виѣ досягаемости для русской цензуры, а во-вторыхъ, два крупныхъ труда по вопросу о федерализмѣ и областной автономії въ Россіи, именно: „Историческая Польша и великорусская демократія“ и „Вольный союзъ“. Содержаніе этого тома будетъ если не исчерпываться, то памѣтаться заглавіемъ „Славянство и федерализмъ“. Наконецъ въ четвертомъ томѣ будуть собраны всѣ статьи, касающіяся различныхъ сторонъ русского революціоннаго движенія, известная работа о „земскомъ либерализмѣ“ и различные другія мелкія замѣтки. По главной темѣ, которая въ нихъ разрабатывается, его можно будетъ, назвать „Политическая свобода и права личности“. Въ рамки предстоящаго изданія войдутъ всѣ сочиненія М. П. Драгоманова на политической темѣ, написанныя по-русски, а также переводы иѣ-которыхъ изъ его французскихъ, иѣмецкихъ и итальянскихъ этюдовъ. Переводы съ украинскаго являются лишь исключеніями. Всѣ политическія статьи автора на украинскомъ языкѣ сами по себѣ составлять цѣлый обширный томъ, и онѣ должны быть сперва изданы въ подлиннике.

М. П. Драгомановъ иѣсколько разъ во время своей эмиграціи пытался организовать за границею свободный русскій политический журналъ, который бы развивалъ, защищалъ и распространялъ начала конституціоннаго демократизма и федерализма, какъ истиннаго достижимаго и прочнаго пути для освобожденія Россіи. Настойчиво занималъ его этотъ вопросъ и въ самые послѣдніе мѣсяцы жизни. Появленіе „Освобожденія“, органа П. Б. Струве, встрѣтило бы въ немъ, безъ сомнѣнія, горячее сочувствіе и дѣятельную поддержку, если бы смерть раньше времени не унесла его отъ насть. М. П. былъ превосходно подготовленъ къ руководству подобнаго рода изданіемъ. Редакція „Освобожденія“ ясно понимала и чувствовала такое единомысліе. П. Б. Струве живо отозвался на инициативу украинцевъ-демократовъ, чтобы сдѣлать первый важный шагъ для собранія и обнародованія літературно-политического завѣщанія М. П. Сдѣланное¹⁾ значительно

¹⁾ Вышло 2 тома „Собранія политическихъ сочиненій“ М. П. Драгоманова (1905 и 1906 г.).

облегчило трудности настоящаго издания, которое стремится, расширивъ планъ, довести замыселъ до конца¹⁾. Остается надѣяться, что русское общество съ интересомъ приметъ важное орудіе для его политического просвѣщенія, и что настоящее издание послужитъ къ возстановленію духовной связи и солидарности съ однимъ изъ лучшихъ его идеиныхъ руководителей.

И. Грекъ.

Б. Кистяковскій.

С.-Петербургъ и Москва,
декабрь 1907.

1) Настоящему первому тому предъосланъ очеркъ жизни М. И. Драгоманова и общая характеристика его политическихъ идей, составленный Б. А. Кистяковскимъ. Къ IV тому будетъ приложенъ этюдъ о нѣкоторыхъ сторонахъ научного и политического міровоззрѣнія его, написанный И. М. Грекомъ.

М. П. Драгомановъ.

Его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь.

Политическія сочиненія Михаила Петровича Драгоманова занимаютъ выдающееся мѣсто въ исторіи развитія русской общественной мысли. Въ нихъ впервые ясно и отчетливо выяснена настоятельная необходимость перехода Россіи къ конституціонному строю. Всю свою жизнь Драгомановъ сть поразительной энергией и неутомимостью доказывалъ, что существование Россіи, какъ великой державы, и полное пріобщеніе русскихъ народностей къ цивилизованнымъ націямъ немыслимо безъ обновленія русской государственной жизни. Но, видя въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ единственное средство покончить съ неустройствомъ русской жизни и потому удѣляя имъ исключительное вниманіе, Драгомановъ далеко не ограничивалъ ими кругъ своихъ интересовъ. Его политическіе взгляды опирались на прочную основу широкихъ научныхъ обобщеній, явившихся результатомъ его громадной эрудиціи въ области всеобщей исторіи. Въ центрѣ его міровоззрѣнія стояла не политическая жизнь общества, а счастье народныхъ массъ, возможное, какъ онъ твердо въ этомъ былъ убѣжденъ, только при высокомъ уровне культуры. Высшимъ благомъ культуры онъ считалъ полное развитіе индивидуальности какъ каждой отдельной личности, такъ и цѣлыхъ народовъ. Охватывая понятіе культуры въ ея наиболѣе полномъ значеніи, онъ мыслилъ ее, какъ совершенную организацію всѣхъ сторонъ жизни — экономической, соціальной и духовной, притомъ какъ организацію всего народа, а не однихъ его верховъ. Эта постѣдняя черта въ пониманіи

культуры диктовалась широкимъ демократизмомъ, присущимъ тому поколѣнію русской интеллигенціи, молодость которого совпала съ великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ; въ личности Драгоманова этотъ демократизмъ былъ воплощенъ въ наиболѣе совершенной и постѣдовательной формѣ. Внѣштвъ демократическихъ чувствъ изъ той общественной атмосферы, въ которой онъ выросъ и воспитался, онъ претворить ихъ въ стройную систему идей, которая онъ продумалъ до конца, сдѣлавъ изъ нихъ всѣ постыдные выводы. Отсюда его пламенная защита правъ угнетенныхъ народностей и прежде всего права на культурное развитіе родного ему украинскаго народа. Проповѣдуя не только равноправіе лишь, но и равноправіе націй, онъ считалъ, что постыднее осуществимо только при федераціи народовъ. По своимъ философскимъ взглядамъ Драгомановъ, отдавая дань своему вѣку и преклоняясь предъ успѣхами опытныхъ наукъ и положительныхъ знаний, былъ убѣжденнымъ позитивистомъ и рационалистомъ. Но это не помѣщало ему возвыситься до признания высшей цѣнности личность и, что еще важнѣе, до болѣе углубленаго пониманія идеи личности, выражавшагося въ признаніи цѣнныхъ свойствъ, присущихъ личности, и за каждой культурно-само-определенной народностью. Вотъ почему не безъ основаній можно сказать, что Драгомановъ, не отдавъ себѣ въ томъ отчета, по своимъ философско-историческимъ воззрѣніямъ быть близокъ къ истинному идеализму.

I.

Охарактеризовать литературно-политическую дѣятельность М. П. Драгоманова дѣло не легкое¹⁾. Она продолжалась болѣе

1) Источниками для біографіи М. П. Драгоманова и характеристики его литературной и политической дѣятельности могутъ служить следующія изданія: 1) М. Павлик. „Михайло Петрович Драгоманов, 1841—1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і списокъ творівъ“. Львівъ, 1896; 2) „Біографический словарь университета Св. Владимира“. Кіевъ, 1885; 3) Dizionario degli scrittori contemporanei—Dictionary des écrivains contemporains, par de Gubernatis; 4) Cartou. Dictionnaire des folkloristes; 5) Проф. О. Огопновский. „Історія літератури рускої“, т. IV. Львівъ, 1895; 6) А. Крымський. „Михайль Петровичъ Драгомановъ“. Некрологъ. „Етнографическое Обозрѣніе“, т. XXVII; 7) Ів. Франко. „Життєпис Драгоманова“. „Життє і Слово“, 1894, кн. I; 8) Ів. Франко: „Суспільно-політичні погляди М. Драгоманова“. „Літер-

четверти столѣтія съ конца шестидесятыхъ годовъ по день смерти 8/20 іюня 1895 года. Особенно интенсивна она была, начиная съ 1876 года, въ постѣдній восемнадцать лѣтъ жизни Драгоманова, которая онъ провелъ за границей въ качествѣ политического эмигранта. По складу своего ума болѣе ученый, чѣмъ публицистъ, Драгомановъ благодаря горячности своего темперамента не могъ не отзываться на жгучіе политические вопросы, выдвигавшіеся въ его время. Виѣшнія условія жизни заставили его стать въ положеніе политического агитатора. Но агитаторомъ въ точномъ смыслѣ слова онъ никогда не былъ. Даже въ чисто агитационныя изданія свои онъ вносилъ

Наук. Вѣстникъ, 1906, кн. 8; 9) М. Павлик. „М. Драгоманов і его роль въ розводії України“. Львів, 1907; 10) М. Драгоманов. „Народні школи на Українѣ“. Женева, 1877; 11) М. Драгоманов. „Австро-руські спомини“. Львів, 1889—1892; 12) М. Драгоманов. „Два учителі—К. І. Пелевич и А. И. Стронин“. Спомини. Львів, 1902; 13) М. Драгомановъ. „Автобіографія“. „Былое“, 1906, іюнь; 14) Изъ политическихъ разсѣдований 1882 г. касательно „противоправительственныхъ“ сообществъ не столь вредныхъ“ „Былое“, 1906, апрель; 15) „Сводъ указаний, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“. „Былое“, 1907, іюнь; 16) Примѣчанія къ части „Свода“, касающейся „сообщества украинофиловъ“ А. Русова и Ф. Волкова. „Былое“, 1907, іюнь. Изъ переписки Драгоманова пока опубликованы слѣдующіе сборники, изданные М. Павликомъ: 1) М. Драгоманов. „Переписка“, т. I. Львів, 1901; 2) „Переписка М. Драгоманова з Т. Окуневскимъ, 1883—1895. Львів, 1905; 3) „Переписка, М. Драгомановъ з Н. Кобринськимъ“, 1893—1895. Львів, 1905. Кроме того, издания: 4) „Переписка Ю. Бачинського з М. Драгомановимъ“, 1894—1895. Львів, 1902; 5) М. Драгомановъ. „Листи до Ів. Франка і іншихъ“, 1881—1886. Видав Ів. Франко. Львів, 1906. Самый цінный матеріаль для характеристики научныхъ и политическихъ взглядовъ Драгоманова заключается, конечно, въ его сочиненіяхъ. Они разбросаны въ различныхъ русскихъ и иностраннѣхъ изданіяхъ. Наиболѣе важныя его политическія сочиненія были напечатаны въ сборникѣ „Громада“, пять томовъ. Женева, 1877—1882, и въ журналахъ „Вольное Слово“, Женева, 1881—1883 „Свободная Россія“, Женева, 1889 и „Народ“, Львовъ, 1890—1895. Политическія сочиненія его на русскомъ языкѣ, напечатанныя за границей, собраны въ изданіи редакціей „Освобожденія“—„Собрание политическихъ сочинений“ М. П. Драгоманова, т. I и II. Парижъ, 1905 и 1906. Изъ научныхъ сочиненій Драгоманова только его статьи о народной словесности и украинской литературѣ изданы на украинскомъ языкѣ „Науковим товариствомъ імені Шевченка“ во Львовѣ въ его „Збірниках філологичної секції“. До сихъ поръ вышли три тома—„Розіданія Михайла Драгоманова про українську народну словесність і письменство“, т. I. Львів, 1899, т. II, 1900 и т. III, 1906. Это изданіе продолжается, и четвертый томъ уже печатается.

свою обширную научную зрудицию и всю глубину своей мысли. Всѣ его политическія сочиненія свидѣтельствуютъ о богатствѣ его знаний по политической исторіи передовыхъ народовъ и о законченной продуманности его основныхъ предпосылокъ. Какъ публицистъ и политический писатель, Драгомановъ отзывался на всѣ злобы дня, но онъ ничего не написалъ только на злобу дня. По поводу всякаго частнаго событія онъ выдвигать принципіальные вопросы и пользовался имъ для того, чтобы широко поставить и развить свою общую соціальную и политическую программу. Впрочемъ, обстоятельства благопріятствовали ему въ этомъ, такъ какъ въ началѣ его заграницкой свободной писательской дѣятельности передъ Россіей были поставлены самые общіе вопросы, выдвинутые возстаніемъ южныхъ славянъ и послѣдовавшей за нимъ русско-турецкой войной. Въ цѣломъ рядъ политическихъ брошюръ, написанныхъ въ 1876—1878 гг. по поводу войны, Драгомановъ сгѣшился указать на то, что Россія не можетъ вести успѣшной вѣтшней политики, а тѣмъ болѣе войны, пока внутри нея безраздѣльно господствуетъ бюрократія, а русское общество осуждено на безмолвіе. Онъ неутомимо доказывалъ, что нельзя освобождать „славянскихъ братьевъ“ отъ „турокъ вѣтшнихъ“, пока надъ освободителями ненарушило властствовать „турки внутренніе“; что учреждать свободу въ чужой странѣ могутъ только люди свободные у себя дома; что свобода—„чистое дѣло“ и требуетъ „чистыхъ рукъ“, и что люди, запятнавшіе себя интенданскими и другими хищеніями и кровавыми усмиреніями ограбленныхъ своими бывшими помѣщиками крестьянъ, своимъ прикосновеніемъ къ дѣлу свободы только погубятъ ее. Въ связи съ славянскимъ вопросомъ стоять и вопросъ объ Украинѣ, которая открыла для Московского государства въ XVII столѣтіи Черное море и поставила передъ Россіей задачу изгнанія турокъ изъ Европы и превращенія Балканского полуострова въ свободную федерацію южно-славянскихъ государствъ съ вѣроятнымъ присоединеніемъ къ ней Греціи, Албаніи и Румыніи. Эта задача, такъ называемый Восточный вопросъ, стоила Россіи невѣроятного количества бесполезныхъ жертвъ, къ которымъ надо отнести и послѣдиню русско-турецкую войну, и, тѣмъ не менѣе, она до сихъ поръ не выполнена; а между тѣмъ при правильной политикѣ и при дѣйствительной нравственной поддержкѣ

южно-славянскихъ народовъ со стороны Россіи, она была бы выполнена самими этими народами безъ кровавыхъ войнъ Россіи съ Турціей. Причина такой массы бесполезныхъ жертвъ заключалась въ томъ, что политика русского правительства была не безкорыстной и „освободительной“, каковой ее прославляли различные офиціозы и всякие прихлебатели официальныхъ сферъ среди русской прессы, а чисто эгоистической и завоевательной. Драгомановъ считать нужнымъ указывать на то, что по отношенію къ южнымъ славянамъ теперь примѣняется русской бюрократіей та же политика, которая примѣнялась по отношенію къ Українѣ московскимъ приказнымъ строемъ въ XVII вѣкѣ и петербургскимъ бюрократическими режимомъ въ XVIII вѣкѣ. Україна, примкнувшая къ Московскому государству, какъ къ освободителю отъ магнатско-іезуитскихъ порядковъ, созданныхъ Люблинской и Брестской уніями, попала послѣ присоединенія еще въ большее порабощеніе, благодаря бюрократическому самодержавію. Порабощеніе Україны достигло своего кульминационнаго пункта какъ разъ наканунѣ русско-турецкой войны въ знаменитомъ указѣ 1876 года, почти совсѣмъ упразднившемъ украинскую литературу. Для Драгоманова было ясно, что окончательное порабощеніе Україны, какъ крупный успѣхъ русского самодержавнаго правительства, знаменовало также усиленіе и закрѣпленіе порабощенія всего русскаго народа. Какъ украинецъ, онъ съ особенной силой сознать цѣнность личной и общественной свободы для украинскаго и всего русскаго народа. Неутомимой проповѣди свободы личности и общества и требованію конституціонныхъ гарантій для нея онъ прежде всего и посвятить свою литературно-политическую дѣятельность за границей.

Но Драгомановъ быть не только неутомимымъ проповѣдинкомъ личныхъ и общественныхъ свободъ; онъ быть въ иѣкоторомъ смыслѣ и первымъ ихъ проповѣдинкомъ въ Россіи. Значенія свободы личности, осуществимой лишь при конституціонныхъ учрежденіяхъ, не сознавалъ даже К. Д. Кавелинъ, когда въ спорѣ съ Герценомъ въ 1862 г. отрицать необходимость для Россіи конституціи и нападать на тѣ дворянскія собрания, которые подняли тогда этотъ вопросъ. Онъ видѣть въ конституціонномъ строѣ только участіе народнаго представительства въ законодательствѣ и управлениі страной, но

не гарантію личной свободы. Что касается самого Герцена, то хотя онъ и ясно опредѣлилъ громадное значеніе личной и общественной свободы для Западной Европы, хотя и вывезъ изъ Россіи непримиримую ненависть къ самодержавию и сознаніе невозможности жить на родинѣ при отсутствіи свободы личности, хотя и твердо усвоилъ западноевропейскій политическій ученія, основанныя на признаніи неотъемлемыхъ правъ человека и гражданина, тѣмъ не менѣе, онъ не сдѣлать политическое освобожденіе личности предметомъ столь же пламенной проповѣди, какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Между тѣмъ именно постъ освобожденія крестьянъ и особенно постъ подавленія польского восстанія все свидѣтельствовало о томъ, что утвержденіе правъ личности и свободы общества есть насущнѣйшая задача времени. И даже упорный западникъ Тургеневъ не обратилъ вниманія Герцену на этотъ пробѣгъ въ его литературно-политической агитации. Въ спорѣ съ Герценомъ о Славянствѣ* и Западѣ онъ только старался убѣдить своего противника въ превосходствѣ Запада, ссылаясь на его неумирающую культуру и на присущее всему строю его жизни уваженіе къ правамъ личности и къ общественной свободѣ; но и онъ не указалъ Герцену на то, что свобода личности является ближайшою насущною потребностью русского народа и лишь осуществление ея приблизить Россію къ Западу; онъ не посовѣтовать Герцену замѣнить проповѣдь созданій имъ своеобразной смѣси славянофильского мессіанства, народничества и соціализма энергичной проповѣдью свободы личности, общества и государства. Еще менѣе считали нужнымъ отстаивать въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ свободу личности, какъ основное политическое благо, представители «русской соціологической школы», И. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій, которые создали соціально-философскій основы русского соціалистического и революционного движений семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Хотя они неутомимо развили свои идеи о томъ, что въ будущемъ идеальному соціальному строѣ личность должна быть „всесторонне развитой“ и „безусловно цѣльной“, тѣмъ не менѣе, они не считали нужнымъ выдвинуть, какъ основное требованіе своего времени, завоеваніе политическихъ правъ для личности. Понятно, что и соціально-революционная русская интеллигентія молодежь,

начала семидесятыхъ годовъ, беззатѣни отдавшаяся народному дѣлу, которое она видѣла въ осуществлении аграрного соціализма, и съ полнымъ самоотверженіемъ ушедшая въ народъ проповѣдывать его среди крестьянскаго и рабочаго люда, менѣе всего думала о свободѣ личности и общества, а конституціонный строй она вполнѣ отожествляла съ господствомъ буржуазіи. Среди этого полнаго невниманія къ самой насущной потребности русскаго народа Драгомановъ съ своей неутомимой проповѣдью личной и общественной свободы и представительныхъ конституціонныхъ учрежденій, которую онъ вѣль, начиная съ середины семидесятыхъ годовъ, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто.

Явившись первымъ русскимъ писателемъ, стѣлевшимъ проповѣдь правъ личности и политической свободы своимъ главнымъ дѣломъ, Драгомановъ не провозглашать, конечно, ничего абсолютнаго новаго для русской жизни. Идеи политической свободы, выработанныя въ Западной Европѣ еще въ половинѣ XVII столѣтія, составляютъ неотъемлемую принадлежность всякаго европейскаго образованаго человѣка. Съ тѣхъ порь, какъ они выработаны, ни одна общественная группа и ни одинъ политический писатель, стоящіе на уровнѣ европейскаго образования, не могутъ не видѣть ихъ цѣнности и значенія, они не могутъ хотя бы отъ временнаго до временнаго въ той или другой формѣ не настаивать на нихъ. Въ Россіи традиціи борьбы съ самодержавіемъ за политическую свободу тянутся отъ декабристовъ черезъ Герцена къ революціонерамъ шестидесятыхъ годовъ и отъ этихъ постѣдніихъ—къ народникамъ и народовольцамъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. И въ этой славной традиціи русскаго общества вполнѣ определено выдвигается значеніе Драгоманова, какъ первого постѣдовательнаго конституціоналиста, творца первой русской конституціонной теоріи. „Драгомановъ, по словамъ П. Б. Струве, первый изъ русскихъ публицистовъ далъ русской демократіи широкую и ясную политическую программу. Онъ первый рѣзко и отчетливо выяснилъ русскому обществу смыслъ и значеніе конституціоннаго порядка и, въ особенности, правъ личности, начать самоуправленія“¹⁾). Будучи соціалистомъ, Драгомановъ быть въ то же время постѣдовав-

1) См. „Освобожденіе“ № 72.

тельнымъ либераломъ и демократомъ, каковыми всегда и являются истинные социалисты. Онъ неутомимо доказывалъ, что идеиный либерализмъ въ высшей степени цѣненъ прежде всего для соціализма, такъ какъ и пропаганда и осуществление послѣдняго возможны только на основаніи личной, общественной и государственной свободы. Въ то же время онъ никогда не смотрѣлъ на политическую свободу только какъ на средство для осуществленія соціализма и признавалъ за нею вполнѣ самостоятельное и незамѣнное культурное, политическое и общественное значеніе. Въ этомъ отношении его идеи въ высшей степени современны, и онъ какъ бы непосредственно участвуетъ въ нынѣшней борьбѣ политическихъ партий и направлений.

Проповѣдь идеи политической свободы и защиты конституционныхъ формъ государственного устройства, какъ единственного способа осуществить эти идеи въ жизни, Драгомановъ долженъ быть соединять съ критикой тѣхъ возврѣній, въ томъ числѣ и революціонныхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ искаженіе и неправильную оценку свободныхъ политическихъ формъ. Необходимость критики диктовалась тѣмъ обстоятельствомъ, что Драгомановъ никогда не могъ признать удовлетворительнымъ решеніемъ вопроса о политической свободѣ создание лишь центрального народного представительства. Исходя изъ идей федерализма, основанного на самомъ широкомъ признаніи автономныхъ правъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ группъ, онъ, считая нужнымъ въ то же время оставаться на почвѣ реальной политики, требовалъ, чтобы въ Россіи представительство государственное было тѣсно связано съ представительствомъ мѣстнымъ и областнымъ, и чтобы участіе народа и его представителей въ решеніи общегосударственныхъ вопросовъ опиралось на широкое развитіе мѣстного самоуправления. Онъ не переставалъ доказывать гибельность централизма для самого существованія политической свободы отъ кого бы этотъ централизмъ ни исходилъ, отъ самодержавной ли бюрократіи, или отъ централистическихъ революціонныхъ партий, и во имя чего бы онъ ни проповѣдывался, во имя ли должно понятой идеи о единству и нераздѣльности Россіи, или во имя историческихъ правъ Польши на Литву, Бѣлоруссію и Україну и на возстановленіе польской государственности въ старыхъ границахъ.

Прибѣгать къ критикѣ чужихъ взглядовъ Драгоманову особенно часто приходилось, начиная съ конца семидесятыхъ годовъ, когда на борьбу за политическую свободу выступили русские революционеры. Проявляя исключительную энергию и беспримѣрный геронемъ въ борьбѣ съ самодержавiemъ, русские террористы сравнительно мало заботились о правильности своихъ теоретическихъ взглядовъ, такъ какъ къ борьбѣ за политическую свободу они пришли эмпирически, путемъ практики, а не путемъ теоретического развитія своихъ идей. Драгомановъ съ самого начала увидѣлъ, что онъ не можетъ работать сообща съ русскими террористами, несмотря на то, что ихъ соединила борьба за политическую свободу. Поэтому, когда Желябовъ послѣ возникновенія партіи „Народной воли“ обратился къ нему съ предложеніемъ быть литературнымъ выразителемъ партіи за границей, онъ отклонилъ это предложеніе. Но скоро ему пришлось подвергнуть систематической критикѣ какъ теоретические взгляды, такъ и методы борьбы русскихъ революционеровъ. Этотъ критический пересмотръ всего мировоззрѣнія русскихъ социалистовъ и революционеровъ онъ произвелъ, главнымъ образомъ, въ своихъ статьяхъ, появившихся въ журнале „Вольное Слово“ въ теченіе почти двухъ съ половиною лѣтъ съ начала 1881 года до середины 1883 года. Среди нихъ особенно замѣчательны рядъ статей, изданныхъ затѣмъ въ 1882 году отдельной книжкой подъ заглавиемъ „Историческая Польша и великорусская демократія“. Въ этомъ сочиненіи Драгомановъ исторически и критически разсмотрѣлъ революціонные движения на территории Россіи, начиная съ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, въ связи съ вопросомъ о политической свободѣ и децентрализациѣ въ Россіи, въ частности же въ ихъ отношеніи къ польскому и украинскому вопросамъ. Въ концѣ книги онъ развила свою политическую программу, основанную на принципѣ автономіи земскихъ единицъ, т.-е. сельскихъ и городскихъ общинъ, волостей, уѣздовъ, губерній и областей.

Одновременно съ появлениемъ этого сочиненія Драгоманова въ журнале «Вольное Слово», т.-е. въ 1881 г., организація земскихъ дѣятелей-конституціоналистовъ, возникшая еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, но только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ сложившаяся прочно въ такъ называемый „Земской союзъ“, выработала свою политическую программу.

Когда эти программы были сопоставлены, то оказалось, что земцы - конституционалисты сходятся въ рѣшении основныхъ программныхъ вопросовъ съ Драгомановымъ. Это совпаденіе объясняется, конечно, тѣмъ, что обѣ программы принимали за исходную точку единственную уже существовавшую въ Россіи организованную общественную силу — земство, и что въ предшествовавшіе годы самыи энергичныи проповѣдникъ идеи конституционализма бытъ Драгомановъ, убѣжденный федералистъ и автономистъ. Вліяніе Драгоманова скандалось также въ томъ, что самые выдающіеся и дѣятельные члены „Земскаго союза“ принадлежали къ южно-руssкимъ или украинскимъ земствамъ — къ черниговскому, полтавскому и харьковскому. Вслѣдствіе совпаденія программъ произошло и организационное сближеніе между „Земскими союзомъ“ и Драгомановымъ. Въ концѣ 1882 года Драгоманову было предложено специальнъи delegatомъ „Земскаго союза“ взять на себя редактированіе „Вольнаго Слова“, и онъ принялъ это порученіе. Казалось, что, благодаря „Вольному Слову“ и „Земскому союзу“, долженъ наступить моментъ, когда Драгомановъ получитъ, наконецъ, возможность опереться въ своей пропагандѣ и агитациіи на широкое общественное движение. Руководимый Драгомановымъ журналъ „Вольное Слово“, основанный первоначально съ цѣлью дать возможность разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи высказать свободно свои мнѣнія, превратился въ органъ агитации въ пользу политической свободы съ широкимъ земскими самоуправлениемъ. При этомъ изъ журнала отводилось много места социальному вопросу и постановка его въ отдѣльныхъ страницахъ Западной Европы и Америки для того, чтобы знакомить читателей со всей необыкновенной сложностью этого вопроса и отучать ихъ отъ одностороннихъ и поспѣшныхъ рѣшеній и выводовъ. Но дѣятельность Драгоманова въ качествѣ редактора „Вольнаго Слова“ продолжалась очень недолго. Успившаяся въ это время реакція общественная скоро задушила и „Земской союзъ“ и „Вольное Слово“. Надежды на созывъ земскаго собора ко времени коронаціи Александра III не оправдались, и подъ вліяніемъ разочарованій „Земской союзъ“ распался. Большинство членовъ его было мало склонно къ упорной и настойчивой агитациі, а русское общество становилось

все менѣе воспріимчиво къ ней. Лишившись поддержки и со стороны издателей и со стороны читателей, „Вольное Слово“ уже въ маѣ 1883 года должно было прекратить свое существование.

Но лѣтомъ того же 1883 года изъ Россіи къ Драгоманову были обращены новые запросы, которые дали ему толчокъ написать одно изъ наиболѣе важныхъ его политическихъ сочиненій. Сперва ему было доставлено иѣсколько политico-соціальныхъ программъ, составленныхъ въ разныхъ украинскихъ кружкахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ активными русскими революціонерами. Эти программы отличались отъ обычныхъ тогда программъ русскихъ революціонеровъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе якобинскимъ централизмомъ, и приближались по своимъ федералистическимъ тенденціямъ къ программѣ Драгоманова. Затѣмъ къ Драгоманову прибыли делегаты отъ иѣкоторыхъ изъ этихъ кружковъ съ тѣмъ, чтобы совмѣстно выработать программу и уставъ для основанія политического общества „Вольный союзъ“, которое задалось бы цѣлью пропаганды (преимущественно на Украинѣ, но не упуская изъ виду и всей Россіи) идеи политической свободы и соціальныхъ реформъ въ связи съ федерализмомъ. Драгоманову было очень трудно столковаться съ этими делегатами, такъ какъ они находились еще подъ сильнымъ обаяніемъ теоріи и практики партіи „Народной воли“. Они мало придавали значенія медленной организаціонной и пропагандорской дѣятельности и поскорѣе хотѣли заманифестировать свое существование какимъ-нибудь громкимъ дѣломъ, въ родѣ „народовольческихъ предприятій“, но только съ федерально-украинской окраской. Въ то же время имъ не нравилось то винманіе, которое Драгомановъ удѣлялъ австрійской Руси и политикѣ западныхъ славянъ, такъ какъ они считали такое расширение политическихъ интересовъ ненужнымъ усложненіемъ дѣла. Въ концѣ-концовъ, однако, делегаты кое-какъ столкнулись съ Драгомановымъ, основные пункты устава и программы политического общества „Вольный союзъ“ были выработаны и отпечатаны и делегаты увѣзли печатные экземпляры ихъ въ Россію. Но тутъ полиція уже выслѣдила главныхъ „вольносоюзниковъ“ и предполагаемое политическое общество умерло въ самомъ начатъ. Тѣмъ не менѣе, политические друзья Драгоманова въ Россіи пожелали, чтобы онъ издалъ вырабо-

таниую программу „Вольного союза“ съ своими обширными объясненіями и дополненіями. Вышедшее въ 1884 году въ Женевѣ сочиненіе Драгоманова „Вольный союзъ“ и представляетъ по формѣ программу и уставъ политического общества.

Программа, изложенная въ книжкѣ „Вольный союзъ“, заключаетъ въ себѣ также и проектъ конституціонной реорганизаціи Россіи. Въ немъ особенно обращаетъ на себя вниманіе параграфъ, устанавливающій всеобщее избирательное право, при чмъ правомъ избирать пользуются всѣ граждане, достигшіе 21-лѣтнаго возраста. Здѣсь мы имѣемъ бесспорное доказательство того, что русскій либерализмъ, передовыемъ глаша-
таемъ котораго въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ Драгомановъ — поскольку онъ, какъ идеиный украинецъ, вообще могъ быть представителемъ общерусского либерализма — всегда нензмѣнно отстаивалъ это основное требование политического демократизма. Но самую характерную черту этого проекта составляетъ требование широкаго мѣстнаго самоуправленія, особенно областнаго, какъ основы государственного самоуправленія, осуществляемаго центральнымъ народнымъ представительствомъ.

Проектъ русской конституціи, изложенный въ „Вольномъ союзѣ“, долгое время былъ единственнымъ подробно разработаннымъ проектомъ. Только спустя десять лѣтъ, около середины девяностыхъ годовъ, въ Россіи былъ составленъ и пущенъ по рукамъ другой „Проектъ русской конституціи“, который въ 1895 г. былъ изданъ „Фондомъ вольной русской прессы“ въ Лондонѣ со статьей С. Степняка (Кравчинского). Этотъ второй проектъ чрезвычайно похожъ на проектъ Драгоманова; въ немъ нѣкоторые пункты только болѣе подробно разработаны, въ другихъ же стѣбланы гораздо большія уступки современному государственному строю въ Россіи. Такъ, напримѣръ, въ немъ сохраненъ Государственный Советъ въ его прежнемъ составѣ изъ пожизненню назначаемыхъ монархомъ сановниково вмѣсто предложенной въ „Вольномъ союзѣ“, въ качествѣ второй палаты, „союзной думы“, состоящей изъ депутатовъ, избираемыхъ „областными думами“. Въ своей статьѣ, посвященной сравненію этихъ двухъ проектовъ, С. Степнякъ говорить по поводу этого сходства: „Оба эти проекта представляютъ различное сходство въ наиболѣе существенныхъ чертахъ. Но мы не думаемъ объ-

яснять этого заимствованіемъ. Вѣдь и Драгомановъ не выдумывалъ своего проекта, а лишь приспособлять къ русскимъ условиямъ образцы общественного устройства свободныхъ государствъ, испытанные долголѣтнимъ опытомъ.... Сходство обоихъ проектовъ показываетъ только, что оба составителя признали наиболѣе соответствующими для Россіи один и тѣ же великие образцы⁴. Мы, однако, не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ С. Степняка и думаемъ, что онъ былъ не правъ. Конечно, ни въ одной области законодательства не производилось столько заимствованій, какъ при составленіи конституцій; теперь вообще даже и невозможно выработать конституцію совсѣмъ свободную отъ заимствованій. Но образцы, изъ которыхъ можно заимствовать, чрезвычайно различны, а иногда и прямо противоположны, начиная отъ французскихъ централистически-якобинскихъ и заканчивая американскими и швейцарскими федералистическими конституціями. Что Драгомановъ производить свои заимствованія у американскихъ и швейцарскихъ образцовъ, объясняется тѣмъ, что онъ, будучи украинцемъ, имѣлъ много поводовъ и случаевъ убѣдиться, какимъ зломъ является государственный централизмъ. Съ самого появленія своего за границей, онъ всегда соединялъ пропаганду политической свободы съ борьбою противъ централизма и съ проповѣдью федерализма или, по крайней мѣрѣ, широкаго областного самоуправления. Особенно энергично ему пришлось бороться противъ государственного централизма во всѣхъ его формахъ и видахъ вслѣдствіе того, что русские революціонные круги всегда проявляли симпатію и естественную склонность къ французскимъ якобинскимъ теоретическимъ взглядамъ и тактическимъ пріемамъ. Благодаря этой неустранной противо-централистической проповѣди Драгоманова въ восьмидесятыхъ и первой половинѣ девяностыхъ годовъ и либеральное движение въ Россіи отличалось очень сильными федералистическими симпатіями, въ противоположность чисто революціоннымъ движеніямъ, по большей части централистическимъ. Симпатіи къ федеральному тѣмъ, болѣе естественные для русского либерализма, что онъ, какъ раньше, такъ въ значительной мѣрѣ и въ наше время, опирается на земство. Въ виду этого общаго вліянія Драгоманова на развитіе и пониманіе идей либерализма въ Россіи, мы увѣрены, что и авторъ „Проекта русской конституціи“, опубликованнаго Лондонскимъ фондомъ,

долженъ бытъ испытать на себѣ непосредственное вліяніе какъ идей, такъ и литературныхъ произведений Драгоманова. Очень важнымъ косвеннымъ доказательствомъ нашего мѣнія мы считаемъ то обстоятельство, что въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, истекшія уже послѣ смерти Драгоманова, когда вліяніе его идей естественно сильно ослабѣло, въ русскомъ либерализмѣ начали преобладать симпатіи къ "другимъ великимъ образцамъ" конституціонныхъ учрежденій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно хотя бы въ общихъ чертахъ сравнить проектъ конституціи, изложенный въ "Вольномъ союзѣ" съ "Основнымъ государственнымъ закономъ Российской Имперіи", составленнымъ группой петербургскихъ и московскихъ членовъ "Союза Освобожденія". Въ послѣднемъ обойдеть даже польскій вопросъ. Но самое поразительное то, что этотъ проектъ не расширяетъ компетенцій земствъ и другихъ единицъ самоуправлія и не создаетъ для нихъ гарантій, опредѣляемыхъ самой конституціонной хартией, а предоставляетъ установление этихъ компетенцій и ихъ гарантій обыкновенному законодательству. Проектъ также не предоставляетъ исключительно судебнымъ органамъ рѣшенія споровъ о компетенціяхъ между органами центрального правительства и органами мѣстного самоуправления. Даже при переработкѣ этого проекта "комиссіей бюро общеземскихъ съѣздовъ" въ проектъ не было внесено никакихъ измѣненій въ этихъ пунктахъ. Мы видимъ въ послѣднемъ обстоятельствѣ несомнѣнное доказательство того, что въ то время, какъ энергія и активность въ борьбѣ за общегосударственное представительство неизмѣримо возросли среди земскихъ дѣятелей въ недавно пережитую нами бурную освободительную эпоху, интересъ къ вопросамъ земскаго и вообще мѣстного самоуправлія значительно ослабѣлъ среди нихъ. Только въ послѣднее время, когда несмотря на существование Государственной Думы, общество оказывается бессильнымъ въ борьбѣ за конституціонный строй, все чаще раздаются призывы опереть обновленіе нашего государства на демократизированный земства. Въ противоположность этимъ проектамъ, выработаннымъ различными общественными группами въ послѣдніе годы, проектъ, изложенный въ сочиненіи "Вольный союзъ", выгодно отличается именно тѣмъ, что въ немъ удѣлено особенное вниманіе вопросамъ мѣстного самоуправления; такъ, въ немъ въ самую кон-

ституцію введено определеніе компетенцій единиць мѣстного самоуправления; компетенціи эти значительно расширены, что связано съ созданиемъ болѣе крупной и потому болѣе влиятельной и самостоятельной, чѣмъ губернское земство, единицы самоуправления — областного земства; наконецъ, рѣшеніе спора о границахъ компетенціи между органами мѣстного самоуправления и центральнымъ правительствомъ предоставлено въ немъ исключительно суду. Считаемъ нужнымъ отмѣтить, что гейдельбергскій профессоръ Максъ Веберъ, который, какъ гражданинъ одного изъ западно-европейскихъ государствъ, конечно, лучше знакомъ съ тѣмъ, какъ функционируютъ конституціонныя учрежденія на практикѣ, обратилъ вниманіе на игнорированіе вопросовъ о компетенціи земствъ въ проектахъ, вышедшихъ изъ среды „Союза Освобожденія“, и выдвинулъ въ противоположность имъ преимущества проекта, изложеннаго въ „Вольномъ союзѣ“¹⁾.

Въ своемъ сочиненіи „Вольный союзъ“ Драгомановъ не только сдѣлалъ сводъ всѣхъ предлагавшихся имъ въ различное время рѣшенийъ, программныхъ вопросовъ, но и сгруппировалъ также свои взгляды по вопросамъ тактики. Исходной точкой для рѣшенія всѣхъ тактическихъ вопросовъ для него всегда служило положеніе: „чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“, которое онъ выдвинулъ еще противъ русского правительства, когда предъ русско-турецкой войной указывалъ на неискренность его „освободительной“ политики на Балканскомъ полуостровѣ. И въ полемикѣ съ русскими революціонерами онъ не переставалъ доказывать, что цѣлесообразными средствами въ борбѣ съ русскимъ правительствомъ могутъ быть только безусловно нравственные средства. Въ частности онъ очень много останавливался на нецѣлесообразности вовлечения въ активную политическую дѣятельность и въ нелегальные организаціи учащейся молодежи.

Но особенно замѣчательна его мужественная и настойчивая борьба съ политическимъ терроромъ, какъ средствомъ завоеванія политической свободы. Съ самаго появленія у насъ политического террора онъ опредѣлился выступить противъ

1) Ср. Max Weber. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland. Archiv für Sozialwissenschaft und Socialpolitik. 1906. B. XXII, 1.

него; онъ отнесся съ безусловнымъ осуждениемъ къ террору по поводу события 1 марта, высказавъ свое мнѣніе не только въ своихъ статьяхъ изъ русскихъ изданіяхъ, но и въ особой брошюре, опубликованной по-французски¹⁾, и до конца дней своихъ онъ не переставалъ осуждать всѣ виды политического террора. Теперь, когда русский политический терроризмъ прошелъ всѣ стадии своего развития, приходится изумляться тому, какъ мѣтко Драгомановъ сразу ог҃нилъ значеніе этого способа борьбы съ правительствомъ, и какъ вѣрно онъ предугадалъ всѣ его послѣдствія. Онъ, напримѣръ, предсказалъ, что этотъ методъ борьбы обратится противъ тѣхъ, кто его у настъ выдвинулъ, что въ рукахъ правительства и реакціонныхъ партій онъ превратится въ сильнейшее орудіе борьбы со всѣмъ освободительнымъ движениемъ и съ самымъ принципомъ политической свободы. Аргументація Драгоманова въ этомъ вопросѣ настолько интересна и характерна для него, что лучше всего предоставить слово ему самому. „При томъ политическомъ порядкѣ,—говоритъ онъ,—какому подчинена теперь Россія, и въ такое время, какое она теперь переживаетъ, никто не можетъ поручиться за себя, что онъ не совершилъ убийства, которое будетъ имѣть политический характеръ. Но скольконибудь дальновидные политические дѣятели, а тѣмъ болѣе сторонники политической свободы, должны избѣгать всего, что можетъ имѣть значеніе возведенія убийства въ систему политической борьбы, или придать убийству видъ принципиально-законного дѣйствія. Во-первыхъ, это сузило бы самую политическую борьбу, направивъ ее болѣе противъ личностей, чѣмъ противъ известного порядка, и придавъ ей поверхностный характеръ и въ сущности болѣе легкій задачи, а во-вторыхъ, и главное, признавая убийства за законный способъ политической борьбы, сторонники политической свободы созѣствовали бы поддержкѣ отрицаемаго ими принципа и подрывали бы собственное будущее. Въ особенности, это стѣдуетъ сказать о тѣхъ сторонникахъ политической свободы, которые придаютъ преимущественное значеніе огражденію интересовъ лица, правамъ человѣка и гражданина, а всѣмъ общественнымъ

1) См. *Le tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale*. Par M. Dragomanov. Genève, 1881. Русск. перев. см. „Собрание политическихъ сочинений“ М. И. Драгоманова, изд. ред. „Освобожденія“, Paris, 1906, т. II, стр. 344 и сл.

формамъ и учрежденіямъ удѣляютъ значеніе лишь постольку, поскольку они обезпечиваютъ эти интересы и права. Неприкосновенность жизни есть, конечно, первое изъ правъ личности и въ настоящее время наиболѣе развитые люди пришли къ полному и безусловному отрицанію всякаго рода смертной казни даже при самыхъ широкихъ гарантіяхъ судебнай справедливости. Но убийство по личному замыслу не можетъ бытьничѣмъ другимъ, кромѣ дѣйствія личнаго произвола, и какъ бы ни были благонамѣренны его мотивы, оно все-таки остается произволомъ; убийство же по постановленію тайного политическаго общества есть прежде всего казнь по приговору тайного суда безъ выслушанія защиты подсудимаго,—суда, члены котораго суть вмѣстѣ и обвинители, и свидѣтели, и судьи, т.-е. это дѣйствіе прямо деспотическое. Если убийство по личному замыслу можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ оправдано вызвавшими его обстоятельствами, то возведеніе тайного суда заговорщиковъ въ дѣйствіе законное не можетъ бытьничѣмъ инымъ, какъ подрываниемъ въ общественномъ сознаніи идеи о правахъ человѣка и гражданина; послѣдній же по самому смыслу понятія свободы должны стоять выше всего въ общественному порядкѣ, и нарушеніе ихъ не можетъ пройти безнаказанія для всего этого порядка и его развитія, и въ первой линіи не можетъ остаться безнаказаннымъ для тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые желаютъ прогрессивнаго развитія общества, и которые, какъ находящіеся чаще всего въ меньшинствѣ, вслѣдствіе нуждаются въ гарантіяхъ своего существованія. Всі исторія политическихъ убийствъ въ цивилизованныхъ странахъ говоритъ въ пользу справедливости этого утвержденія и противъ того мнѣнія, опыты распространенія котораго были недавно дѣлаемы въ Россіи, а именно, будто политическія убийства составляютъ особенно удобный (и притомъ новыи) прогрессивно-революціонный способъ дѣйствія". Затѣмъ Драгомановъ подробно останавливается на исторіи политическихъ убийствъ и такъ называемыхъ „народныхъ расправъ“, вызванныхъ борьбою партій. Выводъ, къ которому онъ приходитъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ и пророчествомъ по отношенію къ Россіи. „Всѣ эти факты доказываютъ, — говоритъ онъ, — что убийства представляютъ для политическихъ партій, по крайней мѣрѣ, орудіе обьюдоострое, а потому и мало надежное для дѣла измѣненія извѣстнаго политическаго порядка и установ-“

вленія другого. Мало того, факты эти, по нашему мнѣнію, дают основаніе ожидать, что въ Россіи (въ которой правительство теперь такъ напоминаетъ правительство неаполитанскихъ Бурбоновъ) монархическая реакція въ трудныхъ для нея обстоятельствахъ сама прибѣгнетъ къ политическимъ убийствамъ и къ расправамъ какихъ-нибудь московскихъ мясниковъ. Поэтому мы думаемъ, что участники организованной борьбы за политическую свободу въ Россіи, вмѣсто того, чтобы увлекаться обоядоострою политикой страстей и непосредственныхъ чувствъ, должны заблаговременно приготовиться къ парализированію подобныхъ вышеупомянутыхъ пріемовъ: реакціи путемъ широкой пропаганды истинно свободныхъ политическихъ идей и прочной организации для защиты свободныхъ учрежденій, осуществимыхъ только при децентрализациіи представительного правлениія¹⁾.

Идеи Драгоманова очень мало гармонировали съ распространенными въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ политическими течениями въ русскомъ обществѣ. Онѣ были осенюю далеки и чужды нѣкоторымъ слоямъ русской революціонной интеллигенціи. Это приводило часто къ несправедливымъ и жестокимъ полемическимъ выходкамъ противъ него. Но политическая проницательность и публицистическая заслуги Драгоманова не могли не быть оцѣнены хотя бы нѣкоторыми изъ наиболѣе видныхъ представителей русского революціонного движенія. Слѣдующія строки изъ посланнаго въ 1894 году къ празднованію тридцатилѣтія литературной дѣятельности Драгоманова привѣтствія, подписаннаго С. Степнякомъ (Кравчинскимъ), Е. Лазаревымъ и Ф. Волхонскимъ, показываютъ, какъ высоко ставили они заслуги Драгоманова въ дѣлѣ политического развитія Россіи: „Україна, давнія наші величайшаго изъ нашихъ художниковъ слова, основателя русской беллетристики и множество первоклассныхъ поэтовъ, артистовъ, музыкантовъ и ученыхъ, можетъ гордиться тѣмъ, что въ трудную эпоху формирования политическихъ партій въ Россіи выдвинула одного изъ крупнейшихъ политическихъ мыслителей нашего времени, который болѣе кого-либо изъ современниковъ способствовалъ выведенію русской революціонной интеллигенціи изъ того идей-

1) Ср. М. П. Драгомановъ. „Собрание политическихъ сочиненій“. Изд. ред. „Освобожденія“, Paris, 1905, т. I, стр. 364—372.

наго хаоса, въ которомъ она находилась лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Сознательно или безсознательно, охотно или затыкая уши, русскіе революціонеры почти всей своей массой идутъ по тому пути, который Драгомановъ предвидѣлъ и не представлять указывать съ первыхъ дней своего появленія за границей. Многія изъ его практическихъ положеній и указаний, основанныхъ на подробномъ изученіи политического организма современной Россіи и на глубокомъ знаніи политической исторіи передовыхъ народовъ образованнаго міра, до такой степени опережаютъ событія, что могутъ быть оцѣнены и утилизированы только послѣ совершенія политического переворота, который дастъ Россіи возможность организоваться и устроиться сообразно своимъ желаніямъ и потребностямъ. Они могутъ быть названы его политическимъ настѣдствомъ, завѣщаннымъ потомству—надѣемся, не весьма отдаленному¹⁾.

Політическія сочиненія Драгоманова на русскомъ языкѣ довольно полно характеризуютъ его, какъ борца за права личности и политическую свободу, и какъ проповѣдника федералистическихъ началь, но они недостаточно хорошо знакомить съ нимъ, какъ съ украинцемъ и соціалистомъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ своихъ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ онъ обращается ко всему русскому обществу и пишетъ на темы, интересующія его все. И хотя онъ при этомъ всегда говорить, какъ украинецъ и соціалистъ, его взгляды по украинскимъ и соціалистическимъ вопросамъ вырисовываются менѣе полно, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ непосредственно обращается къ своимъ землякамъ и къ тѣмъ общественнымъ слоямъ, въ которыхъ онъ считалъ нужнымъ вести по преимуществу пропаганду соціализма. Для знакомства съ дѣятельностью Драгоманова, какъ украинца и соціалиста, надо обращаться къ его сочиненіямъ на украинскомъ языкѣ и изъ нихъ, главнымъ образомъ, къ тѣмъ, которая напечатаны въ пяти томахъ сборника „Громада“, издававшагося имъ въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1878 по 1882 г. въ Женевѣ, и въ журнальѣ „Народ“, выходившемъ шесть лѣтъ, съ 1890 по 1895 г. во Львовѣ.

¹⁾ Ср. М. Павлик, „Михаїл Петрович Драгоманов, 1841 — 1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і список творів“. Львів, 1896.

Говоря о трудящейся народной массѣ, Драгомановъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, крестьянство и потому выдвигать на первый планъ аграрный социализмъ. Всѣдѣствие этого, какъ социалистъ, онъ можетъ быть названъ народникомъ. Но народническое направление его соціализма обусловливалось, съ одной стороны, тѣмъ, что города и городская жизнь въ 70-хъ и 80-хъ годахъ были развиты весьма слабо, особенно на югѣ Россіи, а съ другой—тѣмъ, что украинскій народъ, къ которому были обращены его соціалистическія сочиненія, состоять почти исключительно изъ крестьянъ. Съ идеинамъ русскимъ народничествомъ у него не было ничего общаго. Ему былъ одинаково чуждъ какъ централистической социализмъ Лаврова, окрашенный въ марксизмъ того времени и разрабатывавшійся въ органѣ Лаврова „Впередъ“, такъ и бланкистскій заговорщицкій социализмъ Ткачева съ его органомъ „Набатъ“. Изъ западно-европейскихъ соціалистовъ Драгомановъ болѣе всего почерпнулъ свои идеи у Прудона. Готовность признать идеаломъ самыя крайнія формы федерализма, граничившія съ анархіей, сближала его съ Бакуниномъ. Но отъ Бакунина его отталкивало отрицаніе постѣднимъ современной культуры и переходныхъ формъ государственности, особенно отрицаніе имъ современного правового государства.

Въ первомъ томѣ сборника „Громада“, Драгомановъ развилъ свою программу идеального строя, основанаго на федеративныхъ отношеніяхъ между общинами. Вотъ какъ онъ рисуетъ его: „Въ ассоціацій, въ равенствѣ и въ общемъ завѣдываній всѣмъ тѣмъ, что нужно людимъ, заключается основа свободы какъ для народовъ, имѣющихъ свои государства, такъ и для не имѣющихъ ихъ“. Но „такая большая группа людей, какую представляетъ изъ себя украинскій народъ, не можетъ составлять одну ассоціацію, иначе она перестала бы быть свободной ассоціаціей. Она должна превратиться въ ассоціацію ассоціацій, въ союзъ общинъ, свободныхъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ какія-нибудь общинны будуть принуждены дѣлать не то, что онѣ хотятъ, и работать не тамъ, где онѣ живутъ“. „Не будетъ одинаковой для всѣхъ свободы и тогда, когда кто-нибудь будетъ дѣлать все за другого, какъ это принято въ представительныхъ государствахъ. Выборный представитель только въ томъ случаѣ не превратится въ начальство, если онъ лишь исполнитъ то порученіе, которое было

на него возложено избравшимъ его, знавшимъ впередъ, въ чёмъ дѣло, и указавшимъ, какъ его надо решить. Поэтому ясно, что действительно свободными могутъ быть только маленькия государства или, правильнѣе, ассоціаціи, общини. Действительно, свободныи союзомъ можетъ быть только союзъ общинъ, которая непосредственно или черезъ депутатовъ, избранныхъ для решения каждого отдельного вопроса, сносятся съ другими общинами, съ которыми имъ легче, ближе и полезнѣе всего быть въ союзѣ, для того, чтобы устраивать общія дѣла и помогать другъ другу. Разсуждая дальше, мы придемъ къ заключенію, что и община только въ томъ случаѣ будетъ дорога каждому, если она не будетъ никого заставлять принадлежать или не принадлежать къ ней. И община должна быть союзомъ вольныхъ людей. Дойти до того, чтобы союзы людей какъ больши, такъ малые состояли изъ такихъ свободныхъ людей, которые добровольно сошлись для общей работы и взаимной помощи, — это и есть та цѣль, къ которой стремятся люди, и которая не имѣеть ничего общаго съ современными государствами, каково бы ни было ихъ устройство, являются ли они представительными, или не представительными. Эта цѣль называется анархией (беззначательствомъ); она состоитъ въ свободѣ каждого человѣка и въ свободной ассоціаціи, или союзѣ людей и общинъ". Но нарисовать эту идеальную цѣль, онъ черезъ какой-нибудь десятокъ страницъ указываетъ и на болѣе конкретные задачи. Мы думаемъ, — говоритъ онъ, — что нашему народу надо добиваться и тѣхъ перемѣнъ, которая, какъ показываетъ примеръ всѣхъ другихъ странъ Европы, должны произойти въ Россіи гораздо раньше, чѣмъ значительная часть нашихъ общинъ пойметъ необходимость полнаго измѣненія всего соціального строя; намъ необходимо добиваться отмены царскаго и бюрократического самовластія, которая, несомнѣнно, будутъ замѣнены представительнымъ правительстvомъ, т.-е. конституціоннымъ строемъ. При теперешнемъ положеніи Россіи, которая ужъ черезчуръ явно существуетъ на крестьянскія деньги, даже въ господскомъ собраніи депутатовъ, избранныхъ отъ всего государства, необходимо подымется вопросъ о крестьянскихъ податяхъ и о надѣлѣніи крестьянъ землею. А одинъ вопросъ объ этомъ поведеть къ тому, чтобы открыть глаза крестьянамъ на всѣ государственные и общественные порядки, и вызоветъ

далыгейшія требованія и перемѣны"¹⁾. Затѣмъ, обращаясь къ украинской интеллигенціи, особенно молодой, оканчивающей университеты, онъ призывалъ ее селиться среди украинского народа для того, чтобы вести пропаганду соціализма. Онъ доказывалъ, однако, что соціализмъ осуществимъ только при общемъ культурномъ подъемѣ народныхъ массъ и потому соціалисты не могутъ ограничиваться лишь созданиемъ соціалистической партии и веденiemъ пропаганды соціализма, а должны участвовать во всей культурной жизни своего народа. Въ этомъ пункте, который онъ, правда, не вполнѣ удачно формулировалъ въ требованіяхъ, чтобы „соціалисты на Украинѣ составляли не партію, а общину (громаду)“, онъ встрѣтилъ особенно много возражений со стороны русскихъ и украинскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, которые считали нужнымъ сосредоточить всѣ свои силы исключительно на пропагандѣ соціализма и крайне пренебрежительнно относились къ культурному подъему народныхъ массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Драгомановъ былъ сторонникомъ того взгляда, что соціализмъ осуществимъ только эволюціоннымъ путемъ. Въ одной изъ своихъ статей въ „Вольномъ Словѣ“ онъ подвергаетъ критикѣ взгляды соціалистически-анархического журнала „Le Revolté“ и стѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свое отношеніе къ революціонному и эволюціонному соціализму: „Самоопонятіе соціальной революціи не имѣть смысла, если понимать слово революція въ обычномъ значеніи гражданской войны... Революція, какъ вооруженное восстание извѣстного меньшинства (большинству ничего неставитъ), есть понятіе круга отношеній политическихъ, государственныхъ, и тамъ имѣть полный смыслъ, ибо извѣстного меньшинства бываетъ достаточно для ниспроверженія данного вѣтшаго государственного строя и установленія другого, хотя не всегда бываетъ достаточно для упроченія его. Но что можетъ сдѣлать какое-либо меньшинство въ такомъ дѣлѣ, какъ установление общаго пользованія имуществами, требующемъ добровольнаго соглашенія и высокаго нравственнаго развитія отъ огромнаго большинства населенія?! Тутъ и не очень крупное большинство недостаточно“. „Для того же,—продолжаетъ

1) Ср. М. Драгоманов. Переднѣе слово до „Громади“, Женева, 1878, стр. 39, 40, 41 и 50. Всѣ вышеприведенные отрывки переведены съ украинскаго.

онъ далѣе, заканчивая свою мысль,—чтобы люди могли прочно замѣнить старый порядокъ новымъ, особенно такимъ сложнымъ, какъ націонализациѣ или даже интернаціонализациѣ собственности, надо, чтобы они имѣли въ умахъ готовый планъ такой организаціи, какой вырабатывается, или, лучше сказать, вырастаетъ рядомъ опытовъ въ постоянной разносторонней борьбѣ съ отживающимъ порядкомъ и въ такихъ же попыткахъ установления новыхъ порядковъ. Этотъ ростъ и составляетъ общественную эволюцію, въ которой военные дѣйствія, какъ взрывы классовой ненависти, бунты и революціи, конечно, неизбѣжны, но въ которой они составляютъ только часть и притомъ далеко не самую существенную". То же онъ повторяетъ и въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ, опредѣляя здесь вмѣстѣ съ тѣмъ и свою тактику въ австрійской и русской Українѣ. „Будучи соціалистомъ по своимъ идеаламъ,— пишетъ онъ,— я убѣждень, что осуществленіе этого идеала возможно только въ извѣстной постепенности и при высокомъ развитіи массъ, а потому и достижимо болѣе при посредствѣ умственной пропаганды, чѣмъ кровавыхъ возстаній. Такъ какъ Україна—моя родина—раздѣлена на двѣ части, австрійскую и россійскую, и такъ какъ въ первой существуетъ извѣстная политическая свобода, которой въ Россіи нѣть, то, по - моему, дѣятельность соціалистовъ въ каждой части должна быть разная: въ Австріи возможно приступать къ организаціи собственно соціалистической партіи изъ рабочихъ и крестьянъ русиновъ въ союзѣ съ поляками и евреями, въ Россіи же нужно прежде всего добиться политической свободы; соціалистическая же идеи могутъ быть пока распространяемы въ Россіи только научно-литературнымъ способомъ. Получить же политическую свободу въ Россіи украинская нація, по моему мнѣнію, можетъ не путемъ сепаратизма, а только вмѣстѣ съ другими націями и областями Россіи путемъ федерализма".

Говоря о Драгомановѣ, какъ о соціалистѣ, нельзя не указать на то, что онъ первый настаивалъ на необходимости для соціалистовъ различныхъ національностей Россіи вести пропаганду соціализма въ знакомой имъ средѣ своей національности и притомъ на своеимъ національномъ языке. Вопреки, конечно, шелъ прежде всего обѣ угнетенныхъ или такъ называемыхъ плебейскихъ національностяхъ, отчасти лишенныхъ своей интеллигентіи и имѣющихъ сравнительно бѣдныя націо-

нальная литературы, а не о национальностяхъ господствующихъ — польской и великорусской, которая поглощали значительную часть интеллигентныхъ силъ у угнетенныхъ национальностей. О действительномъ осуществлении этого насущнѣйшаго требованія для успѣха соціалистической пропаганды Драгомановъ самъ разсказываетъ въ своихъ статьяхъ, написанныхъ въ 1881 году. „Прежде всего, — говоритъ онъ, — сорганизовались совершенно отдельно отъ „русскихъ“ соціалисты украинскіе, начавши въ 1875 г. печатать свои изданія въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ и Львовѣ. Съ 1878 г. появляются соціалистическіе брошюры новыхъ польскихъ соціалистовъ и затѣмъ программа „польскихъ соціалистовъ“. Около того же времени принимаются за свою организацію и бессарабскіе выходцы въ Румыніи. Наконецъ въ 1880 году въ Женевѣ печатается воззвание отъ группы „соціалистовъ-евреевъ“, предлагающее печатаніе книгъ для пропаганды среди еврейскаго рабочаго населенія на востокѣ Европы на живыхъ его языкахъ (въ 1877 г. была сдѣлана покойнымъ Либерманомъ попытка соціалистическаго изданія на древнееврейскомъ языкѣ). Указывая затѣмъ на тѣ трудности, съ которыми украинцы боролись, и который имъ еще придется преодолѣть, идя по этому пути приспособленія соціалистической пропаганды по формѣ къ своей национальности, Драгомановъ въ заключеніе говоритъ: „Но раньше или позже украинскіе соціалисты-федералисты не только будуть имѣть за собою украинскій народъ, который и теперь все же представляетъ массу до 20.000.000 человѣкъ, но увидятъ рядомъ съ собою федерально-соціалистическая партіи: эстонскую, латышскую, литовскую, белорусскую, словацкую, словинскую, румынскую, кавказскія, кружки еврейскіе, а также здоровые отъ государственно-национальной заразы элементы партій великорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ. Нѣкоторые признаки такого свѣтлого будущаго видны уже и теперь“. Мы знаемъ въ настоящее время, что эта национализація соціализма, конечно, по формѣ, а не по идеямъ, которую Драгомановъ первый выставилъ, какъ самую насущнѣю потребность, за которую онъ всю жизнь боролся и превращеніе которой въ реальный фактъ онъ опредѣленно предсказалъ, осуществлена въ современномъ соціальномъ-революціонномъ и особенно въ соціаль-демократическомъ движеніи въ Восточной Европѣ. Только будущій историкъ смѣжетъ

опредѣлить, насколько идеи Драгоманова повліяли на развитие самостоятельного соціалистического движения въ той или другой изъ вышеназванныхъ национальностей. Интересно, однако, отмѣтить, что иѣкоторыя национальности, у которыхъ въ начаѣ восьмидесятыхъ годовъ соціалистическое движение еще не возникло или только зарождалось, какъ латыши и евреи, теперь значительно опередили украинцевъ широтой своего соціалистического движения и силою своихъ соціалистическихъ организаций. Это зависѣло, конечно, не отъ большей пассивности украинскихъ соціалистовъ, а отъ того, что имъ приходилось бороться съ большими трудностями, такъ какъ въ украинскомъ народѣ слабѣе распространена грамотность, а национальная культура подавлялась въ немъ мѣрами, которыя составляли исключение даже въ самодержавной Россіи. Но если Украина отстала отъ иѣкоторыхъ другихъ национальностей, принадлежащихъ Россіи, по силѣ и интенсивности своего соціалистического движения, то зато она выдвинула такого первокласснаго соціально-политического мыслителя и дѣятеля, какъ Драгомановъ, а это является лучшимъ залогомъ будущаго.

Драгомановъ постоянно указывалъ на то, что онъ украинецъ, отмѣчая такимъ образомъ свою принадлежность къ украинской націи, но национализмомъ онъ никогда не былъ. На упрекъ въ национализмѣ, сдѣленный его украинскимъ изданиемъ органомъ Лаврова „Впередъ“, онъ отвѣчалъ: „Считать настъ националистами можетъ только тотъ, кто никакъ не можетъ привыкнуть къ тому, что есть люди, говорящіе о тѣхъ национальностяхъ, о которыхъ молчитъ государственная и господская школа, и кто поэтому не вспоминаетъ о „национализмѣ“, когда слышитъ о соціалистическихъ партіяхъ иѣменской, французской, польской и даже о какой-то „всероссійской“ партіи, но сейчасъ же вспоминаетъ о немъ, какъ только подымается разговоръ о мужицкихъ и негосударственныхъ национальностяхъ“¹⁾. Поэтому Драгомановъ быть безусловнымъ противникомъ политики национального сепаратизма и даже, будучи прежде всего реальнымъ политикомъ, не считать нужнымъ настаивать въ данный моментъ на осуществлениіи национально-

1) Ср. „Громада“. Українська збірка впорядкована Михайлломъ Драгомановимъ, № 4. Женева, 1879, стр. 361.

политической и административной автономии Украины, какъ іѣлаго, такъ какъ признавалъ автономію болѣе мелкихъ областей гораздо легче осуществимой и болѣе согласной съ принципомъ децентрализации; при этомъ онъ бытъ уѣбренъ, что и въ рамкахъ областной автономии могутъ быть удовлетворены всѣ главныя специальнно-украинскія нужды. Такъ, напримѣръ, въ программѣ, изложенной въ сочиненіи Драгоманова „Вольный союзъ“, совсѣмъ не подымается рѣчь о национальной автономии Украины, какъ таковой; напротивъ, въ ней выдвигается, какъ основное требование, только созданіе областной автономіи для всей Россіи, при чёмъ, по плану автора, в частности на территории Украины должно было быть образовано иѣсколько областей. О преимуществѣ областной автономіи для решенія национального вопроса Драгомановъ говоритъ и въ своемъ автобиографическомъ очеркѣ. „Въ рамкахъ этой автономіи, — утверждаетъ онъ, — я полагать и разрешеніе национальныхъ вопросовъ въ Россіи, высказываясь такимъ образомъ противъ всякихъ сепаратизмовъ и даже национализмовъ на австро-венгерскій ладъ за такое разрешеніе национального вопроса, какое, напримѣръ, существуетъ въ Швейцаріи, где ни вся страна ни даже кантоны вовсе не раздѣлены по расовому принципу, и какое вырабатывается въ Бельгіи между фланандцами и валлонами“.

Можно пожалѣть, что благодаря крайне ненормальнымъ условіямъ, въ которыхъ развивалось русское и украинское общество въ послѣднія десятилѣтія, эта скорѣе широкая, чѣмъ узкая программа не удовлетворяетъ больше современныхъ украинцевъ. Господствующее направление въ современной украинской прессѣ безусловно националистическое, и основное требование, которое выдвигается нынѣшними политическими писателями и дѣятелями, заключается въ национально-политической автономіи Украины ¹⁾). Это результатъ того, что политические вопросы до самаго послѣдняго времени не подлежали открытому обсужденію въ литературѣ, и даже еще недавно политическая сочиненія Драгоманова были запрет-

¹⁾ См. *О правахъ национальностей и о децентрализации* Докладъ бюро съезду земскихъ и городскихъ дѣятелей 12—15 сентября 1905 г. Москва, 1906. Изд. „Народное Право“. Проф. М. Грушевскій. „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“. Сіб., 1907. Ср. та же программы „Украинской радикальной партии“ и „Украинской радикально-демократической партии“.

нымъ плодомъ въ Россіи. Всѣдѣствіе такого положенія культурный и литературный центръ Украины изъ своего естественного средоточія — Кіева перешелъ во Львовъ подъ защиту австрійской конституції, ненормальность чего была признана Императорской Академіей Наукъ, въ докладной запискѣ о положеніи малорусской литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось и идеиное влияніе на украинскую интеллигенцію той специфически австрійской общественной и умственной атмосферы, которая создается непримиримой и озлобленной борьбой націй въ Австро-Венгрии. Но, конечно, это только объясненіе, а не оправданіе того националистического направленія, которое являетъ преобладающимъ въ современной украинской интеллигенціи. Оправдать его нельзя, такъ какъ оно продиктовано больше чувствами и страстиами, чѣмъ здравымъ смысломъ.

Въ противоположность той или другой формѣ политического обособленія, Драгомановъ видѣлъ самую настоятельную потребность Украины въ культурно-национальномъ самоопределѣніи ея. Только развитіе самостоятельной украинской культуры можетъ поднять культурный уровень украинскихъ народныхъ массъ и ввести Украину въ семью европейскихъ цивилизованныхъ народовъ. Для осуществленія этого онъ признавалъ необходимымъ развитіе и всестороннее обогащеніе украинской литературы. Въ его болѣе раннихъ статьяхъ замѣтно иѣкоторое колебаніе при решеніи вопроса о значеніи и роли украинской литературы, но въ позднѣйшихъ работахъ, написанныхъ за границей, эти колебанія исчезли. Въ нихъ онъ является непримиримымъ врагомъ идеи „украинской литературы для домашняго обихода“, такъ какъ признаетъ ее непрактичной и неэкономной. При существованіи двухъ литературъ, украинская интеллигенція продолжала бы быть оторванной отъ украинскихъ народныхъ массъ, что составляетъ главное несчастье Украины. Но въ то же время близость и единство украинской литературы съ общерусской или великорусской, по его мнѣнію, чрезвычайно полезно и цѣнно для Украины. Значеніе этой близости еще усиливалось изъ его глазахъ тѣмъ, что, какъ онъ твердо вѣрилъ, русская литература пріобрѣтетъ всеславянское и даже міровое значеніе.

Къ концу восьмидесятыхъ годовъ правительственный и общественная реакція въ Россіи достигла своего высшаго развиція. Поэтому начало девяностыхъ годовъ было самыемъ глухимъ временемъ для русской заграничной прессы. „Свободная Россія“ и „Самоуправлініе“ выходили недолго и прекратились еще въ 1889 году. Въ первомъ изъ этихъ журналовъ Драгомановъ опубликовалъ свои замѣтительныя статьи по исторіи борьбы земствъ за политическую свободу и представительныя учрежденія въ Россіи. Безъ этихъ статей извѣстная записка Витте о земствахъ¹⁾, изданная за границей редакціей „Освобожденія“, не была бы такъ богата и интересна по своимъ фактическимъ данныемъ. Это признаетъ даже нисколько не расположенный къ либерализму вообще и къ Драгоманову въ частности Ленинъ въ своей статьѣ объ этой запискѣ въ соціаль-демократическомъ журнальѣ „Заря“, где онъ указываетъ на то, что „авторъ записки г. Витте частенько не указываетъ, что онъ списываетъ Драгоманова, хотя въ другихъ мѣстахъ онъ на него ссылается“²⁾. Другихъ русскихъ заграничныхъ органовъ въ это время еще не возникало, а старые журналы прекращали свое существование; даже „Общее Дѣло“, просуществовавшее почти четырнадцать лѣтъ, перестало выходить въ 1890 году. Правда, въ Нью-Йоркѣ съ 1891 года въ теченіе несколькиихъ лѣтъ выходилъ журналъ „Прогрессъ“, но онъ издавался больше для заграничныхъ русскихъ колоний, чѣмъ для Россіи. А „Летучіе листки фонда вольной русской прессы въ Лондонѣ“ появились только въ 1894 году и имѣли притомъ по преимуществу информаціонный характеръ. Но и въ эти послѣдніе годы своей жизни Драгомановъ, не имѣя возможности писать на политическая темы по-русски, оказали громадную услугу русскому освободительному движению, издавъ два тома въ высшей степени цѣнной переписки Герцена и Огарева съ Тургеневымъ, Кавелинымъ и Бакунинымъ.

Однако главная заслуга Драгоманова передъ русскимъ освободительнымъ движениемъ въ эту глухую пору для общественной и политической жизни въ Россіи заключалась въ той политической пропагандѣ, которую онъ велъ въ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ „Народѣ“, органѣ „русско-украинской

1) Ср. гр. С. Ю. Витте. „Самодержавіе и земство“. Спб. 1908.

2) Ср. Вл. Ильинъ. „За 12 лѣтъ“. Собрание статей. Спб. 1908, т. I, стр. 154.

радикальной партії", возникшемъ въ 1890 году въ Галиції подъ влінніемъ политическаго оживленія среди галицкихъ русиновъ-українцевъ. Въ „Народѣ“ Драгомановъ писалъ по политическимъ вопросамъ, касавшимся не только одной Україны, но и всей Россіи. Благодаря „Народу“, и статьямъ Драгоманова въ немъ, Україна на одинъ моментъ даже опередила Великороссію. Українская молодёжь очень усердно распространяла получавшиеся по почтѣ и перевозимые контрабандой номера „Народа“, и его агітациія подготовила, между прочимъ, чрезвычайно быстрое распространеніе соціаль-Демократическихъ ідей на югѣ Россіи въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлого столѣтія. Насколько марксистское, а затѣмъ и соціаль-демократическое движение на югѣ Россіи развивалось параллельно съ агітацией „Народа“, можно судить по тому, что первый переводъ на русскій языкъ „Эрфуртской программы“ Каутского былъ изданъ въ 1894 году въ Галиції и печатался въ той же типографіи въ Коломїї, въ которой то гда печатался „Народ“. Подготовительной агітацией „Народа“ отчасти объясняется также и то обстоятельство, что передъ и во время первого съѣзда „Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партиї“ югъ Россіи и въ частности Кіевъ занимали передовое мѣсто въ русскомъ соціаль-демократическомъ движении и редактировавшаяся въ Кіевѣ „Рабочая Газета“ была признана первымъ центральнымъ органомъ партіи.

Кромѣ отдельныхъ статей по разнымъ политическимъ вопросамъ, Драгомановъ опубликовалъ въ „Народѣ“ двѣ серіи статей подъ заглавіемъ „Чудацкі думкі про українську національну справу“ и „Листи на Наддніпрянську Україну“, которыя вышли и отдельными книжками. Онѣ составляютъ pendant къ его „Исторической Польшѣ и великорусской демократіи“. Въ нихъ онъ разсмотрѣлъ исторически и критически все украинское движение и отнесся ко всему националистическому и особенно шовинистическому въ немъ съ безпощаднымъ осужденіемъ. Но безусловно отвергая национализмъ, онъ не отвергаетъ значенія для человѣчества націи, какъ таковой; онъ не считаетъ ее лишь пережиткомъ давняго прошлого и явленiemъ антикультурнымъ, подобно некоторымъ другимъ соціально-политическимъ мыслителямъ. Напротивъ, въ результатѣ своихъ размышлений о значеніи націи и національности онъ пришелъ къ убѣждению, что она имѣеть громадную со-

циальную и культурно-политическую цѣнность для человѣка. Цѣнность націи заключается, однако, по его мнѣнію, не въ национальныхъ святыняхъ („народныхъ святощахъ“), какъ утверждаютъ националисты, а въ томъ, что она является извѣстной формой солидарности между людьми. Подвергнувъ критикѣ теорію национальныхъ святынь, онъ доказалъ, что всѣ они, кроме национального языка, представляютъ довольно сомнительную цѣнность. Но и национальный языкъ онъ отказался признать святыней, а признавать за нимъ цѣнность только, какъ за орудіемъ культуры и цивилизаций. Да и солидарность, создаваемую націей, онъ цѣнилъ лишь постольку, поскольку она составляетъ основаніе и средство для осуществления высшихъ соціальныхъ и политическихъ идеаловъ европейской цивилизаций. Взглядъ Драгоманова на цѣнность націи, какъ формы солидарности между людьми, заслуживаетъ особаго вниманія. Обыкновенно игнорируютъ это значеніе націи. Въ послѣднее время, благодаря почти исключительному господству въ умахъ интеллигентныхъ людей, особенно молодежи, соціологическихъ доктрины Маркса, единственной цѣнной формой солидарности между людьми признаютъ классовую солидарность. При этомъ, однако, часто забываютъ, что не всякая классовая солидарность представляетъ соціально-культурную цѣнность. Солидарность аграрныхъ и промышленныхъ капиталистовъ, конечно, вполнѣ естественно возникаетъ среди всеобщей борьбы классовъ, но она не представляетъ цѣнности съ точки зрѣнія идеала соціального и политического устройства, или, вѣрѣе, цѣнность ея съ этой точки зрѣнія прямо отрицательна. Дѣйствительною цѣнностью изъ всѣхъ классовыхъ солидарностей обладаетъ единственно солидарность, созданная общностью классовыхъ интересовъ трудовыхъ массъ вообще и пролетариата въ частности. Но и цѣнность этой солидарности основана не на томъ, что она классовая, какъ многие ошибочно думаютъ, а на томъ, что въ конечномъ счетѣ она должна обратиться въ национальную, т.-е. охватить всю націю и уничтожить раздѣленіе ея на классы. Если не теперь, то въ будущемъ, пролетариатъ необходимо составить большинство націи, а его идеалъ долженъ быть осуществленъ, какъ идеалъ всей трудящейся націи. Такимъ образомъ въ идеалѣ классовая солидарность пролетариата или вообще рабочаго люда совпадаетъ съ национальной солидарностью. На это,

правда, возразить, что Марксъ требуетъ не национальной, а интернациональной солидарности. Это возраженіе основано, однако, на недоразумѣніи. Субъектомъ интернациональной солидарности являются не отдельные оторванные отъ своихъ націй индивидуумы, а индивидуумы, входящіе въ национальныя группы и организаціи или сами эти национальныя группы. Интернациональная солидарность потому и называется интернациональною, что она создается между націями или национальными коллективностями. Это выражено и въ лозунгѣ: „Пролетаріи всѣхъ странъ (т.-е. націй) соединяйтесь“.

„Чудацкі думки про українську національну справу“ и „Листи на Надніпрянську Україну“ — это лучшее, наиболѣе продуманное и зрѣлое изъ всего написанного Драгомановымъ на политическая темы. Разматривая въ этихъ книгахъ вообще вопросъ о национальности, онъ дѣлаетъ въ нихъ также обзоръ культурного развитія негосударственныхъ націй во всей Европѣ. Только на фонѣ этой общей картины усвоенія и претворенія идеи европейской цивилизаціи различными национальностями становится понятнымъ и получаетъ свое оправданіе, по его мнѣнію, и страстное стремленіе лучшихъ представителей украинской націи къ национально-культурному самоопределѣнію Украины. Эти двѣ книги, заключающія изложеніе идеи Драгоманова о национальности, которыхъ мы могли здѣсь только коснуться, являются продолженіемъ одна другой и составляютъ какъ бы два выпуска одной и той же книги, которая должна бы быть названа „Национальный вопросъ на Українѣ“. При этомъ невольно возникаетъ въ памяти одна замѣчательная русская книга, которая носить похожее название, — это „Национальный вопросъ въ Россіи“ Вл. С. Соловьева; въ этихъ двухъ книгахъ, принадлежащихъ представителямъ двухъ русскихъ народностей, очень много общаго. Мы склонны думать, что русскія народности внесутъ въ мировую цивилизацию новое пониманіе национального вопроса и помогутъ его решить, указавъ для этого новые пути. Въ то время, какъ западно-европейскіе народы выдвинули для своихъ национальностей чисто эгоистическіе идеалы — вигнанное могущество, промышленное и торговое превосходство, военную и литературную славу, въ Россіи самый глубокій мыслитель ея указалъ для своей націи исключительно этическіе идеалы и проповѣдывалъ самоотреченіе и отказъ отъ націо-

иального эгоизма. Но онъ прямо исходить при этомъ изъ того факта, что существование Россіи, или собственно Великороссіи, создавшей могучую державу, никогда не подвергалось вопросу. Тѣмъ болѣе поразительно, что лучший представитель соціально-политической мысли на Украинѣ тоже выставилъ для своей націи только общечеловѣческіе идеалы и настаивалъ на отказѣ отъ национальной исключительности и эгоизма. Для украинца отказаться отъ национального эгоизма гораздо труднѣе, такъ какъ Украина почти никогда не имѣла самостоятельнаго и независимаго политическаго существованія. Горячо любящій свою родину украинецъ живетъ обыкновенно подъ самыми тяжелыми впечатлѣніями, такъ какъ культура его народа въ прошломъ подверглась уничтоженію, а всѣ попытки перенести западно-европейскую культуру на его родную почву въ болѣе недавнее время подавлялись. Понятно поэтому, что некоторыми представителями украинской интеллигенціи овладѣваетъ иногда совершенно стихійное чувство культурно-национального самосохраненія, порождающее национальный шовинизмъ. Но Драгомановъ сумѣлъ побороть въ себѣ всѣ инстинктивныя низменныя чувства и возвыситься надъ ними при решеніи украинскаго национального вопроса, взглянувъ на него съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Въ виду всего этого мы думаемъ, что совершенно независимо отъ разницы въ литературныхъ талантахъ и отъ несходства мировоззрѣній и взглядовъ по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, книга Драгоманова о национальномъ вопросѣ на Украинѣ, какъ вкладъ въ рѣшеніе национального вопроса малорусской націи, должна быть поставлена на ряду съ „Национальнымъ вопросомъ въ Россіи“ Вл. С. Соловьевъ, который далъ рѣшеніе национального вопроса съ точки зрѣнія націи великорусской.

II.

Жизнь Драгоманова тѣсно связана съ его политической дѣятельностью. Михаилъ Петровичъ Драгомановъ родился въ сентябрѣ 1841 года въ Гадячѣ, уѣздномъ городѣ Полтавской губерніи. Мелкопомѣстный дворянскій родъ Драгомановыхъ вышелъ изъ того казацкаго выборно-служилаго общественнаго слоя, который въ автономной „гетманской“ Малороссіи назывался „казацкой старшиной“. Въ семье отца

Михаила Петровича украинскій элементъ уживался рядомъ съ общерусскимъ. Отецъ его воспитывался и провелъ молодость въ Петербургѣ, гдѣ изучилъ французскій и англійскій языки, полюбилъ русскую литературу и даже помѣщалъ свои переводныя произведения въ литературныхъ альманахахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Но поселившись въ малорусской деревнѣ, онъ принялъся собирать народныя малорусскія пѣсни и пытался писать по-малорусски. Мать Михаила Петровича, выросшая на хуторѣ въ Полтавской губерніи, по своему воспитанію и симпатіямъ была близка къ малорусскому народу, и потому въ семье въ качествѣ разговорнаго языка обыкновенно употреблялся малорусскій языкъ. Низшее образованіе Михаиль Петровичъ получилъ въ Гадячскомъ уѣзденномъ училищѣ, а среднее—въ Полтавской гимназіи, въ которой онъ проходилъ курсъ съ 1853 по 1859 годъ. Большинство учителей какъ въ Гадячѣ, такъ и въ Полтавѣ были малороссы, которые охотно пользовались малорусскимъ языкомъ, особенно въ шутливыхъ оборотахъ рѣчи. Въ Полтавѣ мелодрама украинскаго поэта Котляревскаго „Наталка Полтавка“ имѣла какъ бы официальное значеніе и почти ежегодно разыгрывалась съ благотворительную цѣлью любителями изъ высшаго губернскаго общества. Такимъ образомъ и въ школѣ украинскій элементъ уживался съ общерусскимъ, но послѣдній, какъ языкъ официальный и притомъ обладавшій бо́льше богатой литературой, несомнѣнно, бралъ верхъ.

Въ гимназіи на умственное развитіе М. П. Драгоманова особенно благотворное вліяніе оказали два учителя: учитель латинскаго языка К. И. Полевиچъ и учитель исторіи А. И. Стронинъ. Полевиچъ, по происхожденію полякъ и по своимъ вѣрованіямъ католикъ-аскетъ, былъ настоящимъ педагогомъ-идеалистомъ, вкладывавшимъ всю свою душу въ дѣло преподаванія. При обученіи латинскому языку онъ обращалъ вниманіе не на грамматику, а на чтеніе классическихъ писателей и способствовать тому, что Драгомановъ хорошо ознакомился съ римской классической литературой и при поступлении въ университетъ свободно читалъ даже Тацита. Стронинъ, впослѣдствіи известный соціологъ, былъ по происхожденію великороссомъ, но уроженцемъ Полтавской губерніи; въ началь шестидесятыхъ годовъ онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ полтавской интеллигенціи.

и, работая въ воскресной школѣ, написалъ популярную брошюру по естествовѣдѣнію на малорусскомъ языкѣ, а также со-
ставлять малорусскую „Азбуку“ для первоначального обученія
грамотѣ по звуковому методу; хотя вся его дѣятельность
имѣла чисто культурный характеръ и престолѣдовала явно
антинационалистическая тенденція, онъ бытъ обвиненъ въ на-
мѣреніи „отдѣлить Малороссію отъ Россіи“ и въ 1863 году
сосланъ въ Шенкурскъ Архангельской губерніи, где и напи-
салъ свои соціологическія изслѣдованія. Какъ учитель, не
ограничивавшійся лишь своими офиціальными обязанностями,
онъ побуждалъ Драгоманова возможно больше читать и помо-
гать ему выработать общее демократическое и политическое
мировоззрѣніе на основѣ широкихъ историческихъ обобщеній.
Впрочемъ, къ чтенію историческихъ сочиненій Драгомановъ
пристрастился еще до поступленія въ гимназію и, будучи
ученикомъ уѣздиаго училища, прочиталъ два раза „Исторію
Государства Россійскаго“ Карамзина и „Исторію Малой
Россіи“ Бантыша-Каменскаго. Въ среднихъ и высшихъ клас-
сахъ гимназіи по указанію Стронина онъ читалъ вмѣстѣ
съ кружкомъ своихъ сверстниковъ выходившія тогда въ рус-
скихъ переводахъ сочиненія Шлоссера, Маколея и Прескотта.
Историческія сочиненія Гизо онъ уже тогда прочиталъ въ
оригиналѣ, такъ какъ знаніе французскаго языка онъ вынесъ
еще изъ семьи, изучивъ его подъ руководствомъ своего отца.
Греческаго языка тогда еще не преподавали въ нашихъ
гимназіяхъ, но онъ съ упоеніемъ читалъ въ русскихъ переводахъ Гомера и „Исторію Греціи“ Жилліса. Вмѣсто грече-
ского языка преподаваніе естественныхъ наукъ велось тогда
по гораздо болѣе обширнымъ программамъ, чѣмъ впослѣд-
ствіи при господствѣ классической системы; благодаря недур-
ному преподавателю естественныхъ наукъ для Драгоманова
не было ничего нового въ томъ реализмѣ, которымъ немного
спустя русская молодежь начала увлекаться, противопоставляя
его гуманизму. Онъ бытъ въ пятомъ классѣ гимназій, когда
началась агитация въ пользу освобождения крестьянъ, которыя,
по его собственному признанію, „наполнила всю его
душу“. Около того же времени Драгомановъ благодаря Стронину
познакомился съ повѣстями Марка Вовчка изъ украин-
скаго народнаго быта, которые произвели на него глубокое
неотразимое впечатлѣніе, но главнымъ образомъ, своимъ со-

держаниемъ, а не украинскимъ языкомъ и формой. Когда Драгомановъ былъ въ старшихъ классахъ гимназіи Стронинъ началъ давать ему заграничныя изданія Герцена и одновременно убѣждать его изучать иностранные языки, такъ какъ, по его словамъ, русское правительство можетъ, если захочетъ, „запретить всю литературу на русскомъ языке“. Подъ влияниемъ этихъ увѣщаній Драгомановъ еще въ гимназіи изучилъ нѣмецкій языкъ.

По окончаніи курса въ гимназіи Драгомановъ осенью 1859 года поступилъ въ Кіевскій университетъ на филологический факультетъ. Въ Кіевѣ онъ сразу примкнулъ къ одному изъ студенческихъ кружковъ, которыми были основаны здѣсь воскресныя школы; если не считать Остзейского края, это были первыя воскресныя школы въ Россіи, такъ какъ въ Петербургѣ они возникли нѣсколько позже. Многіе изъ участниковъ этихъ кружковъ принялись за преподаваніе въ воскресныхъ школахъ съ цѣлью вести политическую пропаганду. Но скоро они должны были убѣдиться въ невозможности пропаганды среди дѣтей изъ неинтеллигентныхъ семей мастеровыхъ и прислуги и въ ея полной нецѣлесообразности среди неграмотнаго взрослого населения. Поэтому большинство работавшихъ въ воскресныхъ школахъ, въ концѣ концовъ, увлеклось обученіемъ грамотѣ и чисто преподавательскимъ дѣломъ. Студенческіе кружки, работавшіе въ воскресныхъ школахъ, дѣлились на украинскіе и космополитическіе. Драгомановъ примыкалъ къ космополитамъ. Но это раздѣленіе и споръ, который велся между представителями одного и другого направлений, имѣли чисто теоретический характеръ. На практикѣ и тѣмъ и другимъ приходилось обучать русскому языку и по русскимъ учебникамъ, такъ какъ воскресныя школы должны были примыкать къ единственному установленному тогда типу общерусскихъ школъ; да въ то время и не было достаточно учебниковъ на украинскомъ языке. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, и тѣ и другіе при преподаваніи пользовались украинской рѣчью и параллельно съ обученіемъ русскому языку обучали также и украинскому, устанавливая правила того и другого языка и указывая на ихъ различія. Эти приемы не зависѣли отъ тѣхъ или другихъ взглядовъ на украинскую національность, а диктовались элементарными требованиями педагогики, такъ какъ украинское

население нельзя обучить правильному русскому языку, не указывая на его отличия от украинского и игнорируя постыдный, какъ это практикуется въ официальныхъ школахъ.

Живое педагогическое дѣло воскресныхъ школъ многихъ очень увлекло; на практикѣ вырабатывались преподавательские таланты и создавались хорошие учебники и популярные книги. Но въ 1862 году постъ петербургскихъ пожаровъ воскресныя школы были повсемѣстно въ Россіи закрыты, что дало новый поводъ для недовольства среди молодежи, усилило ея революционное настроеніе и направило свойственный ей избытокъ энергіи на рискованныя предприятия политического характера. Впрочемъ, для кружка Драгоманова нашлось новое педагогическое дѣло. Въ Юго-Западномъ краѣ самъ правительство въ видахъ противодѣйствія польской пропагандѣ рѣшилось основывать сельскія школы, а для подготовки учительского персонала было предположено создать въ Кіевѣ Временную педагогическую школу. Однако на это большое дѣло правительство дало очень мало средствъ, отпустивъ на три губерніи всего 10.000 рублей. Тогда инспекторъ народныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа М. А. Туловъ, сравнительно либеральный и умный человѣкъ, обратился къ студентамъ, проявившимъ педагогическія способности въ воскресныхъ школахъ, и человѣкъ шесть изъ нихъ согласились давать бесплатно уроки во Временной педагогической школѣ. Драгомановъ былъ въ числѣ этихъ студентовъ и преподавалъ русскую исторію. Преподавательский персоналъ Временной педагогической школы, состоявший, кромѣ этихъ шести студентовъ, также изъ нѣсколькихъ молодыхъ учителей, образовалъ изъ своей среды совѣтъ, который въ 1862—63 гг. фактически распоряжался тѣломъ насажденій первыхъ русскихъ народныхъ школъ въ западной Украинѣ. Кіевской школьной администрацией въ тѣхъ же видахъ противодѣйствія польскимъ политическимъ и культурнымъ влияніямъ, было признано необходимо допустить и украинскій языкъ при начальномъ обученіи; съ этой цѣлью предположено было составить книгу для первоначального чтенія, въ которой материалъ былъ бы расположены такъ, чтобы читатель постепенно переходилъ отъ народного украинскаго языка къ общерусскому и затѣмъ къ церковно-славянскому. Въ пользу этого плана высказалась тогда большая часть педагогическихъ совѣтовъ гимназій Кіев-

скаго учебнаго округа, когда министерство поручило имъ разсмотрѣть проектъ устава начальныхъ училищъ. Принципъ этотъ бытъ почти принятъ и въ Министерствѣ Народнаго Иросвѣщенія, во главѣ котораго стоять тогда Головинъ. Но въ это время въ высшихъ правительственныехъ кругахъ возникла борьба между сторонниками церковно - приходскихъ и свѣтскихъ министерскихъ школъ. Борьба этихъ двухъ партій перешла и въ провиницію. Въ Кіевѣ сторонники церковно - приходскихъ школъ, выступая противъ свѣтскихъ школъ, напали, между прочимъ, и на Временнуу педагогическую школу, обвиняя ее въ томъ, что въ ней преподаются „ингилисты“ и „украинские сепаратисты“. Этими аргументами воспользовались и „Московскія Вѣдомости“, которые уже начали тогда свою агитацию противъ „польской интриги“. Кончилось тѣмъ, что министерство, „чтобы сдѣлать уступку общественному мнѣнию“, предписало удалить изъ педагогической школы преподавателей-студентовъ, замѣнивъ ихъ учителями гимназій, преподававшими за плату. Среди удаленныхъ оказался и Драгомановъ, который вторично безъ всякихъ разумнаго повода бытъ оторванъ отъ любимаго дѣла; это случилось притомъ именно тогда, когда онъ подумывалъ прочитать еще разъ свой курсъ и приступить къ печатанію его. Вскрѣпослѣ этого разгрома Временної педагогической школы погибли, какъ мы увидимъ ниже, и начинанія совѣста ея преподавателей, направленныя къ болѣе рациональной постановкѣ преподаванія русской грамоты среди украинскаго населения.

Изъ другихъ событий, совпадающихъ съ студенческими годами Драгоманова, заслуживаютъ еще упоминанія отставка попечителя Кіевскаго учебнаго округа Пирогова въ 1861 г. и польское восстание 1863 г. Бюрократически-самодержавное правительство не могло долго терпѣть чисто конституціонныхъ порядковъ, заведенныхъ Пироговымъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, съ фактическимъ осуществленіемъ академической свободы въ университѣтѣ и съ замѣной солдатской дисциплины нравственнымъ воздействиемъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Несмотря на то, что императоръ Александръ II два раза одобрилъ планы управления учебнымъ округомъ, представленные ему Пироговымъ, послѣдній все-таки бытъ уволенъ въ отставку весною 1861 г. Тогда весь педагогический міръ Кіевскаго учебнаго округа и лучшая

часть общества въ Киевѣ рѣшили выразить Пирогову свои симпатіи, устроивъ въ честь его нѣсколько банкетозъ. На первомъ изъ нихъ Драгомановъ произнесъ отъ имени студентовъ рѣчъ, какъ ихъ делегатъ; кievскій цензоръ запретилъ печатать рѣчъ Драгоманова въ мѣстныхъ газетахъ, и она была напечатана только въ посвященной этому банкету брошюре проф. Шульгина и въ двухнедѣльномъ изданіи Каткова „Современная Лѣтопись Русска о Вѣстнике“. Выступленіе Драгоманова на банкетѣ въ честь Пирогова имѣло большія послѣдствія для него. Съ одной стороны, оно усилило у него интерес къ политическимъ вопросамъ, а съ другой — сблизило его съ кружкомъ либеральныхъ профессоровъ и среди нихъ особенно съ профессоромъ всеобщей исторіи В. Я. Шульгинымъ. Подъ руководствомъ послѣдняго Драгомановъ расширилъ свои научныя занятія по всеобщей исторіи. Сосредоточившись сперва на исторіи древнаго Рима, онъ заинтересовался соціальной борьбой послѣднихъ временъ республики и появлениемъ христианства, а затѣмъ увлекся религіозной исторіей древнаго міра вообще. Проф. Шульгинъ вполнѣ оцѣнилъ дарованія Драгоманова и въ 1862 году, выходя въ отставку, рекомендовалъ его совету Киевскаго университета, какъ будущаго кандидата въ профессора, предложивъ отправить его по окончаніи курса за границу.

Польское возстаніе 1863 г. имѣло большое вліяніе на политическое развитие Драгоманова. Уроженецъ той части Украины, которая лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, онъ до поступления въ университетъ не имѣлъ конкретнаго представленія о полякахъ въ „правобережной“ Украинѣ или въ такъ называемомъ Юго-Западномъ краѣ. Полякамъ вообще онъ сочувствовалъ, хотя въ то же время не забывалъ о томъ, что и Польша въ свое время притѣсняла Украину. Только въ Киевѣ онъ увидѣлъ, что поляки въ Юго-Западномъ краѣ не народъ, а аристократія, и быть пораженъ отсутствиемъ элементарнаго демократизма и свободомыслія даже у поляковъ-студентовъ. Онъ также не могъ не обратить вниманія на крайнюю нетерпимость поляковъ по отношенію къ русскимъ и особенно украинцамъ.

Студенты-украинцы въ Киевѣ уже съ 1859 г. были организованы въ особый национальный кружокъ. Несмотря на то, что въ 1862—63 гг. къ этому кружку примыкало отъ 250 до

300 членовъ, онъ далеко не охватывалъ всѣхъ студентовъ-украинцевъ по рожденію, которыми были въ то время огромное большинство „православныхъ“ студентовъ въ Киевскомъ университѣтѣ, т.-е. приблизительно около пятисотъ человѣкъ. Члены этого кружка заботились о развитіи украинскаго языка и литературы и считали, что въ будущемъ украинская нація должна занять самостоятельное положеніе на ряду съ польскою и великорусскою. Но яснаго представлениія о томъ, въ чёмъ должна заключаться самостоятельность украинской націи, у большинства членовъ кружка не было. Вообще среди членовъ кружка господствовали очень разнообразные политическіе и соціальные взгляды. Драгомановъ, какъ украинецъ по рожденію и демократическимъ симпатіямъ къ окружавшему его народу, во многомъ раздѣлялъ стремленія и идеи украинскихъ націоналистовъ, но во многомъ они казались ему реакціонными. Онъ не могъ, напримѣръ, мириться съ пренебреженіемъ украинскихъ націоналистовъ къ русской литературѣ и въ спорахъ съ ними постоянно указывать имъ на то, что русская литература пока гораздо болѣе развита, чѣмъ украинская, и гораздо болѣе полна общеевропейскихъ интересовъ. Такъ, напримѣръ, онъ находилъ несравненно больше образовательного матеріала и въ культурномъ и въ политическомъ отношеніи въ „Колоколѣ“ и „Современникѣ“, чѣмъ въ украинскомъ журнальѣ „Основа“. Драгоманову не нравилась также и рѣзкость украинцевъ по отношенію къ полякамъ, а мысль о какомъ бы то ни было союзѣ съ самодержавнымъ правительствомъ противъ поляковъ казалась ему возмутительной въ нравственномъ и ошибочной въ политическомъ отношеніи. За такие взгляды украинцы-націоналисты называли Драгоманова и его единомышленниковъ „космополитами“, считая это слово браннымъ. Но сами „космополиты“ охотно носили эту кличку, видя въ ней болѣе прогрессивный лозунгъ.

Между тѣмъ польское восстаніе приближалось къ Киеву. Поляки, даже демократы, серьезно доказывали, что имѣютъ право на западную „правобережную“ Украину потому, что въ ней дворянство, или, какъ тогда стали говорить, „ингрѣянція“, — польское. Оппозиція противъ этихъ польскихъ стремленій увеличивала силу украинцевъ среди кievской „православной“ молодежи. Напротивъ, влияние „космополитовъ“

падало по мѣрѣ того, какъ приходили извѣстія о томъ, что столичные русскіе радикальныи и революціонныи кружки становились безусловно на сторону поляковъ. Видя ошибки „космополитовъ“ и не раздѣляя многаго въ стремлѣніяхъ украинцевъ, Драгомановъ, въ концѣ-концовъ, охладѣлъ къ политикѣ студенческихъ кружковъ, перестать ходить на сходки и весь ушелъ въ свои научныи занятія и педагогическую дѣятельность, поскольку она была ему доступна во Временной педагогической школѣ.

Но разойдясь съ украинцами всѣдѣствіе разногласія по политическимъ вопросамъ, онъ скоро снова сблизился съ ними изъ-за общихъ педагогическихъ интересовъ. Когда онъ узналъ, что украинцы составили планъ изданія цѣлой серии популярныхъ книгъ, онъ вступилъ въ ихъ организацію „Громада“, которая тѣтча избрала его въ комиссію, образованную для редакціи этихъ книгъ. Однако этому плану не суждено было осуществиться. Въ это время какъ разъ началась реакція противъ польского восстанія. Реакціонеры и государственные централісты, органомъ которыхъ сдѣлались „Московскія Вѣдомости“ Каткова, ведя борьбу противъ поляковъ, открыли и во всемъ русскомъ прогрессивномъ и демократическомъ движеніи проявленія „польской интриги“. Сильнѣе всего, однако, Катковъ напалъ на украинцевъ, объявивъ украинское возрожденіе дѣломъ „польской интриги“ и усомотрѣвъ даже въ чисто литературныхъ стремлѣніяхъ украинцевъ политический сепаратизмъ. Русское бюрократическое правительство, всегда стѣшившее подавлять всякое проявленіе самостоятельной дѣятельности русскаго общества, направленной къ поднятію народной культуры, пошло и въ данномъ случаѣ на ветрѣчу желаніямъ реакціонеровъ и централістовъ. Въ 1863 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ издалъ распоряженіе о воспрещеніи печатать на украинскомъ языкѣ популярно-научныи и педагогическія книги, такъ какъ, по словамъ этого распоряженія, „никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, иѣть и быть не можетъ“. Въ томъ же году и Св. Синодъ воспретилъ печатаніе не только украинскаго перевода Евангелія, представленного на его утвержденіе еще въ 1860 г., но и вообще всѣхъ книгъ духовнаго содержанія на украинскомъ языкѣ, такъ что Евангелію въ украинскомъ переводе „по благословенію Св. Синода“ суждено было появиться только

въ наши дни. При такихъ условіяхъ работы той „громадской“ комиссіи, редактировавшей популярно-научные книги на украинскомъ языке, членомъ которой былъ избранъ Драгомановъ, конечно, должна была прекратиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ не могло осуществиться и издание упомянутой выше книги для первоначального чтенія съ постепеннымъ переходомъ отъ украинскаго къ русскому и церковно-славянскому языку, которую составлять совѣтъ преподавателей во Временной педагогической школѣ. Это первое по времени общее запрещеніе украинской литературы было направлено противъ книгъ, наиболѣе необходимыхъ для культурнаго подъема малорусского населения. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлого столѣтія, когда въ прессѣ былъ поднятъ споръ о значеніи малорусской литературы, даже московские славянофилы, которые всегда были великорусскими, а не общеславянскими националистами, съ И. С. Аксаковымъ во главѣ, признавали за малорусской литературой право на существованіе, но ограничивали ея культурную роль лишь „домашнимъ обиходомъ“. Между тѣмъ правительственными распоряженіями 1863 г. была запрещена именно малорусская литература для домашняго обихода.

Весною 1863 г. Драгомановъ окончилъ курсъ въ университетѣ. Уже осенью того же года ему пришлось искать занятій и заработка, тѣмъ болѣе, что къ этому времени, какъ было сказано выше, онъ былъ удаленъ изъ Временной педагогической школы. Объ отправкѣ его за границу съ научной цѣлью на счетъ университета пока не могло быть и рѣчи, такъ какъ либеральная партія на филологическомъ факультетѣ, Кіевскаго университета съ уходомъ проф. Шульгина ослабѣла, а консерваторы относились къ Драгоманову непріязненно. Чтобы упрочить свое положеніе при университѣтѣ, онъ, по совѣту Шульгина, рѣшилъ представить диссертацию *pro venia legendi*. Вмѣстѣ съ тѣмъ для заработка онъ взялъ предложенное ему мѣсто учителя географіи въ кіевской 2-й гімназії. Свою диссертацию „Императоръ Тиберій“ онъ защищалъ въ началѣ 1864 г. Несмотря на то, что симпатии профессорской коллегіи были не на сторонѣ Драгоманова, несомнѣнныя дарованія его побудили историко-филологический факультетъ и совѣтъ Кіевскаго университета принять его въ число приватъ-доцентовъ. Въ 1865 г. историко-филологи-

ческій факультетъ даже поручилъ ему читать обязательный курсъ для студентовъ на правахъ штатнаго доцента. Между тѣмъ материальныя заботы у него увеличивались; постъ смерти отца и окончанія имъ университета обязанности по воспитанію сестры и брата перешли къ нему, а въ 1864 году онъ очень молодымъ женился. Ему приходилось добывать средства къ жизни литературной работой, преимущественно газетной. Тогда онъ началъ посыпать корреспонденціи, литературные критики, а нѣсколько позже и передовыя статьи въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, которая въ то время арендовалъ и редактировалъ В. Ф. Коригъ, впослѣдствіи устранивший гр. Дм. А. Толстымъ. Чаще всего Драгомановъ писалъ о политическомъ положеніи Юго-Западнаго края, стремясь разсѣять ту путаницу во взглядахъ, которая была распространена въ русскомъ обществѣ вслѣдствіе наслѣдій различныхъ мнѣній, продиктованныхъ то аристократически-польскими, то бюрократически-московскими тенденціями. Со временемъ славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г. редакція „С.-Петербургскіхъ Вѣдомостей“ предложила Драгоманову писать руководящія статьи по славянскому вопросу и „вести на эти темы полемику съ московскими газетами“. Онъ написалъ тогда не мало фельетоновъ и передовыхъ статей, въ которыхъ старался рассматривать Россійско-польскій и вообще славянскій дѣла съ точки зрѣнія демократически-федеративной. Неоднократно онъ затрагивалъ и украинскій вопросъ, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ тѣснѣ сблизился съ киевскимъ украинскимъ кружкомъ, сильно порѣдѣвшимъ съ 1863 года, и подошелъ снова къ украинскому педагогическому вопросу.

Въ 1865 г. въ губерніяхъ на лѣвомъ берегу Днѣпра было введено земство, а вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ бытъ поставленъ на очередь вопросъ о народныхъ школахъ. Черниговскіе земцы, среди которыхъ было нѣсколько человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и украинскими стремленіями, обратили вниманіе на необходимость употребленія украинскаго языка въ мѣстныхъ школахъ. Въ это же время и въ управлѣніи киевскаго генераль-губернаторства, во главѣ котораго стоялъ генер.-губернаторъ Безакъ, увидѣли необходимость оживить народныя школы, находившіяся въ упадкѣ съ 1863 г. подъ давленіемъ восторжествовавшаго тогда клерикализма. Въ виду этого оживленія интереса къ школьному вопросу

Драгоманову почти одновременно предложили писать о немъ и черниговские земцы и проф. «Шудыгинъ», который съ 1864 г. сдѣлался редакторомъ офиціозной газеты „Кievлянинъ“, проводившей въ 1865—1866 гг. довольно радикальныя демократическія идеи, хотя и строго монархическія. Но во главѣ Киевскаго учебнаго округа стоять тогда новый попечитель князь Ширинскій - Шихматовъ — противникъ не только народнаго, но и свѣтскаго элемента въ первоначальномъ народномъ обученіи. Драгоманову приходилось доказывать, что народная школа должна быть близка къ народу, и что первоначальное обученіе можетъ итти только тогда успѣшно, когда оно будетъ вестись на народномъ языкѣ и начинаться съ родныхъ народу произведеній устной словесности. На эту тему онъ написалъ рядъ статей въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“, среди которыхъ заслуживаютъ особаго упомінанія статьи: „Земство и мѣстный элементъ въ обученіи“ и „О педагогическомъ значеніи малорусскаго языка“. Въ постѣдней статьѣ („Спб. В.“ 1866 г. № 93) онъ, между прочимъ, доказывалъ непригодность для всякихъ, а особенно для украинскихъ школъ „Книги для чтенія въ школахъ Кіевскаго учебнаго округа“, которая была издана кн. III.-Шихматовымъ вмѣсто составлявшейся въ 1863 году, какъ было сказано выше, учителями Временной педагогической школы. Книга кн. III.-Шихматова начиналась съ образцовъ церковно-славянской письменности, потомъ давала статьи на русскомъ литературномъ языкѣ и, наконецъ, великорусскія народныя пѣсни и разсказы, но ни слова по-украински. Драгомановъ, наоборотъ, предлагалъ начинать съ украинской народной словесности и затѣмъ постепенно восходить къ русскому литературному и великорусскому народному языку. Критики его, особенно „Московскія Вѣдомости“ и самъ кн. III.-Шихматовъ, усмотрѣли въ этомъ его „сепаратизмъ“. Князь III.-Шихматовъ, послать въ Министерство Народнаго Просвѣщенія представление о томъ, что Драгомановъ „украинофиль“ и „сепаратистъ“. Министръ гр. Дм. Толстой въ отвѣтъ предложилъ представить это дѣло на обсужденіе и рѣшеніе совѣта Кіевскаго университета. Но попечитель, будучи не вполнѣ увѣренъ въ благопріятномъ результатѣ и боясь черезчуръ большой огласки, съ своей стороны, посовѣтовалъ ограничиться пока строгимъ надзоромъ надъ Драгомановымъ. Надзоръ этотъ продолжался нѣсколько дѣлъ.

и быть причиною того, что когда Драгомановъ въ 1869 году защитилъ, наконецъ, свою магистерскую диссертацию, а въ 1870 году быть избранъ совѣтомъ Кіевскаго университета штатнымъ доцентомъ, попечитель, уже новый, не рѣшился самостоятельно утвердить этотъ выборъ. По соглашенію съ министерствомъ попечитель отложилъ утвержденіе Драгоманова въ званіи штатнаго доцента до возврашенія[¹] его изъ-за границы въ 1873 г. Это имѣло довольно непріятныя постѣдствія для Драгоманова, такъ какъ на поѣздку за границу съ научными цѣлями онъ получить гораздо меншую стипендию отъ университета, чѣмъ долженъ быть бы получить въ томъ случаѣ, если бы былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ. Но съ другой стороны, всѣ эти события оказали громадное вліяніе на направленіе его умственныхъ и общественныхъ интересовъ.

Въ своемъ автобиографическомъ очеркѣ Драгомановъ самъ говоритъ о себѣ, что доносъ кн. П.-Шихматова имѣлъ своимъ постѣдствіемъ окончательное прикрѣпленіе его къ украинскому направлению, такъ какъ онъ по естественной реакціи занялся болѣе старательно изученіемъ украинскихъ вопросовъ, сначала педагогического, а потомъ и национального вообще. Впрочемъ, около того же времени образовались и другія нити, сильнѣе привязавшія его къ украинскому движению. Занимаясь древней исторіей, онъ обратилъ особенное вниманіе на религію и миѳологію арійскихъ народовъ. Отъ древнихъ народовъ онъ перешелъ къ новымъ, здѣсь остановился и на народныхъ преданіяхъ и вообще на устномъ творчествѣ славянъ, между ними особенно украинцевъ. Въ 1867 г. онъ и пѣсколько его пріятелей рѣшили предпринять издание сборниковъ украинской народной словесности, опубликовавъ тотъ рукописный матеріалъ, который накопился у разныхъ лицъ вслѣдствіе увлечения въ предшествовавшіе годы собираниемъ литературно-этнографическихъ данныхъ. Кстати это были бы почти единственные украинскія изданія, не запрещенные тогда русскою цензурой. Очень скоро послѣ этого этой группою лицъ были изданы двѣ книги сказокъ и двѣ книги пѣсень. Затѣмъ въ 1869 г. Драгомановъ и профессоръ русской исторіи В. Б. Антоновичъ совмѣстно принялись за составленіе свода украинскихъ политическихъ пѣсень съ историческимъ комментаріемъ. Первые два тома этого изданія

вышли въ Киевѣ въ 1874 и 1875 гг. подъ заглавіемъ: „Исторической пѣсни малорусского народа съ примѣчаніями В. Антоновича и М. Драгоманова“, т. I (Пѣсни вѣка дружинного и книжескаго, X—XV вв. Пѣсни вѣка казацкаго: А. Борьба съ турками и татарами) и т. II (Пѣсни вѣка казацкаго: В. Борьба съ поляками до смерти Богдана Хмельницкаго—1657 г.). Сдѣлавшись эмигрантомъ и живя въ Женевѣ, Драгомановъ продолжать это изданіе одинъ. Въ 1883 и 1885 гг. онъ издалъ два выпуска этихъ пѣсенъ подъ заглавіемъ: „Політичній пісні українського народу, XVIII—XIX ст.“ [Вып. I (Запорожії, 1709—1740); Вып. II (Пісні з остатніх часів [автономії Гетьманства Малороссійскаго і Слобідскої України, 1709—1765]). Кромѣ того, въ 1881 г. онъ изложилъ въ отдельной книжѣ результаты своихъ изслѣдований надъ политическими пѣснями украинского народа, относящимися къ XIX столѣтію. Книга эта издана подъ заглавіемъ: „Нові [українські пісні про громадські справи“. Женева, 1881. Это въ высшей степени цѣнное изслѣдованіе о томъ, какъ отражались въ народной психологіи и въ народныхъ представленіяхъ общественные явленія XIX столѣтія, напримѣръ, рекрутскіе наборы, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, пролетаризация крестьянства, хожденіе на заработки на фабрики и т. д. Несмотря на неизмѣримую важность въ научномъ и культурномъ отношеніи этого научно-обработанного изданія историческихъ или политическихъ пѣсенъ украинского народа, Драгомановъ не довелъ его до конца. Онъ и не могъ этого сдѣлать, живя въ Женевѣ, далеко отъ родины, и испытывая всѣ неудобства положенія политического эмигранта.

Болѣе близкое знакомство съ украинской народной поэзіей не только доставило Драгоманову богатый матеріаль для наиболѣе важныхъ его научныхъ работъ, въ чемъ мы вполнѣ убѣдимся ниже, но и окончательно опредѣлило все его политическое міровоззрѣніе. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ: „Изученіе богатой и прекрасной украинской народной словесности, а особенно политическихъ пѣсенъ, которая представляютъ собою поэтическую исторію украинского народа, разсказанную имъ самимъ, заставило меня крѣпко полюбить этотъ народъ и пережить всѣми силами души всѣ частности украинского вопроса въ Россіи и Австро-Венгрии. Изслѣдованіе же пѣсенъ

о борьбѣ украинцевъ съ турками сравнительно съ такими же пѣснями народовъ балканскихъ заставило меня вдуматься въ такъ называемый восточный вопросъ, а все вмѣстѣ приводило меня къ мысли о необходимости широкой постановки федерально-демократического вопроса во всей Восточной Европѣ. Мне казалось, что украинцы, а въ частности киевляне должны сыграть важную роль въ этомъ дѣлѣ, но для этого, я думалъ, необходимо иметь побольше политического образования: большее знакомства съ западно-европейскою политическою наукой, а также съ исторіей и современнымъ положеніемъ и своей родины и западныхъ славянъ".

Въ сентябрѣ 1870 года Драгомановъ выѣхалъ за границу, такъ какъ* получить отъ университета командировку съ научной цѣлью на два года. Но вмѣсто предполагаемыхъ двухъ лѣтъ онъ пробыть за границей три года. Первую зиму 1870—71 г. онъ прожилъ въ Берлинѣ, усердно посещая лекціи Моммзена и другихъ профессоровъ и подготовляя напечатанныя позже въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Знаніи“ статьи о борьбѣ церкви и государства въ средніе вѣка и въ переходную эпоху къ новому времени. Его пребываніе въ Берлинѣ совпало съ войной Германіи съ Францией. Онъ имѣлъ, стѣдовательно, возможность наблюдать здѣсь самый разгаръ нѣмецкаго шовинизма; при этомъ его крайне не-пріятно поражала нѣмецкая национальная нетерпимость и высокомеріе въ отношеніи къ другимъ народамъ, а особенно къ славянамъ. Изъ Берлина онъ проѣхалъ черезъ Саксонію въ славянскія земли—Баутценъ и Прагу въ Вѣну. Въ Вѣнѣ онъ близко познакомился съ славянами и въ частности съ своими соплеменниками русинами изъ Галиціи. Осенью онъ уѣхалъ въ Гейдельбергъ продолжать свои научныя работы, начатыя въ Берлинѣ. Но впечатлѣнія, полученные имъ въ Германіи и Австріи отъ побѣдныхъ кликовъ и высокомѣрнаго торжества нѣмцевъ, съ одной стороны, и отъ жалкаго приниженнаго культурнаго и соціального положенія славянъ—съ другой, не давали ему покоя. Въ своихъ „Австро-русинскихъ воспоминаніяхъ“ онъ разсказываетъ, что въ Гейдельбергѣ его такъ занимали мысли о томъ, „какую силу проявило бы славянство, если бы въ немъ воспреобладала бы федеральная демократія въ духѣ Костомарова и Шевченка, а не „ополяченіе“ сперва и московское „обрусеніе“ потомъ“, что онъ больше ни о чёмъ

рѣшительно не могъ думать. Чтобы хоть немнога освободиться отъ угнетавшихъ его мыслей, онъ принялъ писать статью „Восточная политика Германии и обрусение“, которая была помѣщена въ „Вѣстнике Европы“ за 1872 годъ, и которую мы перепечатываемъ въ началѣ предлагаемаго тома его политическихъ сочиненій. Это было первое крупное публицистическое произведение Драгоманова. Въ немъ уже были намѣчены всѣ основныя черты его политического міровоззрѣнія. Идеи политического федерализма и демократизма Драгомановъ считалъ осуществимыми только при культурномъ подъемѣ народныхъ массъ. Но для быстраго роста культуры наиболѣе широкихъ народныхъ массъ онъ считалъ необходимымъ развитие не только великихъ литературы міровыхъ народовъ, но и всѣхъ болѣе бѣдныхъ литературы различныхъ мелкихъ національностей. Въ своихъ подцензурныхъ статьяхъ онъ по необходимости больше останавливался на культурномъ и литературномъ развитіи мелкихъ національностей, чѣмъ на самомъ цѣнномъ слѣдствіи его — осуществлѣніи федераціи народовъ. Многіе изъ своихъ чисто политическихъ выводовъ онъ представлялъ дѣлать самимъ читателямъ. Такимъ образомъ ему удавалось подсказывать читателямъ свои политическія федерально-демократическія идеи, заставляя приходить къ заключенію о справедливости ихъ на основаніи самыхъ различныхъ фактовъ. Онъ достигалъ этого, разрабатывая въ цѣломъ рядъ статей матеріаль, касающейся культурного и литературного развитія мелкихъ національностей въ различныхъ странахъ. Изъ этого ряда работъ особаго упоминанія заслуживаютъ статьи: „Новокельтское и провансальское движеніе во Франціи“ — „Вѣстникъ Европы“ 1875 г., августъ и сентябрь; „Евреи и поляки въ Юго-Западномъ краѣ“ — „Вѣстникъ Европы“ 1875 г., юль; „Народная нарѣчія и мѣстный элементъ въ преподаваніи“ — „Вѣстникъ Европы“ 1875 годъ, августъ; и „Очерки новѣйшей литературы на малорусскомъ нарѣчіи“. Послѣдняя статья была вырѣзана цензурой изъ „Вѣстника Европы“ 1874 г., сентябрь и октябрь, и впервые будетъ напечатана по-русски въ предлагаемомъ изданіи.

Ту же цѣль — вызвать сочувствіе къ исповѣдуемымъ имъ идеямъ федералистического демократизма — Драгомановъ престѣдовалъ и въ своихъ статьяхъ о галицко-русинскомъ литературномъ, общественномъ и политическомъ движеніи. Но мо-

тивы, руководившие имъ при составлении этихъ статей, были гораздо сложнѣе и разнообразнѣе. Въ нихъ интересъ къ вопросамъ культуры приобрѣаетъ совершенно самостоятельное и независимое значеніе. Изучая различныя направления русинской литературы еще въ Россіи и затѣмъ встрѣчаясь и знакомясь съ галицкими русинами въ Вѣнѣ, Драгомановъ пришелъ къ заключенію, что въ мнѣніяхъ относительно литературно - общественныхъ направлений, существующихъ среди галицкихъ русиновъ, господствуетъ сплошное недоразумѣніе. Дѣленіе русиновъ на руссофильскую и украинофильскую партии совершенно неправильно, такъ какъ обѣ эти партии одинаково далеки отъ Россіи, по крайней мѣрѣ, отъ той культурной Россіи, лучшимъ выраженіемъ которой является русская литература. Онь убѣдился, что основной чертой обѣихъ этихъ партій надо признать „австро-рутенство“, т.-е. доморощенный клерикализмъ и господство самыхъ отсталыхъ литературныхъ, соціальныхъ и политическихъ возврѣній, заимствованныхъ у австрійско - нѣмецкихъ и шляхетско - польскихъ бюрократическихъ и аристократическихъ круговъ. Имя „рутенство“ наиболѣе подходитъ къ этому культурно-национальному типу, такъ какъ оно, хотя и происходитъ отъ латинско-нѣмецкой передѣлки слова „русинъ“, отличаетъ этотъ типъ одинаково и отъ всего русскаго и отъ всего украинскаго. Впрочемъ, Драгомановъ признаетъ, что „рутенство“ особенно свойственно руссофильской или москофильской партіи, такъ какъ, не знали русскаго языка ни литературы, они преклоняются передъ Россіей официальной и ея государственнымъ могуществомъ. Московские славянофилы, которые находились въ сношеніяхъ съ галицкими москофилами еще со временемъ Погодина, только поддерживали въ нихъ ложное представление о Россіи, а вмѣсто того, чтобы знакомить ихъ съ живой русской литературой, они доставляли имъ только славянофильскій изданія, которыхъ въ самой Россіи почти никто не читать. Въ противоположность этому, галицкие народовцы или украинофили, благодаря изученію украинской литературы, формальному культу Шевченка и знакомству съ научными трудами украинцевъ обѣ Українѣ на русскомъ языкѣ, все-таки усвоили нѣкоторые демократическая и антиклерикальная идеи; но и они сохранили еще много чисто рутенскихъ чертъ. Вообще

Драгомановъ нашелъ, что хотя галицкіе русины по своему географическому положенію и ближе къ Западной Европѣ, и хотя они и живутъ въ конституціонномъ государствѣ, тѣмъ не менѣе, по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, т.-е. по отношенію къ соціально-политическому демократизму и радикализму, они значительно больше отстали отъ Западной Европы, чѣмъ интеллигентные украинцы, живущіе въ самодержавной Россіи. Изъ всего этого онъ сдѣлать выводъ, что русская литература своимъ демократизмомъ и радикализмомъ, можетъ быть чрезвычайно полезна галицкимъ русинамъ, даже въ национальномъ отношеніи, такъ какъ, дѣлаясь демократами, они естественно будутъ становиться и украинцами, потому что работать имъ придется среди украинского народа. Онъ сей-часъ же принялъся осуществлять эту идею, собирая русскія книги и деньги на покупку ихъ и жертвуя ихъ русинскимъ общественнымъ учрежденіямъ и библіотекамъ. Благодаря его стараніямъ въ Вѣнскомъ русинскомъ обществѣ „Січ“ образовалась въ свое время самая богатая частная русская библіотека въ Австріи. Объ этой своей дѣятельности онъ самъ говорить: „Смѣло могу сказать, что ни одинъ московской славянофиль не распространилъ въ Австріи столько „московскихъ“ (русскихъ) книгъ, какъ я — „украинский сепаратистъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая безплодными всякие споры о национальностяхъ, онъ предлагалъ прекратить ихъ и объединяться на реальной работе для народа.

Всѣ эти мысли очень занимали Драгоманова во вторую и третью зиму его пребыванія за границей въ 1871 — 1873 гг., которая онъ съ научною цѣлью прожилъ въ Италии. Тогда онъ и написалъ нѣсколько большихъ статей о литературномъ и общественномъ движеніи въ Галиціи по-русски и по-украински. Въ своихъ русскихъ статьяхъ о Галиціи, помещенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1873 г. и перепечатываемыхъ [въ предлагаемомъ томѣ], онъ естественно направлять свои критическіе удары противъ славянофиловъ, доказывая, что ихъ политика вредна даже съ чисто славянской или русской точки зрѣнія, такъ какъ, поддерживая только реакціонныя стремленія, она способствуетъ денационализаціи западныхъ славянъ и ведеть только къ господству австрійскихъ бюрократическихъ и другихъ антинародныхъ элементовъ. Писать по-украински Драгоманова пригласили галицкіе

„народовцы“ (украинофилы), когда онъ проводилъ во Флоренціи третью зиму, прожитую имъ за границей. Въ это время, въ 1872 г., „народовцы“ рѣшили возобновить свой журналъ „Правда“, въ чемъ ихъ поддерживали украинцы въ Россії обѣщая материальную и литературную помощь. Увѣдомленный объ этихъ обѣщаніяхъ, Драгомановъ сейчасъ же послѣдовалъ приглашенію и написать для „Правды“ нѣсколько литературно-критическихъ статеекъ и замѣтокъ. Однако съ самого начала между нимъ и „народовцами“, завѣдывавшими редакціей „Правды“, обнаружились разногласія по основнымъ вопросамъ. Чтобы разы навсегда выяснить ихъ, онъ написалъ большую статью „Література россійська, великоруська, українська і галицька“, которая, по настоянию друзей Драгоманова — украинцевъ въ Россії, была напечатана по частямъ въ „Правдѣ“ въ 1873 и 1874 гг., а затѣмъ вышла и отдѣльной брошюрой. Въ своихъ „Австро-русинскихъ воспоминаніяхъ“ онъ говорить о ней: „Я задумалъ въ ней критически пересмотрѣть всю тогдашнюю украино-фильскую и „народовскую“ ортодоксію, сдѣлать то же самое съ ортодоксіей московофильтско-всерусской, а въ концѣ дать очеркъ реалистически прогрессивного украинства и „всерусскости“ совсѣмъ на другихъ основахъ. Мое намѣреніе лучше всего выражалось бы въ мотто: *destruam et aedificabo!*“

Украинскія статьи Драгоманова въ „Правдѣ“ послужили виѣшнимъ поводомъ для удаленія его изъ Кіевскаго университета. Въ Россію онъ возвратился въ концѣ лѣта 1873 года и 1 сентября прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ засталъ значительное оживленіе среди интеллигентныхъ кружковъ, такъ какъ въ его отсутствіе въ Кіевѣ былъ открытъ Юго-Западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По возвращенію изъ-за границы, онъ всесцѣло погрузился въ свои научныя работы, такъ что для занятія политикой у него сперва по его собственному признанію даже не было времени. Теперь онъ, наконецъ, былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ Кіевскаго университета и долженъ быть спбѣшить съ разработкой своихъ лекцій, такъ какъ читать обязательные курсы для студентовъ по истории древняго міра. Кроме того, онъ принялъ очень дѣятельное участіе въ трудахъ Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества и подготовлять работы для предстоявшаго третьаго Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Въ 1874 году во второмъ томѣ Записокъ Юго-Западнаго Отдѣла

Географического Общества была помещена его работа „Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ“. Въ ней онъ показать, какъ западныя пѣсенныя темы, переходя на Русь, получаютъ насленія тѣхъ странъ, чрезъ которыхъ они проходили. На Киевскій Археологический съездъ, засѣдавшій съ 2 по 16 августа того же 1874 года, онъ представилъ вмѣстѣ съ профес. В. Б. Антоновичемъ уже упомянутыя „Историческія пѣсни малорусского народа“ т. I, въ комментарій къ которымъ внесъ объясненія, основанныя на сравненіи ихъ съ пѣснями другихъ народовъ. На томъ же съездѣ онъ прочиталъ рефератъ „Пѣсни и сказанія о кровоемѣшаніи“, представлявшій результатъ его изслѣдований сказаний обѣ Эдингѣ и разлученныхъ братьяхъ и сестрахъ въ славянской народной словесности. Цѣликомъ опубликовать эту работу ему удалось только спустя семнадцать лѣтъ въ 1891 г. въ одномъ научномъ болгарскомъ сборникѣ, когда онъ стѣлался профессоромъ Высшей Школы въ Софії. Кромѣ того, онъ подготовлялъ тогда большой сборникъ „Малорусская народная преданія и разсказы“, который вышелъ въ Кіевѣ въ 1876 году. Наконецъ къ этому времени относится цѣлый рядъ его болѣе мелкихъ статей и замѣтокъ научного характера. Мы не будемъ, однако, говорить здѣсь не только о нихъ, но и о выдающихся научныхъ работахъ Драгоманова, относящихся къ позднѣйшему времени, такъ какъ онѣка его научныхъ трудовъ не входитъ въ нашу задачу. Но, приближаясь къ моменту въ жизни Драгоманова, когда онъ принужденъ быть разстаться съ академической дѣятельностью, мы должны все же хоть коротко охарактеризовать его, какъ ученаго.

Главныя научныя заслуги Драгоманова лежать не въ области разработки всеобщей и римской исторіи, каѳедру которой въ Киевскомъ университѣтѣ онъ занималъ въ качествѣ штатнаго доцента. Несомнѣнно, степень магистра была ему вполнѣ заслужено присуждена за его диссертацию „Вопросъ обѣ историческомъ значеніи римской исторіи и Тацитъ“. Но это была въ значительной мѣрѣ еще юношеская работа, которая была написана, когда автору было только 27—28 лѣтъ, когда онъ еще не побывалъ за границей, не поработалъ подъ руководствомъ лучшихъ представителей западно-европейской науки и не изучилъ всѣхъ сокровищъ, хранящихся въ иностранныхъ библіотекахъ. Между тѣмъ впослѣдствіи по вопросамъ всеобщей

исторії ему удалось опубліковувати толькото отдельнія статті. Его научные интересы постепенно передвинулись въ сторону изслѣдованія украинскаго и славянскаго народного творчества. Въ этихъ изслѣдованіяхъ онъ примѣнялъ сравнительный методъ, къ которому все сильнѣе склонялся, начиная еще съ 1869 года. Несмотря на очень детальный характеръ избѣгать его работъ обѣ отдельныхъ бродячихъ сказанийъ и легендъ, вся его научная дѣятельность въ этой области освѣщалась самыми широкими взглядами. Его изслѣдованія не вмѣщались въ частности ни въ область этнографіи ни исторії устной народной словесности; охватывая и ту и другую область, они по справедливости должны быть отнесены къ фольклору, какъ болѣе всеобъемлющей наукѣ о всей совокупности духовной жизни народовъ. Постоянно устанавливая заимствованія одного народа у другого въ созданіяхъ ихъ народной словесности, онъ показывалъ, какъ много интернациональныхъ элементовъ въ самыхъ, повидимому, национальныхъ твореніяхъ отдельныхъ народовъ. Въ этомъ онъ видѣлъ чисто научное подтвержденіе всего своего міровоззрѣнія, въ которомъ широкій интернаціонализмъ, основанный на признанії цивилизаціи плодомъ общечеловѣческаго творчества, переплетался съ горячей любовью къ родному народу. Считаемъ нужнымъ привести короткую характеристику этой стороны научной дѣятельности Драгоманова, данную однимъ изъ учениковъ его, самымъ выдающимся изъ современныхъ украинскихъ писателей и ученыхъ Ив. Франкомъ въ его рѣчи, произнесенной въ 1894 г. на юбилейномъ банкетѣ въ честь тридцатилѣтія литературной дѣятельности Драгоманова. „У насть,—сказать Ив. Франко,— Драгомановъ первый взялся за истинно-научную работу надъ твореніями народного духа. Онъ больше, чѣмъ кто-либо другой на Українѣ, сдѣлалъ для научнаго объясненія народныхъ сказаний. Среди пѣсень и разсказовъ онъ обратилъ вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣ, которые прежніе ученые съ особенной любовью объявили оригиналными, созданіемъ нашего народа, считая ихъ чрезвычайно подходящими для того, чтобы на основаніи ихъ понимать народную душу. Драгомановъ, сравнивая ихъ съ пѣснями и рассказами другихъ народовъ, показалъ, что это пришлия произведения, заимствованныя нами у сосѣдей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показать, какъ важно знать, откуда и какъ эти произведения заходили къ намъ, и

какие взгляды и знания они приносили нашему народу. Такимъ образомъ въ тѣхъ „мужицкихъ“ и „бабынъ“ пѣсняхъ и сказкахъ, о которыхъ у насть до сихъ поръ кое-кто говорить сть пренебреженiemъ, Драгомановъ научить насть видѣть слѣды давниихъ культурныхъ связей нашего народа съ другими народами, свидѣтельства о такихъ духовныхъ сношенияхъ и влиянияхъ, о которыхъ у насть очень мало другихъ и письменныхъ свидѣтельствъ. Вмѣсто того, чтобы отгадывать народную душу, мы учимся на основаніи этихъ произведеній лучше понимать историческое развитіе народа, преимущественно развитіе его вѣрованій и его фантазій. Драгомановъ, особенно въ постѣдніе годы, живя въ столицѣ Болгаріи, Софії, опубликовалъ по-болгарски цѣлый рядъ такихъ работъ о народныхъ сказаніяхъ и вѣрованіяхъ, въ томъ числѣ — и нашего народа. Эти работы поставили его на ряду съ лучшими знатоками этого предмета во всемъ славянскомъ мірѣ, и о нихъ съ большою похвалою отзываются нѣмецкие, французские и американские ученые, а нѣкоторые изъ нихъ специально изучаютъ наши языки, чтобы читать наши пѣсни и повѣсти и работы о нихъ Драгоманова¹⁾.

Драгомановъ дѣйствительно пользовался среди европейскихъ ученыхъ большой известностью и авторитетомъ. Это особенно ярко обнаружилось въ 1894 году на томъ же празднованіи юбилея его тридцатилѣтней литературной и научной дѣятельности. Тогда со всѣхъ сторонъ Европы были присланы въ Львовъ горячие и даже восторженные привѣты, напр., отъ Альфреда Рамбо, В. Морфиля, Г. Питре, Л. Леже, М. Шиффа, Гастона Пари, Аири Карниуа и др. Въ Россіи Драгомановъ и какъ ученый до сихъ поръ еще недостаточно известенъ, такъ какъ вслѣдствіе цензурныхъ условій ученые въ Россіи часто не могли ссылаться на его сочиненія даже тогда, когда пользовались ими²⁾. Кромѣ того, его научныя сочиненія опубликованы на различныхъ, часто малоизвестныхъ языкахъ, какъ,

¹⁾ Ср. „Михаил Петрович Драгоманов, 1841 — 1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і спис творін“. Зладив і видав М. Павлик. Львів, 1896, стр. 28—30. Приведенный отрывокъ переведенъ нами съ украинскаго.

²⁾ Ср. некрологъ М. П. Драгоманова, написанный А. Крымскимъ, „Этнографическое Обозрѣніе“, т. XXVII. Некрологъ этотъ имѣется только въ отдельныхъ оттискахъ, такъ какъ онъ былъ вырѣзанъ цензурой и замѣненъ краткимъ сообщеніемъ о жизни и смерти Драгоманова и сухимъ перечислениемъ его сочиненій.

напримѣръ, болгарскій, и разбросаны въ массѣ специальныхъ изданій и журналовъ. Только украинцы, благодаря Галиції, могли болѣе обстоятельно знакомиться и съ научными сочиненіями Драгоманова. Надо признать большой заслугой „Наукового товариства імені Шевченка“ во Львовѣ и самого послѣдовательного ученика Драгоманова М. Павлика, изданіе собрания научныхъ сочиненій Драгоманова объ украинской народной словесности и литературѣ¹⁾.

Однако мы должны возвратиться къ разсказу о жизни Драгоманова. Въ Кіевѣ онъ не могъ надолго ограничиться исключительно научною дѣятельностью и долженъ быть постепенно иттинуться какъ въ публицистическую работу, такъ и въ кружковую жизнь кіевскаго интеллигентнаго общества. Нѣкоторыя изъ названныхъ выше статей общаго содержанія въ петербургскихъ и галицкихъ журналахъ были написаны именно въ это время. Въ 1875 г. передъ ними открылось поле для публицистической дѣятельности и въ Кіевѣ, какъ фактическое завѣдываніе редакціей мѣстной газеты „Кіевскій Телеграфъ“ перешло къ кружку украинцевъ, въ которомъ онъ былъ наиболѣе выдающейся литературной силой. Въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“ онъ помѣстилъ рядъ статей по украинскому, галицкому и славянскому вопросамъ; въ нихъ онъ развивалъ федеративно-демократическая идеи по поводу текущихъ политическихъ событий, особенно первыхъ [предѣстниковъ] готовящагося кризиса на Балканскомъ полуостровѣ. Одновременно онъ былъ занятъ также подготовкой къ печати сборника произведений поэта украинскихъ горцевъ — „гуцоловъ“ Федьковича, который ему удалось издать въ Кіевѣ лишь въ 1876 году; къ нему онъ написалъ приисловіе по-украински о развитіи галицко-украинской литературы. Хотя до 1876 года онъ не подписать своей фамиліей ни одной изъ своихъ публицистическихъ статей ни въ украинскихъ ни въ русскихъ журналахъ и газетахъ, однако авторство его не оставалось тайной. Поэтому на него сыпались доносы въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Конечно, однихъ этихъ доносовъ было бы достаточно для того, чтобы

1) См. „Розвідки Михайла Драгоманова про українську народну словесність і письменство“. До сихъ поръ вийшло три тома: томъ I, Львовъ, 1899, стр. 260; томъ II, Львовъ 1900, стр. 238; томъ III, Львовъ, 1906, стр. 362, ін 8°. Въ близкайшемъ времени готовится выходъ четвертаго тома.

возбудить дѣло противъ Драгоманова. Но у министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого присоединялись къ этому еще и личные счеты съ Драгомановымъ, такъ какъ послѣдній не разъ задѣвалъ его въ своихъ статьяхъ, да и не могъ не задѣвать, когда писать о вопросахъ народнаго образования вообще и о постановкѣ его въ Юго-Западномъ краѣ въ особенности. Вслѣдствіе этихъ доносовъ попечитель Киевскаго учебнаго округа въ маѣ 1875 года призвалъ къ себѣ Драгоманова и сообщилъ ему желаніе министра, чтобы Драгомановъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. На вопросъ о причинѣ попечитель отвѣтилъ, что министру слѣдалось известно, что Драгомановъ въ заграничныхъ изданіяхъ проповѣдуется „отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи и присоединеніе ея къ Польшѣ“. Считая себя совершенно невиновнымъ въ предъявленномъ ему обвиненіи, Драгомановъ отказался добровольно выходить въ отставку, а въ доказательство нелѣпости обвиненія представить свои статьи въ „Правдѣ“. Затѣмъ на вакационное время онъ уѣхалъ въ Галицію, гдѣ посещать и народныя собранія, хотя, конечно, не выступать на нихъ. Изъ Галиціи послѣдовали новые доносы на этотъ разъ отъ галичанъ-московофиловъ. Когда Драгомановъ возвратился въ Кіевъ, попечитель снова предложилъ ему подать прошеніе объ отставкѣ; теперь это слѣдалось по личному распоряженію императора Александра II, которому было доложено объ этомъ дѣлѣ. Но и на этотъ разъ Драгомановъ отказался признать себя виновнымъ безъ суда и слѣдствія и подать въ отставку. Тогда въ сентябрѣ 1875 года онъ былъ уволенъ министерствомъ по 3-ему пункту.

Послѣ своего увольненія отъ профессорскихъ обязанностей въ университетѣ Драгомановъ рѣшилъ ѿхать за границу для того, чтобы вести пропаганду въ русской заграничной печати въ пользу политической свободы и основать вольную украинскую прессу. Въ этомъ намѣреніи его поддерживали всѣ его друзья и товарищи изъ кіевской украинской организаціи, такъ называемой „Громады“. Кіевская „Громада“, зародившаяся, по вышеприведенному свидѣтельству Драгоманова, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ видѣ студенческаго кружка, къ этому времени состояла исключительно изъ людей зреіхъ, по преимуществу учителей гимназій и иѣсколькихъ профессоровъ университета. Поэтому съ конца шестидесятыхъ годовъ въ отличие отъ вновь возникавшихъ студенческихъ „Громадъ“ она

стада называться „Стара Громада“. По аналогії съ кіевской „Громадой“ въ другихъ культурныхъ центрахъ Украины—въ Одесѣ и Харьковѣ, образовались свои [украинскія организаціи, принявши то же название. Кромѣ того, каждая „Громада“ имѣла своихъ членовъ въ провинціи, такъ какъ, переселяясь изъ университетскаго города въ меньшій культурный центръ, „громадянинъ“ обыкновенно не выходилъ изъ „Громады“ и не порывалъ связей съ своею „Громадой“. Часто такой „громадянинъ“, живя въ не университетскомъ городѣ, находить въ немъ интеллигентныхъ украинцевъ, любившихъ свой народъ и стремившихся работать [на его пользу, или же въ какомъ-нибудь университетскомъ городѣ собирались изъ-за границы членовъ изъ одной и той же „Громады“ или изъ изъ-за границы упомянутыхъ „Громадъ“, и тогда въ этомъ городѣ возникала своя „Громада“. Благодаря своей распространенности и относительной прочности существовавшей внутри ихъ и между ними связи, организаціи эти представляли довольно внушительную силу. Во всякомъ случаѣ, ихъ интеллектуальная сила не можетъ поддѣлывать сомнѣнію, такъ какъ они заключали въ себѣ цѣль интеллигенціи всей южной Россіи. Въ частности кіевская „Громада“ въ половицѣ семидесятыхъ годовъ занимала выдающееся положеніе по господствовавшему въ ней политическому радикализму и по выдающимся умственнымъ и общественнымъ качествамъ ея членовъ. Тогда къ кіевской „Старой Громадѣ“ примыкали: проф. В. Б. Антоновичъ, Антеповичъ, В. Л. Беренштамъ, Бѣлый, Ф. Винichenko, В. Н. Волкъ-Карачевскій, Ф. К. Волковъ, А. А. Волькенштейнъ, П. И. Житецкій, И. А. Житецкій, проф. Н. И. Зиберъ, проф. А. Ф. Кистяковскій, Н. В. Ковалевскій, А. Я. Конисскій, П. А. Косачъ, О. П. Косачъ, И. С. Левицкій, О. И. Левицкій, П. И. Линтваревъ, И. И. Линтваревъ, Г. И. Линтваревъ, А. И. Лоначевскій-Петруняка, А. Михалевичъ, Михальчукъ, В. П. Науменко, Ф. Т. Паниченко, С. А. Подолинскій, В. А. Рубинштейнъ, И. Я Рудченко, А. А. Русовъ, Ф. Р. Рыльскій, М. П. Старницкій, Е. К. Трегубовъ, Н. И. Троцкій, Н. Я. Фойницкій, Ю. Ю. Цвѣтковскій, П. П. Чубинскій, Шершавинъ, Я. Н. Шульгинъ и Шульженко¹⁾. Позже къ ней при-

1) См. „Сводъ указаний, данныхъ некоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленияхъ“ и „Примѣчанія къ части „Свода“, касающейся „сообщества украинофиловъ“ А. А. Русова и Ф. К.

соединились также проф. Ф. Г. Мищенко и проф. И. В. Луцицкий. Около середины семидесятых годовъ установилась самбльшая солидарность между киевской „Старой Громадой“ и Драгомановымъ, который состоять ея членомъ съ 1863 года.

Характеризуя политическое мышление Драгоманова, мы выяснили, что онъ не быть националистомъ. Но въ то же время, знакомясь съ цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ его жизни, мы видѣли, что- какъ только возникало какое-нибудь практическое дѣло, педагогическо-культурное или соціально-политическое на пользу народа, онъ сближался съ украинцами, даже чистыми националистами, потому что для него было ясно, что для украинского народа можно работать только въ качествѣ украинца. Къ нему можно примѣнить слова, сказанныя имъ въ одной изъ его статей по поводу произведений Гоголя: „Во времена Гоголя еще можно было написать „Вечера на хуторѣ“, „Тараса Бульбу“ не по-малорусски, а теперь нельзя“. Такъ же точно во времена Гоголя, т.-е. въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX ст. еще можно было устраивать тайны политическія сообщества въ южной Россіи даже демократически-федералистического направления, каковыми были союзы „Соединенныхъ Славянъ“, не питая никакихъ украинскихъ симпатій и не чувствуя никакой солидарности съ украинскимъ народомъ. Но уже въ 40-хъ годахъ въ эпоху Кирилло-Меѳодіевскаго братства это было невозможно; начиная же съ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ каждый искренний демократъ и радикаль, работающей на Украинѣ и среди украинского народа, долженъ становиться украинцемъ. Драгомановъ приходилъ къ украинству, исходя изъ созданныхъ европейской цивилизацией общечеловѣческихъ идеаловъ, въ частности изъ принциповъ политического радикализма и демократизма. Какъ послѣдовательно мыслящий и обладающій громадной эрудиціей человѣкъ, разсматривавшій положеніе украинского народа не только въ славянствѣ, но и вообще въ Европѣ, притомъ не только въ послѣднее столѣтіе, но и во всѣ предшествующія, онъ приходилъ къ заключенію, что высшіе соціальные, политические и культурные идеалы европейской цивилизациіи могутъ быть осуществлены на украинской почвѣ и среди украинского народа только въ

Волкова. „Былое“, 1907, іюнь. Ср. также В. Доманицкій, „Володимир Антонович“. Журн. „Нова Громада“ 1906 г., № 9.

украинской национальной формѣ. Но его украинство не было результатомъ только логическихъ выкладокъ и чисто умственной работы. Мы видѣли выше, что, знакомясь съ украинскимъ народомъ, изучая его исторію и литературу, особенно народную поэзію, онъ горячо полюбить его. Въ исторіи Украины и въ ея географическомъ положеніи онъ усматривалъ, какъ мы могли убѣдиться въ этомъ изъ одного его признанія, приведенного выше, указанія на ея культурную и политическую роль въ славянскомъ мірѣ. Въ частности въ томъ умственномъ движении XIX столѣтія, которое извѣстно подъ именемъ украинского национального возрожденія, онъ находилъ чрезвычайно важными общественно-политическія идеи, которыхъ могутънести въ русскую и вообще славянскую культуру и что новое и цѣнное. Ихъ онъ видѣлъ въ политической программѣ кружка украинцевъ сороковыхъ годовъ, такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства, самыми видными членами которого были Шевченко и Костомаровъ. Такими идеями онъ считалъ идеи славянской федераціи и братства народовъ. Подводя итоги всей своей дѣятельности, въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія по поводу его тридцатилѣтняго юбилея онъ писалъ, что главнымъ дѣломъ своей жизни онъ считать проповѣдь и стремление осуществлять въ практической политикѣ тѣ руководящія идеи, къ которымъ пришли въ сороковые годы славяне Кирилло-Меѳодіевскіе „братья“, и которые составляли основу украинского демократизма въ кружкахъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, существовавшихъ во время его молодости; въ эти идеи онъ вносилъ только поправки, которые вызывались новѣйшимъ развитиемъ міровой науки и политики. Все это показываетъ, что Драгомановъ, не будучи националистомъ, въ концѣ-концовъ, какъ по требованію разума, такъ и по влечению чувства, стать горячимъ и преданнымъ украинскимъ патріотомъ.

Такая сложная постановка вопросовъ о национализмѣ и интернационализмѣ, конечно, не могла быть понята окружающей средой. Во всѣхъ национальныхъ и общественныхъ группахъ она вызывала недоразумѣнія и приводила къ тому, что противъ Драгоманова часто выдвигались самыя фантастическія обвиненія. Такъ, великорусскіе соціалисты-революціонеры принимали украинскій патріотизмъ Драгоманова за национализмъ и упрекали его за него. Сами они, называя себя интер-

націоналістами, стремились казатися равнодушними къ интересамъ своей національности, но это имъ плохо удавалось. Будучи народниками, они основывали свою вѣру въ близость соціальной революції на чрезмѣрной переоцѣнкѣ иѣкоторыхъ національно-русскихъ учрежденій—общины и артели, и потому ихъ интернационализмъ и антинаціонализмъ часто сводились къ тому, что они требовали отъ представителей всѣхъ не великорусскихъ націй равнодушія къ своей національности и признания великорусскихъ національныхъ чертъ единственно спасительными для соціальной революції. Въ польской средѣ идеи Драгоманова встрѣчались еще съ болышимъ недовѣріемъ. Особенно послѣ появленія статьи Драгоманова „Il movimento letterario ruteno in Russia e Galizia“ въ итальянскомъ журнале „Rivista Europea“ (1873 г. №№ 1 и 2) польские журналы часто стали называть Драгоманова „московскимъ агентомъ“. Наконецъ идеи Драгоманова вызывали оппозицію и въ средѣ его земляковъ - украинцевъ. Послѣдніе никакъ не могли примириться съ взглядами Драгоманова на русскую литературу: они не соглашались съ тѣмъ, что русская литература имѣть громадную культурную цѣнность и для Украины, и безусловно отрицали полезность и необходимость распространенія ея въ Галиції. Имъ казалось, что русинская часть Галиції есть уголокъ Украины, где украинская нація можетъ развиваться совершенно самобытно и независимо отъ великорусскихъ культурныхъ вліяній. Поэтому ихъ возмущала мысль Драгоманова способствовать демократизированію и радикализированію галицкаго общества путемъ ознакомленія его съ русской литературой. За такія мысли украинскіе націоналисты называли Драгоманова „обрусителемъ“ и „москалефиломъ“¹⁾.

Среди членовъ кіевской „Старой Громады“ очень многіе также не соглашались съ философско-историческими и политическими взглядами Драгоманова. Значительная часть „громадянъ“ приближалась по своимъ [воззрѣніямъ] къ украинскимъ націоналистамъ. Но различія эти въ половинѣ семидесятыхъ годовъ сглаживались вслѣдствіе общаго радикально-демократического настроенія всей „Старой Громады“. Политическому радикализированію „Громады“ способствовали два обстоятель-

1) Ср. А. Крымский. Некрологъ Драгоманова, „Этнографическое Обозрѣніе“, т. XXVII, стр. 130.

ства: во-первыхъ, ожидавшися репрессій противъ украинскаго литературнаго и культурнаго развитія, которыя не замедлили воспослѣдоватъ уже въ 1876 г., когда было изданъ знаменитый указъ, почти совсѣмъ воспрещавшій украинскую литературу, и было закрыто даже чисто научное общество Юго-Западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а его секретарь и вице-президентъ извѣстный этнографъ П. П. Чубинский былъ высланъ изъ Киева; во-вторыхъ, готовившися кризисъ въ русской государственной жизни. Этотъ кризисъ Драгомановъ и его друзья вполнѣ опредѣленно предвидѣли еще въ 1875—1876 гг. Но они ошибались относительно его исхода, — они были убѣждены тогда, что онъ приведетъ къ учрежденію конституціоннаго строя въ Россіи и никакъ не могли предвидѣть постѣдовавшей за кризисомъ реакцией въ царствование Александра III.

Итакъ, Драгомановъ отправлялся за границу не одиночнымъ партизаномъ; за нимъ стояли довольно солидныя общественныя силы, на которыя въ то время дѣйствительно можно было опереться. Его миссія заключалась въ томъ, чтобы отстаивать въ русской и украинской прессѣ идеи политического федерализма и способствовать болѣе благопріятному для областного и национального автономизма разрѣшенію государственного кризиса Россіи; во всякомъ случаѣ, нужно было предотвратить разрѣшеніе этого кризиса путемъ учрежденія чисто централистической конституції, при которой Украина и украинскій народъ могли бы попасть въ еще болѣе угнетенное положеніе, чѣмъ при самодержавіи. За границу Драгомановъ выѣхалъ въ началѣ 1876 г., такъ какъ ему пришлось прожить еще около полугода въ Киевѣ для того, чтобы закончить свои научныя и литературныя работы. Первоначально онъ поселился въ Вѣнѣ, считая ее наиболѣе удобнымъ пунктомъ для того, чтобы одновременно работать и для русской и для галицкой Україны. Къ этому времени онъ окончательно разошелся съ галицкими „народовцами“ (украинофилами), въ чемъ его въ значительной мѣрѣ поддерживала тогда и киевская „Громада“. Притомъ правильность его программы и тактики по отношенію къ галицкимъ русинамъ были именно въ это время подтверждены однимъ изъ крупнѣйшихъ его успѣховъ среди галицкой молодежи и вообще въ Галиції. Подъ влияніемъ его статей въ рутенско-москофильской газетѣ „Другъ“, органѣ москофильской же

студенческой организації „Академический Кружокъ“, были напечатаны въ подлинникѣ произведения русской литературы съ чисто народными великорусскими оборотами рѣчи, какъ, напримѣръ, некоторые разсказы Глѣба Успенского. На этихъ примѣрахъ редакція „Друга“ и его читатели наглядно убѣдились, насколько живой русскій языкъ и настоящая русская литература отличаются отъ той мертвчины, которая имъ преподносилась въ различныхъ галицко-московофильскихъ организаціяхъ, не исключая и самого „Друга“, въ качествѣ произведений доморощенной „русской“ литературы на „общерусскомъ“ языке. Постѣ этого редакція „Друга“ объявила, что основой для живой галицко-русинской литературы можетъ быть только тотъ языкъ, на которомъ говорить народъ въ Галиції, т.-е. языкъ украинскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло основаніе для раздѣленія русинскихъ студенческихъ организацій на московофильскую и украинофильскую, и потому московофильский „Академический Кружокъ“ и украинофильский „Дружный Лихвярь“ объединились. Изъ редакціи „Друга“ вышли самый талантливый галицко-украинскій поэтъ и ученый Ив. Франко и самый стойкий и постѣдовательный публицистъ и политический дѣятель М. Павликъ. Несмотря, однако, на такой успѣхъ въ Галиції, Драгоманову скоро пришлось убѣдиться, что ему нельзя свободно дѣйствовать, живя въ Австріи, такъ какъ австрійская полиція [начала подвергать конфискаціи его изданія. Въ послѣдовавшіе затѣмъ годы онъ былъ даже совсѣмъ лишнѣ возможности непосредственно вліять на галицкихъ украинцевъ, такъ какъ галицкою полиціей, начиная съ 1877 г., была возбуждена рядъ процессовъ противъ первыхъ галицко-украинскихъ соціалистовъ, вышедшихъ изъ редакціи „Друга“, что вызвало страшную панику среди всего русинского общества въ Галиції. При этомъ особенно ярко обнаружилось, что конституція, не завоеванная упорной борьбой, а дарованная сверху, каковой была австрійская конституція въ Галиції, фактически не гарантируетъ ни неприкосновенности личности ни личныхъ и общественныхъ свободъ. Поэтому впослѣдствіи Драгоманову приходилось проповѣдовывать галичанамъ прежде всего необходимость борьбы за элементарныя личныя и общественные свободы, въ чемъ легко можно убѣдиться по цѣлому ряду его статей о галицкихъ фѣлахъ въ „Вольномъ Словѣ“. Самъ Драгомановъ постѣ того, какъ первыя его изданія были

конфискованы въ Австрії, перенесть свою дѣятельность въ Женеву, куда онъ переѣхалъ на постоянное жительство еще въ 1876 году, и гдѣ прожить безвыѣздино, если не считать небольшихъ поездокъ въ Парижъ и Италію, до осени 1889 года.

О жизни Драгоманова въ качествѣ политического эмигранта лучше всего свидѣтельствуетъ его литературная, научная и издательская дѣятельность, охарактеризованная нами выше. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ, которая онъ прожилъ за границей до самой своей смерти, не было ни одного сколько-нибудь важнаго политического вопроса, на который онъ не отозвался бы. Его литературная и издательская дѣятельность на украинскомъ языкѣ была посвящена не только политическому пробужденію украинскихъ народныхъ массъ и пропагандѣ среди нихъ соціализма, но и всестороннему развитію украинской культуры и литературы. Такъ, уже въ 1877 году онъ издастъ свою работу „Народні школи на Україні середъ життя і письменства въ Россії“, въ которой разсматривается вопросъ о народномъ образованіи на Українѣ съ самой широкой культурной точки зренія, при чемъ пользуется данными изъ своего личнаго педагогического опыта. Въ 1879 году въ четвертомъ выпускѣ сборника „Громада“ появляется его историко-литературное изслѣдованіе „Шевченко, українофіли і соціалізмъ“, которое Ив. Франко въ предисловіи ко второму изданію его называетъ „украшеніемъ украинской критической литературы“¹⁾. Кромѣ того, Драгомановъ написалъ цѣлый рядъ популярныхъ брошюръ. Еще до отѣѣзда изъ Киева ему удалось издать брошюру „Про українськихъ козаківъ, татаръ та турківъ“, знакомившую украинскаго читателя въ виду приближавшейся русско-турецкой войны съ исторіей столкновений Украины съ Турцией. Затѣмъ въ Женевѣ онъ написалъ и издать вмѣстѣ съ С. А. Подолинскимъ брошюры: „Про богатство та бідність“ и „Про хліборобство“ и самостоятельно: „Про те як наша земля стала не наша“ и „Про те як де земля поділена і як би слідъ йої держати“. Главныемъ его изданіемъ въ Женевѣ на украинскомъ языкѣ былъ сборникъ „Громада“, въ которомъ большинство статей написано имъ. Иниціатива этого

1) См. М. Драгомановъ. „Шевченко, українофіли і соціалізмъ“. Друге виданіннє з передмовою Ів. Франка. Львівъ, 1906, стр. XI.

издания принадлежала не ему, а другим членамъ „Старой Громады“, при чмъ эта киевская организация во всемъ своемъ составѣ обязалась поддерживать издания Драгоманова литературио и материально. Но постепенно эта поддержка съ родины все больше оставалась. Наконецъ около середины восьмидесятыхъ годовъ подъ вліяніемъ правительственной и общественой реакціи между Драгомановымъ и „Киевской Громадой“ обнаружилось сильное охлажденіе. Въ декабрѣ 1885 года, не получая долго никакихъ вѣстей съ родины, онъ жалуется въ письмѣ къ Ив. Франку, что, несмотря на сотню друзей, съ которыми у него было заключено братскій союзъ, несмотря на его работы, въ которыхъ самые заклятые враги находили нечто цѣнное, несмотря, наконецъ, на его готовность работать и дѣлать что угодно, онъ сидитъ безъ дѣла. Затѣмъ онъ прибавляетъ, что иногда онъ совершиенно объективно предвидитъ возможность перваго удара или сумасшествія, когда же у него появляется мысль о самоубійствѣ, то его удерживаетъ не столько забота о дѣтихъ, сколько о неизданномъ еще третьемъ выпуске „Политическихъ пѣсенъ украинскаго народа“¹⁾. Исторія постепенного расхожденія Драгоманова съ „Киевской Громадой“ еще не можетъ быть написана, такъ какъ пока нѣть достаточнаго материала для того, чтобы правильно освѣтить ее. Впрочемъ, недавно опубликованы два замѣчательныхъ письма Драгоманова къ „Громадѣ“ отъ февраля и апрѣля 1886 года²⁾. Въ нихъ онъ подробно останавливается на всѣхъ вопросахъ, изъ-за которыхъ произошли разногласія и возникло взаимное охлажденіе. Письма эти проникнуты удивительной сердечностью и трагизмомъ тона; вмѣстѣ съ тѣмъ они поражаютъ обилиемъ аргументовъ, приведенныхъ въ доказательство того, что самъ Драгомановъ все время выполнялъ обязательства, взятая имъ на себя. Но это не только защитительная рѣчь, а и обвинительный актъ. Между тѣмъ у насть нѣть данныхъ, позволяющихъ судить о томъ, что приводила „Старая Громада“ въ свою защиту, и какъ она болѣе точно формулировала свои обвиненія противъ Драгоманова. Несомнѣнно одно, что подъ вліяніемъ реакціи среди „громадянъ“ воцари-

¹⁾ См. М. Драгомановъ. „Листи до Ів. Франка і іншихъ, 1881—1886“. Видав Ів. Франко. Львівъ, 1906, стр. 125.

²⁾ См. тамъ же, стр. 153—177 и 211—220.

лась крайняя пассивность по отношению къ политическимъ вопросамъ. Не видя тѣхъ результатовъ оть литературио-политической и издательской дѣятельности Драгоманова, которые оть нея ожидались, многіе изъ „громадинъ“ совершенно охладѣли къ ней и даже отрицали несомнѣнныя положительныя стороны ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзче проявились и старыя разногласія: одни изъ „громадинъ“ считали Драгоманова чрезтурь радикальнымъ въ политическомъ отношеніи, другіе — недостаточно радикальнымъ въ национальномъ отношеніи. Понятно, что при такихъ условіяхъ совмѣстная работа „Кievskой Громады“ и Драгоманова не могла продолжаться.

Но среди членовъ „Старой Громады“ были и безусловные сторонники Драгоманова, проявлявшіе притомъ большую активность въ отстаиваніи его идеи и интересовъ. Одинъ изъ нихъ, Николай Васильевичъ Ковалевскій (1843—1897), считалъ нужнымъ даже выйти изъ „Громады“, чтобы располагать полной свободой при организаціи поддержки Драгоманова. Въ постѣднія десять лѣтъ жизни Драгоманова, когда кievская и другія „Громады“ отказались оть политической дѣятельности и всецѣло ушли въ культурную работу, Ковалевскій былъ самымъ неутомимымъ и главнымъ организаторомъ материальной и нравственной поддержки, которая оказывалась Драгоманову съ родины. Онъ объединялъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ старыхъ „Громадъ“, оставшихся вѣрными идеямъ Драгоманова, и вѣль самуу энергичную пропаганду и агитацию этихъ идей, пріобрѣтая новыхъ сторонниковъ ихъ, для чего постоянно разѣзжалъ по всей Украинѣ. По его настоянию и на собранныя имъ средства было издано сочиненіе Драгоманова „Большій союзъ“. Затѣмъ, такъ какъ было признано, что политический органъ временно не можетъ имѣть успѣха и вліяній въ виду страшной общественной реакціи, было решено, что Драгомановъ пока напишетъ исторію украинской литературы въ связи съ исторіей культуры. Ковалевскій собиралъ средства для того, чтобы Драгомановъ могъ выполнить эту работу, и Драгомановъ принялъ за нее. Но такъ какъ первый томъ этого труда должна была составлять исторія украинской народной словесности, то Драгомановъ считалъ нужнымъ подготовить его отдѣльными монографіями. На подготовительныхъ монографіяхъ работа эта и остановилась, и „исторія украинской литературы“ Драгоманова осталась ненаписанной. Снова

открывшаяся возможность писать на политических темы и необходимость вести политическую пропаганду и агитацию, а затѣмъ смерть помѣшила Драгоманову создать этотъ трудъ.

Съ 1887 г. Драгомановъ получилъ опять возможность писать въ галицко-украинскихъ журналахъ. Къ этому времени подросла новая радикальная галицко-украинская интеллигенция. Теперь М. Павликъ и Иванъ Франко были уже не единственными послѣдователями Драгоманова въ Галиції, каковыми они оказались постѣ ряда процессовъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда другие сторонники идеи, проповѣдуемыхъ Драгомановымъ, подъ влїяніемъ реакціи и всеобщей паники, измѣнили имъ или отказались отъ активной поддержки ихъ, а иѣ-которые даже погибли въ непосильной борьбѣ за существованіе. Въ концѣ восемидесятыхъ годовъ Драгомановъ помѣстилъ нѣсколько статей въ галицко-украинскихъ журналахъ: „Ватра“, „Товариш“ и „Зоря“. Въ 1888 г. Александромъ Яковлевичемъ Конисскимъ (1836—1900) былъ основанъ во Львовѣ журналъ подъ старымъ именемъ „Правда“. Главные сторонники Конисского тоже выдѣлились изъ „Кievской Громады“, такъ какъ придерживались болѣе радикальныхъ возврѣній на национальный вопросъ, чѣмъ большинство ея членовъ, и не отказывались отъ политической пропаганды. Конисский считалъ нужнымъ опереться также на украинскую молодежь, а вся украинская радикальная молодежь была послѣдовательницей идеи Драгоманова. Повидимому, это обстоятельство и заставило Конисского сдѣлать попытку сблизиться съ Драгомановымъ, и онъ попросилъ Драгоманова написать программную статью для „Правды“, увѣривъ его, что журналъ будетъ издаваться въ направлениіи, согласномъ съ его идеями. Когда, однако, вышелъ первый номеръ „Правды“, Драгомановъ уви-дѣлъ, что на ряду съ его программной статьей въ „Правдѣ“ звучать совсѣмъ другія ноты, чуждыя и даже враждебныя его идеямъ. Послѣ взаимныхъ разъяснений обнаружилось, что Конисский является представителемъ другого политического радикализма — национально-шовинистического, который при случаѣ готовъ итти рука объ руку съ политической реакцией и даже съ клерикализмомъ, лишь бы заполучить иѣкоторые выгоды въ пользу украинской национальности или, вѣрнѣе, украинского языка. Тогда Драгомановъ рѣзко порвалъ съ „Правдой“ и ея руководителями, а „Правда“

послѣ этого издавалась уже въ чисто шовинистическомъ на-
правлениі.

Съ 1890 года Драгоманову открылась новая арена для ли-
тературно-политической дѣятельности. Въ январѣ этого года
быть основанъ во Львовѣ на средства, полученные Драгома-
новымъ отъ одного украинца во время всемирной Парижской
выставки 1889 г., русинско-украинскій радикальный журналъ
„Народъ“. Онъ выходитъ сперва подъ редакціей Павлика и
Франка, а затѣмъ одного Павлика. Средства на продолженіе
этого изданія и литературную поддержку изъ Украины достав-
лялъ Ковалевскій, который въ это время особенно усилилъ
свою агитационную дѣятельность. Въ первый годъ изданія
„Народа“ Драгомановъ сравнительно мало писать въ немъ,
но съ 1891 года до самой своей смерти онъ быть не только
главнымъ его сотрудникомъ, но и руководителемъ, поскольку
вообще можно было руководить журналомъ, сносясь съ ре-
дакціей только письменно. Были годы, когда не выходило ни
одного номера „Народа“ безъ одной или нѣсколькихъ его ста-
тей и замѣтокъ.

Выше мы дали характеристику литературно-политической
дѣятельности Драгоманова въ „Народѣ“ и въ частности оста-
новились на его главнѣйшихъ статтяхъ. Здѣсь необходимо
указать на то, что въ связи съ оживленiemъ его литературной
дѣятельности по политическимъ вопросамъ благодаря „Народу“
онъ снова началь писать популярныя брошюры для народа.
Между 1892 и 1895 годами во Львовѣ и Коломїи быть изданъ
цѣлый рядъ такихъ брошюръ. Нѣкоторые изъ нихъ написаны на
чисто политическія темы, какъ, напримѣръ, „Шістьсот років
Швейцарської Спілки“ и „Старі хартії вільності“, другія на
темы, относящіяся къ історії и философії релігії, какъ, на-
примѣръ, „Віра а громадські справи“, „Про братство хрести-
телів або баптистів на Українѣ“, „Евангельска віра въ старій
Англії“, „Оповідання про заздрих богів“ и, наконецъ, „Рай і
поступ“ (прогрессъ). Послѣдня серія была написана въ зна-
чительной мѣрѣ для украинскихъ штундистовъ. Въ ней Дра-
гомановъ, пользуясь историческими фактами, разказывалъ
украинскому народу о связи между борьбой за свободу со-
вѣсти и борьбой за политическую свободу и нѣсколько
лѣтъ до того, какъ обѣ этой связи снова заговорили всѣ по
поводу книги Еллинека „Декларація правъ человѣка и гражда-

нина". Къ сожалѣнію, смерть помѣшила Драгоманову закончить эту серію брошюръ; осталась ненаписанной и послѣдняя брошюра изъ этой серіи о Роджерѣ Вильямсѣ. Всѣ эти брошюры въ своемъ родѣ мастерскія произведенія и могли бы украсить любую популярную литературу.

Чтобы закончить характеристику литературио-политической дѣятельности, которую Драгомановъ развилъ въ своихъ статьяхъ въ „Народѣ“, мы должны еще указать на то, что онъ принималъ самое близкое участіе въ борьбѣ галицкихъ политическихъ партій. Въ началѣ девяностыхъ годовъ въ группировкѣ и отношеніяхъ русско-украинскихъ партій въ Галиції произошли большія перемѣны. Сначала благодаря „Народу“ организовалась и выставила свою программу новая русинско-украинская радикальная партія. Она въ общемъ примкнула по своей программѣ къ политическимъ идеямъ Драгоманова; первыми вожаками ея въ Галиції были М. Павликъ и Ив. Франко, а „Народ“ издавался одно время, какъ органъ этой партіи, и только потомъ было признано болѣе удобнымъ, чтобы редакція его отставала программу партіи, сохранивъ независимость отъ партійной организаціи. Почти одновременно изъ „народовской“ или украинофильской партіи выдѣлилось особое направленіе, получившее название отъ лозунга, выдвинутаго имъ, такъ называемой „угоды“, — „угодовцевъ“. Направленіе это задолго подготовлялось журналомъ „Правда“ и галицкимъ руководителемъ его Ал. Барвинскимъ. Оно прокладывало себѣ путь крайнимъ и непримирамъ национализмомъ, а въ концѣ-концовъшло на соглашеніе — „угоду“ съ поляками, т.-е. съ господствующей въ Галиції клерикально-аристократической партіей ихъ. На основаніи этого соглашенія „угодовцы“ отказывались отъ всякаго демократизма и политического радикализма и обязывались бороться съ радикально-демократическими течениями среди русиновъ, особенно съ „радикальной партіей“, а взамѣнъ получали иѣкоторыя уступки для украинскаго языка въ Галиції. Противники „угодовцевъ“ утверждали, что они продали интересы своего народа за украинскія надписи на почтовыхъ ящикахъ. Фактически, однако „угодовцамъ“ было обѣщано иѣкоторое уравненіе украинскаго языка съ польскимъ въ административномъ и судебномъ дѣлопроизводствѣ и новымъ украинскія средне-учебныя заведенія — учительскія семинаріи и гимназіи, а также иѣсколько новыхъ

каеедръ во Львовскомъ университѣтѣ. Но даже эти обѣщанія не были выполнены цѣликомъ. Между тѣмъ зло, причиненное „угодой“, было громадно, такъ какъ благодаря ей нѣкоторые представители украинофильства, правда, на галицкой почвѣ, были запятнаны явнымъ союзомъ съ аристократическими и клирикальными элементами, что отчасти ложилось незаслуженнымъ пятномъ и на все направление.

Еще до основанія „Народа“ въ личной жизни и общественномъ положеніи Драгоманова произошли большия перемѣны. Онъ былъ приглашенъ занять каѳедру профессора всеобщей исторіи въ Высшей Школѣ въ Софіи и осенью 1889 г. перебѣхалъ туда на жительство. Болгарское правительство заключило съ нимъ контрактъ сперва на три года, но въ 1891 г. едва не удалило его по настоянию русского правительства. Однако въ 1892 г. болгарскій совѣтъ министровъ рѣшилъ возобновить съ нимъ контрактъ еще на одинъ годъ, а въ 1893 г. этотъ контрактъ быть продолженъ снова на три года. Но уже въ 1890 году у Драгоманова появились первые симптомы ужасной болѣзни, которая свела его въ могилу. Первое время софийские врачи объясняли боли въ лѣвой руцѣ и груди ревматизмомъ или невралгіей. Но когда состояніе его здоровья ухудшилось, и онъ обратился въ Вѣнѣ къ Нотнагелю, тотъ опредѣлилъ несомнѣній аневризмъ аорты. По временамъ Драгомановъ испытывалъ страшныя боли, совсѣмъ терялъ голосъ и долженъ быть по цѣлымъ днамъ лежать. Тѣмъ не менѣе, онъ не выпускалъ пера изъ рукъ и, какъ мы видѣли, очень много написать въ эти годы. Кромѣ того, онъ продолжалъ читать лекціи; послѣднюю лекцію онъ прочиталъ въ день своей смерти. Онъ умеръ въ Софіи 8/20 июня 1895 года.

Постѣдніе годы своей жизни, когда онъ особенно тяготился своимъ положеніемъ эмигранта и очень сильно тосковалъ по родинѣ, связь съ общественной и политической жизнью Галиціи была его единственнымъ утѣшениемъ. По его собственнымъ словамъ, Галиціи онъ обязанъ тѣмъ, что „не превратился въ беспочвенного эмигранта и тѣломъ и душою“. За полгода до его смерти въ декабрѣ 1894 года его друзья и сторонники въ Галиціи устроили празднованіе по поводу исполнившагося 30-тилѣтія его литературной дѣятельности. Въ этомъ юбилѣѣ, который онъ самъ съ горечью называлъ своими похоронами, приняла участіе и вся Україна; изъ всѣхъ даже са-

мыхъ отдаленныхъ уголковъ ея были присланы адреса и привѣтствія въ прозѣ и стихахъ. Въ одномъ изъ привѣтствій въ стихахъ изъ его родной Полтавщины очень красиво характеризовалось громадное значеніе всего сдѣланнаго имъ въ короткихъ словахъ:

Бажали ми народові свободи,
Бажали ми, щоб очі він розкрив,
І, як другі всесвітні народи,
Для поступу, для правди й щастя жив.
І тут над всім, мій брате незабутній,
Здіймавсь Твій стяг, лунав Твій глас могутній.

(Мы жаждали свободы для народа, мы жаждали, чтобы онъ раскрылъ глаза, и чтобы онъ жилъ, какъ другіе мировые народы, для прогресса, для правды, для счастья. И тутъ, мой незабытній братъ, выше всѣхъ возносилось Твое знамя и сильнѣе всѣхъ звучалъ Твой могучій голосъ).

Б. Кистяковскій.

Предисловіе къ первому тому.

Успѣхъ во вѣшней политикѣ зависитъ отъ правильнаго решения вопросовъ внутренней политики — въ непреложности этой истины русскому обществу пришлось убѣдиться на горькомъ опыте русско-японской войны. Но изъ всѣхъ внутреннихъ вопросовъ наибольшее значение для успѣшности вѣшней политики имѣютъ вопросы окраинные. Установленіе разумныхъ отношеній между центромъ и окраинами создаетъ внутреннее единство государства и сплачиваетъ всѣ его части на почвѣ солидарныхъ интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно укрѣпляетъ его могущество во вѣшнихъ дѣлахъ.

Собранныя въ предлагаемомъ томѣ сочиненія М. П. Драгоманова посвящены именно вопросу объ отношеніяхъ между центромъ и окраинами. О первой статьѣ въ этомъ томѣ „Восточная политика Германіи и обрусеніе“ самъ Драгомановъ говоритъ въ своихъ автобіографическихъ черновыхъ замѣткахъ: „Моей исходной точкой была мысль, что послѣ объединенія Италии, паденія Наполеона, объединенія Германіи слѣдующій исторический моментъ долженъ заключаться въ паденіи Турій и въ уничтоженіи абсолютизма въ Россії. Этотъ процессъ, который можно назвать эманципаціей славянъ, — усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что германская раса движется на востокъ, гдѣ стремится господствовать надъ славянами. Русский абсолютизмъ, на который многіе въ славянства смотрятъ, какъ на свободителя и конкурента воинственному германизму, есть въ сущности сознательный и безсознательный союзникъ постѣднихъ, особенно тогда, когда онъ, желая подражать Пруссіи, пробуетъ „обрусеніе“ западныхъ провинцій Россії подобно тому, какъ Пруссія германизируетъ свои восточные провинціи. Между тѣмъ это обрусеніе уже потому невозможно, что оно не можетъ опереться на

колонизацию; оно только ослабляет местные народные элементы и делает их меньше способными противодействовать чужому напору с запада: въ Литве, Бѣлоруссіи и западной Українѣ—польскому, а въ самой Польшѣ—нѣмецкому. Выводъ изъ этого тотъ, что вмѣсто политики централизации и обрушения во всей западной половинѣ Россіи тѣлесообразнѣе политика самоуправления областей и национальностей, основанная на демократическомъ принципѣ. Такая политика дастъ Россіи особенную силу и въ восточномъ вопросѣ. Эти мысли я подкреплять въ моей статьѣ разборомъ нѣмецкихъ брошюръ и книгъ, софтверющихъ Германіи захватъ бассейна Вислы, а Австріи—Дуная и Балканъ, обзоромъ отношенія поляковъ и великорусскихъ централистовъ къ возрожденію литовскому, бѣлорусскому и украинскому, а также анализомъ отношенія русскихъ либераловъ, славянофиловъ и правительства къ польскому вопросу. Въ концѣ я составлю проектъ либерально-демократическихъ реформъ въ Польшѣ".

По этому отрывку, характеризующему основныя идеи первой статьи, читатель можетъ видѣть, что Драгомановъ еще тридцать пять лѣтъ тому назадъ имѣлъ въ виду прежде всего паденіе русского абсолютизма. Но абсолютизмъ падъ въ Россіи только въ наши дни. Слѣдовательно, только теперь русское общество можетъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса объ отношеніи центра къ окраинамъ, а этотъ вопросъ настоятельно выдвигается русской государственной жизнью. Однако чтобы практически рѣшать такой сложный вопросъ, нужно правильно понимать его и знать, где искать иѣрнаго рѣшенія. Между тѣмъ мы видимъ, что отношеніе русского правительства и общества къ этому вопросу никакъ неизмѣнилось за истекшія десятилѣтія. Даже позиція русскихъ либераловъ, несмотря на кажущуюся крупную перемѣну, по существу осталась старой. Попрежнему на западной окраинѣ они видятъ одну только Польшу и думаютъ, что, решивъ вопросъ о Польшѣ, они регулируютъ окраинный вопросъ. Возникшая недавно возможность ограничить пока рѣшеніе польского вопроса лишь автономіемъ устройствомъ Царства Польскаго чрезвычайно благопріятствуетъ этой точкѣ зрѣнія. Но какъ въ шестидесятыхъ годахъ польский вопросъ осложнялся вопросомъ о Литве, Бѣлоруссіи и Українѣ, что и послужило главнымъ препятствиемъ для рѣшенія его, такъ и теперь яви-

лось неожиданное затруднение, вследствие принадлежности украинского Холмского края к Царству Польскому. Впрочем, даже когда Холмский край будетъ выдѣленъ, а Царство Польское получить автономію, то и тогда еще не будетъ решенъ польский вопросъ въ его цѣломъ.

Поляки живутъ также въ Литвѣ, Бѣлоруссии и Украинѣ и, благодаря большей состоятельности и культурности, могутъ занять здѣсь при конституціонныхъ учрежденіяхъ довольно влиятельное положеніе. Рѣшить здѣсь польский вопросъ согласно съ интересами справедливости и культуры совершенно невозможно безъ поднятія мѣстныхъ культуръ и мѣстныхъ национальностей. Выясненію отношений изъ одной изъ такихъ не польскихъ, но иѣкогда принадлежавшихъ Польши областей и посвящена вторая статья предлагаемаго тома „Поляки и евреи въ Юго-Западномъ краѣ“.

Содержаніе этихъ первыхъ двухъ статей достаточно оправдываетъ заглавіе „Центръ и окраины“, данное нами этому тому. Но и въ пяти остальныхъ статьяхъ, посвященныхъ галицкимъ дѣламъ, центръ тяжести заключается въ окраинномъ вопросѣ. Галиція, на половину заселенная русинами-украинцами, представляетъ изъ себя окраину территорій, занятой различными русскими народностями. Въ то же время она является восточной окраиной Австроії. Наиболѣе существенными въ Галиціи надо признать культурные и национальные вопросы. Здѣсь Драгомановъ неопровергимо доказываетъ, что культурное единство галицкихъ русиновъ съ русской націей въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова можетъ возоздаться только путемъ украинства, т.-е. посредствомъ украинской литературы и украинскихъ культурныхъ формъ. Напротивъ, насажденіе великорусского языка и великорусскихъ литературныхъ и культурныхъ формъ, которая за отсутствіемъ надлежащей почвы не могутъ развиваться и осуждены на прозябаніе, создаетъ только деморализацию и обостряетъ национальные антагонизмы. Изученіе тѣхъ национальныхъ антагонизмовъ, для проявленія которыхъ ареной служатъ галицкая почва и галицкія дѣла, представляетъ особенный интересъ для русского читателя, такъ какъ, благодаря искусственной задержкѣ культурного развитія иѣкоторыхъ национальностей, и у насть уже довольно сильно обострились национальные антагонизмы, а въ будущемъ, если политическая условія не

измѣняются, они грозятъ достигнуть грозныхъ размѣровъ. Въ такомъ случаѣ не оправдаются оптимистическая надежды нѣкоторыхъ нашихъ либеральныхъ писателей, что у насъ национальныя отношенія сложатся иначе, чѣмъ въ Австріи.

Но знакома съ различными сторонами национального вопроса, статьи Драгоманова о Галиції помогаютъ изучить также и практическую постановку конституціонныхъ вопросовъ. Первые двѣ изъ нихъ относятся къ тому времени, когда австрійскія конституціонныя учрежденія еще не окончательно установились. Драгомановъ знакомитъ съ первыми конституціонными опытами галицкихъ русиновъ и стѣдитъ затѣмъ шагъ за шагомъ за ихъ политическою дѣятельностью, тщательно анализируя и по большей части рѣзко критикуя ее. Можетъ-быть, онъ и ошибался въ оценкѣ значенія нѣкоторыхъ конституціонныхъ учрежденій: такъ, въ реорганизаціи австрійскаго рейхсрата, превратившой его изъ представительства сеймовъ (ландтаговъ) въ представительство, непосредственно избираемое австрійскими народами, онъ видѣтъ только усиленіе централизма; такъ, же точно онъ какъ будто не замѣчаетъ опасности какъ, для самаго принципа федерализма, такъ и для положенія русинской народности въ проектѣ такого расширенія Галицкой автономіи, которое поставило бы Галицію въ совершенію обособленное положеніе среди австрійскихъ земель. Не надо, однако, забывать, что первыя двѣ статьи Драгоманова о Галиції появились одновременно съ изслѣдованиемъ Зейделя о федеративномъ государствѣ и до трудовъ Лабанда и Еллинека по тому же вопросу. Конечно, въ то время гораздо труднѣе было понимать сложный механизмъ конституціонно-федеративныхъ учрежденій. Но тѣмъ поразительнѣе, что Драгомановъ сразу вполнѣ правильно оцѣнилъ сущность и основныя черты федеративнаго строя. Онъ явился самымъ ревностнымъ защитникомъ его у насъ съ самаго начала своей публицистической дѣятельности. При томъ онъ отстаивалъ его и въ нашей подцензурной журналистикѣ, изслѣдуя вполнѣ конкретные вопросы австрійской конституціонной жизни и знакомя русскихъ читателей съ политическими дѣлами нашихъ соплеменниковъ-русиновъ.

Въ то же время Драгомановъ выступалъ въ своихъ статьяхъ о Галиції съ самой горячей защитой демократіи. Онъ не переставалъ указывать на то, что галицкіе русины смогутъ

добиться какъ культурнаго возрожденія, такъ и политическаго значенія и національнаго равноправія съ другими народностями только при помощи народныхъ крестьянскихъ массъ. Поэтому онъ сочувствовалъ галицкимъ политикамъ всѣхъ лагерей прежде всего отстаивать крестьянскіе нужды и интересы и на почвѣ ихъ организовывать народныя массы. Всякую дѣятельность въ этомъ направлении тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятелей, онъ всегда отмѣчать съ полнымъ сочувствіемъ, совсѣмъ независимо отъ того, винушили ли ему симпатію ихъ политическія программы въ целомъ. Наконецъ среди другихъ демократизаціи конституціонныхъ учрежденій и прежде всего избирательного права. Вопросу о введеніи всеобщаго избирательного права въ Галиціи и Австріи и посвящена постѣдняя статья его въ предлагаемомъ томѣ.

Б. Кистяковскій.

Восточная политика Германіи и обрученіе*).

Вместо предисловія.

(Изъ письма къ редактору „Вѣстника Европы“).

М. М.! сегодня я получилъ ваше письмо въ отвѣтъ на записку, при которой была отправлена моя статья. Изъ вашихъ словъ я заключаю, что точка зрѣнія на вопросѣ, занимавшій меня, не довольно выяснена мною въ текстѣ и можетъ подать поводъ къ заключеніямъ несправедливымъ. Вы пишете мнѣ о «нѣмцеѣдствѣ» у настъ вообще и о «нѣмцеѣдствѣ» моей статьи въ особенности. Но дѣло въ томъ, что нѣмцеѣдство нѣмцеѣству рознь, а мое нѣмцеѣдство отличается отъ всякаго другого прежде всего тѣмъ, что оно не имѣетъ ничего общаго съ француофильствомъ, и я самъ не претендую юношески на званіе «patriote fran ais». Относиться враждебно къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ политическимъ тенденціямъ можно только съ чисто-человѣческой точки зрѣнія, и въ такомъ случаѣ всегда останется мѣсто признанію полезной стороны для прогресса въ характеристическомъ выступленіи единой Германіи на поприще исторіи. Въ такомъ «нѣмцеѣдствѣ» можетъ найти себѣ мѣсто и патріотизмъ, но уже не напускной, и притомъ требующій приложенія общихъ гуманныхъ началъ къ политикѣ своего отечества и къ критикѣ отношеній къ нему самой Германіи. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, быть безмолвнымъ въ виду того, когда не одинъ или два

*) Первоначально напечатано въ „Вѣстнике Европы“, 1872, февраль, мартъ, апрель и май. Статья подписана псевдонимомъ „М. Т—въ“ (Голмачовъ). — Въ своей автобиографіи (см. журналъ „Былое“, 1906 г. іюнь, стр. 193) авторъ даетъ краткую формулировку основной идеи работы и отмѣчаетъ связь ея съ другими.

публициста, а чуть не поголовно вся интеллигенція соєднайстраны систематически отрицаеть въ твоемъ народѣ всякия права на человѣческое развитіе, и сама, стоя, безспорно, выше твоихъ соотечественниковъ, не только не думаетъ помочь имъ, а радуется всякому движению нашему назадъ, при чмъ злорадно потомъ насть же имъ и попрекаетъ? Будетъ ли обличеніе такого рода тенденцій у соєда «нѣмцеѣдствомъ» съ нашей стороны и указаніе, какъ этотъ же соєдъ собирается «обработать» тебя — напускнимъ патріотизмомъ, шовинизмомъ и т. п.?

Вы тысячу разъ правы, проводя параллель между г. Катковымъ и жалкими публицистами второй имперіи; но вы же говорите, что и въ Германіи своихъ Катковыхъ не мало. Вы именно говорите, — столько же, сколько и у насть. Но у насть, собственно — одинъ, относительно болѣе способный и образованный, а въ Германіи ихъ можно считать, по крайней мѣрѣ, сотнями: чуть ли не каждый профессоръ и публицистъ есть такой же Катковъ по всѣмъ национально-политическимъ вопросамъ, а по своему образованію и способностямъ, многіе изъ нихъ стоять еще несравненно выше нашего единственнаго экземпляра. Въ томъ-то и состоить, на практикѣ, перевѣсь Германіи и надъ нами и надъ Франціей, — но это же самое и заставляетъ людей, къ числу которыхъ и я желалъ бы принадлежать, не жаловать нѣмецкія национально-политическая тенденціи и опасаться ихъ. Къ сожалѣнію, сходство наше съ Франціей до послѣдней войны не оканчивается тѣмъ, что у насть есть свои доморощенные московской фабрикаціи Кассаньяки и Жирардены, а и въ томъ, что наши «лѣвые» держатъ себя не лучше французскихъ. Кассаньячество имъ опротивѣло, — и по-дѣломъ; но они обличаютъ это кассаньячество только у себя и не видятъ его въ болѣе серьезной формѣ у соєда. Желая пристыдить своихъ алармистовъ, «лѣвые» говорять съ различными вариантами: «Помилуйте, можно ли, чтобы такой просвѣщенный и гуманий соєдъ имѣлъ такія возмутительныя идеи, какія ему приписываютъ Кассаньяки, и какія способны имѣть только сами Кассаньяки! Но, во-первыхъ, зачѣмъ же такъ ужъ ручаться за соєда, а во-вторыхъ, зачѣмъ закрывать глаза на то, что соєдъ идетъ свою дорогую... Соєдъ опасенъ именно тѣмъ, что то, что у французовъ и у насть болтовня, или доктринерство, или, на-

конецъ, спекуляція, — у него национальное сознаніе; памъ же онъ опасенъ еще и потому, что онъ не только воинъ, но и колонистъ. Потому-то и надо, чтобъ, кромѣ алармистовъ (которыхъ, впрочемъ, вовсе не надо) и успокойтелей, были въ печати голоса еще и указателей, — что вотъ, моль, какія вещи дѣлаются, какія идеи высказываются, и что противъ опасности надобно принимать мѣры... Какія мѣры? — Вовсе не чрезвычайныя (о коихъ толкуютъ алармисты), а просто правильное и свободное развитіе нравственныхъ и интеллектуальныхъ силъ отечества, которое одно можетъ создать здоровый патріотизмъ, и искреннее усвоеніе такой программы, а не *à la Ollivier*. Понимая дѣло такимъ образомъ, я писалъ статью вовсе не для того, чтобы «должить» почтенной публикѣ, какъ то у насъ водится, что вотъ, моль, соѣдь готовится отхватить у отечества кусокъ территории, и потому всѣ несогласные съ такимъ слухомъ суть измѣничи отечеству и враги; меня больше занимала мысль, какъ слѣдуетъ дѣствовать въ виду того или другого настроенія соѣдней интеллигенціи.

Что же касается до нашего цѣломудрія въ такъ называемомъ пѣмецкомъ вопросѣ и до опасенія быть обвиненными въ возбужденіи национальной ненависти, то и то, и другое напрасно, такъ какъ она тамъ уже есть и, говоря по совѣсти, мы въ ней не виноваты, а выражаемъ мы ее меньше пѣмцевъ, т.-е. пѣмцевъ, руководящихъ печатнымъ словомъ: на сотни ихъ усть мы имѣемъ всего только одни уста! Доказательства тому найдутся въ самой статьѣ, и возьмите любую пѣмецкую газету, возьмите хоть, напримѣръ, недавнее описание поѣздки въ Карпаты, помѣщенное въ «*Augsb. Allg. Zeit.*» или специальнуя статью о Россіи въ «*Neue Freie Presse*» (я читалъ ее уже по отсылкѣ къ вами статьи), да и всякую другую статью о Россіи и русскихъ: и такие-то мы, и сякие, и варвары жестокіе, и фанатики религіозные и пр. и пр. Мы и сами себя, конечно, не мало ругаемъ, да не такъ. Нѣмецкіе передовые публицисты почитаются настъ неисправимыми отъ природы, и потому какъ бы ни были мы скромны, но этимъ не угомонишь пѣмецкихъ Катковыхъ. Они даже и знать не хотятъ, что не всѣ органы русской печати тянутъ одну и ту же ноту съ «Московскими Вѣдом.», и преспокойно записываютъ всѣхъ въ «ультра-руssкіе органы всеподавляющаго русскаго прави-

тельства». Но вѣдь это черта чисто Кассаньяковская! Мы, пожалуй, и помирились бы съ нею, такъ какъ подобная черта можетъ вредить только тѣмъ, кто отличается ею; но у нѣмецкихъ публицистовъ невниманіе и закрываніе глазъ на пе-рядочныя идеи въ русской печати идутъ рядомъ съ иенавистью ко всему прогрессивному и либеральному въ Россіи. Развѣ не характерно то, что рѣдкая корреспонденція изъ Россіи въ пѣмецкую, даже либеральную и чуть не радикальную газету, не обходится безъ восторженной похвалы въ пользу «энергіи административныхъ мѣръ», которую они вовсе недолюбливаютъ у себя дома, или безъ призыванія этой энергіи противъ русского общества, зараженнаго будто бы соціализмомъ, коммунизмомъ и т. п. Еще на-дняхъ я читалъ въ «Allg. Zeitung» извѣстіе о пересмотрѣ у насъ законовъ объ общинахъ крестьянской, при чемъ непремѣнно сказано, что русская община это, моль, идеаль интернационала, и отмѣна общины сильно бы помогла правительству остановить распространеніе соціалистическихъ идей въ Россіи, — что правительство будто бы и видитъ. Какъ видите, не одинъ г. Катковъ призываетъ себѣ въ подмогу «интернационалку». Но неужели подобные «пріемы» не заслуживаютъ обличенія предъ нашей, да и предъ европейской публикой? Я думаю, что такія обличенія тѣмъ паче необходимо сдѣлать именно тѣмъ, кто не желаетъ возбужденій у насъ «шовинизма» и национальной «нетерпимости, ибо наши доморощенные шовинисты и своеобразные обрусили или своимъ умомъ доходить до того же, до чего доходятъ германизаторы, или наивно приказываютъ намъ слѣдовать примѣру послѣднихъ. Такъ не очень еще давно нашъ г. Катковъ, докладывая публикѣ о книжкѣ нѣмецкаго Каткова, г. Каттиера: «О призваніи Пруссіи на Востокъ», по которой надо, чтобъ Пруссія отобрала у насъ Польшу и т. п., замѣчаетъ, что, конечно, съ прусской точки зрѣнія, Каттиеръ — хороший патріотъ!

Не знаю, нужно ли мнѣ въ заключеніе сдѣлать еще одну оговорку: я вездѣ выражаясь — «нѣмцы»; но подъ этимъ словомъ, конечно, слѣдуетъ разумѣть — «политические классы въ Германіи». «Народъ» — это, дѣйствительно, «Grosse Unbekannte», во имя котораго дѣлается такъ много нехорошаго и говорится такъ много пустого. Кто, въ самомъ дѣлѣ, знаетъ, каковы въ дѣйствительности мысли и убѣжденія этихъ «на-

родовъ», но, кажется, одинаково подозрительны и нелѣпы фразы о томъ, что народы, моль, ликуютъ, «когда оружіе Франціи торжествуетъ на обоихъ полушаріяхъ», или «когда Германская имперія возстаетъ изъ униженія въ величіи времень Барбарусы», — какъ и о томъ, что «народы, моль, жаждутъ свергнуть иго тирановъ, опрокинуть границы государства, чтобы братски обніяться другъ съ другомъ!» А на дѣлѣ эти «народы», можетъ-быть, вовсе и не думаютъ «ликовать» и ничего подобнаго не «жаждутъ». Впрочемъ, я вообще «красиваго слога», ни стараго ни новаго, не жалую, и уже по одному тому о «народѣ германскомъ» говорить не буду, равно какъ и о томъ, раздѣляеть ли онъ идеи своихъ «Катковыхъ», а именно Каттиера, Франца и т. п., толковать съ увѣренностью не стану, какъ о вещи по меньшей мѣрѣ мнѣ невѣдомой. Впрочемъ, думаю, что, получивъ возможность болѣе выгодной колонизаціи въ какую-нибудь Ковенскую или западъ Волынской губерніи, куда и теперь народъ изъ восточной Пруссіи идетъ въ достаточномъ количествѣ, — нѣмецкій народъ бытъ бы не недоволенъ — и во многомъ не безъ основанія.

Миѣ, конечно, вовсе не желательно, чтобы мое изслѣдованіе смѣшило меня въ глазахъ читателей съ тѣми людьми, съ тенденціями которыхъ я всего менѣе согласенъ, и потому, если вы сочтете нужнымъ, пусть это письмо займетъ мѣсто предисловія.

Гейдельбергъ. Ноябрь, 1871.

I.

Предъ нами теперь новая Германия, а слѣдовательно и новая германская политика, новая ея цѣли, и во всякомъ случаѣ новыя ея средства. Но какою будетъ эта политика, какія она поставитъ себѣ цѣли, — эти вопросы составили тему оживленныхъ разсужденій въ первый разъ, когда во второй половинѣ 1871 года совершилось такъ называемое гаштейнское свиданіе канцлеровъ Германіи и Австріи. Среди всѣхъ толковъ по этому поводу произносилось не разъ и имя Россіи, а потому было необходимо прислушаться къ этимъ толкамъ. Толковалось, что въ Гаштейнѣ устраивается союзъ Германіи и Австріи противъ Россіи; потому же — преимущественно нѣмецкія газеты — заговорили, что канцлеръ Германіи взялся будто бы устроить союзъ Россіи съ Австріею или, по крайней мѣрѣ, какъ выражались нѣмецкія газеты, «сгладить шероховатости въ отношеніяхъ Россіи съ Австріею», и привести эти державы, если не въ непосредственныя, и осуществить слова Бейста, что «трудно быть непріязненнымъ къ другу нашего друга».

Такъ какъ о результатахъ и значеніи гаштейнскихъ переговоровъ ничего официального неизвѣстно, то мы и не будемъ говорить о самыхъ переговорахъ, — которые и, въ самомъ дѣлѣ, могли кончиться одними только династическими и дипломатическими любезностями, — а поговоримъ о толкахъ публицистики по этому поводу. Толки эти, во-первыхъ, не лишены интереса сами по себѣ, а во-вторыхъ, толки эти выражаютъ собою общественное мнѣніе, а это послѣднее служить выраженіемъ общественныхъ и національныхъ интересовъ, которые въ наши времена въ рѣшительныя минуты дѣствуютъ повелительно и на дипломатію.

Остановимся на минуту на общей сторонѣ толковъ нѣмецкой печати о гаштейнскомъ свиданіи, а потомъ перейдемъ къ той, которая ближе касается Россіи. Любопытно, во-первыхъ,

что публицисты, разсуждающие съ видомъ посвященныхъ въ тайны о свиданіи канцлеровъ двухъ имперій, увѣряли предъзердно, что свиданія эти имѣютъ цѣлью упроченіе мира въ Европѣ. Священнымъ словомъ «миръ» такъ злоупотребляютъ со временемъ знаменитаго «Empire c'est la paix» (въ послѣднее время ни одна рѣчъ въ пользу увеличенія армій и военнаго бюджета въ европейскихъ парламентахъ не обходится безъ панегирика миру), — что уже одно произнесеніе слова «миръ» заставляетъ мирныхъ людей довольно подозрительно осматриваться. Гдѣ же тѣ военные бури, противъ которыхъ надо устраивать лигу мира, инициативу которой береть на себя первое военное и воинственное государство въ Западной Европѣ? Въ настоящее время въ Европѣ существуетъ только три мѣста, въ которыхъ находятся реальные основанія для военныхъ взрывовъ, хотя очень можетъ быть, что и въ нихъ обойдется безъ всякаго взрыва. Мѣста эти: Франція, Турція и сама Австрія. Есть еще и четвертое мѣсто, возможность войны изъ-за котораго не такъ ясно видна, но она черезъ то не становится менѣею. О немъ мы скажемъ дальше.

Франція думаетъ о мести за Седанъ и Парижъ, о возращеніи Страсбурга и Метца. Тутъ нѣть ничего удивительнаго. Если въ виду этого Пруссія не расположена очищать слишкомъ поспѣшно французскія провинціи, — это тоже довольно натурально; если прусско-германское правительство разсудить, поступить съ Бельфоромъ, какъ съ Сѣвернымъ Шлезвигомъ, — это не будетъ противно традиціямъ и принципамъ прусской политики. Вотъ и реальная основанія для военного столкновенія между Франціей и Германіей. На этотъ случай устраивается лига мира между Австріей и Пруссіей? Почему жъ не пригласили сюда Россіи, которая такъ сильно помогла пріобрѣтенію Пруссіей Эльзаса и Лотарингіи? Не чувствуютъ ли въ Германіи, что Россія и такъ уже сдѣлала много, что въ другой разъ помогать добиванію Франціи будеть слишкомъ уже вѣръ русскихъ интересовъ? Объ этихъ вопросахъ не говорить нѣмецкая печать.

Больше говорятъ о другой возможности военного взрыва въ Европѣ: о турецкомъ вопросѣ. Здѣсь взрывъ возможенъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: или, если турецкое правительство не только не облегчить гнета надъ христіанскимъ населеніемъ и не дастъ ему правъ на постепенное самостоя-

тельное развитие, но еще усилить этот гнет; на чьей сторонѣ должна стать тогда Россия, — говорить нечего; или, если Австрия обнаружит решительное намѣреніе прихватить Румынію или Боснию (не даромъ же австрійское правительство хлопотало объ обученіи молодого экс-эрцгерцога Тосканского сербскому языку, посыпало его путешествовать по Боснии и Герцеговинѣ, результатомъ чего явилась пока еще только красивенькая брошюра съ типами мѣстного населения и т. п. картинками). Въ европейской печати говорятъ всего чаще о третьемъ поводѣ къ военному столкновенію на Востокѣ, а именно о нападеніи Россіи на Турцію съ цѣлью завоеванія Константинаополя, и всякия заявленія русского правительства и органовъ общественного мнѣнія о томъ, что существование турецкаго государства, — напримѣръ, въ видѣ федераціи самоуправляющихся христіанскихъ племенъ подъ главенствомъ султана, сообразно программѣ, изложенной нашимъ канцлеромъ во время кандидатскаго вопроса, — называются лицемѣріемъ. Мы не станемъ ручаться за всѣ кружки нашего образованнаго общества, но полагаемъ, что имѣемъ полное право сказать, что для реальныхъ интересовъ Россіи сохраненіе Турціи въ видѣ федераціи самоуправляющихся племенъ, хотя бы подъ властью магометанскаго правительства, надолго было бы вполнѣ удовлетворительно, такъ что наиболѣе тревожаща Европу возможность взрыва на Востокѣ, по инициативѣ Россіи, въ нашихъ глазахъ имѣть наименѣе вѣроятности. Мало вѣроятно и общее восстаніе балканскихъ христіанъ, если только турецкое правительство вступить на дорогу реальныхъ уступокъ ихъ стремленіямъ къ гражданской свободѣ и самоуправлению; а Турція, не сбивающая посторонними впечатлѣніями и знающая, что подлѣ есть сильное славянское государство, не можетъ не пойти по дорогѣ благоразумія. Остается вторая возможность взрыва, а именно возможность движения Австро-Венгрии къ пріобрѣтенію новой области на Дунай.

Съ извѣстной точки зрења, съ точки зрења славянской, это пріобрѣтеніе нельзя было считать вреднымъ для славянства. Чѣмъ болѣе Австрия набереть славянъ, тѣмъ сильнѣе станетъ въ ней славянскій элементъ. А если Австро-Венгрия захватить Румынію, то тѣмъ болѣе усилятся румынскій элементъ, который въ Трансильваниѣ представляетъ реакцію венгерскому, а потому въ венгерскихъ дѣлахъ держитъ союзъ

сь славянской оппозиції. Но нѣтъ никакого сомнінія, что расширение Австріи на югъ, до тѣхъ порь пока въ ней господствуетъ система дуализма, т.-е. нѣмецкой и венгерской гегемоніи, т.-е.—еще разъ—нѣмецкой и венгерской эксплуатациіи остальныхъ племенъ, преимущественно славянъ, было бы распространениемъ еще и на новыя области этой гегемоніи и эксплуатациіи съ ея политическими, экономическими и нравственными послѣдствіями, было бы шагомъ къ осуществленію «Германіи, прилегающей къ четыремъ морямъ», которую бралъ за точку отправленія своихъ экономическихъ разсужденій основатель нѣмецкаго таможеннаго союза, Листъ, шагомъ къ исполненію мечтаній Ропшера, который считаетъ «балканскія и дунайскія земли отведенными Провидѣніемъ на колонизацію нѣмцемъ» и т. д. Что подобный шагъ невыгоденъ для славянства,—доказательство въ томъ, что какъ ни мечтаютъ сербы въ Бѣлградѣ и Новомъ-Садѣ и хорваты въ Загребѣ о юнославянской федeraціи, но не только сербы княжества, но сербы и хорваты австрійские всегда протестуютъ противъ всякаго пополненія къ распространенію владѣній австро-венгерскаго правительства на югъ.

Мысль о естественной принадлежности нѣмецкому племени области до Нѣмана и Днѣстра высказана недавно еще даже въ такомъ изданіи, какъ знаменитый Conversations-Lexikon, изд. Брокгауза въ Лейпцигѣ. Именно въ добавленіи къ нему, представляющемъ энциклопедическое описание новѣйшаго времени (вып. 7, 1871), въ статьѣ «Нѣмецкій народъ» читаемъ: «Естественная область нѣмецкаго народа обнимаетъ бассейны Шельды, Рейна, Эмса, Везера, Эльбы, Эйдера, Одера, Вислы, Прегеля и Нижняго Нѣмана (Мемеля), а также область Дуная, Днѣстра, Верхняго Этча и Триестскаго залива. Протяженіе ея отъ устья Дуная до устья Рейна имѣть 240, а отъ Монте Розы до Мемеля 200 м.; пространства имѣть эта область около 30.000 кв. м. На этой области нѣмецкій народъ двигался съ тѣхъ порь, какъ онъ выступилъ со всѣми своими племенами на поле исторіи, но теперь въ этой области государства съ существенно нѣмецкимъ характеромъ, по крайней мѣрѣ, подъ властію нѣмецкихъ государей и съ духовнымъ или численнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго населенія (куда также надо включить и Швейцарію, Голландію, Бельгію и всю Австрію) занимаютъ едва 25—24.000 кв. м. Впрочемъ, несмотря на то,

что во время переселенія народовъ земли на востокъ и юго-востокъ до верхнихъ притоковъ Эльбы и за эту рѣку были наводнены славянами и мадьярами,—нѣмецкій духъ и нѣмецкій мечъ стремятся въ теченіе 1.000 лѣтъ отобрать вновь землю отцовъ и съ такимъ успѣхомъ, что теперь даже туда перенесены центры тяжести большихъ нѣмецкихъ государствъ, Берлинъ и Вѣна». По этимъ словамъ завоеваніе нѣмецкимъ мечомъ, напр., Польши или Бессарабіи было бы такъ же возвращеніе земли отцовъ, какъ и завоеваніе Эльзаса. Нѣмецкая печать являла недавно еще весьма характеристической образчикъ аргументаціи въ пользу завоеванія Эльзаса, называя эти завоеванія возвращеніемъ эльзасцевъ къ общему отечеству, хотя жители Эльзаса и сопротивлялись ему. Но тутъ хоть можно было сказать, что возвращаютъ блудного и не покорного сына «въ отчий домъ». Но приведенная нами выдержка показываетъ, что аргументы въ пользу распространенія предъловъ германскаго отечества не ограничиваются только кабинетной этнографіей и исторіей, а заимствуются и изъ археологии. Вѣдь мало гдѣ, въ какихъ земляхъ не «двигались» предки европейскихъ народовъ, но если въ какой-нибудь землѣ теперь и помину нѣть обѣ извѣстномъ народѣ, а тамъ сидитъ другой, то какъ же можетъ быть рѣчи о возвращеніи земли отцовъ? Такъ, пожалуй, французы могутъ, по праву происхожденія отъ галловъ, объявить права на Богемію, славяне, начитавшись изысканий своихъ археологовъ-этнографовъ, на Венецію и даже на Андалузію и Португалію и т. д. За аргументами изъ теории естественныхъ границъ дѣло не станиеть, такъ какъ естественныхъ границъ собственно нѣть почти нигдѣ на земномъ шарѣ, ибо рѣки, напр., вовсе не дѣлятъ народовъ и странъ, горные хребты не дѣлятъ рѣчныхъ бассейновъ (то, что называютъ географы водораздѣломъ, очень часто только теоретическая линія, а рѣки долинами проходятъ часто черезъ огромные хребты, — Рейнъ, Рона, Эльба, Брахмапутра и т. д.), теперь даже моря не раздѣляютъ народовъ, значитъ, съ помощью ученой софистики, можно придумать аргументы отъ географіи въ пользу всякаго ученаго захвата. Почему, напр., границы естественной области германцевъ Нѣманъ и Днѣптръ, а не Волхонъ и Днѣпръ и т. д.? Къ тому же готы «двигались» по Днѣпру и въ Крыму, а алане даже за Дономъ... Не правда ли, съ такою аргументаціей мы дойдемъ

до временъ войнъ «избраннаго народа» съ хананеями? Вътъ до какой ветхозавѣтности доводить наука, если она не умѣляетъ национального эгоизма, а окрыляетъ его, если ученые такъ узко понимаютъ обязанность свою помогать политикѣ, какъ это, къ сожалѣнію, такъ часто случается теперь въ Германіи. Нѣмецкая литература переполнена жалобами на «нѣмценавидѣніе» и «нѣмцеѣдство» почти во всѣхъ европейскихъ обществахъ, и объясняетъ это «нѣмцеѣдство» зависиѣю или национальною «продерзостью» сосѣдей, видить во всѣхъ людяхъ, которые не очень-то симпатично настроены къ нынѣшнему национальному и общественному направленію въ Германіи, только Кассаньяковъ, Жирарденовъ и т. п. Слова нѣть, — въ «нѣмцеѣдствѣ» европейской печати есть не мало кассаньячества, но въ виду того, какъ нѣмецкіе публицисты и ученые возобновляютъ древнія и ветхозавѣтныя идеи объ отношеніяхъ народовъ и служатъ заразительнымъ примѣромъ для сосѣдей, въ европейскихъ интеллигентіяхъ поднимается и другой сортъ «нѣмцеѣдовъ», которыхъ идеи всего болѣе могутъ быть выражены словами героя одного изъ величайшихъ нѣмцевъ, Лессинга, вложеннымъ имъ въ уста тамплера, который говоритъ Натану, что не любить евреевъ, такъ какъ они вообразили себя привилегированнымъ народомъ и передали эту доктрину исключительности и христіанамъ и магометанамъ.

Допустивъ теперь, что въ Гаштейнѣ была заведена рѣчь о возможности подобнаго распространенія, спросимъ: не потому ли не пригласили къ союзу и Россію, что ея мнѣніе не очень отошло бы отъ мнѣнія ея согламенниковъ, въ Загребѣ, Новомъ-Садѣ и Бѣлградѣ? Какія же «шерохватости» по этому вопросу въ отношеніяхъ Россіи и Австріи взялся сгладить кн. Бисмаркъ? Для кнзя Бисмарка, т.-е. для германской политики, всякое распространеніе Австріи на югъ было бы полезно, ибо приготовило бы наслѣдство для Германіи; не да-ромъ же предусмотрительный политикъ прусскій на другой день Садовой воспротивился требованію Италіи на южный Тироль, заключающей важные стратегические проходы изъ австро-нѣмецкихъ земель во владѣнія тогдашнихъ союзниковъ Пруссіи.

Европейскій миръ можетъ быть нарушенъ и при извѣстномъ оборотѣ внутреннихъ дѣлъ въ одной изъ державъ, ко-

торый совещались въ Гаштейнѣ о сохраненіи будто бы европейскаго мира. Мы говоримъ объ Австрии. Въ этой странѣ теперь предпринять опытъ примиренія всѣхъ народностей въ федеральной формѣ государственной жизни. Ни для кого не тайна, что «непримиримые» въ отношеніи къ этому опыту австрійскіе нѣмцы, исключая тирольцевъ, которые только потому за федерализмъ, что надѣются на торжество клерикализма въ областномъ сеймѣ, да и то относительно южнаго, итальянскаго Тироля обнаруживаютъ такую же нетерпимость, какую штирійскіе и карантійскіе нѣмцы обнаруживаютъ относительно словинцевъ. Не тайна также, что печать всей Германіи находитъ, что австрійскіе нѣмцы были бы оскорблены уравненіемъ съ ними въ правахъ «полуварварскихъ народовъ, недостойныхъ отрѣшить у нѣмцевъ ремень у ногъ», ибо нѣмецкая печать не стыдится возстановлять среди XIX вѣка до-христіанско возвращеніе о варврахъ, которые будто бы должны быть рабами цивилизованныхъ да еще съ китайской тупостію примѣнять это дикое, варварское учение къ такому, напр., народу, какъ чехи, которые, конечно, не могутъ быть названы варварами. Всѣ знаютъ также, что австрійская нѣмецкая печать говорить о возможности революціи въ австро-нѣмецкихъ земляхъ и обращеніи ихъ къ объединенной Германской имперіи за защитой отъ «славянского Молоха», созидаемаго графомъ Гогенвартомъ, и что печать Германіи далеко не отрекается отъ протягиванія руки помощи «долженствующимъ погибнуть въ объятіяхъ славянского Молоха нѣмецкимъ братьямъ». Читали мы не разъ въ нѣмецкой печати въ Австрии и Германіи, что предоставленіе славянамъ въ Австрии права на самостоятельное національное развитіе приведеть къ распространенію «въ самое сердце Германіи русскихъ интригъ и подкоповъ», — а ужъ хуже вліянія русскихъ «кнутолюбивыхъ и каучукопреданныхъ варваровъ» ничего, по понятіямъ публицистовъ Вѣны, Augсбурга, Берлина и т. п., и быть не можетъ. Передъ всѣмъ свѣтомъ нѣмецкая печать заявила, что гр. Бейстъ есть единственная опора нѣмецкаго элемента въ правительству императора Франца-Іосифа, а стѣдовательно и охранитель сердца Германіи отъ русско-славянскаго Молоха. Если это такъ, то совершенно понятно, почему русскаго представителя не было вмѣстѣ съ гр. Бейстомъ въ Гаштейнѣ. Но вотъ что непонятно, — какимъ образомъ кн. Бисмаркъ взялся

сгладить «шероховатости» въ отношеніяхъ между гр. Бейстомъ и русскими дипломатами! Вѣдь это значить, что кн. Бисмаркъ, наперекоръ всему общественному мнѣнію Германіи, взялся склонить гр. Бейста и представляемыя имъ сферы къ уступкамъ планамъ гр. Гогенварта и славянской оппозиціи. Пожимаемъ плечами, но восклицаемъ: «Великъ Аллахъ въ кнізѣ Бисмаркѣ фонъ-Шенгаузенъ!» Если ужъ и онъ берется сглаживать шероховатости въ отношеніяхъ между австрійскими нѣмцами и славянами, то какъ не установиться внутреннему миру въ Австріи, а тогда, дѣйствительно, облегчится и миръ въ Европѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, внутренній миръ въ Австріи зависитъ всецѣло отъ нѣмцевъ. Захотять они мирно жить на равныхъ правахъ съ славянами, Австрія будетъ спокойна, цѣла, сильна. Не захотять,— одинъ исходъ — революція, и революція, начатая нѣмцами, затѣмъ война и распаденіе Австріи. Предвидѣли ли и этотъ исходъ политики, толковавши въ Гаштейнѣ?.. Что за революціонныя взрывомъ нѣмецкаго населенія въ Австріи чисто нѣмецкія земли ея обратятся къ Германской имперіи съ просьбою принять ихъ подъ свою власть, и что эта имперія, быть-можетъ, помявшись нѣсколько для вида, какъ Пѣмонть передъ Тосканой и Неаполемъ, протянетъ къ нимъ свои объятія,— обѣ этомъ и говорить нечего. Является вопросъ: а какъ же будетъ съ Чехіей, Моравіей, съ славянскими округами Штирии и Каринтии? Нѣмцы австрійскіе, конечно, не захотятъ разстаться съ ними, иначе зачѣмъ же было сопротивляться и планамъ гр. Гогенварта? Захочетъ ли новая Германская имперія разстаться съ этими *имперскими* землями, которая тащилъ къ себѣ даже революціонный франк-фуртскій парламентъ 1848 года? Конечно, нѣтъ, если и въ 1866 году Пруссія требовала отъ Австріи Богеміи, хоть до Эльбы! Коснулись ли гаштейнскіе миротворцы въ своихъ переговорахъ возможности подобныхъ событий? Конечно, невѣроятно, чтобъ канцлеръ государства разговаривалъ съ другимъ о возможности распаденія своего государства и занятія земель его государствомъ, съ представителемъ коего онъ дружески бесѣдуетъ. Невѣроятно, но послѣ того, какъ гр. Бейста величаютъ представителемъ оппозиціи планамъ министерства, его же государемъ назначенаго, чemu удивляться? А если въ Гаштейнѣ было затронуто что-либо подобное, то безъ вся-

кихъ объяснений понятно, почему туда не позвали русскаго дипломата, потому что трудно найти такого, который бы согласился на предоставление Чехии, Моравии, Каринтии и Штирии Германской империи, потому что за этимъ надо было бы согласиться и на отмежеваніе ей и всей области Дуная, а тогда весь обширный юго-западъ Россіи былъ отданъ бы на эксплуатацию нѣмцамъ, которые теперь, благодаря характеру границъ и течению рекъ, и такъ изъ Кёнигсберга и Берлина эксплуатируютъ Польшу и съверо-западъ Россіи. Чтобъ по вопросамъ, связаннымъ съ распадениемъ Австріи, князь Бисмаркъ взялся сгладить шероховатости въ отношеніяхъ графа Бейста и русскихъ политиковъ, — совершенно невѣроятно.

Но, говорять нѣмецкія газеты, дипломатовъ Россіи не пригласили въ Гаштейнъ потому, что этому препятствуетъ ходъ внутреннихъ дѣлъ въ Австріи, а именно опыты гр. Гогенварта съ поляками. Вотъ по какому пункту кн. Бисмаркъ взялся погладить шероховатости въ отношеніяхъ Россіи и Австріи! Значить, какъ поладить съ этой стороны внутреннія дѣла Австріи, такъ, пожалуй, пригласятъ къ новому свиданію и русскаго дипломата. Повторяемъ, мы говоримъ не о гаштейскихъ дипломатахъ, а о толкахъ нѣмецкихъ газетъ, которые кажутся намъ небезинтересными и независимо отъ того, вѣрою ли онѣ, или нѣть передаютъ ходъ переговоровъ въ Гаштейнѣ. Ну, такъ по поводу этихъ толковъ въ органахъ нѣмецкой печати объ отношеніи Россіи «къ внутреннимъ дѣламъ Австріи» и «къ опыта гр. Гогенварта» мы не можемъ не сказать, что никогда еще имя Россіи не было въ такой степени жертвой наглой спекуляціи и интриги, какъ въ данномъ случаѣ.

Что за опыты гр. Гогенварта, — известно. Однимъ ли полякамъ онъ обѣщалъ автономію? Нѣть, — въ его программу вошла автономія всѣхъ коронныхъ областей Цислейтаніи и равноправность всѣхъ населяющихъ ее народностей. Погладить шероховатости автономіи Галиціи и право поляковъ — значитъ погладить шероховатости правъ и чеховъ съ марами, и словинцевъ и далматинцевъ¹⁾. Нечего сказать, — по-

1) Есть одна, и крупная, шероховатость въ устройствѣ автономіи Галиціи, — это недостаточное обеспеченіе правъ тамошніхъ русскихъ. Но и сами тамошніе русские политики поняли наконецъ, что постоянная поддержка, которую они оказывали нѣмецкому центральизму, мало помогла ихъ народности, а теперь только возбудила бы противъ нихъ всѣхъ славянъ. Обративши вниманіе

благодарять насть славяне, если для установлениі добрыхъ от-
ношений нашихъ къ Австрії въ этой послѣдней произведутъ
такую полировку. «Опыты гр. Гогенварта съ поляками!» А
давно ли говорили про опыты гр. Бейста съ поляками? А
давно ли нѣмецкіе централісты всякихъ отг҃никовъ готовы
были дать автономію полякамъ въ Галиції, только бъ не да-
вать ея чехамъ, давно ли отдавали полякамъ въ жертву руси-
новъ, только бъ сохранить гегемонію нѣмцевъ надъ чехами
и словинцами?! Вспоминали тогда о Россії? Да, вспоминали,
но какъ? Какъ о державѣ, которая ежеминутно грозитъ по-
глотить Австрію, а потому надо, чтобы на границѣ ея окрыло
во враждѣ къ ней племяпольское! За ничего несостояція
фразы, за господство надъ русинами, поляки въ 1867 году
продали славянъ нѣмецкой централістической партіи, и тогда
назначенный гр. Бейстомъ намѣстникъ Галиції гр. Голухов-
скій, бюрократъ, лично не имѣющій никакихъ убѣждений, а
говорящій сообразно дующему въ офиціальныхъ сферахъ
вѣтру, отвѣчалъ въ львовскомъ сеймѣ на требованія нѣ-
сколькихъ голосовъ автономіи для Галиції, что поляки не
должны желать федеральной Австріи, ибо тогда Галиція бу-
детъ слаба, и поляки должны будутъ ограничить свою дѣя-
тельность ею, между тѣмъ, какъ цѣль поляковъ галицкихъ
должна быть восстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года;
для этого же нужна имъ сильная централізаціей Австрія.
Такъ говорилъ офиціальный представитель власти императора
австрійскаго, и тогда ни австрійскіе ни германскіе политики
и публицисты не думали, какъ отзовутся эти слова въ Рос-
сії. Только теперь, когда поляки начинаютъ понемногу по-
нимать, что они вѣчно будутъ игрушкою интригановъ, фран-
цузскихъ ли, или прусскихъ, если не соединять своихъ судебъ
съ судьбами другихъ славянъ, по крайней мѣрѣ западныхъ,
когда галицкіе поляки получаютъ автономію не какъ исключи-
тельную привилегію въ награду за помощь нѣмцамъ и мадья-
рамъ противъ другихъ славянъ, а на ряду съ другими слав-
янами, когда поляки выражаютъ готовность сдѣлать (хотя

на народное образование, на поднятіе экономического уровня народа, заняв-
шихъ вопросами, изъ коихъ съ русинами могутъ быть солидарны и депутаты
сельскихъ классовъ польской Галиції,—словомъ, отложить на время „высокую
политику“ для подготовки для нея почвы (какъ дѣлали и чехи въ свое время)
русскіе въ Галиції могутъ повернуть въ свою пользу автономію ея.

пока и не очень большія) уступки русинамъ, которымъ гр. Гогенвартъ обѣщалъ на ряду съ другими племенами обезпечениe правъ, теперь только вспомнили о Россіи и желаютъ, подъ видомъ любезности къ Россіи, урѣзать объемъ «опытовъ гр. Гогенварта», т.-е., другими словами, представить Россію, а не нѣмецкихъ централистовъ, врагомъ не только поляковъ, но и всѣхъ австрійскихъ славянъ. Ловко придумано! Но только, смѣмъ увѣрить нѣмецкихъ публицистовъ, что не всѣ въ Россіи дадутся въ обманъ. Въ Россіи многіе знаютъ, а другіе узнаютъ именно благодаря услужливости нѣмецкихъ публицистовъ, кому, дѣйствительно, страшно здоровое развитіепольской народности въ предѣлахъ областной автономіи и въ этнографическихъ границахъ польского племени, а тамъ, где оно смѣшано съ другими, какъ въ восточной Галиціи,—съ обезпечениемъ правъ и не польского племени. Все это, дѣйствительно, страшно, только не для Россіи; дѣйствительно, свободное и здоровое развитіе поляковъ въ Галиціи, ихъ миръ съ русинами не можетъ не отразиться и на положеніи поляковъ въ Познани и въ Царствѣ Польскомъ,—только опять-таки Россіи нечего бояться вліянія автономной Галиціи. Она страшна кому-то другому. Кому же и почему она страшна, кому выгодно искрмальное и беспокойное положеніе Царства Польского и почему,—это увидитъ читатель, если дастъ себѣ трудъ послѣдовать за нами дальше; здѣсь же довольно и высказанныхъ соображеній о мнимой ловкости нѣмецкой публицистики и пунктахъ, которые представляютъ опасность для европейскаго мира; дальше читатель встрѣтитъ четвертый пунктъ такой — Царство Польское.

II.

Отношенія нѣмецкой печати къ полякамъ и къ Царству Польскому чрезвычайно характерны и не могутъ не наводить и русскихъ и поляковъ на поучительная размышленія. По поводу поляковъ печать нѣмецкая раздѣляется обыкновенно на два лагеря: кто стоитъ ближе къ официальнымъ прусскимъ сферамъ, тотъ обыкновенно не скучится на рѣзкія выраженія о полякахъ и заявляетъ, что Пруссія и Россія связаны между собою необходимостью сдерживать поляковъ, хотя, конечно,

говоря такія вещи, прусские ораторы и публицисты прибавляютъ, что они «не думаютъ не порицать всѣхъ дѣйствій и мѣръ русскаго правительства». Такой смыслъ имѣли рѣчи гр. Бисмарка послѣ польскаго восстанія, въ такомъ смыслѣ выражается о полякахъ Россіи и Пруссіи авторъ брошюры «Deutschland und Russland», происхожденіе которой приписывается официальнымъ сферамъ-и которая недавно вышла и по-русски. Чѣмъ болѣе какой ораторъ или органъ печати называетъ себя независимымъ въ Пруссіи и Германіи, тѣмъ болѣе почитаетъ себя обязаннымъ кстати и некстати вспоминать о «московитскомъ» варварствѣ въ отношеніи къ Польшѣ, о кнутѣ, о жестокостяхъ ген. Муравьевъ, о преестественнѣахъ католицизма въ Польшѣ, о стремлѣніи къ русификації ея» и т. п. Примѣровъ, право, и приводить нечего. Возьмите газеты за одинъ день, и вы найдете хоть въ одной что-либо въ такомъ родѣ. Но вѣдь поляки есть не въ одной только Русской имперіи. Если нѣмецкая печать недовольна русификацией Польши,—а она недовольна даже «русификацией» Западнаго русскаго края (недавно нѣмецкія газеты,— кто, а нѣмцы въ географіи и статистикѣ крѣпки не въ примѣръ французамъ,— помѣстили извѣстіе о предстоящемъ открытии судебныхъ мировыхъ учрежденій въ западныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Киевской, подъ названіемъ: Мировые суды въ Польшѣ),—то, навѣрно, она недовольна также и германизацией Познани, готова дать послѣдней автономію и подобныя блага. То-то и есть, что нѣтъ. Въ томъ-то и характеристичность либерализма нѣмецкой публицистики насчетъ русскихъ. Мало того, когда въ 1867 году, во время составленія сѣверо-нѣмецкой конституціи, положено было, что и Познань, прежде не входившая въ составъ Германскаго Союза, будетъ составною частью сѣверо-германскаго, гр. Бисмаркъ отвѣчалъ на протесты польскихъ депутатовъ Познани, что они посягаютъ на цѣлость прусскаго государства, когда этого вовсе ниоткуда не было видно, а депутаты желали только сохраненія того положенія, въ какомъ они прожили въ прусскомъ государствѣ болѣе 90 лѣтъ,— что «поляки не знаютъ сами, чего хотятъ, что ихъ старая Польша невозможна, такъ какъ въ ней большинство принадлежало литовцамъ и русскимъ», между тѣмъ, какъ въ Познани нѣтъ ни литовцевъ ни русскихъ. И вся палата сѣверо-германская рукоплескала гр. Бисмарку,

вся печать нѣмецкая одобрила включение Познани въ Германію, какъ одобрила она его и недавно при утверждении конституции Германской имперіи, когда кн. Бисмаркъ нашелъ уже другой резонъ въ отвѣтъ польскимъ депутатамъ, а именно стать увѣрять ихъ, что они «не польские, а католические депутаты». Извѣстно, что въ палатѣ германской только два нѣмецкихъ голоса были поданы за невключение польскихъ земель въ Германскій Союзъ, въ печати же не нашлось и двухъ органовъ, которые бы поддержали требование познанскихъ депутатовъ. Мало того, когда обнародовано было письмо одного клирикального депутата, говорившее въ похвалу центру, что она сочувствуетъ всѣмъ страждущимъ, и *даже полякамъ*, то, хотя центръ не сдѣлалъ ни кивка въ поддержку познанскихъ депутатовъ, гуляющая теперь насчетъ клирикаловъ нѣмецкая либеральная печать жаловалась, что центръ покровительствуетъ *самымъ позорнымъ, самымъ вреднымъ элементамъ въ Германіи, даже полякамъ.*

Такимъ образомъ либерализмъ нѣмецкой публицистики по польскому вопросу насчетъ Россіи вовсе не считаетъ себя обязательнымъ быть послѣдовательнымъ, когда зайдеть рѣчь о тѣхъ же полякахъ въ Пруссіи, и даже употребляетъ русскую аргументацію отъ Западно-русского края для примѣненія къ Познани. А вѣдь, казалось бы, либералу насчетъ Россіи еще легче быть либераломъ насчетъ Пруссіи: въ Россіи есть, кромѣ области, заселенной сплошь поляками, еще область, гдѣ поляки — меньшинство и малое меньшинство, не больше $\frac{1}{20}$, а между тѣмъ претендуютъ на господство; въ Россіи, дѣйствительно, есть извѣстная доля справедливости, когда говорить, что дай полякамъ автономію за Вислою, такъ они захотятъ господства и до Днѣпра и Двины и даже дальше. А въ Познани — поляки большинство, никакихъ стремленій къ расширению не только господства, а и слабѣйшаго вліянія на Западъ, они и не замышляютъ. А все-таки надо ихъ включить въ Германію, т.-е. охранить польскія земли силою не только *Пруссіи, а всей Германіи*, и германизировать, елико возможно. И если «слабость» Россіи, ея правительство и общество по-пустятъ узы польскому элементу на Вислѣ, надо «научить русскихъ патріотизму», какъ говорили нѣмецкія газеты объ издателѣ «S.-Petersburger Zeitung» г. Мейерѣ, который будто бы раньше г. Каткова научилъ русскихъ патріотизму:

только бы вредное движение на Вислѣ не отразилось на Варте. Если подобное послабление дѣлается въ Галиціи, и если оно такого рода, что можетъ только отражаться беспокойствами и затѣмъ репрессаліями въ Россіи, можно похвалить гр. Бейста за то, что онъ «не слѣдуетъ примѣрамъ московскихъ нивелляторовъ, давающихъ трупъ несчастной Польши»; но чутъ въ Галиціи предпримуть дѣло болѣе серьезное, имѣющее цѣлью не засыпываніе съ мечтаніями польскими, а областную автономію, тогда надо подавить вредные «опыты гр. Гогенварта, существующіе вызвать неудовольствіе русского правительства противъ Австріи и тѣмъ повредить добруму согласію на востокѣ Европы». А если бы «опыты гр. Гогенварта» были действительно остановлены или укорочены, тогда стали бы говорить «бѣдныя полякамъ», что вотъ «сѣверный монгольскій колосъ не потерпѣлъ даже той скромной свободы, которую готово было дать нѣмецкое правительство несчастному польскому народу въ Галиціи».

Гдѣ же причины такой «мудрой» непослѣдовательности? Ихъ много. Теперь мы поговоримъ обѣ одной. Дѣло въ томъ, что въ Германіи есть не мало людей, которые полагаютъ, что пріобрѣтеніе Царства Польскаго было бы необходимымъ и естественнымъ дополненіемъ къ Германіи, такимъ же необходимымъ, какъ и пріобрѣтеніе Богеміи и Моравіи, относительно принадлежности которыхъ къ Германіи никто изъ нѣмцевъ не допускаетъ ни малѣшаго сомнѣнія. Очень часто, когда въ Германіи, какъ, напр., во время настоящей войны, нужно успокоить Россію, нѣмецкая печать доказываетъ, что Остзейскій край не нуженъ Германіи, что, пріобрѣть провинціи, которая составляютъ береговую линію, не принадлежащей ей во всемъ объемѣ страны, Германія пріобрѣла бы земли, вѣчно нуждающіяся, какъ нуждается Восточная Пруссія, составляющая только приморскую часть бассейна, принадлежащаго не Германіи. Дѣйствительно, границы между Царствомъ Польскимъ и Пруссіей не выгодны, и если ужъ что пріобрѣтать отъ насть Германіи, такъ, конечно, во всякомъ случаѣ не Остзейская губернія, а Польшу. Тѣ далеко, эта близко, да и составить прекрасное дополненіе къ теперешней границѣ. Допустите разъ границу Германіи по Нѣману и Бугу и посмотрите, какъ легко потомъ провести ее до пересѣченія съ Карпатами. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ тогда положеніи

очутится узкая полоса западной Галиции? Утѣште Россію присоединенiem къ ней даже части восточной Галиции, но знайте, что страна, которая будетъ владѣть Кёнигсбергомъ, Варшавой, Краковомъ и Львовомъ будетъ владѣть засовомъ, которымъ можетъ по произволу запирать дверь изъ Россіи въ Европу. Но вернемся къ Царству Польскому и приведемъ доказательства, что дѣйствительно есть въ Германіи люди, которые засматриваются на него. Мы, собственно, приведемъ примѣры поновѣе, потому что и въ русской печати не разъ были уже приводимы выдержки изъ разныхъ нѣмецкихъ брошюръ и книгъ, которыхъ высказывали, что присоединеніе Царства Польскаго къ Германіи было бы естественнымъ и полезнымъ для Германіи дѣломъ.

Въ 1870 г., еще передъ войной, вышла въ Бранденбургѣ маленькая, но во многомъ притягательная, хотя и презабавная брошюра подъ заглавиемъ: *Europa im Lichte der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft. Ein politischer Rundblick und ein Mahnruf von einem preussischen Conservativen. R.* (Европа въ свѣтѣ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Политический обзоръ и кликъ напоминанія прусского консерватора). Надъ заголовкомъ стоять цифры 1800, 1870, 1900, надъ буквою R — коронка. Мы назвали брошюру презабавною, потому что она выражаетъ самымъ наивнымъ образомъ мысли бранденбургскаго служащаго дворянина и его симпатіи и обращенія ко всемъ державамъ и народамъ Европы; но мы назвали брошюру эту и интересною, потому что она весьма характерно передаетъ симпатіи и антипатіи, принципы и мечты той среды, изъ коей вышли всѣ птенцы семьи героеvъ, прославившихъ прусское оружіе въ послѣднюю войну. Пробѣгая брошюру г. R. послѣ войны, видишь теперь, какъ готовились къ ней сферы, представляемыя г. R., и какъ давно задумано было и предусмотрѣно многое, что казалось, и что сами пруссаки выдавали за вызванное необходимостью или за случайное. Любопытно обращеніе бранденбургскаго дворянина къ Франціи: «Не думай, Франція, что нѣмецъ такъ враждебенъ къ тебѣ, какъ онъ, къ сожалѣнію, кажется! О, мы умѣемъ хорошо цѣнить эту огненную кровь, которая течетъ въ тебѣ, которая заставляетъ тебя хвататься за мечь всякий разъ, когда ты думаешь, что кто-нибудь можетъ бросить на твою gloire подобie пятна... И однажды, Франція, твой дѣла печальны.

На твоемъ тронѣ сидить человѣкъ, который не имѣть ни капли царственной крови въ жилахъ своихъ. Еще первого Наполеона ты могла допустить себя любить, Франція; хотя онъ и не былъ государь Божій милостію, онъ былъ одинакожъ геній, имѣть котораго своимъ господиномъ всякий народъ счѣль бы себя счастливымъ. Онъ разнесъ твою славу по половицѣ свѣта, положилъ къ ногамъ твоимъ всю Европу... Но лѣнивая и блѣдная корсиканская лица теперешнихъ Наполеонидовъ не имѣютъ духа, чтобы править тобою, великая Франція! «Гдѣ жъ взять, если не украдь?» какъ говорить берлинецъ... Избери себѣ нового воеводу изъ твоихъ старыхъ дворянскихъ родовъ. Господствовать надъ Европой, Франція, ты уже не можешьъ, но распространить свои границы еще можешьъ: Бельгія — вотъ собственно провинція Франціи, но долину Рейна и нашъ старый Страсбургъ должна намъ Франція выдать назадъ. О, Страсбургъ, Страсбургъ, тебя мы не уступимъ никогда! Но зато Франція должна получить западную, большую половину Швейцаріи, этого нѣкогда энергичаго маленьаго государства, которое теперь совершенно изжилось».

Посмотримъ теперь, какъ распоряжается бранденбургскій дворянинъ на восточной границѣ. «Россія,—восклицаетъ онъ,—страна соболей и брильянтовъ, ты не европейская земля!.. Тебѣ не удалось еще вступить во владѣніе Турцией. Франція и Англія, съ помощью предательства Австріи, заставили тебя покинуть гордые твои планы. Но времена мести придутъ и для тебя! Австрія — государство, которое не имѣть никакой жизненности. Навѣки уничтоженная, какъ нѣмецкое государство, славянскимъ она быть не можетъ. Что же сообразиѣ съ природою, какъ не то, чтобы нѣмецкія земли возвратились къ ихъ племени, а остальная достались Россіи? И сѣверная часть Турціи и Черное море принадлежать тебѣ, Россія! Но южная — нѣть. И Балтійское море не тебѣ принадлежитъ! Твои нѣмецкія провинціи вздыхаютъ подъ кнутомъ. Обрусьтъ ихъ ты не можешьъ, потому что никакая нѣмецкая земля не теряетъ своего старогерманскаго типа, а потому отдай намъ нѣмецкихъ дѣтей!»

Однако гдѣ же тутъ Польша? — спроситъ читатель. — Добрый бранденбургскій дворянинъ, хоть и гонитъ насъ отъ Балтики, но даетъ Черное море, сѣверъ Турціи, да еще

австрійськія славянскія земли. Но авторъ, хоть и не говоритьъ, а, конечно, считаетъ Чехію съ Моравією нѣмецкими землями. Изъ остальныхъ австрійскихъ земель я уже и не знаю, что такое даетъ онъ намъ, потому что въ главѣ о Румыніи онъ говоритъ слѣдующее: «Молодая земля, колыбель нового рода Гогенцоллерновъ (и Струсберговъ, прибавить бы), ты имѣешь возможность великой будущности! Ясно, что должно образоваться великое славянское государство, и вѣроятно, что Россія должна образовать его; но, Румынія, на твоемъ тронѣ сидитъ Гогенцоллернъ, отрасль рода изъ стали и желѣза, а гдѣ Гогенцоллернъ, тамъ и національное чувство, тамъ и честолюбіе, тамъ стремленіе къ расширенію и распространенію могущества... Карлъ, юный князь, какъ бы шли тебѣ короны Венгріи, Трансильвании и Польши! Венгрія и Польша! Зачѣмъ вы не выбрали себѣ никакого Гогенцоллера, если вы хотѣли достигнуть самостоятельности? Гогенцоллернъъ установилъ бы вашу старую силу и величие!» Тутъ авторъ ставитъ двѣ многозначительныя черты. Конечно, послѣ такихъ объѣщаній Румыніи, Венгріи и Польшѣ, всѣ прежніе подарки Россіи уничтожаются и ей только и остается призывъ: «На востокѣ, Россія, твоя будущность! Борись съ Англіей за владѣніе Азіей!» Въ Европѣ же... Но пусть говорить авторъ. «Пруссія,— восклицаетъ онъ въ концѣ брошюры,—ты — сердце Европы, ты будешь господствовать въ Европѣ и цвѣсти подъ Гогенцоллернами, какъ сильное христіанско-монархическое государство во славу Бога». А для того, чтобы господствовать въ Европѣ и обернуть Россію на Востокъ къ сомнительной борьбѣ съ Англіей за господство въ Азіи (т.-е. въ степяхъ Гоби и Туркестана), надо именно въ томъ или иномъ видѣ, но соединить корону Польши и голову Гогенцоллера.

Стойти ли, впрочемъ, обращать вниманіе на бредни бранденбургскаго дворянинна? спросить, быть-можетъ, читатель. Не говоря другого, стойти, по-нашему, уже и потому, что брошюра этого дворянинна есть материалъ для характеристики отношеній нѣмецкой печати къ виѣннай политикѣ вообще, а къ Россіи и Польшѣ въ частности, а эта характеристика и составляетъ близкайшую цѣль нашей статьи. Мы остановились на брошюре бранденбургской еще и потому, чтобы показать, что говорять другія въ тѣхъ сферахъ, изъ которыхъ вышла

мягкостелющая брошюра «Россия и Германия»¹⁾). Обратимся теперь к другому, более солидному, очень солидному сочинению. Мы разумеем книгу Рихарда Бёкка о числе немцевъ и области ихъ языка въ европейскихъ государствахъ (*Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den europäischen Staaten. Eine statistische Untersuchung von Richard Boeckh.* Berlin, 1870). Сочинение это самымъ обстоятельный образомъ слѣдить за распространениемъ немцевъ среди другихъ племенъ и, несмотря на глубокіе поклоны передъ принципомъ национальности, въ предисловіи своемъ преисполнено германизаторскихъ идей въ самой грубой ихъ формѣ. Вышедши наканунѣ войны 1870 года и сопряженныхъ съ нею политическихъ катастрофъ въ Европѣ, сочиненіе Бёкка можетъ быть названо статистическимъ пособіемъ для политика, администратора и воина, долженствующаго расширять германизмъ на счетъ всѣхъ соѣдніихъ народностей. Для настъ особенно важны главы, въ которыхъ авторъ рассматриваетъ «немцевъ въ отношеніяхъ къ полякамъ, латышамъ, эстамъ и русскимъ». Изъ книги Бёкка явствуетъ, что число немцевъ больше и скорѣе увеличивается въ Царствѣ Польскомъ и даже въ прилегающихъ къ нему мѣстахъ Литвы, чѣмъ въ остзейскихъ провинціяхъ, особенно, если присчитывать къ немцамъ и говорящихъ понемецки евреевъ, на которыхъ г. Бёккъ обращаетъ особое вниманіе. На этомъ основаніи г. Бёккъ относится съ гораздо большей теплотою и вниманіемъ къ немецкому элементу въ Царствѣ Польскомъ, чѣмъ въ Остзейскомъ краѣ, и придаетъ первому гораздо большее значеніе съ точки зрѣнія германизма. Онъ обращаетъ вниманіе читателей на то, что послѣдня, более точныя данныя касательно населенія, напр., въ Лифляндіи, оказываются весьма неблагопріятными для немецкаго элемента. Такъ, въ населенной латышами части Лифлян-

1) Вотъ другая брошюра уже не лирическаго, а ученаго консерватора (*Das Neue Deutsche Kaiserreich und seine Gegner. Ein Mahnruf an die deutschen Patrioten und Conservativen.—Gütersloh, 1871*) о новой немецкой имперіи и ея противникахъ. „Пусть не считается,—говорить авторъ,—дружбу съ Россіей за продолжительную. Турецкій вопросъ можетъ вызвать опасные затрудненія, потому что здесь мы не можемъ действовать здѣсь съ Россіей“. Извѣстно, что во время обсужденія черноморскаго вопроса либеральная печать въ Германіи была все противъ насъ, и только консервативно-правительственная выражалась въ извѣстной мѣрѣ благосклонно о нашихъ требованіяхъ.

дії, даже въ городскомъ населеніи, изъ 148.000 человѣкъ нѣмцевъ оказывается по счету 1867 года только 67.100, русскихъ 30.000, латышей 28.300, эстовъ 18.200, въ Ригѣ нѣмцевъ всего 47.469, русскихъ 25.647, латышей 23.718. По счету, произведеному въ 1860—1861 году нѣмецкими писателями (Кёппенъ, Гроссъ) въ Остзейскомъ краѣ на 1.803.891 общаго населения нѣмцевъ оказывается только 131.071, при чмъ, относительно, число ихъ становится меныше отъ Курляндіи къ Эстляндіи (Курл. 47.868, Лифл. 65.124, Эстл. 18.079)¹⁾. Въ области литовскаго племени (Ковенская, Виленская и часть Гродненской губ.), по даннымъ того же 1860 года, на число не очень большее, чмъ общая цифра населения Остзейского края — 2.010.000 человѣкъ — нѣмцевъ было 23.000, но зато евреевъ больше 200.000. Съ тѣхъ порь нѣмецкая колонизація тамъ усилилась. Что касается Царства Польскаго, то здѣсь въ 1856 году было 264.436 одніхъ нѣмцевъ, въ 1860 году — 269.620, въ 1867 году — 356.806, принявшихъ подданство Россійской имперіи, и временно проживающихъ — 213.800 (при общемъ населеніи царства 5.319.363 чел.). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что евреевъ (которые въ Познани оказываютъ такое пособіе германізації) въ Царствѣ Польскомъ болѣе 650 тысячъ или $12\frac{1}{2}$ процентовъ всего населенія²⁾. На этомъ основаніи Беккъ говоритъ, что «земля литовско-леттскаго племени и эстскаго никоимъ образомъ не можетъ быть названа нѣмецкою, какъ это призналь во время преній въ прусскомъ парламентѣ и великий государственный человѣкъ». Иначе говоритъ онъ объ области племени польскаго. «Изъ общаго обзора мѣста пребыванія нѣмцевъ среди поляковъ,—говорить нашъ статистикъ,—выходитъ, что не только часть прежде бывшей области польского языка стала теперь дѣйствительно нѣмецкой землей, но что даже теперешняя область польского языка, осо-

¹⁾ Саль Беккъ принимаетъ число нѣмцевъ въ Остзейскомъ краѣ только на 122.000 человѣкъ.

²⁾ Если свести къ единицамъ число нѣмцевъ въ Остзейскомъ краѣ и Польшѣ, то получимъ слѣдующія цифры: въ Остзейской губрніи 1 нѣмецъ приходится на $13\frac{1}{4}$ человѣкъ населения, въ Польшѣ натурализованныхъ нѣмцевъ христіанъ 1 на 15 человѣкъ, съ натурализованными 1 на 9, натурализованныхъ съ евреями 1 на 6 человѣкъ, *всѣхъ съ евреями 1 на 4* чел. (евреевъ 1 на 8). Если причислить евреевъ въ Ц. Н. къ нѣмцамъ, то шансы германізаціи въ немъ оказываются выше, чмъ даже въ Познани.

бенно вся Великая Польша, Силезія и Куявія и, хотя и въ меньшей степени, Мазовія, слѣдовательно, три пятыхъ всей области польского языка, такъ усѣянны нѣмецкими поселеніями и обывателями, что здѣсь обѣ націи живутъ совмѣстно. Если сложить вмѣстѣ всѣ выше принимаемыя земли, т.-е. польскую часть Пруссіи, Познани, Силезію, Западную Галицію и большую часть русскаго Царства Польскаго (безъ литовской части, но съ Бѣлостокомъ), какъ область польского языка, то здѣсь на 3.570 кв. милл. изъ 8.850.000 живутъ почти 7 милл. (6.950.000) поляковъ, такъ что къ этой народности принадлежитъ здѣсь 78—79% всего населенія, затѣмъ по меньшей мѣрѣ 730.000 нѣмцевъ, т.-е. свыше 8%, за исключеніемъ евреевъ (а равно какъ и ненатурализованныхъ въ Царствѣ Польскомъ нѣмцевъ); кромѣ же этого, тамъ находится около 800.000 евреевъ, т.-е. около 9%, изъ коихъ 72.000 въ Пруссіи, Познани и Силезіи всѣ, а остальные, по большей части, должны быть причислены къ нѣмцамъ, какъ говорящіе по-нѣмецки. Наконецъ на разсмотриваемой территории живеть около $\frac{1}{3}$ миллиона русскихъ, изъ коихъ большая часть живеть въ отрубномъ кускѣ (въ старорусской области) по Бугу».

«Съ течениемъ времени,—продолжаетъ г. Бѣккъ,—отношенія между польскимъ и нѣмецкимъ народами измѣнились существенно... Теперь польская народность фактически отдана подъ покровительство нѣмцевъ. Она нуждается въ этомъ покровительствѣ съ тѣхъ поръ, какъ ея политическая самостоятельность уничтожена, и руководящіе представители ея славянскаго, но въ главномъ своемъ племени смѣшанного съ финнотатарами, братственного народа задумали уничтожить и ея национальное существованіе. Принять на себя это покровительство побуждаетъ нѣмцевъ и общій интересъ, не потому только, что уже теперь въ наполовину окруженному прусскими провинціями царствѣ нѣмецкая народность потерпѣла существенное поврежденіе отъ русскихъ мѣропріятій (ибо, извѣстіе Буша, что число лютеранъ съ 1860 по 1865 уменьшилось болѣе, чѣмъ на 40.000, едва ли можно приписать уменьшенію нѣмецкой народности въ виду представленныхъ цифръ¹⁾), но потому, что ущербъ интересамъ нѣмцевъ есть

¹⁾ Значить, не о чёмъ и толковать. Да, кромѣ того, съ 1860 года не слышно было ни о какомъ избѣженіи лютеранскихъ младенцевъ въ Россіи ни вообще о какой-либо противолютеранской мѣрѣ.

необходимое послѣдствіе поведенія руководящей теперь въ Россіи партіи, такъ какъ стремленіе, направленное, главнымъ образомъ, на уничтоженіе всякой особой національности, направится прежде всего на наивыше стоящей культурный народъ. Общность интересовъ (поляковъ и нѣмцевъ) не основана только на сотняхъ тысячъ нѣмцевъ, — хотя и ихъ оставить на волю судебъ было бы униженіемъ для нѣмецкаго народа, такъ какъ признаніе, что нѣмцы, живущіе виѣ границъ Германіи, могутъ быть забыты ю, было бы обильнымъ источникомъ національного униженія, ибо нѣмецъ не можетъ отказатьться отъ своей природы, онъ долженъ ити за границу, — общность интересовъ въ гораздо высшей степени лежитъ въ томъ, что опасность для нѣмецкаго народа не ограничивается тѣмъ или другимъ кускомъ польской земли, но что отреченіе отъ нѣмцевъ въ Польскомъ царствѣ послѣдовательно отразится и на беспомощную Галицию, затѣмъ на соединенную съ нѣмецкими областями польскія земли, наконецъ, и на самую нѣмецкую землю. Или кто можетъ быть таѣь близорукъ, чтобы думать, что если разъ удастся уничтоженіе поляковъ и нѣмцевъ въ Царствѣ Польскомъ, то ворвавшееся туда опустошеніе остановится на берегахъ Древенца, Просны и Премзы. И прямо въ виду подобныхъ обстоятельствъ, которыхъ теперь для нѣмецкой народности принимаютъ несравненно болѣе грозный разбѣгъ, чѣмъ прежде, можно вспомнить, что уже 25 лѣтъ назадъ, К. М. Аридтъ, который не былъ противникомъ русскихъ, въ своей истории народовъ призналъ необходимость освобожденія Польши и Литвы (а если этого мало будетъ, чтобы доставить силу разуму и праву въ Русскомъ царствѣ, то и Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи), — словомъ, необходимость защиты польской народности нѣмцами и съ этой цѣлью, равно какъ и для собственной защиты нѣмецкихъ государствъ, отбросить русскихъ въ предѣлы области ихъ языка »¹⁾. Довольно трудно понять, какъ обрученіе поляковъ угрожало бы существованію нѣмцевъ и въ предѣлахъ чисто нѣмецкихъ земель. По этой логикѣ германизаціи поляковъ грозила бы непосредственно не только интересамъ, но и народности русскихъ, напр., въ Москвѣ. Трудно допустить, чтобы Беккъ говорилъ это совершенно серьезно. Совсѣмъ на-

1) См. названное сочин. стр. 99—102.

противъ, желаніе обрусенія поляковъ въ царствѣ логически ведеть за собою желаніе, чтобы поскорѣе они германизировались въ Познани, т.е. чтобы облегчена была работа уничтоженія народности, признанной вредною для Русскаго государства. У насъ, дѣйствительно, есть такіе мудрые политики въ обществѣ, которые, чувствуя трудность обрушить все Царство Польское, высказываются въ пользу того, чтобы ограничиться областью до Вислы, а остальное готовы отдать пруссакамъ, которые, моль, спрятятся скоро съ поляками. Гораздо опаснѣе нѣмецкой народности въ Познани и Пруссии не обрушеніе поляковъ въ царствѣ, а правильное развитіе ихъ народности подъ властью русскаго правительства. Тогда бы, дѣйствительно, уже не опустошеніе, а здоровое возрожденіе поляковъ не остановилось бы на берегахъ Древенца. Вотъ въ виду того, чтобы русскіе не приняли подъ свое покровительство поляковъ, понявшихъ свои интересы реально и безъ фантазій, дѣйствительно, нѣмецкимъ публицистамъ и политикамъ надо, самимъ постоянно дѣйствуя на погибель поляковъ и обращаясь къ солидарности съ русскими, когда нужно, въ то же время говорить полякамъ о томъ, что только нѣмцы могутъ защищить ихъ отъ полумонгольского брата ихъ.

Бѣкѣ не говорить, въ какой формѣ должна явиться защита поляковъ нѣмцами, онъ даже Арнитово «освобожденіе Польши» замѣняетъ чисто отрицательнымъ «отбросомъ русскихъ въ границы ихъ языка»; но такъ какъ онъ считаетъ землю польскую за такую, на которой поляки живутъ совмѣстно съ нѣмцами, и такъ какъ, по его словамъ, постыдно Германіи отказаться отъ своихъ сыновъ, то «защита поляковъ» превращается просто въ присоединеніе къ Германіи всей польской области на условіяхъ, на какихъ присоединена Познань. Другой авторъ, пошедший по слѣдамъ Бѣкка, изложилъ это «освобожденіе Польши» въ гораздо болѣе ясныхъ чертахъ и нашелъ полякамъ прелюбопытное вознагражденіе. Мы говоримъ о вышедшемъ въ Бреславль въ 1870 году сочиненіи о будущности Польши (Die Zukunft Polens. Historisch politische Studie von W. N.). «Мы думаемъ съ Рихардомъ Бѣкомъ, — говорить это сочиненіе, — что ближайшая борьба на Востокѣ будетъ не между поляками и русскими, а между Германіей и Россіей. Нѣмецкая цивилизациѣ и русское варварство скоро бросятся другъ на друга полныя ненависти, и

военный мечь рѣшить ихъ споръ. Если, какъ мы крѣпко на-
дѣмся, Германія останется побѣдителемъ и, какъ таковой
владѣтелемъ Вислы и Нарева, тогда желѣзный законъ само-
сохраненія (все въ Германіи дѣлается изъ одного самосохра-
ненія!) принудить насъ сохранить за собою, какъ клейнодъ,
эту линію Вислы-Нарева, потому что это единственная страте-
гическая линія между Германіей и Россіей. Мы должны удер-
жать то, что приобрѣли, и мы не можемъ предоставить поля-
камъ ничего, кроме справедливаго правленія, беспристраст-
наго суда, добросовѣтнаго и бережливаго управлениія и крот-
каго приговора надъ польскими необдуманностями, которая
не замедлить явиться (!!). Но на самостоятельность государ-
ственную на Вислѣ поляки разъ навсегда пусть не раз-
считываютъ, потому что тамъ, где единственно природа полу-
жила барrikаду между нами и Россіей, и где единственно
лежитъ наша восточная оборонительная линія, мы одни
должны и командовать. Зато Германія приметъ нравственную
обязанность, насколько возможно содѣствовать, чтобы Руте-
нія (Малороссія съ Бѣлоруссіей) стала самостоятельнымъ го-
сударствомъ и чрезъ то новымъ отечествомъ для поляковъ».

Политический и нравственный характеръ этой тирады съ
ея ясны, дѣловымъ тономъ не требуетъ объясненій. Мы
обращаемъ вниманіе только на категорическое заявление, что
линія Нарева и Вислы нужна Германіи, по мнѣнію г. W. N.,
какъ и г. Бѣкка.

Мы бы никогда не кончили, если бы вздумали приводить
даже важѣйшія выдержки изъ нѣмецкихъ писаній, развиваю-
щихъ тему о распространеніи нѣмецкаго элемента и прусской
власти въ Европѣ. Чтобы покончить съ мелкими политиче-
скими брошюрами, съ политиками национально-либеральной,
консервативной и иныхъ близкихъ правительствуенному напра-
влению партій, мы приведемъ выдержки изъ брошюры Д.г. Аль-
берта Шумманна о будущности Германіи (*Die Zukunft Deutschlands, von Dr. Albert Schumann. Leipzig. 1870.*) Авторъ
написалъ эту брошюру въ посрамленіе саксонскихъ и иныхъ
партикуляристовъ, соціаль-демократовъ и другихъ противни-
ковъ «пруссизма» и военной централизаціи въ Германіи. Хотя
авторъ видимо и горячится, но его положенія не лишены
характеристичности, хотя бы въ психологическомъ отношеніи.
Dr. Шумманъ объявляетъ, что онъ не очень давно самъ былъ

противникомъ «коварной Пруссії», «милитаризма» и т. п., а теперь находить, что «милитаризмъ прусскій» есть благодѣтельная вещь не только для Германіи, но и для Европы и цирилизациі! Прусаки, по его мнѣнію,— современные римляне, и должны, какъ и старые, образовать всемірное государство. «Было бы,— говорить онъ,— очень странно воображать себѣ, что государство, которое имѣть въ себѣ столько силы, послѣ того какъ оно разрасталось въ теченіе двухъ столѣтій, какъ никогда другое въ исторіи, чтобы государство съ такими крѣпкими силами, говорю я, вдругъ остановилось въ своемъ распространеніи. И если даны все условия, чтобы сдѣлать скоро Пруссію міровымъ государствомъ (*Weltreich*), то она по необходимости иметь и станетъ. Настоящая война вновь показала, что германская раса превосходитъ всѣ другія въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніи. Мы можемъ безъ преувеличенія сказать, что романскія расы созрѣли къ погибели. Что мы во всякомъ случаѣ выше славянъ,— этого и они сами не станутъ отрицать. Къ тому же принципъ национальностей непримѣнимъ на практикѣ». Авторъ въ доказательство приводить статистическая цифры о населеніи Европы отъ Атлантическаго океана до Днѣпра и повсюду у него выходить смѣсь национальностей, среди которой только нѣмцы и представляютъ иѣчто компактное; даже во Франціи по его счету французовъ немногого, а то все нѣмцы (1.800.000), бретонцы (1.100.000), итальянцы (370.000), фламандцы (200.000), баски (250.000), окцитанцы (10.655.000), валлоны (1.800.000), каталонцы (230.000) и бургундцы (6.652.000)¹⁾. «Я надѣюсь,— говорить въ заключеніе своего статистического обзора авторъ,— что изъ этихъ чиселъ каждому станеть ясно, что во всей Австріи, Франціи, восточной части прусскихъ провинцій, Западной

¹⁾ Вообще даже и болѣе серьезные нѣмецкіе писатели стараются представить провинціальныя отличія даже латино-французской расы во Франціи гораздо болѣшими, чѣмъ таковыя же различія въ нѣмецкомъ народѣ,— напр., Беккъ въ названныхъ сочиненіяхъ, какъ Бѣмеръ—*Die Provençalische Poesie der Gegenwart*, 1870. Между тѣмъ и литераторы нижне-нѣмецкаго движенія, какъ «провансаль», говорятъ, что иныѣшній нѣмецкій литературный языкъ, несмотря на распространеніе школьнаго образования, не совсѣмъ понятенъ народу сѣверной окраины Германіи. См. предисловіе къ собранію стихотвореній Клауса Грова (*Quickborn, Volksleben in plattdeutschen Gedichten ditmarscher Mundart*, 1854).

Россії и европейской Турції принципъ національности абсолютно непримѣнимъ. Если же принципъ національности на практикѣ непримѣнимъ, а въ то же время германцы дѣйствительно превосходятъ другія расы въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, то ясно, какъ день, что Пруссія, какъ самому могущественному государству Европы, выпала задача, *германизировать Европу*. «Германизация Европы», это—программа будущаго для прусской политики! И эту программу, собственно говоря, Пруссія давно уже проводить на практикѣ. «Каждый день,—говорить Гейнрихъ Трейчке,—Пруссія отодвигаетъ иѣмецкій пограничный столбъ на одну цѣдь къ востоку. Каждый день славянское населеніе убываетъ въ Пруссіи, а иѣмецкое прибываетъ. Только тогда, когда Пруссія успѣтъ германизировать Европу, станеть міровой монархіей, когда изъ Европы сдѣлаютъ такъ одно государство, тогда приблизительно будетъ достигнуто то, о чмъ мечтаютъ соціаль-демократы и международная лига мира, т.-е. не то, чтобы достигнуть быть вѣчный миръ, но войны станутъ рѣже, короче, менѣе кровавы и варварски. Итакъ, средство сдѣлать войну рѣже, должно быть и есть — война!» Можно сказать, что нашъ докторъ Шуманъ погорячился, но погорячился онъ только въ томъ, что съ полной послѣдовательностью развилъ тѣ же начала, которая высказывали и Трейчке, и Рошерь, и Зибель, и Бѣккъ и т. п. ученые вожди германского общественного мнѣнія. Что касается до ближайшихъ съ Германіей странъ, то о нихъ д-ръ Шуманъ высказываетъ еще въ большемъ согласіи съ другими политическими писателями Германіи: Австрія, по его словамъ, должна быть германизирована. Россія можетъ надѣяться на согласіе Германіи не мѣшать ея видамъ въ восточномъ вопросѣ только подъ однимъ условіемъ: чтобы она «отдала Германіи Остзейскія провинціи, а также, быть-можетъ, и часть Польши!»

Читатель все имѣть дѣло съ авторами, которые чрезвычайно довольны ходомъ дѣль въ Германіи и желаютъ только завершенія зданія германского единства и могущества на Востокѣ. Теперь покажемъ ему человѣка, который рѣшительно осуждаетъ ходъ дѣль въ Германіи съ 1866 г., упрекаетъ Пруссию и иѣмецевъ, поставившихъ конечною цѣлью національное государство подъ властью ея, въ близорукости, который доказываетъ, что политика не должна уклоняться отъ міровыхъ,

идеалистическихъ вопросовъ, замыкаясь въ материализмъ государственно-національной политики. На семь основаній онъ упрекаетъ Австрію за помощь Турци, за оставленіе старой задачи священной Германской имперіи — изгнать азіатскихъ варваровъ изъ Европы. Повидимому, вы имѣете дѣло съ космополитомъ и гуманистомъ. На самомъ же дѣлѣ весь космополитизмъ этотъ сводится на германизмъ въ квадратѣ. Пруссія не должна была ссориться съ Австріей, потому что чрезъ это ослаблялись силы германизма — въ виду кого? — все той же Россіи. Австрія и Пруссія должны выгнать турокъ изъ Константиноополя, — для чего? — чтобы тамъ не сѣли русскіе. Но, можетъ-быть, авторъ желаетъ самоуправленія балканскихъ племенъ, находя его выгоднымъ и для міровыхъ интересовъ? Ничуть не бывало. Не ясно, пугаясь, но онъ высказываетъ мысль, что и на Балканскомъ полуостровѣ и даже въ Малой Азіи и Сиріи должны господствовать иѣмцы. Видите ли, Россія стремится добраться до Индіи. Авторъ не прочь, чтобы Россія командовала въ сѣверной и средней Азіи; бери она даже Китай, все ничего: «цивилизовать или хоть укротить монгольскій миръ — призваніе Россіи, которое въ такой же степени надо признать, какъ нужно противодѣйствовать всякому движению ея на Западъ. Съ Китаемъ же у Россіи есть нечто родственное, и сравнительно съ окостенѣлымъ китайствомъ русская цивилизациѣ есть все-таки прогрессъ! Но Россія не должна переходить Гималаевъ». Кто удержитъ ее? По мнѣнію автора, не Англія, потому что Англія въ послѣднее время своей материалистической политикой невмѣшательства ослабила и себя, и весь цивилизованный міръ. Нужна болѣе энергичная сила, Пруссія и Австрія въ союзѣ между собою и во главѣ всего западнаго міра. «Только соединенный Западъ, — говорить авторъ нашъ, — можетъ образовать преграду Россіи и притомъ съ той стороны, съ какой она наиболѣе успѣшно уязвима, т.-е. съ западной стороны. Пусть вытѣснить Россію за Двину и Даубѣстр и покажутъ ей силу, ежеминутно готовую къ нападенію, и Россія будетъ такъ же мало думать о переходѣ черезъ Гималай, какъ и черезъ Балканы». «Будь въ Англіи еще мужи, какъ въ свое время Питтъ, давно уже соединеніе западныхъ государствъ для стѣсненія Россіи стало бы «saeterum censeo» англійской политики. Но на почвѣ экономизма, который господствуетъ въ Англіи, какъ полити-

ческая философия, растуть не такие мужи, а счетчики процентовъ, которые думаютъ наиболѣе выиграть посредствомъ политики невмѣшательства». Читателю не трудно догадаться, на какой почвѣ долженъ вырасти политический мужъ, который пойметъ міровые интересы лучше англійскихъ процентниковъ и, организовавъ «силу, ежеминутно готовую къ нападенію», прогонить Россію за Двину и Днѣстъ. На той самой, которая должна будеть и оберегать линію Двины и Днѣстра, на той, на какой растуть ученые, которые съ такимъ безстыдствомъ призываютъ всемірные интересы въ ограду своему эгоизму и китайскому самодовольству презрѣнию къ сосѣдямъ, которые позволяютъ себѣ, не спросясь народовъ, двигать по произволу границами народностей и государствъ. Тамъ уже растуть «мужи времени», о которыхъ недавно сказала одна англійская газета, что «мудрѣйший политикъ нашего времени долженъ наиболѣе уподобляться ночному вору».

Но пора назвать сочиненіе и автора, который излагаетъ приведенные мысли. Мы ихъ нашли у Константина Франца въ сочиненіи «Наука о природѣ государства, какъ основа всякой политической науки» (Die Naturlehre des Staates, als Grundlage aller Staatswissenschaft, Constantin Franz. Leipzig und Heidelberg. 1870) ¹⁾. Сочиненіе Франца представляетъ довольно рѣдкій у нѣмцевъ опытъ примѣненія къ политическимъ наукамъ положительного метода. Многіе нѣмецкіе рецензенты прозвали Франца реформаторомъ политическихъ наукъ. Врядъ ли подобные приговоры найдутъ себѣ раздѣленіе дальше Германіи: вѣрнѣя замѣчанія у Франца перемѣшаны съ самыми

1) Замѣчательно, что все цитируемые нами сочиненія вышли или наканунѣ войны или во время войны, въ которой Россія такъ помогла Германіи въ то время, когда такая большая доля нашей печати говорила о дружескихъ чувствахъ, питаемыхъ къ наѣ Германіей, о солидарности нашихъ съ нею интересовъ и о миролюбіи ея сыновъ, а одна газета даже прельщала насъ возможностью и готовностью Пруссии уступить намъ устье Нѣмана. Книга Франца не была предметомъ разбора въ нашей печати, но основный ея изыча изложены были примѣнительно къ самымъ новымъ событиямъ въ брошюре Беты: Das neue Deutsche Reich auf dem Grunde germanischer Natur und Geschichte, I. und II., 1871. Брошюра Беты была похвалена изъ «С.-Петер. Вѣдъ» за то, что авторъ, вслѣдъ за Францемъ, не одобряетъ централизованного парламентаризма, заведенного въ Европѣ будто бы въ французской манерѣ, и предпочитаетъ ему мѣстное самоуправлѣніе и представительство интересовъ. Бета тоже не одобряетъ и узости политики, имѣющей цѣлью только объединеніе

произвольными идеями, и все мысли отравлены китайзмомъ и завистливой ворчливостью противъ всего не нѣмецкаго. Но дѣло не въ разборѣ книги Франца: для насть довольно, что авторъ ея лицо не мелкое въ нѣмецкой ученово-политической литературѣ, а слѣдовательно, мнѣнія его не могутъ не имѣть извѣстнаго значенія и для иностранцевъ. И вотъ это лицо полагаетъ, что задачею цивилизованнаго міра должно быть отънесеніе Россіи за Двину и Дибѣстрь. По его ученію, Россія не имѣть ничего общаго съ цивилизованнымъ міромъ, который, вслѣдствіе ученія о политическомъ равновѣсіи и признанія, что всякое государство должно быть признано законной силой и только держимо въ предѣлахъ, не угрожающихъ равновѣсію, сдѣлалъ страшную ошибку, допустивъ въ среду свою варварское государство, которое, въ интересахъ цивилизаціи, слѣдовало бы скорѣе разрушить, или, по крайней мѣрѣ, отбросить къ Востоку, чѣмъ принимать въ семью европейскихъ народовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ «геніальный полуварваръ» Петръ похотилъ императорскій титулъ и обличье европейской монархіи, Россія, по ученію Франца, стала вмѣшателемъ во все европейскія дѣла, не будучи нравственно заинтересована ни въ одномъ и ни въ чемъ. Потому-то въ результатѣ этого вмѣшательства Европа всегда была въ убыткѣ, а Россія въ выигрышѣ. Но пора міру цивилизаціи, наконецъ, проснутся. Посмотримъ, какъ разсуждается г. Францъ о ловкости и варварствѣ Россіи и о близорукости Европы въ дѣлѣ Польши. «Тайна политики, господствующей въ Пруссии со времени Фридриха Великаго,— говорить Францъ,— состоить въ томъ, что неизбѣжными столкновеніями съ Австріей, съ одной стороны, она дѣлаетъ необходимымъ, съ другой, дружбу съ Россіей! Только поэтому Россія и могла поглотить Польшу и претендовать до самой области Одера. Если ужъ старое Польское государство должно было исчезнуть, съ тѣхъ поръ

иене государства. Но по вопросу о представительствѣ она, какъ и Францъ, взяла въ сущности все идеи изъ французскихъ и английскихъ писателей (Прудона, Мила и даже Ф. Шали), превозноситъ нѣмецкую будто бы форму самоуправлѣнія и доходитъ до того, что въ Нѣмецкой имперіи должны быть представители и всѣхъ острововъ нѣмецкаго языка (Sprachinsel) въ Европѣ и вообще на свѣтѣ; что же до самой имперіи, то она не должна быть, по Бетѣ, только национальнымъ нѣмецкимъ учрежденіемъ, но, какъ и същенная имперія资料 of the time,—международнымъ и все-таки нѣмецкимъ учрежденіемъ.

какъ оно слишкомъ созрѣло къ погибели,— обстоятельство, что оно стало добычей Россіи, остается европейскимъ несчастьемъ. Но теперь самый тупой глазъ долженъ признать, что за членъ западнаго общества Россія, и какая бездна варварства скрывается за обманчивымъ блескомъ ея цивилизациі, потому что именно своимъ способомъ управляться въ Польшѣ она и показала свой монгольский характеръ. Гдѣ слыхано, чтобы побѣжденному народу запрещали даже языкъ его, и какая тиранія заходила такъ далеко, чтобы свирѣпствовать даже противъ математическихъ истинъ, какъ теперь въ Польшѣ, гдѣ вводятъ ошибочный русскій календарь? Это не только сумасбродство, но и вызовъ и оскорблениѳ, направленные противъ западной цивилизациі! Если эта цивилизациі не впада еще въ маразмъ такъ, чтобы всѣ ея чувства чести и долга заглохли, то можетъ ли она терпѣть подобное оскорблениѣ?! Какъ допустить, чтобы полуазіатское государство, съ его попами, съ его чиновниками, съ его казаками и татарами, не только выставлялось на границѣ Запада, но и глубоко входило въ него и старалось оторвать то, что основаль этой Западъ и запечатлѣть печатью своего духа, оторвать и сдѣлать восточнымъ? Или должны мы до того дожить, чтобы обрученіе Польши образовало новую ограду Россіи, чтобы оттуда ити дальше впередь? Польша принадлежитъ западному миру, который обязанъ сжалиться надъ этой раздавленной страной. И, кромѣ долга, она имѣеть и формальное право на вмѣшательство... Въ связи съ польскимъ Францъ рассматриваетъ и восточный вопросъ, который называется русскимъ, т.-с. «вопросомъ о томъ, можно ли дозволить Россіи дальше распространяться въ Европѣ, можно ли дозволить, чтобы московитъ сѣль на място турка въ Константинополѣ». Война въ Крыму, по Францу, была произведена съ неясною цѣлью и остановилась на полдорогѣ, а потому временный результатъ ея не стоилъ труда. И коалиція противъ Россіи была неполная: «Пруссія вовсе не входила въ нее, Австрія ограничилаась полумѣрами. Вмѣсто того, чтобы занять Румынію только, она должна была вторгнуться въ Россію и не прежде успокоиться, какъ завоевавъ, по крайней мѣрѣ, границу Днѣстра, безъ которой устья Дуная никогда не будутъ безопасны. Съ другой стороны, прибалтійскія государства до тѣхъ поръ будуть въ опасности, пока Россія не будетъ за-

гдана, по крайней мѣрѣ, за Двину». Россія, по Францу, уязвима только съ Запада. «Тутъ могутъ дѣйствовать противъ нея и морскія державы, но рѣшительный успѣхъ зависитъ отъ сухопутной войны, которая не имѣть никакого стратегическаго основанія безъ Пруссіи и Австріи. Итакъ, мы приходимъ опять-таки къ своему: эти оба государства должны быть пограничными стражами европейской цивилизациіи, и если, къ сожалѣнію, они не таковы, то мы можемъ въ будущемъ дожить до того, что Россія будетъ господствовать такъ же въ Прагѣ, какъ и въ Варшавѣ, къ чему готовится уже длиннорукій панславизмъ. Тогда рѣшился и такъ называемый восточный вопросъ». Въ виду такого «ужаснаго» для цивилизациіи будущаго Францъ видитъ въ политикѣ Европы въ послѣднее время только рядъ ошибокъ. «Если,— говорить онъ,— крымская война была европейскимъ предпріятіемъ для ограниченія Россіи, то три года спустя послѣ парижскаго конгресса не должна была слѣдовать итальянская война, которая настолько ослабила Австрію, насколько усиливала Россію. Это значило собственными руками разрывать то, что было только что создано¹⁾. Что еще оставалось изъ пріобрѣтеній крым-

¹⁾ Не можемъ не вспомнить, какъ наша либеральная печать читаетъ потація „отсталому“ Тьери и, по поводу его,—Франціи, за его нерасположеніе къ единству Италии и благосклонно одобряетъ прогрессивную Пруссію за ея союзъ съ Италией въ 1866 г. и за то, что, выжавъ нужное изъ папы и клерикаловъ (которые, ради обѣщаній короля и Бисмарка поддержать папу, отказались отъ оппозиціи присоединенію Баваріи къ имперіи Германской), она теперь дѣлаетъ видъ, что запираетъ правительство Виктора-Эммануила отъ реставраціонныхъ въ пользу папы понаполненій Франціи. Между тѣмъ въ 1849 г. парламентъ франкфуртскій слѣдъ адресы Радецкому, въ 1859 г. Германия и Пруссія (либералы и консерваторы) вооружились, чтобы оберегать Рейнъ на Минчіо,—и вотъ нѣмецкій „реформаторъ политической науки“ осуждаетъ итальянцевъ на рабство только потому, что отдѣленіе Ломбардо-Венециї ослабило Австрію и черезъ это косвенно усилило Россію. У настъ лежитъ подъ рукою курьезная брошюра ученаго нѣмецкаго доктора, тоже встрѣченная не безъ одобрения нѣмецкою критикой, составленная врачомъ,—о психическомъ вырожденіи французскаго народа, его патологическомъ характерѣ, симптомахъ и причинахъ, *Die psychische Degeneration des französischen Volkes, ihr pathologischer Charakter, ihre Symptome und Ursachen. Ein irrenärztlicher Beitrag zur Völkerpathologie von Dr. Carl Stark. Stuttgart. 1871.*) Авторы ни болѣе ни менѣе, какъ доказываютъ, не безъ учености, что французы всѣ болны особымъ видомъ сумасшествія, который они называютъ то *paralytische Blödsinn*, то *folie raisonante*, что они даже заражаютъ и другія націи и ведутъ ихъ къ вырожденію. Доказательство—сочувствіе, которое питаютъ къ французамъ всѣ

ской войны, то было погублено событиями 1866 г., которые открыли России двери для вмешательства въ дѣла Германії¹⁾.

Такъ писалъ К. Францъ наканунѣ войны 1870 года. Но Россія не только не воспользовалась возможностью вмѣшаться въ дѣла Германіи (а если и вмѣшивалась, то чтобы побудить южные дворы къ союзу съ Пруссіей), но даже помогла Пруссіи, удержавъ Австрію отъ нападенія. Результатомъ войны вышло возстановленіе нѣмецкой имперіи, которая, по словамъ Франца, была «международнымъ» учрежденіемъ. Истолкователь и панегиристъ Франца, д-ръ Бета, привѣтствовалъ это возстановленіе благожеланіями и совѣтами не забираться исключительно въ дѣла, ограниченныя террито-рией Германіи, а взять подъ свою защиту нѣмцевъ и интересы по всему свѣту и сблизиться прежде всего съ Австріей для лучшаго огражденія интересовъ германскихъ и міровыхъ, для выполненія роли «всемірного учрежденія». Правда, Россія подъ шумъ войны разорвала трактатъ парижскій 1856 года, не безъ поддержки Пруссіи, но нѣмецкая печать весьма настоятельно увѣряла Россію, чтобы она не обманывалась на счетъ размѣра поддержки, какую можетъ оказать ей Пруссія, что интересы Австріи на Дунаѣ и на Балканскомъ полуостровѣ солидарны съ интересами Германіи. Обмынъ канцлеровъ Германіи и Австріи дружескими депешами, наконецъ, гаштейнское

народы Европы. „Если,—говорить ученый авторъ,—аристократія Россіи, если полуцивилизованные румыны, если юношески незрѣлая Италия и извѣстны круги Австріи носятся съ симпатіями къ Франції, то это еще можно объяснить и простить; но если и „гордая“ Англія еще и теперь высказываетъ симпатію къ французамъ, то мы обязаны называть по имени это поведеніе. Съ полнымъ правомъ можно напомнить англичанамъ пословицу: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таконы“. Мы не смѣемъ говорить о нѣмецкомъ народѣ, но не можемъ не замѣтить, что ученые, литераторы и политики нѣмецкие представляютъ поразительное зрѣлище: вообразивъ себѣ сосудами высочайшей цивилизации, какими-то богоизбранными народомъ, они вообразили, что интересы всѣхъ народовъ должны быть принесены въ жертву интересамъ одного богоизбранного народа, а чуть кто смѣеть думать иначе,—того записываютъ или въ неизѣчимо болѣвые, или въ поврежденіе стар-стю или непрѣдѣнностю, или въ наїзки осужденные на варварство. Особый ли это видъ мани или свидѣтельство слабости гуманнаго образования, при несомнѣнной учености,—не беремся решать, но самъ фактъ самоосъ-щленія и чудовищнаго агонизма, который проявляютъ именно наиболѣе культу-рные слои Германіи, представляетъ нѣчто безпримѣрное.

¹⁾ К. Францъ, назв. сочин., стр. 433—444, 448—449.

соглашение, можетъ окончательно порадовать гг. Франца и Бету: послѣ событій 1866 года Германія не только не ослабѣла, а усилилась и организовалась въ державу, «ежеминутно готовую къ нападенію», и въ этомъ усиленіи видѣ встутила въ желанный ими союзъ съ Австріей, а потому еще лучше приготовилась для роли «всемірнаго учрежденія», для служенія «мировымъ интересамъ цивилизаціи». Остается только приступить къ исполненію этой роли отодвиженiemъ Россіи за Днѣптръ и Двину.

Въ Австріи есть люди, которые уже преоткровенно выдаютъ тайну приготовленій къ этому шагу. На-дняхъ появилась въ Лайбахѣ довольно объемистая брошюра, очевидно, писанная военнымъ: «Австро-Венгрия въ войнѣ противъ Россіи» (Oesterreich-Ungarn in einem Kriege gegen Russland. Politisch-militär.-geographische Studie. Laibach. 1871). Собственно брошюра эта не заслуживаетъ разбора: состоять она изъ введенія о внутреннемъ положеніи Россіи, представляющаго короткое извлеченіе изъ большой книги Ю. Эккардта: Jung-Russisch und Alt-Lilvändisch (1870); за введеніемъ слѣдуетъ обзоръ рѣкъ, горныхъ возвышенностей, желѣзныхъ дорогъ, климата, населенія частей Австріи и Россіи, которая могутъ стать театромъ войны, т.-е. Галиції, Трансильваніи, Румыніи, Польши, западныхъ губерній и новороссійскихъ съ Бессарабіей. Въ серединѣ вставлена глава о Карпатахъ, какъ оборонительной линіи. Собственно брошюра имѣть видъ какъ бы географического пособія, которое можно дать унтер-офицеру и грамотному солдату передъ началомъ войны Австріи и Россіи. Какъ географически-статистическое пособіе она вполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли, но не имѣть особаго интереса для русскаго читателя, кромѣ развѣ путаницы въ главѣ о населеніи запада Россіи,— путаницы, которая, въ виду того, что на иѣмецкомъ языке есть хорошія пособія по статистикѣ и этнографіи умышленна. Вся фразеология о политикѣ русской въ Западномъ краѣ разлетѣлась бы, въ виду точныхъ статистико-этнографическихъ данныхъ объ этомъ краѣ, поэтому составители брошюры напутали въ главѣ о населеніи западной Россіи слѣдующихъ удивительныхъ вещей: по происхожденію обитатели названныхъ губерній распадаются на слѣдующія группы: 1) На *славянское племя*: а) *великоруссы*. Эти распространены по всему Русскому царству; здѣсь—преимущественно

въ Киевской губерніи (?); б) *Малоруссы*, частію въ губерніяхъ Кіевской и Херсонской (!); с) *Бѣлоруссы* — въ губернії Могилевской (и только !); д) *Поляки*. Эти образуютъ 76% населенія въ десятипольскихъ губерніяхъ. 2) На *литовцевъ* и *леттловъ*. Они живутъ въ губерніяхъ Могилевской (!), Віленской, Гродненской, Минской (!), Волынской (!!) и Киевской (!!!)... Поляки и жители пограничныхъ губерній (а именно литовскихъ; а каковы они см. выше) исповѣдуютъ почти исключительно римско-католическое вѣроисповѣданіе». Не знаемъ, оказалась ли бы такая ложь о населеніи запада Россіи полезной для солдатъ австрійскихъ при дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствій въ войнѣ съ Россіей, когда они встрѣтили бы въ Волынской и Киевской губерніяхъ вместо какихъ-то страдающихъ отъ московского гнета вмѣстѣ съ поляками литовцевъ, сплошное и враждебное полякамъ племя малоруссовъ, но пока такая ложь можетъ произвести затуманивающее впечатлѣніе на мало искуснаго въ этнографической статистикѣ австро-пѣмѣцкаго читателя. Кроме этой курьезной этнографіи западной Россіи въ брошюрѣ объ Австро-Венгрии въ войнѣ съ Россіей въ политическомъ отношеніи любопытно только введеніе, въ которомъ авторъ взялся объяснить, откуда взялось «всебѣщее убѣжденіе въ неизбѣжности войны Австріи съ Россіей». Причиной этому мнѣнію и самой будущей войны авторъ, вслѣдъ за Ю. Эккардтомъ, полагаетъ внутреннее состояніе Россіи и Австріи. Авторъ начинаетъ еще съ времени до восточной войны, въ которомъ, между прочимъ, видѣть желаніе нашего правительства освободиться отъ руководства меттерниховой политики. Въ это время, подъ давленіемъ правительственної системы, образовалась партія славянофиловъ, демократически-православныхъ и соціалистическихъ. Глава послѣднихъ, Герценъ, образовалъ органъ печати, который оказывалъ вліяніе на русское общество послѣ парижскаго мира. Несмотря на реформы, предпринимаемыя правительствомъ, русская печать, предводимая Герценомъ, дошла до «крайнаго отрицанія всѣхъ унаслѣдованныхъ формъ общества и авторитетовъ», — правительство стояло передъ дико вырвавшимся на волю потокомъ, безъ всякихъ средствъ укротить его». Тутъ случилось польское восстание, — и «замѣчательное доказательство незрѣлости и несамостоятельности русскаго общества», — «частный человѣкъ, М. Катковъ, вызвалъ поворотъ въ общ-

ственному миѣніи». Этотъ Катковъ, «который самъ никогда не былъ демократомъ, призвалъ на помощь патріотической редакціи противъ поляковъ демократизмъ и славянофильскій соціализмъ и освобожденіе массъ на западѣ Россіи; обрученіе ихъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ вышестоящихъ культурныхъ слоевъ, стало паролемъ русскихъ демократовъ, славянофиловъ и панславистовъ». «Правительство сумѣло воспользоваться переворотомъ общественного мнѣнія и употребило прежнихъ противниковъ своихъ, особенно дворянство, орудіемъ для подавленія возставшихъ провинцій. Люди, которые были известны, какъ приверженцы старого рода управления и враги всякаго свободнаго движения (какъ Муравьевъ), были призваны для подавленія восстания Литвы и Польши. Насколько неспособны были въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1859—1861 гг. различить свободу отъ анархіи, настолько неспособны были и теперь отличить право государственного самосохраненія отъ грубѣшаго варварства и потоптанія всякихъ человѣческихъ правъ. «Всего печальнѣе, что литовская система постепенно примѣняется и къ нѣмецкимъ провинціямъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, черезъ что всякое развитіе и образованіе этихъ провинцій должно быть подавлено».

Разумѣется, что принявшая такое направленіе Россія должна вступить въ столкновеніе съ Австро-Венгріей (о Германіи авторъ не говоритъ), потому что Австрія заботится объ удовлетвореніи всѣхъ своихъ народовъ, чтобы они не искали добра за границами ея. Россія же поэтому «видѣть въ национальномъ развитіи поляковъ галицкихъ опасность для своей силы на берегахъ Вислы и не пощадить, вѣроятно, никакихъ усилий, чтобы стиснуть въ свои желѣзные когти и это еще пользующейся национальнымъ существованіемъ обломокъ нѣкогда могущественнаго польского народа». Къ этому слѣдуетъ прибавить восточный вопросъ и панславизмъ. Доказательство стремлений Россіи къ поглощенію всѣхъ славянъ авторъ брошюры видѣть въ книгѣ ген. Фадѣева (переведенной на нѣмецкій языкъ съ предисловіемъ Ю. Эккардта). Если въ послѣднее время русская печать высказалась, что *славянская Австрія* не только не будетъ имѣть Россію своимъ врагомъ, но, напротивъ того, другомъ, то авторъ брошюры не вѣритъ этимъ заявленіямъ, да, какъ видно, недоволенъ и самъ выраженіемъ «*славянская Австрія*»... Главный пунктъ столкновенія Россіи

съ Австріей и по мнѣнію автора брошюры: Oesterreich-Ungarn in einem Kriege gegen Russland, выходить опять Польша и поляки. По его предположеніямъ, военное столкновеніе произойдетъ скорѣе всего въ Польшѣ или изъ Польши, гдѣ Россія имѣть хорошее стратегическое положеніе, которое, однакожъ, «ослабляется враждебнымъ ей настроеніемъ народа въ Польшѣ и Литвѣ»...

Что же значать всѣ приведенные нами выдержки изъ разныхъ нѣмецкихъ книгъ и книжекъ? Значать ли онъ, что Германия и Австрія только и думаютъ, чтобы броситься на Россію и отнять у неї Польшу, а, если можно, то и болѣшій кусокъ земли,—мы этого утверждать не будемъ. Одно только кажется несомнѣнно, это, что въ Австріи и Германіи есть люди, члены партии, которая считаютъ необходимой войну съ Россіей и отторжение отъ нея Польши, что къ этой войнѣ и въ Германии и въ Австріи есть приготовленія. Трудно, кажется, не видѣть, что для Пруссіи было бы очень выгодно присоединеніе Царства Польскаго, которое дѣйствительно преестественнѣо бы окружило ея границы и дало бы ей преобладающее положеніе въ отношеніи къ востоку Европы. Выполнить этотъ захватъ въ союзѣ съ Австріей было бы, конечно, легче Пруссіи, чѣмъ одной. Но во всякомъ случаѣ облегченіемъ для операций противъ Россіи на берегахъ Вислы было бы враждебное русскимъ настроеніе польского населения, которое Пруссія не затруднилась бы привлечь обѣщаніями национальной свободы, съ которыми, впрочемъ, она бы не очень церемонилась послѣ, ибо для германизаціи Польши она здѣсь имѣть еще болѣе благопріятное процентное число нѣмцевъ и евреевъ, чѣмъ въ Познани. Повторяемъ, что мы не станемъ приписывать правительству Германіи и Австріи намѣреній приступить къ немедленному исполненію этихъ плановъ. Видовъ правительства мы не знаемъ, пускаться въ области догадокъ не желаемъ. Мы говоримъ только о томъ, что видно, т.-е. обѣ обществѣ и печати. Въ то же время мы не можемъ не видѣть, что и правительству Германіи и Австро-Венгрии (особенно правительству партии нѣмецко-мадьярской) было бы дѣйствительно выгодно выполнить программу, которую указываетъ имъ часть печати,—программу, вытекающую изъ чувствъ и идей, раздѣляемыхъ въ общей своей темѣ (стремленіе на Востокъ), можно сказать, всѣмъ нѣмецкимъ обществамъ. Конечно,

для зарождающейся въ высшихъ сферахъ Австрії федерально-славянской партіи программа нападенія въ союзѣ съ Пруссіей и Германіей на Россію не была бы пріятною, но эта партія, разъ, еще только нарождается, во-вторыхъ, польскіе члены ея были бы даже довольны этой программой, а въ-третьихъ, и остальные, даже славяне, могли бы утѣшиться, что съ приобрѣтеніемъ части Польши или Волыни и Подоліи и Бессарабіи, усилился бы нѣмецкій и федеральный элементъ въ Австрії. А ужъ много ли бы получила Австрія областей, особенно у Вислы, при раздѣлѣ добычи съ Пруссіей (много она получила послѣ датской войны), выиграли ли бы поляки и вообще славянскій элементъ отъ введенія страны по Вислѣ и Днѣпру въ область германо-австрійскаго вліянія, это бы разъяснилось только впослѣдствії.

Возвращаясь къ толкамъ нѣмецкихъ газетъ о Гаштейнскихъ переговорахъ, мы находимъ, что они находятся въ естественномъ соотвѣтствіи съ тѣми разсужденіями и стремлѣніями, которыя имѣютъ цѣль отодвинутіе германской границы на востокъ. Что нѣмецкая печать видѣть торжество свое въ свиданіи двухъ канцлеровъ, совершенно понятно; что это свиданіе, если бъ оно имѣло послѣдствіемъ установление солидарности Австріи и Пруссіи въ дѣйствіяхъ на Востокѣ, понимая его въ обширномъ смыслѣ, отъ Польши и до Турции, есть самый радостный для германизма фактъ, тоже совершенно естественно. На первый разъ не вижется, какъ будто, съ желаніемъ расширенія на счетъ Россіи и съ помощью поляковъ, уѣреніе, что Россію только потому и не позвали въ Гаштейнъ, что она недовольна опытами гр. Гогенварта надъ предоставлениемъ полякамъ свободы и автономіи, но что германскій канцлеръ взялся сгладить въ этомъ отношеніи шероховатости между Россіей и Австріей. Но дѣло въ томъ, какъ мы уже говорили, опыты гр. Гогенварта относились не до однихъ поляковъ, а вѣхъ народовъ Цислейтаніи, недовольныхъ нѣмецкой гегемоніей и централизацией; министерство гр. Гогенварта пользовалось ненавистью всей печати въ Германіи, такъ что, если бы можно было, не жертвуя ничѣмъ существенно въ пользу Россіи, низвергнуть его, представивъ его помѣхой соглашенію Австріи съ Россіей, если бы можно было погубить планы гр. Гогенварта и выставить передъ славянами, особенно передъ поляками, что врагъ ихъ авто-

номіи—Россія, то цѣли нѣмецкої партії въ Австрії и печати въ Германії были бы блистательнымъ образомъ достигнуты. Спустя известное время, когда бы то найдено было нужнымъ, полякамъ (но не русинамъ) можно бы было дать уступки, на которыхъ готово было и министерство Гискры, но то были бы только уступки однімъ полякамъ, а потому и не имѣли бы той опасной нѣмцамъ прочности, какую имѣло бы признаніе правъ всѣхъ австрійскихъ народовъ на самоуправліеніе и национальное развитіе. То бытъ бы дѣйствительно стратегіческій и дипломатіческій маневръ, а не коренная реформа Австріи, которая одна могла бы положить основу для дружественныхъ ея отношеній къ Россіи и вмѣстъ преграду для нѣмецкихъ захватовъ въ восточной Европѣ отъ Чехіи до Польши и Бессарабіи. Помѣшавъ этой реформѣ, помѣшать здоровому областному развитію поляковъ въ Австріи и вмѣстъ вооружить еще большиe поляковъ противъ Россіи,—болѣе выгоднаго для завоевательной нѣмецкой партіи результата трудно себѣ представить. Мы не станемъ, подобно другимъ русскимъ публицистамъ, видѣть въ дѣйствіяхъ дипломатовъ и толкахъ всѣхъ газетъ непремѣнно результатъ заранѣе условленныхъ и диригируемыхъ одною волею интригъ. Мы не знаемъ, вѣрно ли истолкованы нѣмецкою печатью причины отсутствія русскаго уполномоченнаго въ Гаштейнѣ. Готовы допустить, что, особенно въ виду присутствія и гр. Гогенварта при второмъ свиданіи императоровъ Германіи и Австріи, гаштейнскіе переговоры на сей разъ кончатся пустяжками. Повторяемъ опять-таки, что мы говоримъ не о моментальныхъ и невѣдомыхъ комбинаціяхъ дипломатическихъ, а о толкахъ и инстинктахъ общества, вытекающихъ изъ постоянныхъ реальныхъ интересовъ. Такимъ результатомъ реальныхъ интересовъ мы считаемъ сближеніе Германіи съ нѣмецко-мадьярской партіей въ Австріи, которое не замедлило выявиться со времени войны 1870 года. Мы считаемъ совершенно естественнымъ, что нѣмецко-мадьярскіе интересы находятся въ противоположности съ русскими и славянскими, въ томъ числѣ съ реальными интересами польскими (мы не говоримъ о массахъ народа, которыхъ интересы вездѣ требуютъ мира, но которыхъ еще никогда не имѣютъ рѣшительнаго влиянія на политику). Поэтому-то именно безъ всякаго представительного уговора нѣмецкія газеты и политики и попадаютъ

такъ ловко въ тактъ всякой вредной для славянъ комбинаціи, потому-то они и изобрѣтаютъ самыя обидныя для Россіи и вредныя для нея и поляковъ отговорки, почему Россія не была приглашена приступить къ уговору, произведеному въ Гаштейнѣ. Все это дѣлается въ силу естественныхъ законовъ, правящихъ политикой подъ покровомъ произвольныхъ и случайныхъ комбинацій, устраиваемыхъ дипломатами, а такимъ естественнымъ стремленіемъ для нѣмцевъ мы считаемъ стремленіе къ возможно скорому окончательному захвату Чехіи и Моравіи и Царства Польскаго и къ введенію въ сферу сильнаго вліянія своего дунайскихъ княжествъ и Бессарабіи.

Что же дѣлать въ виду этихъ стремленій Россіи? Мы съ любопытствомъ прислушивались къ голосу русскихъ газетъ по случаю гаштейнскихъ переговоровъ, ожидая въ нихъ найти то же чуткое пониманіе своихъ интересовъ, какое видимъ въ журналистикѣ и литературѣ нѣмецкой. Мы прочли въ «Голосѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» выраженіе тревоги въ виду того, что въ Гаштейнѣ можетъ быть задумана какая-либо вредная для Россіи комбинація. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣтили, по обыкновенію, успокоятельный размышленія о невозможности какой бы то ни было враждебности къ намъ со стороны Германіи послѣ того, какъ Россія оказала ей такую услугу въ послѣдней войнѣ, ни со стороны Австріи, которая становится болѣе славянскимъ государствомъ, а потому теперь болѣе чѣмъ когда-либо странно ожидать ея столкновенія съ Россіей, которая всегда желала реформъ въ Австріи, которая дали бы въ ней силу славянскому элементу. Все это было бы хорошо, если бы въ Германіи не считали 11 заповѣдью мнѣніе, что въ политикѣ не можетъ быть рѣчи о благодарности, и если бы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ гаштейнскихъ переговорахъ со стороны Австріи не былъ гр. Бейстъ, котораго всего менѣе можно назвать другомъ «славянской» Австріи. Всего характерище въ нашихъ газетныхъ толкахъ о гаштейнскомъ свиданіи оказалось, по нашему мнѣнію, письмо «Австрійского славянинъ» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Этотъ послѣдний предполагаетъ самыя враждебныя Россіи намѣренія въ уговорахъ двухъ канцлеровъ въ Гаштейнѣ. Его даже не смущаетъ то обстоятельство, что въ окончательныхъ переговорахъ въ Зальцбургѣ долженъ быть принять участіе и гр. Гогенварть, и то, что

поездкѣ императора австрійскаго въ Ишль предшествовалъ декреть о распущеніи сеймовъ провинцій, гдѣ противославянская централистическая партія имѣла большинство, и что такимъ образомъ правительство австрійское или, по крайней мѣрѣ, часть его изъявила готовность вступить на путь, который долженъ скорѣe довести до соглашенія его съ Россіей, чѣмъ до вражды. Пишущій для «Московскихъ Вѣдомостей» славянинъ зналъ, для кого писалъ: онъ и въ самихъ планахъ гр. Гогенварта, которые такъ долго иѣменскія газеты называли задуманными въ Петербургѣ (графомъ Хотекомъ) планами, и о которыхъ возлагали надежду на кн. Бисмарка, что онъ разрушить ихъ съ гр. Бейстомъ, приписываетъ тоже долю участія во враждебныхъ Россіи замыслахъ. По предположеніямъ «австрійскаго славянина» планы гр. Гогенварта имѣютъ цѣлью временно задобрить чеховъ и въ то же время поощрить поляковъ въ Галиціи и ослабить русинскую тамъ оппозицію уступками и русинамъ трехъ гимназій и назначеніемъ на разныя служебныя мѣста иѣсколькихъ русиновъ, преимущественно тѣхъ, которые держатъ себя подальше отъ «Москвы». Словомъ, корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», подражая методу, обыкновенно употреблявшемуся самой редакціей, предполагаетъ слишкомъ ужъ сложную интригу изъ слишкомъ разнообразныхъ элементовъ. И въ довершеніе корреспондентъ, который боится, что въ иѣменской интригѣ противъ Россіи принимаетъ участіе и партія, заявившая свою цѣлью примиреніе съ славянами, совѣтуетъ Россіи не только «вооружиться съ ногъ до головы», но и провозгласить «славянскую политику», начавъ ее, вѣроятно, съ протестовъ противъ «опытовъ гр. Гогенварта съ поляками», т.-е. со всеми славянами въ Австріи. На этотъ разъ обыкновенно смѣяла въ комбинаціяхъ редакція московской газеты не попала за своимъ корреспондентомъ и оставила на его отвѣтственности его подозрѣнія къ гр. Гогенварту. Правда, что редакція замѣтила, что въ Австріи затѣвается, очевидно, что-то неладное, но что именно и что дѣлать въ виду затѣваемаго тамъ Россіи — редакція, обыкновенно довольно рѣшительная, на этотъ разъ не сказала. Чему же приписать такое замѣшательство редакціи?

Намъ кажется, что тотъ сортъ политиковъ русскихъ, который представляется въ публицистикѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и вторящимъ имъ «Голосомъ», дѣйствительно пошаль-

гъ замѣшательство по вопросамъ австрійскимъ и связаннымъ съ нимъ международнымъ, еще въ худшее, чѣмъ попала по nimъ печать нѣмецкая со временемъ заявленія плановъ министерства Гогенварта. Камнемъ преткновенія для нашихъ политиковъ, какъ и для нѣмецкихъ, служатъ поляки, при чѣмъ, надо сознаться, что нѣмецкіе политики не только ловчѣ обходять этотъ камень, чѣмъ наши, но даже изобрѣтаютъ не лишенные ловкости приемы, чтобы повернуть этотъ камень въ свою пользу. Нѣмецкая печать была предовольна «опытами гр. Бейста» образовать изъ поляковъ вѣчую угрозу Россіи на ея границахъ, его плану, «прижимая славянъ къ стѣнѣ», опереться на нѣмцевъ, мадьяровъ и поляковъ. Ихъ только смущало нѣсколько, что автономія поляковъ въ Галиціи не выгодно отразится на полякахъ въ Познани, но они утѣшили себя надеждою, что удастся, съ помощью поляковъ, «обработать» чеховъ, словинцевъ, и т. п., удастся съ помощью поляковъ диверсія противъ Россіи, они успѣютъ и поляковъ обработать въ свою очередь, а потому они нашлись: отдать полякамъ въ жертву русиновъ, поощрять ихъ фантазіи, но елико возможно не давать имъ реальной автономіи въ ихъ kraѣ. Какъ ни затруднено теперь положеніе нѣмецкихъ политиковъ въ виду того, что поляки получаютъ автономію не исключительно, а вмѣстѣ съ другими славянами, но они все-таки не совсѣмъ унываютъ, по крайности относительно плана употребить поляковъ, какъ орудіе противъ Россіи, или хоть натравливаніемъ поляковъ въ эту сторону отвлекать ихъ отъ здороваго развитія. Нашихъ политиковъ положеніе стало хуже. Взять себѣ за образецъ прусскую систему дѣйствій въ Познани, рекомендую ее постоянно нашему правительству въ отношении къ Польшѣ, наши политики въ то же время не могли же находить одобрительную ту же политику, напр., въ Чехіи и, такимъ образомъ, были въ одно время и централистами и врагами принципа народности, и федералистами, и народовцами. Пока поляки поддерживали нѣмецко-мадьярскую централистическую и дуалистическую партию въ Австріи, пока они рѣшительно не признавали правъ русиновъ, отданныхъ имъ гр. Бейстомъ и министерствомъ Гербста-Гискры, все шло гладко: можно было говорить, что поляки — выродки славянства, друзья его враговъ, притѣснители, не заслужившіе иной мѣры, кромѣ той, какою имъ мѣряютъ и т. п. Но можно

было считать въ уступкахъ имъ со стороны Австріи только
враждебную мѣру противъ Россіи и плату за измѣну славян-
ству. Но воть сила событий заставляетъ поляковъ обратиться
къ славянско-федералистической партии, побуждаетъ ихъ по-
думать объ уступкахъ русинамъ,— уступки эти еще въ области
объщаний и очень не велики,— но уже поляки въ Галиції
отказались отъ безусловнаго отрицанія правъ русиновъ, вы-
ражаемаго терминомъ: «niema Rusi!» Мало того, въ польской
печати начинаютъ раздаваться голоса въ пользу примиренія
съ Россіей. Сила событий побуждаетъ и самыя высокія сферы
въ Австріи подумать о дарованіи всѣмъ славянскимъ наро-
дамъ и областямъ,— въ томъ числѣ и полякамъ,— националь-
ной и областной автономіи. Что теперь говорить нашимъ по-
литикамъ, особенно въ виду того, что теперь нѣмецкіе пу-
блицисты начинаютъ пользоваться именемъ Россіи для того,
чтобы подорвать ненавистнаго имъ мѣры къ установлению
федерализма и национального равноправія въ Австріи?

Сказать, очевидно, нечего, остается пробормотать что-нибудь.
Воть куда обыкновенно и заходятъ люди, которые не имѣютъ
твердыхъ политическихъ убѣждений, основанныхъ на логи-
чески проводимыхъ моральныхъ началахъ, а держатся, вмѣсто
политики, принциповъ «политики мѣропріятій». Горе такимъ
политикамъ, если они не обладаютъ вполнѣ послѣдователь-
нымъ самоослѣпленіемъ, въ родѣ того, напр., которое присуще
есть мѣмецкимъ политикамъ, разсуждающимъ о славянахъ
въ Познаніи и Чехіи. Эти могутъ, сохранивъ полнѣйшую вѣру
въ свою правоту, кричать на весь міръ о своихъ правахъ на
Эльзасъ, жаловаться на притѣсненія нѣмецкаго элемента въ
Лифляндіи и въ то же время не видѣть въ стремленияхъ че-
ховъ къ равноправію съ нѣмцами на своей землѣ ничего
другого, какъ «славянскую продержность» (*Slavische Uebermuth*),
потому что нѣмецкіе публицисты и политики застрахованы
отъ всякихъ колебаній и угрызеній совѣсти въ такихъ слу-
чаяхъ учениемъ о безконечномъ превосходствѣ нѣмцевъ надъ
всѣми народами, а потому и о правахъ ихъ на исключитель-
ное положеніе. Къ сожалѣнію или къ счастію, подобная вѣра
въ себя не окрыла еще до такой степени въ умахъ и сердцахъ
нашихъ публицистовъ и политиковъ, оттого имъ приходится
играть теперь по отношенію къ австрійскимъ и связаннымъ
съ ними международнымъ дѣломъ роль поистинѣ жалкую.

Была бы не велика, если бы, вслѣдь за публицистами толка «Московскихъ Вѣдомостей» и «Голоса», не была вовлечена въ то же неблистательное положеніе и добрая доля послѣдовавшаго за ними общества нашего. Ахиллесова пята вѣхъ разсужденій нашихъ политиковъ объ австрійско-славянскихъ дѣлахъ, — поляки, Царство Польское. Это же, какъ мы видѣли, и пункть, куда мѣтить и часть нѣмецкой публицистики, поставившая своимъ девизомъ продолженіе наступленія нѣмцевъ на Востокъ, и начавшая теперь съ Чехо-Моравіи и Царства Польского. При враждебности поляковъ къ Россіи выполнить это движеніе будетъ легче не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Чехіи, которая можетъ быть охраниена отъ германизма только дружнымъ союзомъ славянства, хотя бы духовнымъ (если Австрія сохранится), а то и материальнымъ (если дойдетъ дѣло до распаденія Австріи). Итакъ, вопросъ о легкости или трудности исполненія замысловъ, по крайней мѣрѣ, одной партии, если не всей интеллигенціи въ Германіи (что, кажется, будетъ вѣригѣ), сводится на вопросъ объ отношеніяхъ между русскими и поляками. Если при враждебности между тѣми и другими всякое наступленіе нѣмцевъ на Востокъ, напр., хоть, согласно программѣ К. Франца и Р. Бакка, въ видѣ принятія поляковъ подъ защиту нѣмцевъ на Востокъ, напр., хоть, согласно программѣ К. Франца къ устраненію этой враждебности. Объ этомъ мы сейчасъ и поговоримъ, а прежде остановимся на томъ, точно ли враждебность къ намъ поляковъ такъ опасна, и на томъ, какъ сложились наши отношенія къ Польшѣ, которая, очевидно, мы должны перемѣнить, точно ли эти отношенія такого рода, что перемѣна ихъ была бы затруднительна.

III.

Убѣдившись, что въ нѣмецкомъ обществѣ существуетъ партия, желающая захвата Царства Польского и разсчитывающая на враждебность къ намъ поляковъ, мы должны обратиться къ вопросу о томъ, насколько эта враждебность можетъ быть намъ опасна. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, въ случаѣ вступленія въ Польшу армій пограничныхъ намъ державъ или хоть одной изъ нихъ, если бы противъ насъ стала даже одна

часть населенія въ Польшѣ, то дѣйствія нашей арміи были бы порядкомъ затруднены, даже если бы вся помощь враждебной намъ арміи состояла только изъ такъ называемой польской революціонной партіи. Но есть много оснований предполагать, что, въ случаѣ вступленія въ Польшу непріятельской арміи, не только записные революціонеры, но и добрая доля дворянства и горожанъ пошли бы противъ насъ, если бы ладѣлась какого-либо улучшенія своего национального существованія. Извѣстно, что послѣднее польское возстаніе, 1861—1863 года, имѣло наибольшую поддержку въ мѣщанахъ. До сихъ поръ не выяснено отношеніе къ нему крестьянства: въ нашихъ газетахъ, напр., въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», писалось разъ, что крестьяне «поддерживаютъ законный порядокъ», другой, что «населеніе равнодушно» къ борьбѣ нашихъ войскъ съ мятежниками. Въ настоящее время, послѣ мѣръ въ пользу крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, принятыхъ съ 1864 года, можно а priori сказать, что масса крестьянскаго населенія не равнодушна, а скорѣе сочувственна къ власти нашего правительства. Но сочувство, которое держится исключительно памятью объ одной материальной мѣрѣ, недолговѣчно. И тутъ, какъ и во вѣнчайшей политикѣ, благодарность долго не живеть. Необходимо, чтобы сочувствіе партіи или даже массы поддерживалось постоянно рядомъ дѣйствій, постоянно и органически развивающихся одно изъ другого. Но въ отношеніи къ Царству Польскому надо замѣтить, что послѣ мѣръ по крестьянскимъ надѣламъ 1864 года и отчасти по преобразованію городовъ, не предпринято до сихъ поръ ничего, въ родѣ земельныхъ учрежденій или судебнай реформы, что вело бы къ яркому улучшенію материальнаго и юридического положенія массъ. Съ тѣхъ поръ главное количество мѣропріятій въ этомъ краѣ направлялось къ тому, чтобы «административно слить его съ Россіей», — мѣропріятія, изъ коихъ многія могутъ быть и полезны въ административномъ отношеніи, но польза которыхъ мало понятна для массы городского и сельскаго населенія, а конечная цѣль которыхъ — обращеніе такъ называемаго «Царства Польскаго» въ «Привислинскій край» — особенно пріятна польскому населенію, даже самому удаленному отъ революціонныхъ мечтаній, быть не можетъ. Послѣ мѣръ по устройству сельскихъ поземельныхъ отношеній, съ 1864 года принятыхъ въ Царствѣ Польскомъ, наиболѣе за-

трогиваютъ тамошнее населеніе мѣры по народному образованію. Но эти мѣры послѣ 1864 года потерпѣли сильное измѣненіе: указы 1864 года имѣли цѣлью предоставлениѳ каждому народному элементу въ краѣ возможности образованія на родномъ языкѣ (польскомъ, русскомъ въ униатскихъ областяхъ и литовскомъ въ части Августовской губерніи), при чемъ принципъ народности доказанъ былъ даже до крайности устройствомъ на государственный счетъ системы нѣмецкаго образованія для нѣмецкихъ колонистовъ, которые не составляютъ народности въ Царствѣ Польскомъ, какъ не составляютъ ее колонисты въ Таврической или Самарской губерніи. Съ 1866—1867 годовъ эта система, возвѣщенная торжественнымъ государственнымъ актомъ, реекримтомъ и указами 1864 года, стала рядомъ чисто административныхъ мѣропріятій превращаться въ систему «обрученія» Польши посредствомъ «образованія» на русскомъ языке. Извѣстная часть нашей публицистики, привѣтствующая подобныя мѣры и включающая губерніи «Привислинскаго края» въ число «девятнадцати западно-русскихъ губерній», придумала даже, передѣлавъ *ad hoc* гипотезу польского историка Шайнохи о норманскомъ происхожденіи Польскаго государства (какъ и Русскаго), оригинальное ученіе о польской народности и цивилизациі, по коему масса польского народа (мазуры, малополяне, великополяне и т. п.) не имѣютъ ничего общаго съ своими высшими классами (лемитами), что первая такъ близка къ русскому народу, что ей все равно, учиться ли по-польски или по-русски, и что даже обученіе ея по-русски будетъ завершеніемъ освобожденія славяно-польского населенія Привислинскаго края отъ ига лехитовъ. По этому оригинальному ученію, нашедшему себѣ прибѣжье преимущественно въ газетѣ «Голосъ», вся предшествовавшая польская исторія и вся польская литература есть исторія и литература не поляковъ, а лехитовъ, и потому народъ славяно-польскій не только можетъ, но и долженъ быть воспитанъ вдали отъ этой исторіи и литературы и совершиенно на тѣхъ же началахъ, по тѣмъ же приемамъ, какъ и народъ славяно-русскій. Врядъ ли нужно серьезно доказывать, что эта теорія есть только перелицованныя на русскій ладъ теорія Духинскаго и К°,—то ученіе, по коему «нѣть Руси», а есть только Польша и Москва, при чемъ Польша обнимаетъ и Бѣлоруссію съ Малороссіей, народъ ко-

торыхъ есть такая же провинциальная разновидность поляковъ, какъ и кракусы, и мазуры, а «Москва», т.-е. великоруссы — финно-татарскій народъ, тираномъ налагшій на славянъ при-вислинскихъ и приднѣпровскихъ и т. п. Объ теоріи передъ лицомъ науки имѣютъ одинаковую цѣну, и нельзѧ поздравить того политического дѣятеля, который положилъ бы въ основу своей дѣятельности которую-нибудь изъ нихъ. Надо, впрочемъ, сказать, что если у насть и есть приверженцы перелицованный теоріи Духинскаго въ примѣненіи къ «обрусе-нию», или «разлехичиванію» Польши, то не всѣ сторонники этого «обрусенія» опираются на теорію «Голоса», да и сами «сферы», представляемыя «Голосомъ», иногда высказываютъ и другія основанія въ пользу «обрусенія» Польши.

Совершенно другое подраздѣленіе обрусителей предста-вляютъ «Московскія Вѣдомости», хотя и онѣ по временамъ не совсѣмъ нечужды вышеупомянутыхъ «лехитскихъ» теорій «Голоса», который, въ свою очередь, по временамъ забѣгаѣтъ въ сферу аргументовъ «Московскихъ Вѣдомостей». Эти по-слѣднія, защищая исключительное употребленіе русскаго языка въ публичной жизни и образованіи «Привислинскаго края», опираются на государственную точку зрѣнія, понимаемую, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ. Собственно говоря, эта точка зрѣнія выражается въ вопросѣ, который часто слышишь отъ людей извѣстнаго направленія устно и въ печати: *почему мы не можемъ и не должны сдѣлать того, что дѣлала Франція въ Эльзасѣ, и дѣлаетъ и до сихъ поръ Пруссія въ Познани?* Оба эти государства въ государственной жизни не знали пф-мецкой народности въ Эльзасѣ или польской въ Познани. Тутъ мы попадаемъ на трудный вопросъ о государственности и на-родности, который составляетъ одинъ изъ камней преткно-венія новаго времени, и который въ нашей печати разрабаты-вается преимущественно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Эта послѣднія газета не разъ провозглашала, что государство должно опираться на національность, что въ видахъ единства государства и этнографическая народность, которая со-ставляетъ большинство въ государствѣ, и которая приняла наибольшее участіе въ сложеніи этого государства, должна быть принята за государственную (политическую) національ-ность; ея признакъ, — языкъ — долженъ одинъ считаться госу-дарственнымъ, языккомъ политической жизни. Такова народ-

ность французская въ отношеніи ко всѣмъ народамъ, входящимъ въ составъ Французскаго государства (французамъ съ провансалами, бретонцамъ, нѣмцамъ, фламандцамъ и т. п.), нѣмецкая въ Германіи по отношенію къ датчанамъ, литовцамъ, полякамъ; а такова же и народность русская въ Россіи. Рядомъ съ этою народностью политическою могутъ существовать и даже развиваться другія народности менѣшихъ племенъ, но онъ имѣть право на проявленіе только въ частной жизни, а не въ государственной. Нельзя не видѣть, что послѣднія уступки какъ-то мало гармонируютъ съ первымъ общимъ положеніемъ, и что здѣсь, какъ и въ вопросѣ о религіи и государствѣ, только и могутъ быть признаны логическими двѣ системы: или равноправность національностей, или уничтоженіе менѣихъ національностей въ пользу большей, какъ въ религіозной политикѣ или равноправность религій, или преодѣлованіе уклоненій отъ государственной религіи. Всякій же болѣе или менѣе средній терминъ и здѣсь будетъ страдать неопредѣленностью и непреодѣлователльностью, какою, напримѣръ, отличается терпимость къ религіямъ, а не вѣротерпимость.

Въ самомъ дѣлѣ, обуявшіе въ послѣдніе времена Европу войны и споры внутри государствъ изъ-за національности, всѣ эти заботы о германизации, колонизации, обрусеніи и т. п. напоминаютъ во многомъ религіозныя войны XVI и XVII вв., а заботы о государственной народности во многомъ аналогичны съ заботами о государственной религіи. Въ тѣхъ религіозныхъ преислѣдованіяхъ, которыми полна история XVI и XVII вв., кромѣ чисто религіозной стороны, обусловливаемой свойственнымъ извѣстной степени развитія человѣческаго инстинктомъ религіозной исключительности и фанатизма, была еще и политическая сторона. Какой-нибудь Филиппъ II испанскій, когда защищалъ свою политику преислѣдованія отклоненій отъ католичества, ссылался и на примѣръ государей протестантскихъ и утверждалъ, что имѣть цѣлью огражденіе единства государственного, которое,— говорилъ онъ,— несомнѣнно есть религіознымъ раздѣленіемъ. Отнюдь нельзя отрицать, что дѣйствительно религіозное единство облегчаетъ единство государственное, усиливая связи между членами государства. Но изъ этого, во-первыхъ, не слѣдуетъ, чтобы государство имѣло право силою устанавливать единство ре-

лигіозное, разъ когда оно нарушено или не существовало, потому что государство тогда нарушить священнѣйшія права личности и породить такія явленія и стремленія внутри себя, которыхъ уничтожать самую цѣль государственной жизни: блага материальное и нравственное по возможности каждого члена его. Во-вторыхъ, погнавшись, съ цѣлью установленія единства государственного, за установлениемъ единства религіозного, политическая власть именно ослабить единство государственное, потому что гонимыя партии будутъ стремиться образовать государство въ государствахъ, стараться войти въ союзъ съ родственными имъ элементами въ другихъ государствахъ и т. п. Такъ, во время религіозныхъ войнъ въ XVI и XVII вв. французские гугеноты призывали на Францію войска Англіи, а католики — Испаніи, пока, наконецъ, истинные патріоты французские не дошли до пониманія, что только свобода совѣсти, т.-е. отдѣленіе понятія о государствахъ отъ понятія о религії и можетъ установить единство государства. Хотя у насъ и не было религіозныхъ войнъ (исключая западной Россіи, находившейся подъ властію католической Польши, исторія которой вполнѣ подтверждаетъ мысль о томъ, что политика, заботящаяся о насильственномъ религіозномъ объединеніи для единства государства, ведеть къ противоположному результату), однако же и у насъ долговременное господство ученія, что православіе и русская народность и затѣмъ государство — синонимы, довело до того, что у насъ католикъ, протестантъ, еврей считаютъ себя не русскими, чѣмъ наше национальное и государственное единство и ослабляется. Борьба религій между собою, борьба государствъ съ разновѣріями повела Европу къ множеству кровопролитій, къ погибели и распаденію многихъ государствъ, къ истребленію нѣсколькихъ и религіозныхъ обществъ, но въ концѣ-концовъ Европа пришла къ убѣженію въ необходимости, именно для спасенія единства государственного, раздѣленія области церкви и государства, и хотя почти во всей Западной Европѣ остались учрежденія «государственной церкви», но учрежденія эти сдѣлались чисто nominalными, на дѣлѣ же, даже и теперь, въ западной Европѣ все церкви могутъ быть названы ровно государственными, и все идетъ къ тому, чтобы ни одна изъ нихъ не была таковою, какъ это почти и осуществлено въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Весьма поучительно, что

во время кровопролитий изъ-за стремлений государственныхъ людей установить и охранить единство государствъ посредствомъ единства религиознаго гораздо больше государство погибло и распалось, чѣмъ религиозныхъ обществъ и учений.

Подобное же мы видимъ и въ исторіи попытокъ къ насильтственному установлению національного единства, ставшихъ особенно частными въ послѣднее столѣтіе. Вообще до сихъ поръ только огнемъ и мечомъ да долговременной колонизацией могли быть истреблены національности, что особенно имѣло мѣсто въ исторіи стремлениія на Востокъ нѣмцевъ и русскихъ. Но обѣ огни и мечѣ теперь и говорить нечего; колонизация теперь по большей части (исключая опять-таки колонизаціи нѣмцевъ среди сѣверозападныхъ славянъ и русскихъ, среди финновъ, т.-е. исключая случаевъ многочисленной и издавна подвигающейся колонизаціи) приводить къ обратному результату, т.-е. къ тому, что колонисты усваиваютъ народность, среди коей поселились. Стремлениія обезнародить извѣстныя племена, съ цѣлью упроченія государственного единства, вызываютъ по большей части національную энергию въ племени, надъ которымъ хотятъ произвести нравственную операцию, и приводить иногда къ распаденію государства или отпаденію отъ нихъ частей: такъ, мѣры Іосифа II къ германизации австрійскихъ народовъ послужили къ пробужденію ихъ народнаго самосознанія; такъ отпала отъ Австріи Венгрия (тогда какъ Тессинскій кантонъ остался за Швейцаріей); такъ распалась Голландія возстаніемъ не только валлоновъ, но и фланандцевъ. Новая исторія представляеть только одинъ примѣръ относительно успѣха мѣръ національного централизма, а именно извѣстное оранцуженіе Эльзаса и Лотарингіи и фланандскихъ частей Франціи, ставшее особенно сильнымъ со времени французской революціи и не сопровождавшееся ни многочисленной колонизацией, ни кровопролитными насилиями. Но тутъ характерно то обстоятельство, что какъ признаются сами нѣмецкіе патріоты, наиболѣе хлопотали обѣ оранцуженіи Эльзаса и Лотарингіи мѣстные уроженцы, нѣмцы же (подобное же было и въ фланандской Бельгіи послѣ присоединенія ея къ французской республикѣ), что объясняется тѣмъ, что, говоря современнымъ той эпохѣ выражениемъ, «языкъ, на которомъ написано было провозгла-

шение правъ человѣка, стать языкомъ свободы»¹⁾. Другое характерное обстоятельство въ распространеніи французскаго языка въ эпоху революціишло въ связи съ крайне централистическими идеями, которыхъ, наконецъ, погубили революцію и ослабили Францію. Грекуаръ въ своемъ докладѣ «о необходимости и средствахъ уничтожить разнорѣчія (patois) и ввести въ общее употребленіе французской языка и въ составленномъ имъ декретѣ, который обнародовалъ Конвентъ въ 1794 году, обратился къ народу французскому съ слѣдующими словами: «Граждане, вы имѣете счастіе быть французами!.. Вы проклинаете федерализмъ политический; откажитесь же отъ федерализма въ языке: языкъ долженъ быть одинъ, какъ и республика; съ сѣвера на югъ, на всѣмъ пространствѣ земли французской надо, чтобы рѣчь была такъ же объединена, какъ и сердца. Разные діалекты вышли изъ нечистаго источника феодализма; это соображеніе должно сдѣлать ихъ вамъ ненавистными... Свободные люди, бросьте языкъ работъ и усвойте языкъ вашихъ представителей, языкъ сво-

1) См. Rick, *Bocckh*, Die Statistische Bedeutung der Volksprache, als Kennzeichen der Nationalitt (Zeitschr. fr V lkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1866 г. III Heft. 365, 382 и слѣд.). — *Hautteville*. La Nationalite Belge ou Flamands et Wallons. 1870. 26 и слѣд. — Бѣккъ говоритъ, что средства, которыми французское правительство пользуется для оправданія Эльзаса не похожи на тѣ, которыхъ употребляло датское противъ нѣмцевъ въ Шлезвигѣ. Датское правительство хотѣло „одинить“ смѣшанные округа посредствомъ посланныхъ датчанъ, а въ нѣмецкихъ округахъ Франции, хотя на высшія должности и назначаются по возможности французы национального направления (National-Franzosen), но какъ орудіе для исполненія своихъ плановъ служатъ имъ самыи нѣмцы. Они доставляютъ составъ народныхъ учителей, которые теперь всѣ способны давать образованіе на французскомъ языке; даже въ высшемъ (педагогическомъ) персоналѣ двѣ пятыхъ имѣнъ нѣмецкаго происхожденія, и вообще утверждаютъ, что именно члены (strasburgской) академіи съ нѣмецкими именами принадлежать къ самымъ ревностнымъ распространителямъ французскаго языка. — Если мы обратимъ вниманіе на то, что не только не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь значительной колонизаціи изъ Франціи въ Эльзасъ, но что, наоборотъ, эта провинція письменно уже избыточна населеніемъ во Францію, Алжиръ и Америку, что въ послѣднее время до 100.000 нѣмцевъ изъ Германіи, привлекаемые, какъ говоритъ Бѣккъ, французской свободой промышловъ (Gewerbefreiheit) жило въ Эльзасѣ, что французскій языкъ сильно распространился въ Люксембургѣ (Бѣккъ, 388), — то выведемъ, что здесь мы имѣемъ дѣло болѣе съ самоофиціуженіемъ, чѣмъ съ распространениемъ французскаго элемента мѣрами государственного централизма и даже колонизации, какъ на востокѣ Пруссіи.

боды!» Но, несмотря на всѣ старанія центральнаго правительства, несмотря на помощь представителей мѣстной интеллигентіи, не только не удалось уничтожить нѣмецкій и фланандскій языкъ въ населеніи не-французскихъ департаментовъ Франціи, но въ послѣднее время произошло явно обратное движение въ интеллигентіи этихъ департаментовъ, а именно, забота о сохраненіи и развитіи народныхъ языковъ. Стремленіе это выразилось въ основаніи газетъ и библіотекъ фланандскихъ и нѣмецкихъ, и, замѣчательно, что просвѣщенные люди во Франціи, преимущественно изъ французовъ же, не только не сопротивлялись этому движенію, но, какъ, напр., основатель «лити образованія», Жанъ Масе, помогали ему. Самъ Наполеонъ III, посѣтивъ въ 1867 году Эльзасъ, выразилъ свое сочувствіе «прекрасному нѣмецкому языку» и пожелалъ «выдвиженія его впередъ, какъ языка преподаванія въ прирейнскихъ департаментахъ»¹⁾. Только благодаря такому прежнему значенію французскаго языка и такой терпимости общества и правительства къ попыткамъ сохраненія и развитія языка народнаго, объясняется то обстоятельство, что въ Эльзасѣ не было никакого нѣмецкаго сепаратизма, хотя, безъ сомнѣнія, что въ недальнемъ времени языкъ нѣмецкій въ тѣхъ краяхъ получить бы и въ силу чисто общественнаго движенія большее и политическое значеніе. Тамъ же, гдѣ французскій языкъ, вводимый административными мѣрами, попадалъ въ край, не столько выигравшій, сколько проигравшій въ политическомъ отношеніи отъ союза съ Франціей, тамъ административное принужденіе, хотя и поддержанное сначала частью мѣстной интеллигентіи, вызвало реакцію въ пользу языка народнаго, напр., въ Голландіи и Бельгії. Въ послѣдней, по отдѣлениіи ея отъ Голландіи, языкъ французскій воспреобладалъ, вопреки конституції, надъ фланандскимъ; но въ послѣднее время въ Бельгіи произошло сильное движение къ уравненію правъ фланандскаго языка съ французскимъ во всѣхъ проявленіяхъ учебной и общественной жизни. Фланандское возрожденіе отразилось въ сѣверныхъ департа-

¹⁾ Объ успѣхахъ германского возрожденія подъ французскимъ правлѣніемъ въ прирейнскихъ департаментахъ, см. *Allgemeine Chronik des Volks-schulwesens*, herausg. v. Wolfram. Altona. 1866, 1868. — *Allg. Kirchliche Chronik*, hrg. Schulze, 1868.

ментахъ Франції. Мало того, въ послѣднее время, въ связи съ стремлениемъ провинцій и общинъ французскихъ къ самому управлению, по всей Франціи началось обращеніе къ мѣстнымъ не только языкамъ (бретонскій, фланандскій), но и народчіямъ (провансальское и др.), и теперь можно фразу Грегуара обернуть такъ: вы ненавидите централизацію, вы стремитесь къ федерализму и потому вспомните о народныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Подобное же явленіе замѣчается и въ Италии, гдѣ тосканское нарѣчіе послужило связующей силой раньше (XV в.), чѣмъ сѣверофранцузское нарѣчіе получило рѣшительное преобладаніе во Франціи (XVII в.), и чѣмъ верхнє-пѣмбцкій языкъ сталъ классическимъ (собственно съ XVIII в.), но гдѣ теперь началось обратное движеніе въ пользу другихъ народныхъ нарѣчій, которая начинаетъ дѣятельно изучаться, на коихъ (пьемонтское, миланское, венецианское, сицилійское) дѣлаются попытки литературной дѣятельности. И дѣйствительно, въ вопросѣ объ элементарномъ народномъ образованіи, о словесномъ судѣ, объ областномъ и общинномъ самоуправленіи необходимо замѣшанъ и вопросъ не только о народныхъ языкахъ, но отчасти и нарѣчіяхъ. Другими словами, чѣмъ болѣе государство становится свободнымъ и потому прочнымъ союзомъ людей для достиженія развитія духовного и материальнаго, тѣмъ болѣе подходитъ оно къ равноправности языковъ и народностей, въ него входящихъ, въ общественной жизни. Образцомъ такого государства служить пока Швейцарія, гдѣ есть три народности,—всѣ три пользуются равными правами. *Тамъ есть и національность государственная, только она не состоитъ въ преобладаніи одной этнографической народности, а въ общемъ всѣхъ трехъ сознаній, что принадлежность къ единому союзу государственному выгодна и въ нравственномъ и материальномъ отношеніяхъ каждому изъ составляющихъ его членовъ.* Гдѣ нѣть подобного сознанія, а оно не можетъ быть тамъ, гдѣ принимаются административныя мѣры къ доставленію преобладанія какому-то признаку одной этнографической народности, т.-е. гдѣ понятіе о государствѣ смѣшивается съ понятіемъ о народности, тамъ нѣть и условія для образованія политической національности, тамъ именно государственное единство ослабляется самими мѣрами, которая имѣютъ цѣлью усилить и создать его единство.

Обращаясь теперь въ частности къ Царству Польскому, мы и не можемъ не видѣть, что, исключая русскихъ его краевъ около Холма и Сѣдлеца, «обрусеніе» въ немъ имѣть весьма малы шансы. Если бы кто и говорилъ, что это «обрусеніе» и не имѣется въ виду, а имѣется въ виду только сближеніе Припинискаго края съ Русскимъ государствомъ, то, конечно, слова эти можно заподозрить или въ неискренности или въ необдуманности: если такія мѣры, какъ введеніе русскаго языка во всѣ проявленія публичной и учебной жизни въ краѣ Польскомъ не имѣютъ цѣли слитіе поляковъ съ русскими въ одну этнографическую народность, тогда они не имѣютъ вообще цѣли, потому что изъ простой формы хлопотать очень не стонть. Во всякомъ случаѣ важнѣе всего то, что всѣ подобныя мѣры принимаются польской интеллигентией, какъ мѣры къ обрушенію Польши, и потому, конечно, только усиливаютъ нерасположеніе ея къ намъ. Можно утѣшать себя сколько угодно теоріями о лехитско-варяжскомъ происхожденіи польскихъ высшихъ классовъ, польской литературы и цивилизациіи, но дѣло въ томъ, что эта литература и цивилизациія была и есть, что другого культурного слоя, кромѣ того, который былъ и есть въ Польшѣ, тамъ, очень просто, не было и нѣтъ. Этотъ же культурный слой, укралъ ли онъ у славянъ языкъ или нѣтъ, а языкъ связанъ съ тѣмъ польскимъ народомъ, который и мы удостоиваемъ считать славянскимъ. Связь же эта не можетъ ограничиваться однимъ языкомъ. Нѣтъ спора, въ прежней исторіи польской цивилизациіи было много темныхъ сторонъ, которыхъ отразились и на нынѣшихъ культурныхъ слояхъ Польши; нельзя не видѣть, что неблагопріятныя обстоятельства (главнымъ образомъ, эмиграція) наложили болѣзnenный тонъ на польскую литературу и мысль XIX вѣка; вѣро и то, что исключительно политическое направлениe умовъ польской интеллигентіи довело, наконецъ, польскую литературу и науку въ послѣднее время до весьма жалкаго состоянія, именно въ то время, когда русская стала шибко развиваться (что недавно признала и польская газета «Край»), хотя реакціонно-политическое направлениe «обрушительнаго» периода отразилось неблагопріятно и на русскомъ развитіи. Но дѣло въ томъ, что, при всей болѣзnenности прежней польской цивилизациіи и новой литературы со временемъ Мицкевича, въ этой цивилизациіи все же есть человѣческія стороны и,

главное, есть стороны, находящія откликъ во всемъ польскомъ народѣ; въ новой литературѣ польской дѣйствовали люди съ большими талантами и одушевленіемъ, отчего она не можетъ утратить обаянія на народъ польскій. Къ тому же всякия стѣсненія только увеличиваются привязанность ко всему родному, безъ различія темаго отъ свѣтлаго, и нѣть сомнѣнія, что печальное политическое состояніе Польши въ послѣднее столѣтіе способствовало усиленію въ польскомъ обществѣ темныхъ сторонъ прежней цивилизациіи до ультрамонтанства и аристократизма включительно, а во всякомъ случаѣ препятствовало развитію въ этомъ обществѣ духа критики. Для послѣдняго надо спокойствіе, а можетъ ли оно развиться при постоянномъ страхѣ за свою народность? Поэтому всякаго рода мѣры, не оправдываемы самою настоятельною и очевидной государственной потребностью, а изобрѣтаемы въ кабинетахъ теоретическими послѣдователями своеобразно понятой идеи о единствѣ государства,—мѣры, имѣющія цѣлью сообщеніе Польскому краю русской оболочки, не только дальнѣе поверхности не идутъ, но возбуждаютъ въ образованіи обществѣ польскомъ чувства, диаметрально противоположныя государственному единству. Затѣя воспитать польское общество виѣ всякаго вліянія историческихъ традицій, польской литературы, будетъ всегда химерической затѣей, которая вдобавокъ затрудняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что польская народность въ Австріи уже ничѣмъ не можетъ быть остановлена въ своемъ развитіи, научномъ, литературномъ и политическомъ, потому что федеральная Австрія не имѣть никакихъ силъ противъ поляковъ въ Галиціи. Въ виду этого скажите же, выгодно ли для единства Россійской имперіи, если поляки привислинскіе будуть тянуть нравственно къ Кракову?

Если же бы Галиція вошла въ сферу пѣмецкаго вліянія, что случится, если Австріи не удастся устроиться на федеративныхъ началахъ, тогда, конечно, польская народность можетъ получить поддержку только въ силу интриги дипломатической, съ цѣлью оторванія Царства Польскаго отъ Россіи и потому, конечно, германизаціи его. Но, скажутъ,—и есть такие, которые это говорили и говорятъ,—вы толкуете только о высшихъ классахъ польскихъ, а какое намъ дѣло до этого шляхто-папистскаго элемента? Наша сила въ польскомъ народѣ, а этотъ не враждебенъ намъ вовсе и можетъ слиться

совершенно съ русскимъ. Въ отвѣтъ на это надо сказать, что слой населенія въ Польшѣ, который сознаетъ себя польскимъ и потому уже станеть обижаться всякими мѣрами къ обрушению его, не ограничивается пляхтой, а обнимаетъ почти все городское населеніе. Что же до народа, то такъ какъ замѣна въ его быту языка польского русскимъ потребовала бы чрезвычайныхъ усилий и со стороны его самого, то совершенно естественно, что по мѣрѣ образования, хотя бы и даннаго въ полурусскихъ школахъ, онъ только станеть постепенно увеличивать токъ культурный въ населеніи, которое чувствуетъ себя въ національномъ смыслѣ польскимъ, а потому, если съ нашей стороны будуть продолжаться попытки къ обрушению поляковъ, то образованіе народа въ Польшѣ, хотя бы и съ нашей помощью, будетъ только увеличивать число элемента, раздражаемаго нашими мѣропріятіями. Такія фразы, какъ «создать новую породу людей», «создать новый культурный слой», легко говорить, на дѣлѣ же новая порода органически связывается со старою. Грамотный польскій простолюдинъ станетъ читать все-таки польскія, а не русскія книжки, да мы и не можемъ же сочинить особую русскую литературу для поляковъ; а польская литература, польскія книжки писались, пишутся и будутъ писаться тѣмъ существующимъ уже польскимъ культурнымъ слоемъ, который всего менѣе можетъ сочувствовать уничтоженію польской національности. Поэтому намъ надо, чтобы въ этомъ слоѣ явилась завязь партии, которая видѣла бы пользу въ союзѣ съ Россіей; къ этой только партии и можетъ приставать поднимающейся изъ надѣленнаго нами землей культурный слой польского крестьянства и постепенно создавать «новую породу польскихъ людей» дружественныхъ Россіи. Но подобной завязи (если не считать ничтожнаго числа голосовъ въ польской публицистикѣ, да и то за границей: одинъ студентъ въ Берлинѣ, державшій рѣчь въ прошломъ году, одинъ публицистъ въ Галиции и авторъ одной брошюры въ Парижѣ, писанной передъ войною: *La France, la Prusse et la Russie*) въ нашемъ «Привислинскомъ краѣ» что-то не замѣчается. А между тѣмъ она могла бы уже образоваться даже съ 1864 года, если бы мы остались въѣни принятой тогда системѣ не обрушевія Польши, а возрожденія ея посредствомъ устройства массы народа и образования на національныхъ языкахъ.

Достойно внимания, что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ борьба народностей, среди народности центробѣжной успѣхъ образоваться партии, которая тянутъ къ народности центростремительной: такъ, у хорватовъ, сербовъ, словиновъ, угорскихъ русскихъ есть мадьяроны, такъ поражаемые нашими публицистами; даже въ Галиции, гдѣ централистическую силу представляютъ поляки, далеко не обладающіе политическими тактомъ, все же есть хоть небольшой кружокъ русскихъ, не уклоняющійся отъ соглашенія съ ними; мало того, даже національная партія славянской и румынскай оппозиції въ Венгрии вовсе не ставить цѣлью отдѣленіе отъ мадьяръ, во что бы то ни стало (любопытно, что и партія мадьяроноў образовалась въ Венгрии не во время политического преобладанія мадьяръ, а въ то время, когда австрійское централистическое правительство подавляло мадьяровъ), а желаютъ только болѣе удобной для своихъ народностей организаціи союза съ мадьярскимъ государствомъ и народомъ. Только у насъ въ Польшѣ нѣтъ ничего похожаго на «русскую партію». Дотѣхъ же поръ, пока такая партія не образуется, мы всегда будемъ держаться въ Польшѣ только бюрократіей и войскомъ. Все говорить въ пользу того, что система обрусенія Польши только препятствуетъ образованію такой партіи и будетъ способствовать только тому, что, по мѣрѣ усиленія теперешнаго оппозиціоннаго слоя приливомъ богатѣющіхъ и образующихъ людей изъ сельскаго класса, будетъ расти сила этого оппозиціоннаго слоя. Отъ людей, которые имѣли случай видѣть ходъ дѣлъ въ Польшѣ не изъ прекрасной дали кабинетовъ, часто приходится слышать слова въ родѣ слѣдующихъ: «Ну, вогъ мы надѣлили крестьянъ въ Польшѣ землею, подняли ихъ благосостояніе и тѣмъ пока усмирили мятеежъ», но результатомъ того, что мы «создали польскій народъ», выйдетъ то, что черезъ 10—15 лѣтъ можетъ быть новое возстаніе, только въ немъ примѣтъ участіе уже и весь «призванный нами къ жизни польскій народъ». Если это случится, черезъ 10, 15, 20 или болѣе лѣтъ, въ этомъ не будетъ ничего противостоящаго, несогласнаго съ законами исторіи, а потому политикъ не можетъ не сообразовать своихъ мѣропріятій съ такимъ естественнымъ явленіемъ. Теперь представляется вопросъ: выгодно ли будетъ Русскому государству усмирять войскомъ не только піяхту и мѣщанство, но и сельское населеніе?

А пока дойдетъ дѣло до такого положенія вещей, что, конечно, случится не сегодня и не завтра, является вопросъ: если раньше того какое-либо пограничное государство введетъ свои войска въ Царство Польское и изъявить желаніе, говоря языкомъ нѣмецкихъ ученыхъ и публицистовъ, «принять подъ свое покровительство польскую народность, которой угрожаетъ обрушеніе», не будуть ли оборонительныя дѣйствія нашихъ военныхъ силъ парализованы самимъ рѣшительнымъ образомъ? Намъ кажется, что если бы въ Польшу ввела свои войска Германія, и если бы передъ тѣмъ въ польскомъ обществѣ не распространилось убѣжденіе, что Россія не имѣть цѣли обезнародить поляковъ, то удержать послѣднихъ отъ помощи нѣмцамъ могло бы только убѣжденіе, что Германія со временемъ дѣйствительно обезнародила бы поляковъ, тогда какъ Россія никогда не успѣетъ въ этомъ. Всѣ дѣло, значитъ, сводится на то только, насколько дальновидны будуть поляки, насколько холодный расчетъ и вѣра въ будущее станутъ у нихъ выше настоящаго горячаго нерасположенія къ Русскому государству. Если бы въ союзѣ съ Германіей къ берегамъ Вислы явилась и Австрія, и поляки могли надѣяться, что въ случаѣ пораженія Россіи берега Вислы достанутся Австріи, тогда и сомнѣнія быть не можетъ, что послѣдняя задержка поляковъ стать противъ насы пала бы: отъ нея осталось бы только сомнѣніе, основанное на предыдущихъ примѣрахъ изъ исторіи прусской политики, въ томъ, чтобы Пруссія безкорыстно затѣяла «освобожденіе Польши», и чтобы она согласилась на присоединеніе всего Царства Польского къ Австріи. Безъ всякаго сомнѣнія совмѣстное завоеваніе царства Польского Австріей и Пруссіей, при помощи польского восстанія, повело бы по меньшей мѣрѣ къ новому «раздѣлу Польши», послѣ котораго вопросъ обѣ окончательной германизации, съ присоединеніемъ къ Германіи частей, доставшихся Австріи по раздѣлу, было бы только вопросомъ времени.

Повторяемъ, всѣхъ страховъ, о которыхъ мы говоримъ, можетъ-быть, и не будетъ. На отклоненіе ихъ возможности имѣть сильное вліяніе распространяющееся во Франціи убѣждение въ необходимости сближенія съ Россіей и славянствомъ. Но страхи, о возможности которыхъ мы говоримъ, существуютъ не въ нашемъ воображеніи. Мы основываемся на толкахъ нѣмецкихъ публицистовъ и ученыхъ, равно какъ на

естественныхъ географическихъ данныхъ и историческомъ стремлениі народа германскаго на Востокъ. Уже одной возможности достаточно для того, чтобы публицистика страны, на рѣшеніе судьбы которой спекулируетъ хотя бы и часть только публицистики соѣднаго народа, обратила вниманіе на возможную бѣду и указала средства или хоть подняла вопросъ о средствахъ къ предотвращенію этой опасности. Съ своей стороны мы считаемъ нравственной обязанностью передъ родиной указать на замыслы, сильно питаемые въ польской литературѣ на Царство Польское, и высказать, что облегченіемъ къ исполненію этихъ замысловъ можетъ служить распространеніе между поляками убѣжденія, что Россія, правительство и общество стремятся къ обрушенію Польши и къ уничтоженію польской народности. Это же убѣженіе выведено поляками изъ образа мыслей, высказываемаго нѣкоторыми весьма влиятельными органами нашей печати о мѣрахъ къ обезпеченію единства Русскаго государства и изъ нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время сообразно этому образу мыслей.

Въ виду важности послѣдствій мѣръ, имѣющихъ цѣлью обрушеніе Польши, и для произнесенія критической оцѣнки этихъ мѣръ, необходимо обратиться къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, чѣмъ вызваны эти мѣры и тотъ порядокъ идей, на которыхъ они основаны, какъ взошли эти идеи въ наше общество, и не была ли поставлена другая система отношеній къ Царству Польскому и къ польской народности, которая представляла болѣе гарантіи для достижениія успѣшнаго результата въ огражденіи единства государства отъ польского сепаратизма?

IV.

Польскій вопросъ въ послѣднее время породилъ у насъ большую литературу, но надо сказать, что литература эта состоитъ почти вся изъ передовыхъ статей въ газетахъ, корреспонденцій лицъ, недавно заѣхавшихъ въ Западный край и въ Польшу, довольно сомнительного таланта романистовъ, въ родѣ г. Крестовскаго, со вчерашняго дня познакомившихся съ польскимъ вопросомъ, историческихъ трудовъ импровизованныхъ историковъ въ родѣ покойнаго Ратча, кое-какихъ отрывочныхъ

выдержекъ изъ слѣдственныхъ бумагъ, въ родѣ статей, помѣщаемыхъ иногда въ «Русскомъ Вѣстнику». Серьезныхъ историческихъ трудовъ, ни большого количества актовъ, ни записокъ дѣятелей, издавна слѣдившихъ за польскимъ вопросомъ, до сихъ поръ у насть не появилось. Довольно характерно, что и сами публицисты, которые сдѣлали свою славу преဆѣданіемъ польской интриги, открыли ее уже во время самаго мятежа, прежде же занимались «открытиемъ Англіи» (и едва ли не съ болѣшимъ успѣхомъ); что вообще большая часть трактующихъ о польскомъ вопросѣ принадлежитъ къ числу импровизаторовъ и новыхъ дѣятелей, весьма рѣдко мѣстныхъ жителей краевъ, бывшихъ ареной дѣйствій «польской интриги»; что въ послѣднее время многіе, которые принялись за обсужденіе польского вопроса и даже за борьбу съ «польской интригой» ранѣе взрыва 1862—1863 и особенно ранѣе изобрѣтенія теоріи обрусенія польского и, что еще страннѣе, русского края, вовсе сошли со сцены и замолкли. Несколько немудрено поэтому, что польский вопросъ вовсе у насть не былъ изслѣдованъ серьезно и беспристрастно, что большинство литературныхъ сужденій о немъ, принадлежа или новичкамъ-публицистамъ, корреспондентамъ и романистамъ, или импровизованнымъ дѣятелямъ, которые вмѣстѣ стали и собственнымиbardами и исторіографами, всего менѣе можетъ пролить истинный свѣтъ на вопросъ. Господствующія о польскомъ вопросѣ въ послѣднее время мнѣнія могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ: «польской интригой» поставленъ вопросъ о самомъ существованіи Россіи, у которой она хочетъ отнять всю западную, европейскую половину; обладая громадною ловкостью, эта интрига съ самаго раздѣла Польши (виленскіе исторіографы идутъ даже до временъ Ягелло) умѣла парализовать всѣ лучшія начинанія нашего правительства, морочить общество, входя въ сношенія и даже порождая самые противообщественные у насть элементы (панургово стадо), не говоря уже о нашихъ виѣшнихъ врагахъ, и постепенно «ополячивать» Западный край. Передъ возстаніемъ 1862—1863 гг. польской интригѣ удалось отравить всѣ проявленія нашей общественной жизни, приобрѣсти влияние въ «высшихъ сферахъ», завладѣть всею либеральной журналистикой, породить напѣтъ такъ называемый нигилизмъ, сепаратизмъ со всѣми ихъ вредоносными послѣдствіями. Въ

виду этихъ дѣйствительно страшныхъ требованій «польской интриги» и особенно въ виду ея страшныхъ успѣховъ, дѣйствительно были бы необходимы противъ нея чрезвычайныя мѣры, и если бы оказалось, что существованіе Россіи не можетъ быть ограждено иначе, какъ посредствомъ уничтоженія польской народности, то чувство самосохраненія заставило бы русскій народъ справедливо приняться за эту трудную и непривлекательную работу. Но дѣло въ томъ, что въ изложенныхъ представленіяхъ о польскомъ вопросѣ и «польской интригѣ» правда сильно подмѣщана фантазіями, вдѣбовкѣ раздутыми самолюбіемъ «спасителей отечества», пугающими насть превеличеными страхами.

Дѣйствительно, передъ 1862 — 1863 гг. почти вѣсЬ польские дѣятели и почти вся польская интеллигенція поставила вопросъ о восстановленіи Польши въ союзѣ съ Литвою до Даѣнса и Двины и даже дальше, до границъ Витебской и Могилевской губерній. Размѣры требованій были большиe, но еще изъ этого не слѣдуетъ, чтобы самыя требованія были такъ серьезны и страшны, чтобы вызвать столь серьезныя и долговременные чрезвычайныя мѣры, какъ тѣ, которыя принимаются, а особенно требуются нашими «спасителями отечества» съ 1863 года. Если поляки дошли до такихъ требованій, если имъ удалось ополячить въ извѣстной степени западный край (и въ особенности успѣшио, по всеобщему сознанію, именно со времени раздѣла Польши), то это случилось вовсе не вслѣдствіе особыхъ усилій и искусства польской интриги, а вслѣдствіе нашихъ же собственныхъ старыхъ порядковъ. Не нашъ ли, въ самомъ дѣлѣ, старый порядокъ укрѣпилъ власть польского пана надъ русскимъ крестьяниномъ; не нашъ ли опять старый порядокъ роздалъ польскимъ вельможамъ, — напр., Браницкимъ, — въ крѣпость вольное населеніе даже городовъ, какъ, напр., Бѣлая-Церковь? Не въ силу ли этого порядка погибли въ Литвѣ и Бѣлоруссіи сохранившіеся съ XVI—XVII вѣковъ, при всѣхъ гоненіяхъ поляковъ, зародыши русскаго католицизма и русскаго кальвинизма, и дѣло дошло до того, что католикъ и кальвинистъ тамъ стали синонимами поляка? Польская ли интрига запрещала католическимъ священникамъ проповѣдь на русскомъ языке? Польская ли интрига лишала въ недавнее время позволенія ввести въ Россію, десять лѣтъ тому назадъ напечатанный въ Берлинѣ пере-

водь съ еврейскаго на русскій языкъ Пятокнижія Моисеева? Если въ чемъ-либо состояла польская интрига въ данныхъ случаяхъ, которые мы еще не всѣ перебрали, то не въ чемъ другомъ, какъ въ искусствѣ пользованіи и въ послѣдовательномъ проведеніи тѣхъ началь политики, которая господствовали еще недавно во всей Россіи и почитались для нея единственными пригодными и благодѣтельными. Въ самое послѣднее время всѣ попытки къ извращенію въ невыгодномъ для русскаго народа и государства смыслѣ хода крестьянскаго дѣла въ Западномъ краѣ, всѣ эти порожденія польской интригой «виленскіе проекты» развѣ не близкайшимъ образомъ родственны съ тѣмъ, охватившимъ извѣстные слои нашего общества во всей Россіи, движениемъ къ возстановленію хотя въ какой бы то ни было степени крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиконъ,— движениемъ, котораго органомъ была блаженнейшія памяти «Вѣсть», старавшаяся подвести свои крѣпостническія поползновенія подъ начала реформы 13 мая 1866 года? То обезземеливаніе крестьянъ въ Западномъ краѣ передъ 1863 годомъ, которое производили тамъ польскіе мировые посредники, и которое, будучи увѣнчано успѣхомъ, поставило бы дѣйствительно наше государство въ довольно затруднительное, если не опасное положеніе, развѣ оно не шло параллельно съ подобными же стремленіями къ устроенію нашихъ сельскихъ поземельныхъ началь на англійскій манеръ, къ истинному будто бы «освобожденію крестьянъ отъ прікрепленія къ землѣ»,— стремленіями, которыхъ органами были «Русскій Вѣстникъ» и «Современная Лѣтопись», дававшіе пріютъ гг. П. Бланку, Скаригину и т. п.? Если польскимъ мировымъ посредникамъ удавались ихъ замыслы нарушить Положеніе 19 февраля 1861 года, то не облегчалась ли и даже не обусловливала ли эта удача безгласностью нашей печати, среди которой громко провозглашались только клики публицистовъ, громившихъ «благодѣтелей изъ чужого кармана», «демократичающихъ чиновниковъ», которые становятся между землевладѣльцами и крестьянами», и т. п. кликовъ, которыми полонъ былъ органъ, именовавшій себя и до сихъ поръ именующій себя представителемъ здравомыслящаго большинства русскаго образованнаго общества и ставящій себѣ въ особенную заслугу обличеніе польской интриги?..

Подобного рода вопросы можно бы продолжить для желающихъ до бесконечности. Всѣ они сводятся къ главному пункту, что, такъ какъ прежній нашъ общественный строй былъ основанъ на крѣпостномъ правѣ, то не нужно было особенной интриги для того, чтобы дать преобладаніе въ Западномъ краѣ *польскому* дворянству надъ *русскимъ* народомъ, равно какъ этому дворянству, а затѣмъ и самимъ влиятельнымъ русскимъ людямъ, увѣриться, что край, въ которомъ дворянство польское — польский. А если это такъ, то какъ бы сильна ни была увѣренность польскихъ помѣщиковъ въ ихъ правѣ на Западную Россію, для парализованія этой увѣренности не было и нѣть надобности прибѣгать ни къ какимъ другимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ ведутъ къ освобожденію русского населения отъ юридической и экономической зависимости отъ не-русскихъ слоевъ, къ его просвѣщенію, къ облегченію его жизни и обезпечению его собственности и личности общиннымъ и земскими самоуправлениемъ и хорошимъ судомъ. Что же касается до нравственной пропаганды русской народности, то здѣсь дѣйствительными средствами можетъ оказаться только самодѣятельность общества въ печати, въ церкви, такъ что здѣсьдвигать обуреніе можетъ также только освобожденіе мысли и слова русского общества отъ излишней опеки и стѣсненій. Организовать сельской быть и поземельныя отношенія русскихъ массъ, устроивъ широкую систему русского народного образования, освободивъ печать и церковную жизнь отъ произвола и опеки, русское государство можетъ смѣло сказать, что оно игнорируетъ не-русские слои населения въ западно-русскомъ классѣ, и смѣло ждать, пока тамъ нежелающие признавать очевидныхъ истинъ и живущие фантазіями, а не реальностью, отрезвятся. Послѣ обыкновенной и общей со всей Россіей гражданской организаций Западнаго края на началахъ, которыхъ легли въ основу преобразованій новаго времени, польский вопросъ въ Западномъ краѣ перестанетъ существовать, какъ что-либо серьезное, и станетъ во всякомъ случаѣ менѣе серьезнymъ, чѣмъ, напр., еврейскій вопросъ, потому что хоть никто изъ евреевъ и не кричалъ о присоединеніи Западнаго края къ Палестинѣ, но зато многие говорили и убѣждены, что этотъ-то край и есть новая Обѣтованная земля, да и самыхъ евреевъ тамъ больше, чѣмъ поляковъ. Разъ же вытѣсненный изъ Западнаго края, поль-

ский вопросъ перестаетъ быть «вопросомъ о существованіи Россіи, какъ европейскаго государства», а сводится на вопросъ о большихъ или меньшихъ правахъ на областную автономію края, имѣющаго 2—3 тысячи кв. м., а безъ русскихъ и литовскихъ частей Царства Польскаго и того меныше, въ государствѣ, занимающемъ болѣе 400,000 кв. м., и о правахъ на национальную жизнь и развитіе племени въ $3\frac{1}{2}$ миллиона въ виду болѣе 50.000.000 русскаго племени. Вопросъпольскій, въ виду всего того, становится совершенно ничтожнымъ, теряетъ свои грозные размѣры, которые одни только и могли оправдывать необходимость чрезвычайныхъ мѣропріятій.

Если главный узелъ польского вопроса находится не въ Польшѣ, а въ Западномъ краѣ, и если государство, съ своей стороны, разсѣкаетъ (оно уже и сдѣлало главное) его освобожденіемъ массы русскаго народа отъ юридической и экономической зависимости отъ польскаго шляхетства, то вопросъ о культурной реакціи полонизма въ тѣхъ мѣстахъ решается присутствіемъ и поведеніемъ тамошнихъ не-польскихъ культурныхъ слоевъ общества. Публицисты и исторіографы, разсуждавши въ послѣднее время «о польской интригѣ» и «обрусеніи» въ Западномъ краѣ, представляютъ этотъ край очень уже опутаннымъ польской интригой, очень уже лишеннымъ русскихъ общественныхъ элементовъ, а эти элементы — лишенными духа инициативы, такъ что иного вывода изъ ихъ разсужденій и повѣствованій быть не можетъ, какъ мысль о необходимости постоянно полицейски-административными мѣрами давить вѣсъ проявленій польской культуры, насаждать *такими же мѣрами* русскую и даже чистить самую народность русскаго населенія въ тѣхъ краяхъ. Такой характеръ разсужденій нашихъ публицистовъ и исторіографовъ о Западномъ краѣ объясняется характеромъ самихъ писателей, которые или не жили въ краѣ, пока ихъ туда не вызвали крупные оклады жалованья, или же занимались отрытіемъ въ Россіи англійскихъ джентри и лордовъ (шляхты и магнатовъ), въ то время, когда въ Западномъ краѣ мѣстные русскіе люди изъ свой страхъ и по своей инициативѣ начинали культурную и общественную борьбу съ полонизмомъ и возрожденіе национального самосознанія въ народныхъ массахъ. Понятно, что, прибывъ въ край или взглянувъ на него только тогда, когда самымъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ пред-

ставляется только казакъ, жандармъ или квартальный, записывающей имена пѣвшихъ въ костелѣ польскіе гимны, дамы, носящихъ трауръ, пановъ, разговаривающихъ по-польски за игрою на биллиардѣ, историографы, корреспонденты и публицисты не обрѣли въ Западномъ краѣ другихъ представителей русской культуры, кромѣ этого казака, жандарма и квартального; описанію ихъ подвиговъ, ихъ страданій отъ польской интриги посвящены были въ «Современной Лѣтописи», «Виленскомъ Вѣстникѣ», потомъ въ «Голосѣ», столбцы и страницы; безъ этихъ подвиговъ, по понятіямъ названныхъ изданий, пропала бы и пропадетъ русская культура въ Западномъ краѣ. Между тѣмъ,— а это особенно важно и для будущности возрожденія національного самосознанія въ Западной Руси,— реакція полонизма въ тѣхъ краяхъ началась сама собою по общественной ініціативѣ, началась людьми и направленіями, возникшими на мѣстной народной почвѣ, и притомъ въ то время, когда польскіе элементы въ краѣ не только не считались революціонными, а, напротивъ, охранительными, и когда поэтому именно русскіе народные элементы и направленія въ краѣ Западномъ считались революціонными.

Русскій народъ въ Западномъ краѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ малорусской и бѣлорусской вѣтвямъ русскаго племени. Издавна обѣ эти вѣтви имѣли своими культурными центрами Киевъ и Вильну. Культурная роль Киева изгѣстна каждому, но не надо забывать, что и Вильна до самаго присоединенія къ Россіи была центромъ, напр., православно-русской, уніатско-русской и даже католическо-русской печати. Отсталость кіевской духовной академіи, которую еще Ломоносовъ совѣтовалъ превратить въ университетъ, ослабила культурное значеніе Киева для Юго-Западнаго края, до которого русская народная культура могла доходить только изъ столичныхъ да изъ Харьковскаго университета. Въ то же время Кременецкій лицей вліялъ, какъ центръ польской культуры. Въ литовско-бѣлорусскомъ округѣ дѣло стояло еще неблагопріятнѣе: подъ бокомъ у Вильны не было даже такого университета, какъ Харьковскій, въ Вильнѣ не было даже духовной академіи, а быть польскій университетъ. Университетъ этотъ былъ закрытъ наконецъ, равно какъ и Кременецкій лицей; вместо нихъ былъ открытъ «для поляковъ» (какъ тогда говорили официально) университетъ въ Киевѣ, и этотъ

университетъ сталъ опорою русской культуры въ краѣ, гдѣ могли воспитываться мѣстные русскіе элементы, которые, расходясь по разнымъ должностямъ, особенно въ видѣ учителей въ гимназіи и училища, несли эту культуру въ край и способствовали пробужденію въ обществѣ и, насколько это было возможно, въ массахъ народа национального русскаго самосознанія. Прочтите брошюру проф. Шульгина «Юго-Западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтие», и вы увидите, что передъ восстаниемъ 1862—1863 г. молодежь Киевскаго университета даже раньше пожилыхъ мѣстныхъ людей, а особенно раньше представителей общества въ другихъ краяхъ Россіи, разгадала цѣль польскихъ стремленій; она первая стала имѣть противодѣйствовать, чѣмъ могла. Первый патріотическій русскій адресъ, протестовавшій противъ ученія, что Западный край — польский, былъ поданъ въ 1861 году кіевскими студентами, т.-е. за $1\frac{1}{2}$ года до того, когда подача адресовъ въ такомъ родѣ стала модной во всей Россіи. Кіевскіе студенты, поддерживаемые нѣкоторыми профессорами (главнымъ образомъ, г. Павловымъ) открыли въ противодѣйствие польскимъ школамъ, которая тогда устраивались по всему Юго-Западному краю и руководились тайнымъ польскимъ школьнѣмъ обществомъ (о которомъ была нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣщена статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), воскресныя школы — первыя воскресныя школы въ Россіи. За кіевскими школами послѣдовали такія же по всѣмъ почти городамъ Юго-Западнаго края, гдѣ были гимназіи и дворянскія училища (прогимназіи). Оканчивая университетъ и становясь общественными дѣятельными, бывшіе кіевскіе студенты несли съ собою народное русское направление по краю. Всѣ такие факты показываютъ, что такая мѣра, какъ учрежденіе университета, гораздо больше вліяетъ на развитіе народнаго духа, чѣмъ всякая репрессія,— истина банальная, но, къ несчастію, забываемая многими патріотами, разсуждающими объ обрuseніи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, если бы, вместо того, чтобы закрывать университетъ въ Вильнѣ, его преобразовали въ русскій, то этотъ университетъ оказалъ бы такое же самое вліяніе на край Сѣверо-Западный, какое кіевскій имѣлъ на Юго-Западный. Сравните, напр., въ изданныхъ Министерствомъ Народного Просвѣщенія замѣчаніяхъ на проектъ устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мнѣнія учителей и директоровъ

гимназій кіевскаго и віленскаго учебныхъ округовъ, поданныя въ 1861 и 1862 годахъ. Въ первыхъ вы видите вполнѣ ясное народное русское самосознаніе, во-вторыхъ вы видите или не менѣе ясно высказываемая польскія міїнія, которымъ изрѣдка противопоставляются русскіе, но болѣе чиновническіе, нежели народные аргументы. Когда первые говорятъ о мѣстной исторіи, традиціяхъ, народной рѣчи, какъ основахъ народного образованія, то разумѣютъ подъ этимъ русскую (мадорусскую) исторію, традицію, рѣчь, на которую именно указываютъ какъ на элементъ, на который надо опереться въ борбѣ съ поляками. Между тѣмъ въ віленскихъ гимназіяхъ подъ словомъ «мѣстный», «народный» разумѣютъ польскій, подъ который, если кто вспомнить обѣ немъ, подводятъ и бѣлорусскій. Гимназіи віленскаго учебнаго округа были наполнены учителями-поляками, и очень естественно: гдѣ было учиться русскимъ уроженцамъ края? Надо былоѣхать въ Кіевъ или въ Петербургъ, что не такъ стѣсняло поляковъ, элементъ болѣе богатый въ краѣ. Зато, когда послѣ 1863 года русская администрація задумала наполнить віленскія гимназіи русскими учителями, она должна была набирать кого попало, потому что, не говоря уже о хорошихъ, а просто университетски подготовленныхъ учителей, и во всѣхъ краяхъ Россіи скорѣе недостатокъ, чѣмъ изобиліе. Будь же впередѣ Віленскимъ университетомъ подготовлено известное число русскихъ учителей изъ мѣстныхъ уроженцевъ, не было бы надобности и въ поголовномъ изгнаніи польскихъ учителей, потому что мѣра такая, какъ всякая поголовщина, во-первыхъ, несправедлива, а во-вторыхъ, надо сознаться, что между поляками, вслѣдствіе давнихъ педагогическихъ традицій, особенно между пожилыми, очень много хорошихъ педагоговъ; собственно же польское непедагогическое вліяніе такихъ учителей было бы парализовано достаточно сильнымъ процентомъ русскихъ учителей, которые, зная край, его духъ и традиціи могли бы оказывать болѣе умѣлое противодѣйствіе польской пропагандѣ, чѣмъ импровизованный наборъ педагоговъ-обрусителей. Осмѣливаемся думать, что даже если бы въ Вільнѣ основался польскій университетъ, то и тогда развитіе мѣстнаго русскаго общества было бы болѣе облегчено, чѣмъ при отсутствіи всякаго высшаго учебнаго образованія въ краѣ: вѣдь образовались же лужицко-сербскіе национальные кружки

въ нѣмецкомъ Лейпцигскомъ университетѣ, чешскіе и другіе славянскіе—въ Пражскомъ, Бреславльскомъ, Вѣнскомъ. То же самое могло произойти и въ Виленскомъ университетѣ, закрытіе котораго не помышляло никакъ Вильнѣ играть роль одного изъ центровъ польской литературы и притомъ самого крайняго шляхетско-католического направления, представляемаго гр. Ржевускимъ. Теперь же только петербургская духовная академія была мѣстомъ, где кое-какъ готовились и организовались бѣдныя русскія силы, вызываемыя изъ Сѣверо-Западнаго края¹⁾.

Но какъ ни поздно начальь свою возбуждающую національное самосознаніе дѣятельность университетъ Киевскій, какъ ни неблагопріятны были культурные условія для края Сѣверо-Западнаго, а все-таки въ этихъ краяхъ совершенно самостоятельно возникла реакція полонизма, и мѣстныя русскія силы стали стремиться къ организаціи и культурной борьбѣ съ полонизмомъ на народныхъ началахъ. Эта реакція выразилась въ такъ называемомъ украинофильствѣ и въ белоруссофильствѣ. Довольно близки къ правильной оцѣнкѣ значенія этихъ направленій слова, которыми говорить объ нихъ г. Кошевовичъ въ своихъ лекціяхъ о Западной Россіи: «Было въ Западной Россіи нѣкоторое время, что тамошніе образованные люди, усвоивши польскую цивилизацию, пробовали самостоятельно взглянуть на свою сторону. Это было во времена Виленского университета, который страшно полонизировалъ западную Россію,—такъ полонизировалъ ее, какъ не полонизировали ее никакія польскія неистовства во времена Польского государства, но который по естественному порядку развивалъ также въ немногихъ личностяхъ и *противоположное направление*. Вслѣдствіе того въ Западной Россіи начала образовываться небольшая партия польскихъ людей, которые приходили къ сознанію, что и сами они не поляки, а тѣмъ болѣе не польской народъ ихъ страны. Они задумали возстановить (въ наукѣ) самостоятельность Западной Россіи и основали ее на

¹⁾ Достойно примѣчанія, что, когда недавно поднять былъ вопросъ объ основаніи русскаго университета въ Вильнѣ, наши патріотическіе публицисты воссталі противъ этой опасной мысли изъ страха, чтобы университетъ не привлекъ польскую молодежь, и требовали учрежденія православной духовной академіи. Что за постыдное маловѣріе!

слѣдующихъ началахъ. Они взяли старую идею политической независимости Литвы и полагали, что Западная Россія можетъ выработать эту самостоятельность при той же польской цивилизаціи, только съ тою особенностью, что цивилизациѣ эта должна проникать въ Западную Россію свободно, естественно, безъ всякаго насильственнаго подавленія мѣстныхъ народныхъ особенностей. Такъ эта теорія высказывается довольно замѣтно въ трудахъ Даниловича, въ исторіи Литвы Нарбутта и въ сочиненіи Ярошевича «Картина Литвы». Дѣйствительное, прочное изученіе западной Россіи могло начаться только на западно-русской, народной почвѣ. Началось оно въ болѣе жизненной части Россіи, въ Малороссіи,— въ той Малороссіи, которая не разъ выносила на своихъ плечахъ все западно-русское дѣло и до сихъ порь такъ богата силами». Въ другомъ мѣстѣ — «День», 1863 г., № 20 — г. Кояловичъ говоритъ, что «въ Западномъ краѣ только и существуютъ самостоятельные общественные силы въ Малороссіи, въ группѣ малорусскихъ общественныхъ дѣятелей», что вѣрно, если подъ словомъ «малорусскихъ» разумѣть не исключительно такъ называемыхъ «украинофиловъ», которые хотя и начали реакцію полонизму въ наукѣ и литературѣ, но не исчерпываютъ всѣхъ силъ, выставленныхъ югомъ Россіи въ общественно-научной борьбѣ съ полонизмомъ, даже, напр., въ Киевскомъ университѣтѣ. Здѣсь-то именно и началось серьезнѣе изученіе Западной Россіи. Помогъ въ этомъ Малороссіи особенно слѣдующее обстоятельство. Значительная часть малорусскаго племени находится па восточной сторонѣ Днѣпра. Подъ русскою властью оно могло сохранить вѣсъ свои силы; въ немъ развивались свободно передовые дѣятели изъ образованнаго сословія. Многіе изъ этихъ передовыхъ дѣятелей (гг. Максимовичъ, Метлинскій, Костомаровъ, Кулишъ) перешли на западную сторону Днѣпра и подняли народное дѣло противъ поляковъ. Они выставили богатыя народныя силы, богатыя народныя преданія, обратились къ исторіи и стали рассказывать величія дѣла Малороссіи, особенно казацкія. Теорія казачества многихъ плѣнила изъ нихъ. Казачество, дѣйствительно, много сдѣлало, но много также имѣло крайнихъ притязаній политическихъ. Нѣкоторые малороссы забывали это, забывали также и то, что казачество малорусскіе совершиенно отжило свой вѣкъ, и стали запутываться въ разныхъ теоріяхъ о самобыт-

ности Малороссії. Теоріи ихъ, безъ всякаго сомнінія, сами собою пали бы и посрамлены были бы малороссійскимъ же народомъ; но, къ сожалѣнію, имъ придали особенную важность, удостоили даже признать за ними значеніе политического дѣла, и такимъ образомъ создался призракъ такъ называемаго малороссійскаго сепаратизма, который усердно поддержали и раздули въ общественномъ мнѣніи поляки (для нихъ это было очень выгодно). Нельзя не оплакивать, что ему придается искусственное значеніе, и что онъ возводится даже на неподобающую ему степень политической вины и опасности! Это спутываетъ и парализуетъ многихъ лучшихъ малороссійскихъ дѣятелей, которые просто только любить свою родину и желали бы содѣйствовать правильному ея развитію... Совершенно напрасно губятся или остаются въ бездѣйствіи прекрасныя силы малороссійскаго племени. Но можно надѣяться, что Малороссія одолѣть эти препятствія, покажеть снова свою силу, которая такъ часто спасала всю Западную Россію и которой ждетъ эта страна и теперь.

Въ преодолѣніи этихъ трудностей и вообще въ изученіи западно-русской жизни должна бы помочь Малороссія Бѣлоруссія. Но, къ сожалѣнію, бессиліе Бѣлоруссіи выразилось и въ ея литературныхъ дѣлахъ. Въ ней долгое время ничего не являлось¹⁾. Только случайно или инстинктивно взялись за разработку древнихъ памятниковъ древней западно-русской литературы. Путь этотъ оказывается самымъ счастливымъ. Имъ можно дойти до самаго вѣрнаго пониманія западно-русской жизни... До сихъ поръ плохо уяснены древнія русско-славянскія начала жизни и тѣ особенности, какія выработаны восточною и западною половинами русскаго народа, когда онъ были въ разъединеніи. Оттого русскій человѣкъ часто ставить

¹⁾ Считаемъ не лишнимъ привести замѣчаніе г. Елагина, котораго статьи, напечатанные съ границъ бѣлорусскихъ въ „Днѣ“ 1861 года, особенно статья о Польши и Литвѣ въ № 8, могутъ быть мѣриломъ, какъ ушла назадъ наша печать въ послѣднее время по части пониманія польско-русского вопроса, — замѣчаніе о томъ, какъ въ литературныхъ центрахъ въ Москвѣ не понимали необходимости изученій западно-русской исторіи. „Правда, — говоритъ г. Елагинъ, — наконецъ все образованное общество наше открыло, что Литва — Русь по уже тогда, кажется (навѣрно), когда тамъ пѣлъ не бѣлорусскій Шевченко, а Минкевичъ“. — Прибавимъ, что первый высказавшій мысль, что въ старину было двѣ Руси, и что Литва — Русь, былъ Сенковскій.

въ западной Россіи, какъ основное начало русской жизни ^{то}, что есть не болѣе какъ восточно-русская особенность позднѣйшаго происхожденія. Наконецъ чаше всего просто забывается, что одинъ и тотъ же народъ, но раздѣлившійся на двѣ половины и прожившій долго въ этомъ раздѣленіи, не можетъ не выработать различій, которыя должны быть встрѣчаемы синхронительно, и жить себѣ, пока имъ судить жить исторія. Какъ много зла происходит отъ непониманія этихъ простыхъ вещей, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Недавно въ западную Россію въ одну мѣстность пріѣхалъ на должность мирового посредника одинъ русскій, какъ видно — очень ревностный. Его вездѣ поражала неполнота русского элемента въ западной Россіи. Однажды онъ проѣзжаетъ близъ церкви и видитъ подлѣ нея большіе, въ нѣсколько сажень, кресты. Это — латинское заимствованіе, но такое, которое требуетъ въ отношеніи къ себѣ большой деликатности, потому что очень близко къ православнымъ обычаямъ. Но усердный русскій не такъ смотрѣтъ на дѣло. Онъ собралъ народъ и сказалъ: руби кресты... Такой невѣрный взглядъ на вещи часто сказывается и въ наукѣ и мѣшаеть изслѣдовывать западно-русскую жизнь въ цѣльномъ ея видѣ. Цѣльного, живого представленія западно-русской жизни естественно ожидать отъ мѣстной западно-русской литературы...

Г. Којловичъ говорить преимущественно о наукѣ, но его начала сами собою обобщаются и на литературу вообще, съ поэзіей и беллетристикой, и на политику, изъ которой онъ привелъ одинъ, но зато весьма характерный фактъ изъ исторіи сраженія обрусителей сть крестами въ Западномъ краѣ въ 1864 году ¹⁾). Имѣя въ виду преимущественно историческую литературу, г. Којловичъ и изъпольско-литовской литературы говорить только о трудахъ ученыхъ изслѣдователей страны, которые выходили изъ идей самостоятельного слитія (но самостоятельного) литовско-русской народности съ польскою. Но на массу образованнаго общества имѣла еще боль-

¹⁾ См. объ этомъ новомѣстномъ сраженіи въ „Днѣ“ 1864 г., № 49. Любопытно, что многіе изъ крестовъ, не понравившихся чистителямъ русской народности въ Западномъ краѣ, были поставлены крестьянами въ память 19 февраля 1861 г. „День“ вообще помышдалъ не мало белорусскихъ жалобъ на наѣхавшихъ чистителей русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ. См. оссоб. 1864 г., № 29.

шее вліяніе литература художественная, которая возникла въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и западной Українѣ подъ вліяніемъ такого же порядка идей. Мы разумѣемъ Мицкевича съ послѣдовавшею за нимъ литовской школой до Сырокомли включительно и школу украинскую, — Мальчевскаго, Б. Залѣскаго, Гощинскаго, Словацкаго, Чайковскаго, Падуру и критика ея М. Грабовскаго. Наиболѣе характерное изъ произведеній этой школы — поэма «Каневскій Замокъ» Северина Гощинскаго (одинъ изъ зачинщиковъ восстания 1830 года), въ которой передаются въ оригиналлй версіи события гайдамачины. Объ этой поэмѣ вотъ что говоритъ одинъ историкъ польской литературы: «Каневскій замокъ» — не только замѣчательное художественное произведение, но и знаменательный фактъ изъ истории польского общества. Съ такимъ безпристрастiemъ и безучастиемъ можно относиться лишь къ *безвозратно прошедшему, къ окончательно умершему*. Поэма служить доказательствомъ того, что составъ общества измѣнился, что противоположности слились и перемѣшились, что «демоны разрушения и соціальной войны возвратились въ адъ», что шляхетство и гайдамачество присмирѣли въ царствѣ тѣней, въ одной общей могилѣ, а на могилѣ этой играетъ поэтъ на мѣдныхъ струнахъ своей лиры, предсказывая лучшее, болѣе гуманное будущее». Противъ такого отношенія къ украинскимъ преданіямъ, къ борьбѣ украинского народа съ польской аристократіей ничего нельзя бы было возразить, если бы только лира поэта не брянчала на могилѣ... крѣпостного состоянія, въ которой погребены были стремленія народа, если бы поэту не представлялось, что слились не противоположности обѣихъ сторонъ, а сгладились только характеристическая черты одной стороны, народной, русской, которая теперь должна была подчиниться шляхетской и польской сторонѣ. А при такой постановкѣ вопроса втягивание въ польскую литературу и культуру (то же дѣжалось не только съ преданіями и пѣснями украинскими и бѣлорусскими, но и съ музыкой¹⁾), съ самыми языками) традицій и элементовъ народности племенъ

¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что мы и до сихъ поръ не имѣемъ для малорусской и бѣлорусской народной музыки ничего похожаго на ту обработку, какую далъ Глинка великорусской, между тѣмъ какъ половина оперы Монюшки построена на украинскихъ мотивахъ.

западно-русскихъ, эксплуатациі въ польскомъ духѣ такихъ естественныхъ и прочныхъ въ человѣческомъ сердцѣ инстинктовъ, какъ любовь къ своему краю, къ его природѣ, жителямъ, ихъ пѣснѣ, рѣчи, все это представляло страшную опасность для русскаго дѣла въ западной Руси. Рѣшилась дѣйствительно польская аристократія «сгладить соціальныя противоположности», т.-е. уничтожить крѣпостное право надъ народомъ, традиціи котораго она хотѣла втянуть въ себя, и тогда, быть-можетъ, русской культурѣ и государству пришлось бы сказать «прости!» Западному краю. «Къ сожалѣнію или къ счастію, любезный читатель», — говоря словами Жуковскаго, — аристократіи нигдѣ не хотятъ довести любовь къ пейзанамъ и идеаллі, ни романтическій интересъ къ выходящимъ изъ народа «гайдамакамъ» до отреченія отъ такихъ правъ, которыя мѣшаютъ осуществленію идеаллій, до мирнаго исполненія тѣхъ программъ, которыя грубо и часто полусознательно создавали себѣ «гайдамаки». А это только и спасло народность Западнаго края отъ превращенія въ мѣстную разновидность польской, какъ это слѣдовало по этнографической и исторической теоріи школы литовско- и украинско-польской.

Но какъ ни опасно стояло дѣло русско-украинской и литовско-польской народности, именно вслѣдствіе возникновенія въ польской наукѣ и искусствѣ литовской и польской школы, — отъ дѣйствія Виленскаго университета, Кременецкаго лицея и т. п. польскихъ учебныхъ заведеній, мы нѣсколько разногласимъ съ г. Коаловичемъ, который видитъ только мрачную сторону, — сторону опасности для русской народности во вліяніи этихъ учебныхъ заведеній и порожденныхъ ими направленій. Мы не ждемъ отъ исторіи скачковъ и нарушений естественного хода и въ то же время думаемъ, что если известное дѣло, какъ, напр., дѣло возрожденія русскаго народа въ Западномъ краѣ, согласно съ естественными законами исторіи и правды, оно непремѣнно съ каждымъ шагомъ исторіи культуры будетъ подвигаться впередъ даже тогда, когда бы кто-либо, не сознавающій этихъ законовъ, вздумалъ бы тянуть это дѣло назадъ. Мы нѣсколько не сочтемъ удивительнымъ, что Нарбутъ сталъ писать исторію Литвы, а не исторію государства Россійскаго, что Мицкевичъ написалъ «Дяды», а не Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ, а Гощинскій «Каневскій замокъ», а не «Юрія Милославскаго» и

«Парашу Сибиричку». Но мы полагаемъ, что обращеніе польскихъ поэтовъ и историковъ отъ Польши къ Литвѣ, Руси, Українѣ было уже началомъ «литовскаго и украинскаго сепаратизма»— отъ Польши; обращеніе, хотя и аристократическое еще, къ «хлоцу» и его «пѣснѣ» было началомъ того движенія, которое уже и теперь сказывается по временамъ даже послѣ раздраженія событиями 1863 г. и тогдашняго положенія, принятаго народными массами противъ пановъ,— сказывается, особенно среди добродушныхъ пановъ Бѣлоруссии и Литвы вопросомъ: да какіе мы поляки? что намъ Польша? Еще одинъ шагъ въ этомъ направлениі, — шагъ научный, художественный, политический, — и аристократія Западнаго края, разъ отвернувшая лицо свое отъ Варшавы къ родной Литвѣ, Бѣлоруссіи, Подолі, Волыни, Українѣ, должна разорвать послѣднюю связь съ языками и традиціями этой Варшавы. Шагъ трудный, — мы и не ждемъ его скоро, — но и къ нему уже начали замѣтиться приготовленія, хотя очень маденькия, въ томъ, напр.: уже давно Ходаковскій собралъ чисто народныя украинскія пѣсни, а Жегота Паули и Вацловъ съ Омека и напечатали ихъ, несмотря на то, что въ пѣсняхъ этихъ народъ относится къ полякамъ вовсе не съ пріязнью, что Падура стала писать стихи уже по-украински; въ томъ, что среди польской молодежи передъ 1863 годомъ появился надѣлавший страшнаго шума и возбудивший яростъ шляхетской печати кружокъ хлопомановъ, правда переведшійся на двухъ-трехъ человѣкъ. А все это сводится къ тому, что отчайваться за народное русское дѣло въ Западномъ краѣ и надѣяться на спасеніе его только военнымъ положеніемъ и полицейской опекой нечего, если даже въ томъ, что представляло для наасъ опасность, было зерно оборота въ нашу пользу. За наасъ въ этомъ краѣ природа, земля и воздухъ, за наасъ народный характеръ, который сохранила эта природа среди потрясеній, которымъ подобная едва ли испытала на себѣ другой народъ въ Европѣ,— потрясеній отъ половцевъ, татарь, турокъ, поляковъ, венгровъ и собственныхъ ошибокъ и неразвитости, наперекоръ которымъ народъ, едва ли имѣя и 25 лѣтъ спокойныхъ, то и дѣло бѣгая отъ Карпатъ до Дона и обратно, сохранилъ языкъ, нравы, стремленія отъ Мономаха до Хмельницкаго, отъ Хмельницкаго до Гонты, отъ Гонты до сихъ поръ.

Довѣримся же естественному ходу исторіи, дѣлая посредствомъ виѣшнихъ мѣропріятій то, что только и можно дѣлать ими успѣшно: пресѣченіе революціонныхъ попытокъ и разсѣченіе узловъ соціальныхъ; а затѣмъ, для окончательного обрушенія края призовемъ на помощь свободу слова, науку, искусство, и дѣло русской народности не только не пропадеть, но пойдетъ успѣшище. Не будемъ малодушно бояться, что всѣмъ этимъ воспользуются поляки. Пусть только дадутъ и они волю своей естественной любви къ своему краю, они сдѣлаютъ еще нѣсколько шаговъ къ сближенію съ ними и съ народомъ, поднимется и сдѣлаетъ нѣсколько и народъ Западнаго края и центровъ Россіи; изъ всѣхъ этихъ направлений силъ естественныхъ выйдетъ свободно та діагональ силъ, которая выразить собою не мѣстную и узкую, но дѣйствительно общую русскую народность, которой мы въ правѣ ожидать съ тѣхъ поръ, какъ «Московское государство» превратилось силою исторіи въ «Россійскую имперію», принять въ себя Бѣлую и Малую Русь и Литву съ сидящимъ въ нихъ и довольно естественно развивающимъ полонизмомъ. Тогда, быть можетъ, и бывшіе поляки въ Западномъ краѣ послужатъ не орудіемъ сепаратизма, а звеномъ соединенія между Россіей и настоящей Польшей и родственнымъ съ нею католическимъ западнымъ славянствомъ. Широка перспектива и гордо бѣстце сердце, смотря на нее еще пока «яко зерцаломъ въ гаданії!». Не будемъ же помрачать этой гордости, этого гаданія маловѣріемъ и прибѣганіемъ къ ненужнымъ и вреднымъ препрекамъ и опаскѣ!

Впрочемъ, это — дѣло будущаго. Вернемся къ прошедшему, на которомъ мы и основываемъ наши гаданія о будущемъ. Мы сказали, что при всемъ томъ, что литовское и украинское направление въ польской литературѣ, наукѣ и искусствѣ заключало въ себѣ начало поворота культурныхъ слоевъ Западнаго края отъ Польши къ родинѣ и къ народу все-таки русскому, въ этомъ поворотѣ была и страшная опасность воспринятія и, слѣдовательно, поглощенія польской культурой элементовъ народности русского населенія въ Западномъ краѣ. Опасность эта не могла быть устранена ничѣмъ другимъ, какъ обработкой и пробужденіемъ мѣстныхъ же народныхъ элементовъ и традицій, но въ болѣе близкомъ къ народу духѣ, слѣдовательно, и въ болѣе русскомъ. Должно было возник-

нуть русское украинофильство, русское белорусофильство, *русская хлопоманія*. И — новое доказательство, что за насть сама история работает, на зло нашему невниманию и непониманию — она явилась именно тогда, когда край Западный был забыт русскимъ обществомъ, въ центрахъ, притянувшихъ къ себѣ всю русскую культурную и общественную жизнь, — явилась, не только не помогаемая центрами и правительствомъ, но скорѣе преслѣдуемая ими. Вслѣдъ за открытиемъ Харьковскаго университета, именно тогда, когда дѣятельность Мальчевскаго, Залѣсскаго, Гощинскаго, Мицкевича была въполномъ цвѣту, возникло на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Харьковѣ, Полтавѣ, Черниговѣ то направление, которое потомъ называно было украинофильскимъ и которое поляки называли «хлопоманіей», усмотрѣть въ немъ болѣе соціальное, чѣмъ національное значение (что, въ свою очередь, показываетъ, что и польскія стремленія въ Западномъ краѣ имѣютъ тоже болѣе соціальное, чѣмъ національное значение, а потому на соціальной аренѣ должны быть и парализованы). Тамъ сдѣланы были попытки воспроизведенія жизни народа, живущаго по обѣ стороны Днѣпра на языкѣ этого народа, а не на томъ, на которому воспроизводили ее Мальчевскій, Залѣсскій и др., тамъ изданы были (гг. Цертелевымъ, Лукашевичемъ) памятники народной украинской и галицкой словесности, которые представляли народную исторію Украины не въ той формѣ, въ какой представляли ее писатели польской украинской школы. Вмѣстѣ съ переходомъ гг. Максимовича, Костомарова, Метлинскаго, Кулиша на правый берегъ Днѣпра, въ Киевъ, это этнографоисторическое и литературное направление перешло и туда. Результатомъ изысканий названныхъ лицъ на новой аренѣ было собраніе новыхъ этнографическихъ и историческихъ данныхъ, которые представляли исторію отношеній украинскаго народа совершенію наперекоръ идеямъ польско-украинской школы поэзовъ и ученыхъ. Въ одной изъ статей своихъ въ старомъ «Русскомъ Вѣстнике» г. Кулишъ разсказываетъ свои отношенія къ одному изъ ученѣйшихъ украинскихъ поляковъ, гр. Свѣдзинскому. Польский этнографъ и археологъ съ интересомъ собирая факты и памятники изъ прошлой исторіи края, съ любопытствомъ слушалъ разсказы молодого украинского этнографа и интересовался его наблюденіями (введенными потомъ въ его записки о южной Руси, въ которыхъ

особенно важны въ общественно-национальномъ отношении думы, пѣсни и разсказы о временахъ Хмельницкаго и гайдамачества), самъ передавалъ ему, что нашелъ въ актахъ и что, очевидно, шло противъ польскихъ теорій. Какъ добросовѣтный ученый, онъ не могъ утаивать фактовъ, но не хотѣлъ примирииться съ выводомъ, который дѣлали изъ нихъ украинцы, именно, что край ихъ принадлежитъ имъ, а не полякамъ. «Вы—холопы!» (*Chłopy jesce*) съ запальчивостью говорилъ графъ. Что до другого влиятельного представителя польско-украинской науки и литературы, М. Грабовскаго,— впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія при Веленопольскомъ,— то и онъ интересовался украинскими розысканіями, но и онъ не хотѣлъ признать ихъ выводовъ. Впослѣдствіи онъ вступилъ въ полемику съ г. Кулишемъ на страницахъ «Записокъ о южной Руси» (1855 г.) о значеніи гайдамацкой войны съ поляками. Это былъ первый ученый споръ украинца съ полякомъ о народности Юго-Западнаго края и о значеніи народной исторіи его. М. Грабовскій и въ своей замѣткѣ въ «Запискахъ» и потомъ въ статьѣ «О Литвѣ и западныхъ губерніяхъ» въ «Днѣ» за 1861 годъ, №№ 15 и 16, высказывался, что не только гайдамачина, но и возстаніе Хмельницкаго есть «явный разбой и ничего больше» (une évidente jasquerie).

Къ киевскимъ украинофиламъ изъ Петербурга отозвался Шевченко—единственный русскій поэтъ, рожденный въ Юго-Западномъ краѣ, давшемъ такъ много даровитыхъ дѣятелей польской литературы. Думы, пѣсни и анекдоты, изданные гг. Максимовичемъ, Метлинскимъ, Кулишемъ и Костомаровыми, монографіи послѣдняго, пѣсни Шевченка, показали, что въ прошломъ Украины были не одни только «демоны разрушенія», и въ то же время, что «демоны соціальной вражды далеко не ушли въ адъ». Послѣ Шевченка стали рѣшительной невозможностью идиллическія или байроническія отношенія къ украинской жизни и прошлому a la Мальчевскій или Гощинскій. Онъ, можно сказать, убилъ польско-украинскую школу, которая нѣсколько позже потерпѣла довольно рѣзкое осужденіе въ критикѣ г. Кулиша, помѣщенной въ «Основѣ». Когда польской публикѣ стала известенъ Шевченко, въ критикѣ и публицистикѣ польской произошло большое замѣшательство. «Газета Народова» въ 1862 году замѣтила (въ статьѣ *Ukraina, Wolyn i Podol*), что было бы смѣшино и пред-

ставить, чтобы образованному миру «вмѣсто Мицкевича пѣть Шевченко!» Г. Совинскій въ «Biblioteka Warzawska» (1862 г., № 1) называлъ поэзію Шевченка поэзіей «племенной ненависти», иронизировалъ, что она произошла оттого, что помѣщикъ когда-то наказалъ Шевченка въ дѣствѣ за то, что онъ чуть не сѣжъ дома и т. п.; «Тарасову Ночь» называлъ «канibalской эпопеей»; въ «Гайдамакахъ» видѣлъ опѣтизированіе «ножа, головни, смѣси водки съ кровью» и т. д. Другой польскій журналъ «Dziennik Literacki» (1862, № 83) помѣстилъ «Путевы замѣтки» одного поляка, єздившаго по Українѣ. Путешественникъ передаетъ, что на правомъ берегу Днѣпра народъ, на вопросъ, какъ далеко простирается Польша, отвѣчаетъ: до Киева. Авторъ по этому поводу разсуждаетъ, что сочиненія Шевченка не выражаютъ духа украинскаго народа, что у Шевченка всюду сквозитъ завистливый духъ, который поселился въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ лакейчи-комъ у московскаго шляхтича-нѣмца, а потому у П. Флѣрковскаго. Между тѣмъ этотъ, замѣтивъ въ немъ способности, отдалъ его въ науку въ Петербургъ и оставилъ его тамъ, какъ свободнаго человѣка, для дальнѣйшаго образования» (это писалось въ то время, когда уже была извѣстна автобіографія Шевченка, напечатанная въ 1860 г. въ «Народномъ Чтениіи»). Иногда польская печать пускалась на чисто-дѣтскія выдумки: такъ, въ одномъ варшавскомъ изданіи, уже послѣ смерти Шевченка, было напечатано, что Шевченко былъ уніять, а въ одномъ галицкомъ (тоже по смерти Шевченка), что украинскій поэтъ поселился у какого-то графа Дзялинскаго, который по великодушію окказалъ приютъ поэту, заявившему себя такъ непочтительно къ бывшимъ господамъ своего народа, что Шевченко проникнулся чувствомъ признательности за такое великодушіе и, въ порывѣ благодарности, «все, что написалъ противъ поляковъ, вымаралъ и передѣлывалъ» («Основа», 1861 г., № 4, стр. 55). Не очень давно «Dziennik Poznansky» (въ 1866 г.) заявилъ тоже, что Шевченко въ послѣдніе годы раскаялся въ своихъ писаніяхъ и заботился о примиреніи съ собою поляковъ, — нелѣпость, которую повторили тотчасъ же «Московскія Вѣдомости». Но долго играть на такія темы, какъ г. Совинскій, а особенно лгать, какъ галицкія и познанскія газеты, нельзѧ. Правда и поэтическій талантъ всегда берутъ свое. Въ недавнее время (въ 1865 г.) въ Львовѣ вышла кни-

жечка «Тарасъ Шевченко, жизнь и сочиненія его», написанная по-польски, хотя врядъ ли природнымъ полякомъ, барономъ Гвидо Батталіа (Taras Szewczenko, zycie i pisma jego. Napisal Gwido baron Battaglia. Lwów. 1865). Въ этой книжкѣ довольно толково сведены свѣдѣнія о жизни Шевченка, разобраны въ хронологическомъ порядкѣ, въ связи съ жизнью поэта, его произведенія и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ изображена борьба украинцевъ съ поляками, описаны совершенно беспристрастно: «то не была племенная ненависть,— говорить г. Батталіа о сюжетѣ «Тарасовой Ночи», — то была оборона вѣры и вольности». Брошюра г. Батталіа возбудила вниманіе къ украинскому народному поэту и за предѣлами славянской публики: какой-то Георгъ Обристъ издалъ въ прошломъ году, по-немецки, очеркъ жизни Шевченка съ введеніемъ объ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ, изъ коихъ многія переведены давно уже Фр. Боденштедтъ, переводчикомъ Лермонтова и Пушкина (Die poetische Ukraine. Stuttgart. 1845), и съ приложеніемъ перевода отрывковъ изъ Шевченка. (Taras Grigoriewicz Szewczenko, ein kleintrussischer Dichter, v. Georg Obrist. Czernowitz. 1870). Брошюра и переводъ Обриста не чужды промаховъ, изъ коихъ во многіе впала авторъ, слѣдя польскимъ поэтамъ, изображавшимъ гайдамачину, особенно Чайковскому (Садыкъ-Паша), но въ общемъ значеніе Шевченка и отношенія малороссійцъ къ полякамъ понятъ вѣро, да и различія между великокорсіянами и малороссами не преувеличены, какъ это часто теперь дѣлается въ западно-европейской печати, желающей, назло Россіи, указать на раздвоеніе самаго русскаго племени. Для того, чтобы закончить полезное вліяніе произведеній Шевченка въ спорѣ между русскими и поляками за обладаніе Западнымъ краемъ, слѣдовало бы ждать появленія перевода ихъ въ болѣе полномъ видѣ на какомъ-нибудь европейскомъ языке, особенно на французскомъ, чтобы парализовать вліяніе переводовъ, напр., Словацкаго и Чайковскаго, дающихъ европейской публикѣ совершенно ложное представление украинской народной жизни въ прошломъ и настоящемъ.

То, что произвель Шевченко поэтическими произведеніями, продолжали учеными трудами и публицистическими статьями гг. Костомаровъ и Кулишъ. Благодаря плодовитости и таланту г. Костомарова, благодаря многосторонности его трудовъ, его

называют иногда главою украинофиловъ и часто укоряютъ въ особенной злобѣ къ Московскому государству и къ великоруссамъ и въ сепаратическихъ украинскихъ идеяхъ. Даже въ нѣмецкой статьѣ о работахъ въ Россіи по исторіи, помѣщенной нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Historische Zeitschrift», г. Костомаровъ названъ «ревностнымъ приверженцемъ черть украинского казачества и особеннымъ врагомъ Московскаго государства, которое подчинило себѣ это казачество». Намъ кажется, что г. Костомарова отнюдь нельзя назвать украинофиломъ, а скорѣе всего «украинскимъ славянофиломъ» какъ есть «московскіе славянофили». Начавъ, между прочимъ, очень хорошими украинскими стихами и недурными драмами, и притомъ стихами не исключительно о сюжетахъ простонародныхъ и специально украинскихъ, г. Костомаровъ оставилъ этотъ родъ литературы и его языкъ, которымъ могъ бы легко оказывать вліяніе на развитіе специальной украинской литературы. Обладая несомнѣннымъ талантомъ бытописателя, г. Костомаровъ могъ бы легко составлять даже монографіи по южно-русской исторіи на малорусскомъ языке, — что опять могло бы сильно подвинуть малорусскую литературу. Но его идеи и талантъ, очевидно, потянули его на болѣе широкую арену, и онъ обратился къ тому языку, которымъ могъ вліять на весь русскій міръ. Оставаясь исключительно въ сферѣ украинской исторіи, г. Костомаровъ вышелъ бы болѣе даровитымъ и современнымъ Бантышемъ-Каменскимъ, а вышедши съ украинскими и древне-кіевскими идеалами на разработку исторіи Россіи вообще, г. Костомаровъ получилъ обширное вліяніе на все русское общественное развитіе, поскольку оно связано съ изученіемъ родной исторіи; и если бы даже не все выводы и идеи г. Костомарова остались окончательно привѣтными наукой, то произведеніе имъ движеніе въ ученоемъ мірѣ и обществѣ останется далеко не скоропреходящимъ и не безплоднымъ. Г. Костомарова, по вліянію на представленія о русской исторіи, можно сравнить до нѣкоторой степени съ Гоголемъ. Какъ Гоголь, лирикъ и добродушный насмѣшникъ, пока стоитъ на украинской почвѣ, — становится рѣзкимъ юмористомъ и обличителемъ, когда переходитъ на специальную великокорусскую или общерусскую (созданный государствомъ міръ помѣщиковъ и чиновниковъ) почву, — такъ и г. Костомаровъ рѣзокъ въ обличеніи темныхъ сторонъ Московскаго

скаго государства и въ разрушениі его миевъ, лъстящихъ народному и племенному самомнѣнію. Онъ не замыкается въ специально - малорусскую исторію и ея идеалы, онъ хочетъ постичь смыслъ и значеніе взаимодѣйствія двухъ русскихъ народностей, онъ, какъ и московские славянофилы, хочетъ выработать народную точку зренія на всю русскую исторію; но между тѣмъ, какъ тѣ ищутъ славянорусскихъ идеаловъ въ древней московской Руси, г. Костомаровъ идетъ еще дальше въ древность, въ Русь до-татарскую, кіевско - новгородскую. И такъ какъ эта Русь жила общеевропейскою жизнью, то въ немъ и нѣть той вражды къ Западу, той противоположности съ западничествомъ, которая свойственна славянофиламъ московскимъ. А такъ какъ идеалы г. Костомарова не столько украинские (казацкие), сколько кіево - новгородские, такъ какъ онъ въ своей, вызвавшей столько перуновъ и обвиненій, статьѣ «Дѣяния русской народности» доказывалъ именно органическую необходимость для обоихъ русскихъ племенъ союза и взаимодѣйствія и призналъ великое всеславянское значеніе государственныхъ способностей великорусского племени, то его скрѣпѣ можно причесть къ историкамъ наиболѣе чуждымъ областного патріотизма, наиболѣе обще - русскимъ (хотя все-таки, конечно, не чуждымъ и специальныхъ малороссийскихъ симпатій) — потому что, при всѣхъ толкахъ о землѣ русской, у московскихъ славянофиловъ все-таки замѣтна областная, великорусская подкладка, — откуда ихъ ненависть и къ Петербургу, первому общерусскому городу, столицѣ государства, принявшаго въ себя обѣ Руси, восточную и западную. Что касается украинской словесности специальнѣ, то г. Костомаровъ высказался какъ за настоятельное дѣло за составленіе и изданіе книгъ для элементарнаго образования народа, что, конечно, не то, что самостоятельная и всесторонняя украинская словесность. Характеристично, что даже самого Шевченка г. Костомаровъ въ замѣчательной статьѣ «Воспоминанія о двухъ мальярахъ» («Основа», 1862 года, № 4), считаетъ вовсе не исключительно украинскимъ поэтомъ, а общерусскимъ, поэтомъ стремленія русского народа къ волѣ, правдѣ и науки, который если писать по - украински и связывать свои думы съ украинскими традиціями, — словомъ, возникъ на украинской почвѣ, то потому, что здѣсь народъ жилъ болѣе свободной жизнью и здѣсь осталось болѣе памяти о старой свободѣ. Этотъ выходъ

г. Костомарова изъ специального украинофильства къ украинскому, или, лучше, киевскому славянофильству (исторія того Кирилло-Меодіївського братства, которое было поводомъ къ высылкѣ г. Костомарова и др., къ сожалѣнію, до сихъ поръ не разъяснена) явленіе очень характерное: оно показываетъ слабость специального украинофильства и въ то же время культурное значение южно-русского славянофильства, которое должно расти по мѣрѣ изученія древней русской исторіи въ связи съ изученіемъ русской народности, параллельно съ исторіей западныхъ славянъ, съ которыми юго-западная Русь всегда находилась въ ближайшихъ отношеніяхъ, къ народности которыхъ, по быту и языку, южно-русский народъ такъ явно близокъ.

Что касается до политического значенія трудовъ г. Костомарова по отношению къ полякамъ, то и оно находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что историкъ борьбы украинского народа съ поляками—не только южно-русскій патріотъ, но и южно-русскій славянофиль. Какъ таковой, онъ вовсе не врагъ поляковъ на ихъ землѣ, не врагъ католицизма въ принципѣ, не врагъ даже культуры, которая заходила въ XVI и XVII вѣкахъ на югъ Россіи чрезъ Польшу и здѣсь принимала русскій характеръ. Онъ врагъ только шляхетскихъ насилий надъ человѣкомъ и народностью. Казачество онъ цѣнитъ потому, что видѣть въ немъ стремленіе къ равноправію и свободѣ. Какъ только это казачество само начинаетъ переходить въ шляхту, историкъ вмѣстѣ съ народомъ лишаетъ его симпатій и не соблазняется стремленіемъ къ политической свободѣ и самоуправлѣнію, которое оно выказало въ гадяцкихъ станицахъ. Таковы идеи, сквозящія изъ монографій объ Унії, казачествѣ XVI и XVII вѣковъ, Б. Хмельницкому, Виговскому. Польскимъ критикамъ должно было быть досадно, что со стороны политическихъ идей прицѣпиться къ этимъ монографіямъ было не къ чему, а потому они стали доказывать, что историкъ извращаетъ факты. Другими своими монографіями (Дѣяния народности, Черты народной южно-русской исторіи) г. Костомаровъ возстановлялъ непрерывность историческихъ и политическихъ традицій между Украиной казацкой и Русью Владимира Мономаха, тогда какъ по польской исторической теоріи, южная Русь XVI и XVII вѣковъ, это—нѣчто особое, новое, образовавшееся подъ польскимъ вліяніемъ; самое каза-

чество — частію польськое насажденіе для обороны границъ, частію бѣглыи польскіе хлопы, вообще «лайдаки», взбунтовавшіеся противъ законной власти. Въ довершениіе г. Костомаровъ (гетманъ Иванъ Свирговскій) указываетъ, что эти «лайдаки» представляли национальную русскую политику, несогласную съ польскою и во вѣнчаныхъ отношеніяхъ. По польскимъ теоріямъ набѣги казаковъ на Турцію происходили только изъ-за желанія пограбить, — по г. Костомарову же, казаки украинскіе въ XVI вѣкѣ проявили стремленіе въ союзъ съ христіанами турецкими, особенно румунами, низвергнуть силу турокъ, что не было понято недальнovidною и робкою польской политикою. Такимъ образомъ «лайдаки» XVI и XVII вв. на свой страхъ начинали ту русскую историческую миссію, за которую взялась Русская имперія послѣ присоединенія Малороссіи, съ XVIII в.; такъ въ отношеніи национальному и соціальному «лайдакъ» Б. Хмельницкій провозгласилъ программу, которая не выполнена и до сихъ поръ, а именно — «выбить изъ неволи и соединить весь русскій народъ до Львова».

Польская критика не могла стерпѣть безъ яростныхъ возраженій появленія монографій г. Костомарова. Споръ начался съ самаго появленія Б. Хмельницкаго полемикой, которую велъ г. Падалица въ «Виленскомъ Курьерѣ», а г. Костомаровъ въ «Современникѣ» за 1860 г. (декабрь), а потомъ въ «Основѣ» въ 1861 и 1862 гг. Г. Костомаровъ перешелъ изъ оборонительного въ наступательное положеніе статьей «Отвѣтъ на выходки газеты (краковской) «Czas» и журнала «Revue Contemporaine» и явился противникомъ польскихъ историко-этнографическихъ теорій и защитникомъ единства русскаго племени. Польская газета и французскій журналъ высказали положенія изъ начинавшей тогда циркулировать по Европѣ (сначала по-французски, а теперь, какъ мы видѣли по примѣру Бѣкка, и по-нѣмецки, хотя нѣмцы вообще болѣе свѣдущи по части исторіи и этнографіи чужихъ народовъ, чѣмъ французы) теоріи Духинскаго. Такъ какъ этотъ послѣдній подписывается на своихъ книгахъ «Духинскій изъ Киева», то отвѣтъ именно украинскаго историка имѣть значение какъ бы приговора эксперта. Статья г. Костомарова имѣть весьма характерный эпиграфъ, взятый изъ словъ Хмельницкаго: «На що вы, ляхи, принесли намъ ці цицьки? Маєте собі свою

Польшу, а намъ наша Украина останется!» «Часъ» заявилъ, что «русскіе не знаютъ, что такое Русь. Русь не есть Россія, а Польша; Россія — страна не славянская, а русскіе сами не знаютъ, что они такое». Г. Костомаровъ въ отвѣтъ на эти слова приводить свѣдѣнія о языкѣ, исторіи и колонизаціи, которыя должны доказать, что «великоруссы — не финны, а славяне». Далѣе г. Костомаровъ опровергаетъ слѣдующее положеніе «Часа»: «Исторія означила, что нужно для народонаселенія между Одеромъ, Двиною и Днѣпромъ. Народонаселеніе это, соединенное равенствомъ правъ, не нарушающимъ никакой сущности (?), и свободою, которая есть душа упияхетненія, могла бы создать прекрасное и ядреное тѣло, которое бы отодвинуло Россію къ XVI в.». Загѣмъ историкъ обращается къ статьѣ Paul de Saint Vincent (можетъ быть, Викентій Поль, галицко-польскій писатель, котораго тоже надо причислить къ польско-украинской школѣ) «La Poésie Oukrainienne». Польско-французскій авторъ выходитъ тоже изъ положенія, что украинцы и поляки — одинъ народъ. «Нашествие варяговъ, а потомъ татарь, — говорить онъ, — разорвало ихъ между собою, но въ XIV вѣкѣ совершилось соединеніе безъ борьбы, безъ потрясений, безъ войнъ. Между тѣмъ еще въ концѣ XII в. одна вѣтвь княжескаго варяжскаго рода, властвовавшаго надъ Русью до присоединенія ея къ Польшѣ, основала на востокѣ монархію, известную подъ именемъ Московіи. Москвитяне народъ уральскаго, а не славянскаго племени, а потому совершенно отличны отъ русскихъ (малороссовъ) и по происхожденію, и по нравамъ, и по обычаямъ, и по преданіямъ и, наконецъ, по религії, вопреки тѣмъ, которые хотятъ ложно доказать ихъ религіозное единство. Русскій народъ въ Украинѣ и въ южной Руси вообще всегда стремился къ уніи съ католицизмомъ и всегда признавалъ главенство папы. Напротивъ, москвитяне, какъ народъ азіатскій, упорно отвергали всякое примиреніе съ Римомъ. Московскіе государи насильственно и несправедливо присвоили своему народу название русскаго. Это сдѣлала Екатерина II. Она побудила ученыхъ принять свои выдумки насчетъ происхожденія москвитянъ; такимъ образомъ москвитяне стали называться русскими». Показавъ ложь подобного рода мыслей, г. Костомаровъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «Пусть отстанутъ поляки отъ ребяческихъ замашекъ забрасывать международную вражду, въ надеждѣ разложить

наше русское отечество... Не разложилось оно политически въ междуусобицъ земель и князей, не разложилось оно духовно подъ татарскимъ, литовскимъ и польскимъ владычествомъ, не разложится оно и отъ выстрѣловъ ультрамонтанскихъ газетъ и журналовъ, задаваемыхъ намъ изъ-за такихъ плохихъ гуляй-городинъ. Исторія, очевидно, ведеть къ сближенію, съ сознательному сродству и соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ, а никакъ не къ разложенію. Кто противъ исторіи — противъ того исторія. Противъ такого рожна трудно прати».

Полемика, которую вели г. Костомаровъ и другіе писатели его направленія съ поляками, отзывалась въ Юго-Западномъ краѣ, преимущественно на молодежи украинскаго происхожденія и, хотя въ ограниченной степени, польскаго. Въ это-то время и образовалось у поляковъ выраженіе «хлопоманія» для характеристики того движенія, которое стремилось къ возбужденію народнаго самосознанія въ населеніи Юго-Западнаго края, которое доказывало, что характеръ края опредѣляется не национальностью пановъ и землевладѣльцевъ, а крестьянъ, хлоповъ. Уже въ 1860 году въ одномъ изъ немногочисленныхъ №№ газеты «Slowo» (въ Петербургѣ) Іос. Огризко сказалъ нѣсколько обличительныхъ словъ противъ «хлопоманіи». Въ 1862 году въ «Tygodnik Poznanski» (№ 36) было помѣщено письмо изъ Киева, дѣлающее обзоръ малорусской литературы, подписанное г. Андреемъ Яновичемъ. Г. Яновичъ говорить, что въ малорусскомъ литературномъ движеніи принимаютъ участіе преимущественно уроженцы лѣваго берега Украины. «Но правобочная Украина, — говорить корреспондентъ, — не береть участія въ немъ, потому что образованные люди никакъ не могутъ участвовать въ тенденціяхъ, кружящихъ по лѣвобережной Украинѣ. Къ тому же многихъ пугаетъ, если не всѣхъ читателей, гражданка (кулишевка), которую печатаютъ малорусскія сочиненія, не допуская вовсе латинской азбуки, или хоть бы и гражданки, но измѣненной подставкой латинскихъ письменъ (!?). Русско-малороссійскій журналъ «Основа» отличается пристрастіемъ и стремится, главнымъ образомъ, сдѣлать шляхту ненавистью народу, возбуждаетъ реакцію важнѣшихъ нашихъ писателей, побуждаетъ читающее общество тяжко призадумываться надъ исторической правдой и полемикой и производить вліяніе на выработку или перемѣну утвержденій въ нѣкоторыхъ единичныхъ лицахъ, которая увле-

кается противоестественнымъ течениемъ». Движеніе это пошло заперекоръ стремлению пановъ провести, посредствомъ тайныхъ и явныхъ школокъ при панскихъ дворахъ и костелахъ, посредствомъ букварей и молитвенниковъ, то польскихъ, то белорусскихъ и малорусскихъ, но польскимъ шрифтомъ, привести и въ народъ сознаніе, что онъ принадлежитъ къ польской народности. Противъ этихъ букварей особенно стала напечатанная г. Кулишемъ украинская «Граматка» кирилловскими шрифтомъ и съ отрывками изъ народныхъ историческихъ пѣсенъ.

Быть или не быть, этотъ вопросъ уже не въ формѣ ученаго трактата, а въ формѣ политической, поставленъ былъ въ «Основѣ» передъ польской шляхтой Западнаго края въ статтяхъ гг. Антоновича и Кулиша. Г. Антоновичъ отвѣчалъ на нѣсколько полемическихъ статей г. Падалицы, воевавшаго въ то время въ «Библіотекѣ Варшавской» и «Виленскомъ Курьерѣ» съ г. Костомаровымя, съ Киевскою Археографическою Комиссіей и г. Антоновичемъ. Послѣдняго г. Падалица называлъ «перевертнемъ». «Да, г. Падалица, — отвѣчалъ г. Антоновичъ, — вы правы! Я дѣйствительно «перевертень»; но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово «отступникъ» не имѣть само по себѣ смысла, что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человѣкъ отступилъ и къ какому именно присталъ, иначе слово это лишено смысла, это — пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паническихъ и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и национальныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался. Но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, и взрѣсль его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе чарacterично безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительного взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ Южно-Русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда-то покин-

чутой ихъ предками, и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силы, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за кровь и потъ платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности, — или же, если для этого не хватить нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того, чтобы не прибавлять собою еще одной тунеядной личности, для того, наконецъ, чтобы избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что, впрочемъ, все равно) пытаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенній, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ. Конечно, я рѣшился на первое, потому что, сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, изъ устья котораго я слышала не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное дружественное слово (хоть я бытъ и паничъ), не одну трагическую повѣсть о истѣвшей въ скорби и бесплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбила больше шляхетскихъ своихъ привычекъ и мечтаний. Вамъ хорошо известно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія: вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ национальныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ, того, что южно-русское, а не польское; вы были вѣдь свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили вначалѣ смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань и, наконецъ, ложные доносы и намеки о болѣвщиковъ. Послѣ этого оставалось, конечно, или отречься отъ своей совѣсти или оставить ваше общество: я выбрали второе и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда-нибудь

что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я готовъ все раздѣлить съ ними. Надѣюсь также, что со временемъ среди польского шляхетскаго общества, живущаго на Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу раныше или позже станетъ нравственной потребностью не только отдѣльныхъ лицъ, какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ обсудить свое положеніе и свои обязанности и не предпочтеть мечты насущному, вызванныму собственнюю совѣтъю, дѣлу. Итакъ, г. Падалица, вы правы! Я — переверстень и я горжусь этимъ, такъ точно, какъ я бы гордился въ Америкѣ, если бы сталаabolиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италии, если бы, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугой общеноароднаго дѣла» («Основа», 1862 г., № 1, 94—95).

Дѣло не ограничилось одною постановкою общихъ вопросъ. Въ «Основѣ» стали появляться корреспонденціи, обнаруживавшія то затѣи въ родѣ затѣи ополочить народъ посредствомъ польскихъ азбукъ и польскихъ книгъ для чтенія, то указывавшія на злоупотребленія помѣщиковъ при введеніи крестьянской реформы. И если бъ не общій тогда страхъ допускать въ печати фактическій разборъ того, какъ на дѣлѣ вводилось Положеніе 19 февраля, то раскрытие такихъ злоупотребленій было бы еще энергичнѣе. Какъ слабы оказались поляки въ виду движения, котораго органомъ была «Основа», доказываетъ то, что они обратились за поддержкою къ (русской же) администраціи, прося у нея защиты отъ замышляемой хлопотаніи, коліївщины, соціальной революціи, «такъ легкой на родинѣ Хмельницкаго, величайшаго изъ революционеровъ». Такъ, еще въ 1858 году, по жалобѣ польскихъ помѣщиковъ, въ кіевскомъ генераль-губернаторствѣ была запрещена «Граматка» Куллина; такъ, въ 1861 году помѣщики дѣлали представленія о срытіи могилы Шевченка, около которой организовывалась будто бы пропаганда коліївщины («Юго-Зап. Край», стр. 197). Лицо съ такимъ вліяніемъ, какъ М. Грабовскій, писалъ въ 1862 году въ «Днѣ» (1862, №№ 15, 16), что «доводы, приводимые русскими и малорусскими историками противъ нашего польского прошлаго, слово въ слово тѣ же самые, къ которымъ прибѣгаютъ соціалисты, коммунисты и т. п., когда нападаютъ на прошлое и настоящее Европы...», что люди, которые говорять противъ национальной

жизни между сословиями Западного края, «радикалы и нивеллеры, которые не останавливаются передъ мыслью изгнать или перерѣзать высшее сословіе». «Волиенія на Українѣ», — говорить М. Грабовскій, — которымъ присвоили название война Хмельницкаго, были, въ сущности, не что иное, какъ бунты крестьянъ, повторявшиеся въ разное время почти во всѣхъ странахъ. Ничто не отличаетъ ихъ, напримѣръ, отъ бунта Пугачева, разъ только то, что послѣдній былъ энергически подавленъ генералами Екатерины II, а первые почти что одержали успѣхъ надъ польскимъ правительствомъ, вслѣдствіе содѣйствія не слишкомъ совѣтливыхъ союзей татаръ и московцевъ (Moscovites). Понятно, что современная Малороссія, которая именно этимъ событиямъ обязана своей нѣкотораго рода самостоятельностью, придастъ имъ громкое название войны за независимость. По крайней мѣрѣ она этимъ тѣшитъ свое самолюбие. Но странно, что подобное мѣстное самообольщеніе перешло и на другихъ. *Правительству слѣдовало бы понять опасность, ему угрожающую.* Мы не безъ основанія смущаемся, когда писатели, съ весьма двусмысленною цѣлью стараются оправдать и выставить героями виновниковъ грабежей и убийствъ, опустошившихъ наши провинціи; точно такъ же, какъ и само правительство, вѣроятно, не осталось бы равнодушно, если бы между сибирскими и татарскими (?) племенами стали прославлять Пугачева»...¹⁾.

Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» уже упомянутый г. Падалица (въ 1862 году, № 82), разсказавъ о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя сдѣлали помѣщики Западного края, и о непомѣрности требованій крестьянъ, у коихъ проявляются коммунистическіе идеи, говорилъ слѣдующее: «Помѣщики сдѣлали значительныя уступки, они отдали почти половину (!) имущества, и до сихъ поръ многие изъ нихъ продолжаютъ свои пожертвованія, а многие пришли даже въ упадокъ безъ надежды поправиться когда-нибудь. Почему же отыскиваются такие люди, которые все это считаютъ ничѣмъ и подбиваются крестьянъ къ мстительности и къ домогательствамъ, превосходящимъ вся-

¹⁾ Такія же мысли докладывались и европейской публикѣ въ изданныхъ Влад. Мицкевичемъ запискѣ Украинца-польска (La Pologne et ses provinces m ridionales, manuscrit d'un ukrainien), — при чѣмъ авторъ прямо спрашивалъ, какъ можетъ терпѣть [руssкое] правительство злонамѣренную хлопоманскую украинскую партию?

кую справедливость? Мы не одобляемъ въ особенности тѣхъ средства и путей, которые избираются пропагандой. Если ужъ противодѣйствовать, то надоѣно противодѣйствовать открыто и благородно (!). Мы обращаемъ въ особенности къ киевской молодежи и тѣмъ исключительнымъ личностямъ, которыхъ такъ далеко запали въ своихъ убѣжденіяхъ, что мы не можемъ измѣрить пропасти, раздѣляющей насть съ ними. Напоминаемъ имъ, чтобы они не вели съ нами скрытой борьбы. Она не принесет никому чести, въ особенности она недостойна молодого сердца. Долгъ каждого примирять, сближать и соединять». Въ заграничныхъ польскихъ газетахъ страшилище хлопоманіи представлялось еще съ новыми вариаціями. Такъ, въ 1862 году «Gazeta Narodowa» жаловалась, что возмутители крестьянъ, такъ называемы хлопоманы, во главѣ которыхъ стоять Антоновичъ и Фаддей Рыльский, на глазахъ правительства подучаютъ народъ къ рѣз尼. «Tygodnik Poznański» (1862 г., № 3) уже передъ самыми началомъ польского восстания въ Юго-Западномъ краѣ помѣщалъ изъ него корреспонденцію съ слѣдующими строками: «Въ Киевскомъ университѣтѣ возникла партія русская, такъ называемые хлопоманы, по наущенію извѣстныхъ пособниковъ русской идеи Иванишева, Костомарова, Галагана, Аксакова и т. п. Изъ недръ этой партіи, во имя любви къ народу, братскаго равенства и т. п. хорошихъ вещей произошли миссіи по краю, будто бы для обороны народа отъ кривды, могущей послѣдовать отъ шляхты въ пору рѣшенія крестьянскаго вопроса. Правительство смотрѣло на то сквозь прозрачную завѣсу и терпѣло по краю безумныхъ эмиссаровъ и даже скрыто помогало имъ. Оно имѣло для этой цѣли Антоновичъ, Рыльскихъ и т. п. сумасшедшихъ, очарованныхъ московской кликой, которые совсѣмъ отреклись отъ любви къ Польшѣ, чтобъ осуществить составленную ими малорусскую утопію. Веселльная пропаганда по надѣ берегомъ Днѣпра въ традиціонной области казачества, похорона Шевченка, устроенная для него могила, путешествія къ своей Меккѣ малорусского народа, введенія хлопоманами, — все это дѣлаетъ на народъ сильное впечатлѣніе».

Нѣкоторые изъ поляковъ дѣлали попытку вступленія въ союзъ съ такъ напугавшей ихъ хлопоманіей. Такъ, самъ г. Падалица говорить: «Мы идемъ къ вамъ съ крестомъ свя-

тымъ, подаемъ вамъ руку на вѣчный миръ». Г. Кулишъ было прислано письмо, по поводу помѣщенныхъ имъ въ «Основѣ» стихотвореній. Корреспондентъ повторяетъ жалобы, что «Основа» расшевеливаетъ старыя раны, отворачивается отъ союза съ поляками, между тѣмъ какъ уже и народъ примыкается съ польской шляхтой, которая имѣть право на землю, гдѣ живеть, по своимъ заслугамъ, по своей исторіи и образованію, — потому что она въ 30-мъ году биласъ «за вашу и нашу вольность». Г. Кулишъ отвѣчалъ на это письмо въ «Основѣ» (1862, II), говоря, что поляки не могутъ относиться искренно къ украинскому народу потому, что полякамъ нужны помощники, а украинцамъ не съ чего помогать тѣмъ, чьи интересы прямо противоположны ихъ интересамъ. «Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ», говоритъ г. Кулишъ. «Мы вѣдь не гонимъ, пока вы насть не стѣсняете, но желаемъ дѣйствовать у себя дома по собственному усмотрѣнію, т.-е. для себя, для блага своей земли, а не для поддержки перефразированной вами по проекту 3 мая 1791 года по несуществующей системѣ. А такъ какъ вы безпрестанно проповѣдуете невозможную для насть съ вами єднosc i równosc, то мы, любя свою націю столько же, сколько и вы свою, напоминаемъ ей, чѣмъ были для насть ваши предки, что насть разрознило и чего насть ожидать отъ осуществленія вашихъ политическихъ и соціальныхъ плановъ. Мы, однимъ словомъ, не признаемъ вашихъ тенденцій полезными для нашего народа и, для противодѣйствія вамъ, соединяемъ его въ могучее тѣло единствою преданій, чувствъ и убѣждений. Если вы цѣните благородство нашихъ побужденій, зная все это, то вѣдь ничего не остается дѣлать, какъ предоставить насть самимъ себѣ и полагаться только на свои собственные внутренніе ресурсы, какъ мы полагаемся на свои». Доказательство же, что польская шляхта не перемѣнилась съ XVII вѣка въ тенденціяхъ, украинскій публикіст видѣтъ въ тѣхъ мѣрахъ, къ которымъ приѣхали киевскіе помѣщики для подавленія первой «граматки» на украинскомъ языкѣ, на противодѣйствія распространенію стихотвореній Шевченка и другихъ книгъ для украинскаго народа, на «жидовскую возню, по поводу погребенія тѣла нашего поэта надъ роднымъ Днѣпромъ» и, наконецъ, на презрѣніе самого автора письма къ тѣмъ нѣсколькимъ, которые отреклись отъ родовыхъ польскихъ тенденцій и ко-

торые, по словамъ корреспондента, «замкнули себѣ общество шляхты, и хлопами не стали».

Послѣ такихъ отвѣтствъ тѣмъ паче не оставалось другого орудія противъ хлопоманіи и украинофильства, какъ то, которое употребили кіевскіе помѣщики противъ «граматки». Это орудіе, — доносы администраціи, — оказалось дѣйствительнѣе, особенно съ тѣхъ порь, какъ органъ другого тоже не русскаго еще элемента въ Западномъ краѣ, евреевъ, «Сіонъ», въ свою очередь убоявшійся коливщины, пустилъ въ ходъ тогда, благодаря американской гражданской войнѣ, модное слово «сепаратизмъ», которое подхватилъ «Русскій Вѣстникъ», приналожившій сторону «Сіона» въ спорѣ его съ «Основой» изъ-за отвопеній евреевъ къ русскому населенію въ Западномъ краѣ. «Московскія Вѣдомости» прибавили скоро къ польскому обвиненію украинофильства въ стремлѣніи къ соціальнай революціи и къ еврейскому въ сепаратизмѣ еще обвиненіе въ союзѣ съ поляками, — съ какими и выступили противъ предпріятія г. Костомарова издать для народа украинскаго Священное Писаніе и книги для элементарнаго образованія на родномъ его нарѣчіи. «День», — который вообще вѣрилъ другихъ понимать практическое значеніе украинской литературы, — не ожидалъ возможности ея широкаго развитія до отдѣленія отъ русской, но видя пользу въ мѣстной южно-русской литературѣ для «домашнаго обихода», взялся было защищать г. Костомарова и представляемое имъ движеніе, но потерпѣлъ отъ «Моск. Вѣдомостей» укоръ въ томъ, что «у него двоится въ глазахъ». Хотя «День» (1863 года, № 29) и доказывалъ, что двоится собственно въ глазахъ и мысляхъ самихъ редакторовъ «Соврем. Лѣтописи», «Московскихъ Вѣдомостей», тѣмъ не менѣе предпріятіе г. Костомарова было остановлено административнымъ порядкомъ. Во время польскаго возстанія въ Юго-Западномъ графѣ въ 1863 г. народъ украинскій такъ недвусмысленно заявилъ свое нежеланіе итти на какой-либо союзъ съ польской шляхтой, что побудило правительство прекратить обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и учредить поѣзду уставныхъ грамотъ, для чего была учреждена комиссія подъ предсѣдательствомъ г. Галагана. Какъ можно судить изъ неполныхъ, впрочемъ, разоблаченій «Дня» и «Кievлянина», польской партии удалось убѣдить тогдашняго генераль-губернатора Анненкова, а этотъ старался передать и

выше убѣжденіе въ томъ, что истинную опасность революціонную представляютъ не поляки, которыхъ въ краѣ горѣть, а украинофилы, которые дѣйствуютъ на народъ, такъ быстро поднявшіяся при первомъ случаѣ, съ намѣреніемъ повторить событія XVII и XVIII вѣковъ, и что поэтому мѣры въ родѣ повѣрки грамоты, особенно комиссіей, во главѣ которой стоятъ ими, встрѣчающеся и въ лѣтописяхъ малороссійскаго казачества, весьма опасны для государства. «День» (1863 г., № 37) говорилъ: «Мы положительно знаемъ, что полякамъ удалось возбудить въ кievской администраціи совершенно неосновательной страхъ «украинофильства». Нѣкоторые изъ кievскихъ администраторовъ съ важностью говорили, что «украинофильскій» вопросъ важнѣе польскаго, и ихъ опасенія нашли себѣ отголосокъ даже и въ русской литературѣ. Поляки этому очень рады и подсмѣиваются теперь надъ малороссами, подразниваютъ ихъ и стараются имъ внушить, что *Москвѣ* всегда будетъ врагомъ свободнаго развитія ихъ мѣстныхъ и племенныхъ особенностей, любовь къ которымъ, какъ извѣстно, доходитъ у малороссовъ до самоутверженія и восторженности». Кстати же случилась какая-то глупость въ Полтавской губерніи да галицкія газеты «Слово» и «Мета», ссылаясь на статьи русскихъ газетъ, громившихъ украинофильство, и на раздражительныя корреспонденціи слишкомъ уже «восторженныхъ малороссовъ», стали печатать статьи противъ «несытыхъ московскихъ централістовъ». Маневръ удался, хотя къ счастію, не до конца, касательно крестьянскаго дѣла по крайней мѣрѣ¹⁾. Хотя комиссія г. Галагана была найдена

1) Есть, между прочимъ, что писалъ г. Чижовъ въ „Днѣ“ за 1864 годъ № 12: „Однѣ изъ крестьянскімъ вопросомъ и мировыми учрежденіями, какъ самыемъ дѣйствительнымъ и сильнымъ оружіемъ въ области гражданской, польская шляхта нашла себѣ едва ли не сильнѣшее оружіе праѣстинное и умѣніи напугать мѣстныхъ распорядителей украинофильствомъ и сепаратизмомъ. Главнѣйшою цѣлью ихъ было то, чтобы во чѣмъ бы то ни стало навлечь подозрѣніе на всѣхъ малороссійскій, искренно и горячо любящихъ свою родину и нерадучно стъ этой любовью, по дѣдовскимъ преданіямъ, штающихъ ненависть къ всегдашнимъ врагамъ си и утѣшителямъ — лжакамъ. Задумавши кто-нибудь о любви къ Малороссии, о прекрасной Украинѣ, на первый разъ онъ тотчасъ же отмѣчается украинофиломъ и потомъ, мало-по-малу, его жалуютъ въ холюманы, т.-е. окрашиваются въ самый красный цветъ Юго-Западнаго края. При помощи галицкаго журнала „Мета“ и при безсознательномъ содѣйствіи нѣкоторыхъ нашихъ газетъ, этотъ маневръ имъ удалъ

лишней (что подало поводъ писать въ «Газетѣ Народовой», что правительство напало на украинскій заговоръ, — что «въ Полтавѣ открыть складъ оружія, Потоцкій (?) разстрѣлянъ, Пашенко (?) посаженъ въ киевскую крѣпость, а Галаганъ отставленъ отъ киевскаго центральнаго сельскаго комитета» («Слово», 1864 г., № 73), но сущность дѣла ея возложена была на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, подъ наблюденіемъ генерал-губернатора, — новаго (ген. Бензака). Часть русской печати, «День» и потомъ «С.-Пб. Вѣдомости» энергически поддержали дѣятельность новой администраціи по крестьянскому дѣлу въ Юго-Западномъ краѣ. Поляки перенесли свои жалобы въ петербургскую «Вѣсть», которая скоро заставила и «Московскія Вѣдомости» вступиться за крестьянское дѣло въ Западномъ краѣ, хотя онѣ первоначально защищали крупную собственность въ Россіи, доказывая, что крестьянское самоуправление въ Россіи не имѣть смысла (1863 г., № 188), перепечатывали изъ польской газеты «Polka» тезисы въ родѣ того, что «прежде мужикъ имѣть хоть иногда защиту въ хорошемъ помѣщикѣ, теперь же онъ брошенъ въ жертву администраціи (1863 г. № 177), доказывали пользу для крестьянъ вотчиной полиціи и розогъ, при-суждаемыхъ высшими классами (1864 г., № 101), а потому безмолвствовали въ то время, когда «День» велъ полемику съ польскими и русскими «охранителями» въ «Вѣсти», или полемизировали о всѣхъ перечисленныхъ мысляхъ съ г. Самариномъ и Аксаковымъ (см. «День» 1864 года № 35 и слѣд.). Недавно и сама редакція «Московскихъ Вѣдомостей» и ея корреспондентъ кн. Мещерскій заявили, обличая наново проявив-

шася нельзя лучше. Безъ такой удачи не пановать бы никакъ такъ долго мировымъ посредникамъ изъ поляковъ во всемъ юго-западномъ краѣ и не усиливъ бы никакъ до завладѣнія всѣмъ краемъ польской партіей въ Подольской губерніи*. Что до посѣдѣній, то любопытно, что когда тамошнее дворянство и въ томъ числѣ нѣсколько русскихъ подали адресъ о присоединеніи губерніи къ управляемой кн. Велепольскімъ Польшѣ, даже г. Аксаковъ спрашивалъ злорадно г. Костомарова, извѣстно ли ему, что подольские дворяне (въ письмѣ къ г-ну Аксакову) мотивировали свой поступокъ „любовью къ малорусскому народу“. Между тѣмъ, будучи преданы суду сената, нѣкоторые изъ подольскихъ предводителей дворянства на судѣ объявили, что они желали присоединенія къ Ц. Польскому, между прочимъ, потому, что тамошня администрація энергичнѣе оградила бы ихъ отъ гайдамацкихъ замысловъ хлопотаний.

шайся «консерватизмъ» польской партіи, что и въ прошломъ этой партіи преловко удалось направить гоненія отъ себя на призракъ украинскаго «сепаратизма». Другими словами, — редакція призналась сама, что и она попала въ число «тонкоруннѣйшихъ овецъ Панургова стада», вздумавъ обвинять въ союзѣ съ поляками тѣхъ самыхъ лицъ, которые вступили въ споръ съ послѣдними о Юго-Западной Руси и защищали права тамошняго народа на землю, когда редакція «Русскаго Вѣстника» рассказывала о выгодахъ для Россіи англійскаго безземельного освобожденія крестьянъ да переписывалась нѣжными письмами на польскомъ языкѣ съ г. Киркоромъ, который тогда доказывалъ, что Бѣлоруссія заселена какою-то славянокравскою нацією, — разновидностью поляковъ, — и что образование въ ней надо вести на польскомъ языкѣ, какъ на мѣстномъ народномъ, когда даже несравненно болѣе чуткій къ интересамъ народности и народа въ Россіи г. Аксаковъ печаталъ въ своемъ «Парусѣ» письмо «изъ Польши», подъ которымъ было подписано «Житомиръ» («Парусъ», 1859, II). Въ довершеніе юмора судьбы надѣ пониманиемъ хода явлений русской жизни года полтора назадъ въ «Revue des deux Mondes» явилась статья о Галиції, гдѣ повторяются опять всѣ нелѣпости статьи «Paul de St. Vincent» о туранствѣ великоруссовъ и о тожествѣ поляковъ съ малороссами, и ссылаются въ подтвержденіе на тѣ преслѣдованія, какія терпѣли украинофили отъ генераль-губернатора Анненкова, который-де устранилъ отъ каѳедры въ Киевѣ г. Костомарова... Такое бываетъ только съ русскими дѣлами!

V.

Обратимся къ разсмотрѣнію народной реакціи полонизму въ краѣ Сѣверо-Западномъ. Край тотъ заселенъ племенемъ литовскімъ и бѣлорусскимъ. Что до Литвы въ собственномъ смыслѣ, жмудиновъ и т. п., обѣ ней, во-первыхъ, всѣ мы имѣемъ весьма смутное понятіе. Поляки доказывали, что литовскій народъ совершенно уже подчинился польской цивилизаци. Какъ видно изъ примѣра Мицкевича (Конрадъ Валенродъ, разныя лирическія стихотворенія, баллады и пр.), поляки и здѣсь даже стали присвоивать народныхъ преданія, патріотизмъ и любовь къ краю. Дѣйствительно, между поля-

ками и литовцами существует крѣпкая связь — религія, а литовскій народъ глубоко религіозенъ. Вслѣдствіе этого въ 1862—1863 году тамъ, где въ литовскомъ селѣ было священникъ-полякъ, тамъ и повстанцы находили большую поддержку въ народѣ. Между тѣмъ и въ литовскомъ народѣ показались уже зародыши народнаго сознанія,—сознанія, что литвины—не поляки и, мало того, что интересы литовскаго народа, какъ народа, противоположны интересамъ поляковъ, какъ шляхты.

Весьма характерно, что и здѣсь, какъ и въ оѣзжемъ краѣ, подобное сознаніе сопровождалось сознаніемъ и третьаго принципа, а именно, что союзъ съ Русскимъ государствомъ поможетъ литовскому народу, какъ народу и какъ народности, высвободиться отъ давленія польской шляхты и полонизма. Неясными намеками, но подобныя идеи высказались въ книжкѣ литовскихъ стихотвореній, представленной въ Вильнѣ государю во время его проѣзда въ 1858 году. Въ одной статьѣ своей въ 1863 году («Русскій Извѣстникъ» 1863 года, № 166. «Въ чёмъ искать разрѣшенія польскому вопросу?»), г. Гильфердингъ говоритъ: «Мы получили на дніяхъ письмо отъ одного природнаго литвины, католика по вѣроисповѣданію, но крѣпко любящаго свою литовскую народность. Онъ, между прочимъ, выставляетъ всю несообразность того явленія, что «Виленскій Вѣстникъ», официальный органъ Россіи въ Литвѣ, издается по-русски и по-польски. Если Россія считаетъ нужнымъ сообщать распоряженія правительства и другія извѣстія населенію Литвы не на одномъ только русскомъ языкѣ, такъ какъ онъ для многихъ туземцевъ непонятенъ, то справедливость требуетъ, по мнѣнію нашего корреспондента, чтобы въ официальномъ органѣ подлѣ русскаго языка былъ поставленъ литовскій, но не польскій, ибо, во-первыхъ, литовскій языкъ есть языкъ массы тамошняго населенія, за исключениемъ бѣлоруссовъ, для которыхъ польскій переводъ русской рѣчи, очевидно, не нуженъ; а во-вторыхъ, если кто въ Литвѣ не понимаетъ по-русски, такъ это именно литвины, а отнюдь не поляки, которые, какъ люди, принадлежащіе къ высшему сословію и получившиѣ большее или меньшее образованіе, все достаточно понимаютъ по-русски». (NB. Теперь, значитъ, съ тѣхъ поръ, какъ польскій языкъ исчезъ изъ «Виленскаго Вѣстника», положеніе дѣлъ не измѣнилось. Литвины остаются въ полномъ невѣдѣніи о русской государственной

жизни). Въ другой своей статьѣ («День»; 1864 г., № 8) г. Гильфердингъ приводить отрывокъ изъ другого письма литовца, писанного въ 1862 году, въ коемъ высказаны такія же національныя идеи. Русскимъ обществомъ ровно ничего не сдѣлано для поддержки такого движения. Послѣ возстанія 1863 года иные отнеслись очень неблагосклонно къ литвинамъ, именно какъ къ католикамъ. Весьма любопытно, что два года назадъ, на мѣстѣ, та партія, которая готова была повернуть въ пользу поляковъ ходъ крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ то же время, полагая, вѣрно, что это покажется очень «русскимъ», не безъ ревности занималась закрытиемъ католическихъ церквей въ чисто литовскомъ католическомъ округѣ, — что, конечно, не могло не оскорбить до глубины души религиозныхъ литвиновъ. Другіе, откопавъ въ лѣтописяхъ, что литовцы во времена Миндовгъ, Гедиминовъ и Витольдоў легко братались съ русскими и усвоивали православіе и русскую цивилизацію, рѣшили безъ дальнѣйшихъ колебаній, что литовцы тоже почти русскіе, забывая, что литовцы и въ прежнее время также легко подпадалипольскому вліянію и что, какъ бы тамъ это ни произошло, а теперь между литвинами и поляками образовалась связь религиозная, русское же вліяніе у литвиновъ вытѣснено.

Безпредосторожное размышленіе надъ такимъ положеніемъ дѣлъ въ Литвѣ и вообще въ Западномъ краѣ приводить къ необходимости принятія Русскимъ государствомъ и обществомъ той программы, которая сквозила въ книжечкѣ виленскихъ стихотвореній и въ письмахъ литовцевъ къ г. Гильфердингу, т.-е. къ помощи соціальному и національному возрожденію литовской народности. Первый шагъ къ тому — должно быть раздѣленіе въ литовскихъ округахъ католицизма отъ полонизма. Всѣ виды сколько-нибудь искусственной православной пропаганды вызовутъ только реакцію у литвиновъ; въ то же время мысль, что можно теперь же среди населения, которое ни слова не понимаетъ по-русски, замѣнить польскій католицизмъ русскимъ, не имѣть ни малѣйшаго реальнаго основанія; эта мысль можетъ возникнуть въ кабинетѣ теоретика, государственного централиста, и какъ всѣ такія мысли поражаются реальнымъ ходомъ исторіи со временемъ какого-нибудь Иосифа II, такъ будетъ и съ той мыслью. Для раздѣленія литовского католицизма отъ полонизма необходимо, конечно,

образованіе мѣстныхъ священниковъ изъ мѣстныхъ литовскихъ слоевъ населенія, а такъ какъ это населеніе въ массѣ крестьянскoe, то тѣмъ начь будеть достигнуто раздѣленіе интересовъ литовскаго католицизма отъ польскаго шляхетства. Трудно предполагать, чтобы легко могло пойти народное образованіе у литвиновъ по - русски; можно бы было, конечно, ввести для печатанія литовскихъ книгъ кирилловскій алфавитъ, можно и должно стараться, чтобы въ литовскихъ школахъ учились и по - русски, но исключительное обученіе на русскомъ языкѣ сильно затруднить ходъ образования народного и не достигнуть своей цѣли. Необходимо имѣть въ виду, что мы живемъ въ вѣкъ возрожденія народностей, что литовская народная литература уже существуетъ, хотя состоить преимущественно изъ религіозныхъ книгъ, и что, если бы мы даже выучили литвиновъ въ русскихъ школахъ читать по - русски, то это, въ массѣ, не повело бы дальше знанія русскаго алфавита и обыденныхъ фразъ, а потому литовская народная партія, — а она непремѣнно разрастется, — начнетъ предлагать народу книги литовскія, писанныя, напр., русскимъ алфавитомъ, если захотеть дѣйствовать практично. Въ то же время употребленіе латинскаго языка въ католическомъ богослуженіи приведеть къ тому, что хоть часть народа литовскаго будетъ знать и латинскій алфавитъ и будеть читать писанныя имъ литовскія книжки. И по естественному ходу вещей поляки и фанатическо - католическая партія, — не переставая пугать насы литовскимъ демократизмомъ и сепаратизмомъ, — непремѣнно начнутъ заготовлять для литовскаго народа книги, въ которыхъ будуть проводить идеи вражды къ «схизматицкой» и «всепоглощающей Москвѣ».

За подмогою этимъ идеямъ, распространяемымъ фанатическо - католической партіею, ни въ прошлой исторіи ни въ народныхъ преданіяхъ остановки не будетъ; а между тѣмъ мы могли бы, не горячасъ обѣ обруcenіи Литвы, а предоставить это дѣло ходу времени и культуры, и заботясь только о привлечениіи взоровъ литвиновъ къ своему краю, своей народности и укрѣпивъ въ нихъ мысль, что краю этому и народности полезна связь съ Россіей и русскимъ народомъ, — могли бы надѣяться, что и народный характеръ, и исторія, и преданія, а главное, интересы, повернутъ литовцевъ отъ Польши къ Руси. Иначе же придется намъ вести мелочную

и всегда неуспешную полицейскую и цензурную войну со всеми проявлениями литовского патриотизма, которая въ нашъ вѣкъ не замедлять расширяться.

Литовское национальное движение имѣть еще одну замѣчательную сторону, которой не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ упускать изъ виду. И воть, именно, эта сторона: на сѣверъ отъ литвиновъ Сѣверо-Западнаго края находятся латыши Остзейскаго, составляющіе вѣтвь того же самаго племени. Отношенія между ними можно сравнить съ отношеніями фландинцевъ и голландцевъ. У латышей встрѣчается большая забота добросовѣтныхъ протестантскихъ пасторовъ и немцы о народномъ образованіи и доступности народу слова Божія, а потому реакція немцевъ повела къ национальному самосознанію и къ довольно значительной для малаго племени и неблагопріятнаго его соціальнаго положенія литературной дѣятельности. Любопытно, что немцы то хвалятся тѣмъ, что они и начали литературное возрожденіе латышей (какъ и эстовъ), то издѣваются надъ нимъ и, главное, пугаютъ нашу администрацію пока еще демократизмомъ только «младолатышей» и «младо-эстовъ». Словомъ, тутъ та же вѣчная исторія, что и съпольской пляхтой и украинскимъ сепаратизмомъ. Но мѣръ укрѣпленія латышскаго национализма, тактика будеть выставляться еще рѣзче, при чёмъ, съ одной стороны, немцы будутъ усиливаться овладѣть къ своей выгодѣ латышскимъ движеніемъ и въ то же время пугать наше латышскимъ сепаратизмомъ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ по

9) Исторія съ г. Бесбардисомъ и т. п. преслѣдованія на „младо-латышскій демократизмъ“ извѣстны. Извѣстно, какъ жалуются рижскіе и другие остзейскіе корреспонденты немецкихъ изданій на то, что русскіе (то демократы, то администрація, то теперь образовавшееся въ головахъ ихъ чудице *altrussische sozialdemokratisch-jüngmoskowitische Partei*) направливаютъ на немцевъ латышей. А между тѣмъ бѣкты въ его замѣчательной книжѣ говоритьъ: „Нѣмецкій народъ, который безучастно смотрѣлъ на подавленіе поляковъ въ Литвѣ, видитъ теперь, какъ совершенно посѣдѣально распространяется обрусеніе на самый литовскій народъ и выѣтъ съ тѣмъ на живущихъ среди литвиновъ немцевъ. Будучи слишкомъ мало распространенъ во всей области литовскаго и латышскаго языка, чтобы считать эти земли нѣмецкими и желать соединеній ихъ съ Германіей, нѣмецкій народъ могъ бы однакожъ служить защитой тѣхъ народовъ, которые были долго ограждены нѣмецкой культурой изъ Курляндіи и Лифляндіи. Вѣкто того, чтобы попусту забыться и носиться съ литовскими именемъ „Пруссіи“, лучше бы немкамъ обратить взоры на еще способные къ жизни родственные народы (*Brudervölker*) этого племени и имѣю-

естественному ходу вещей латышское национальное движение будет расти и должно войти въ соприкосновение съ литовскимъ.

Во время послѣдней революціи бельгійской, извѣстно, что фланандцы отпадали оть Голландіи, какъ по религіозному различію, такъ и потому также, что голландское правительство хотѣло насильно дать преобладаніе голландскому нарѣчію надъ фланандскимъ. Но попавъ потомъ подъ давленіе французского элемента валлонцевъ, фланандцы постепенно стали тянуть къ голландскому элементу и теперь фланандское движение почти слило свой языкъ съ голландскимъ и усвоило голландское правописаніе. Можно ожидать подобнаго же сближенія латышского литературнаго движенія съ литовскимъ, что должно бы имѣть превыгоднаго послѣдствія во многихъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и для связи обоихъ племенъ съ Россіей. Во-первыхъ, оть сношеній съ протестантскими латышами ослабѣлъ бы католическій клерикализмъ литовцевъ, а во-вторыхъ, оть взаимнаго тяготѣнія латышей и литовцевъ ослаблено было бы пѣмѣцкое вліяніе на первыхъ, и польское — на вторыхъ. Надо сказать, что и самое административное дѣленіе губерній оть Вислы до Финскаго залива весьма неблагопріятно для русскихъ и мѣстнонародныхъ интересовъ. Для государства очень невыгодно, чтобы Рига казалась центромъ якобы пѣмѣцкихъ провинцій и была форпостомъ Кёнигсберга и Берлина, чтобы къ Варшавѣ притягивались литовская Августовская губернія и русский Холмско-Сѣдлецкій край, чтобы форпостъ этой Варшавы — Вильна притягивала бѣлорусскую провинцію. Поэтому административное раздѣленіе, которое бы отдѣлило русскія земли Царства Польскаго оть Варшавы и связало ихъ частію съ бѣлорусскими, частію съ юго-западными губерніями, чтобы литовскія земли Царства были, въ

оказать помощь пѣмѣцкаго народа оставляемому до сихъ поръ безъ вниманія стремленію младо-латышской партии къ сохраненію и развитию латышской народности, которая совершиенно равноправна съ славянскими" (*Der Deutschen Volkszahl*) и проч., стр. 64, 65). Любопытно, что г. Гильфердингъ упоминаетъ о ходившей въ 1863 г. идеѣ присоединенія Ковенской губерніи, зерна литовского края, къ Остзейскому краю, съ сохраненіемъ *statu quo* послѣдняго, т.е. пѣмѣцкаго языка, какъ офиціального, и остатейскихъ сельскихъ и поземельныхъ отношеній! — Нечего и говорить, что для Россіи и литовскаго племени не такое желательно соединеніе латышского края съ литовскимъ.

свою очередь, отдельены от него, и чтобы озтзейская губернія не составляли одного, совершенно искусственного цѣлаго, а чтобы югъ Лифляндіи и Курляндіи отдельены были къ литовскими губерніямъ—было бы полезно какъ для единобразія въ характерѣ административныхъ, судебныхъ и учебныхъ единицъ, такъ и для раздѣленія не русскихъ и въ то же время и народныхъ элементовъ¹⁾.

Но скажутъ, что такимъ образомъ выйдетъ на сцену «литовской сепаратизмъ». Мы думаемъ, что при духѣ, который теперь господствуетъ въ Европѣ, национальное движение среди латышей и литовцевъ, уже и теперь существующее, все равно будетъ расти, и для насть выгоднѣе помочь его организаціи самимъ или по крайней мѣрѣ держать относительно его благопріятствующій нейтралитетъ, чѣмъ дождаться, чтобы оно стало орудіемъ дѣйствительно сепаратистическихъ элементовъ, или раздражать это движение и тѣмъ только усиливать центробѣжную его сторону. Мы можемъ сослаться на слова г. Гильфердинга, который, какъ ученый, изучавшій внимательно народныя движенія, знаетъ ихъ силу и находить къ тому же, что интересы Россіи не только находятся въ противорѣчіи съ принципомъ народности, а, напротивъ, требуютъ безусловнаго его проведения. Вотъ что говорить онъ въ вышеупомянутой статьѣ: «Что касается Жмуди и Литвы въ собственномъ смыслѣ, какъ и латышей Витебской губерніи, то само собою разумѣется, что первоначальное обученіе должно быть произведено на ихъ языкахъ, вполнѣ самостоятельныхъ. Россія, уже признающа принципъ народности въ западно-русскихъ губерніяхъ, не можетъ не быть вѣрна ему и въ краѣ, обитаемомъ вѣтвями литовскаго племени. Если бы мы стали прежде на эту точку зрѣнія и не предоставили польскому меньшинству владычества надъ литовскою народностью, то, конечно,

1) Весь округъ литовско-латышскаго населенія въ Россіи имѣеть 3,650,000 жителей, изъ коихъ 70% (2,520,000) принадлежать къ литовско-латышскому племени (литовецъ до 1,700,000, латышъ до 830,000); въ округѣ этомъ, кроме главнаго племени, наименѣе менѣе 4% (140—145 т.), евреевъ около 9% (30 т., въ озтз. кр., 260 т. въ Литовскомъ), поляковъ отъ 8—9%, русскихъ 9—10%. Такимъ образомъ процентное число наименѣе во всемъ томъ краѣ слабѣ, чѣмъ въ одномъ Озтзейскомъ, число поляковъ и евреевъ слабѣе, чѣмъ въ одномъ Литовскомъ, а число русскихъ остается почти одинаково при соединеніи какъ и раздѣленіи.—Въ Пруссіи литовскаго племени по Нѣману 147,000.

не удалось бы ксендзамъ и шляхтѣ фанатизировать Литву и Жмудь за Польшу, отъ которой литовская народность такъ долго и такъ много страдала. Постараемся вывести эту убитую Польшей народность изъ омертвленія, постараемся открыть ей путь къ образованію на собственномъ языцѣ, къ развитію своего народнаго самосознанія — и мы исполнимъ одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей Россіи въ Западномъ краѣ... Объясняйте литвинамъ законы по-литовски, отстраните тѣ обетышильныя и со временеми крестьянской реформы уже ненужныя привилегіи, по которымъ шляхтичъ, т.-е. полякъ, стоять выше нешляхтича, т.-е. русскаго и литвина, старайтесь поставить ожидаемыя новыя судебнаго и земскаго учрежденія такъ, чтобы мѣстное русское и литовское населеніе имѣло въ нихъ голосъ, соответствующій его дѣйствительному значенію, — словомъ, *следуйте неуклонно, на каждомъ шагу, во всѣхъ подробностяхъ, принципу народности, не давайте ни въ чёмъ преимущества меньшинству надъ большинствомъ, чужому надъ туземнымъ, аристократическому надъ народнымъ:* этого требуетъ самая строгая справедливость, самое строгое беспристрастіе, и это разомъ положить конецъ неестественному господству польскихъ стихій въ краѣ, не принадлежащемъпольской народности¹⁾). Впрочемъ, смотря на будущее

¹⁾ Упомянутая г. Гильфердингомъ необходимость введенія въ западный край земскихъ учрежденій и судебнай реформы наводитъ на важный размышленій по отношенію къ литовскимъ округамъ. Что литовскіе крестьяне не понимаютъ по-русски, что даже въ школахъ могутъ они только весьма мало выучиться по-русски (да и то забудутъ, выйдя изъ школы) — это несомнѣнно. Что безъ народнаго языка не только словесный судъ, общинное управлѣніе и даже отчасти областное остается формальностью и чисто бюрократическою, — въ томъ соглашаются даже германізаторы, какъ Бѣкъ (*Volksprache* и т. д., стр. 394). Что же будетъ дѣлать нашъ мировой судья, не понимая ни слова по-литовски, въ краѣ, где судящіе и свидѣтели не понимаютъ по-русски? Что будутъ дѣлать гласные отъ литовскихъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ? Примѣтъ во вниманіе, что польско-шляхетскій элементъ въ Литвѣ и теперь понимаѣтъ и еще больше овладѣть русскимъ языкомъ, и тогда получимъ, что въ гласномъ судѣ и земствѣ этотъ элементъ явится представителемъ и руководителемъ безгласнаго литовскаго населенія. Будетъ ли это къ выгодѣ послѣднаго и Русскаго государства? А будетъ ли выгодно и для народа и для государства оставлять краѣ вѣчно при бюрократическихъ формахъ мѣстного хозяйства, суда и управлѣнія? Бѣкъ могъ бы помочь учрежденіе литовско-русскихъ гимназій, семинарій, преподаваніе литовскаго языка въ университетѣ, — С.-Петербургскомъ, напр., пока не откроютъ виленскаго (въ Германіи

подъ реальнымъ угломъ зрѣнія, т.-е. соображаясь съ настоящимъ и прошедшимъ, должно ожидать не только усиленія литовско-латышскаго національнаго движения, но и того, что намъ не удастся обойтись безъ недоразумѣній, ошибокъ, не обойдется дѣло и безъ интригъ и сплетенъ: пойдутъ въ ходъ жалобы и на сепаратизмъ и на централизмъ и т. п., но въ результатѣ, вѣроятно, все устроится благополучно (если, конечно, тому не помѣшаетъ международная катастрофа), и для литовцевъ и для насть, и для принципа единства государственного и для начала автономіи: интересы массъ населеній литовско-латышскаго края сильно тянутъ къ Русскому государству, русская культура слишкомъ богата, сравнительно съ зарождающейся литовско-латышской, притомъ же она стала уже и теперь наступать въ эти края. Словомъ, дѣстъ Богъ, перемелется, — мука будетъ, а до тѣхъ поръ, конечно, безъ путаницы дѣло не обойдется.

Во много разъ яснѣе проявилась реакція полонизму среди белорусскаго населения. И здѣсь реакція польскимъ тенденціямъ проявилась раньше, чѣмъ въ центрѣ государственной и культурной жизни, чѣмъ въ чисто столичныхъ кругахъ, и здѣсь реакція эта выступила сначала не подъ абстрактнымъ знаменемъ государственного патріотизма, а подъ знаменемъ мѣстнаго, племеннаго патріотизма, — тѣмъ она сильнѣе, значить, чѣмъ естественнѣе. Съ конца 1861 года г. Коюленичъ принялъ участіе въ спорѣ, который велся между кievской археографической комиссией, г. Костомаровыми и др. съ одной стороны, и г. Падалицей и др. — съ другой. Въ № 1

послѣ Шлейхера въ иѣкоторыхъ университетахъ преподаютъ литовскій языкъ, ради его филологическаго интереса). Было бы совершенно цѣлесообразно требовать отъ чиновниковъ мѣстнаго управлѣнія и суда доказательства знанія ими литовскаго языка, — только надо облегчить возможность его изученія. Замѣтимъ, что въ германизаторской Пруссіи, въ гимназіяхъ В. Пруссіи, Познаніи, части Силезіи преподается польскій языкъ, и чешскій (въ части Силезіи), въ Котбусѣ — лужицко-серскій. То же надо сказать еще болѣе о духовныхъ семинарияхъ. Начиная съ брюссельскаго международного конгресса 1853 г. изслѣдованіе народныхъ языковъ (*langue parlée, language spoken*) стало предметомъ общеевропейского вниманія. Любопытны будутъ разсужденія обѣ этомъ предметѣ на ближайшемъ собраніи статистиковъ, которое, какъ известно, будетъ въ Петербургѣ. О важности для насъ литовскаго языка и народности и о трудахъ для нея пѣмцевъ и даже поляковъ см. того же г. Гильфердинга въ „Літѣ“ 1864, № 8.

«Дня» за 1861 годъ (15 октября) явилась статья г. Кояловича «Литва», направленная противъ польскихъ стремлений отожествить Литву съ Польшей. Помѣщая статью эту, редакція московской газеты заявила, что открываетъ свои столбцы обѣмъ спорящимъ сторонамъ. Что до г. Кояловича, то вслѣдъ за этой статьею онъ напечаталъ множество статей и корреспонденцій въ «Днѣ», въ которыхъ, конечно, не выражая и тѣни сколько-нибудь сепаратистическихъ идей, въ то же время высказывая въ достаточно ясномъ видѣ свое бѣлорусофильство, которое видно и изъ приведенныхъ выше словъ его. Въ № 8 «Дня» за 1861 годъ появилась статья г. В. Елагина «О Литвѣ и Польшѣ», въ которой авторъ не безъ иѣкотораго (свойственного тогда «Дню», только - что обозавшему все русское развитіе съ Петра «ложью») тумана говорить объ отношеніи полонизма къ Россіи, доказывается, что полонизмъ есть общественно-культурная, а не государственная сила, что она усилилась въ Западномъ краѣ именно со времени присоединенія его къ Россіи, что, напр., въ присоединенной къ Московскому государству Смоленской области православные смольяне такъ начали ненавидѣть *русскихъ*, что до временъ Елизаветы «ни одинъ смоленскій дворянинъ не женился на *русской*». Г. Елагинъ совѣтовалъ «осторожно снимать кору, которая наросла и на литовцахъ, и на полякахъ, и на настѣ» (онъ писалъ съ границы бѣлорусской). Г. Елагинъ и редакція «Дня» просили общество подумать о помощи народу бѣлорусскому. Въ томъ же № помѣщена корреспонденція изъ Могилева о польскихъ манифестаціяхъ. Редакція, выразивъ удовольствіе при видѣ первой корреспонденціи изъ Бѣлоруссіи, просила присыпать побольше свѣдѣній о положеніи бѣлорусскаго народа, полагая, что и «великорусское общество не останется равнодушнымъ къ участіи забытыхъ и забитыхъ братій». Результатомъ запросовъ редакціи о спокойномъ обсужденіи вопроса о Литвѣ явилась, во-первыхъ, уже упомянутая статья М. Грабовскаго, а также два письма изъ Бѣлоруссіи, оба подписаныя «Бѣлоруссъ». Одинъ корреспондентъ, очевидно, мѣстный полякъ, выражался враждебно о Москвѣ, которая «въ *нашемъ странѣ* построила только крѣпости и остроги, въ *Бобруйскѣ*, *Кіевѣ* и др.». Другой именно задѣвалъ польско-бѣлорусскій патріотизмъ и, приводя слова крестьянъ о причинахъ неудовольствій поляковъ, доказывалъ,

что въ бѣлорусскомъ народѣ не можетъ быть тяготѣнія къ польскимъ интересамъ («День», 1862, № 20). Около этого же времени въ Кіевѣ стала выходить журналъ «Вѣстникъ Юго-Западной Россіи», перешедшій послѣ въ Вильну, подъ редакціей гг. Говорскаго и Эремича, бѣлорусскихъ уроженцевъ, которые помѣщали сначала статьи г. Кулиша «О борьбѣ украинскаго народа съ поляками» и защищали «хлопоманію» отъ польскихъ доносовъ и русскихъ подозрѣній («Что такое хлопоманы?» «В. Ю.-З. Р.», 1862, V), а послѣ напали не только на украинофиловъ, но и на малорусское нарѣчіе, видя въ немъ порчу русскаго языка польскимъ и ставя его по само-дѣятельности ниже бѣлорусского.

Такимъ образомъ «День» и «Вѣстникъ Западной Руси» стали органами, въ которыхъ находили себѣ выраженіе мнѣнія бѣлоруссофильскія, сводившіяся къ реакціи послѣдняго во имя бѣлорусского народа, къ поднятію этого послѣдняго и возбужденію въ немъ национального сознанія, съ помошью великорусского общества, и къ защитѣ бѣлорусскихъ особенностей отъ слишкомъ ревностной чистки наѣхавшими великорусскими дѣятелями уже послѣ усмиренія восстанія. Особенно замѣтны были статьи г. Кояловича и анонимныя бѣлорусскія письма, помѣщавшіяся въ «Днѣ» въ теченіе 1863 г. Наиболѣе характерная статья «Встрѣча народности въ Западной Руси съ русскою государственностью и великорусской народностью. По поводу народныхъ карауловъ въ Западной Россіи». Находясь въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ бѣлорусскими кружками въ Петербургѣ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ въ то время помышляли - было обѣ учрежденіи газеты на бѣлорусскомъ нарѣчіи, редакція «Дня» (№ 25, 1863 г.) говорила, что «необходимо, чтобы крестьянинъ понималъ государевъ указъ и внушенія русской власти вполнѣ отчетливо, безъ недоразумѣній, необходимо, чтобы почувствовалъ себя вполнѣ русскимъ, а для того онъ долженъ почувствовать себя прежде всего бѣлорусомъ: разомъ выгнать изъ него великорусского мужика невозможно, да и нѣтъ надобности. Мы полагаемъ, вслѣдствіе того, что было бы чрезвычайно полезно: преподавать первоначальныя познанія и смыслъ правительственныйыхъ распоряженій бѣлорусскому крестьянину на бѣлорусскомъ нарѣчіи, учить его читать и писать по-бѣлорусски, а потомъ непремѣнно и по-русски и по церковно-

Славински, что, послѣ бѣлорусской грамоты, ему дастся легко»...

Впрочемъ, всѣ эти бѣлорусофильскія затѣи кончились ничѣмъ или почти ничѣмъ. Газета не была осуществлена, и по-бѣлорусски только и было напечатано въ 1863 году, правда, управлениемъ виленского учебнаго округа, а не частными лицами, «Рассказы на простонародномъ нарѣчіи» да нѣсколько статей въ «Книгѣ для чтенія въ народныхъ училищахъ виленского учебнаго округа», да и то статьи эти были поставлены весьма не у мѣста. По смыслу словъ «Дня», вполнѣ согласныхъ съ мнѣніями нашихъ лучшихъ педагоговъ, гг. Водовозова, К. Ушинскаго, Бесселя, бар. Корфа, мѣстныя нарѣчія, бѣлорусское и малорусское, должны быть употребляемы при началѣ обучения (когда приходится въ одно время и учить читать и учить понимать), мѣстный элементъ вообще долженъ бы играть роль точки отправленія, затѣмъ долженъ быть слѣдоватъ языкъ и элементъ русско-государственный и, наконецъ, церковный, а въ виленской книгѣ для чтенія все было поставлено наизворотъ, и бѣлорусскія статьи были какой-то странной заплатой.

Всѣ дальнѣйшіе попытки и замыслы бѣлорусофиловъ на чѣто положительное въ употребленіи бѣлорусскаго нарѣчія въ педагогикѣ и литературу разбились о рѣзкія обличенія «Московскихъ Вѣдомостей», направленныя противъ «бѣлорусскаго сепаратизма», хотя далеко не такъ рѣзкія, какъ филиппики противъ «украинскаго сепаратизма», а особенно послѣдавшее вслѣдъ за статьями «Московскихъ Вѣдомостей» воспрещеніе печатать на западно-русскихъ нарѣчіяхъ статьи педагогического и духовнаго содержанія, съ чѣмъ вмѣстѣ провалилась и идея «Дня», и педагоговъ, какъ г. Водовозовъ и др., о составленіи читальниковъ для западно-русскаго населенія, которые бы представляли постепенное восхожденіе отъ мѣстнаго къ общѣ-русскому и соединеніе мѣстнаго съ общимъ, — идея несравненно болѣе практическая, чѣмъ исключительно малорусское образованіе народа, котораго требовали некоторые изъ украинофиловъ, и чѣмъ обученіе всѣхъ мѣстностей Россіи по однообразной книгѣ для чтенія, въ родѣ «Пчелы», или даже «Роднаго Слова» г. Ушинскаго или книги г. Водовозова, чего не одобрить ни одинъ педагогъ, и противъ чего подавали голосъ сами авторы этихъ книгъ, гг. Ушин-

скій и Водовозовъ. Окончательный ударъ практическому примененію ідей бѣлорусофиловъ къ народному образованію на-несло распоряженіе Св. Синода, воспрещавшее священникамъ прибѣгать въ проповѣдяхъ къ мѣстнымъ нарѣчіямъ и при-казъ заботиться объ очищеніи языка проповѣдей отъ всякихъ превинціализмовъ, какъ унижающихъ достоинство вѣроуче-нія. Мысль объ утилизированіи бѣлорусского нарѣчія въ ре-лигіозной жизни промелькнула - было во время споровъ объ обрусеніи католицизма въ Западномъ краѣ. «Русскій Вѣстникъ» помѣтилъ, два года назадъ, обстоятельную статью за под-писью «Бѣлорусъ» объ употребленіи русскаго языка въ костелахъ Западнаго края въ прежнія времена. Изъ статьи этой видно, что почти до нынѣшняго вѣка, начиная съ XVI вѣка, выходили въ Вильнѣ и др. городахъ книги проповѣдей, переводы Св. Писанія, сборники духовныхъ стихій на мѣст-номъ русскомъ (бѣлорусскомъ) языкѣ (то же для малорусскаго дѣжалось въ уніатскомъ Почаевѣ), но что поляки постепенно истребили или отодвинули эти книги и языки ихъ на задній планъ и замѣнили польскимъ. Дальнѣйшее употребленіеполь- скаго языка въ религіозной жизни и поэзіи западно-русскихъ католиковъ не желательно ни для какого русскаго, въ томъ числѣ и для г. «Бѣлорусса», но онъ оставляетъ безъ решенія вопросъ, считаетъ ли онъ полезнымъ и необходимымъ возвра-щеніе къ прежнему употребленію въ религіозной жизни бѣло- русскихъ католиковъ народнаго языка, хоть какъ переходной степени и въ проповѣди и духовныхъ стихахъ, или же ду-маеть обойтись безъ него и прямо перейти къ теперешнему государственно-литературному русскому языку. Впрочемъ, и самый вопросъ объ обрусеніи католицизма какъ-то запутался и затихъ. Но съ поднятіемъ его къ жизни врядъ ли обойдется дѣло, по крайней мѣрѣ въ духовной поэзіи (которую такъ лѣ-бятъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ) и въ проповѣди, безъ воз-вращенія, по примѣру прежніхъ временъ, къ мѣстнымъ на-роднымъ нарѣчіямъ. Католическое духовенство въ Западномъ краѣ, подобно своимъ собратамъ въ другихъ мѣстахъ Европы, изъ духа пропаганды не преминеть обратиться къ мѣстнымъ нарѣчіямъ для оживленія своей проповѣди и поэзіи; по реак-ціи официальному русскому языку обратится къ нему и частъ польской партіи въ духовенствѣ не безъ задней мысли, что бѣлорусское нарѣчіе — видъ польскаго, а не русскаго, и та-

кимъ образомъ русскій католицизмъ станетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ русскимъ православіемъ, которое будетъ держаться старо-славянскаго языка въ богослуженіи и отчасти въ проповѣди и во всякомъ случаѣ избѣгать въ послѣдней мѣстнаго нарѣчія. Это же противорѣчіе, безъ сомнѣнія, вызоветъ извѣстныя затрудненія и путаницы, которыхъ могутъ уладиться вѣтъ всякой регламентациіи, отъ коей мы, конечно, не уйдемъ.

Такимъ образомъ бѣлоруссофильство заявило себя на практикѣ не столько съ положительной, сколько съ отрицательной стороны, какъ реакція полонизму, и въ этомъ отношеніи оно имѣть и имѣло немаловажное значеніе, особенно въ виду того, что передъ самыми восстаніемъ въ польскихъ кругахъ стало складываться свое, польское, бѣлоруссофильство, которое стремилось представить реакцію Россіи народнымъ дѣломъ, согласнымъ съ любовью къ краю. Надо, впрочемъ, сказать, что въ русскомъ бѣлоруссофильствѣ была одна черта, которая дѣлала его отчасти и вреднымъ для русскихъ интересовъ въ Западномъ краѣ. Черга эта объясняется тѣмъ, что бѣлорусские патріоты въ большинствѣ случаевъ были люди исключительно духовнаго, семинарскаго образования (результатъ того, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ не было университета). Бѣлоруссофильство въ Вильнѣ выражалось въ послѣдніе годы въ томъ, что наши газеты называли «клерикализмъ» Сѣверо-Западнаго края или еще рѣзче — «мрачное сонмище». Разные литературные дѣятели Сѣверо-Западнаго края и лица учебнаго вѣдомства бѣлорусского происхожденія отличались вѣрисповѣдною исключительностью, узкою ненавистью къ католицизму, выражавшеюся и въ препятствіяхъ введенію русскаго языка въ католическое богослуженіе, будто бы того недостойное, будто бы угрожающее русской народности и православію. То же самое высказывалось и по отношенію къ еврѣйству. Очевидно, что клерикалы бѣлорусские смѣшивали понятіе о религії и народности, во вредъ той и другой. Къ тому же по крайней мѣрѣ редакція «Вѣстника Западной Россіи» доводила племенную и религиозную непріязнь къ ополяченнымъ католическимъ слоямъ населенія Западнаго края до фанатической ненависти къ польской народности и ко всему польскому вообще. Нужно припомнить, что до 1863 года весьма значительная часть даже духовно-педагогического

міра въ Сѣверо-Западномъ краѣ была сильно подпольчена. Сѣтскій языкъ, салонныя понятія были польскія, а потому, напр., семейства священниковъ, особенно женщины, вообще падкія на сѣтскость, говорили по-польски («День», 1863 г. № 36). Не обходилось дѣло и безъ пѣнія польскихъ революціонныхъ гимновъ прекрасными половинами, польского и русского происхожденія, и дочерями русскихъ чиновниковъ и даже духовныхъ. «Маленькие люди» по материальному достатку и служебному положенію бѣлоруссы-чиновники и даже священники не разъ принуждены были поддакивать болгатому и развитому полонизму, пока не взялъ его въ ежовыя рукавицы ген. Муравьевъ. Но посль его крутыхъ мѣръ положеніе дѣль перемѣнилось (онъ заставилъ и полика-редактора «Виленского Вѣстника», доказывавшаго прежде необходимость повсемѣстного образованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ на польскомъ языке, продолжать при немъ изданіе газеты въ другомъ духѣ, да еще такъ, что ген. Муравьевъ остался имъ вполнѣ доволенъ, что потому выставилъ въ свою защиту отъ нападений г. Каткова его бывшій корреспондентъ). А какъ перемѣнилось положеніе дѣль, то не обошлось дѣло и безъ ревности, свойственной неофитству.—«Всѣ мы люди, всѣ человѣки!»—но только неофитская ревность въ преслѣдованіи полонизма и фанатическая ненависть къ католицизму и польской народности вообще не могла не нанести вреда въ особенности въ школьнѣ и научномъ дѣлѣ, которое «не терпитъ суеты». Оппозиція же «обрусило католицизма» изъ православнаго фанатизма прямо уже зедеть неумѣлаго русскаго патріота «въ панургово стадо». А потому громы, которые изрѣдка пускали «Московскія Вѣдомости» въ «виленскій клерикализмъ» и «бѣлоруссофильство», были далеко не бесполезны, хотя и не совсѣмъ посльдовательны, такъ какъ въ вопросѣ объ организаціи народнаго образованія въ Западномъ краѣ «Московскія Вѣдомости» совершенно поддерживали систему «виленскаго клерикализма» и только въ недавнее время стали высказывать мысли, что дѣло народнаго образованія не можетъ успѣшио ити, будучи исключигельно возложено на духовенство¹⁾.

1) «День», конечно, осѣпленъ бытъ еще болѣе. Такъ, корреспондентъ его г. Н. Рычковъ передаетъ слова крестьянъ о томъ, что школа приѣзж

VI.

Почти одновременно съ бѣлоруссофильтвомъ выступило противъ польскихъ притязаній «московское славянофильтво», которое съ такимъ же правомъ можетъ быть названо «велико-русскофильтвомъ». Мы опасаемся, что это послѣднее название не понравится приверженцамъ московского славянофильтва, которое бы желало, чтобы его чествовали просто славянофильтвомъ даже безъ прибавленія «московскій»—прибавленіе, которое-то именно и даетъ направленію при всѣхъ его всероссійскихъ и вesseславянскихъ тенденціяхъ значение тоже «областного патріотизма», коли хотите тоже своего рода сепаратизма. Такъ какъ характеръ московского славянофильтва не остался безъ вліянія на отношеніе его къ польскому вопросу и къ Западно-русскому краю, то мы считаемъ необходимымъ остановиться на опредѣленіи этого характера. Московское славянофильтво, конечно, не чуждо вesseславянскихъ и всероссійскихъ тенденцій, оно такъ много говорить

пойдеть хорошо изъ рукахъ священника: „Гдѣ батюшкѣ учить,—говорили крестьяне изъ Козяинихъ, Виленской губерніи; они покажетъ въ книгѣ рядокъ (строку) и этого довольно на цѣлый день. Знаемъ мы, какъ батюшка учить! Если школа будетъ у батюшки безъ помощника, мы не отдадимъ дѣтей“. Священникъ толковалъ: „Не ваше дѣло объ этомъ разсуждать: пріѣдутъ начальники, снимутъ съ меня отчетъ“. — „Да вѣдь дѣлки-то наши,— отвѣчали крестьяне,— труды и время пропадутъ!“— Но поводу этого характерного разговора г. Рычковъ выражалъ, что „крестьяне говорили, вѣроятно, всѣдѣствіе согѣщанія съ какимъ-нибудь ксендзомъ или писаремъ“ (?!) и что „подъ помощникомъ, вѣроятно, совсѣмъ разумѣли полька“ (?!), и совершиенно (какъ и реакція „Дня“) раздѣляютъ точку зѣнія священника: „не ваше дѣло разсуждать о нашихъ дѣлкахъ!“ — Мы привели этотъ примѣръ, какъ характеризующій образъ отношеній нашихъ дѣтелей и публичистовъ „обрусенія“ къ народу: то превышаютъ его, какъ носителя сущности русской народности, и видятъ въ его изреченіяхъ высокую мудрость, давая ей даже политическое значеніе, то, когда это идетъ противъ ихъ теорій, конъктовъ, а то и карманныхъ интересовъ, вдругъ мудрость обращается въ тупое слѣдованіе соѣтамъ, какого-нибудь ксендза, носителя русской коренной народности — въ ополченій объектъ мѣропріятій, — и все заканчивается восклицаніемъ: „не ваше дѣло разсуждать!.., хотя бы и о „вашихъ дѣлкахъ““. — Изѣстно, что то, что говорили крестьяне Виленской губерніи, говорилось на множество ладовъ въ земскихъ собранияхъ, даже какой-нибудь Бятской и Самарской губерніи, куда и духу польского ксендза трудно залетѣть.

о любви своей ко всемъ славянскимъ племенамъ и, надо отдать ему честь, по временамъ сильно скрѣпляло свое сердце до самыхъ лирическихъ отношеній даже къ католическимъ полякамъ, чехамъ и хорватамъ. Его первый periodический органъ «Русская Бесѣда» былъ притономъ, въ коемъ выступило и украинофильство въ «Эпилогѣ къ Черной радѣ», г. Кулиша; тутъ же г. Хомяковъ привѣтствовалъ появление проповѣдей о. Гречулевича и желаетъ видѣть почаще слово Божіе, излагаемое на мѣстныхъ живыхъ русскихъ нарѣчіяхъ (1857 г.). Въ «Днѣ» Ил. Б — въ (1862 г., № 52), хотя и не безъ ворчанія, встрѣтилъ сочувственно извѣстіе о приготовленіи къ печати Евангелія на малорусскомъ языкѣ и выразилъ готовность «москвичей помочь этому дѣлу для того, чтобы показать, что для нихъ и теперь живо и дѣйствительно слово, сказанное ихъ отцами малоруссамъ въ XVII вѣкѣ: «рады умереть за вѣру православную, за нашихъ братьевъ черкасъ!» «День» навлекъ на себя укоры «Московскихъ Вѣдомостей» за посильную защиту предпріятія г. Костомарова издававшаго для малоруссійскаго народа книги для чтенія и обученія на его родномъ языкѣ (1863 г., №№ 27, 29). «День» сталъ органомъ бѣлорусофильства, защищая бѣлоруссовъ (впрочемъ, преимущественно духовенство) отъ слишкомъ ревностныхъ пріемовъ очистителей русскаго элемента въ Западномъ краѣ, наѣхавшихъ изъ Великой Руси, простираясь свою синеходительность даже до терпимости къ усвоеннымъ въ Бѣлоруссіи католическимъ чертамъ церковной и религіозной жизни. «День» помѣщалъ такія статьи, какъ упомянутая г. Кояловичъ, о встрѣчѣ западнорусской народности съ великорусской, въ коей бѣлорусъ-австръ, сравнивая пробудившееся недавно стремленіе русскихъ племенъ къ единенію съ таковыми же, произведенными обращеніемъ Хмельницкаго къ Москвѣ, и съ совмѣстными войнами малороссовъ и великороссовъ съ поляками въ XVII вѣкѣ, считаетъ «небезполезнымъ напомнить давний совѣтъ Ордина-Нацокина, по которому егъдоловало сдерживать всѣ дурныя страсти при встрѣчѣ съ народомъ западно-русскимъ и пріобрѣтать его любовь добрыми и гуманными дѣлами»¹⁾.

1) «Передовой человѣкъ своего времени, — говорить далѣе г. Кояловичъ объ Ордина-Нацокинѣ, — безъ сомнѣнія, понималъ, или чувствовалъ, что долго разъединенная половина русскаго народа не могли не выработать такихъ

Помѣщеніе такого рода строкъ, какъ выписанныя изъ статьи г. Кояловича, и вышеизложенное отношеніе «Русской Бесѣды» и «Дня» къ украинофильству и бѣлорусофильству показываютъ, какъ старалось московское славянофильство отнестись къ народнымъ движеніямъ и въ другихъ русскихъ племенахъ. И это отношеніе совершенно естественно: будучи

особенностей, которыя могутъ послужить поводомъ къ разъединенію и враждѣ, если не рѣшиться на подвигъ братской любви и синесожденія. Къ несчастію, страсти и привычки взяли верхъ надъ дивными соображеніями передового человѣка и страшно воротили дѣло, къ великой радости поляковъ (взимныя недоразумѣнія Хмельницкаго и московского правительства, потомъ усилившіяся при другихъ гетманахъ, что повело къ остановленію программы Хмельницкаго о вольномъ соединеніи всего русскаго народа до Львова, и къ тому, что московское правительство, для того, чтобы подвести подъ общій свой порядокъ упорную Малороссію, предпочло отдать, по Андрушовскому миру, правую половину ея полякамъ). Теперь можетъ случиться то же самое. Въ западно-русскомъ народѣ и теперь есть свои историческія особенности, требующія тѣмъ болѣе гуманнаго отношенія, что надъ ними носится духъ народной воли. Русскимъ людямъ предстоитъ понять это и рѣшиться на тотъ же подвигъ, къ которому призываютъ современниковъ Ордынъ-Нащокинъ. И не думайте, что это—легкій подвигъ, что всѣмъ русскимъ людямъ легко его выполнить. Трудности есть и очень больши. Русские люди, находящіеся теперь въ западной Россіи, естественно настроены вездѣ видѣть строгое, обще-русское единство,—а передъ ними вдругъ выступаютъ малороссія, бѣлоруссія и тѣмъ болѣе литвинъ. Русскому человѣку поэтому естественно видѣть вездѣ въ западной Россіи поражающую *неполноту* русскаго элемента и рядомъ съ этой неполнотою видѣть что-то совершенно *лишнее, негармонирующее*. Ему, особенно теперь, въ минуты патріотического напряженія, не легко можетъ притти въ голову, что въ этомъ, видимо, лишнемъ, негармонирующемъ, сохранилось, можетъ-быть, много древнѣйшихъ формъ старой восточно-славянской жизни. Ему естественнѣе думать, что все [это *наносное,польское*, и подъ кляніемъ вражды къ полякамъ онъ сочтетъ себя въ правѣ, и въ правѣ видимо законнѣйшемъ, все это измѣнять и уничтожать]—возоздавать русскую полноту въ западно-русскомъ народѣ (авторъ въ выносѣ говоритъ, что ему много известно подобныхъ недоразумѣй, да говорить было бы долго и тяжело). Онъ, естественно, будетъ думать, что въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ тутъ противъ Польши, а между тѣмъ тутъ-то онъ и сойдется съ поляками самымъ близкайшимъ образомъ. Тутъ-то именно онъ покажеть то аристократическое, шляхетское отношеніе къ крестьянству, хлопству, передъ которымъ все народное должно было уступать и которое наѣки-кѣчиные приготовило полякамъ ненависть въ народѣ западной Россіи. А станьте только разъ на эту путь, объединяющій васъ въ глазахъ народа съ поляками, и незамѣтно пойдете дальше и сблизитесь совсѣмъ съ поляками, не въ томъ спрavedливомъ сближеніи, которое всегда желательно, а въ томъ, которое будетъ губить въ западной Россіи народное чѣло—во вредъ вамъ и въ пользу полякамъ".

тоже «хлопоманией», т.-е. движениемъ, которое стремится восполнить бездуу, раздѣляющую привилегированные классы отъ крестьянства, и видить въ послѣднемъ образецъ и основу народности, будучи результатомъ романтизма, т.-е. обращенія къ прошлому, когда и различія классовъ были слабѣе, и народъ имѣть много случаевъ, по отсутствію или слабости государственной регламентациі, проявлять себя самостоятельно, московское славянофильство не могло не уважать и при случачѣ не поддерживать аналогическихъ съ нимъ стремлений и на западныхъ концахъ Россіи и даже въ Польшѣ. Но, оказывая сочувствіе родственнымъ съ собою и исходившимъ изъ одного принципа движеніямъ, не могло также (что еще болѣе естественно) не имѣть пристрастія къ своему ближайшему, а это пристрастіе переходило даже въ исключительность, благодаря качеству тѣхъ элементовъ и тѣхъ традицій, къ которымъ обращалось это направленіе. Московское славянофильство возросло на почвѣ народности великорусской, границы которой почти совпадають съ границами Московскаго государства до $\frac{1}{2}$ XVII в., т.-е. до присоединенія къ нему Малороссіи и до очевиднаго появленія того направленія, которое довело до кризиса, называемаго петровской реформой. Проживши же долгое время въ удаленіи отъ остального свѣта, Московское государство выработало достаточную долю самопоклоненія, народной и религіозной исключительности. Московские славянофили видѣли чистый образецъ русского и даже славянского государства въ этомъ государствѣ XVII в., съ его общественными и религіозно-культурными признаками, а въ великорусскомъ мужичкѣ не только образецъ оторванному петровской реформой отъ народа мѣстному обществу, но и чистый типъ русского и славянского человѣка. Всѣ остальные виды русского человѣка — западные, а тѣмъ паче западнаго славянина, казались московскимъ славянофиламъ порченными, отчасти на такой манеръ, какъ казались православными москвирами XVII в. не православными черкасы и бѣлорусы, а поляки ужъ вовсе чуть не нехристиями. Призываю высшіе классы къ единенію съ народомъ, рядясь въ красную рубаху, восхищаясь героями государственной жизни только древне-московскаго государства, московскій славянофиль неѣтъ-неѣтъ да и посмотритъ косо на то, что и хохоль тоже нарядится въ свою вышитую рубаху, начнетъ говорить рѣчью своего про-

стонародъя, восхищаться и своею старою исторіей и по свойственной русскому человѣку подозрительности и наклонности искать «подвохи», «бунтовщикъ» и «антихристовъ», начинаетъ искать, иѣть ли тутъ и впрямьпольского или вообще вражъяго участія. А разъ сопѣтъ человѣкъ съ дороги довѣрія, начинаются недоразумѣнія, лѣискренность и т. д. Такая двойственность въ отношеніи московского славянофильства къ народному движению въ западной Руси, особенно къ украинскому (такъ какъ бѣлоруссофильство осталось на ступени покровительствуемаго еще направленія, подобно тому, какимъ было украинофильство еще во время «Русской Бесѣды» и старыхъ славянофиловъ (С. и К. Аксаковыхъ, Хомякова), не осталось безъ вліянія на ходъ дѣлъ въ Западномъ краѣ; а еще большія послѣдствія имѣли отношенія московского славянофильства къ полякамъ и евреямъ въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ.

Пререканія между московскимъ славянофильствомъ и украинофильствомъ начались изъ-за чисто ученаго разногласія. Ил. Б.—въ помѣстіль въ «Днѣ» замѣтку противъ статьи г. Костомарова «Дѣя русской народности» подъ названіемъ «Корень русской народности», въ коей не только оспаривалъ теорію г. Костомарова о южно-русскомъ происхожденіи Новгорода, которая, конечно, очень можетъ подлежать спору, но въ то же время въ видѣ revanche'a съ излишкомъ противопоставилъ ей теорію, ужъ вовсе ни на чёмъ не основанную, разрѣвъ на областномъ самомнѣніи, что новгородцы были великорусскимъ племенемъ, широко распространеннымъ до Бѣлоозера и Смоленска, сосредоточеннымъ и организованнымъ сравнительно съ разъединенными и неспособными къ общественному развитию племенами южными, къ которымъ сѣверяне принесли гражданственность и которыхъ съ полнымъ правомъ «примучивали», если тѣ обнаруживали упорство въ нежеланіи подчиниться высшей гражданственности. Послѣ нѣсколько горячаго отвѣта г. Костомарова, г. И. Б.—въ уже началъ вторую свою статью словами: «г. Костомаровъ,—тотъ самый, который постоянно проповѣдуетъ о близости южно-русскаго народа къ польскому по основамъ народнаго характера, о перевѣсѣ въ насть, сѣвернорусскихъ, финскаго и татарскаго начала надъ славянскимъ и т. д.». Съ этихъ поръ дальнѣйшая критика славянофильскихъ органовъ противъ сочиненій г. Косто-

марова (исключая разбора «Съвернорусскихъ Народоправствъ» г. Гильфердинга) утратила совершенно научный характеръ, и славянофильскій органъ, наконецъ, дошелъ до выраженія, будто г. Костомаровъ каждымъ своимъ сочиненіемъ хотѣть только доказать, что «великоруссы — каналы!».

Также плачевно кончились и пререканія между украино-филами и московскими славянофилами и по вопросу о малорусской литературѣ. По мѣрѣ того какъ развивалось малорусское движение, въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ нашихъ поднялся вопросъ о необходимости и предѣлахъ развитія литературы малорусской. Нѣкоторые изъ украинофиловъ доказывали, хотя и не всегда ясно, что на почвѣ малорусской народной рѣчи можетъ и должна развиться полная и всесторонняя литература, такая же, какъ теперешняя русская, развивающаяся на почвѣ языка великорусского. Во имя правъ каждого народа на свободу развитія своей индивидуальности, украинофилы этого рода требовали права свободного развитія новообразующейся литературы, признанія за языкомъ этой литературы офиціального значенія, употребленія въ казенныхъ школахъ. Другие же признавали всякую попытку писать нарѣчіемъ, уклоняющимся отъ общепринятаго въ литературѣ, за, по меньшей мѣрѣ, смѣшную, а то и опасную попытку злонамѣренныхъ людей. «День» стало быть въ этомъ вопросѣ на самую вѣрную и практическую точку: въ статьѣ г. В. Ламанскаго (1861 г., № 2) въ примѣчаніи къ письму г. Кулиша (1861 г., № 7) и въ статьѣ редакціи въ № 20 — «День» высказалъ свои понятія объ этомъ вопросѣ. Г. Ламанскій, по вопросу, на какомъ языке писать галицкимъ русинамъ, высказалъ два положенія: 1) что наши малороссіяне не могутъ отбросить русского литературнаго языка, 2) что русины не могутъ оставить своего нарѣчія безъ литературной обработки. «Признаемся, — говоритъ г. Ламанскій, — мысль о возможности особой малорусской литературы (а не мѣстной словесности) представляется намъ величайшою недѣлѣстью. Эта литература возможна только при условіяхъ са-мыхъ невообразимыхъ. Такъ, напримѣръ, надо убѣдить всѣхъ мыслящихъ малороссіянъ въ ея необходимости, надо имъ по-забыть употребленіе русского языка, перестать читать русскіе книги, надо образовать цѣлую поколѣнія малороссіянъ въ вѣдѣніи русского языка и литературы! Безъ этихъ условій

самостоятельная украинская литература немыслима. По-нашему, одинаково нелѣпо, роптать ли на судьбу и обижаться такимъ выводомъ, или гордиться имъ и видѣть въ этомъ обстоятельствѣ умственное превосходство великоруссовъ надъ малороссиянами. Но если невозможна самостоятельная литература малорусская, то возможна и полезна литературная обработка нарѣчія малорусского, рядомъ съ общерусскимъ языкомъ, особая *малорусская словесность*, рядомъ съ рускою литературою, съ рускою наукою и образованностью». (Редакція замѣтила въ выносѣ: «для домашняго обихода». Вспомнимъ статью Хомякова въ «Р. Бесѣдѣ», съ искреннею радостью привѣтствовавшаго появление малороссийскихъ проповѣдей Гречулевича). Въ № 20 1862 года редакція «Дня», сославшись на свои слова въ № 7, между прочимъ, говорить: «Мы уже выразили свое искрениѣшее желаніе полнѣйшей, безпрепятственной свободы развитія малорусской народной литературы. Мы не думаемъ, чтобъ это развитіе когда-нибудь раздвоило *русскій литературный языкъ* — языкъ образованнаго *общества* всей русской земли, безъ различія малоруссовъ и великоруссовъ, но мы никогда не посовѣтовали бы ни Шевченку ни М. Вовчку писать — первому свои великолѣпные стихи, а второму — украинскія повѣсти на языкѣ обще-литературномъ, а не простонародномъ — малорусскомъ». Въ силу своего убѣжденія въ пользу малорусской литературы для «домашняго обихода», редакторъ «Дня» выражалъ сочувстіе и предпріятію г. Костомарова издать на малорусскомъ языкѣ Евангеліе и книги элементарнаго научнаго содержанія для народнаго чтенія.

Такое умѣренное и чисто на практическихъ началахъ основное воззрѣніе редакціи «Дня» весьма не далеко было отъ понятій и большинства малороссийского общества и самого г. Костомарова (см. статью его объ учебникахъ для народнаго чтенія въ «Основѣ» и письмо къ редактору «Дня» въ 1863 г., №№ 27, 29). Впрочемъ, какъ бы ни думали ни мечтали разныя украинскіе писатели, а для дѣла важно было бы то, что, за самыми ничтожными исключеніями, украинское нарѣчіе употреблялось литературно только для беллетристики изъ народной жизни (такимъ образомъ, въ русской литературѣ образовался отдѣль народной беллетристики и поэзіи малорусской, подобно тому, какъ комедіи и драмы Островскаго, пѣкоторыя стихотворенія и поэмы Некрасова, гр. Ал. Толстого, разсказы

Успенского и др. образовали отдельъ великорусскій) и въ изданіяхъ для народнаго элементарнаго чтенія и предварительнаго обученія (подобно тому, какъ въ русской педагогической литературѣ изданія, какъ «Родное Слово» г. Ушинскаго и др. изданія гг. Семенова, Водовозова внесли въ доброй дозѣ народный великорусскій языкъ и его произведения въ педагогику даже высшихъ классовъ общества). Какъ выразился г. Ламанскій, и гг. Костомаровъ и Кулишъ писали свои ученические и политические труды, Шевченко — свой дневникъ на общерусскомъ языке, и на практикѣ малорусская литература дальше литературы для «домашняго обихода» не шла и, конечно, не пошла бы.

Спокойное и долговременное выдерживание такого практическаго и умѣреннаго воззрѣнія на малорусскій литературный вопросъ принесло бы огромную пользу русскому литературному и общественному развитію и народному образованію. Въ особенности оно было бы благотворно по своему вліянію на Галицію, изъ-за которой прежде всего и поднялся споръ въ нашей публицистикѣ. Въ Галиціи дѣйствительно вопросъ объ украинской словесности представляется не малую практическую важность. Тамъ украинская словесность, появившись преимущественно съ 1861 года, произвела большое впечатлѣніе. Тамъпольско-украинская литературная школа имѣла еще больше вліянія, чѣмъ въ нашей правобережной Украинѣ; тамъ выходили книги, брошюры, статьи, какъ, напримѣръ, известного историка польского Генриха Шмидта — «Нѣсколько безпристрастныхъ словъ о вопросѣ русскомъ» (*Kilka słów bezstronnych o kwestii Rusińskieej*), какъ, напримѣръ, корреспонденція изъ Львова въ №№ 304—310 «Варшавской Газеты» какъ статья, присланная изъ Галиціи въ «Библіотеку Варшавскую» (1861 г., декабрь) Феликсомъ Жоховскимъ о языке русиновъ, — статьи, брошюры и книги, въ которыхъ доказывалось на разные лады, что «русины и мазуръ — разновидности поляка по рѣчи, характеру, исторіи».

Противъ этой польской литературы и публицистики, начиная съ 1848 года, выдвинулась русинская народная партия, русинская литература. Но, по несчастію, — быть-можетъ, по оторванности отъ народа галицкихъ семинаристовъ прежняго времени, — литература эта не представила ни одного таланта, кроме Маркіана Щашкевича, который, по своему стре-

мленію стать на почву народныхъ пѣсень, можетъ быть почитаемъ основателемъ галицкаго украинофильства (хоть теоретически оғь обѣ этомъ, можетъ-быть, и не думать). Литература эта состояла или изъ сухихъ, хотя и ученыхъ, статей по исторіи и археологіи Галицко-Володимерской Руси, изъ которыхъ иныхъ, напримѣръ, исторія Львова, Зубрицкаго, даже были писаны по-польски, или изъ писанныхъ польско-русско-ломоносовскимъ языккомъ одѣ въ честь австрійскихъ императоровъ, львовскихъ митрополитовъ. Наиболѣе плодовитый литераторъ предпослѣдней эпохи Галиціи, Б. Дѣдицкій, попытавшій свои силы и въ эпическомъ родѣ, написалъ тѣмъ же мѣшанинъ языккомъ поэмы «Буй Туръ Всеволодъ», «Сонъ Князя Льва», «Конюшій», одно название которыхъ показываетъ, что для противопоставленія польско-украинской школѣ и польскимъ идеямъ галицко-русская литература не нашла противопоставить ничего живѣе, какъ вычитанный изъ лѣтописей удѣльного периода имена и традиціи великокняженія. Наша общерусская литература была почти невѣдома въ Галиціи да, несмотря на все сдѣланное и написанное въ послѣднее время, мало вѣдома и до сихъ порь. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, и именно благодаря ея главному достоинству, реальности, эта литература мало можетъ вліять въ Галиціи потому, что реальное-то положеніе послѣдней рѣзко отличается отъ нашей общественной жизни. Если чѣмъ могла бы вліять тамъ наша литература, — и это вліяніе въ высшей степени желательно, — такъ это не столько своимъ содержаніемъ, сколько направленіемъ, пріемами, — именно своею реальностью, ибо во многихъ отношеніяхъ галицкая литературныя понятія и до сихъ порь соответствуютъ нашимъ еще доцушкинского и даже до-карамзинского периода.

Среди такихъ-то обстоятельствъ въ 1861 — 1863 гг. появились въ Галиціи произведения украинской словесности съ ихъ рѣзкимъ народнымъ, противопольскимъ направленіемъ, съ ихъ во всякомъ случаѣ живымъ языккомъ, а главное, — съ ихъ именно простонароднымъ, реальнымъ направленіемъ. То, что казалось бѣднымъ и мелкимъ у насть, эта, какъ выразился одинъ остроумецъ, десяти-фунтовая литература, оказалась богатою для Галиціи. Къ тому же въ дѣятеляхъ этой литературы, Шевченкѣ, М. Вовчко, Кулишѣ, Стороженкѣ и др., никто не станетъ отрицать таланта сравнительно и съ извѣст-

ными у насъ беллетристами, а о галицкихъ и говорить нечего. Въ 1861 — 1862 гг. въ Галиції появился только одинъ дѣйствительно высоко - талантливый поэтъ, Федъковичъ, судьба котораго аналогична съ Шевченковой: Федъковичъ тоже простолюдинъ, по счастію, избѣжавшій семинарскаго и польскаго вліянія, которому подпадали другіе галицкіе литераторы, дѣти духовныхъ, воспитывавшіеся въ городахъ, гдѣ польская рѣчь до сихъ поръ преобладаетъ, уроженецъ Буковини, гдѣ по мѣстамъ русскій народный языкъ береть даже перевѣсъ надъ молдавскимъ, онъ попасть въ солдаты, занесенъ былъ судьбою въ Италію, тамъ у Манженты и Сольферино вспомнилъ свою далекую родину, ея простыя пѣсни и запѣль не «по былинамъ старого времени», а попросту о разлукаѣ съ матерью, о долгѣ солдата, о горной родинѣ, о ея мужицкихъ и разбойничихъ преданіяхъ и во многомъ изумительное сошелся съ Шевченкомъ, которымъ онъ очарованъ, познакомившись съ Кобзаремъ, до потери во многомъ собственной самостоятельности. Изъ предисловія г. Дѣдицкаго къ изданію пѣсень Федъковича (Львовъ, 1863) видно, что Шевченко подготовилъ почву для соотвѣтственнаго пріема въ галицкой публикѣ Федъковичу, а изъ статьи журнала «Вечеринцы» (Львовъ, 1863) о Шевченкѣ видно, что Федъковичъ, въ свою очередь, облегчилъ ходъ и украинскому поэту въ этой публикѣ, передавъ по - своему его простыя мужицко - казацкія темы. Украинская литература и переводы статей изъ «Основы», писанныхъ на нашемъ обще - литературномъ языкѣ, внесли въ галицкорусскую публику массу свѣтлыхъ, свѣтскихъ идей, повернули ее отъ князя Льва, митрополитовъ, — къ народу, отъ Руговъ и Роксолановъ, — къ обыденнымъ крестьянскимъ нуждамъ, къ *лісамъ* и *посовискамъ*, отъ переводовъ Платова на неимовѣрное нарѣчіе — къ составленію статей для народнаго обученія по естествознанію и т. п. Въ то же время, какъ это ни покажется парадоксомъ тому, кто знакомъ съ галицкой литературою по тому только, что пишется въ нашихъ газетахъ, украинская литература и петербургская «Основа» были первую живую нитью, которая притянула нашихъ оторванныхъ отъ Россіи соплеменниковъ въ сферу русскихъ интересовъ.

У насъ теперь часто пишутъ, что галицкое украинофильство есть орудіе поляковъ и австрійского правительства для произведенія раскола въ тамошнихъ русскихъ кружкахъ, для

разрыва галицкихъ съ Россіею. И это отчасти вѣрно, но только для послѣднаго времени. Но прежде дѣло стояло вовсе не такъ. Дѣло въ томъ, что въ 1848 году, когда австрійское правительство почувствовало нужду опереться на русиновъ, какъ на орудіе для противодѣйствія полякамъ, оно въ то же время обезпокоилось, какъ бы и это орудіе, усилившись съ его помощью, не ушло изъ рукъ его. — «Что вы за народъ?» спрашивалъ австрійскій нѣмецъ — намѣстникъ депутатовъ отъ русской ради въ 1849 году. Тѣ отвѣчали: «Мы рутены, австрійские русины (русинъ — русскій — Ruthenus: русинъ назывался русскимъ въ договорахъ Олега, а Rutheni называли старые европейскіе писатели всѣхъ русскихъ, въ томъ числѣ и москвичей), жители королевства галицко-владимирскаго (Königreich Galizia und Lodomerien), утѣсненные когда-то поляками и облагодѣтельствованные монархами австрійскими, которые съ Іосифомъ II дали намъ постепенно права человѣческаго существованія между народами (послѣднее было и всполиѣ вѣрно)». Въ качествѣ такого специального австрійско-рутенского народа, галицкіе русскіе и пользовались покровительствомъ австрійско-нѣмецкаго правительства Баха, Шмерлинга и т. п., которые дѣлали изъ нашихъ соплеменниковъ орудіе для укомплектованія централистической партии и для подавленія славянско-федералистическихъ стремленій. Для этого ad hoc изобрѣтенного народа признана была и достойная его литература, преимущественно униатско-церковная, съ славяно-польско-украинскимъ языками и латинско-нѣмецкой конструkcіей, со старокирилловской азбукой, которую бросить, и то не совсѣмъ, рѣшились галицкіе писатели только послѣ объявленія въ Австріи конституціи въ 1867 году. Для специального австрійско-рутенского народа учрежденъ былъ и официальный журналь въ Вѣнѣ «Вѣденскій Вѣстникъ», существовавшій до 1866 года. И вдругъ въ 1861 — 1862 гг. оказывается, что австро-рутенскій народъ есть часть болѣе чѣмъ 15-милліоннаго племени малороссійскаго, котораго болѣе 12 милл. живетъ за предѣлами Австріи, что тамъ это племя на свой страхъ вступило давнѣ уже въ борьбу съ поляками, успѣло было выбиться изъ ихъ неволи и добровольно, хотя съ подобающими обстоятельствами условиями, соединилось съ племенемъ, давшимъ основу для могущественной Россійской имперіи. Что въ этой имперіи, въ столицѣ, выходитъ журналъ

и сосредоточены силы интеллигенции цѣлаго племени, кото-
раго галичане — часть, и что къ этому органу и этому центру
тянуть и галицко-австрійскіе рутены. Теперь австрійской
бюрократіи, постоянно дрожащей за вѣрность управляемыхъ
ею народовъ, доставляетъ непріятное чувство, когда она слы-
шитъ о существованіи въ Галиціи партіи, которая считаетъ
галицко-русскій народъ частью пятидесятимилліоннаго народа
русскаго, и, наоборотъ, эта бюрократія утѣшаются, что другая
галицкая партія считаетъ народъ своей частью 15—16-милліон-
наго народа малорусскаго, и притомъ частью, которая наслаждается
свободою развитія своей народности, въ то время,
когда остальная большая часть этого народа стонеть подъ
властію «ненасытнаго московскаго централізма». Но какъ тамъ
ни верти, а все-таки австрійскіе рутены — часть, а не цѣлое;
большая часть этого цѣлаго все-таки находится въ Россіи, а по-
тому австрійская бюрократія, какъ и поляки, никогда до конца
не можетъ быть спокойна въ виду распространенія въ Галиції
украинофильства, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, такъ и
вовсе была недовольна этимъ распространеніемъ. Мы уже при-
водили отзывы польскихъ галицкихъ газетъ о Шевченкѣ,
«Основѣ», хлопоманіи и т. п. Когда львовское «Слово» и «Вечерницы»
стали перепечатывать и переводить статьи изъ «Основы», хотя еще сохраняя старое правописаніе (въ нѣкото-
рыхъ отношеніяхъ несогласное съ малорусскою кулишевской,
но отличающееся также и отъ правописанія русскаго), — «Вѣденскій Вѣстникъ» сталъ предостерегать львовскихъ литераторовъ
отъ «украинскаго болота» и совѣтовать имъ идти прежней
дорогой и заботиться о развитіи австрійско-русской литературы на старыхъ церковно-рутенскихъ началахъ («Вѣденскій Вѣстникъ», 1863, № 56). До какой мелочности доходила тогда
польско-австрійская подозрительность, видно изъ слѣдующей
замѣтки въ «Словѣ» (1865 г., № 65): «Въ новѣйшихъ часахъ
положено особенную вагу на способъ писанія прилагательнаго
русскій и досмотрѣно въ русскомъ одинъ екстремъ — украиноманію,
а въ русскомъ другой екстремъ — великоруссманію².
Только русскій считалось патріотичнымъ ст австрійской точки
зрѣнія, ибо значило галицко-русскій и не означало сепаратизма
ни въ сторону Украины ни въ сторону Москвы.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что спокойная кри-
тика крайностей и утопій нашего украинофильства и правиль-

ная оцінка значенія українського літературного руху відмінила би і Галичину від розділення від неї немногочисленої руської інтелігенції, і она постепенно вошла би в об'єднання з нашими синами малоруськими (приміщественно правого берега Дніпра), а потім і общеруськими інтересами, літературними і общественными. Но коли полемика проти крайностей українофільства перешла в раздражительне отридання цілого напрямлення, коли заподозривані привели къ известнымъ адміністративнымъ мѣрамъ и запрещеніямъ, то таке положеніе дѣлъ не могло не отразиться болезненно и въ Галичині, тѣмъ більше, чо тамошніе літератори все-таки не знали во всѣхъ подобностяхъ положенія дѣлъ у нац., судили по частнимъ фразамъ, по письмамъ горячихъ и не всегда обдумувавшихъ свои слова кореспондентовъ изъ України; безъ всякаго сомніння, не обошлось дѣло и безъ сплетень польскихъ кореспондентовъ изъ той партії, которая въ Россії старалась натравить правительство на українофіловъ, а въ Галичині указывала на «несытый централізмъ турецкої Москви». Съ 1863 года дѣйствительно поляки стали въ Галичині представлять себя готовыми поддержать українофільство, хотя всякий разъ опыты союза ихъ, поляковъ, съ «истинною Русью, отдѣляющею себя отъ Москвы», кончались скорой, какъ, напр., было въ исторії театромъ русскимъ. То же надо сказать и объ отношеніи къ українофільству бюрократично-австрійской партії, которую представляютъ въ послѣдніе годы митрополиты львовскіе. Укажемъ весьма характерный примѣръ изъ недавнихъ временъ. Въ настоящемъ году въ Вѣнѣ приготовленъ быль переводъ молитвъ на галицко-малорусськомъ українскомъ народномъ языку, написанный принятю у галицкихъ українофіловъ кулишевской орографіей. И что же? Переводъ этотъ признанъ быль митрополитомъ галицкимъ и клиромъ его не только недостойнымъ печати, но даже подлежащимъ уничтоженію, и вовсе не въ интересахъ общерусской духовной літератури, а именно въ интересахъ австрійско-рутенской, которую униатська коллегія именуетъ на сей разъ малороссійской, какъ она «издавна передана».

Неблагорасположеніе польскихъ и клерикально-бюрократическихъ кружковъ въ Галичині къ українофільству вистекаєть изъ совершенно естественного источника, — изъ пониманія, чо-

направлениe, которое такъ или иначе, но говорить о самостоятельности галицко-русского народа и тянуть его къ сближенію съ виѣ-австрійскимъ и виѣ-уїатскимъ народомъ нашей Малороссіи, не можетъ не угрожать какъ польскимъ, такъ и уїатскимъ и австрійскимъ интересамъ. Но совершенно естественно также, что, когда въ нашихъ вліятельныхъ органахъ печати поднялись гоненія на «украинскій сепаратизмъ», въ то время, когда въ Австріи стали кoso смотрѣть на «украинское болото», а поляки кричали противъ перенесенія «хлопоманій» въ Галицию,— и поляки, а потомъ отчасти и австрійская бурократія взяли, хотя больше на словахъ, подъ свое покровительство это украинофильство и получили возможность вящшаго замученія воды и безъ того въ не очень крѣпкихъ нравственно литературно-общественныхъ кругахъ Галичина, гдѣ перемѣна мѣстопребыванія въ партіяхъ чрезъ годъ-полгода — веcь вовсе не диковинная. Единственная тогда политическая газета въ русской Галиціи «Слово», которая даже иѣсколько обижалась употребленіемъ кулишевки нашими украинофилами и была довольно тѣмъ, что «Современна Лѣтопись» похвалила галицкихъ литераторовъ за то, что они «не передразниваютъ народнаго говора» и пишутъ языкъ, болѣе понятнымъ въ Москвѣ, чѣмъ языкъ нашихъ украинскихъ литераторовъ, стала наполняться статьями, враждебными «Москвѣ», т.-е. «московскимъ централамъ, завзятымъ противникамъ малоруссовъ, Каткову, Аксакову, Говорскому (см. напр., «Слово» 1863 года, №№ 64, 66, 68 — Борьба Малой Руси съ централизмомъ московскимъ; 1864 года, №№ 26, 27, 28 — Быти ли намъ общерусскими или малорусскими 1865 года, №№ 34, 42, 43, 46 — Великорусчизна въ Польши и т. д.). Если не совсѣмъ вѣрны были извѣстія корреспондентовъ нашихъ газетъ, то вѣрно было, что и «Слово» стала печатать рѣзкости противъ, напр., ген. Муравьеву и политики нашего правительства и стало ставить отношенія его къ Малороссіи на одну доску съ польскими ¹⁾.

1) См., напр., «Слово» 1863 года, №№ 28, 29, или 1864 года, № 6, длинную статью: «Цивилизаций Запада и Москвы по отношенію къ славянамъ вообще и Малой Руси въ особенности»; а въ ней слѣдующія слова: «Москва иде тою дорогою, яко ишла Польща. Польша замыкала руски школы, Москва не даетъ ихъ заводить. Польща заводила школы польски, Москва заводить въ Малоруси московски. Польща Русланъ латинизоровала, Москва ю московитъ и т. д.»

Нуженъ былъ цѣлый рядъ горькихъ разочарованій для галицкой Руси, нужно было назначеніе гр. Бейста канцлеромъ имперіи, а гр. Голуховскаго вторичнымъ намѣстникомъ Галиціи, нужно было отнятіе у галицкихъ русскихъ и тѣхъ скудныхъ правъ, которыя даны были имъ централистическимъ правительствомъ Баха, Шмерлинга, чтобы повернуть хоть часть интеллигентіи галицкой къ Россіи. Поворотъ этотъ совершилъ г. Дѣдіцкій въ «Словѣ» въ 1866 году; но чтобы получить поддержку московскихъ кружковъ, которые (см. «День» 1864 г., № 19) называли его «польскимъ союзникомъ», онъ пожелалъ, конечно, понравиться имъ наидѣйствительнѣ, выказавши то, что, по его мнѣнію, должно было какъ разъ походить къ понятіямъ «московскихъ централовъ», а потому объявилъ, что «на Руси одинъ языкъ, а только два выговора», и выдалъ брошюру: «Въ одинъ часъ малорусину выучиться по-великорусски». Поворотъ оказался удачнымъ въ разсужденіи поправленія репутаціи въ Москвѣ, но въ Галичинѣ онъ многимъ показался слишкомъ быстрымъ и рѣзкимъ. Отъ партии «Слова» отдѣлилась партия «народовѣтъ» или «украино-филобъ», и пошелъ печальнѣйшій споръ о томъ, какова будеть общеславянская литература, да на какой языкъ надо переводить Платона, какого количества русскаго народа есть часть галицкой народъ, — 16-милліоннаго или 50-милліоннаго. Обѣ стороны прибѣгаютъ къ ужаснѣйшей брані, зовутъ другъ друга «запроданцами»: однихъ «московскими», другихъ «польскими» и т. д. Одни и тѣ же лица сегодня появляются въ органахъ «московскихъ», завтра — у «народовцевъ». Вмѣшательство нашей журналистики и корреспондентовъ, имѣющихъ самыя поверхностныя свѣдѣнія о галицкой жизни и литературѣ, пріобрѣтеныя en passant, только подливаетъ масла въ огонь. Само собою разумѣется, что и поляки не дремлють. И происходитъ путаница и чепуха невообразимая, тѣмъ болѣе печальна, что, какъ справедливо замѣтилъ корреспондентъ «Дня» (1864 года, № 19), большинство галицко-русской публики (духовенство) совершенно нейтрально къ крайнимъ спорамъ, а попросту любить свою народность и желаетъ ея освобожденія отъ польского давленія и развитія изъ родныхъ началь. О народѣ и говорить нечего! Ему нужны «лісы и лососиска», да грамота и скорѣйшее просвѣщеніе. Любопытно, что обѣ галицко-русскія партии согласны между собою насчетъ

того, что для народного чтения надо издавать книги и газеты на народномъ языке, т.-е. галицко-малорусскомъ, и даже «Слово» выразилось, что оно не можетъ допустить мысли, чтобы и гг. Аксаковъ и Катковъ не соглашались съ этимъ и чтобы въ Россіи нельзя было печатать такихъ книгъ и журналовъ. Такимъ образомъ въ самомъ настоятельномъ для галицко-малорусского народа вопросѣ обѣ партій согласны между собою, а разногласия только изъ-за далекихъ вопросовъ или изъ-за формальныхъ, въ родѣ правописанія. Да какъ разногласять! Что называется, до зарѣзу! Въ Чехіи, напр., «младо-чехи» и «старо-чехи» спорятъ тоже (иногда изъ-за вопроса о Россіи, которую до 1868 года младо-чехи ругательски-ругали), не обходится дѣло безъ сплетень, и даже весьма грязныхъ, которыхъ, напр., этимъ лѣтомъ повели къ скандальными процессамъ. Но когда дойдетъ дѣло до дѣла, напр., до выборовъ, комитеты обѣихъ партій устанавливаютъ соглашеніе, и партіи держатся согласно. У галичанъ и тѣни нѣтъ подобного политического такта.

Вотъ тутъ-то, мы полагаемъ, и могла бы оказать вліяніе наша печать, если бы она серьезно и безъ пристрастій изъ чисто практической почвѣ разбирала сущность галицко-русскихъ интересовъ. Мы не сомнѣваемся, что если бы наша печать, напр., хоть московскіе славянофилы, выдержали свой прежній практическій взглядъ на значеніе украинской словесности и книжь для малорусского народа на его языке, — запрещеніе, вѣзванное сначала польскими доносами, а потомъ криками «Московскихъ Вѣдомостей» обѣ украинскому сепаратизму, то это отразилось бы самымъ благодѣтельнымъ образомъ и на Галицію, притянувъ къ намъ именно большинство ея публики, нейтральное къ спорамъ литературныхъ кружковъ.

Но наши славянофилы именно и не выдержали своего умѣреннаго и практическаго воззрѣнія на спорный вопросъ и именно потому, что они были не столько славянофилы и руссофилы (такого направленія еще ждетъ наше общество, и, можетъ-быть, оно выработается изъ разныхъ направленій и послѣ разныхъ пробъ и неудач), сколько московскіе славянофилы, т.-е великоруссофилы. Московскіе славянофилы оказа-

лись неискренними въ своей поддержкѣ умѣренному украинскому движению и, что еще хуже, сами не вѣрили въ силу того общерусского направлениія, которое они защищали въ противоположность крайнему украинскому.

VII.

Если «московскіе» славянофилы обнаружили неискренность и недовѣріе даже къ умѣренному украинскому движению и запали по этому вопросу въ *cercle vicieux*, то тѣмъ труднѣе было имъ справиться съ отношеніями къ польско-католическому кругамъ Западнаго края и къ полякамъ въ Польшѣ. Причина того и другого явленія какъ нельзѧ болѣе понятна. Московскіе славянофилы не могутъ не чувствовать, что у нихъ у самихъ нѣтъ почвы подъ ногами для защиты общерусскихъ тенденцій, такъ какъ они собственно отстаиваютъ такое же начало, какъ и самые крайніе украинофилы. И дѣйствительно, московское славянофильство, при всей своей враждѣ съ крайнимъ украинофильствомъ, само является ничѣмъ инымъ, какъ такою же «хлопоманіей», такимъ же «сепаратизмомъ» и, пожалуй, еще болѣе крайнимъ, чѣмъ самое крайнее украинофильство. Оно видѣло не только корень, но и исключительного представителя русской и даже славянской народности въ великорусскомъ крестьянствѣ, а идеальное государство—въ московскомъ государствѣ XVII вѣка, когда и бояринъ и царь мало отличались, по нравственному облику, отъ этого крестьянства. Всего того, что совершиено въ Россіи послѣ Петра, московскіе славянофилы знать не хотѣли за русское, все это почитали они испорченнымъ западничествомъ. «Ложь! всюду ложь!» восклицала органъ московскихъ славянофиловъ «День»: «ложь въ обществѣ, ложь въ литературѣ!» И послѣ этого не странно ли было, когда этотъ же «День» защищалъ отъ украинофиловъ языкъ этого лжес-общества, эту лже-литературу? Тѣ, которые хотятъ искать всецѣло народныхъ идеаловъ въ крестьянствѣ и въ XVII вѣкѣ, должны согласиться съ тѣмъ, что крестьянство у насъ въ дѣйствительности есть и малорусское, и белорусское, и великокорусское; и что въ XVII вѣкѣ не было Россіи, а была Великая, Малая и Бѣлая Русь. Общерусскимъ обществомъ у насъ слѣдуетъ назы-

вать именно общество, которое образовалось, начиная только съ XVIII вѣка, въ петербургскій періодъ, и прежде всего въ Петербургѣ, который и былъ первымъ общерусскимъ городомъ и такимъ остается по преимуществу и до сихъ порь. Отрицая же петербургскій періодъ со всѣми его произведеніями, кляня Петербургъ, проповѣдуя возвратъ къ крестьянству и къ XVII вѣку, московскіе славянофилы, очевидно, сами впали въ сепаратизмъ и открывали дорогу другимъ; московскіе славянофилы знать не хотѣли, что съ XVIII вѣка народились въ Великой Руси *европейцы*, которые могутъ чрезъ то не переставать быть великоруссами, — что жъ тутъ удивительнаго, что крайніе украинофилы знать не хотѣли, что съ того же XVIII вѣка народились и *руsskie* въ Малороссіи, которые преудобно могутъ быть русскими, не переставая быть малороссами. Признать же XVIII вѣкъ органическимъ явленіемъ въ русской исторіи, признать Россійскую имперію, съ ея не только Малою и Бѣлою Русью, но и Литвой и Польшой, балтійскимъ краемъ и Финляндіей, съ уніатствомъ, католицизмомъ, протестантствомъ всѣхъ толковъ и еврействомъ, высшею формою государства, чѣмъ Московское царство, знающее только великоруссовъ и инородцевъ, православныхъ и басурманъ... это значило бы отречься отъ самыхъ завѣтныхъ ученій московскаго славянофильства. Правда, что это значило стать на такую высоту, съ которой только и можно побивать на голову всѣ сепаратизмы и съ полной вѣрой въ успѣхъ звать Россію къ исполненію ея призванія среди славянскихъ и неславянскихъ, разнонарѣчныхъ, разнозычныхъ и разновѣрныхъ племенъ отъ Адриатики и до Кавказа, — призванія, о коемъ такъ много говорили и московскіе славянофилы. Но вышедши съ кличемъ объ этомъ призваніи и имѣя идеали позади себя и въ одной русской области, московскіе славянофилы сами же всегда боялись призываляемаго ими будущаго.

При своемъ «московскомъ сепаратизмѣ», при всей «великорусской хлопоманіи» они, понятно, не могли съ должнымъ безпредосторожіемъ и широтою мысли побивать увлеченія украинофильства и отстаивать спокойно общерусские интересы. Разъ потерявши самообладаніе, славянофилы (если судить по словамъ печатнаго ихъ органа) не выдержали и своего прежняго отношенія къ дѣятельности украинофиловъ и къ малороссийской словесности, навлекшаго на нихъ укоры

«Московскихъ Вѣдомостей» въ томъ, что «у этихъ господь двоится въ глазахъ». Мало-по-малу и они присоединились къ голосу тѣхъ, кто утверждалъ, что все украинское движение и у настъ и въ Галиціи есть дѣло «польской интриги». Въ такомъ духѣ, по крайней мѣрѣ, уже высказывалась «Москва». Что касается до Галиціи, то, какъ мы видѣли, такимъ отношениемъ къ дѣлу выдающихся людей национальной русской партии дѣйствительно воспользовалась отчасти польская интрига. Нетерпимость и обвиненія, посылаемыя изъ Москвы галицкимъ «народовцамъ», повредили отчасти нашему славянофильству и у другихъ славянъ, особенно у молодой сербской партии, представляемой Омладиной. Что касается до Россіи, то и тутъ произошло замедленіе въ народномъ образованіи, чрезъ дискредитированіе предпріятія г. Костомарова; въ Западномъ краѣ реакція полонизма не приняла болѣе живыхъ, народныхъ формъ; много скромныхъ дѣятелей были тоже лишены довѣрія, много интригановъ пользовалось обвиненіемъ въ сепаратизмѣ для нечистыхъ цѣлей, накладывая на людей, которые виноваты были только въ любви къ своей родинѣ и народу, черные оттѣнки отъ «малороссофила» до «сепаратиста», многие патріоты задавались работой чистить и русить русское отъ временъ Кія, Щека и Хорива... Словомъ, много учинилось путаницы, потери силъ и промедленія въ юго-западной Руси, и «польская интрига» дѣйствительно могла торжествовать при видѣ того, какъ русскія силы поѣдали другъ друга.

Говоримъ все это вовсе не въ судь и не во осужденіе кого-либо лично. Всѣ грѣши были понемногу. Да, должно-быть, иначе не могло быть, какъ было!

Впрочемъ, въ своихъ отношеніяхъ къ польско-католическимъ кругамъ Западнаго края и къ полякамъ въ Польшѣ московское славянофильство, при всемъ своемъ увлеченіи, оказалось, однако, не безъ заслугъ предъ русскимъ обществомъ въ разясненіи вопроса о Западномъ краѣ и Польшѣ и высказало не мало здравыхъ мыслей, которыхъ, слѣдуетъ думать, упали не совсѣмъ на каменистую почву. Если наша статья попадеть въ руки и поляку, то мы сочтемъ и ее не бесполезной, такъ какъ въ ней полякъ найдетъ слова, которыхъ мы извлечемъ изъ старой уже теперь газеты,— слова, изъ которыхъ полякъ увидить, что и люди крайней русско-

национальной партии вовсе не объявляли войны quand-même польской народности, а старались, елико можно было, отнестись терпимъ даже къ крайнимъ польскимъ требованиеи и въ трудную минуту народного раздраженія находили въ душѣ своей слова въ защиту тѣхъ правъ польского народа, которыхъ казались имъ неотъемлемыми.

Написавъ на знамени своеи «славянство», «народность», московские славянофилы не могли, конечно, не признавать и за поляками права на народное развитіе. Будучи удалены отъ Польши и, подобно всѣмъ русскимъ, плохо зная ходъ дѣлъ въ Польшѣ, намѣренія и составъ революціонныхъ польскихъ партий, славянофилы сначала относились вовсе не враждебно даже и къ польскимъ революціонерамъ, подобно многимъ русскимъ людямъ, особенно жителямъ столицъ. Есть люди, которые теперь во всякомъ, кто не кричать и не кричить о враждѣ къ полякамъ, видятъ «овцу Панургова стада» или злостнаго врага Россіи, и какъ часто именно эти-то крикуны и оказываются тѣми же самыми лицами, которыхъ когда-то кричали и за поляковъ или служили тѣмъ интересамъ, которые могли быть на руку только полякамъ и притомъ самой именно «шляхто-іезуитской» партии! Теперь, конечно, яснѣ видно значеніе послѣднаго польского возстанія, хотя многіе ли ясно понимаютъ его! Теперь, напр., будь я полякъ и крайній польский патріотъ, только хладнокровно смотрящій на вещи, я бы благословлять небо, что послѣднее возстаніе не удалось и въ то же время помѣшало (какъ видно и изъ отвѣтныхъ депешъ нашего канцлера) завершенію системы М. Велепольского конституціей для Царства Польскаго. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Польша могла бы оказаться представительнымъ государствомъ, въ соединеніи ли съ Россіей или безъ того, но съ преобладаніемъ въ представительствѣ аристократіи, которая, что бы тамъ ни говорили въ своихъ прокламаціяхъ демократы a la Мѣроплавскій, никогда бы не потерпѣла ничего подобнаго тому устройству сельскаго сословія въ Польшѣ, которое введено было въ 1864 году «московскимъ» правительстvомъ. А обезспеченіе массъ народа — это такое приобрѣтеніе для страны и народности, ради котораго стоять и много пострадать.

Но въ 1860—1861 гг. къ начинавшемуся польскому движѣнію многіе относились въ Россіи не такъ, какъ послѣ. Тому

помогала и самая сложность польского движения, въ коемъ некоторые стороны были общи съ тогданимъ направлениемъ и русского общества. Теперь чаще всего встречаешься съ мнѣніемъ, что польское движение было исключительно аристократическимъ и даже было вызвано неудовольствиемъ пановъ Западного края эманципацией крестьянъ и опасенiemъ пановъ въ Царствѣ Польскомъ, какъ бы принципы этой эманципации не перешли въ царство, т.-е. какъ бы русское правительство не озабочилось и тамъ введенiemъ крестьянского надѣла. Въ такомъ мнѣніи есть доля правды; еще болѣе вѣрно, впрочемъ, предположеніе, что при успѣхѣ возстанія главная правительенная сила попала бы въ Польшѣ въ руки пановъ, или, если демократіи, то въ родѣ той, которая заявила свои политические таланты въ парижской коммунѣ. Но нельзя же отрицать, что была въ польскомъ движении и не-аристократическая сторона. Наконецъ, независимо отъ чисто национальной стороны, въ польскомъ движении была политическая, т.-е. та, которая отразилась тогда и на русскомъ обществѣ и нашла себѣ выраженіе даже въ патротическихъ адресахъ, которые стали подаваться у насъ послѣ вмѣшательства европейскихъ кабинетовъ въ польский вопросъ, и въ статьяхъ журналовъ по поводу этихъ адресовъ, какъ, напримѣръ, «Русскому Вѣстнику», который въ статьѣ «Что намъ дѣлать съ Польшей?» софтвервалъ потопить польскую оппозицію въ земскомъ соборѣ всей Российской имперіи, хотя и имѣющемся только совѣщательное значеніе, какъ и соборы въ древней Руси.

Этимъ объясняется, почему въ свое время многіе въ Россіи относились далеко не враждебно къ польскому движению, преимущественно тѣ, которые были удалены отъ Западного края разстояніемъ и малымъ знакомствомъ съ нимъ. Къ числу такихъ, по меньшей мѣрѣ, не враждебныхъ сначала къ польскому движению, надо отнести и московскихъ славянофиловъ. Болѣе рѣзко, чѣмъ вначалѣ заявленныя притязанія поляковъ и на Западный край, особенно на Киевъ, вызвали национальную реакцію, на которую, конечно, откликнулись и славянофилы и, конечно, болѣе чутко, чѣмъ другія направленія въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ внутренней Россіи и столицѣ. Вотъ нѣсколько словъ изъ обращенія «Дня» къ полякамъ по поводу состоявшейся въ Городнѣ демонстраціи, доказавшей свидѣтельствовать о возобновленіи унії

Литвы и Руси (съ Смоленскомъ и Черниговомъ) съ Польшей: «Кievъ, Волынь, Черниговъ, Смоленскъ!!!», восклицаетъ московская газета. «Безумные поляки! Какъ спѣшите вы проиграть ваше дѣло! Какъ торопитесь вы затушить всякую искру сочувствія, которую могла бы зажечь въ единоплеменныхъ вамъ братьяхъ ваша любовь къ родинѣ!.. Мы оставались чужды доселе вашей тяжбѣ съ правительствами, но вы хотите возобновить международную тяжбу и воскресить вражду, которую состраданіе къ вамъ начинало изглаживать въ сердцахъ нашихъ! Несчастные, несчастные, безуміемъ, какъ Божьей карой, пораженные поляки!..»¹⁾.

Въ то время, когда началась уже литературная полемика по вопросу о Западномъ краѣ, когда уже въ Варшавѣ и очень запахло революціоннымъ духомъ, «День» помѣстилъ статью о значеніи той медленности, какую наше правительство выказываетъ въ подавленіи польскихъ манифестаций и той малой настойчивости, которую обнаруживаетъ наше общественное мнѣніе въ требованіи со стороны правительства строгихъ репрессий. «Нѣмецкая газеты, говорилъ «День», исполнены самыхъ разныхъ выходокъ противъ Россіи за слабость ея дѣятельной относительно Польши. Онъ требуютъ отъ настѣй той неразборчивой энергіи, которую проявилъ бы, безъ сомнѣнія, нѣмецъ, если бы находился на нашемъ мѣстѣ. Къ энергіи эла Россія неспособна. Но этого еще мало: если бы мы и вздумали ее проявить, она, къ счастію, никогда не принесла бы намъ тѣхъ вкусныхъ плодовъ, какіе приноситъ другимъ: *вкушать* ихъ не даетъ намъ наша собственная общественная совѣсть. Не мало у настѣй силы материальной: предъ могуществомъ, опирающимся на 60 миллионовъ народонаселенія, безсильный-5-миллионный народъ; но такова важность нравственного начала справедливости для такого нравственного народа, каковъ русскій, что для этой материальной силы, при всемъ ея могуществѣ, *необходимо сознаніе безусловной своей нравственной правоты...* Въ Пруссіи едва ли найдете хоть одного пруссака, котораго совѣсть сколько бы нибудь смущалась отношеніями Пруссіи къ Познани, въ которой германизация, по свидѣтельству самихъ поляковъ, съ искусствомъ необыкновеннымъ, не русскимъ, почти пересилила польскую народность... Если

австріець и пруссакъ не надѣлены совѣтствомъ довольно чуткою, чтобы съ нравственной точки зрења вполнѣ вѣрно оцѣнить, въ какомъ отношеніи къ нимъ находится польская народность, — то мы можемъ похвалиться особенномъ милостію Божію въ томъ смыслѣ, что намъ надо чувствовать всякую малѣйшую неправду и, слѣдовательно, ту ея долю, какую исторический жребій могъ присудить намъ въ отношеніи къ Польшѣ»...

Разсматривая вопросъ польской съ точки зрења «правды воли народной», славянофильскій журналъ находитъ претензіи поляковъ на землю малоруссовъ, червоноруссовъ, бѣлоруссовъ противными нравственному праву, — правамъ и обязанностямъ народа русскаго. Но «тѣ же нравственныя основы», говорить онъ, «права и обязанности существуютъ, разумѣется, и для грека по отношенію къ Іоническимъ островамъ, и для поляка по отношенію къ тѣмъ польскимъ областямъ, где народъ польского происхожденія или говорить по-польски, исповѣдуется католическую религию и вообще не отдаляетъ себя и своей исторической судьбы отъ своихъ польскихъ братій. Осуждая со всею рѣзкостью правды притязанія поляковъ на Смоленскъ и Кіевъ, мы погрѣшили бы противъ логического смысла, если бъ стали осуждать законность ихъ патріотизма въ отношеніи къ Познани, Кракову и Варшавѣ». Въ силу такихъ убѣждений, славянофильскій журналъ почиталъ за главное дѣло «добиться правды отъ поляковъ», узнать, чего они хотятъ, и посредствомъ братскаго обмѣна мыслей сойтись на общемъ, взаимныхъ права гарантирующемъ решеніи. Вѣроятно то, что непреложный ходъ исторіи приведеть къ полнѣшему и тѣснѣшему, искреннему соединенію славянской Польши съ славянской же Россіей, «День» спрашивалъ: «не лучше ли, въ виду такого неизбѣжнаго историческаго решенія, предупредить все, что грозитъ намъ бѣдой, враждой и раздоромъ, и добровольно, сознательно, покаясь взаимно въ историческихъ грѣхахъ своихъ, соединиться вмѣстѣ братскимъ, тѣснымъ союзомъ противъ общихъ враговъ — нашихъ и всего славянства»¹⁾?

Высказанныхъ въ этихъ словахъ началъ «День» держался и во время польского возстанія и тотчасъ послѣ его усмирѣ-

¹⁾ «День», 1862, № 6.

нія, несмотря на то, что, исключая присланного однимъ полякомъ стихотворенія о славянскомъ братствѣ, на его миролюбивыя слова не послѣдовало со стороны поляковъ ни одного симпатического звука и въ то же время ни слова, которое бы знаменовало уступку по вопросу о Западномъ краѣ. Вся разница того, что «День» говорилъ послѣ начала кровопролитій и до него, заключалась лишь въ томъ, что теперь «День» требовалъ прежде всего усмиренія мятежа, но все-таки настаивалъ на необходимости узнать мнѣніе польского народа и отрицалъ всякое покушеніе на польскую народность въ чисто-польскомъ краѣ, требуя тамъ свободной арены для ея развитія, между прочимъ, для того, чтобы было куда удалиться упрямому полонизму и изъ Западнаго края,— словомъ, указывалъ необходимость для Россіи иного решенія польского вопроса, чѣмъ въ Австріи и Пруссіи ¹⁾.

Когда напоръ депешъ западно-европейскихъ державъ былъ съ успѣхомъ отраженъ нашимъ канцлеромъ, когда сдѣжалось явнымъ, что войны изъ-за Польши не будетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало ослабѣвать и возстаніе, «День», повторяя свои мысли о неприкосновенности польской народности на польской землѣ и о сохраненіи автономіи этой земли, прибавилъ и новую мысль о необходимости «вызвинуть въ Польшѣ и новую историческую идею: значеніе и участіе въ общей жизни народного организма — простого народа, крестьянского населения» (№ 29), или, какъ объяснилъ иѣсколько спустя «День», — «надѣлить польское крестьянство политическими правами» (№ 36). Такой-то, пополненный народомъ Польши, «День» и желалъ услышать голосъ, вмѣстѣ съ голосомъ собора земли русской по вопросу о томъ, «что намъ дѣлать съ Польшой?».

Что касается Западнаго края, то здѣсь, начиная еще съ статьи г. Елагина, славянофильскій органъ призналъ неумѣстность польскихъ притязаній и вредъ польского преобладанія, допущеннаго Россіей со времени присоединенія края. Славянофилы взывали къ обществу русскому, а не къ правительству, для нравственной реакціи полонизма. «День» даже выразился, что нѣть врага опаснѣе чиновническаго усердія (1862, № 22). «День» обращался и къ самимъ польскимъ слоямъ западно-русского общества, напоминая имъ, чѣмъ были ихъ отцы,

¹⁾ То же, 1862, №№ 6, 27; 1863, 17, 18, 19, 29, 32, 34, 35, 36; 1864, 13.

указывая и имъ на необходимость обратиться къ народу и искупить ту историческую неправду, которую совершили цѣлый поколѣнія оторвавшихся отъ народа и давившихъ его пановъ.

Очевидно, что «День» затрагивалъ такого рода струны, которые могли находить отзывъ хоть въ немногихъ свѣжихъ головахъ и послѣдовательно благородныхъ сердцахъ польского общества въ Польшѣ и въ Западномъ краѣ. И, однакожъ, отзывъ этотъ былъ весьма незначителенъ, почти ничтоженъ. Тому причиной было, конечно, прежде всего ослѣпленіе польскихъ руководящихъ слоевъ и ихъ невниманіе и незнаніе того, что говорить и чѣмъ живетъ русское общество; но тому причиной была и органический порокъ московскаго славянофильства. Поставивъ себѣ идеаль назади, въ московскомъ государствѣ XVII в., славянофилы отождествили понятіе *русской* съ понятіемъ *православной*, а потому поликъ и для нихъ стала однозначнымъ съ католикомъ, а католицизмъ однозначнымъ съ іезуитизмомъ. «Не можетъ быть мира между русскимъ народомъ, русскимъ государствомъ — и латинствомъ!», восклицала не разъ партия, которая въ «Посланіи къ сербамъ» увѣщавала ихъ считать католика отступникомъ отъ славянства.

Могли ли послѣ этого находить отзывъ клики изъ Москвы о братствѣ славянъ въ душѣ хотя бы самаго умѣреннаго поляка, который, однакожъ, быль такимъ же искреннимъ католикомъ, какъ московскіе славянофилы православными? Не могли ли, наоборотъ, клики и фразы славянофильства, будучи вырваны изъ его органа враждебной намъ партіей въ польскомъ обществѣ и именно революціонной и іезуитской партіей, служить доказательствомъ, что между «Москою» и польскомъ не можетъ быть мира и союза? Немало вредило миру и фатальное заблужденіе славянофильства, что цивилизаций Запада гнила и противна русскому народу, фатальное раздѣленіе цивилизаций на западную и восточную, тогда какъ на самомъ дѣлѣ существуетъ одна цивилизация, которая, конечно, принимаетъ оболочки отъ мѣста и народа (а еще болѣе отъ времени и исторического возраста народовъ) и является въ видѣ англійской, нѣмецкой, французской, русской, греческой, но отнюдь не западной или восточной. «Польша отпала въ латинство! Польша — звено Запада, а не славянскаго Востока, Польша отравлена, Польша — ядъ!» —

вотъ какъ crescendo шли славянофилы, которые даже необходимость сохраненія автономіи Польши доказывали оригинальнымъ образомъ, говоря, что «слить Польшу съ Россіей — значитъ принять ядъ внутрь, отравиться Польшей». И это выражение, названное редакціей «Дня» счастливымъ, принадлежитъ еще тому самому публицисту, В. А. Елагину, который такъ недавно спрашивалъ М. Грабовскаго: «неужели невозможно братское сожительство поляковъ и русскихъ даже въ Литвѣ и Бѣлоруссії?»

Если принципіальное смѣщеніе понятія *славянинъ* и *православный*, *католицизмъ* и *ультрамонтанство* и *іезуитизмъ* было вредно по отношению къ Польшѣ, то по отношению къ Западному краю эта синонимика, усиленная еще смѣщеніемъ понятія *русскій* и *православный*, еще болѣе привнесла гибельныхъ послѣдствій. Нѣть спора, что de facto тамъ было дѣло такъ: русского въ послѣднее время тамъ только и осталось, что православные да униаты, да и то даже послѣдніе стали полячиться, но именно это и произошло отъ долговременного господства бюрократической системы религіозной жизни и именно понятія, дѣлавшаго *руsskій* синонимомъ православнаго. Благодаря именно этому смѣщенію понятій и этой системѣ и выпло странное явленіе, что существовавшіе въ время польского господства надъ Литвою зародыши русского католицизма и русского протестантизма заглохли подъ владычествомъ русского государства, и именно въ послѣднее время въ западной Россіи католикъ, кальвинистъ стали синонимами поляка, и нѣкогда дѣйствовавшіе за одно съ православными диссиденты стали польскими патріотами и врагами русского государства. А славянофилы возводили такой печальный фактъ въ принципій! Въ странный кругъ мыслей попали славянофилы въ «Днѣ» и потомъ въ «Москвѣ», когда начали ратовать противъ бюрократической регламентаціи церковной жизни и въ пользу раздѣленія области церкви и государства и возводили въ принципій послѣдствіе этой регламентаціи, послѣдствіе самого свирѣпаго смѣщенія понятій о вѣрѣ и государствѣ и народности. Провозглашая «свободу духа», славянофилы заявили, что еврей не можетъ считаться братомъ русского (а гражданскія права еще, скрѣпля сердце, славянофилы соглашались признать за евреями), смѣясь надъ тѣмъ, что у насъ государство заботится не только о томъ, право-

вѣрою ли кто вѣруетъ во Христа, но и правовѣрою ли кто отрицаются отъ Христа, славянофилы все-таки доказывали, что на члѣв даже католика лежитъ знать, свидѣтельствующій о томъ, что онъ не братъ русскому. Православный, русскій, по ихъ словамъ, не долженъ гнать католиковъ и вообще ино-вѣрцевъ, но пусть и послѣдніе знаютъ, что на нихъ лежитъ печать отверженія отъ народа русскаго. Такія мысли высказывались въ «Днѣ» и въ «Москвѣ», когда поднялся вопросъ объ «обрусеніи», или по крайней мѣрѣ о «располяченіи» католицизма, и разнѣмечиваніи протестантизма и еврейства въ Западномъ краѣ.

Еще можно было понять, какъ эти мысли совмѣщаются съ проповѣдью «свободной жизни духа» и «духа свободной жизни», пока славянофилы говорили о предоставлѣніи усвоенія католиками, протестантами и евреями русской рѣчи, какъ признака принадлежности къ русской народности и полнаго отреченія отъ сепаративныхъ стремленій въ русскомъ государствѣ,—на волю самимъ иновѣрцамъ, не возлагая этой трудной жизненной реформы на моментальныя бюрократическія мѣропріятія; но главный тормозъ обрусенію иновѣрія и были именно бюрократическія мѣропріятія: запрещали ино-вѣрнымъ священникамъ проповѣдь на русскомъ языке, удерживали 10 лѣтъ отъ ввоза изъ-за границы переводъ Пятикнижія на русскій языкъ съ еврейскаго и для евреевъ, и даже (*incredibile memoratu!*) подвергли его цензуру Святѣшаго Синода. Но когда «Москва» говорила: «не снимайте съ католицизма польской оболочки, не дѣлайте его русскимъ, не давайте ему проскользнуть въ русское общество въ псевдо-русской оболочкѣ! Не гоните католиковъ въ Западномъ краѣ, но не снимайте съ нихъ печати отверженія отъ русскаго народа!» — то просвѣщенный человѣкъ, особенно изъ иновѣрцевъ, могъ только пожать плечами въ знакъ недоумѣнія. Да и это недоумѣніе могло переходить просто въ смѣхъ или негодованіе, когда встрѣчалось въ славянофильскомъ органѣ пренаивное мнѣніе, что «если бъ всѣ евреи приняли христіанство, тогда бъ и еврейскаго вопроса не было!» Всеконечно! Да въ томъ-то все и дѣло, что у нась есть еврейскій, католическій, протестантскій и вообще вопросъ объ иновѣріяхъ, да еще въ томъ, что у нась въ Западномъ краѣ католикъ говорить по-польски, а еврей и протестантъ по-нѣмецки, — въ то

время, какъ православный народъ говорить по-русски и государство наше — русское.

Въ такіе-то глухіе концы попадали московские славянофилы по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ вопросомъ о Польшѣ и западѣ Россіи, въ силу своего старовѣрства. Но все-таки они изъ первыхъ и чутко откликались на всѣ жизненные вопросы о тамошнемъ строѣ, и, что особенно важно, несмотря на ихъ ошибки и односторонности, на ихъ идеализмъ и туманность многихъ соображеній, ни одинъ живой интересъ русскаго народа и государства не былъ ими упущенъ, и не потерпѣлъ бы существенно, если бы общество донѣрлось ихъ руководству. То же надо сказать и объ украинофильствѣ и бѣлорусофильствѣ, которая имѣютъ сильныя и слабыя стороны общія съ славянофильствомъ.

Мы нарочно остановились на этихъ русскихъ народныхъ направленіяхъ по отношенію къ полякамъ и Польшѣ, потому что общество наше успѣло уже подзабыть недавно-прошлое и, главное, слишкомъ наслышалось историографовъ и публицистовъ новѣйшей формациіи, создавшихъ мнѣніе о безмѣрно-глупомъ «Панурговомъ стадѣ» съ одной стороны, т.-е. всей русской интеллигенціи, исключая самихъ историографовъ и публицистовъ, разрабатывавшихъ этотъ мнѣніе, и благоговѣйно внемлющихъ имъ, и о всесильной «польско-іезуитской интригѣ» съ другой стороны, которая можетъ опутать всѣхъ и вся, кромѣ опять-таки прозорливыхъ историографовъ и публицистовъ новѣйшей формациіи и пасомаго ими догадливаго стада. Этотъ мнѣніе о Панурговомъ стадѣ и польской интригѣ имѣть огромныя практическія послѣдствія: если наше общество заявило себя только какъ стадо, а польская интрига точно всесильна, тогда польско-русскій вопросъ представляеть иѣчто дѣйствительно страшное, требующее вѣчныхъ репрессій, направленныхъ въ сторону польской интриги и вѣчнаго руководительства въ сторону Панургова стада, — словомъ, мѣръ чрезвычайныхъ и въ то же время постоянныхъ.

Неутѣшительность подобной перспективы еще увеличивается отъ простого вопроса: если мы показали только свойства Панургова стада, а поляки засвидѣтельствовали талантъ интриги, то кто же поручится за то, что и сами прозорливые руководители наши и энергические охранители не попадутъ

въ числѣ тонкоруннѣйшихъ овецъ Панургова стада и интрига не извлечеть изъ нихъ тѣмъ большей для себя выгоды, что руководители облечены репутацией прозорливости, а охранители вооружены энергией и широкими полномочиями для ея приложения? Да, — вопрошаешь испуганный читатель, — *sed quis custodiet ipsos custodes?* — но кто же охранить самихъ охранителей?

Вѣрю и несомнѣнно одно, что вся эта сказка о Панурговомъ стадѣ и польской интригѣ имѣла и имѣть важныя для нась практическія послѣдствія: изъ-за этого миѳа наше общественное развитіе потерпѣло и потерпить остановку; мы дожили до того, что приходилось спрашивать: да кто жъ, помилуйте, наконецъ, не «сознательное, или безсознательное орудіе польской интриги?» Эта «интрига» примѣщивается у нась всюду: и къ вопросу о желѣзныхъ дорогахъ и даже къ спору о классическомъ и реальномъ образованіи; мы не можемъ ввести земства, новаго суда, открыть поземельного банка, словомъ, шагу ступить, безъ того, чтобы не спросить боязливо: а что, какъ этимъ всѣмъ да завладѣть польская интрига? Мы дожили, наконецъ, до того, что вотъ теперь дѣйствительная, да еще заграничная интрига спекулируетъ на нашу боязнь, что тѣ же самые нѣмецкіе политики и публицисты, которые упрекали нась за слабость къ польской интригѣ, а потому обзвали варварами за строгость, теперь думаютъ употребить нашу боязнь, какъ орудіе противъ ненастнаго имъ австрійскаго федерализма, который намъ можетъ быть только полезенъ. И чтобы быть послѣдовательными (да кетати, чтобы оправдать нами же на себя взвѣденную репутацію барановъ), намъ остается только подставить свою шею и подъ это новое руководительство и постараться поддержать предпринятое гр. Бейстомъ и кн. Бисмаркомъ прижатіе къ стѣнѣ нашихъ соплеменниковъ.

И что же, если оказывается, что сказаніе о Панурговомъ стадѣ есть только миѳ, пузырь, раздутый въ гору людьми частью своекорыстными, частью самообольщенными? Тогда, во-первыхъ, выйдетъ, что для пораженія польской интриги не требуется особыхъ ухищреній, а только предоставление общества и народа естественному ходу развитія впередъ; тогда руководительство, вместо своего направленія на подавленіе интриги и спасеніе отъ сѣтей ея и самихъ руководителей,

обращается ни къ чему другому, какъ къ помощи естественному и самостоятельному развитию народа и общества: вмѣсто военного положенія, контрибуцій, обязательныхъ продажъ имѣній, усиленныхъ высылокъ изъ края, сокращенія числа слушателей въ университетахъ, разгона цѣлыхъ десятковъ учениковъ въ гимназіяхъ, усиленной передѣлки народнаго языка и быта, субсидій и цензуры для журналовъ, замедленія и искаженій во введеніи земства, суда и проч. и проч., понадобится только поднятіе благосостоянія массъ, поднятіе ихъ, а равно и выше стоящихъ, въ просвѣщеніи, улучшеніе материальнаго богатства края, свобода печати, возможно широкое раскрытие дверей школъ, довѣріе къ общественной и личной инициативѣ, скорѣйшее введеніе полезныхъ реформъ и проч. и проч. Словомъ, разъ когда падетъ мнѣ о Панурговомъ стадѣ и разъяснится, что польская интрига и есть не что иное, какъ порядокъ, задерживающій развитіе народа и краевъ, естественно предназначенныхъ къ единству и союзу съ Россіей, то окажется, что спасеніе единства государства вовсе не требуетъ тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ, ни такой трудной работы, какъ уничтоженія цѣлой народности, а достигается не чѣмъ инымъ, какъ только внесеніемъ свободы свѣта и благосостоянія въ жизнь тѣхъ краевъ, за сепаратизмъ которыхъ мы такъ боимся.

VIII.

Мы остановились на украинофильствѣ, бѣлоруссофильствѣ и московскомъ славянофильствѣ именно потому, что эти направления, такъ сказать, стихійны, а потому и естественны, что они вытекаютъ изъ непосредственнаго чувства болѣе, чѣмъ изъ холоднаго расчета. И если, что, мы надѣемся, подтверждается едѣланными выписками, эти направленія заранѣе уже, а особенно въ 1860 — 1862 гг. разоблачили польскія притязанія на Западно-русскій край, побили ихъ логически на томъ же полѣ, на которомъ оширили и поляки свои патріотическія стремленія, т.-е. на полѣ исторіи и правъ народа и народностей; если, несмотря на увлеченія и односторонности, эти стихійныя направленія не пошли противъ ни одного существеннаго интереса русскаго народа и госу-

дарства, не уступили ни пяди русской земли враждебнымъ стремленимъ; если два изъ этихъ направлений наиболѣе рано и энергически выступили противъ польскихъ притязаній, и притомъ такъ, что поляки, для борьбы съ ними, не нашли другого средства, какъ прибѣгнуть подъ защиту русской же администраціи, то это всего нагляднѣе показываетъ всю несостоятельность миа о Пантурговомъ стадѣ и слабость матеріальную и нравственную полонизма въ Западномъ краѣ, предоставленного собственнымъ силамъ. Эти обстоятельства даютъ намъ полное право предполагать, что если бы теперь же край этотъ былъ признанъ совершенно находящимся въ нормальномъ положеніи, если бы въ немъ было введено земство, гласный судъ, безцензурная печать, то полонизмъ былъ бы тѣмъ скорѣе подавленъ, и во всякомъ случаѣ не могъ бы произвести ничего опаснаго, а только бы еще болѣе убѣдился въ своей несостоятельности. Предположеніе это мы дѣлаемъ на основаніи только отношеній мѣстныхъ, болѣе стихійныхъ направлений къ полонизму и фактъ изъ времени 1860—1863 гг. Нужно же имѣть въ виду, что съ тѣхъ поръ многое измѣнилось именно въ интересахъ русскаго народа и его единства, и это измѣненіе произошло частью и потому, что многое, задѣтое только въ общихъ чертахъ вышеупомянутыми народными направленими, въ силу дальнѣйшихъ обстоятельствъ развито было полно, другое же, что больше входило въ область иллюзій, было разбито жизнью.

Придавалъ немаловажное историческое значеніе тому, что на защиту русскихъ интересовъ въ Западномъ краѣ выступили народныя направленія, какъ украинофильство, бѣлоруссофильство и московское славянофильство или великоруссофильство, мы не станемъ, однако, преувеличивать ихъ значеніе, даже въ прошломъ. Это были все-таки, главнымъ образомъ, ученолитературныя направленія. Г. Антоновичъ, отвѣчая на намекъ г. Падалицы о затѣваемой украинофилами колївиціи, выражался, что настоящій Гонта будетъ вооруженъ не ножомъ, а перомъ или рѣчью на трибунѣ; г. Аксаковъ думалъ предупредить взрывъ польской революціи и остановить начавшейся манифестаціи литературнымъ обмѣномъ мыслей съ польскими учеными и публицистами. Какъ начало культурной борьбы съ поляками, эти направленія были очень важны и могли особенно принести пользу именно въ сферѣ дѣйствія литера-

туры и науки, въ школѣ, въ университѣтѣ. Общественная же и политическая сторона вопроса двигаема была этими литературными направлениями мало и затронута была лишь въ общихъ чертахъ. Къ тому же украинофилы и бѣлоруссофилы были, что называется, «люди маленькие»; первые вѣдомы и замолкли и сошли со сцены въ самую горячую пору, заподозрѣнны въ служеніи поликамъ, вторые же были еще малочисленнѣе и, если высказывались, то болѣе подъ покровительствомъ великоруссофиловъ. Послѣдніе держались долго и говорили громко, но не могли попасть на практическую почву.

Уже когда ясны стали стремленія польскихъ слоевъ населения въ Западномъ краѣ и польскихъ революціонеровъ въ царствѣ, московскіе славянофилы все еще толковали: «неудивительно, что поляки отрицаютъ русскую народность, если и у насъ слабо чувство народности» и т. д., съ обычными восклицаніями противъ петровской реформы и западничества. Если они и предлагали мѣры, то тоже въ довольно неопределенныхъ выраженіяхъ и формахъ. Таково, напр., выраженіе: «надо узнатъ голосъ самой Польши, польского народа», и самое предложеніе: «призвать къ политической жизни польский народъ». Значило ли это необходимость созвать чинъ, парламентъ польскій, произвести ли поголовную подачу голосовъ въ Польшѣ по вопросу, какую форму политического бытъ она желаетъ имѣть? Что плебисцитъ есть самого дурного тона комедія, изъ изобрѣтенныхъ на «гниломъ Западѣ», противъ этого, конечно, славянофилы спорить не станутъ; что при степени образования, на которомъ стояла тогда масса польского народа, эта комедія была бы еще глупѣе въ Польшѣ, чѣмъ въ Савойѣ и Ниццѣ, — это тоже болѣе, чѣмъ вѣрно. Въ то же время все похожее на польскій парламентъ въ 1863 году выразило бы только мнѣніе революціонныхъ элементовъ въ Польшѣ, а никакъ не всего народа, а особенно не представляло бы его интересовъ, это тоже, какъ нельзя болѣе, вѣроятно.

Поэтому совѣты славянофиловъ во многомъ оказывались непрактичны, даже если оставить въ сторонѣ, что обращеніе къ чemu-либо похожему на suffrage universal вовсе не въ нашихъ нравахъ. Да, главное, что эти совѣты и были весьма неясны. А между тѣмъ восстание шло и надо было дѣйствовать

вать. Передъ большинствомъ общества было въ преданіи одно средство: военная диктатура. О ней-то и стали кричать, особенно съ тѣхъ поръ какъ показалось, что другая система, испробованная въ Польшѣ посль смерти Паскевича, не вела ни къ чему добруму. Собственно это была вовсе не система дѣйствій, а просто отступленіе. Мы, т.-е. диктатура, все отступала, а на мѣсто ея становилось то, что было въ Польшѣ и Западномъ краѣ наверху, а наверху была аристократія да революціонеры; и край, конечно, не умиротворялся, и притягашія революціонеровъ все росли въ ущербъ народу русскому и безъ всякой перспективы выгоды народу польскому. Эту систему почему-то принято въ нашей печати называть системой «либерализма и гуманности» и выводить на семь оснований несовмѣстимость «либерализма и гуманности» или, какъ иѣкоторые патріотические публицисты выражались для вицшей силы, «перезрѣлага гуманизма и недозрѣлага либерализма», — въ нашей политикѣ въ Польшѣ и Западномъ краѣ.

Собственно говоря, мы еще ни разу не попробовали ни въ Западномъ краѣ, ни въ Польшѣ *системы* либерализма и гуманности, ибо тамъ еще ни разу не были собраны представители всѣхъ слоевъ населенія для решения мѣстныхъ земскихъ дѣлъ, не введенъ бытъ гласный судъ съ присяжными, не была освобождена печать, гарантирована частная дѣятельность отъ произвола, а подобныя мѣры только и составляютъ признаки системы гуманнаго либерализма. Въ Польшѣ и Западномъ краѣ только и была принята одна *мѣра* либеральнаго свойства, а именно — освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ, — и нельзѧ сказать, чтобы она принесла дурные политическіе результаты. То же, что при маркизѣ Велепольскомъ въ царствѣ, или въ 1860—1863 гг. въ Западномъ краѣ, всѣ почти служебныя мѣста были заняты поляками да что панамъ въ Западномъ краѣ дозволялось отнимать у крестьянъ земли, досѣкатъ ихъ до якобы добровольнаго соглашенія, а въ царствѣ интриговать противъ распространенія на него принциповъ Положенія 19 февраля 1861 года, даже и въ такой несовершенной формѣ, какъ въ Западномъ краѣ, да повсюду возбуждать преслѣдованія администраціи противъ лицъ, идущихъ въ разрѣзъ съ олигархическими интересами, — все это, конечно, не имѣть ничего общаго съ либерализмомъ и гуманностью. Это тоже система диктатуры и бюрократіи, только отданной на

службу польскимъ революционерамъ бѣлой партіи. А между тѣмъ у насть прежде только и знали (да многіе ли знаютъ иное и теперь?), что эти два вида диктатуры и бюрократіи: одна давила все, и свое и чужое, другая позволяла и помогала давить свое и могущее стать своимъ. Понятно, что такие люди, какъ славянофилии, гнались однимъ, видѣли вредъ другого. А къ чему прибѣгнуть, хорошенько не сознавали, отчего и дали обогнать себя и выхватить предводительство въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, кто пришелъ хоть и позже, да зато выкликнулъ безъ дальней думы и покрѣпче нехитрый, но удобопонятный принципъ, выраженный словами: « чтобы слова не тратить попустому, гдѣ нужно власть употребить »...

Все дѣло могло бы кончиться просто усмиренiemъ, казнями, ссылками и военнымъ положенiemъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Надо сказать, что « бѣлому юнду » такой исходъ не былъ бы очень и противень. Ему не очень-то были любезны фанатические мѣщане, стрѣльявши въ нашихъ намѣстниковъ, ни повстанцы, рымавши по лѣсамъ, ни демократствующій Мѣріславскій съ Гарibalльди въ перспективѣ; всѣмъ этимъ бѣлые пользовались только какъ средствомъ запугать правительство да и получить себѣ побольше уступокъ. Серьезнаго же возстанія, да еще подъ предводительствомъ красныхъ, « бѣлые » могли даже бояться самыми серьезными образомъ. Когда возстаніе, благодаря нетерпѣнію красныхъ, таки вспыхнуло сильнѣ и было подавлено, « бѣлымъ » было совершенно безразлично, сколько повстанцевъ сошли или повѣсятъ лишь бы соціальное положеніе края осталось прежнее. А временную диктатуру, конечно, надо было перетерпѣть, а потомъ постараться прибрать въ руки: « бѣлымъ » же всегда первое и второе удается легче. Что новая эра диктатуры не только не принесла бы пользы ни народу ни государству, а только усилила бы вредъ, нанесенный прежнею, что, при сохраненіи реальной силы у « бѣлыхъ », только увеличилась бы сепаратистическая стремленія въ царствѣ и прогрессивная полонизация Западнаго края, въ этомъ мы, судя по примѣрамъ прошлаго, не имѣемъ основанія сомнѣваться.

Къ счастію — и вотъ еще одно доказательство, до чего не хитрая вещь польской вопросъ у насть, — за насть работаетъ сама исторія, даже когда мы вовсе не имѣемъ опредѣленной системы дѣйствій. Самъ ходъ событий толкнулъ насть на новую

дорогу къ разрѣшенію польского вопроса, а помогло перейти на эту дорогу въ значительной степени то, что патріотическими историографами нашими выставлено за одно изъ явныхъ проявленій руководительства въ нашемъ обществѣ польской интриги и что дѣйствительно оказалось не безъ грѣха. Сразу покажется парадоксомъ, а при внимательномъ всматриваніиъ дѣло оказывается дѣйствительнымъ то, что если известная часть русского общества пристала дѣятельно къ союзу съ польской революціей, то это послужило къ лучшему исходу мѣропріятій, послѣдовавшихъ за мятежомъ. Постараемся объяснить это положеніе, насколько возможно. И если намъ удастся доказать, что даже при патологическихъ отклоненіяхъ русской общественной мысли и инициативы, она не только не послужила къ существенному ущербу интересовъ народа и государства, но въ пользу ихъ, хотя бы иѣсколько и косвенно, то тѣмъ наче окажется, что успѣшное разрѣшеніе трудностей польского вопроса можетъ быть почитаемо вполнѣ не труднымъ и предоставлено естественному ходу развитія русской мысли и общества.

Замѣчательно, что самая дѣйствительная и самая важная изъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время къ скрѣпленію единства нашихъ западныхъ окраинъ, исключая Остзейскую, съ государствомъ есть въ то же время мѣра, которая связана съ самыми существенными изъ всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ въ настоящее царствованіе наше правительство и общество, а именно освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ и съ общиннымъ самоуправленіемъ. Эти основныя начала Положенія 19 февраля составляютъ тотъ пунктъ, около коего группируются всѣ наши общественные направленія съ самаго 1858 г., когда способы устройства сельского состоянія стали у насъ предметомъ разработки, когда отношеніями къ этимъ началамъ опредѣлились всѣ симпатіи и антипатіи въ нашемъ обществѣ; около этихъ пунктовъ сосредоточивалась и сосредоточивается вся серьезная сторона борьбы за «обрученіе» въ Западномъ краѣ съ самаго времени составленія инвентарей и до сихъ поръ.

Различія въ отношеніяхъ разныхъ направленій нашего общества къ этому вопросу оказались еще тогда, когда еще не было произнесено не только слово «освобожденіе» крестьянъ, но и «улучшеніе быта», и проявились, повидимому, по поводу

чисто исторического и даже археологического вопроса въ спорѣ о сельской общинѣ въ Россіи; при этомъ славянофилы съ своей «Русской Бесѣдой» взяли сторону общинѣ, и тогдашній органъ тогдашнихъ западниковъ, «Русскій Вѣстникъ», сталъ противъ признанія общинѣ естественно возникшимъ и соотвѣтственнымъ нуждамъ русского народа учрежденіемъ. Уже съ самаго начала видно было, что подъ общиной обѣ стороны разумѣютъ даже не общинное только владѣніе землей, а вообще экономическую и полицейскую самостоятельность крестьянскаго мѣра — громады¹⁾.

Достойно вниманія, что голосъ изъ юго-западной Руси, которую сами славянофилы готовы были считать не чисто русской, и гдѣ дѣйствительно община давно уже не существуетъ въ видѣ общиннаго землевладѣнія, получилъ тогда рѣшающее значеніе въ спорѣ обѣ историческому происхожденію экономической и полицейско-судебной независимости нашей сельской общинѣ; а также и то, что сторону славянофиловъ принялъ, сводя вопросъ еще болѣе съ археологической почвы на современную экономическую, журналъ, который потомъ представлялъ изъ себѣ наиболѣе рѣзкую форму западничества, — если только прилично теперь употреблять это обвѣтшалое и всегда имѣвшее мало смысла выраженіе, — журналъ, который, по словамъ виленскихъ историографовъ и московскихъ публицистовъ, сталъ самымъ послушнымъ и явнымъ орудиемъпольской интриги, а именно «Современникъ». Когда вопросъ о надѣлѣ крестьянъ землею и обѣ устройствѣ сельского управления, — съ сохраненіемъ ли въ какомъ бы то ни было видѣ вотчинной полиції за помѣщиками или съ организацией самостоятельной крестьянской общинѣ, — сталъ предметомъ разсужденій въ редакціонныхъ по крестьянскому дѣлу комитетахъ и въ печати, разница въ направленіяхъ нашихъ въ обществѣ и печати стала еще рѣзче. Отсѣгъ и всѣ раздоры, не затихшіе и до сихъ поръ и объемлющіе всѣ послѣдующіе. «Русская Бесѣда» съ «Сельскимъ Благоустройствомъ» и потомъ «День», «Современникъ» стали за надѣлъ крестьянъ землею и противъ вотчинной полиції помѣщиковъ, — «Русскій Вѣстникъ» съ «Современной Лѣтописью» и потомъ «Мо-

1) См. особенно статью г. Иванашева, члена Киевской археографической комиссии, въ „Русской Бесѣдѣ“, 1857, о древней общинѣ въ юго-западной Руси.

сковскія Вѣдомости» съ своими учеными и публицистами (гг. Ржевскій, Бланкъ, Безобразовъ, Скарятинъ и т. д.) ратовали «за освобожденіе крестьянъ отъ прикрѣпленія къ землѣ и отъ палки пьяного волостного старшины». До какой степени стремленія этой послѣдней нашей общественной партии сходились съ польскими, можно видѣть изъ ниже слѣдующаго сопоставленія.

Въ центральномъ редакціонномъ комитете депутаты отъ западныхъ губерній, поддерживаемые и нѣкоторыми русскими, подали слѣдующее заявленіе (24 марта 1860 г.): «Мы съ трудомъ можемъ себѣ вообразить нынѣшнее крѣпостное населеніе въ Россіи, распредѣленное на десять тысячъ какихъ-то республикъ съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправление должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи, и которое между тѣмъ не въ состояніи отвѣтчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право публичнаго обвиненія на сходкѣ, предоставленное членамъ волости, поддерживаетъ и развиваетъ между послѣдними колективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ. Мы опасаемся, что устраненіе консервативнаго элемента частной собственности и соединенного съ нею умственнаго развитія введетъ въ русскую жизнь такой крайній демократический принципъ, который несомнѣнѣнъ съ силою правительственною властью и отъ которого могутъ пострадать общественный порядокъ и спокойствіе въ государствѣ» и т. д.

Выше мы привели пѣсколько строкъ въ такомъ же духѣ изъ «Московскихъ Вѣдомостей», а вотъ что писала та же газета уже въ 1864 г., т.-е. послѣ польского восстанія, во время котораго она стяжалась себѣ славу единственнаго патріотического изданія и спасителя отечества: «Землевладѣльцы — естественные защитники свободнаго сельскаго люда, представители его интересовъ, надежные хранители земскаго мира. А есть либералы, которые все еще думаютъ, что крестьянамъ лучше оставаться подъ палкою выборнаго старшины или старосты, подъ расправою мірской сходки или подъ филантропической опекою наѣзжаго (ср. польское выраженіе паїazd для означенія мирового института) офиціала... Наши прогрессисты, изъ нелѣнныхъ опасеній вторичнаго пришествія крѣпостного права и подъ вліяніемъ смутныхъ идей демо-

кратического социализма, рады навѣки закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи, въ круговой порукѣ, подъ деспотизмомъ мірской сходки и такъ называемаго крестьянскаго самоуправлѣнія»¹⁾). Если бы тутъ шла рѣчь только о такой или иной формѣ организаціи крестьянскаго землевладѣнія и самоуправлѣнія, то бытъ бы другой вопросъ, но проповѣдь противъ самаго принципа крестьянской общины, заявленія въ пользу вотчинной полиціи помѣщиковъ, агитация въ пользу освобожденія крестьянъ на англійскій (или, что то же, на остзейскій и польскій) манеръ, какъ нельзѧ болѣе совпадала съ цѣлями польскихъ пановъ свергнуть съ себя иго инвентарей, решить вопросъ о надѣльѣ крестьянъ по добровольному будто бы соглашенію, т.-е. дать какъ можно меншій надѣльѣ или вовсе не дать, наконецъ, удержать административную власть надъ крестьянами²⁾.

1) „Москов. Вѣд.“, 1864, № 51.

2) До чего нехитрая вещь весь вопросъ о нашихъ окраинахъ и изъ чѣль собственно состоять вся суть „польской“ и нѣмецкой интриги, можно видѣть и изъ того, что уже давно и нѣмецкими политиками выражалось „неудоволіствіе противъ основныхъ началь нашей крестьянской реформы. Такъ, еще въ декабрѣ 1857 г., т.-е. при первой вѣсти о реекспрѣахъ 20 ноября 1857 г., открывшихъ въ Россіи работы по крестьянскому вопросу, „Кельнская газета“ въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ „Russland und Deutschland“ говорила: „Вникая въ духъ и стремленіе русскихъ публицистовъ въ послѣднее время, мы убѣждаемся, что ихъ главная особенность состоить въ возмущеніи славянскаго высокомѣрія (slavische Uebermuth) противъ умственного превосходства измѣція. Изъ всѣхъ племенъ, составляющихъ югетическое человѣчество, ни одно не лишило такъ вполнѣ всякаго смысла политического устройствъ, переходящаго за предѣлы тихой общинной жизни, какъ славяне. Ихъ государственный строй сохранился только благотворнымъ влияніемъ германизма. Безъ нѣмецкой партии, т.-е. безъ тѣхъ значительныхъ людей, которые прикладываютъ къ русскимъ дѣламъ мѣрило германского образования, Россія потерпѣла бы въ безконечной путаницѣ. А потому вы, гг. русские, не очень торопитесь изгнаніемъ нѣмецкихъ элементовъ. Какъ бы не пришлось потомъ горько раскаиваться въ этомъ, подобно той шведской журнальной черни, говорившей, что нѣмцы годны только въ дворники, кельнеры и слуги. Если теперь будетъ освобожденіе крестьянъ, то оно только и можетъ совершиться на маленькихъ основаніяхъ и съ той осторожностью, съ которой Александръ I привезъ въ дѣйствіе свой проектъ въ остзейскихъ губерніяхъ“. Читая такие софты, и понимаешь вѣрность словъ, сказанныхъ „Times“ въ 1863 г., что старо-русская партия въ Россіи и нѣмецкая все равно, „хотѣ теперь и кричать такъ много въ Европѣ о томъ, что „старо-русская партия“ хочетъ уничтожить все нѣмецкое и польское“ не гнувшись для этого и социализмомъ молодой русской партии. И вообще въ западно-европейской печати теперь сложился мнѣо о „русской“

Партія, защищавшая принципъ поземельнаго надѣла крестьянъ, имѣла различные оттѣнки до самаго радикальнаго, который почиталъ необходимымъ дать надѣль безплатно, хотя вполнѣ отчетливо эта послѣдняя идея и не была высказана кѣмъ-либо изъ болѣе извѣстныхъ въ литературѣ и обществѣ лицъ. Во главѣ наиболѣе радикальныхъ и страстныхъ поборниковъ идеи крестьянскаго надѣла стоялъ А. Герценъ. Когда обнародовано было Положеніе 19 февраля, имъ остались недовольны и многіе изъ рѣшительныхъ враговъ крестьянскаго надѣла и поклонниковъ англійскаго и остзейскаго способа освобожденія крестьянъ, равно какъ многіе изъ поборниковъ идеи крестьянскаго надѣла елико возможно на болѣе легкихъ для крестьянъ условіяхъ. Крестьяне, въ свою очередь, исходя изъ начала: «мы ваши, а земля наша», недовѣрчиво смотрѣли на объявляемую волю, дожидая «новой воли», «слушшного часу» и т. п. Изъ желанія однихъ какъ можно меныше дать земли и какъ можно подороже, изъ недовѣрія другихъ вытекали недоразумѣнія, въ особенности естественные при новизнѣ дѣла; а при томъ страхъ, который у насъ тогда питали къ «пробужденію льва», т.-е. освобожденію миллионовъ закрѣпленныхъ крестьянъ, эти недоразумѣнія вели за собою иногда кровавыя послѣдствія. Разумѣется, что болѣе крайніе послѣдователи идеи надѣла крестьянъ землею видѣли въ жертвахъ этихъ не-

партіи, которой приписывалася самая противоположная черты. Миѳъ этотъ отражается и въ Россіи и соотвѣтствуетъ той неопределенноти общественныхъ понятій, которая произошла вслѣдствіе неосыпаемаго историческимъ изученіемъ и критикой напластования, одѣ на одно изъ нашихъ общественныхъ направлений. При историческомъ же и критическомъ пересмотрѣ нашей общественной жизни за 10—12 лѣтъ оказывается, что именно „старо-русская“ партія, если разумѣть подъ этимъ терминомъ, что и слѣдуетъ, партію, желающую замедленія и урѣзаній широты реформъ настоящаго царствованія, есть, конечно, въ то же время и „іѣмецкая и польская партія“,—выводъ историческій, поучительный въ то же время и для настоящаго и будущаго. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ часть публицистовъ нашего, такъ называемаго, охранительнаго (что и есть дословно—старого) направления выдѣлилась изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ такъ называемую партію „Вѣсти“, выводъ этотъ сталъ самъ собою напрашиваться въ головахъ мыслящихъ людей и произвѣлъ благотворное вліяніе и на самыя „Московскія Вѣдомости“. Дальнѣйший ходъ событий, а особенно историческое изученіе недавно-прошедшаго, долженъ повести еще къ исконно иному распределенію общественныхъ партій — и, быть-можетъ, предохранить настъ отъ множества недоразумѣній, въ коихъ „свои своихъ не познаша“.

доразумѣній мучениковъ симпатичной имъ идеи и, увлекаясь чувствомъ негодованія, допускали срываться съ устъ своихъ фразы гнѣва и угрозы или, лучше сказать, вѣры въ грядущее «народное отмщеніе». Къ этому неудовольствію присоединилось уже упомянутое, довольно распространенное тогда движение къ представительнымъ политическимъ формамъ, раздѣляемое тогда и многими поборниками безземельного освобожденія крестьянъ, недовольными Положеніемъ 19 февраля съ «бѣлой» точки зренія. Конечно, каждая изъ недовольныхъ сторонъ думала, что представительное правленіе послужить въ пользу ея идей, хотя, конечно, наиболѣе шансовъ успѣха при немъ было бы на сторонѣ «бѣлыхъ».

Такимъ образомъ явилась идея о возможности переворота въ Россіи или, по крайней мѣрѣ, о необходимости агитации къ тому, породившага прокламацію «Великоруссъ», начало общества «Земля и Воля» и т. п. Было совершенно естественно, что польскіе революціонеры обратили вниманіе на эти революціонные элементы въ Россіи, а эти послѣдніе—на поляковъ. Общность предмета неудовольствія напередъ связала оба элемента. Наши красные были въ существѣ дѣла болѣе соціальной, чѣмъ политической партіей, и субъективно считали такими же и польскихъ дѣятелей, чemu много помогало, конечно, отсутствіе гласности и темнота польскихъ требованій. Правда, и самыхъ усердныхъ между нашими красными смущалъ вопросъ о Западномъ краѣ, но такъ какъ они почти исключительно были именно великоруссы и притомъ жители столицъ, то обѣ этомъ краѣ имѣли смутныя свѣдѣнія, подобно, впрочемъ, большинству тогдашняго великорусского и столичнаго общества, а потому и успокоивались резономъ, что населеніе Западнаго края слѣдуетъ предоставить самому решить свою судьбу.

Такими-то обстоятельствами и соображеніями объясняется, почему нѣсколько студентовъ и молодыхъ офицеровъ совмѣстно съ поляками издавали летучіе листки, почему нѣкоторые рѣшились подговаривать солдатъ не стрѣлять въ повстанцевъ, а два-три человѣка рѣшились и присоединиться къ повстанцамъ. Вотъ собственно реальное основаніе для миѳа о Панурговомъ стадѣ. Собственно число дѣйствительныхъ союзниковъ польского восстанія въ напѣмъ обществѣ было до того ничтожно, что придавать этимъ единицамъ какое бы то ни

было серьезное значение было бы явной натяжкой. Серьезного во всей этой истории союза польскихъ революционеровъ съ нашими только и есть, что, такъ какъ наши «красные» были только крайнимъ побѣгомъ дѣйствительно серьезнаго направления въ наше общество, а именно стремленія къ надѣлу крестьянъ землею, то и польские революционеры,— «красные» болѣе или менѣе искренно, а «бѣлые», конечно, съ задней мыслью,— поставлены были въ необходимости, чтобы прилечь къ себѣ хоть иѣсколько человѣкъ изъ русскаго общества, заявить, что и они признаютъ русскій принципъ надѣленія крестьянъ землею. Вотъ чѣмъ объясняется происхожденіе золотыхъ грамотъ. А такъ какъ суть всего дѣла о Западномъ краѣ и Польшѣ именно и заключается въ задѣлахъ крестьянъ землею и полномъ освобожденіи ихъ отъ помѣщиковъ, такъ какъ поляки, даже демократы, всегда имѣли въ виду болѣе политическую и національную цѣль, чѣмъ соціальную и экономическую, всегда забывали въ своихъ либеральныхъ мечтаніяхъ народъ,—то едва ли не вѣриѣ будетъ сказать, что не столько наши «красные» попались на удочку польской интриги, сколько эта послѣдняя зацепилась за краинный уголъ направления, которое привело къ самой существенной изъ реформъ, усилившихъ Россію, и къ самой дѣйствительной мѣрѣ къ скрученію ея связи съ окраинами.

Мы даже рѣшаемся сказать, что наши «красные», которые подавали руку союза польскимъ революционерамъ, оказывались гораздо менѣе вредными, чѣмъ наши «бѣлые», агитировавшие заодно съ поляками противъ надѣла крестьянъ землею и въ пользу вотчинной полиціи помѣщиковъ: въ первомъ случаѣ оболочка факта, участіе въ революціи или въ ея приготовленіи, была, конечно, преступна, но преступленіе это объясняется только ошибкой и незнаніемъ, идея же, лежавшая подъ преступной и революціонной оболочкой была самая охранительная, самая сообразная съ дѣйствительными интересами русскаго государства. Во второмъ случаѣ цѣль была, повидимому, самая благонамѣренная, самая охранительная, но если бъ она была достигнута, русскій народъ и государство въ Западномъ краѣ поставлены бы были въ самое невыгодное положеніе. При этомъ все-таки не мѣшаетъ имѣть въ виду и то смягчающее обстоятельство, что самые красные изъ русскихъ, сочувствовавшихъ полякамъ, въ существѣ дѣла не

уступали ни пяди русской земли послѣднимъ, такъ какъ они предоставляли рѣшеніе вопроса о принадлежности Западнаго края населенію. Населеніе и рѣшило этотъ вопросъ, правда, не такъ, какъ наивно думали наши «красные» и какъ имъ обѣцали устроить рѣшеніе поляки, т.-е. не посредствомъ suffrage universel на французскій манеръ, а тѣмъ, что стали вязать повстанцевъ и доставлять ихъ властямъ со всѣми ихъ золотыми грамотами, чрезъ что рѣшеніе не измѣнило ни своей сущности ни убѣдительности. А благодаря именно этому рѣшенію на будущее время не предвидится въ нашей молодежи и обществѣ Великой Руси и столицѣ (о мѣстной западно-русской и говорить нечего) повтореніе того сочувствія русскихъ, сознававшихъ себя демократами, въ столь олигархическомъ дѣлѣ, какъ польское дѣло въ Западномъ краѣ, даже и въ томъ скромномъ размѣрѣ, въ какомъ это соучастіе проявилось въ 1862—1863 гг. Вовсе не рѣдкость, что люди, которые въ прежнее время, по ошибочному помѣщенію симпатій, относились съ сочувствіемъ къ польскому возстанію, по томъ, когда дѣло разыгралось, стали тѣмъ болѣе усердными дѣятелями на западѣ Россіи по крестьянскому дѣлу, народному образованію и т. п. И если что-либо вызываетъ нерасположеніе въ иѣкоторыхъ русскихъ кругахъ къ такъ называемому «обрученію», такъ это мелочный рецессалин, направленный въ сферу личной жизни, т.-е. вещи совершенно ненужны для сущности дѣла, да перенесеніе «обрученія» въ области вовсе не русскія, т.-е. такія, где оно и не имѣть шансовъ успѣха. Такимъ образомъ и тутъ мнѣ о Пантурговомъ стадѣ и о всемогущей польской интригѣ оказывается преувеличеннымъ и ложно представляющимъ дѣло и его значеніе, а страхи, сопряженные съ этимъ миѳомъ, неосновательными.

IX.

То, что происходило въ меньшихъ размѣрахъ и менѣ ясныхъ формахъ въ отношеніяхъ между польскими агитаторами и разными кружками и лицами въ Россіи, проявилось нагляднѣ съ кружкомъ нашихъ эмигрантовъ за границей, особенно съ самою выдающейся между ними личностью, Герценомъ. Теперь пора бы уже, кажется, наступить спокойной

и беспристрастной оцѣнкѣ его роли въ исторіи нашего общества за послѣднее пятнадцатилѣтіе, и въ томъ числѣ его отношеній къ польскому вопросу, для чего его собственныя мемуары и статьи доставляютъ значительное количество материала. Конечно, въ настоящей статьѣ мы не возьмемъ на себя ни оцѣнку дѣятельности Герцена вообще, ни сколько-нибудь подробный очеркъ его участія въ польскомъ восстаніи. Мы только коснемся отношеній Герцена и его теорій къ вопросу о Западномъ краѣ, Польшѣ, славянству и Германіи, составляющему главный предметъ нашей статьи.

Мы уже потому не можемъ миновать Герцена, что въ толкахъ нѣмецкой печати его имя постоянно приводится, какъ имя одного изъ отцовъ той ужасной, по понятіямъ этой печати, партии, «русской» партии, которая угрожаетъ полякамъ и нѣмцамъ и всей европейской культурѣ. Еще при жизни своей Герценъ былъ предметомъ ожесточенной ненависти нѣмецкой печати отъ Kreuz-Zeitung и Allgemeine-Zeitung до листковъ Карла Маркса и другихъ нѣмецкихъ эмигрантовъ демократической и соціальной партий, которые даже заявляли, что Герценъ—агентъ русского правительства. И нужно сказать, что и злое перо Герцена ничто и никого не рисовало съ такою беспощадною юдкостью, какъ нѣмецкая противорѣчія, нѣмецкую исключительность, нѣмецкихъ *Umwälzungsmänner*.

Нѣмецкія отношенія къ другимъ народамъ и особенно къ Россіи и славянству Герценъ изображалъ въ слѣдующемъ видѣ: «Страшное противорѣчіе въ характерѣ нѣмцевъ: всѣ они на словахъ, въ теоріи, космополиты и въ то же время отъ безвыходно-жалкаго положенія ихъ отечества что ли, исполнены самыми раздражительными, самыми исключительными и худо скрывающими свои притязанія патріотизмомъ. Они готовы принять всемирную республику, стереть границы между государственными, но чтобы Трѣсть и Данцигъ принадлежали Германіи. Развѣ воинственный конвентъ, собиравшися въ Павловской церкви во Франкфуртѣ и состоявшій изъ добрыхъ и мирныхъ профессоровъ, лѣкарей, theologовъ, фармацевтовъ и философовъ, не рукооплескалъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ членовъ) австрійскимъ солдатамъ въ Ломбардіи: развѣ онъ хотѣлъ дать ходъ reklamacijamъ познанскихъ поляковъ? Въ Инспрукѣ есть итальянская пушка, ее городу подарили студенты, ходившіе волонтерами бить ломбардовъ, и

зановоевавшіе этот трофеи подъ начальствомъ своего профессора. Старикъ Аридтъ писалъ стихи въ альбомъ Радецкаго. Первое свободное слово, сказанное послѣ вѣковъ политическаго молчанія, въ революціонной Германи 1848 года было не въ пользу, а противъ притѣсненныхъ и слабыхъ народностей. И не замѣчательно ли, что умѣренно-чопорная «Аусбургская Газета» перещеголяла дикий языкъ «Таймса», требовавшаго крови и убийствъ въ Индіи, хладнокровно говоря, что это не люди, что индѣйцевъ надобно истреблять гуртомъ, «для того, чтобы поколѣнія и поколѣнія помнили и рассказывали бы съ ужасомъ дѣтямъ, что значитъ не принимать образованія»... «Есть ограниченные умы и узкія народныя ненависти: они ненавидятъ, не разсуждая. «Возьмите,— писалъ Герценъ одному поляку,— возьмите (чтобы не говорить о своихъ) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ и вглядитесь въ ихъ злую ненависть не только ко всему русскому, но ко всему славянскому... Если бъ эта ненависть была сопряжена съ какимъ-нибудь желаніемъ... я бы это понялъ. Совсѣмъ не то. Такъ, какъ средневѣковые люди ненавидѣли евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякий успѣхъ нашъ только удвоиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, закленанныхъ умовъ. По счастію, на этотъ разъ они имѣютъ дѣло не съ разсѣянными и бѣдными племенемъ, а съ частью свѣта». Кто слѣдилъ за нѣмецкими голосами въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ Германия изъ безвыходно-жалкаго политического состоянія поднялась на высоту давно неслыханного военнаго могущества, тотъ не можетъ не согласиться, что характеристика Герцена не потеряла своей вѣрности: теперь нѣмецкіе публицисты еще болѣе неумолимы къ племенамъ, которыя «не хотятъ принимать образованія», т.-е. эксплуатациіи ихъ культуртрегерами, хотя бы и въ видѣ Струссберга, еще болѣе ненавидятъ Россію, которая представляется имъ въ одно время и Alt-Russland и Jung-Russland... По смерти Герцена вѣнская «Presse» говорила о немъ: «его сочиненія были книгою откровенія для московскихъ фанатиковъ, для староруссовъ (Alt-russen), которые вмѣстѣ съ Аксаковыми и Фадѣевыми (генералу этому видимо везетъ на извѣстность въ Австрии и Германии больше, чѣмъ въ Россіи) хотятъ подчинить Европу игу славянства, а также и для молодоруссовъ (Jung-russen), которые смотрѣть на коммунизмъ

славянской сельской общины, какъ на исходный пунктъ великой соціальной революціи въ будущемъ».

Самъ Герценъ говорилъ, что онъ сталъ ближе къ славянофильмъ, чѣмъ къ западникамъ, особенно чѣмъ московскимъ западникамъ, которыхъ онъ называлъ «нѣмецкими русскими» и изъ круга которыхъ вышло изданіе, называемое въ Европѣ, особенно въ Германіи, органомъ старо-русской партии. Онъ былъ не только славянофиль, но и фанславистъ. Не представляя непремѣнно той или другой формы всеславянского союза, хотя и отдавая предпочтеніе федераціи, Герценъ вѣровалъ въ этотъ союзъ и желалъ союзъ съ Россіей, главнымъ образомъ, «для нерусского славянскаго міра», для того, чтобы, когда гроза, которую никакая монцъ въ мірѣ не остановить, грянетъ, они не были бы взяты врасплохъ. На свой оригиналійный ладъ Герценъ тоже писалъ о гнилости «Старого міра», въ которомъ крѣпкимъ считалъ только духъ смигнія и критики, и о томъ, что Россія и Америка, двѣ молодыя части свѣта, могутъ, если не обновить «старый міръ», такъ нѣкогда обновили романскую древность германцы, то, по крайней мѣрѣ, благодаря реальному направленію характеровъ своего населенія, благодаря огромнымъ пространствамъ земли, могутъ иначе и лучше разрѣшить труднѣйшую изъ всѣхъ общественныхъ задачъ, экономическое устройство массъ, — эту основу и всякаго спокойнаго прогрессивнаго развитія политическаго и культурнаго.

Вотъ почему Герценъ придавалъ такое большое значеніе великорусской сельской общинѣ, о коей рассказывалъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, во множествѣ брошюръ и статей. Главная идея, которой онъ фанатически былъ преданъ, это была идея надѣла крестьянъ землею. Сравнительно съ этой темой онъ считалъ всѣ прочіе политические вопросы, особенно для русскаго, только за такие, о коихъ интересно послушать, но отъ которыхъ все-таки надо ити къ «своимъ дѣламъ», т.-е. «къ освобожденію крестьянъ съ землею». Изъ собственно политическихъ вопросовъ, Герценъ ставилъ рядомъ съ этимъ только свободу печати. Такимъ образомъ, несмотря на свою страсть и свой соціалистический идеализмъ, Герценъ, въ отношеніяхъ къ практическимъ требованіямъ отъ русской жизни, былъ весьма умѣренный человѣкъ. При всей своей мощности въ выраженіяхъ, Герценъ собственно былъ весьма

мало похожъ на практическаго революціонера. Никто болѣе ѳдко, чѣмъ онъ, не изображалъ всей пустоты и формалистики европейскихъ революціонныхъ круговъ, кромѣ итальянскихъ, никто такъ зло не смылся надъ «столбниками 1793 года», какъ Герценъ. Когда дошла до Лондона вѣсть о надѣлавшей столько переполоху у насъ «Молодой Россіи», Герценъ увидѣлъ въ ней только юношеское произведеніе и выражался такъ: «Молодая Россія» кажется намъ двойной ошибкой. Въ первыхъ она *вовсе не русская*: это одна изъ вариацій на тему западнаго соціализма, метафизика французской революціи, политическо-соціальная *desiderata*, которымъ придана форма вызова къ оружію... Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченної мысли, а сложнымъ процессомъ эмбриологии. Въ помошь нашему дѣлу нужна мысль Запада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько же не нужна его революціонная декламація, какъ французамъ не нужна была римско-спартанская риторика, которую они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужими кличами, — это не понимать ни дѣла ни народа, это неуваженіе ни къ нему ни къ народу. Ну есть ли тѣнъ вѣроятія, чтобы народъ русскій возсталъ во имя соціализма Бланки, оглажшая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны?»

Такимъ образомъ по основнымъ своимъ идеямъ, Герценъ всего менѣ имѣлъ общаго съ польскимъ революціонизмомъ. Съ Польшей его связывало славянофильство, т.-е. Польшъ онъ желалъ такого же возрожденія «хлопства», въ возможность котораго онъ вѣрилъ для Россіи. Собственно всѣ отношения его къ полякамъ до 1861 года были случайны и приводили его, при всѣхъ личныхъ симпатіяхъ, напримѣръ, къ Ворцелю, только къ сознанію разности его началь, которая ему казалась русскими, съ польскими. Популярность, которую онъ приобрѣлъ своей агитаціей именно въ предѣлахъ тѣхъ началь, которая считалъ Герценъ наиболѣе существенными для Россіи, разумѣется, обратила на него вниманіе и поляковъ.

Въ 1859 году, по поводу вышедшей въ Парижѣ брошюры «Alexander Herzen i Wolna Rossija Drukarnia w Londynie», Герценъ написалъ рядъ писемъ подъ заглавиемъ: «Россія и Польша». Въ этихъ письмахъ русскій эмигрантъ напоминаетъ полякамъ обѣ историческихъ заслугахъ Россіи, о которыхъ

никто не хочетъ знать на Западѣ, указываетъ на самое существенное дѣло русское, т.-е. освобожденіе крестьянъ съ землею, смытается надѣть «религіей демократіи», по коей надо не премѣнио презирать монархію, хотя бы она и дѣлала доброе дѣло, и переходить потому къ Польшѣ. Выразивъ убѣждение, что Польша должна быть свободна, онъ въ то же время полагаетъ, что и для своей и для всеславянской выгоды болѣе, чѣмъ для Россіи, лучше было бы Польшѣ оставаться въ союзѣ съ Россіей, что, впрочемъ, раньше или позже и наступило бы, если бы Польша теперь и отдѣлилась бы временно отъ Россіи. Самый трудный вопросъ между Россіей и Польшей при соединеніи ли ихъ или раздѣленіи — это, по Герцену, вопросъ о границахъ. «Русскій языкъ, крестьянскій быть и православная вѣра»,— вотъ, по его мнѣнію, признаки, по которымъ опредѣляется граница польского отъ русскаго. А впрочемъ, онъ этотъ вопросъ предоставляетъ на рѣшеніе самому населенію Литвы, Бѣлоруссіи и Украины и, судя по примѣрамъ прошлаго, полагаетъ, что выборъ населенія скончѣетъ на сторону Россіи, особенно если Россія освободить крестьянъ съ землею. Такова сущность писемъ Герцена, которыя, кромѣ того, отличались и другими обычными этому писателю мыслями и особенностями. Письма эти вызвали поэтическіе отвѣты въ видѣ статей и писемъ эмигрантовъ и проживающихъ на родинѣ поляковъ. Отвѣты были довольно разны, такъ что Герценъ и не печаталъ ихъ. Эти отвѣты и еще нѣсколько статей дали поводъ къ новымъ статьямъ о томъ же sujetѣ.

Сказать по правдѣ, перечитывая письма Герцена и сравнивая его слова съ приводимыми по мѣстамъ выдержками изъ писемъ его корреспондентовъ, невольно улыбаешься. Онъ имъ говорить свои любимыя темы о Западѣ и Россіи и Америкѣ, о надѣльѣ крестьянъ землею, о самоопредѣленіи народа и народа, а они твердятъ о преимущественныхъ заслугахъ католицизма для цивилизаціи передъ православіемъ; о томъ, что коли дворянство католическое и польское, то и край долженъ считаться польскимъ; о томъ, что и вопросъ обѣ освобожденіи крестьянъ вовсе не такая важная вещь, какъ думаетъ Герценъ, а только шагъ экономической — не болѣе; что русские — смытесь туранцевъ и славянъ — должны оставить старославянскіе элементы въ союзѣ съ Польшей и т. п. Герценъ

имъль терпѣніе отвѣтчать на всѣ эти аргументы и, надо со-
знаться, не оставилъ ни одного изъ нихъ безъ возраженій,
указать даже на то, что поляки весьма мало думали о запад-
номъ славянствѣ сравнительно съ «турanskими» русскими.
Ладу, такимъ образомъ, у Герцена съпольскими дѣятелями
и корреспондентами было мало. Даже во время польского воз-
станія, Герценъ писалъ, что поляки требуютъ много, что Киевъ
такой же русскій городъ, какъ и Москва, и т. п.

И, однакожъ, Герценъ, когда начались польскія манифеста-
ціи, началъ открыто выражать имъ сочувствіе и поощрять
офицерскій кружокъ въ Польшѣ, желавшій присоединиться
къ полякамъ, и даже призналъ законнымъ польское движе-
ніе въ Западномъ краѣ. Такое поведеніе, послѣ того, что пи-
салъ Герценъ, кажется тѣмъ болѣе непростительнымъ, чѣ-
мь же самъ, говоря о смерти офицера Потебни, приставшаго
къ полякамъ, замѣтилъ, что юноша этотъ самъ чувствовалъ
«рознь въ постановкѣ общественныхъ вопросовъ», что Герценъ
неоднократно высказывалъ недовѣріе къ европейской дипло-
матіи, которая только подстrekаетъ поликовъ, а вовсе не ду-
мааетъ дѣятельно помогать имъ. Въ своихъ посмертныхъ за-
пискахъ, Герценъ самъ спрашиваетъ себя, зачѣмъ онъ уча-
ствовалъ въ дѣлѣ, въ успѣхѣ котораго заранѣе не зѣрилъ.
Такъ какъ характеристика Герцена не составляется предѣз-
настоящей статьи, то мы и не займемся разыненіемъ этого во-
проса, а обратимъ вниманіе на тѣ условія, которыхъ должны
были предложить нашей эмиграціи польские революціонеры и
которыхъ находятся въ полной противоположности съ тѣмъ,
что писали поляки въ нашихъ газетахъ, во французскихъ
и прежнихъ письмахъ къ самому Герцену.

Центральный польскій комитетъ въ Варшавѣ писалъ Гер-
цену, что «основная мысль, съ которой Польша возастаетъ тѣ-
перь, совершенно признаетъ право крестьянъ на землю, обра-
ботываемую ими и полную самоправность всякаго народа
располагать своею судьбою». Комитетъ обѣщалъ крестьянамъ
надѣять за выкупъ, который внесеть помѣщикамъ народное
правительство по окончаніи восстанія. Касательно Литвы и
Украины, польскій комитетъ, провозглашая восстановленіе
Польши въ прежнихъ ея границахъ, «оставлять народамъ въ
нихъ обитающимъ, т.-е. литвинамъ и русинамъ, полную сво-
боду оставаться въ союзѣ съ Польшею или распорядиться собор-

согласно ихъ собственной волѣ». Поднятие же восстания и въ приднѣпровскихъ областяхъ, комитетъ объяснялъ только протестомъ противъ произвольного раздѣла Польши.

Наивность и софистика этихъ аргументовъ теперь очевидны. Мы думаемъ, что Герценъ и его русскіе единомышленники не замѣтили ея только потому, что не имѣли никакихъ сѣдѣній о ходѣ дѣлъ въ Западномъ краѣ¹⁾, и все-таки не отрѣшились отъ той революціонной фразеологии и мистики, надѣ которой такъ смѣялся Герценъ. Что народъ въ Западномъ краѣ не пошелъ за комитетомъ, хотя тотъ и предлагалъ ему землю будто бы даромъ, вышло совершенно естественно: народъ видѣлъ, что этотъ подарокъ находится въ полномъ противорѣчіи съ ежедневнымъ поведеніемъ помѣщиковъ; наконецъ, не трудно было сообразить, что подарки отъ неизѣдомаго и слабаго комитета не имѣютъ прочности. Народъ предпочелъ или «завоевать себѣ землю», какъ говорили крестьянине въ Юго-Западномъ краѣ или получить ее отъ такого правительства, сила котораго не подлежала сомнѣнію. Еще болѣе наивно было предоставление народамъ, населяющимъ Западный край, опредѣлить свою судьбу. И тутъ это опредѣленіе состоялось не въ той формѣ, въ какой думали увидѣть это решеніе польскіе демократы и Герценъ, но все-таки состоялось въ духѣ, согласномъ съ естественными условіями дѣла, которыя понималъ, какъ видно, очень хорошо и Герценъ, когда писалъ свои первыя письма о Россіи и Польшѣ: народъ не пошелъ за поляками, а противъ, потому что знать не зналъ всей революціонной и политической формалистики, не понималъ ничего въ вопросахъ о федераціи, а зналъ свое дѣло, свою крестьянскую нужду, и не видѣлъ никогда отъ поляковъ ничего, кроме утѣшненія, и пошелъ не за нихъ, а противъ нихъ. Въ самой Польшѣ народъ какъ былъ пассивенъ, такъ и остался. Словомъ, коли хотите, произошло то же, чего хотѣлъ

¹⁾ Вотъ курьезный образчикъ, изъ какомъ видѣ доходили изъ этого края избѣгъ до Лондона: „Колоколь“ спрашивалъ: правда ли, что братья Рыльские, студенты Киевского университета, сосланы въ Казань, по донесу Васильчикова, что они обращаются *по-европейски* со своими крестьянами? — Ср. выше жалобы гг. Надалицы и Грабовскаго на то, что русское правительство терпитъ, какъ киевская молодежь пропагандируетъ коммунизмъ и демократическіе идеи крестьянамъ, и показанія галицко-польскихъ газетъ, что Рыльскій, въ числѣ другихъ измѣнниковъ польской идеи, агитируетъ подъ покровительствомъ московскаго правительства въ пользу гайдамачины.

и Герценъ и комитеть: произошло suffrage universel, только безъ урнъ, а сообразно естественнымъ (эмбрионическимъ) условіямъ, въ какихъ было дѣло: подача голосовъ совершилась организацией сельской стражи въ Западномъ краѣ, пассивностью народа въ Польшѣ, пускай даже кое-гдѣ и грабежомъ: вѣдь и пассивность, и самыи грабежъ, и даже подкупъ, тоже дѣйствія подачи голосовъ, за *statu quo*.

Мы думаемъ поэтому, что польское возстаніе было закончено самымъ наилучшимъ образомъ, какимъ могло кончиться при тѣхъ условіяхъ, при какихъ оно происходило, ибо, если бы, напр., вмѣшились европейскія державы, то при слабости политического развитія народа въ Польшѣ, и при враждебности къ полякамъ населения въ Западномъ краѣ, особенно въ Юго-Западномъ, дѣло могло кончиться гораздо хуже. При томъ образѣ мыслей объ устройствѣ крестьянскаго населения, какой заявили на практикѣ и въ проектахъ польские помѣщики,—въ случаѣ успѣха польского возстанія могла произойти или ужасная гражданская война или новое прѣисленіе крестьянъ, которое стало бы ничуть не легкимъ отъ того, что оно было бы установлено конституціоннымъ польскимъ сеймомъ. Словомъ, и польскіе революціонеры и Герценъ съ его единомышленниками одинаково ошиблись и одинаково запутали другъ друга, съ тою разницей, что поляки запутали Герцена въ свою форму, а сами заѣдились за его идею. Идея же эта, которой Герценъ былъ хоть и крайний, но искренній служитель, была идея не искусственная и не чужая, а выработанная русскими обществомъ, хотя и не безъ влияній европейскихъ, но изъ естественныхъ условій русской земли, а именно, идея о надѣлѣ крестьянъ землею и обѣ опредѣленіи національности территорій по характеру большинства (сельскаго) народонаселенія.

Такимъ образомъ и въ самомъ фактѣ союза русскихъ эмигрантовъ и агитаторовъ съ польскими мы позволяемъ себѣ видѣть, что русское общество далеко не проявило исключительно уступчивости и «баарьей» покорности, а скорѣе, наоборотъ, больше устойчивости, чѣмъ польское, конечно, если смотрѣть на сущность дѣла, а не на формы. Весьма важно, что рѣшительный наклонъ въ русскую сторону, указаніе практическаго выхода изъ польского вопроса, — при тѣхъ затрудненіяхъ, колебаніяхъ, противорѣчіяхъ, которыхъ тогда были видны не

только въ сужденияхъ общества, но и актахъ правительства, дань быть опять-таки естественной русской силой, т.-е. русскимъ народомъ Западнаго края. Такъ какъ приготовлениія поляковъ къ восстанию совпадали со введеніемъ уставныхъ грамотъ, при чёмъ помѣщики Западнаго края старались, елико возможно, урѣзать количество надѣла крестьянскаго, то крестьяне, по своей логикѣ, свели вмѣстѣ и недовольство помѣщиковъ крестьянской свободой и приготовлениія къ восстанию. Кто лучше помнилъ восстание 1830 года и былъ поэнергичнѣе, тѣ рѣшились связать знаменитый *случинский час* съ восстаниемъ и стали готовиться, такъ сказать, къ контрь-революціи.

Это особенно имѣло мѣсто въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ съ конца 1862 года участились жалобы польскихъ помѣщиковъ и писателей на неповиновеніе крестьянъ и на происки будто бы бунтующей ихъ украинофильской партии и гдѣ администрація открывала даже слѣды заготовленія крестьянами цѣкъ. Жалобы эти имѣли послѣдствіемъ, между прочимъ, то, что, напр., въ Киевской губерніи какъ разъ въ концѣ апрѣля, наканунѣ взрыва восстания, былъ командированъ членъ губернского по крестьянскимъ дѣламъ присутствія для объѣзда волостей и для внушенія крестьянамъ духа повиновенія ми-ровымъ посредникамъ - полякамъ, съ правомъ требовать въ случаѣ надобности вооруженную силу, т.-е. отвлекать ее отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ будутъ собираться повстанцы, и употреблять ее на наказаніе тѣхъ крестьянъ, которые перевѣзутъ повстанцевъ. Среди менѣе активнаго населенія Сѣверо-Западнаго края и духъ реакціи народа революціонерамъ былъ слабѣе, но все-таки проявлялся.

Среди такихъ обстоятельствъ назначенъ былъ въ Вильну ген. Муравьевъ. Судя по напутствовавшимъ его толкамъ, можно думать, что ген. Муравьевъ сначала не имѣть въ виду другой системы дѣйствій, кромѣ репрессалій. Ген. Муравьевъ, какъ извѣстно, былъ далекъ отъ мысли обѣ уступкахъ крестьянству и, напротивъ, былъ всегда противникъ идеи надѣла крестьянъ землею. Вотъ потому-то именно и важно, что и такой человѣкъ увидѣть недостаточность однихъ репрессалій, производимыхъ полиціей и войскомъ, какъ бы онъ свирѣпы ни были, а обратить вниманіе на настроеніе народа; «крестьянской надѣль-крестьянамъ»—вотъ былъ лозунгъ, тогда носившійся надъ краемъ, — лозунгъ, который обстоятельства и на-

строение народа декретировали даже и польскому подземному правительству и которому должны были показывать готовность уступить и польские паны, такъ интриговавшіе противъ инвентарныхъ правиль. Ген. Муравьеву достаточно было только быть умнымъ человѣкомъ, чтобы понять необходимость опереться на народъ. Мѣры, какъ образование сельской стражи, прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и обязательный выкупъ, перемѣна состава мировыхъ посредниковъ, повѣрка прежнихъ уставныхъ грамотъ — слѣдовали одна за другою, увлекая одна другую.

Что касается до Юго-Западнаго края, то здѣсь администрація не только не помогала народной реакціи, но даже всѣми мѣрами сдерживала ее,— опасаясь, съ голоса поляковъ, повторенія казачины и гайдамачины. Весьма любопытно, что самъ г. Кояловичъ, въ статьѣ по поводу указа объ учрежденіи сельской стражи, не безъ опасеній смотрѣлъ на Юго-Западный край, хотя онъ постоянно и говорилъ, что энергія малорусской части западной Россіи всегда оживляла и болѣе пассивную Бѣлоруссію и спасала русское дѣло во всей западной Руси. Но стражибыла учреждена и здѣсь. Слабое и кратковременное польское восстание было усмирено гораздо больше крестьянами, чѣмъ войсками. Изданная кievскими профессорами брошюра «Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россії» говоритъ, что «дѣятельность войскъ во время возстанія состояла, главнымъ образомъ, въ охраненіи поляковъ отъ патрода». «Скажите только слово,— говорилъ одинъ крестьянинъ кievскому губернатору, представляя цѣлыхъ повстанцевъ,— и черезъ неділлю и за 1000 карбованцівъ ни одного ляха не найдете». «А! каково хлопы-то расходились!» говорили послѣ усмиренія возстанія поляки и не-поляки извѣстнаго закала преимущественно лицамъ власть имѣющимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попробовали даже арестовывать крестьянъ, обвиняя ихъ въ неповиновеніи помѣщикамъ и мировымъ посредникамъ, за то, что они арестовывали повстанцевъ. Киевская администрація хотѣла вести дѣло по-старому, т.-е. наказать участниковъ въ мятежѣ: кого слѣдуетъ, сослать другихъ повѣсить, но отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ оставить безъ перемѣны. Виленская мѣры, какъ прекращеніе обязательныхъ отношеній, обязательный выкупъ, пересмотръ грамотъ, въ Юго-Западномъ краѣ долго не вводились. Администрація

страція выставляла на видъ опасность этихъ мѣръ въ виду настроенія народа и, какъ мы говорили, указывала на этотъ народъ и на руководящихъ будто бы его украинофиловъ, какъ на гораздо болѣе опасный революціонный элементъ, чѣмъ поляки. Но въ виду принятыхъ въ Вильнѣ мѣръ и въ виду настроенія народа, говорившаго тамъ и сямъ: «мы себѣ землю завоевали», — странное положеніе, придуманное генераломъ Анненковымъ вмѣстѣ съ польскими предводителями дворянства, не могло удержаться, — и виленскія мѣры стали вводиться и въ Киевъ.

Такимъ образомъ указанъ былъ путь къ выходу изъ польского вопроса. Едва опредѣлилось настроеніе народа въ Западномъ краѣ, и печати и администрація дѣло стало яснѣе, и, конечно, болѣе образованные элементы общества могли развить въ цѣлую систему то, что только какъ желаніе и общее положеніе высказываемо было народомъ. Создать эту систему было не трудно, такъ какъ въ обществѣ была уже въ ходу основная идея: устройство сельского состоянія съ признаніемъ крестьянской земли собственностью крестьянъ и съ общиннымъ самоуправленіемъ.

Нужно отдать честь бѣлорусофиламъ и славянофиламъ, что они энергичнѣе другихъ ухватились за эту мысль въ примѣненіи къ польскому вопросу и такимъ образомъ дали реальную оболочку прежнимъ болѣе туманнымъ разглагольствіямъ о призваніи «къ политической жизни» народа въ Польшѣ и Западномъ краѣ. Г. Косяловичъ, г. Аксаковъ стали писать въ пользу освобожденія народа въ Западномъ краѣ отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, указывать на несправедливости въ дѣятельности польского состава мировыхъ учрежденій, доказывать необходимость распространенія мѣръ по крестьянскому дѣлу, принятыхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и на Юго-Западный край. Г. Гильфердингъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» развивалъ мысль о необходимости противодѣйствовать польскимъ революціонерамъ неуклоннымъ примѣненіемъ къ Западному краю и Польшѣ принципа, на который неправильно ссылаются сами революціонеры: принципа народности и народа. Система «усмиренія мятежа» замѣнялась, такимъ образомъ, системою «освобожденія народа литовскаго и русскаго отъ польской аристократіи» и «созданія народа въ Польшѣ, издавна подавленнаго аристократіей». Надо.

впрочемъ, сознаться, что и прежняя система «усмирения» пыла и принимала размѣры довольно грозные и широкіе, доходя, напр., до запрещенія говорить на улицахъ въ Западномъ краѣ по-польски. Бѣлоруссофиламъ и славянофиламъ можно сдѣлать упрекъ, что они, указывая на правую, гуманную сторону политики въ Западномъ краѣ и Польшѣ, мало обращали вниманія на развитіе рядомъ съ нею и совершенно несущественныхъ, однakoжъ довольно насильтственныхъ мѣропріятій, и, мало того, еще усложняли дѣло реорганизаціи края примѣсь религіозной нетерпимости и тѣмъ смѣшнѣемъ понятій о религіи и національности, о которомъ мы говорили выше. Эта-то примѣсь насилия и религіозной нетерпимости, проявлявшаяся сначала преимущественно въ Вильнѣ, а оттуда, вмѣстѣ и съ полезными мѣрами, все больше и больше распространявшаяся и въ Кіевѣ и даже въ Варшаву, и была причиной, почему многіе изъ элементовъ русскаго общества относились не только безъ симпатіи, но и безъ должного пониманія къ заключенію политики нашей въ Западномъ краѣ и Польшѣ, а также почему въ составъ дѣятелей въ этихъ краяхъ проскочило такое значительное число «ташкентцевъ» и членовъ «мрачнаго союза». Все это чрезвычайно печально, но все это — результатъ условій и нашего прошлаго и положенія нашей печати и общества.

Во всякомъ случаѣ хорошо и то, что періодъ нашего общественнаго движенія съ 1856 г. и до 1863 года,—тотъ именно періодъ, который догадливые виленскіе исторіографы и московскіе миѳологи, публицисты и романисты, такъ предупредительно называютъ періодомъ господства «польской интриги», временемъ «Панургова стада», «потѣшнымъ временемъ на Руси» и т. п.—этотъ именно періодъ создалъ идеи, которыя могли быть примѣнены и къ охраненію единства государства,—идеи, какихъ не имѣли прежніе усмирители, какъ Новосильцовъ, Паскевичъ, какія проявлялись изъ-подъ тяжести военно-полицейскаго диктаторства у ген. Бибкова, но не могли создать ничего прочнѣе и лучше, какъ инвентарныя правила, оказавшіясягодными только какъ подкладка для позднѣйшаго. Эти-то идеи,—народа и народности,—не только помогли сохранить единство государства во время польского революціоннаго движенія, но и совмѣстить это сохраненіе съ поступомъ его впередъ. И даже, — странное на первый разъ

дѣло! — этот поступъ впередъ шелъ послѣ 1863 года подъ давлениемъ военной диктатуры въ Западномъ краѣ и Польшѣ гораздо скорѣе и сильнѣе, чѣмъ въ остальной, «коренной» Россіи, въ которой завладѣли кормиломъ умовъ миѳологи-охранители, начавши свое спасеніе Россіи съ защиты «англійскаго» способа освобожденія крестьянъ и вотчиной полиціи на оѣзжей манерѣ. Несмотря на то, что польское восстание еще болѣе усилило значеніе «охранителей» и что идеи ихъ теоретически господствовали и въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ, практическая сила обстоятельствъ требовала здѣсь не реакціи, а движенія впередъ, — и оношло, при самихъ вѣлагопрѣятныхъ условіяхъ, часто подъ самой непривлекательной оболочкой, а еще чаще въ самомъ непривлекательномъ соображеніи, ношло! И притомъ тѣ начала политики, какія были провозглашены въ 1863—1864 годахъ относительно Западнаго края и Польши, а именно, освобожденіе русскаго и литовскаго народа отъ несправедливаго преобладанія польскаго меньшинства и призваніе къ жизни издавна задавленаго польскаго народа, могли дѣйствительно одушевлять многихъ русскихъ и привлечь ихъ въ чужой край не ради только увеличеній окладовъ жалованья и служебныхъ привилегій. Лицу, которое руководило преобразовательною дѣятельностью въ Польшѣ, приписываютъ слова: «Поступайте такъ, чтобы черезъ много лѣтъ, когда бы даже и не было русскихъ въ Польшѣ, у здѣшняго народа сохранилась память о томъ, что когда-то русскій царь присыпалъ въ Польшу русскихъ людей и съ ними свободу и благосостояніе народа». О русскихъ областяхъ Западнаго края и говорить нечего: болѣе благородной задачи русскій патріотъ не могъ найти себѣ, какъ работать на освобожденіе здѣсь русскаго народа. Рядомъ съ тѣми понятными и высокими цѣлями, которыя заданы были русскимъ реорганизаторамъ въ Польшѣ и Западномъ краѣ, всѣ репрессіи могли казаться временными и несущественными контрѣ-репрессіями, которыя по рутинѣ повторяются неизбѣжно при всякомъ возстаніи, но которыя остаются въ сторонѣ отъ главной сути дѣла.

Апогеемъ этого новаго отношенія русскаго общества къ дѣламъ не только Западнаго края, но и Польши, были мѣры, изданныя для Польши 19 февраля 1864 года, по устройству поземельныхъ отношеній крестьянъ и сельскому устройству,

и скоро послѣдовавшій рескрипти объ организаціи учебнаго дѣла въ Польшѣ. Послѣднее дѣло наиболѣе касается национальнаго чувства и вообще духовной жизни народа, а потому на немъ всего яснѣ и отражается нравственная сторона отношеній правительства къ населенію. Исходныя начала рескрипта 1864 года заключаются въ слѣдующихъ словахъ: «Задача Россіи по отношенію къ Царству Польскому должна заключаться въ полномъ беспристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія»... «Не позволяя ни себѣ ни кому бы то ни было, говорилъ 3-й пунктъ рескрипта, превращать разсадники науки для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія въ царствѣ и возвышая въ немъ уровень преподаванія». Въ силу этихъ началь рескрипты предоставляетъ польскому юношеству возможность учиться на польскомъ языкѣ, но въ то же время полагалъ, что какъ «населеніе царства состоять изъ лицъ, принадлежащихъ различнѣмъ племенамъ и вѣроисповѣданіямъ», то «каждое изъ нихъ должно быть ограждено отъ всякаго насильственнаго посвящательства», и каждой народности предоставлено право на свои отдѣльныя училища. «Въ школахъ общихъ, особенно низшихъ, обученіе, по словамъ рескрипта, должно быть производимо на природномъ языкѣ большинства населенія, т.-е. или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей».

Какъ отнеслись ко всему этому новому положенію венецій «московскіе» славянофили?

X.

Въ виду мѣръ, изданныхъ нашимъ правительствомъ для Польши въ 1864 году и поставившихъ русское общество въ совершенно новыя отношенія и къ Западному краю и къ Польшѣ, — органъ «московскихъ» славянофиловъ, «День»¹⁾, выразилъ всего энергичнѣе чувства лучшей части нашего

1) 1864, № 9.

общества и вмѣстѣ даль оцѣнку исторического значенія главнейшей изъ тѣхъ мѣръ, а именно по устройству крестьянъ.

«Развитію польской народности,— говорилъ «День»,— положено на-дняхъ Россіей такое новое широкое основаніе, кото-ро-го до сихъ поръ не могла выработать вся тысячелѣтняя история Польши... Если Россія въ 1815 году, по собственному сознанію поляковъ, воскресила имя Польши, уже обреченное забвѣнію, уже исчезнувшее съ географическихъ картъ Европы; если 50 лѣтъ тому назадъ знаменитый Костюшко съ горячою благодарностью привѣтствовалъ императора Александра I на-званиемъ воскресителя, то Россія въ настоящее время имѣть не менѣе права на признательность польскихъ «патріотовъ», хотя теперь и отказываетъ ей въ этомъ правѣ недальновидность современного польского патріотизма, хотя признательность «патріотовъ» вовсе, вѣроятно, и не входила въ соображенія русского правительства при изданіи извѣстныхъ указовъ. Не только имя польского народа воскрешаетъ теперь Россія, но расчищая отъ наносныхъ слоевъ непочатые, глубоко скрытые въ почвѣ свѣжіе родники польского народнаго духа, упрочиваетъ самое бытіе польской народности, которому безумная, выродившаяся польская шляхта грозила искаженіемъ и извращеніемъ, гибеллю и смертью, не одною вещественною, но и духовною»... «Мы надѣемся, что новыя дѣйствія правительства русского, несмотря даже на возможныя ошибки, не только не сдѣлаютъ Россію солидарною съ Австріей и Пруссіей, но со временемъ, въ отдаленныхъ своихъ послѣдствіяхъ, освободятъ ее отъ всякой солидарности въ польскомъ дѣлѣ съ нашими германскими союзами. Мы вѣримъ, что намъ никогда не удастся тѣть способъ политики, которымъ такъ послѣдовательно руководилась Пруссія въ онѣмеченіи Познани, и что окончательнымъ результатомъ мѣръ, принимаемыхъ Россіею въ Польшѣ будеть не уничтоженіе въ Польшѣ польской народности, какъ хотять думать иѣкоторые, но возрожденіе польской народности въ правильномъ и стройномъ развитіи чрезъ призваніе къ жизни трехъ съ половиною миллионовъ польскихъ крестьянъ, польской шляхтою заживо погребенныхъ, ѿ, къ счастію Польши, еще не задохнувшихся въ своемъ политическомъ гробѣ».

Увлекаясь мыслью въ будущее, славянофильскій журналъ говоритъ: «Крестьянское освобожденіе 19 февраля — это наша

всенародная, всемирно-историческая проповѣдь, это наше знамя, то знамя, которое мы можемъ высоко предносить передъ всѣми иноплеменными народами, которое мы призваны внести, можетъ-быть, во всѣ ближайшія къ намъ и по преимуществу славянскія страны»...

Мѣры, принятые для большинства населенія въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ и разложеніе старой Польши, — Польши 1772 года, посредствомъ послѣдовательно проведенного принципа народности, произвели огромное впечатлѣніе и за границей. Польская эмиграціонная литература и враждебная Россіи журналистика западно-европейская испустили крикъ отчаянія: они чувствовали, что почва уходила изъ-подъ ногъ ихъ, что мѣрами своими въ духѣ народа и народности Россія становится въ положеніе, которое уже не допускаетъ возможноти толковать объ обвѣщаныхъ трактатахъ и писать депеши, въ родѣ тѣхъ, какія сочиняли въ началѣ 1863 года дипломаты всѣхъ европейскихъ дворовъ и на которыхъ нашъ канцлеръ, стоя на почвѣ трактатовъ и дипломатическихъ преданій, отвѣчалъ все же не такъ отрицательно, какъ могъ бы отвѣтить теперь. И дѣйствительно, теперь ни одно дипломатическое перо не пошевельнулось написать что-либо подобное тому, что такъ еще недавно писалось съ полнымъ апломбомъ. И польская и европейская, враждебная Россіи, печать закричала о томъ, что наше правительство само — «первый революціонеръ»; иѣменецкая печать, которая прежде, опасаясь за Познань, поощряла насъ къ строгимъ мѣрамъ и упрекала за слабость къ повстанцамъ, съ тѣхъ-то поръ и начала съ видимымъ удовольствіемъ говорить противъ «варварства Муравьевъ» и вмѣстѣ противъ «руссаго соціализма». Не скажемъ, чтобы въ крикахъ не было страховъ за Галицию и даже за Познань. Но братъ подъ свое покровительство поляковъ иѣменецкая печать еще не очень рѣшалась, — да и не для чего было, такъ какъ наше правительство признало польскую народность неприкосновенною въ Польшѣ, въ ея реальныхъ этнографическихъ границахъ. Изъ общаго крика неудовольствія польской журналистики противъ новыхъ мѣропріятій нашего правительства въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ, изъ 1863 и 1864 годакъ выдавались два голоса съ болѣею оригинальностью: первый говорилъ, что правительство наше вырвало изъ рукъ самихъ поляковъ полезныя и справедливныя

мѣры, что оно дѣлаетъ только то, что обѣщалъ самъ революціонный комитетъ польскій; другой,— что правительство наше принимаетъ мѣры въ пользу польского и литовскаго народа для того, чтобы отвѣстъ его отъ польскихъ традицій, разорвать съ аристократіей и тѣмъ положить начало обезнарожизацію поляковъ и литовцевъ, за которымъ послѣдуетъ и обрученіе ихъ. «День» возразилъ на обѣ мысли довольно резонно: на первую—тѣмъ, что для дѣла все равно, кто дѣлаетъ, лишь бы было сдѣлано, на вторую,— что только дальнѣйшій ходъ истории покажетъ послѣдствія поднятія коренного польскаго народа, который, по всей вѣроятности, поведутъ къ новому, болѣе совершенному поднятію и польской народности, хотя бы временно сдѣланы были попытки достигнуть и другихъ цѣлей.

Для того, чтобы судить, дѣйствительно ли поляки сами или бы въ состояніи такъ примѣнить къ Польши принципъ народности и такъ устроить крестьянство въ странѣ отъ Дѣпира до Просны, какъ это сдѣлано распоряженіями нашего правительства,— нужно имѣть иѣсколько больше данныхъ о внутреннемъ мірѣ, понятіяхъ и степени искренности ихъ у польскихъ патріотовъ и польского общества вообще. Судя, впрочемъ, по тому, что писалось и пишется польской печатью, и что дѣлалось и дѣлается въ Галиціи, гдѣ полякамъ досталось въ руки правительство края,— мы имѣемъ больше основаній отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, чѣмъ положительно. Впрочемъ, предположеніе, что въ польскомъ обществѣ есть элементы, способные, если не дать силу государственного закона, то искренно усвоить идею народности и устройства страны на началахъ равноправия и на прочномъ фундаментѣ экономической и общинной независимости массъ,— это предположеніе мы не считаемъ вовсе общиднымъ для русскаго правительства и общества, ни существованіе такихъ поляковъ опаснымъ для государства нашего. Существованіе такихъ людей явился бы совершенно естественно возникшимъ фактъ.

Мы видѣли, какъ естественно у самихъ поляковъ развился франко-русско-литовскій и украинскій патріотизмъ, и видѣли, что какъ ни опасенъ могъ быть для настѣнъ исходъ этихъ новыхъ направлений, все-таки это было началомъ раскола въ польскомъ обществѣ, въ XVIII вѣкѣ совершенно однотонномъ. Возникновеніе въ польскомъ обществѣ демократическаго напра-

вленія, хотя выражавшагося и до сихъ поръ или въ довольно дикой формѣ, близкой къ старопольской шляхетской демократіи, или въ совершенно непрігодной для Польши и Россіи формѣ парижского коммунизма и «столбничества по образцамъ 1793 года», все-таки было вторымъ шагомъ впередъ къ разложению старыхъ католическихъ и шляхетскихъ идеаловъ Польши. Возникновеніе русскаго украинофильства, болоруссофильства, славянофильства заставило поляковъ, по крайней мѣрѣ, на словахъ провозгласить права народности и въ Западномъ краѣ, хотя и со всевозможными ограничениями. Мы видимъ послѣдствія этого признания, напримѣръ, въ Галиціи, гдѣ все-таки теперь не то говорятъ поляки, что говорили еще въ 1861—1862 годахъ. Возникновеніе въ Россіи сильнаго народнаго направленія, которое не только говорило о «народности», какъ основѣ русскаго государства (оставляя народъ крѣпостнымъ), но и пожелало экономического и соціального прогресса огромнаго большинства народа, — народа по преимуществу, — на началахъ поземельной и общинной самостоятельности, побудило, по крайней мѣрѣ, часть и, по крайней мѣрѣ, въ прокламаціяхъ, и демократовъ польскихъ выйти изъ той фразеологіи, которой они предавались въ эмиграціи, на реальную почву надѣла крестьянъ землею. Такимъ образомъ исторія еще разъ дала перевѣсь тому, для кого важнѣе было примѣненіе принципа народности и народа, и кому оно легче было сдѣлать, кто способнѣе былъ стать на почву реальныхъ интересовъ. Намъ легче усвоить принципъ народности, чѣмъ полякамъ, ибо при самомъ крайнемъ его примѣненіи, мы теряемъ ничтожную область за Вислой, гдѣ мы и не живемъ иначе, какъ въ видѣ войска и чиновниковъ, тогда какъ поляки теряютъ огромную полосу почти отъ Вислы до Днѣпра, гдѣ они, хотя какъ землевладѣльцы только, но все-таки живутъ; намъ легче стать и на народную почву, ибо въ Западномъ краѣ нашей національности принадлежитъ почти только сельское населеніе; наконецъ, у насть удобнѣе было выработать болѣе реальному, соціально-экономическому направленію политической мысли, потому что мы члены крѣпкаго и единаго національнаго государства, и задача наша только устроить его получше изнутри.

Все это только можетъ прибавить вѣру нашу въ себя и еще разъ доказываетъ, что за насть сила естественная и что

мы можемъ, съ полною вѣрой въ успѣхъ, ожидать еще погаго движенія поляковъ въ сторону идеи народности и народа и совмѣстной съ нами работы надъ устройствомъ земли и народа на пространствѣ отъ Днѣпра до Вислы. И если точно среди поляковъ есть люди, которые искренно провозглашали начала, легшія въ основу мѣръ по устройству сельскаго состоянія и народнаго образованія, принятыхъ въ 1863—1864 гг., тѣмъ болѣе прочно можетъ быть положеніе наше въ Западномъ краѣ и Польшѣ, если мы привлечемъ этихъ людей на общую работу съ нами. Судя по всему, такихъ людей не должно было быть много, но зато мы должны помочь имъ сформироваться и собраться.

Врядъ ли возможно сомнѣніе, чтобы послѣдовательное и неуклонное проведеніе и развитіе началъ рескриптовъ и указовъ 1864 года не повело къ образованію «новой породы» поляковъ въ Польшѣ, «русской партіи», — не такой русской, какая была устраиваема въ XVIII в. деньгами и раздачей земель между польскимимагнатами, а такой, которая соединила бы любовь къ своему краю и народу съ твердымъ убѣжденіемъ, что для этого края и народа наиболѣе выгодны союзъ съ Россіей и съ народомъ. Вѣра въ могучество естественныхъ законовъ исторіи, мы вполнѣ убѣждены, что такая партія и образуется раньше или позже, если, конечно, не воспостѣдуетъ международная катастрофа, которая оторвѣтъ у насъ Царство Польское къ ущербу интересовъ Россіи, славянства и самихъ поляковъ. Невѣроятнаго въ возможности этой катастрофы неѣтъ: настоящая статья, по крайности, можетъ убѣдить читателя, что о возможности его въ Германіи говорить, хотя, конечно, *авось* дѣло обойдется и счастливѣе!

Нельзя, впрочемъ, не видѣть, что послѣ 1864 года со стороны напшего общества сдѣлано было много, что должно было помѣшать образованію среди поляковъ такой «русской» партіи, какій мы говорили, и черезъ то, между прочимъ, въ значительной степени облегчена и возможность той катастрофы, коей мечтаютъ многіе пѣмѣцкіе ученые, публицисты и политики, и которая, если бъ удалась, то, конечно, не могла бы быть непріятна и пѣмѣцкимъ правительствамъ. А случилось это оттого, что постепенно съ 1865 года наше отношеніе къ Польшѣ стало измѣняться: вмѣсто разложенія старой Польши посредствомъ принципа народности и возстановленія корен-

ного польского народа въ его этнографическихъ предѣлахъ, мы стали желать сначала административного объединенія Польши съ имперіей, обращенія Польши въ Привислинскій край, а затѣмъ обрусенія ея. Какъ время 1863—1865 гг. знаменуется въ исторіи Западнаго края и Польши мѣрами по устройству крестьянъ и общинъ, учрежденіемъ училищъ по национальностямъ, хотя и съ достаточнымъ преподаваніемъ русскаго языка,—такъ время съ 1865 года знаменуется соединеніемъ разныхъ административныхъ и правительстvenныхъ учрежденій Царства Польскаго съ министерствами и учреждениями Россіи, введеніемъ русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ въ Польшѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ до самыхъ элементарныхъ, открытиемъ университета съ полнымъ исключеніемъ польского языка изъ преподаванія. Очень можетъ быть, что правительство напеч и не имѣть въ виду «обрусенія» поляковъ, но мѣры эти самими поляками и, что еще важнѣе, самими русскими истолковываются въ такомъ смыслѣ. Не только въ заграничной печати, польской и другихъ языкковъ, но въ самихъ вліятельныхъ русскихъ изданіяхъ говорится, что Россія должна принять цѣлью и образцомъ политики къ Польшѣ ту, которую имѣло французское правительство въ отношеніи къ Эльзасу, нѣмецкое — къ Познани; а что цѣль прусской политики въ Познани состоять въ германизации ея, въ этомъ никто не станетъ сомнѣваться.

Вѣрные цѣли всей нашей статьи — говорить не о правительствахъ, а объ обществахъ, не столько о мѣропріятіяхъ, сколько объ общественномъ настроеніи, которое, если не утверждаетъ мѣропріятій, указывая имъ цѣль и вызывая ихъ, то вліять на ихъ исполнение и накладывать на нихъ свой характеръ, мы и на этотъ разъ не будемъ говорить много о мѣропріятіяхъ въ Польшѣ съ 1865 года, а обратимся къ общественному настроенію, которое, несомнѣнно, вліяло на установление характера нашихъ отношеній къ Польшѣ. Собственно мѣропріятія сами по себѣ могутъ и не имѣть въ виду уничтоженія народности польской. Что касается до такъ называемаго административного объединенія Польши съ Россіей, то нужно быть особеннымъ специалистомъ по административнымъ вопросамъ, чтобы оцѣнить въ подробностяхъ удобства его или неудобства. Если рассматривать его съ политической стороны, то оно можетъ имѣть обоюдоострое значеніе. У насъ очень

часто принимают это соединение за коррекцию системы такъ называемой автономіи Польши при маркизѣ Велепольскомъ. Говорить, что система маркиза Велепольского, наполненная польскими присутственными мѣста польскими чиновниками, подчиненными польскимъ министерствамъ и учрежденіямъ, сдѣлала государственную власть бесполезною въ виду возстанія. Несколько возможность повторенія возстаній можетъ быть предупреждена исключительно русскими чиновниками въ Польшѣ, само по себѣ составляеть еще вопросъ. Къ тому же и до сихъ поръ большинство, и большинство значительное, чиновниковъ въ Польшѣ — поляки, и иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ чиновникахъ, и особенно въ хорошихъ, нуждается и сама Россія. Если эти чиновники подчинены центральной власти, сидящей не въ Варшавѣ, а въ Петербургѣ, то они такъ же удобно, или еще удобнѣе, если бы хотѣли, могутъ парализовать распоряженія и дѣйствія правительстvenной власти, какъ если бъ органы ея находились въ Варшавѣ. Въ послѣднее время въ газетѣ, которая стоитъ въ обрусѣє Польши, уже нѣсколько разъ говорилось открыто, что съ упраздненіемъ центральныхъ правительстvenныхъ учрежденій въ Варшавѣ, число русскихъ дѣятелей въ престѣ уменьшается и оно все болѣе отдается въ вѣдѣніе статного чиновничества.

Со стороны благоустроительнo-административной сосредоточеніе управлениія дѣлами Польши въ Петербургѣ можетъ пости за собою общезвѣтная невыгоды централизациі, хотя выгоды эти могутъ существовать и при централизациі не около Петербурга, а около Варшавы. Вообще сущность вопроса о централизациі, бюрократизмѣ и децентрализациі и самоуправлениі заключается не въ томъ, где будетъ центръ какъ велика территоріально округъ, ему подчиненный, а въ томъ, какъ велика кругъ дѣйствій общинныхъ, городскихъ областныхъ земскихъ учрежденій и ихъ самостоятельность въ виду центрально-административныхъ лицъ и вѣдомствъ, чѣмъ бѣ они ни помѣщались. Излишняя же централизациі и бюрократизмъ съ ихъ вредными послѣдствіями могутъ такъ же вполне развиться и существовать въ маленькомъ, какъ и въ большомъ, государствѣ, при близкомъ, какъ и далекомъ, прѣ. И, наоборотъ, дѣйствительное самоуправлениe можетъ существовать и развиться и при томъ, если область не будетъ

имѣть виднаго признака общей для всѣхъ ея частей автономіи въ формѣ центральныхъ въ ней учрежденій. Очевидно, что вопросъ объ автономическомъ или бюрократическомъ управлѣніи Польшею зависитъ болѣе отъ введенія, напр., земскихъ учрежденій, выборнаго суда и т. п., чѣмъ отъ превращенія варшавскихъ административныхъ учрежденій въ подчиненные петербургскимъ.

Но такъ какъ въ Польшѣ не было еще введено ничего похожаго на нашъ выборный мировой судь, ни на земскія учрежденія, то вопросъ о дѣйствительной автономіи края или централизаціи оставался открытымъ. Судя по всему, у насъ придаются административному подчиненію Польши петербургскимъ министерствамъ болѣе теоретическое, тенденціозное значеніе, нежели практическое: въ немъ болѣе видятъ напоминаніе полякамъ, что Польша такая же составная часть русскаго государства, какъ Владимирская или Херсонская губернія. «такое же царство, какъ и Казанское и Астраханское», — не больше. Въ свою очередь и поляки придаются большое значеніе всякаго рода видимостямъ, которая связаны съ теоретическими представлениемъ о царствѣ (королевствѣ) польскомъ, чѣмъ и объясняется, почему и въ заграничной и въ нашей печати иногда поднимаются толки объ уничтоженіи намѣстничества въ Варшавѣ, о выключеніи изъ краткаго титула словъ «царь польскій» и т. п. Отъ такого теоретического отношенія къ дѣлу административного устройства Польши, и русскими и поляками не обращается вниманія на разработку практическихъ сторонъ вопроса: а именно, означаетъ ли присутствіе намѣстника и др. дѣйствительную, выгодную для края автономію и, наоборотъ, какія удобства или неудобства имѣть централизація управления царствомъ петербургскими министерствами.

Такимъ образомъ съ реальной стороны взятыхъ, административныя реформы въ Царствѣ Польскомъ сами по себѣ болѣе или менѣе безразличны и получаютъ свой цвѣтъ только отъ того возврѣнія на политическія цѣли, которыхъ ими желаютъ достигнуть. Русская печать своими толками даетъ основаніе приписывать этимъ реформамъ цѣль — обруcenіе поляковъ, особенно въ виду употребленія русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ не только высшихъ, но и низшихъ инстанцій. Во всякомъ же случаѣ, преимущественное вниманіе къ админи-

стративному подчиненю Польши петербургскимъ учреждениямъ, проводимому часто болѣе для теоретической послѣдовательности, чѣмъ изъ практической нужды, напр., въ дѣлѣ польского банка, отвлекає внимание отъ такихъ дѣлъ, какъ судебная реформа, организація мѣстныхъ земскихъ учреждений, которыхъ только и могутъ создать истинную автономію населенія Царства Польскаго, не имѣя претензій на политическое значение. Припомнить, что судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ вѣтъ уже болѣе четырехъ лѣтъ стояла на точкѣ замерзанія и что отсутствіе въ Царствѣ и въ западныхъ губерніяхъ суда и земства на тѣхъ самыихъ началахъ, на какихъ они устроены въ Россіи, составляетъ самый странный «сепаратизмъ» этихъ областей. Но таковы уже неизбѣжныя послѣдствія системы, основанной на недовѣріи къ своимъ силамъ и лучшимъ инстинктамъ населеній, и сопряженного съ этимъ недовѣріемъ бюрократизма, что, придавъ разъ въ дѣлѣ объединенія краевъ государства преимущественное значение бюрократіи, приходится или для единства останавливать развитіе коренныхъ земель государства, чтобы не давать precedента окраинамъ или создавать и удерживать на окраинахъ порядокъ, признанный непригоднымъ для коренныхъ земель.

Гораздо болѣе опредѣленный цвѣть и цѣль имѣть организація учебной части въ Царствѣ Польскомъ съ 1866 года и устройство русскаго университета въ Варшавѣ. Постепенно, даже до элементарныхъ школъ, преподаваніе все болѣе переходило отъ мѣстныхъ языковъ къ русскому, который теперь почти исключительно употребляется въ школахъ польскихъ. Чтобы,— особенно въ низшихъ школахъ и классахъ,— этимъ облегчалось обученіе, этого, конечно, никто не станетъ утверждать. Что это обрученіе школъ можетъ имѣть и свои полезныя стороны, — это, говоря безпристрастно, трудно отрицать: при постоянныхъ сношеніяхъ Россіи съ Польшей, русскій языкъ необходимъ многимъ изъ жителей послѣдней. Преимущественно необходимо онъ, конечно, высшимъ классамъ, которые по торговымъ ли, по служебнымъ, ученымъ дѣламъ выходятъ въ своей дѣятельности за предѣлы чисто мѣстныхъ интересовъ. Конечно также, что бѣдному мѣщанину или крестьянину затрата времени на русскій, хоть и близкій, но все-таки не родной языкъ, особенно замедленіе, которое онъ

потерпить, будучи поставленъ въ необходимость въ одно время и учиться читать, и приобрѣсть элементарныя свѣдѣнія, и учиться чужому языку, врядъ ли окупится реальною прибылью. Поэтому, даже если бы польскій языкъ не представлялъ вовсе болѣе или менѣе развитой литературы, и тогда кругъ мѣстныхъ интересовъ населенія естественнѣе бы удовлетворялся обученіемъ на родномъ языкѣ, чѣмъ на чужомъ. Очевидно, что защитники идеи обруcenія школъ въ Польшѣ имѣютъ въ виду не столько педагогическія и ученыя удобства или неудобства преподаванія на польскомъ языкѣ, не столько идею о необходимости знанія жителямъ Польши русскаго языка,— потому что послѣднее можетъ быть достигнуто преподаваніемъ русскаго языка и преподаваніемъ на этомъ языкѣ нѣсколькоихъ изъ важныхъ предметовъ, особенно въ высшихъ классахъ гимназій и въ университѣтѣ, а вовсе не требуетъ исключительного преподаванія на русскомъ языкѣ,— сколько послѣдовательное проведеніе идеи о господствѣ государственного языка. По словамъ пропагандистовъ этой идеи, государство, и даже исключительное, государственного языка вовсе можетъ не имѣть цѣли уничтоженія мѣстной народности, устранитъ употребление и развитие мѣстнаго языка изъ жизни и литературы,— но общий языкъ есть только проявленіе идеи единства государства, орудіе для воспитанія обществъ и на окраинахъ въ мысли, что и они граждане именно этого, а не другого государства.

Во всемъ этомъ есть много противорѣчій. Во-первыхъ, весьма возможно (и исторія постоянно даетъ тому подтвержденіе въ Австріи, Венгрии, Бельгіи, самой Франціи), что вытѣсненіе родного языка населенія изъ публичной, официальной жизни поведетъ къ воспитанію населенія въ совершенно противоположныхъ чувствахъ тѣмъ, которая имѣютъ въ виду воспитать въ нихъ. Ирландія, и усвоивши англійскій языкъ, ненавидитъ Англію; эльзасцы, владѣя нѣмецкимъ языкомъ, мало симпатизируютъ Германіи; наконецъ, въ послѣднемъ польскомъ восстаніи, многие изъ вожаковъ повстанцевъ отлично умѣли говорить по-русски. Во-вторыхъ, если ужъ быть послѣдовательнымъ въ преслѣдованіи объединенія государства посредствомъ общаго публичнаго языка, то зачѣмъ же останавливаться передъ мыслю о совершенномъ уничтоженіи мѣстнаго языка и мѣстной народности; отрицать эту по-

слѣднюю цѣль — значить или быть непослѣдователынмъ или неискреннимъ. А и то и другое ведеть за собою вредныя политическія послѣдствія. Если мы допускаемъ употребленіе и даже развитіе какого-нибудь языка въ частной, семейной жизни, въ церкви, въ литературѣ художественной и научной, то мы допускаемъ ему обнимать самыя задушевныя, самыя близкія и кровныя человѣку сферы сердца и ума, и не естественно ли, что человѣкъ потребуетъ признанія за этимъ языкъмъ и другихъ правъ въ жизни, а не встрѣтивъ удовлетворенія этому требованію, не можетъ относиться къ государственной власти иначе, какъ съ враждою, тайною или явною. Устраненіе извѣстнаго языка изъ всѣхъ сферъ публичной жизни, изъ школьнаго и ученаго преподаванія не можетъ имѣть другихъ послѣдствій и цѣли, какъ стѣсненіе его развитія, стѣсненіе развитія на немъ литературы, преимущественно ученой и педагогической, отученіе населенія отъ мышленія на этомъ языкѣ, но чувство вражды при этомъ не истребляется, а становится только болѣе и болѣе дикимъ и фанатичнымъ.

Теперь спрашивается,— отложивъ даже въ сторону вопросъ о справедливости и о томъ, точно ли государственные пользы требуютъ такого результата и нельзя ли скрыть государство единство и безъ него,— спрашивается, обладаетъ ли государство вообще, а наше въ Польшѣ въ особенности, всѣми средствами для достиженія иного результата, въ виду того, что употребленіепольскаго языка въ жизни, въ церкви, въ литературѣ все-таки останется неприкосновеннымъ, а слѣдовательно, можетъ постоянно поддерживать жизнь въ конкурентѣ государственноаго языка? Если разъ существуетъ жизнь въ мѣстномъ языкѣ, если на немъ все-таки существуетъ литература, которая по-своему говорить уму и сердцу населенія, то чѣмъ больше мы будемъ устраивать этотъ языкъ изъ сферъ государственной жизни, тѣмъ болѣе онъ станетъ предметомъ работы въ частной жизни и литературѣ, и государство должно пойти въ чрезвычайно странную съ нравственной стороны работу, чтобы уничтожить и это развитіе конкурента своего языка. Возьмемъ примѣръ изъ отношеній славянскихъ нарѣчий къ нѣмецкому тамъ, гдѣ государство нѣмецкое и долговременно, и вовсе недвусмысльно боролось,— даже мечомъ,— съ славянскими народностями. Такъ, саксонское прави-

тельство боролось прежде огнемъ и мечомъ, потомъ штрафами и т. п. мѣрами съ народностью и языкомъ полабскихъ сербовъ, отъ которыхъ теперь остались только лужицкіе сербы въ числѣ съ небольшимъ 150 тысячъ. Борьба шла довольно успешно при помощи меча и другихъ средневѣковыхъ средствъ; но вотъ наступили времена религіозного одушевленія въ вѣкъ реформаціи: явились проповѣдники Лютерова ученія на сербскомъ языкѣ. Что жъ было дѣлать нѣмецкому государству? Стѣснять проповѣдь сербскую, въ то время когда оно поощряло проповѣдь того же ученія нѣмецкую? Тогда бы католики стали проповѣдовывать по-сербски и тѣмъ отбили бы сердца сербовъ отъ нового ученія. Случилось такъ, что и католики и протестанты стали проповѣдывать по-сербски, переводить на языкъ сербовъ священное писаніе,— и мало-по-малу языкъ этотъ получилъ полное признаніе въ церковной жизни,— и нѣмецкое государство, и прусское, и саксонское не сочли себя въ правѣ и въ состояніи исключить его изъ духовныхъ семинарій. Государство задалось мыслью о скорѣйшемъ и по-головному обученіи народа, и въ виду педагогическихъ соображеній не могло не допустить и въ народныя школы и въ учительскія семинаріи того же языка. Въ судѣ, въ гимназіяхъ, нѣмецкія правительства не хотятъ знать сербского языка, въ лейпцигскомъ университѣтѣ каѳедру сербского языка превратили въ каѳедру славянскихъ, литовскихъ и финскихъ языковъ, въ коихъ сербскій совершенно потерялся; вообще окончательная германизація «вендовъ» есть предметъ желаній и нѣмецкаго общества и правительствъ. Пока существовала цензура, старались всѣми мѣрами стѣснить образованіе и ходъ сербскихъ журналовъ, пока тяготѣть полицейской гнетъ надъ всей Германіей, тѣснили и сербскія литературныя общества. Но, наконецъ, Германія получила болѣе свободный уставъ о печати, обществахъ, ремеслахъ, сходкахъ, и всѣмъ этимъ воспользовалась горсть лужичанъ для развитія своего языка и укрѣпленія своей народности, которая по меньшей мѣрѣ не убываетъ (если вѣрить нѣмецкимъ статистикамъ даже, не говоря о сербскихъ). Дошло до того, что чины «Лаузица», т.-е. нѣмецкіе же помѣщики, не могли отказать въ пособіи на изданіе словаря лужицко-сербскаго нарѣчія.

Но, скажутъ, лужицкіе сербы хороши подданные саксонскаго и прусского государства,— и именно потому, что они

видять неуклонную проводимую систему государственного единства въ преобладаніи государственного языка. Все, что можно сказать о вѣрности лужичанъ государству, это только то, что они считаютъ себя обязанными вѣрностью *своимъ* государствомъ, но нѣмецкіе патріоты они плохіе, хотя, по своей малочисленности, и должны держать себя смироно. А плохіе они патріоты нѣмецкіе именно потому, что видѣть всюду желаніе германизировать ихъ. Вы думаете, что если сербы, услышавъ проповѣдь на своеи языкѣ, прочитавъ на немъ же книгу и газету, придетъ въ судъ, гдѣ съ ними говорить не иначе, какъ по-нѣмецки, въ гимназію, гдѣ исключительно господствуетъ нѣмецкій языкъ, хотя бы большинство было сербы, онъ питаетъ нѣжныя чувства къ германскому государству и отечеству? Ничуть не бывало. И въ послѣднюю войну сербскія изданія, какъ и другія славянскія, весьма недвусмысленно, хотя и довольно осторожно, выражали свое сочувствіе французамъ. И лужичане далеко не чужды идеи панславизма. А вѣдь они — островъ среди нѣмцевъ, и при томъ островъ ничтожный матеріально. Ихъ нельзя и сравнивать съ поляками.

Если съ славянами, находящимися подъ властю Германіи (въ Лужицѣ, Силезіи, Познаніи), нѣмцамъ все еще приходится вести борьбу, хотя они прежде приготовили себѣ торжествоварварскими насилиями, отнятіемъ земельной собственности, и до сихъ поръ имѣютъ себѣ поддержку въ колонизации, если, несмотря на всѣ мѣры государственной централизации, несмотря на давнее введеніе нѣмецкаго языка въ школы и суды, нѣмцамъ не удалось ни подавить славянскій элементъ даже въ маленькой Лужицѣ, ни превратить поляковъ и лужичанъ въ хорошихъ германскихъ патріотовъ; если каждый шагъ впередь Германіи по части религіозной, гражданской, политической давалъ только новыя орудія для борьбы славянскому, негосударственному элементу,—то тѣмъ менѣе можемъ мы надѣяться сдѣлать изъ поляковъ русскихъ, патріотовъ российскаго государства, если будемъ действовать по примеру прусского государства. Судя, по крайней мѣрѣ, по тому, что пишутъ изъ нашей Польши въ заграничныя газеты (другого источника для узnanія истиннаго настроенія въ Польшѣ неѣть, такъ какъ въ ней печать еще менѣе свободна, чѣмъ въ Россіи,—хотя, конечно, и заграничная польская печать не очень надежный источникъ), можно видѣть, что мѣры къ обруcenію

польскихъ школъ принимаются именно какъ мѣры къ обрушению поляковъ, а потому далеко не увеличиваются къ намъ симпатіи въ Польшѣ.

Надо сознаться, что теперь польская литература научная, художественная и педагогическая находится далеко не въ блистательномъ положеніи, благодаря долговременной исключительной затратѣ умственныхъ силъ польскихъ на политическую агитацию и благодаря извращенію даже талантливыхъ натурь эмиграціей. Что учебники русскіе теперь лучше польскихъ, это болѣе чѣмъ явно, и вообще нѣкоторые поляки, напр., недавно «Край», признаютъ что они сильно отстали во многомъ, а мы много успѣли. Такое положеніе нашей литературы, особенно въ виду того, что мы, какъ нація 50-милліонная, можемъ всегда содергать болѣе обширную литературу, чѣмъ поляки (наша, напр., перевѣдная литература и теперь безконечно превосходить всѣ такія же у другихъ славянъ и должна естественно у нихъ распространяться), могло бы быть чрезвычайно выгодно для распространенія ея среди поляковъ и постепенно сдѣлало бы русскій языкъ между-славянскимъ, но насильственное его введеніе, съ исключеніемъ польского, и при томъ въ сферы, где польскій могъ бы удовлетворить потребностямъ населения, естественно вызываетъ противъ него реакцію и въ тѣхъ случаяхъ, где бы она быть полезенъ и необходимъ. То ослабленіе политической мечтательности, которое замѣчается у поляковъ, особенно послѣ пораженія Франціи, призывы къ занятіямъ народнымъ образованіемъ, разработкой отечественной науки, какія часто теперь встѣрѣются въ польскихъ изданіяхъ, преобразованія въ благопріятномъ для поляковъ духѣ университетовъ Краковскаго и Львовскаго, знаменуютъ начало научнаго и литературнаго возрожденія польскаго языка, которое не замедлитъ отразиться реакціей русскому языку въ Царствѣ Польскомъ. При полномъ отсутствіи польскихъ каѳедръ въ Варшавѣ, польскихъ ученыхъ обществъ, Краковъ и Львовъ станутъ учеными центрами, которые будутъ притягивать болѣе даровитыхъ и независимыхъ людей изъ Варшавы и нашей Польши, а врядъ ли это будетъ способствовать усиленію связи Польши съ Россіей, а не дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ. На сколько-нибудь значительную колонизацію изъ Россіи въ Царство Польское, въ родѣ той, которая (вмѣстѣ съ еврейскимъ элементомъ

тому) всего действительнѣе помогала и помогает германизаціи Познани, мы разсчитывать не можемъ: Польша гуще населена и въ промышленномъ отношеніи развита больше Россіи. Зачѣмъ же безъ нужды задавать себѣ задачу невозможную, думая обрушить Польшу одними чиновниками, однимъ обязательнымъ употреблениемъ русского языка въ администраціи и школѣ?

Всѣ эти соображенія до того элементарны, что приходятъ въ голову всякому неослѣпленному доктринализму человѣку. Сылаемся на слова писателя, котораго врядъ ли кто заподозритъ въ принадлежности къ «Панургову стаду» и въ равнодушіи къ скрѣпленію единства Россіи, г. Погодина. Вотъ что пишетъ онъ въ своей запискѣ о славянскихъ народахъ: «Самая действительная мѣра примирить поляковъ съ нами (ибо они все еще ненавидятъ насть) есть покровительство ихъ языку, литературѣ, исторіи (я говорю о Царствѣ Польскомъ) и, наоборотъ, ничто также не питаетъ злобы, какъ мѣры противоположныя. Языкъпольскому въ учебныхъ заведеніяхъ Царства надо учить наравнѣ съ русскимъ. Если мы будемъ учить ему недостаточно, то поляки будутъ доучиваться ему дома съ болѣшимъ рвениемъ и успѣхомъ, какъ то бываетъ со всякимъ запрещеннымъ плодомъ, и мы не только не достигнемъ своей цѣли, но еще болѣе отдалимся отъ нея и сверхъ того будемъ вооружать тайныхъ враговъ. Скажу вообще: мысль уничтожить какой-нибудь языкъ есть мысль физически невозможная: языка у народа уничтожить такъ же нельзя, какъ лишить его одного изъ пяти чувствъ, данныхъ Богомъ. Языкъ есть такой же природный неотъемлемый органъ, какъ и прочие, только драгоценнѣйший для человѣка, потому что тѣсно связанъ съ его разумною душою. Тѣмъ болѣе должно сказать это объ языкѣ развитомъ, историческомъ, литературномъ. Австрійцы подаютъ въ этомъ случаѣ поучительный примеръ: чего достигли, уничтожая систематически въ теченіеѣковъ славянскія нарѣчія? Увеличили ихъ силу, содѣйствовали ихъ развитию, приготовили своими плотинами такие водопады, которые готовятся поглотить ихъ самихъ. Нѣкоторые славянскія племена забыли свой языкъ, это правда, но гдѣ это случилось? По краямъ, гдѣ чужое племя подавляло ихъ своимъ количествомъ, гдѣ языкъ былъ еще въ младенчествѣ»....

Невозможность задачи, которую мы на себя взяли въ послѣднее время по отношенію къ Польшѣ, противоположность

ея съ тою, которую мы провозгласили въ 1864 г., чувствуется и самими русскими дѣятелями въ Польшѣ. Корреспонденціи оттуда въ послѣднее время уже не имѣютъ такого одушевленнаго и даже нѣсколько торжественнаго характера, какъ прежде. Напротивъ, очень часто встрѣчаешь жалобы, что дѣло подвигается плохо. Иногда эти жалобы оканчиваются: «нѣть, мы не имѣемъ той настойчивости, что у пруссаковъ!» А если не имѣемъ, можно сказать, такъ зачѣмъ же и братиться за прусскія задачи? Да притомъ же наши обстоятельства и прусскія вовсе не похожи: пруссаки не имѣютъ между Познанью и нѣмецкими землями краевъ аналогичныхъ съ нашимъ западнымъ, который одинъ требуетъ много работы, если не для обрусенія, то для располячиванія, который требуетъ приложенія принципа національности; пруссаки — нѣмцы, которые положили призваніемъ своимъ, какъ можно больше поглотить славянъ, мы же сами славяне, и сами себѣ, — и другіе славяне намъ, — навязываемъ другую миссію по отношенію къ славянству. Именно во имя этой миссіи и прибыли русскіе дѣятели въ Польшу, и вдругъ поставлены въ необходимости вздыхать обѣ отсутствіи въ нихъ «прусскихъ» свойствъ. Дѣятели сами чувствуютъ всю неловкость своего положенія, и, повѣрьте, большинство думаетъ только, какъ бы извлечь побольше выгодъ изъ своего служебнаго положенія и вернуться во-свои, гдѣ каждый чувствуетъ себя гораадо ловче, чѣмъ въ Польшѣ.

Словомъ, духу, вѣры въ себя и въ успѣхъ дѣла, у русскихъ дѣятелей въ Польшѣ нѣть, а безъ духу, безъ вѣры, что же за работа? Врядъ ли поэтому изъ всей хлопотни обѣ обрусеніи Польши выйдетъ какая-либо польза, кроме того, что дѣйствительно многіе поляки выучатся по-русски, что при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ облегчитъ имъ возможность узнать Россію и стремленія русскаго общества, а потому и возможность взаимнаго улаживанія *modus vivendi*, но только именно при другихъ благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. если и мы обнаружимъ желаніе познакомиться поближе съ польскимъ внутреннимъ міромъ и отношениемъ своимъ къ полякамъ ослабимъ въ нихъ ту антипатію или, по крайности, замкнутость, которая существуетъ до сихъ поръ и которая усиливается мыслью, будто мы желаемъ совершиенной гибели польской народности.

XI.

Какъ реформы по крестьянскому дѣлу и другія мѣры къ реорганизаціи Западнаго края и Польши въ 1863 и 1864 гг. приняты были подъ вліяніемъ, хотя и косвеннымъ, обществен-наго движенія нашего съ 1859—1863 гг. и въ томъ числѣ подъ болѣе прямымъ вліяніемъ идеи славянофильского направленія, такъ наынѣшнее положеніе наше въ Царствѣ Польскомъ и въ самомъ Западномъ краѣ есть результатъ другой волны общественнаго движенія, которая проявила значитель-ную силу съ 1862 года, и подъ вліяніемъ событій 1863—1866 гг. получила было преобладающее значение въ нашемъ обществѣ. Органомъ этого направленія общественнаго движенія были «Московскія Вѣдомости» съ непосредственно связанными съ ними изданіями («Русскій Вѣстникъ» и «Современная Лѣто-пись») и тѣми, которыхъ постепенно примыкали къ ихъ триумfalному шествію, какъ, напр., «Голосъ», «Биржевыя Вѣдомости», которыхъ въ 1863 году пѣли далеко не въ унисонъ съ «Московскими Вѣдомостями». Чтобы определить значение этого направленія или, если хотите, партии, надо определить, въ чёмъ состоить сущность ея стремленій. Это не такъ-то легко, потому что съ теченіемъ времени органъ этого направ-ленія перемѣнилъ убѣжденія по весьма существеннымъ во-просамъ, существенно противорѣчиль сѣбѣ въ одно и то же время, по дорогѣ принялъ много частныхъ положеній, кото-рыя мало гармонируютъ съ общими идеями изданія и осо-бенно прежде высказанными. Такъ, известно, что «Московскія Вѣдомости» были органомъ, желавшимъ безземельнаго надѣла крестьянъ, вотчинной полиціи помѣщиковъ, непосредствен-наго участія крупныхъ земельныхъ собственниковъ въ зем-ствѣ, и потомъ явились ярыми противниками примѣненія всѣхъ этихъ началь въ Западномъ краѣ и, вступивъ въ по-лемику съ посльдовательными своими сотрудниками, образовав-шими «Вѣсть», которая называла еще въ 1866 году г. Кат-кова «царемъ русской политической печати», стали съ иѣко-торой рѣзкостью отзываться о примѣненіи ея тенденцій не только къ Западному краю, находившемуся въ исключитель-ныхъ условіяхъ, но и къ остальной Россіи. И въ то же самое

почти время «Московскія Вѣдомости» вдругъ дѣлаютъ быстрый поворотъ къ старымъ своимъ идеаламъ и защищаютъ требование бессарабскихъ помѣщиковыхъ, направленныя къ тому, чтобы въ ихъ пользу допущены были изытія изъ примѣненія ко всей Россіи (кромѣ остзейскихъ провинцій) принциповъ крестьянской реформы 19 февраля 1861 года.

Посвятить не мало труда на агитацию противъ началъ этой реформы и въ пользу возможно болѣе односторонняго ихъ примѣненія, «Московскія Вѣдомости» ставятъ теперь на одну доску «блѣлыхъ» и «красныхъ» ея противниковъ, т.-е. недовольныхъ ея общими началами, и относящихся критически къ ихъ примѣненію и къ исполненію реформы, себя же поставляютъ въ томъ центрѣ, который представляетъ то, что есть въ государствѣ просвѣщенаго, здраво-консервативнаго и разумно-прогрессивнаго. Пріобрѣть извѣстность въ мірѣ вѣсельчаковъ юмористической полемикой съ славянофильствомъ, ведя съ послѣднимъ полемику по всѣмъ вопросамъ культурнымъ, общественнымъ и политическимъ еще весьма недавно, «Московскія Вѣдомости» въ послѣднее время даютъ пріютъ тѣмъ самымъ писателямъ, съ которыми еще очень недавно вели самые ожесточенные споры (г. Юр. Самаринъ и др.) и даже заслуживаютъ отъ нѣмецкой печати название славянофильского органа,— название, отъ которого онѣ и отказываются и нѣтъ. Слѣдуетъ прибавить, что московскіе публицисты, стяжавшіе себѣ такие лавры въ борбѣ съ нигилизмомъ и безшабашніемъ отрицаніемъ, сами по весьма многимъ вопросамъ отличаются тоже своего рода нигилизмомъ; они ругаютъ отрицаніе, но не говорятъ, что же они защищаютъ: прошу, напр., опредѣлить философскія убѣжденія ученой редакціи, ихъ идеалы семейной жизни, ихъ понятія о положеніи женщинъ, женскомъ образованіи, хотя бы вы, прочитавъ ихъ филиппики противъ нигилизма, и убѣдились, что такъ называемые нигилисты говорятъ вздоръ.

Къ тому же, хотя московскіе публицисты еще очень недавно указывали на неспособность къ серьезному мышленію въ нашемъ даже высшемъ обществѣ и въ общественныхъ дѣятеляхъ, каковы прокуроры и суды, но почти всякий разъ, когда имъ самимъ приходится выйти изъ сферы частныхъ порицаній, жалобъ и т. п. въ сферу систематического изложения общихъ положеній, политическаго *profession de foi*.

они пытаются и противоречать сами себѣ на каждомъ шагу. Возьмите, напр., разсужденія «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» о государствѣ и національности. Тутъ найдете положенія, что «границы государства пишеть не лексиконъ и грамматика, а мечь», и то, что государство крѣпко только національностью, что одинъ лексиконъ и одна грамматика должны господствовать всюду въ предѣлахъ, отведенныхъ мечомъ, и тутъ же, что государство не преслѣдуетъ народности этнографической, а имѣть цѣлью у становленіе народности политической и т. д. и т. д. Благодаря именно противорѣчіямъ въ разныя времена и даже въ одно время, благодаря болѣе отрицательному, нежели положительному характеру своихъ статей, вмѣстѣ съ всегдашней страстью своихъ нападеній, упомянутые публицисты и приобрѣли и поддерживали свою популярность среди людей, которые недостаточно навыкли къ разложенію слушаемыхъ мыслей на составные части и къ возведенію ихъ къ общимъ началамъ.

Но благодаря этимъ свойствамъ и весьма затруднительно отвѣтить на вопросъ: съ какимъ образомъ мыслей, съ какою системою и партіей мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ? Понятно, почему иностранцы, которые со вчерашняго дня знаютъ наши дѣла и плохо слѣдятъ за ихъ послѣдовательнымъ ходомъ, говорять то о «старорусской», то о «молодорусской» партіи, которой «Московскія Вѣдомости» служать представителемъ, называютъ этотъ органъ и органомъ «русскаго абсолютизма» и «русской демократіи» и «славянофильства» и «ультрапрессизма» и т. д. Преподнесенные редакціей своимъ читателямъ, съ приличнымъ комментаріемъ, отзывы иностранной печати способствуютъ еще болѣе къ затемнѣнію вопроса о томъ, каковы же въ сущности основныя идеи партіи, которой органомъ служить упомянутый журналъ и газета.

Отвѣтить на этотъ вопросъ можно только, взглянувъ на источникъ, откуда пошло направленіе московскаго журнала, разложивъ всѣ наслоенія и всѣ перемѣны, которыя съ течениемъ времени принимало это направленіе, и пайдя общую нить, которая проходитъ черезъ всѣ эти наслоенія и перемѣны. Лица, дававшія и дающія главный тонъ московскому журналу и газетѣ, вышли изъ той части нашихъ западниковъ, которые никогда восхищались всѣми сторонами такъ на-

зывающей реформы Петра Великого до бритъя бородъ и урѣзки поль включительно, которые провозглашали (даже устами Бѣлинского), что Турція выше сербовъ и болгаръ, ибо Турція — «государство», а сербы и болгари — «племена», что «нечего плакать, если австрійскій жандармъ является въ Штирии представителемъ цивилизаціи» и т. д. Это доктрины «государственности», на образование которыхъ пошла и гегеліанско-prusская философія и преданія конвента, и отечественные, преимущественно московскія преданія и инстинкты, и бюрократическая боязнь общественной и народной инициативы. Все для «государства» и елико можно посредствомъ бюрократіи, — вотъ девизъ такого рода доктринеровъ, которыхъ не мало въ Европѣ, и которые принимаютъ видъ то болѣе аристократическая боязнь общественной и народной инициативы, являются то монархистами, то имперіалистами, то конституционалистами, то республиканцами, но всегда остаются *централістами* и бюрократами. Такого рода люди имѣютъ свой *raison d'être*, свои заслуги, но исключительное преобладаніе ихъ всюду приводить государства къ разстройству или застою.

Что до нашихъ западниковъ-государственниковъ, то ихъ цвѣтъ проявился уже во время эмбрионического состоянія русского либерализма и политической мысли, въ спорѣ съ славянофилами, особенно изъ-за общины. Являясь представителями идей свѣта сравнительно съ славянофилами по вопросамъ культурнымъ, наши московскіе западники отставали отъ славянофиловъ въ человѣчности отношеній къ народу, который они представляли только материаломъ, изъ коего государственная власть можетъ вытѣплывать, что ей угодно. Въ прошлѣшь Россіи они слѣдили съ любовью только за развитіемъ государственного централизма, и всѣ упорствовавшіе безусловно подчиниться этому централизму элементы не удостоивались ими иного названія, какъ противообщественные элементы, хотя бы они представляли зачатки другихъ, лучшихъ общественныхъ стремленій и формъ, которыхъ со временемъ стали бы предметомъ заботъ и самого государства, какъ, напр., въ дѣлѣ крестьянскомъ. Какъ противообщественные стремленія, отрицались и проявленія неудовольствія народа закрѣпленіемъ крестьянъ и сопротивленіе русскаго народа въ западной Руси давленію польскаго государства. Когда поднята была рѣчь объ освобожденіи крестьянъ, одинъ изъ самыхъ

влиятельныхъ ученыхъ и публицистовъ этого направлениѧ указывалъ, какъ на важнѣйшую сторону дѣла, что государство, которое прежде, въ видахъ облегченія своихъ задачъ, отдало часть населенія подъ власть другой, теперь нуждается въ томъ, чтобы поставить въ непосредственную отъ себя зависимость эту часть населения. Но какъ всякий видъ самостоятельности населения казался опаснымъ доктринерамъ государственности, то они полагали, что при освобожденіи крестьянъ надо возможно болѣе поставить ихъ въ зависимость все-таки отъ помѣщика, сохранивъ за послѣднимъ всю землю и соединивъ экономическое преобладаніе помѣщика съ перенесениемъ на него значенія чиновника государственного, т.-е. вотчинного полицейского начальника.

Такимъ образомъ теоретики государственности явили и въ этомъ вопросѣ свое постоянное качествѣ: консерватизмъ, но не тотъ консерватизмъ, который состоять въ охраненіи хорошихъ явлений, выработанныхъ жизнью, хотя бы въ виду и лучшихъ, но еще будущихъ, а консерватизмъ трусости, т.-е. желаніе сохранить, елико возможно, существующее, только потому, что оно уже существуетъ, а не по убѣждению, что оно и должно существовать. Такого рода трусость мысли передъ новыми явленіями, какъ извѣстно, не исключаетъ отчаянной храбрости въ выборѣ аргументовъ и средствъ для защиты *status quo*, — черта, которую мы усматриваемъ во всей деятельности нашихъ московскихъ западниковъ. Когда заговорили о земствѣ, многіе изъ защитниковъ англійскаго освобожденія крестьянъ безъ земли и вообще аристократическихъ идеаловъ, которые, совмѣстно съ московскими западниками, боролись противъ надѣловъ крестьянскихъ, противъ «демократизма мироныхъ посредниковъ и бюрократическихъ благоизволителей изъ чужого кармана», высказывались въ пользу возможно широкихъ правъ земскихъ, хотя и аристократическихъ, собраний. Но московские западники, которые хлопотали о томъ, чтобы облечь помѣщика властью становаго пристава и инспектора, чтобы дать крупнымъ собственникамъ непосредственное участіе въ земскихъ собранияхъ, въ то же время очень забочивались, какъ бы органы государства, губернаторы, не оказались безсильны передъ земствомъ. Во время обсужденія этихъ вопросовъ о надѣлѣ, сельскомъ благоустройствѣ, московские западники стали въ рѣзкое полемическое отношеніе

со всѣми болѣе «народными» направленіями, какъ съ московскими славянофильствомъ, такъ и съ петербургскимъ западничествомъ (если уже употреблять это выраженіе), а когда крайніе побѣги славянофильскаго и западническаго демократизма сошлись и стали принимать агитационный и революціонный оттѣнокъ, то московскіе аристократически-бюрократические государственники взяли на себя інициативу охраны государства отъ «петербургской революціи», воспользовавшись особенно минутой петербургскихъ пожаровъ.

До извѣстной степени, кромѣ ненависти ко всѣмъ проявленіямъ направленія, поставившаго исходную точкою своихъ политическихъ теорій примѣненіе къ Россії надѣла крестьянъ землею и общинное самоуправлѣніе, въ выступѣ московскихъ западниковъ на охрану отечества отъ «петербургской революціи» играли роль и тонкія соображенія: думалось, выступимъ, какъ охранительное начало, и такимъ образомъ приблизимся къ кормилу, управляющему общественною жизнью, поразимъ крайности и покажемъ свою способность вести отечество по пути умѣренного прогресса, покажемъ умѣренность и усердіе и предупредимъ реакцію. Соображенія похвальныя, жаль только, что почти всегда въ результатѣ выходить, что именно тѣ, кто желаетъ предупредить реакцію пораженіемъ крайнихъ направленій, именно усердіемъ и излишнимъ крикомъ противъ крайностей раздуваютъ муху въ слона и служатъ самыми прямымъ образомъ реакціи, въ которую сами первые ударяются, испугавшись крайностей этой новой жизни. Такъ было и съ нашими московскими западниками, которые подъ вліяніемъ страха совершенню ничтожныхъ проявленій «петербургской революціи» 1862 г. и въ жару излишняго усердія заговорили такое, чего не говорилъ никто изъ самыхъ свирѣпыхъ обожателей до-петровской Руси.

Кампанія московскихъ англомановъ противъ «петербургской революціи» привлекла къ нимъ сочувствіе всѣхъ враговъ новыхъ реформъ и ихъ духа изъ міра чиновничьяго и помѣщичьяго, который быть неѣсколько огорчить помѣщеніемъ обличительныхъ рассказовъ въ московскомъ журнальѣ, — того міра, который, за неимѣніемъ другого, пробовалъ было остановить свои симпатіи даже на «Современникѣ» единственно изъ-за того, что онъ освистываетъ «весь нашъ прогрессъ и нашу гласность» и «не увлекается Громекой», —

ражавшимъ въ «Русскомъ Вѣстнике» «полицію» и «полицію виѣ полиції». Борьба «Московскихъ Вѣдомостей» съ «петербургской революціей» и открытымъ около этого времени «нигилизмомъ» привела подъ ихъ знамена и всѣхъ поклонниковъ идей «Маяка», которые пробовали пристроиться и къ славянофильству и которымъ только юмористическая репутація, приобрѣтенная вслѣдствіе ранне-временного выступа на проповѣдь г. Аскоченского, препятствовала открыто признать своимъ органомъ «Домашнюю Бесѣду». Такимъ образомъ журналъ и газета московскихъ западниковъ стали органомъ *старорусской партіи*, — партіи консервативной, въ томъ смыслѣ, о какомъ мы говорили выше, — партіи, желавшей сохраненія въ Россіи положенія, бывшаго до возвѣщеній въ настоящее царствованіе реформъ. Въ качествѣ органа такого рода партіи выступили «Московскія Вѣдомости» и противъ польской революціи, не столько потому, что она была польская, сколько потому, что она была революція и выступала отчасти въ связи съ пораженною въ 1862 г. «петербургскою революціей», а также потому, что эта новая и гораздо болѣе реальная революція давала поводъ къ новой рѣшительной кампаніи противъ всѣхъ проявленій и корней старой, и новый случай занять видное положеніе у руководительства общественными дѣлами.*

Еще очень не задолго до 1863 года, публицисты партіи московскихъ западниковъ излагали идеи обѣ освобожденіи крестьянъ и сельскомъ устройствѣ, о народѣ и дворянствѣ совершенно въ духѣ и въ интересахъ польскихъ помѣщиковъ Западнаго края. Къ русской народности они вообще не показывали большой нѣжности, къ крестьянству, источнику «противообщественныхъ элементовъ» и предмету заботъ «непропаныхъ благодѣтелей изъ чужого кармана», — тоже. Въ то время, когда славянофилы проливали слезы надъ распространениемъ западнаго духа полонизма въ Западномъ краѣ и жалѣли о слабости культурнаго отпора русскаго общества полонизму, московскіе западники сохраняли полное молчаніе объ этихъ вещахъ: они ихъ игнорировали. Только революціонныя манифестаціи и потомъ революція польская и притомъ въ связи съ аналогическими русскими явленіями обратила на себя ихъ вниманіе. Ихъ оскорбило революціонное покушеніе на государственную цѣлость имперіи, а какъ вмѣшательство

европейскихъ правительствъ въ наше внутреннее дѣло оскорбило и весьма многихъ людей и другихъ направленій въ наше общество, то болѣе энергически выразившій реакцію польской революціи органъ сталъ и органомъ большинства русского общества.

Вообще история патріотической реакціи нашей противъ польского восстания 1863 года, завершившаго собою періодъ нашей общественной жизни съ 1856 года, такъ потрясший всѣ старыя основы русскаго общественнаго строя, есть предметъ весьма интересный, который остановитъ внимание будущаго историка Россіи. Для него, между прочимъ, очень будетъ интересно изслѣдованіе различныхъ мотивовъ и соображеній, по которымъ различные слои и элементы населения Россіи (крестьяне въ Западномъ краѣ, великорусское простонародье, русское купечество и даже евреи, раскольники признанные и непризнанные до тѣхъ поръ официально, помѣщики различныхъ оттѣнковъ, отъ просто недовольныхъ новшествами, до мечтавшихъ о конституції, чиновники тоже различныхъ оттѣнковъ и т. п.) высказывали порицаніе польскому восстанию и выражали, на дѣлѣ или на словахъ, готовность ему противодѣйствовать. Всѣ почти изъ недовольныхъ, по какимъ бы то ни было видамъ, польскимъ восстаниемъ, кто только зналъ о существованіи журналистики, смотрѣли на «Московскія Вѣдомости», какъ на свой органъ, такъ какъ изъ трехъ частныхъ изданій, наиболѣе громко выражавшихъ патріотическія чувства, «St.-Petersburger Zeitung» г. Мейера писалась по пѣмѣцки, а «День» двоился въ отношеніяхъ къ полякамъ и къ мѣдведямъ, какія надо принять противъ восстания, да и былъ неудобенъ по своей еженедѣльной формѣ и, кромѣ того, отталкивалъ многихъ своимъ радикализмомъ въ пользу «мужизма», хотя бы то и русскаго. Чѣмъ же говорили «Московскія Вѣдомости» отъ имени всѣхъ столь различныхъ людей и по столь различнымъ мотивамъ возмущенныхъ польской революціей? Они требовали скорѣйшаго и энергичнѣйшаго подавленія революціи. Вопросъ, что же дѣлать дальше съ Польшей и поляками, оставался въ тѣни. Объ этомъ думали разно, разумѣется, кто задавалъ себѣ этотъ вопросъ.

Публицисты «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» задали себѣ, конечно, этотъ вопросъ. Сначала они отвѣчали на него сообразно своимъ постояннымъ идеямъ о го-

сударствъ и сообразно господствовавшимъ въ то время во многихъ русскихъ кругахъ (польскихъ тѣмъ наче) стремлѣніяхъ. Въ статьѣ «Что намъ дѣлать съ Польшей»¹⁾, московскіе публицисты изложили самый абсолютный и централистический, и въ то же время самый материалистический взглядъ на государство: границы территоріи государства отмѣчаются, говорили они, мечомъ и кровью. Вездѣ внутри этихъ границъ можетъ господствовать только одно право, одно законоположеніе. Поэтому управлѣніе Польшей не должно ничѣмъ отличаться отъ управлѣнія другими частями имперіи. Тогда въ высшихъ сферахъ ходила мысль объ умиротвореніи Польши дарованіемъ ей представительного правленія. Публицисты «Русскаго Вѣстника» заявили, что въ такомъ случаѣ представительныхъ учрежденій должны быть распространены и на всю Россію, — мысль, которая проглядывала и въ разсужденіяхъ другихъ изданій и даже въ патріотическихъ заявленіяхъ. Но и въ такомъ случаѣ представители Польши могутъ собраться только въ собраніи депутатовъ всѣхъ остальныхъ земель имперіи. Такой проектъ и былъ то, что рекомендовала Россіи «Liberté», именно «потопленіе Польши въ свободѣ», т.-е. собственно не въ свободѣ, а въ централистическомъ парламентаризмѣ, въ родѣ того, какъ Познань потоплена въ рейхstagѣ германскомъ, какъ нѣмецкіе конституціоналисты-бюрократы и централисты въ родѣ Гербста и Гискры торпили въ вѣнскомъ рейхштагѣ чеховъ и другихъ цислейтанскихъ нѣмцевъ. Что намъ дѣлать съ Польшей, на случай, если польские депутаты не пойдутъ въ нашъ проектированный въ Москвѣ рейхstagъ, какъ чехи, и оставить свою декларацію или что станутъ дѣлать польские депутаты у насъ, если они, какъ познанскіе, пойдутъ въ рейхstagъ, но будуть тамъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ,— этого вопроса наши централисты не предложили себѣ. Вѣрные постоянному и вѣчному своему страху передъ всякимъ новымъ явленіемъ и всегдашней своей заботѣ о сколько возможномъ сохраненіи *status quo* въ Россіи, наши доктора Гербсты постарались за то о томъ, какъ бы проектированный парламентаризмъ имѣть какъ можно менѣе правъ, и для того они вспомнили, чего прежде съ ними не случалось, и о древней Руси и русскихъ преданіяхъ.

¹⁾ „Р. В.“, 1863, май.

(приемъ, встрѣченный не безъ злорадной ироніи славянофилами, которые поздравляли московскихъ западниковъ и англомановъ съ открытиемъ Россіи) и пожелали, чтобы по правамъ и дѣйствіямъ новое русское представительное собраніе не отклонялось отъ древнихъ земскихъ соборовъ московскаго государства.

При существованіи такихъ соборовъ, въ которыхъ приняли бы участіе и депутаты отъ Польши, т.-е. въ буквальномъ смыслѣ парламентовъ — говориленъ, поляки могли бы, по проекту московскихъ публицистовъ, жить преблагополучно и какъ граждане государства и даже какъ народность. «Русский Вѣстникъ» тогда еще доводствовался только парламентской централизацией и говорилъ о Польшѣ и польской народности такъ: «Польский вопросъ можетъ быть решенъ удовлетворительнымъ для Россіи и для Польши образомъ, если Польша откажется отъ тѣхъ притязаній, которыхъ ни въ какой мѣрѣ ни подъ какимъ видомъ Россія допустить не можетъ. Польский вопросъ можетъ быть решенъ удовлетворительнымъ образомъ только посредствомъ полнаго соединенія Польши съ Россіей въ государственномъ отношеніи. Россія можетъ дать Польшѣ болѣе или менѣе близкіе виды на такое управление, которое вполнѣ удовлетворить всѣмъ законнымъ видамъ я народонаселенія и далѣе которыхъ не могутъ простираться виды европейскихъ державъ, которымъ угодно теперь заниматься судьбою Польши. Польский край можетъ имѣть свое мѣстное самоуправление, быть обеспеченнымъ во всѣхъ гражданскихъ и религіозныхъ интересахъ своихъ, сохранять свой языкъ и свои обычай. Но децентрализованная, сколько возможно, въ административномъ отношеніи, Польша должна быть крѣпкою частью Россіи въ политическомъ отношеніи. Что же касается до политического представительства, то, въ соединеніи съ Россіей, Польша можетъ имѣть его не иначе, какъ въ томъ духѣ и смыслѣ, которые выработались исторіей Россіи, а не по какому-нибудь искусственному типу, равнозначащему и польской и русской исторіи»¹⁾.

¹⁾ Какъ еще неполно было открытие Россіи московскими западниками, видно изъ того, что, помѣщая въ томъ же № статью „Польша“ изъ „Quarterly Review“, редакція вѣдѣ, где была несогласна съ нею, заявила свое мнѣніе въ выносѣкѣ, въ особенности ударяя на то, что намъ надо брать примѣръ съ (тогдашней) Австріи и Пруссіи въ политикѣ по отношенію къ Польшѣ, а

Какъ и слѣдовало быть по естественному ходу вещей, — и въ томъ, особенно для польского простого народа, большого горя и нѣтъ, — мысль объ умиротвореніи Польши посредствомъ завершения системы маркиза Велепольского представительными учрежденіями въ Польшѣ, была оставлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ была оставлена мысль и о русскомъ земскомъ соборѣ. Московские публицисты занялись разработкой другихъ средствъ объединенія Польши съ Россіей и постепенно развили систему мыслей объ административной централизації, а потомъ и о примененіи централизма и къ языку и народности въ Польшѣ, въ совершенное противорѣчіе съ только что выписаными выше словами ихъ, но въ совершенной послѣдовательности съ ихъ бюрократическими понятіями о народѣ и государствѣ. Между тѣмъ какъ события заставили нашу администрацію раскрыть, по отношенію къ Царству Польскому и Западному краю, всю силу системы диктатуры и репрессалій и вмѣстѣ съ тѣмъ повели ее на путь реорганизаціи общественного строя въ Западномъ краѣ и Польшѣ на началахъ народности и на поднятіи правъ и экономического положенія массы народа, работа, которой смыслъ такъ хорошо разъясняли нашему обществу славянофилы, особенно петербургскіе, какъ і. Гильфердингъ, публицисты «Московскихъ Вѣдомостей» могли говорить съ сочувствіемъ изъ всѣхъ мѣръ нашей администраціи въ 1863 — 1864 годахъ только о репрессаліяхъ, которыхъ, конечно, содѣствовали усмиренію возстанія, но вовсе не были рядомъ мѣръ къ реорганизаціи края, такой, которая бы сдѣлала невозможнымъ на будущее время повтореніе возстанія, а слѣдовательно, и самихъ репрессалій, всегда и для всякаго печальныхъ и всегда тормозящихъ развитіе и тѣхъ частей государства, на которая онъ непосредственно и не распространяются.

следующихъ словъ и не говорила: „за исключеніемъ двухъ религіозныхъ движений 1768-го и 1789-го годовъ, возбужденныхъ, говорить, самою Екатериной, грубымъ массы простолюдиновъ, изъ которыхъ собственно состоялъ польский народъ, не обнаруживали ни малѣйшаго признака радости или горя“ при разделахъ Польши. Редакція не замѣтила, что эти „религіозны“ движения были вѣломъ не польского, а русскаго населения въ юго-западной Руси и выражали именно „горе грубої массы простолюдиновъ“ быть подъ властю польскихъ пановъ и католическихъ ксендзовъ-фанатиковъ.

Но какъ могли «Московскія Вѣдомости» одобрять мѣры нашего правительства по крестьянскому дѣлу въ Западномъ краѣ и Польшѣ, когда онѣ еще продолжали вести войну противъ примѣненія къ остальной Россіи даже великокорусского Положенія 19 февраля 1861 года и называли его, въ спорѣ съ г. Ю. Самариномъ, славянофильско-соціалистическимъ Положеніемъ, хватая г. Самарина на словѣ *nashe Положеніе?* «Московскімъ Вѣдомостямъ» оставалось хвалить замѣну мировыхъ посредниковъ-поликовъ, какъ вообще всѣхъ чиновниковъ въ Западномъ краѣ и Польшѣ, русскими, но и только: объ остальныхъ, самыхъ существенныхъ, вещахъ въ дѣятельности тамъ правительства по устройству сельскаго населения «Московскімъ Вѣдомостямъ» оставалось только молчать. Зато они єь усердѣемъ говорили о тѣхъ мѣрахъ къ реорганизаціи западной Россіи, которая подходили подъ ихъ основной бюрократически-аристократической идеалъ государства. Въ Западномъ краѣ и даже въ Польшѣ онѣ хлопотали о замѣнѣ польскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ русскими, ставя на второй планъ вопросъ, въ какія же отношенія станутъ эти чиновники и особенно эти помѣщики къ коренному населенію, хотя бы и русскому? Понятно, почему «охранительные русскіе элементы» въ Западномъ краѣ, которые собирались на выгодныхъ условіяхъ приобрести имѣнія въ Западномъ краѣ и которые потомъ въ «Вѣсти» сначала жаловались, что ихъ не «лелѣять въ ополяченномъ краѣ», а наконецъ вошли въ открытый союзъ съ поляками въ борьбѣ съ «босоногими патріотами», съ «коммунизмомъ мировыхъ учрежденій» и т. д., почему они еще не разрывали своего союза съ московскими публицистами,— патріотами, но не «носившими фригійской шапки подъ мурмолкой», какъ говорили они о славянофилахъ.

Продолжая полемику съ послѣдними по вопросамъ, связаннымъ съ Положеніемъ 19 февраля, патріоты «Московскихъ Вѣдомостей» вели съ ними и другую по вопросу объ организаціи Польши. Славянофилы гордились тѣмъ, что Александръ I воскресилъ имя Польши, а Александръ II — польскій народъ, всячески старались провести разницу между отношеніями Россіи къ полякамъ и отношеніями къ нимъ Пруссіи. «Московскія Вѣдомости» видѣли главную ошибку въ политикѣ Александра I относительно Польши вовсе не въ томъ, что онѣ видѣли въ Польшѣ и даже въ западной Россіи только аристокра-

тию, а не народъ. Послѣдній бытъ, впрочемъ, пропущенъ и Карамзинъ, который, говоря противъ мысли Александра I возстановить подъ своею властью Польшу въ границахъ 1772 г., ссылается и на права оружія, вспоминаетъ и Владимира Святого, и Мономаховичей, и Изяславичей, а забыть только самое главное,— что народъ въ Западномъ краѣ и до сихъ поръ такой же непольскій, а русскій, какимъ бытъ еще и до Мономаховичей и Изяславичей. «Московскія же Вѣдомости» напали только на то, что императоръ Александръ I включилъ въ Царство Польское русскій Холмскій край и литовскую Августовскую губернію, допустивъ польскому образованію распространиться по всей области Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края и даже готовъ бытъ включить и эти края въ образованное имъ Царство Польское; онъ осуждали не то, что онъ допустилъ обезземеливаніе крестьянъ въ этомъ Царствѣ, а именно то, что, занять въ 1813 году Герцогство Варшавское, преобразовалъ его въ 1815 году въ Царство Польское. Не будь этого «воскресенія имени Польши», присоедини Александръ I Герцогство Варшавское такъ точно, какъ Смоленская губернія была присоединена Алексѣемъ Михайловичемъ или хоть какъ Познань пруссаками, не было бы, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», и польского вопроса: Сѣверо-Западный и Юго-Западный край обрусьли бы въ такой же мѣрѣ, какъ обрусьла Смоленская губернія, а Варшавское Герцогство — въ такой, въ какой германизирована Познань.

Называя политику Александра I почему-то славянофильскую, «Московскія Вѣдомости» предостерегали Россію отъ повторенія ея гибельныхъ ошибокъ и совѣтовали исправить ея послѣдствія обращеніемъ къ примѣру не подражавшихъ Александру I, а, напротивъ, предостерегавшихъ его — Австріи и Пруссіи, особенно послѣдней. Въ подражаніе Пруссіи «Московскія Вѣдомости» совѣтовали озабочиться увеличеніемъ русскихъ майоратовъ въ Царствѣ Польскомъ и вообще о привлеченіи туда русскихъ землевладѣльцевъ и укрѣпленіи тамъ, посредствомъ поземельной собственности, русскихъ чиновниковъ, о полной централизаціи управленія Царствомъ Польскимъ, обѣ исключительномъ употребленіи тамъ русскаго языка въ офиціальной жизни и въ обученіи, хотя и тутъ московскіе публицисты перешли черезъ нѣсколько ступеней, какъ и по вопросу обѣ администривной централизаціи:

когда обнародованъ былъ реескрипты о народномъ образованіи въ Польшѣ въ 1864 году, «Московскія Вѣдомости» не возражали противъ обучения на польскомъ, какъ и на другихъ народныхъ языкахъ населения въ Польшѣ, не говорили, что все преподаваніе въ школахъ и предполагавшейся къ преобразованію въ университетъ варшавской главной школѣ должно ити исключительно на русскомъ языке, а только желали больше правъ русскому языку, какъ языку государственному, въ школахъ Польши, желали, чтобы и русскія каѳедры существовали въ будущемъ Варшавской университетѣ. Только послѣ, когда совершилась новая реформа въ школахъ Польши и въ Варшавскомъ университетѣ только русский языкъ и сталъ языкомъ преподаванія, публицисты «Московскихъ Вѣдомостей» нашли все эти отступленія отъ принциповъ реескрипта 1864 г. въ высшей степени политически-мудрыми, но при этомъ все-таки заявляли, что вовсе не идетъ рѣчи объ «обрусеніи» Польши и уничтоженіи польской народности, а только о со-зданіи «русской государственной национальности».

«Московскія Вѣдомости» отправились отъ безспорного положенія, что «Россія не Данія», что у нея нельзя безнаказанно покупаться оторвать часть государственной территории, что она не можетъ допустить вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла, что въ иностранной политикѣ не должно быть рѣчи о польскомъ вопросѣ, какъ нѣть ея объ ирландскомъ, эльзас-скомъ, познанскомъ, галицко-польскомъ и т. д., что вопросъ польскій есть внутренній вопросъ. Но затѣмъ онъ провели сравненіе Россіи съ Франціей и Пруссіей далѣе, чѣмъ требовало суть дѣла, и по французскимъ и по прусскимъ образцамъ, а вовсе не изъ реальныхъ условій русской государственной жизни и потребностей русской земли и ея населеній, развили цѣлую систему государственного и национального централизма. Попробовать силу этой системы на польскомъ вопросѣ, «Московскія Вѣдомости» прошли всю Россійскую имперію и всюду усмотрѣли «сепаратизмъ», требующій подавленія, всюду наплыла область для перерусенія, дorusенія и обру-сенія и притомъ государственными мѣрами. Такъ усмотрѣнъ былъ послѣ польского сепаратизма литовскій, малорусскій, белорусскій, бессарабскій, грузинскій, армянскій, осетейскій, даже донской и казанскій; даже Финляндія, въ которой швед-скій элементъ, хотя и не очень симпатизируетъ Россіи, но дер-

жить себя строго легально и смирино, а финскій считаетъ связь съ Россіею за условіе своего развитія (см. очень интересное и характеристичное письмо финнофіла къ славянофіламъ въ «Днѣ» 1863 г.), и гдѣ обрученіе не имѣть вовсе никакихъ поводовъ на введеніе и никакихъ шансовъ на успѣхъ, потерпѣла укоры за свое отදльное управлениe. Каждая «огромная опека» задавалась этими доктринерами централизма нашему государству и администраціи и обществу средней Россіи, которая одна только, послѣ пробы всѣмъ другимъ частямъ Европейской Россіи, осталась виѣ подозрѣнія въ сепаратизмѣ и не требующей перерусенія! А государственной власти и такъ не мало работы въ столь огромномъ государствѣ и при томъ столь запоздавшемъ съ рѣшеніемъ почти всѣхъ соціальныхъ, экономическихъ и политическихъ вопросовъ, имѣющемъ столь слабо развитое въ массахъ образование; капиталы, люди, образование такъ нужны для русского общества самого; средняя Россія сама далеко не изобилуетъ избыткомъ ни капиталовъ, ни людей, ни образования, а между тѣмъ ея населенію говорятъ: встань, иди и руси края, самые отдаленные, земли, часто, и даже почти всегда, гораздо гуще населенія, въ промышленномъ и культурномъ отношеніи иногда гораздо болѣе развитыя, народности часто очень упорныя.

Дѣйствительно, Россія имѣть на окраинахъ населенія не русскія, во многихъ мѣстахъ на этихъ окраинахъ дѣла пришли въ весьма трудное и опасное для государства положеніе и требуютъ мѣръ для болѣе удобного исхода, требуютъ зоркаго вниманія со стороны правительства и самодѣятельности со стороны общества. Уже и славянофильская программа: поднимать экономическое состояніе коренныхъ массъ народа на окраинахъ нашихъ, пробуждать въ нихъ национальное самосознаніе и такимъ образомъ привлѣкать ихъ къ русскому государству и народу,— программа, которая указывается намъ самими коренными населеніями окраинъ и потому уже болѣе естественная и легкая, и та требуетъ не мало труда, и та отвлекаетъ общество внутренней Россіи отъ своихъ дѣлъ, требующихъ тоже не малой работы. Но эта программа все-таки естественнѣе, увлекательнѣе, потому что совпадаетъ съ самыми лучшими идеями нашего вѣка, а потому она и легче для исполненія и скорѣе можетъ увлечь общество, поддержать

иравственную силу русского дѣятеля на окраинѣ. Другое дѣло механическая теорія государственного и національного централизма, по которой нужно всюду истреблять сепаратизмъ, все сравнивать, все русить, преимущественно силами чиновничества и администраціи, при полномъ недовѣріи къ мѣстнымъ силамъ и населеніямъ, при страхѣ, какъ бы вмѣсто польского сепаратизма не возникъ литовской или малорусской, вмѣсто нѣмецкаго — латышскаго и эстскаго, вмѣсто шведскаго — финскаго, или какъ бы различные сепаратизмы не вошли между собою въ сдѣлки, какъ бы сами обрушители не стали безсознательными орудіями какой-нибудь интриги, какъ бы окраины не воспользовались для укрѣпленія своего сепаратизма всякимъ шагомъ впередь середины государства по части общественного развитія и, наоборотъ, какъ бы радикальные приемы обрушения окраинъ не распространились и на середину государства! Эта теорія имѣть въ себѣ что-то сухое и отталкивающее, работа, ю заданная, приводить человѣка, администрацію и общество въ какой-то бесконечный лабиринтъ или скорѣе заколдованный лѣсъ, наполненный призраками интриги, крамолы, сепаратизма... И если, наконецъ, окраины могутъ восхлиknуть съ озобленіемъ: да что мы за объектъ для экспериментовъ перерусенія, дорусенія и обрушенія?! — то и самое населеніе центральной Руси можетъ тоже съ отчаяніемъ спросить: да за что же мы поступили въ кабалу обрушенія? Неужто намъ уже и работы нѣть, какъ русить, дорусивать и перерусывать окраины, которыхъ, если сложить вмѣстѣ, то почти сравняются по величинѣ съ нашей землею? Гдѣ же конецъ этой сизифовой работѣ, ради которой мы бросаемъ свои собственные дѣла и осуждены на замедленіе нашего собственнаго развитія?

До извѣстной степени мы уже дожили до такого отношенія къ вопросу обѣ окраинахъ: по крайней мѣрѣ, добрая доля русской печати, особенно петербургской (почти всѣ толстые журналы наши, наиболѣе распространенные), отличаются именно такимъ невниманіемъ къ вопросу обѣ обрушеніи окраинъ и даже явно враждебны ко вскакимъ толкамъ обѣ окраинахъ. Коли хотите, это по настоящему и есть наша *ультрапартия* (партия, довольно многочисленная среди образованныхъ людей въ столицахъ и въ Великой Россіи). Этотъ новый родъ «великорусскихъ сепаратистовъ» говорить: да Богъ съ ними, съ

этими окраинами и съ этимъ обруссеніемъ; нась, несомнѣнныхъ русскихъ, на несомнѣнной русской землѣ все-таки 30—40 миллионовъ, будемъ заниматься своими дѣлами, а окраины пусть живутъ, какъ хотятъ! Конечно, останься эти «ультрапрussкіе» безъ Риги и Варшавы, и чего доброго безъ Вильно и Киева, они бы почувствовали себя не совсѣмъ ловко, и хорошенько пораздумавъ, они и теперь увидятъ, какъ тѣсно связаны нравственные и экономические интересы середины Россіи съ судьбою ея окраинъ и даже отчасти съ судьбою лежащихъ и дальше нашихъ границъ странъ прикарпатскихъ и придунайскихъ. Но этотъ ультрапрussкій сепаратизмъ людей середины Россіи совершенно понятенъ и естѣстvenъ, какъ реакція направленію, которое заботится такъ неловко объ обруссеніи и перерусеніи племенъ, населяющихъ наши окраины, и печется съ неменьшей ловкостью о славянскихъ, румынскихъ, греческихъ дѣлахъ, видя собственное отечество въ большомъ еще нестроеніи и даже тормоза его устроеніе воззданіемъ къ жизни устарѣлыхъ идей и учрежденій.

Что касается до окраинъ самихъ, то въ перусскихъ слояхъ ихъ населеній, конечно, не укрѣпляется симпатія къ намъ въ виду тѣхъ мѣръ и идей, которыхъ требуютъ и высказываютъ наши обруссители. Судя по жалобамъ бѣлоруссовъ въ свое время въ «Днѣ», можно видѣть, что даже въ русскихъ слояхъ дѣятельность перерусенія и дорусенія не возбуждаетъ большихъ симпатій въ мѣстныхъ образованныхъ людяхъ. Что касается Польши, Литвы, прибалтійскихъ краевъ, Финляндіи и Закавказья, то очень настойчивое проведеніе централизаціи и обруссенія можетъ возбудить, наконецъ, настолько сильное нерасположеніе къ намъ мѣстного населения, что, особенно при не совсѣмъ благопріятныхъ намъ международныхъ обстоятельствахъ, право, положеніе наше, при всемъ численномъ превосходствѣ русского племени надъ другими народностями въ имперіи, станетъ не только далеко не пріятнымъ, но и не совсѣмъ безопаснѣмъ. О Польшѣ можно сказать самыи положительными образомъ, что отношенія къ намъ тамошняго населения съ 1863—1864 гг. не только не улучшились, а ухудшились. А въ виду этого и вслѣдствіе сознанія невозможности къ осуществленію задачи, которой мы задались по отношенію къ Польшѣ въ послѣдніе годы, у тамошнихъ русскихъ дѣятелей не могъ не упасть духъ и вѣра въ свое дѣло.

XII.

Указавъ на неизбѣжныя послѣдствія задачи, возложенной нами на себя не вслѣдствіе реальной необходимости, не соотвѣтственно условіямъ нашей общественной и государственной жизни, а единственно вслѣдствіе доктринерства и по совершенно иностраннымъ образцамъ, выскажемъ въ заключеніе собственныйній напрь взглядъ на то, какую желательно встрѣтить политику Россіи на окраинахъ.

Россія — не Данія, говорилось у насъ сначала, Россія и не Австрія, заговорили потому, въ отвѣтъ на соображенія, которыя заставляли императора Александра I согласиться на устройство отдѣльного управления для Польши и Финляндіи, и въ виду преобразованія Австріи на началахъ дуализма. Всё это совершиенно вѣрно. Но Россія, надо же сказать, и не Франція и не Пруссія. Даже система диктатуры, господствовавшая въ Польшѣ съ 1831—1856 гг., имѣла гораздо больше резона, чѣмъ обрушеніе Польши, потому что гораздо большие вытекала изъ реальныхъ условій, а не изъ подражанія и доктринерства. «Люди бунтуютъ, люди наклонны бунтовать», думала эта нехитрая система, «надо, значитъ, смотрѣть въ оба, держать на готовъ кару, и чуть запевелются, прихлопнуть!..» Но когда разъ мы задались мыслью, что вѣчно стоять съ поднятой палкой непріятно и неудобно и для настъ, когда сообразили, что полицейская диктатура есть явленіе исключительное, а не нормальное, надо же было изыскать средства реорганизации страны и упроченія нашего тамъ сообразно и реальному положенію дѣлъ, и нашимъ силамъ, и потребностямъ самой страны.

Начало такой раціональной, вполнѣ обезпечивающей интересы нашего государства, соотвѣтственной съ нашими средствами и въ то же время вполнѣ согласной съ справедливостью и лучшими и сильнѣйшими идеями нашего вѣка, системѣ реорганизаций нашихъ окраинъ положено было политикой нашего правительства въ Западномъ краѣ и Польшѣ въ 1863—1864 гг. Система эта, вполнѣ ясно изложенная тогда славянофильскими писателями, состояла въ поднятіи на окраинахъ коренныхъ народностей, въ уваженіи къ каждой корен-

ной народности въ ея предѣлахъ, въ помощи массамъ каждой народности въ экономическомъ и культурномъ отношеніи,— словомъ, въ системѣ привлеченія симпатій всѣхъ массъ населенія на окраинахъ мѣрами, бедуинами къ материальному и нравственному развитію ихъ сообразно ихъ нуждамъ и характеру Такъ иѣть, система эта показалась что-то слишкомъ уже необычной и новой. Надо было поискать уже испытанныхъ путей, и мы пошли за образцами во Францію и въ Пруссію.

А между тѣмъ Россія совсѣмъ не Франція и еще менѣе Пруссія. Начать съ того, что въ одной Европейской Россіи съ Кавказомъ можетъ помѣститься десять Францій и Германій. Если вопросъ о децентрализаціи и самоуправлениіи общинъ и областей сталъ насущнымъ вопросомъ для маленькихъ, сравнительно съ Россіей, европейскихъ государствъ, то тѣмъ паче онъ насущенъ для Россіи. Между тѣмъ система обрусенія и дорусенія окраинъ, и при томъ занимающихъ столь большія пространства, какъ Финляндія, прибалтійскія губерніи, Литва, Польша, Кавказъ, не считая западно-русскихъ областей и Бессарабіи, необходимо сопряжена на каждомъ шагу и всюду съ централизаціей и бюрократическимъ управлениемъ, которая при гораздо меньшихъ пространствахъ, при большей специальной подготовкѣ бюрократіи, при большемъ, наконецъ, богатствѣ населеній, доказали уже свою несостоятельность и дороговизну.

Затѣмъ Россія сложилась вовсе не такъ, какъ Франція или Пруссія, и русскія области и народъ находятся не въ тѣхъ этнографическихъ, культурныхъ и численныхъ отношеніяхъ къ перусскимъ землямъ и населеніямъ окраинъ и прилегающихъ къ нашимъ границамъ областей, въ какихъ находилась Франція къ Эльзасу, Пруссія къ Познаніи и Силезіи. Во-первыхъ, обѣ эти страны съ старою культурою. Мы видѣли, что французскій языкъ, напр., распространяется самъ собою даже за предѣлы французского государства, и въ самомъ Эльзасѣ растиранился при помощи самихъ же эльзасцевъ. Иль нѣмецкой Пруссіи распространялась на востокъ нѣмецкая колонизация и при томъ самая дѣятельная, городская, уже давно, такъ что, напр., страна отъ Данцига къ Торну, столь важная для соединенія восточной Пруссіи съ западной и Бранденбургомъ, была уже германизирована еще во время су-

ществованія польского королевства. Франція передъ Эльзасомъ, Пруссія передъ отобранными у поляковъ землями не имѣть такой полосы, какъ напрь Западный край, не имѣть такого насленія народностей (изъ коихъ обѣ отличны отъ центральной), какъ мы имѣемъ въ Литвѣ, въ Прибалтийскомъ краѣ, въ Финляндіи, не говоря уже о смѣси народовъ въ Закавказье. Притомъ же Пруссія имѣть себѣ въ поддержку твердое для всякаго нѣмца убѣжденіе, что славянъ надо тѣснить, какъ низшую расу, какъ можно дальше на востокъ (въ Эльзасѣ сами нѣмцы въ прежнее время считали французскую народность за высшую и добровольно усвоили ее). Принявъ подъ свою власть польскія провинціи, Пруссія позаботилась, конечно, ослабить зависимость крестьянъ отъ помѣщиківъ, но очень принимать къ сердцу интересы этихъ польскихъ массъ ей было нечего: для нея показалось важнѣе привлечь къ себѣ евреевъ, замѣнить польскихъ землевладѣльцевъ нѣмецкими, подвинуть впередъ нѣмецкое бургерство. Гдѣ же мы возьмемъ достаточное число русскихъ землевладѣльцевъ на всѣ окраины? гдѣ наше мѣщанство и купечество, готовое двинуться на западъ? Рѣшимся ли мы позаботиться болѣе обѣ интересахъ евреевъ въ Польшѣ и Западномъ краѣ, чѣмъ обѣ интересахъ коренного таомошняго населенія? Да, на конецъ, точно ли такъ ужъ велики успѣхи Франціи и Пруссіи на ихъ восточныхъ окраинахъ, куда привела Францію ея пресловутая централизація? Послѣдняя рѣчи кн. Бисмарка по польскимъ дѣламъ обличаютъ ничтожность успѣховъ онѣменія Познаніи.

Наше государство иначе складывалось, чѣмъ Франція и Пруссія, и иначе сложилось, иныя имѣть задачи, иныхъ требуетъ и средствъ для управления и объединенія. Главную массу населенія и у насъ составляетъ преобладающее племя, русское, какъ тамъ французское и нѣмецкое. Но русское племя само объединено всего 100 лѣтъ назадъ, общая русская литература, сколько-нибудь живая, можетъ почитаться только съ карамзинского времени, т.-е. не имѣть отроду и ста лѣтъ; русская народность еще сама продолжаетъ складываться процессомъ ассимиляціи. На пути своего расширенія русское государство приняло въ себя различныя области и племена, изъ коихъ иныя были гуще населены и большеобразованы, чѣмъ коренные; многія добровольно присоедини-

лись къ русскому государству, ища въ немъ защиты отъ чужеземцевъ. Фактъ добровольнаго присоединенія имѣть мѣсто даже тамъ, гдѣ было отчасти и завоеваніе, напр., въ Прибалтийскомъ краѣ, Финляндіи и даже въ занятіи Герцогства Баршавскаго. По всѣмъ этимъ причинамъ Россія не могла поступать во многихъ областяхъ, какъ Франція или Пруссія на восточныхъ окраинахъ, т.-е. примѣнять безусловно право завоеванія, а должна была или вступать въ болѣе или менѣе договорнаго отношенія или, во всякомъ случаѣ, терпѣть многія изъ частныхъ особенностей общественнаго строя этихъ земель, даже рѣзко отклонявшияся отъ ея бытового строя. Теперь хорошо громить эти старыя уступки, находить въ нихъ описочныя дѣйствія; а посмотрѣли бы мы, какъ бы еще овладѣла Россія столькими окраинами, какъ бы удержала ихъ, не дѣляя уступокъ, не привлекая къ себѣ симпатіи то тѣхъ, то другихъ слоевъ населенія, часто тѣхъ, которые, какъ, напр., поляки въ Западномъ краѣ, пѣмцы въ Остзейскомъ, имѣли и несправедливыя привилегіи. Точно ли бы наши предки показали политическую мудрость, если бы примѣнили ко всѣмъ приобрѣтаемымъ землямъ безусловное право завоеванія, пріемы Людовика XIV, Конвента и прусскихъ Фридриховъ?

Конечно, должно же наступить время повѣрки старыхъ кондицій и устраниенія линійныхъ границъ, большаго объединенія государства, но надо опасаться, чтобы не вырвать и живое вмѣстѣ съ обветшавшимъ, чтобы не смѣшать единство и согласіе съ безразличіемъ и вынужденнымъ безмолвіемъ, скрывающимъ антипатію и озлобленіе.

Да, съ какой стороны ни возьмемъ, Россія — не Пруссія и нечего ей братъ у послѣдней уроки политики въ отношеніи къ разнымъ національностямъ. Съ какой стороны ни возьмемъ, вопросъ о децентрализациіи и національностяхъ вовсе не праздный, а весьма существенный вопросъ для Россіи. Конечно, Россія и не Австрія. Австрійскіе дуализмы, федерализмы съ ихъ сложной системой областныхъ намѣстничествъ, министерствъ, delegacij, со множествомъ центровъ, которые могутъ высасывать жизнь изъ областей еще получше самой Вѣны, съ раздѣленіемъ на коронныя области, изъ коихъ въ каждой господствующія партіи могутъ эксплуатировать страну и населеніе, народности давить одна другую, — австрійскіе идеалы устройства областей и народовъ вовсе не примѣнимы

хъ Россіи ни въ настоящемъ ни въ будущемъ. Но дѣло въ томъ, что сложность австрійской политической и административной машины и есть результатъ взаимнаго недовѣрія областей и народностей, изъ коихъ каждая хочетъ получить знакъ признания ея полноправной, каждая боится подавленія ея и эксплуатации, и именно для того, чтобы сдѣлать невозможными въ Россіи стремленія, сколько-нибудь похожія на австрійскій федерализмъ, и надо избѣгать излишней централизациіи и усердія къ стиранію всѣхъ мѣстныхъ особенностей населения нашего обширнаго государства. А за единство, при отсутствіи рѣзкихъ географическихъ границъ внутри, имѣя болѣе 50 миллионовъ русскаго племени, обеспечить симпатію массъ на окраинахъ, бояться нечего. Только бы росла нравственная и материальная сила основы русскаго государства, русскаго народа, только бы русскій человѣкъ дѣйствительноносъ приносилъ на окраины порядокъ, благосостояніе и свѣтъ! Такъ и будемъ же заботиться, главнымъ образомъ, о материальномъ и нравственномъ развитіи коренного племени и другихъ, *a сія приложатся намъ!*

Странность нашего положенія въ Польшѣ и неосуществимость тамъ обрuseнія становится еще болѣе очевидною, если мы обратимъ вниманіе на то, что и въ самомъ Западномъ краѣ мы вовсе недвигаемся впередъ въ послѣдніе годы. А и Польшу прочно занять мы могли бы только изъ Западнаго края. И здѣсь, въ этомъ ужъ по большей части русскомъ, «только ополяченномъ краѣ», самое существенное, и единственное существенное, сдѣлано въ 1863—1865 годахъ, т.-е. крестьянское дѣло, которое въ послѣдніе годы ползетъ съ удивительной медленностью и даже подвергается страннымъ колебаніямъ. Чтобы довершить тамъ съ нравственной стороны поднятіе коренного русскаго и литовскаго населения, необходима была широкая система народнаго образованія; для того, чтобы населеніе могло освободиться отъ эксплуатации евреевъ, необходимо было ремесленное образование; кроме того, устройство школъ должно было имѣть въ виду разнообразіе въ религіозномъ отношении населения, преимущественно Сѣверо-Западнаго края и соединить православныхъ, католиковъ, евреевъ въ одинъ русскій народъ, несмотря на религіозныя различія. Между тѣмъ устройство школьнай части въ Западномъ краѣ, какъ нарочно, шло наперекоръ всѣмъ этимъ соображеніямъ. И при-

чию тому была та же реакционная волна, то же доктринерство, о которомъ мы говорили. Когда, въ 1863 году, открывались школы народныя въ Сѣверо-Западномъ краѣ, заложена была Молодечневская учительская семинарія и Временная Педагогическая Школа въ Киевѣ, «Московскія Вѣдомости», поддержанная на этотъ разъ и «Днѣмъ», агитировали въ пользу, если не исключительного, то преимущественнаго представленія народнаго образованія не Министерству Народнаго Просвѣщенія, а духовному вѣдомству, поражали «антагонизмъ» этихъ двухъ вѣдомствъ, особенно въ кievскомъ округѣ, отрицали саму мысль о необходимости школъ для приготовленія особыхъ, кромѣ духовенства, учителей и дожили, наконецъ, до закрытія школы педагогической въ Киевѣ и до положенія, по которому сельская школа вѣдомства министерства народнаго образованія можетъ быть открыта только съ согласіемъ епархиальнаго начальства. Московскія газеты руководствовались чисто доктринерскими соображеніями: онѣ говорили, что народное образование должно быть основано на религіозной и нравственной основѣ, чего никто и не отрицалъ; но никто не можетъ утверждать, чтобы и Министерство Народнаго Просвѣщенія не было въ состояніи устроить религіозно-нравственную сторону школъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтское вѣдомство не дало школамъ односторонняго вѣроисповѣднаго характера въ разнозрѣніи краѣ и могло бы лучше устроить учебную часть и особенно ремесленное образованіе, чѣмъ православныя епархиальные начальства.

«Московскія Вѣдомости», которыхъ со временемъ спохватились, куда завело насть отсутствіе специальнаго приготовленнаго состава учителей въ особыхъ школахъ, открытию которыхъ онѣ нѣкогда такъ горячо сопротивлялись, замѣтили, что Россія отсталла по народному образованію даже отъ Турціи, оправдывались, что «прежде, т.-е. въ министерство г. Головнина, была опасность, что инигилизмъ проникнетъ и въ педагогическія школы, теперь же опасность эта миновала». Въ свое время «Московскія Вѣдомости» говорили, что «борьба (!) за школы въ Западномъ краѣ между духовнымъ вѣдомствомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія есть борьба церкви — начала свободы и государства — начала регламентации» (!!!). «День» признавалъ несовершенства въ дѣятельности лицъ вѣдомства православнаго исповѣданія, но боялся и учебнаго

въдомства, говоря, что одно и другое — зло, но первое — родное, а второе (бюрократія) — заимствованное, иѣмецкое. Если все это, начиная отъ страха нигилизма въ педагогическихъ школахъ, не самое фразерство и доктринерство, то мы ужъ и не знаемъ, что же такое фразерство и доктринерство! А между тѣмъ на этихъ пустынныхъ фразахъ была основана вся агитаций, результатомъ коей было замедленіе въ открытии школъ, закрытие на иѣсколько лѣтъ педагогической семинаріи въ Киевѣ, то, что до 200 тысячъ денегъ, назначенныхъ на народное образование, въ теченіе иѣсоколькихъ лѣтъ оставались неизрасходованными и т. п. и вообще все дѣло народного образования, даже элементарного (о ремесленномъ и говорить нечего) въ Россії вообще, а въ Западномъ краѣ, не имѣющемъ земскихъ учрежденій и училищныхъ совѣтовъ, тѣмъ паче, съ 1864 года подвинулось чрезвычайно мало и до сихъ порь.

Въ этомъ отношеніи мало помогли и новыя положенія, изданныя въ 1869 году, ибо и по этимъ положеніямъ открытие народной школы обусловлено согласіемъ епархиального начальства, которое во многихъ мѣстахъ просто отказываетъ въ этомъ согласіи, несмотря на приговоры сельскихъ обществъ о желаніи имъ имѣть школу и о назначеніи на то особаго сбора. Если же въ Сѣверо-Западномъ краѣ и открыто известное число школъ народныхъ, то онъ имѣютъ исключительно вѣроисповѣдный характеръ и не могутъ имѣть того сближающаго влиянія, какое такъ необходимо въ томъ краѣ для государственной пользы.

Такимъ образомъ самое существенное дѣло по обрушенію Западнаго края, т.-е. материальное и нравственное поднятіе тамошнихъ коренныхъ, по большей части русскихъ слоевъ населенія, съ 1864 года подвинулось мало и, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе стало тормозиться общими неблагопріятными движеньемъ впередъ условіями русской жизни и неосновательными страхами, въ возбужденіи которыхъ наша *soi-disant* охранительная печать съ 1862 года играла не малую роль.

Эти же страхи, равно какъ и общія правила, регламентирующая жизнь нашихъ провинцій, составляютъ причину, почему русское и благопріятное русскимъ интересамъ общественное мнѣніе на нашихъ окраинахъ, вовсе не организовано. Мы говоримъ объ отсутствіи во всѣхъ ихъ, и даже въ Вильнѣ и Киевѣ, прочныхъ независимыхъ русскихъ органовъ или (въ

Варшавъ, Ригъ и др.) благопріятныхъ Россіи органовъ печати на мѣстныхъ языкахъ. Что главное препятствіе тому подцензурное состояніе провинціальной печати, объ этомъ и говорить нечего. Текущія газеты въ Вильнѣ и Киевѣ получаютъ субсидію и или представляютъ отголосокъ администраціи, или, что еще страннѣе, офиціальную полувысказанныю оппозицію офиціальному направлению администраціи. Что же, напр., до органовъ въ Остзейскомъ краѣ, которые бы могли на нѣмецкомъ ли, или на эстскомъ и латышскомъ языкахъ распространять въ населеніи идеи болѣе здравыя, чѣмъ тѣ, которыя распространяютъ тамошнія нѣмецкія изданія теперь, то мы видимъ еще болѣе странное явленіе: нашими же руками заставляютъ молчать благопріятствующихъ намъ младо-латышей и младо-эстовъ. Право, вмѣсто всякихъ субсидій и полуофиціальныхъ изданий, слѣдуетъ распространить на всѣ окраины хоть ту степень свободы печати, какая недавно была допущена для Москвы и Петербурга: весьма можетъ быть, что печать въ Киевѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Варшавѣ заговорить и не вполне хвалебнымъ голосомъ, не одними словами доктора Панглоса, но зато навѣрно органы коренныхъ населеній всюду станутъ доказывать пользу живой связи окраинъ съ остальной Россіей; если же оппозиція извѣстныхъ слоевъ и станетъ рѣзче и открытою изъ глухой, то и это скорѣе выигрышъ, чѣмъ проигрышъ. Теперь же мы, къ стыду нашему, должны сознаться, что органы печати русской даже въ Сѣверо-Западномъ краѣ живутъ только казенной поддержкой и, слѣдовательно, менѣе прочны, чѣмъ, напр., русскіе органы въ Галиціи подъ гнетомъ польской администраціи и при недовѣріи австрійского правительства, что русская печать на окраинахъ есть только увеличеніе расхода на администрацію.

Впрочемъ, мы были бы вовсе несправедливы, если бы указывали только вредныя послѣдствія сильного вліянія на Россію и Западный край консервативно-централистического доктринерства. Централизмъ, при всѣхъ своихъ темныхъ сторонахъ, все же уравниваетъ права и разъясняетъ ненормальности въ родѣ тѣхъ, что русскій человѣкъ потому только, что онъ русскій, не имѣеть, напр., всей полноты правъ въ Остзейскомъ краѣ или въ Финляндіи, тогда какъ тамошній гражданинъ всюду въ Россіи пользуется правами, одинаковыми съ русскимъ. Кромѣ того, государственное доктринерство чуждо

узкости въроисповѣдной. «Московскимъ Вѣдомостямъ» надо поставить въ положительную заслугу, что онъ, погорячившись въ свой пай на такія темы, какъ закрытіе костеловъ, предоставление образованія народнаго православному духовенству, рано спохватились, что въроисповѣдная узкость политики находится въ прямой противоположности съ интересами государства и агитировали противъ смѣщенія понятій «русскій» и «православный», указывали, что государство должно имѣть въ виду, чтобы и католикъ, и протестантъ, и евреи въ Россіи чувствовали себя и считались русскими. «Московскія Вѣдомости» поддерживали введеніе преподаванія католического богословія въ учебныхъ заведеніяхъ на русскомъ языкѣ, дѣйствовали въ пользу снятія запрещенія иновѣрцамъ употреблять въ проповѣди и богослуженіи русскій языкъ, указывали на странность такого явленія, что православный Синодъ цензуровалъ русскій переводъ Пятикнижія для евреевъ, котораго десять лѣтъ наша цензура не допускала въ Россію изъ Берлина и т. д.

Правда, на этихъ вопросахъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» пришлось столкнуться съ ими же отчасти поддержанымъ «виленскимъ клерикализмомъ», къ сожалѣнію, имѣющимъ корни не въ одной только Вильнѣ, и этому клерикализму удалось повлиять на составленіе до того сложной процедуры введенія русскаго языка въ богослуженіе иновѣрцевъ (т.-е. собственно пока католиковъ), потому что у протестантовъ даже въ гимназіяхъ богословіе всюду въ Западномъ краѣ читается по-немецки), какой не могла бы выдумать сама по себѣ самая хитрая «польская интрига». Правда и то, что съ признакомъ русскаго католицизма мы попадаемъ въ новое противорѣчіе съ исключениемъ католиковъ изъ службы въ Западномъ краѣ, съ ограниченіемъ числа студентовъ-католиковъ въ университетахъ, — мѣра неизвѣстно для чего и для кого выгодна, но только не для обрусенія и не для искорененія у католиковъ Западнаго края ложныхъ понятій историческихъ и иныхъ, — и вообще ограниченіемъ имуществоенныхъ и личныхъ правъ всѣхъ католиковъ безъ изъятія (кромѣ, конечно, иностранныхъ подданныхъ).

Такимъ образомъ за немногими исключеніями, почти во всѣхъ пунктахъ политики относительно Западнаго края мы видимъ въ послѣднее время или замедленіе, или заколдованіе

ные круги и глухие концы. Если о положеніи нашемъ въ Польшѣ въ послѣдніе годы можно сказать, что мы потеряли почву и вѣру въ себя, взявшись за невозможную къ выполнению задачу, то въ Западномъ краѣ мы потеряли всякую руководящую нить дѣйствій...

А между тѣмъ, покуда мы такъ запутывались въ собственныхъ противорѣчіяхъ и задавались странными задачами въ Царствѣ Польскомъ и на всѣхъ окраинахъ нашего государства, обстоятельства въ странахъ съ ними пограничныхъ сильно измѣнились не въ нашу пользу и особенно не въ пользу взятыхъ нами на себя на окраинахъ нашихъ задачъ. Хуже всего, что измѣненія эти совершились такъ постепенно, что мы даже не замѣчали ихъ послѣдствій, и на первыхъ порахъ даже еще болѣе укрѣплялись въ мысли о необходимости обрушенія всякихъ племенъ нашихъ и о превосходномъ состояніи нашихъ порядковъ. Воспользовавшись взаимнымъ недовѣріемъ великихъ державъ, послѣдовавшимъ за неудачнымъ дипломатическимъ походомъ противъ насъ изъ-за Польши, воспользовавшись тѣмъ, что мы признали наши интересы относительно Польши солидарными съ прусскими, прускіе политики задумали не пропустить случая превратить свое государство въ Германскую имперію. Послѣдовала датская война, потомъ австрійская. Результатомъ второй было изгнаніе Австріи изъ Германіи и дуализмъ или, лучше сказать, тройственность въ Австріи. Бейстъ и К^о рѣшились основать крѣпость Австріи на трехъ нерасположенныхъ къ Россіи элементахъ: нѣмцахъ, венграхъ и полякахъ, которые всегда были плохими славянами въ политикѣ, а на этот разъ, за обѣцданія поддержки противъ Россіи и за предоставленіе ихъ власти русиновъ, согласились поддержать политику Бейста и Андраши. Результатомъ этого было измѣненіе отношеній къ Россіи въ Галиції и Чехії и поѣзда чеховъ, галичанъ и др. на выставку въ Москву. Хотя и въ Москвѣ Ригеръ сказалъ рѣчь мало благоприятную тенденціямъ всеобрученія, но все-таки самый фактъ прїѣзда славянъ и общій тонъ журналистики славянской былъ какъ бы одобреніемъ всего того, что дѣлается у насъ. Мы возликовали и стали глумиться и поражать политику Бейста, Гискры, Андраши и т. п. Удаленіе поляковъ отъ южнославянского стѣнда, ихъ споръ съ нѣмцами, ихъ горячее приращеніе Россіи и притѣсеніе русскаго элемента въ Галиції давали

какъ бы оправданіе и нашему нерасположенію къ ихъ народности и мѣрамъ противъ нея.

Вотъ въ это-то время наши государственники открыли русскихъ за предѣлами русского государства и, такъ сказать, въ предѣлахъ польского, открыли русскихъ же и другихъ славянъ-соплеменниковъ въ государство нѣмецкомъ — цислейтанскомъ, венгерскомъ — транслейтанскомъ. Изъ болѣе ясной сферы государственного централизма они вступали на болѣе шаткое поле національности и славянофильства. Наши государственники, на этотъ разъ попавшіе только въ должность славянофиловъ, стали порицать мѣры къ германизаціи и мадьяризаціи славянъ, полонизаціи русскихъ, полемизировать съ вѣнскими, пестекими, львовскими централізаторами, которые говорили въ пользу своей политики слово въ слово то же самое, что «Московскія Вѣдомости» говорили о русскомъ государствѣ и обрусеніи. Тутъ были всѣ аргументы и о томъ, что мечь пишет границы государства, при чемъ вспоминали мечь Казимира Великаго, св. Стефана, Карла Великаго и даже Виндишгреца, и о томъ, что Австрія живеть и держится только нѣмецкою народностью и нѣмецкою культурою и т. п.

Противъ всего этого съ точки зрѣнія обрусенія можно было возразить, что численная отношенія нѣмцевъ, мадьяръ, поляковъ сравнительно съ числомъ чехонъ, хорватовъ, русиновъ и др. меньше, чѣмъ отношеніе числа русскихъ въ центрѣ государства сравнительно съ числомъ нерусскихъ на окраинахъ. Но на это можно было отвѣтить вопросомъ: съ какой же цифры отношеній господствующей народности къ другимъ начинается право на подавление послѣднихъ? Нужно сказать и то, что германизаторы, мадьяризаторы и полонизаторы и сами отчасти чувствовали, что численная отношенія ихъ народностей къ тѣмъ, надъ которыми они собирались утвердить свое господство, а также условія австрійского государственного строя, дающая возможность организаціи отпора и со стороны давимой народности, не позволяютъ имъ быть такъ радикальными въ ученіи о государственной народности, какъ были радикальны наши теоретики. Даже русины въ Галиціи все же сохранили свои народныя школы, свои гимназіи и каѳедры въ университетѣ. О чехахъ и особенно хорватахъ и говорить нечего. А между тѣмъ наши публицисты-проповѣдники теоріи государственной народности и обрусенія надрывали.

лись въ пораженіи германизаторовъ, полонизаторовъ и мадьяризаторовъ. Противорѣчіе стало до того явнымъ, что о немъ, наконецъ, заговорили и въ Россіи.

События 1866 г. обратили большее вниманіе нашего общества на Пруссію и Балтійское море. Была усмѣтрѣна интрига нѣмецко-остзейская, еще хитрѣйшая и злѣйшая, чѣмъ польская. Интрига эта, оказалось, можетъ быть подавлена только обрученіемъ и примѣненіемъ къ Прибалтійскому краю ученія о государственной національности и просто ученія о національности. Тѣ же самыя лица, которыхъ тѣшились наименованіемъ Польши словами «Привислинскій край», стали съ особеннымъ удовольствіемъ замѣнять географическій терминъ, хотя и нѣмецкій, остзейскія губерніи, словами «Эсто-латышскій край», терминомъ національнымъ.

События 1870 года еще иначе повернули положеніе дѣль на нашихъ границахъ. Вмѣсто далекой отъ настѣ Франціи, первой военною державою въ Западной Европѣ оказалась соѣднія съ нами Германская имперія. Во Франціи поняли ошибку, сдѣланную въ 1863 году вмѣшательствомъ въ наши отношенія къ полякамъ и постояннымъ покровительствомъ польскимъ иллюзіямъ и польской эмиграціі. Хотя среди поляковъ и стали раздаваться голоса, что гегемонія Пруссіи въ Европѣ опасна и для польской народности, и что послѣдней надо бросить несбыточныя мечты и заняться существенными дѣлами, войти въ союзъ съ другими славянами и примириться съ Россіей, но зато въ нѣмецкой печати стали ужъ совсѣмъ явно говорить о необходимости подвинуть границы Россіи къ востоку и взять Польшу подъ покровительство Германіи, — рѣчи, которая въ устахъ разсудительныхъ соѣдей нашихъ звучать нѣсколько серьезнѣе, чѣмъ въ устахъ сангвиническихъ французовъ, такъ затруднившихся въ 1863 году определить, гдѣ это та Samogitie, въ которой можно сдѣлать десантъ на помощь польскому возстанію. Въ то же время, австрійское правительство начало дѣлать послѣднюю попытку консолидировать свое государство, давъ славянскимъ народамъ права, въ которыхъ имъ отказывали централисты. Нѣмецкіе и мадьярскіе централисты въ Австріи, всѣ, которые и въ Германіи съ раннаго дѣтства привыкли мечтать о завершении германскаго Drang nach Osten, чувствуютъ, что если укрѣпится въ Австріи федерализмъ, если славянская Австрія вступитъ въ близкія

отношения съ Россіей, если поляки исцѣлятся отъ своихъ иллюзій, если русское вліяніе вновь утвердится на Балканскомъ полуостровѣ, тогда конецъ этому Drang nach Osten, и вотъ давай одною рукою поощрять иллюзіи поляковъ, писать проповѣди о необходимости оборонить ихъ отъ Россіи, отвлекать ихъ отъ союза съ славянами, а другою пугать Россію федерализмомъ и усиленіемъ польской народности при автономії Галиції. Въ то же время какъ Россія и Польша связываются новыми желѣзными дорогами одна съ другою, Австроія и Пруссія дѣлаютъ то же самое. Словомъ, составляется и составился совершенно новый порядокъ вещей, за нами смотрѣть зорко, нашимъ именемъ и симпатіями спекулируютъ самымъ явнымъ и разнообразнымъ способомъ, мы вводимся въ совершеніи новыхъ отношеній. А между тѣмъ и въ Польшѣ, и въ Западномъ краѣ, и въ Остзейскомъ мы стоимъ съ противорѣчіями разныхъ системъ дѣйствій и, еще хуже, безъ всякой системы отъ апатіи и разочарованія, отъ потери руководящей нити дѣйствій... Да, novus nascitur ordo! И нужно намъ и вино новое и мѣхи новые!..

Однако, скажетъ читатель, чутъ ли вы не рекомендуете совершенно старые мѣхи и вино. Совѣтуете ли вы вернуться къ системѣ Александра I и Чарторыйскаго или маркиза Велепольскаго? Должны ли мы вызвать изъ Польши русскихъ чиновниковъ, учителей, профессоровъ, предоставить Польшу полякамъ, да вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣть и ополяченіе русскихъ и литвиновъ не только въ Холмѣ и Сувалкахъ, но и подальше, и черезъ иѣсколько времени вновь увидѣть повтореніе 1830 и 1863 годовъ съ возстаніемъ не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ и у самаго Кіева?

Мы можемъ отвѣтить, во-первыхъ, что возвращеніе къ системѣ Александра I и маркиза Велепольскаго уже потому невозможно, что освобожденіе крестьянъ и устройство ихъ въ Литвѣ и Польшѣ проводить рѣзкую разницу между положеніемъ этихъ краевъ до 1863 года и теперь.

Во-вторыхъ, мы даже думаемъ, что и до сихъ поръ еще не исправлена самая капитальная ошибка системы Александра I, а именно литовскія земли за Нѣманомъ и русскія за Бугомъ не отдѣлены отъ Варшавы.

Въ-третьихъ, мы понимаемъ хорошо, что правительственные системы не могутъ мѣняться такъ же легко, какъ почтovия лошади; мы видимъ, что въ Польшѣ нѣть вовсе или, по крайности, не видно достаточно крѣпкаго и достаточно благоразумнаго элемента, съ которымъ бы можно было трактовать обь устройствѣ края, которому бы можно было передать хоть часть бремени управления этимъ краемъ. Но въ то же время мы полагаемъ, что постепенно изъ одной системы можетъ органически выработаться другая: вѣдь и нынѣшняя система управления въ Польшѣ не родилась же, какъ Минерва, а вышла изъ системы 1864 года, существенно съ нею несходной; мы полагаемъ, что нѣть оснований отчаиваться въ возможности образования въ Польшѣ партии здраво-патріотической, народной, и въ то же время не враждебной союзу съ Россіей, и считаемъ необходимымъ не отрѣзывать возможности образования подобной партии радикальнымъ отрицаніемъ правъ польской народности. Не принимая на себя смѣлости писать цѣлую систему управления Польшей и Западными краемъ, мы позволяемъ себѣ высказать, что именно завершеніе объединенія этихъ краевъ съ Россіей, при поступательномъ движениі самой коренной Россіи, помогло бы и постепенной выработкѣ другой, болѣе обѣщающей успѣха системы дѣйствій относительно этихъ западныхъ окраинъ: распространеніе на всѣ западныи окраины земскихъ учрежденій, судебной и городской реформы, какъ они утверждены въ остальной Россіи, снятіе границъ, дѣлящихъ теперь населенія имперіи по религіямъ, освобожденіе печати и частной инициативы на окраинахъ и, наконецъ, побольше простору и свѣта въ серединѣ страны, какъ и на краяхъ, — вотъ средства, которыхъ позволяютъ совмѣстить единство государства съ развитіемъ на окраинахъ того, что имѣть право на развитіе.

Въ-четвертыхъ, скажемъ мы, въ настоящей статьѣ мы не столько предлагаемъ, сколько излагаемъ и докладываемъ, не столько имѣемъ въ виду правительственную дѣятельность, сколько общественное мнѣніе и настроенія. Въ виду путаницы понятій о нашихъ окраинахъ, въ виду лжи и забвенія, въ виду спекуляцій на наше незнаніе, спекуляцій внутреннихъ и вѣнѣній, мы считали необходимымъ, насколько могли, напомнить обществу нашему, что дѣлалось на нашихъ западныхъ окраинахъ, что вело въ немъ народное дѣло впередъ и

что назадъ; показать, какова была связь хода дѣлъ въ нихъ съ ходомъ дѣлъ внутри Россіи и за границей, какъ пользовались и сбираются пользоваться нашимъ положеніемъ иностранцы. И если читатель, пробѣжавъ нашу статью, убѣдится въ важности и необходимости вниманія — и критического вниманія къ дѣламъ Западнаго края и Польши, то мы съчтемъ свой трудъ не напраснымъ. Да, на этихъ окраинахъ замѣшаны весьма важные интересы, завязались важные узлы. Для распутанія ихъ необходима большая бдительность, большая ловкость и много работы. Положеніе тѣмъ труднѣе, что для распутыванія всѣхъ узловъ надо много времени, а между тѣмъ теперь события идутъ быстро и въ дѣла нашихъ окраинъ какъ будто просовывается посторонняя рука. И на эту руку мы считали также долгомъ обратить вниманіе общества. Мы не говоримъ: вотъ-вотъ отнимутъ у Россіи добрый кусокъ территории! Этого можетъ и не случиться, хотя можетъ и случиться. Мы хотимъ только сказать: надо беречься и всматриваться, все ли у насъ благополучно на западныхъ окраинахъ, памятуя при этомъ, что только «береженаго и Богъ бережетъ».

Евреи и поляки въ Юго-Западномъ краѣ*).

По новымъ материаламъ для Юго-Западнаго края.

Лѣтъ шесть тому назадъ Императорское Русское Географическое Общество отправило члена своего г. Чубинскаго въ экспедицію въ наше Юго-Западный край съ цѣлью этнографического и статистического описанія этого края. Г. Чубинскому удалось собрать множество разнаго рода материаловъ, получить отъ другихъ собирателей какъ собранія материаловъ, такъ и цѣлья статьи и монографіи. Теперь это обширное собраніе издается Географическимъ Обществомъ подъ заглавіемъ: «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край. Юго-Западный отдѣль. Материалы и изслѣдованія, собранныя дѣйствительнымъ членомъ П. И. Чубинскимъ». Пока съ 1872 по 1874 годъ вышли: первый выпускъ первого тома (вѣрованія и суевѣрія); томъ третій (народный дневникъ); томъ пятый (пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя); томъ шестой (народные юридические обычай, по рѣшениямъ волостныхъ судовъ), и первая половина седьмого тома (евреи и поляки). Каждый изъ этихъ томовъ имѣть немалое научное значеніе по своему материалу, но послѣдній томъ имѣть и общественный и политический интересъ, почему мы и намѣреваемся поговорить о немъ вѣсколько подробно. Это необходимо въ виду того, въ особенности, что седьмой томъ изслѣдований г. Чубинскаго, при всемъ своемъ публицистическомъ характерѣ, будучи частію многотомнаго и въ маломъ числѣ экземпляровъ изданнаго собранія, осужденъ на малое распространеніе въ публикѣ.

* Статья эта была первоначально напечатана въ «Вѣстнике Европы», 1875 г., июль, за полной подписью автора.

Прим. ред.

I.

Евреи и поляки въ нашихъ западныхъ губерніяхъ представляютъ не только народности, но вѣроисповѣданія и сословія: буржуазію и аристократію. Это обстоятельство не только усложняетъ всѣ явленія какъ религіозной, такъ и национальной и сословной жизни этихъ губерній, но и затрудняетъ научное изслѣдованіе и выводы обо всѣхъ этихъ явленіяхъ. А то обстоятельство, что евреи и поляки въ Западномъ краѣ принадлежатъ къ классамъ общества, которые представляютъ такъ называемые культурные слои общества, требуетъ совсѣмъ другихъ способовъ изслѣдованія, чѣмъ такъ называемое этнографическое изслѣдованіе, обращаемое преимущественно на простонародье. Между тѣмъ какъ въ послѣднемъ случаѣ изслѣдование производится, главнымъ образомъ,透过 опросъ, въ первомъ для успѣха дѣла надо не столько собирать данныхъ для характеристики быта, возврѣній и т. п. проявленій жизни, сколько наблюдать ихъ выраженіе въ собраніяхъ, учрежденіяхъ, въ печати. И если почему-либо такого рода публичное проявленіе жизни этихъ сословій не имѣть мѣста, то, конечно, задача изслѣдованія ихъ жизни сильно затрудняется, тѣмъ болѣе, что относительно ихъ почти нельзѧ приложить метода опроса, да если бъ и можно было, то далеко не всегда можно надѣяться получить правдивый отвѣтъ.

Въ тѣсномъ же смыслѣ статистическая данныя и обь этихъ сословіяхъ, какъ на этотъ разъ и о крестьянскомъ, могутъ быть собраны не столько экстренно, короткое время дѣйствующею, экспедиціею, сколько хорошо устроенными постоянными статистическими учрежденіями. Вотъ почему, по необходимости, свѣдѣнія бытовая и числовая, сообщаемыя г. Чубинскимъ и его сотрудникомъ, о евреяхъ и полякахъ Юго-Западнаго края не могутъ быть ни полны ни даже вполнѣ точны. Что касается до евреевъ, то этнографической очеркъ и очеркъ юридическихъ обычаевъ, основанныхъ на москвео-тальмудическомъ правѣ, составленные для собранія г. Чубинского г. Полониковскими, а также его приложение: «Объ общественномъ уравненіи евреевъ Юго-Западнаго края», во всякомъ случаѣ, интересны и полезны даже въ практическомъ отношеніи для

всякаго, живущаго въ этомъ краѣ. Статистический же очеркъ еврейскаго населенія, его промышленности и т. п. заключаетъ въ себѣ только приблизительно вѣрныя данныя и расчеты, часто, видимо, писанные отъ руки, такъ какъ данные эти основаны на донесеніяхъ полицейскихъ, а послѣднія однодневныя переписи въ разныхъ городахъ показали, какъ мало можно полагаться на нашихъ полицейскихъ статистиковъ. Признаемся, настѣнко удивляетъ та рѣшительность, съ ко-торою г. Чубинскій опредѣляеть, хотя и приблизительно, не только число евреевъ, занимающихся каждымъ отдѣльнымъ промысломъ, но даже количество дохода, ими отъ того полу-чаемаго ¹⁾; только доходить нищихъ-евреевъ, которыхъ г. Чубинскій насчиталъ 20.000 душъ, онъ затруднился опредѣлить. Приведемъ во всякомъ случаѣ числовыя данныя объ евреяхъ и о другихъ народностяхъ Юго-Западнаго края, какія высту-плены г. Чубинскимъ на основаніи какъ полицейскихъ свѣдѣ-ний, такъ и, въ избѣгавшихъ случаяхъ, приходскихъ списковъ. Всего въ трехъ губерніяхъ:

Малоруссовъ	4.850.000	(83,63%)
Евреевъ	750.000	(12,94%)
Поляковъ	91.000	(1,57%)
Великоруссовъ	50.000	(0,86%)
Нѣмцевъ	33.000	(0,55%)
Молдаванъ	12.000	(0,18%)
Чеховъ	7.000	(0,11%)
Прочихъ европейцевъ .	1.000	{ (0,02%)
Цыганъ	1.000 (?)	{ (0,02%)
Каримонъ	450	
Татаръ	300	
5.795.750		

Въ поясненіе числа поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ, здесь приведенного, слѣдуетъ сказать, что г. Чубинскій не вѣрь католиковъ края считаетъ поляками. Католиковъ, по приходскимъ спискамъ, въ трехъ губерніяхъ 389.100 душъ (по полицейскимъ—412.000 душъ). Изъ нихъ дворянъ 67.366, мѣщанъ 62.987, однодворцевъ 132.511, крестьянъ 126.236 (въ Киевской губерніи 1.248, въ Подольской 94.641, въ Волын-ской 30.347). Принимая во вниманіе, что мѣщане, а особенно,

¹⁾ Любопытные могутъ ее найти въ VII т. „Трудовъ“, на стр. 209.

однодворцы и крестьяне-католики бытому большею частію мало отличаются отъ односословныхъ съ ними православныхъ, г. Чубинскій только однихъ дворянъ-католиковъ, 67.336, цѣлькомъ считаетъ за поляковъ, изъ остальныхъ же поляками считаетъ мѣщанъ: 6.400, однодворцевъ 13.200, крестьянъ 5.060, всего 91.000. Къ великоруссамъ г. Чубинскій относить, кроме всѣхъ раскольниковъ и старообрядцевъ (около 25.000), еще значительную часть русскихъ чиновниковъ, землевладѣльцевъ, купцовъ въ г. Киевѣ; всего постоянно живущихъ великоруссовъ получается 50.000, а съ солдатами и прихожими рабочими до 100.000. Расчетъ этотъ во всякомъ случаѣ остается на отвѣтственности г. Чубинскаго. Количество земли у польскихъ и русскихъ помѣщиковъ и русскихъ (малорусскихъ) крестьянъ г. Чубинскій разсчитываетъ такъ: у помѣщиковъ польскихъ 6.000.000 десятинъ (на 6.000 семействъ), у русскихъ до 1.500.000 (на 1.000 семействъ); у крестьянъ 4.000.000 (на 3.070.000 душъ обоего пола или 700.000 семействъ). Стоимость поземельной собственности у польскихъ помѣщиковъ г. Чубинскій опредѣляеть въ 180.000.000 рублей, у русскихъ 45.000.000 рублей; годовой доходъ польскихъ помѣщиковъ до 30.000.000, т.-е. до 5.000 рублей на семью; доходъ евреевъ 36.200.000, т.-е. 290 руб. на семью (изъ 6 душъ).

Самою слабою частью очерка объ евреяхъ представляется начало, въ которомъ г. Чубинскій касается общихъ сторонъ «еврейского вопроса», указываетъ причины возникновенія его и касается средствъ разрѣшенія его и такъ называемой эманципаціи евреевъ. Еврейскій вопросъ въ Россіи серьезнѣе многихъ другихъ, если мы возьмемъ во вниманіе, что три только губерніи заключаютъ въ себѣ 750.000 евреевъ. У насъ не мало политиковъ, которые всѣ такъ называемыя «язвы еврейства» въ Западномъ краѣ объясняютъ коварствомъ или небреженiemъ польского правительства, которое всякими привилегіями накликalo сюда евреевъ, поработившихъ потомъ этотъ край себѣ въ экономическомъ отношеніи. Объясненіе весьма простое. Ему соответствуютъ и практическія мѣры, тоже довольно простыя, которыя рекомендуются политиками такого рода: препрессаліи противъ евреевъ, вѣроисповѣдныя привилегіи православнымъ купцамъ и предпринимателямъ, особенно переселяющимся изъ внутреннихъ, «нетронутыхъ еврействомъ» губерній. Польша, конечно, не безъ вины. Но чѣмъ, спраши-

вается, виновата старая Польша въ томъ, что въ лѣвобережной Малороссіи, такъ или иначе, но освободившейся отъ евреевъ въ XVII в. и въ которой еще въ началѣ XIX вѣка въ такомъ городѣ, какъ Лубны, бытъ только одинъ еврей-купецъ, теперь евреи «забираютъ въ руки» всю экономическую жизнь края? При чёмъ тутъ Польша, если то же мы видимъ и въ Новороссії, въ этомъ богатомъ краѣ, который былъ огражденъ отъ варваровъ энергической колонизацией малорусского мужика, только затѣмъ, чтобы стать областью, где еврей господствуетъ надъ этимъ мужикомъ? Если всѣ невыгодные стороны поселенія евреевъ въ западной Руси происходили отъ враждебнаго православно-русскимъ массамъ католическо-польского государства, то чѣмъ объяснить то обстоятельство, что русское государство, не дозволяя евреямъ селиться въ Великороссіи, способствовало сосредоточенію ихъ въ Западномъ краѣ и въ южной Россіи? Очевидно, что причинъ, почему еврейство является такимъ вредно-эксплуататорскимъ элементомъ въ юго-западной Руси, надо искать глубже и для освобожденія тамошнихъ массъ отъ европейской эксплуатации надо проектировать болѣе действительныя мѣры, чѣмъ репрессалии надъ евреями и переселеніе въ этотъ край русскихъ «кулаковъ». Такъ какъ теперь вѣра въ репрессалии, вмѣстѣ съ вѣроисповѣдною узостью, сильно ослабѣла, то этимъ объясняются тѣ колебанія и въ общественномъ мнѣніи и въ самихъ правительственныйыхъ мѣропріятіяхъ относительно евреевъ, въ родѣ, напр., недавняго закона о недозволеніи евреямъ содержать шинки въ селахъ, парализованнаго тотчасъ же послѣ изданія отсрочкой его исполненія до 1 января 1875 г., т.е. созданиемъ срока, въ теченіе коего евреи, конечно, приняли мѣры къ тому, чтобы вести торгъ водкою подъ чужимъ именемъ.

Объявляя еврейский вопросъ въ Россіи важнымъ и требующимъ спокойнаго изученія для его разрѣшенія и общая, вѣроятно, во второмъ выпускѣ VII тома, изложить свой проектъ мѣръ по этому вопросу, г. Чубинскій считаетъ необходимымъ предположить этнографическимъ и статистическимъ данными объ евреяхъ свой общий взглядъ на еврейский вопросъ. Нельзя сказать, чтобы взглядъ этотъ отличался прежде всего ясностью и если мы остановимся на немъ, то только въ виду того, что такими же неясностями отличаются обыкновенно всѣ разсужденія объ еврейскомъ вопросѣ въ нашей печати. Справедливо го-

воря, что евреи представляютъ въ краѣ элементъ, эксплуатирующей трудъ крестьянина, и не менѣе справедливо отвѣчая евреямъ-публицистамъ, что всѣ невыгодныя стороны еврейского вопроса не устранится одной «эмансипацией евреевъ» (мы прибавимъ, особенно такою, о какой у насъ только и говорить, т.-е. только уравненiemъ въ правахъ съ христіанами), г. Чубинскій, однакожъ, говоритъ:

«Нельзя пренебрегать интересами христіанского рабочаго населения, эксплуатируемаго евреями. Получивъ въ данное время всѣ права, евреи подавлять крестьянина, и онъ, освобожденный отъ юридического рабства, попадеть въ рабство экономическое.

«Нельзя забывать тѣхъ враждебныхъ чувствъ, съ которыми населеніе относится къ евреямъ (?!).

«Нельзя забывать тѣхъ печальныхъ явлений народной мести, которая ознаменовали собою вторую половину прошлаго столѣтія (?!).

«Не надо забывать, что гонимый еврей дѣйствовалъ вмѣстѣ съ паномъ по отношенію къ крестьянину.

«Не надо забывать, что крестьянинъ еще первое десятилѣтіе пользуется свободой, а цѣлые вѣка испытывалъ гораздо большія бѣдствія, чѣмъ евреи».

Положимъ, все это и еще другое многое нельзя и не надо забывать, да все жь таки, что дѣлать съ евреями? Г. Чубинскій все вышеписанное сказалъ, кажется, въ подтверждение дальнѣйшей мысли, что «следуетъ стремиться къ равноправности евреевъ, но въ этомъ должна быть извѣстная (?) постепенность». Но какая постепенность? Постепенность ли предоставлениія евреямъ правъ одного за другимъ, или постепенность въ предоставлениіи извѣстныхъ правъ извѣстнымъ категоріямъ евреевъ, въ родѣ того, какъ это и дѣжалось до сихъ поръ? Въ томъ и другомъ случаѣ, будетъ ли предупреждена эксплуатациѣ евреями христіанского рабочаго населения, если евреи, какъ говорить и г. Чубинскій, и теперь, не будучи уравнены въ правахъ съ христіанами, все равно эксплуатируютъ этихъ послѣднихъ. Размышленіе надъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ приводить къ такому выводу, что ни постепенность эманципациї евреевъ ни ограниченіе правъ ихъ не поможетъ бѣдѣ. Еврейство, въ этомъ смыслѣ, есть извѣстная, патологическая, положимъ, но все же естественная функ-

ція, которая не можетъ быть устранина, пока не будуть устранины условія, ее производящія; устраните «жидковъ» и «жидовъ»—евреевъ, будуть «жидки» и «жиды» другого вѣроисповѣданія. Быть-можеть, даже существованіе въ Западномъ краѣ «жидовъ», отличныхъ отъ массы языккомъ и вѣрою, имѣть и свои выгодныя стороны, потому что не даетъ уснуть общественной мысли и толкаетъ ее къ изслѣдованію экономической жизни и къ отысканію средствъ врачеванія ея болѣзней.

Сколько мы понимаемъ сущность еврейского вопроса въ Западномъ краѣ, онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія стороны: а) евреи представляютъ тамъ элементъ, не производящій цѣнностей; болѣе или менѣе всѣ они могутъ быть подведены подъ категорію купцовъ; б) этихъ купцовъ слишкомъ много, а потому содержаніе ихъ слишкомъ дорого обходится рабочимъ классамъ; с) эти купцы выдѣляются изъ массы, какъ болѣе обособленная и болѣе солидарная корпорація, благодаря тому, что они вмѣстѣ и сословіе, и нація, и вѣроисповѣданіе общество почему относительно евреевъ мы замѣчаемъ то явленіе, что чѣмъ гдѣ ихъ больше, тѣмъ дороже обходится та услуга, которую они производятъ, какъ купцы и посредники; это явленіе противно закону конкуренціи, но объясняется тѣмъ, что принужденные охранять свое существованіе тѣмъ больше, чѣмъ ихъ больше; они тѣмъ крѣпче держатся другъ за друга и производятъ стачку¹⁾; д) евреи, кромѣ того, представляютъ особое общество, въ которомъ, въ свою очередь, есть эксплуатируемые и эксплуатирующие, и такъ какъ это общество связано отсталою религіозною цивилизаціею, то въ немъ способы для эксплуатации однихъ другими легче; е) евреи, наконецъ,

1) Между прочимъ подтвержденіе сказанному можно видѣть изъ сравненія чѣмъ на предметы крестьянского производства и потребленія въ Малороссіи на лѣвомъ и правомъ берегу Днѣпра, какое мы находимъ въ статьѣ г. Волкова „О сельскихъ ярмаркахъ и о значеніи ихъ для изученія ремесленной и кустарной промышленности“, напечатанной въ I томѣ „Записокъ Юго-Западного Отдѣла Император. Русскаго Географич. Общ.“ (Кiev., 1874), особ. стр. 278. Глиняные кувшины, которые у крестьянъ (производителей) продаются въ Борисполѣ по 8 коп., у евреевъ, въ Хвостовѣ, 15 к., салоги въ Б.—4—5 р., въ Хв.—5—6 р. и т. д. Цифры эти поучительны въ виду довольно распространенного мнѣнія, что еврейская конкуренція способствуетъ понижению цена. Это было бы такъ, если бы евреи сами работали, а не скупали и продавали предметы, сработанные крестьянами.

представляютъ классъ людей, исповѣдующихъ религию, которая, по старымъ понятіямъ обѣ отношеніи церкви и государства, считалась и считается низшою, едва терпимою, чѣмъ и объясняются первоначальная ограниченія ихъ гражданскихъ правъ. Всѣ эти стороны еврейского вопроса находятся въ связи между собою; такъ, напримѣръ, долговременное презрѣніе евреевъ христіанами усилило солидарность ихъ между собою, обособленность отъ другихъ, породило у нихъ убѣжденіе въ полной правотѣ всякаго рода эксплуатациіи христіанъ и т. п. Но тѣмъ не менѣе каждая сторона еврейского вопроса имѣть и самостоятельное значеніе, и каждая для своего устраниенія требуетъ особыхъ мѣръ и притомъ проводимыхъ такъ, чтобы одна мѣра не мѣшала другой. Между тѣмъ мы видимъ издавна смыщеніе понятій о разныхъ сторонахъ еврейского вопроса, какъ у друзей, такъ и у враговъ еврейства. Защитники еврейской эманципаціи, напримѣръ, готовы совершенно отрицать тѣ стороны вопроса, которыя мы отмѣтили буквами а, б, с, д. Наша такъ называемая «либеральная еврейская пресса», органы «образованныхъ евреевъ», «прогрессистовъ», представляеть въ этомъ отношеніи весьма любопытное явленіе: она только и говорить о притѣженіяхъ евреевъ со стороны христіанъ и вовсе не примѣняетъ критики къ своимъ, исключая только жалобъ, и то косвенныхъ, на своихъ «старовѣровъ», закоренѣлыхъ въ дѣлѣ исполненія вѣнчаний обрядовъ. Въ предпослѣднее время эти прогрессисты выставляли, какъ предметъ своей заботливости, сближеніе евреевъ съ русскими, «обрусеніе» евреевъ, хотя еще недавно они выставляли, какъ особый признакъ еврейского прогресса, замѣну такъ называемаго «жаргона» литературы иѣмецкимъ языкамъ въ проповѣди и разговорѣ,— стремленіе, далеко не прекратившееся въ самой Одесѣ, этомъ центрѣ еврейского прогресса. Страннымъ образомъ прогрессивная партія еврейская не говоритъ даже о томъ, что весь пынѣшній паразитный бытъ евреевъ не ведется даже къ довольству массы еврейской, которая въ существѣ дѣла бѣдствуетъ страшно и служить только орудіемъ для обогащенія «еврейскихъ тузовъ», и что эти послѣдніе въ сущности даже и не желаютъ полнаго уравненія правъ евреевъ съ христіанами, даже, напримѣръ, предоставленія всѣмъ евреямъ права жить по всей Россіи, потому что тотъ бѣднякъ-евреи, который обираетъ бѣлорусса-мужика, такъ какъ ему почти

ничего не остается дѣлать другого, нужнъ для того, чтобы богатыи еврей-подрядчикъ нанять подешевле рабочаго и т. п. Такимъ образомъ эта, якобы прогрессивная, еврейская партія не представляетъ собою ничего прогрессивнаго, критического, ни съ общей ни съ частной еврейской точки зреинія: у ней не видно пониманія интересовъ массы ни христіанской ни еврейской, а потому она не можетъ указать вѣрныхъ средствъ для решенія еврейского вопроса.

Но и у противниковъ эманципаціи евреевъ замѣтна односторонность или, лучше, неумѣніе различать разныя стороны еврейского вопроса. Еще въ средніе вѣка жаловались на способы торга еврейскаго, но не за эти способы гнали евреевъ, а потому гоненія не только не уничтожали «жидовства» въ евреяхъ, а усиливали его. Теперь не средніе вѣка, но время кантонистовъ-евреевъ не далеко. И теперь есть цѣлый рядъ ограничений правъ еврейскихъ, который вовсе не уменьшаетъ эксплуатации евреями христіанскихъ массъ, а служить только остаткомъ средневѣковыхъ предразсудковъ противъ евреевъ. Таково, напримѣръ, запрещеніе имъ жить въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ извѣстныхъ краяхъ, полезное только купцамъ великорусскимъ, наслѣдникамъ тѣхъ «торговыхъ людей», которые не хотѣли допущенія въ московское царство не только евреевъ, но и англичанъ, голландцевъ и т. п. Кому, напримѣръ, кромѣ мелкихъ чиновъ полиціи, принесло пользу недавнее переселеніе евреевъ изъ однихъ кварталовъ Киева въ другіе? Извѣстная часть даже либеральной прессы радуется запрещенію евреямъ содергать шинки въ селаахъ, но это запрещеніе основано на недозволеніи евреямъ покупать дома въ селаахъ въ Западномъ краѣ, а это послѣднєе, сосредоточившее евреевъ въ мѣстечкахъ, поддерживаетъ ихъ замкнутость, ихъ отчужденность отъ русскаго населенія, которая считается вреднымъ явленіемъ. Всѣ толкуютъ обѣ этой замкнутости, о трудности для русскаго племени ассимилировать такую массу евреевъ, и однакожъ наши брачные законы, наши конфессиональныи школы и такое же веденіе метрическихъ книгъ, все ведеть къ тому, чтобы удержать замкнутость еврейства. По принципамъ нашей системы отношеній между церковью и государствомъ, мы должны или сами «блести, правовѣрою ли евреи отрицаются отъ Христа», заводить специальнно-еврейскія школы, гдѣ директоры-христіане рѣшаютъ вопросы о «трехъ»

и «кошеръ» и т. д., или же, взимая съ евреевъ подати, не давать имъ школъ, какія имъ нравятся, не держать еврейскаго законоучителя въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы говоримъ о равноправности, о вѣротерпимости, о необходимости слить евреевъ съ христіанами, а присяга, къ которой приводятъ евреевъ въ судъ, заключаетъ въ себѣ оскорбительное недовѣріе къ евреямъ, равно, какъ и желаніе многихъ изъять метрическія книги изъ вѣдѣнія однихъ только раввиновъ. Мы съ такою постепенностью стремимся къ эмансипаціи евреевъ, что, не избавляя юго-западной Россіи отъ бремени еврейства какъ разъ въ то время, когда она переходитъ отъ натурального хозяйства къ денежному, дѣлаемъ Великороссію сопричастною только благу имѣть еврейскихъ концессіонеровъ, банкировъ, адвокатовъ и т. д. и т. д.

Очевидно, что выходъ изъ еврейскаго вопроса, выгодный для большинства и христіанъ и евреевъ, возможенъ только при посредственномъ проведеніи мѣръ, вызываемыхъ каждой стороной еврейскаго вопроса. Въ вопросѣ этомъ, какъ мы видѣли, заключается иѣсколько вопросовъ: объ эмансипації производительныхъ классовъ въ юго-западной Руси отъ слишкомъ большого числа посредниковъ-купцовъ, объ эмансипації еврейской массы отъ предразсудковъ и отъ эксплуатаціи ихъ своими цадиками, богачами, паконецъ, объ эмансипації евреевъ отъ неравноправности ихъ съ христіанами. Первое требуетъ цѣлаго ряда дѣйствій для поднятія народного образования и воспитанія въ народѣ самодѣятельности, организаціи народного кредита и т. п. Послѣднее, конечно, требуетъ только двухъ-трехъ законодательныхъ мѣръ. Второе было бы отчасти слѣдствіемъ первого, такъ какъ еврейская масса, увидѣвъ, что пожива на счетъ крестьянъ стала труднѣе, обратилась бы къ производительному труду; для полнаго же своего завершенія, равно какъ и для достижениія цѣли всѣхъ желаній по еврейскому вопросу, для полнаго слитія евреевъ съ христіанами потребовалась бы и эмансипація самихъ христіанъ отъ остатковъ средневѣковыхъ формъ общественной жизни; и такъ какъ и первая и вторая цѣль, конечно, вещи трудно осуществимы, то мы не сомнѣваемся, что еврейскій вопросъ въ самыхъ его серьезныхъ сторонахъ останется у настѣнъ томъ же положеній, какъ и теперь, до тѣхъ поръ, когда настанетъ время, которое прошло уже для другихъ.

европейскихъ странъ — время уравненія правъ лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, т.-е. осуществляется самая легкая изъ всѣхъ мѣръ по еврейскому вопросу. Тогда, конечно, евреи въ Западномъ краѣ станутъ въ такое же преобладающее положеніе, въ какомъ они находятся въ Галиции, и тогда только станеть яснымъ для всѣхъ, куда собственно должны были направить свои труды тѣ, кто, исходя изъ заботъ о рабочихъ классахъ, плакался на эмансирацію евреевъ и желалъ хоть постепенности въ ея проведеніи.

Если же тогда будетъ еще труднѣе, чѣмъ теперь, противодѣйствовать еврейскому паразитству въ юго-западной Россіи, которая, повторяемъ, именно теперь, при переходѣ отъ натурального къ денежному хозяйству, попадаетъ въ руки евреевъ, несмотря ни на какие палліативы противъ нихъ, то въ этомъ сильно будутъ виноваты тѣ малодогадливые друзья рабочихъ христіанскихъ массъ въ этомъ краѣ, которые опасались еврейской эмансираціи и видѣли спасеніе въ палліативныхъ реформаціяхъ противъ евреевъ. Тѣ, которые, слушая сѣтованія мѣстной интеллигентіи, были на сторонѣ всякихъ ограниченій правъ евреевъ, противныхъ общему духу новѣйшей политики нашего правительства, могли бы гораздо больше послужить дѣлу ослабленія еврейского паразитства, если бы направили свою энергию на устройство школъ народныхъ, которыхъ въ Юго-Западномъ краѣ стоять десять лѣтъ на точкѣ замерзанія, на организацію сельского кредита въ Западномъ краѣ, гдѣ нѣть ни земства ни комитета о кустарной промышленности и т. п. Если бы друзья русского народа въ Западномъ краѣ порѣшили для себя безповоротно, теоретически, вопросъ о гражданской равноправности евреевъ съ христіанами, они бы выяснили, что, напр., податная реформа гораздо больше облегчила бы оброкъ, который платить теперь крестьянинъ «жиду», чѣмъ всякая стѣсененія правъ еврея на торгѣ; что, напр., наблюденіе за тѣмъ, чтобы «жиды» на базарѣ и на дорогахъ среди бѣлага дня не хватали съ возовъ крестьянскихъ продуктовъ (сцены, какія можно видѣть при существованіи даже мирового суда), гораздо болѣе радикальная мѣра для разрѣшенія еврейскаго вопроса, чѣмъ такія мѣропріятія, какъ перегонъ евреевъ изъ однихъ кварталовъ Кieva въ другіе, — мѣра, которую привѣтствовала мѣстная печать, или же признаки къ одѣждѣ, къ свадебнымъ процесіямъ евреевъ, а осо-

бению недопущеніе евреевъ къ такимъ профессіямъ, какъ акушерство, и много другихъ мелочей и стѣсненій, которыми особенно богата Волынская губернія.

По всей вѣроятности, и изслѣдованіе г. Чубинскаго было бы полнѣе касательно евреевъ въ Юго-Западномъ краѣ, если бы ему были теоретически ясны всѣ стороны еврейского вопроса. Въ настоящемъ своемъ видѣ, за исключеніемъ этнографическаго и юридического очерка г. Полонковскаго, собственно экономическая и статистическая часть статьи объ евреяхъ въ «Матеріалахъ» экспедиціи г. Чубинскаго довольно неполна. Впрочемъ, мы охотно соглашаемся, что бѣглая и разносторонняя экспедиція одного человѣка и не могла собрать много свѣдѣній о деталяхъ экономическихъ отношеній евреевъ съ разными классами христіанъ. Тутъ необходимы специальная наблюденія въ родѣ тѣхъ, какія напечатаны въ вышеупомянутой статьѣ г. Волкова, материалы для которой тоже отчасти доставлены г. Чубинскимъ. Такихъ наблюденій мы въправѣ ожидать отъ Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества.

II.

Еще болѣе неполонъ въ VII т. «Матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ г. Чубинскимъ» отдѣль: «Поляки Юго-Западнаго края»¹⁾. Съ статистическою частію этого отдѣла мы уже нѣсколько знакомы. Въ этнографическомъ отношеніи было бы интересно имѣть данные о бытѣ католической шляхты и крестьянъ Волынской и Подольской губерній, въ которой есть нѣсколько сель такъ называемыхъ мазурскихъ, т.-е. чистыхъ поляковъ, переселенныхъ изъ Царства Польскаго. Но этихъ данныхъ вовсе нѣть въ «Матеріалахъ». Одни утвержденія, что католическая шляхта и крестьянине мало или вовсе не отличаются бытомъ отъ православныхъ, кажутся намъ голослов-

¹⁾ Очеркъ этотъ (стр. 216—291) состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) Введение; 2) Краткий исторический очеркъ ополченія Юго-Западнаго края; 3) Католицизмъ въ Юго-Западномъ краѣ; 4) Нравы, обычаи, семейный и общественный бытъ; 5) Особенности литературы и языка; 6) Коренные причины антагонизма съ великокорусами и измѣненіе въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанія; 7) Статистическая данныя о католикахъ въ томъ числѣ о полякахъ Юго-Западнаго края.—Все это на 85 страницахъ.

ными. Въ очеркѣ быта бѣлоруссовъ, составленномъ для «Этнографического Сборника» г. Киркоромъ, приведены примѣры языка шляхты и крестьянъ-католикоў, изъ коихъ видно, что языкъ этотъ достаточно полонизованъ. Желательно было бы имѣть такие же примѣры и изъ малорусской области. Интересно бы было имѣть образцы пѣсень изъ колоній мазурскихъ въ Подольской губерніи, а также образцы пѣсень, какія поетъ шляхта католическая. Три этнографические очерки (3—5), принадлежащіе г. Михальчуку, заключаютъ мѣстами интересныя данныя, но переданныя кратко и бѣгло, а кромѣ того, въ этихъ, и безъ того короткихъ, очеркахъ тратится много мѣста на общія мѣста всѣхъ нашихъ разговоровъ о полякахъ: о прошломъ Польши, обѣ ультрамонтанствѣ и т. п. Изъ такихъ общихъ мѣстъ состоятъ почти весь очеркъ «Католицизмъ въ Юго-Западномъ краѣ», въ которомъ авторъ только мимоходомъ разсказываетъ такія интересныя вещи, какъ, напримѣръ, существованіе въ Волыни и Подоліи смѣшанныхъ цеховыхъ братствъ изъ католиковъ и православныхъ, которыхъ являются въполномъ составѣ въ костель и въ церковь на праздники, или что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православные ходятъ *на отпусты* въ костелы и поклоняются католическимъ чудотворнымъ иконамъ (въ Бердичевѣ, Брацлавѣ, Летичевѣ, Любартѣ, Тарнорудѣ и др.); не понимая латинскаго богослуженія ипольской проповѣди, православные слушаютъ съ удовольствіемъ религиозную музыку и смотрятъ эффектные обряды. Авторъ затрагиваетъ такие факты по поводу вопроса о введеніи русскаго языка въ католическое богослуженіе, мѣра, которая способствовала бы демократизаціи католицизма въ Юго-Западномъ краѣ, но которой противится теперешнее католическое духовенство въ этомъ краѣ, такъ какъ для него католицизмъ неразрывно связанъ съ полонизмомъ и латынью, исключая немногихъ, какъ говорить г. Михальчукъ, «тонкихъ политиковъ католицизма, которые благосклонно смотрятъ на эту мѣру, хотя и прикидываются ея противниками; они думаютъ, что эта мѣра упрочитъ за ними низшіе классы католического населенія и даже повлияетъ на православныхъ крестьянъ и мѣщанъ». Послѣдняго, какъ извѣстно, опасаются и многие «тонкіе политики» со стороны православной, почему, между прочимъ, «обrusеніе католицизма», о которомъ такъ много было говорено иѣсколько лѣтъ назадъ, подвигается медленно.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ этотъ вызываетъ много другихъ, довольно трудныхъ при нашей наклонности къ регламентації всѣхъ жизненныхъ явленій: напримѣръ, вопросъ о проповѣди католической и православной, изъ коихъ послѣдняя, какъ известно, обставлена цензурными формальностями и коей вмѣнено въ обязанность избѣгать всего простонароднаго, областного, вопросъ о духовныхъ стихахъ (которые играютъ важную роль въ католическихъ обрядахъ, какъ отпѣты, рожанцы и т. п.). Въ XVII—XVIII вв. въ Западной Руси и уніаты, и католики, и протестанты, а не одни православные старались писать, говорить и пѣть о религіозныхъ предметахъ на мѣстномъ языке русскаго населенія. Послѣ же паденія Польши только православное стало считаться русскимъ, и, кроме того, жизненныя проявленія самаго православія подверглись строгой регламентації. Соответственно этому, католицизмъ еще болѣе удалился отъ руссизма, чѣмъ это было въ Польскомъ государствѣ даже въ XVIII в. Но тѣмъ не менѣе народная жизнь не скоро поддается регламентації, а потому въ Западномъ краѣ должно быть немало проявленій и близости православія и католицизма съ мѣстнымъ народнымъ элементомъ и близости ихъ между собою. Проявленія эти должны играть роль зародышей лучшаго порядка въ будущемъ.

Вотъ почему, въ ожиданіи того времени, когда свобода религіозной жизни дастъ энергическій толчокъ желанному процессу расположенія и расшляхетчиванія религіозности Западнаго края, интересно было бы болѣе подробное изслѣдованіе всякихъ проявленій религіозной жизни и взаимнаго соотношенія различныхъ ея элементовъ въ этомъ краѣ, чѣмъ то, которое находимъ въ очеркѣ г. Михальчука.

Другая интересная сторона положенія польского католицизма въ Юго-Западномъ краѣ представляется тоже мимоходомъ разсказаннымъ въ этомъ очеркѣ фактъ о томъ, какъ въ Кіевѣ появился въ 40-хъ годахъ, подъ влияніемъ философскаго направления въ русской литературѣ, альманахъ «Gwiazda». Сколько разъ было говорено, что католический романтизмъ — опора сепаратистическихъ тенденцій польской шляхты, а потому, казалось бы, враждебное этому романтизму издание должно было быть поддержано сть нашей стороны. Между тѣмъ издание «Gwiazdy» было прекращено благодаря инсинуаціямъ ультрап-католической партии, группировавшейся вокругъ редак-

ци «Tygodnika Petersburgskiego». Характерно, что редакторы «Gwiazdy», желая прикрыть анти-иезуитское направление своего издания, назначили выручку съ него на постройку костёла. Но не менѣе характерно и самое прекращеніе издания, которое подрывало основу враждебнаго Россіи направлениія, прекращеніе, произшедшее по инсінуаціямъ издания ультракатолического, которое считалось за самое благонамѣренное. Это однѣ изъ многихъ примѣровъ догадливости нашего бѣдаго «Панургова стада», котораго и существованія не подозрѣваютъ тѣ, кто такъ много кричитъ о томъ, будто вся критическая русская мысль есть дитя «польской интриги».

Самыя интересныя главы въ очеркѣ о полякахъ: глава о нравахъ, обычаяхъ, семейномъ и общественномъ бытѣ, и глава объ особенностяхъ литературы и языка. Большая часть первой наполнена описаніемъ, такъ сказать, польской «обломовщины» недавняго времени, — описаніе, которое, конечно, очень строго къ польской шляхѣ, и автору котораго, для справедливости оценки польской шляхты, мы предложили бы только вспомнить о бытѣ русской интеллигентіи, описанной Гоголемъ, Тургеневымъ, Писемскимъ и т. д. Но, кромѣ того, обѣ главы заключаютъ въ себѣ указаніе данныхъ, по которымъ мы можемъ судить о томъ процессѣ, о которомъ у насъ совсѣмъ почти не имѣютъ понятія и никогда не говорятъ, когда зайдетъ рѣчь о жизни Западнаго края. Какъ известно, наши публицисты воображаютъ, что они открыли русскій характеръ этого края только въ 1863 г., и понятіе не имѣютъ о томъ, что цѣлое тридцатилѣтіе до того польскій элементъ въ Юго-Западномъ краѣ постепенно все больши поддавался вліянію русскихъ массъ края, и что тотъ же процессъ, хотя въ меньшей степени, пропорціонально большей пассивности белорусской народности Сѣверо-Западнаго края, замѣчается и въ этомъ послѣднемъ.

Уже въ XVIII в. большая часть дворянства въ Юго-Западномъ краѣ была оторвана отъ народа въ силу сословныхъ привилегий и предразсудковъ. Недавно разобранныя въ «Вѣстникѣ Европы» переписка Браницкаго съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ не показываетъ со стороны польского правительства и польскихъ государственныхъ людей и тѣни пониманія причинъ, почему народъ шелъ въ гайдамаки. Ничтожный количественно кружокъ Костюшки, усвоившій идеи XVIII в., не

можеть быть принимаемъ въ соображеніе. Характерно, что во время присоединенія Юго-Западнаго края къ Россіи еще были въ немъ остатки православнаго дворянства, но и нюкогда не видно, чтобы и оно понимало нужды и раздѣляло интересы православнаго народа. Послѣднимъ въ этомъ отношеніи былъ Данило Братковскій, дворянинъ брацлавскаго воеводства, казненный шляхетскимъ судомъ за то, что шель въ крестьянскомъ платьѣ поднять, вмѣстѣ съ казакомъ Семеномъ Палиемъ, православно-крестьянское восстание. Это былъ послѣдній русско-народный шляхтич и первый хлопоманъ въ правобережной Українѣ¹⁾. Существовавшее еще въ 1775 году на Волыни и въ Подоліи дворянство православное успѣло стать католическими и вполнѣ польскими уже по присоединеніи этого края къ Россіи. Г. Юзефовичъ, котораго г. Чубинскій цитируетъ какъ авторитетъ, говоритъ по этому поводу: «нѣть сомнѣнія, что національная политика Екатерины Великой оберегла бы эти остатки, какъ добрый запасъ обратного обрученія возвращенного Россіи края; но известно, что, по кончинѣ мудрой государыни, ея политика по польскому вопросу испытала крутый поворотъ и уступила мѣсто формальному официальному признанію польской національности въ нашихъ западныхъ областяхъ, послѣ чего этимъ остаткамъ ничего не предстояло болѣе, какъ подчиниться начальству, признаннымъ законно господствующими верховною властію самой Россіи». Въ такихъ историческихъ объясненіяхъ прошлаго, основанныхъ на поверхностномъ знакомствѣ съ предметомъ, лежить источникъ, къ сожалѣнію, довольно распространенныхъ у насъ ложныхъ идей и плановъ о мѣбропріятіяхъ въ настоящемъ. Екатерининская политика относительно «губерній, отъ Польши возвращенныхъ», именно и была причиной, почему польскій элементъ въ нихъ, особенно въ Юго-Западномъ краѣ, сталъ крѣпче подъ властію Россіи, чѣмъ былъ прежде, подъ властію Польши. Не въ томъ дѣло, что Екатерина II титуловала эти губерніи отъ Польши возвращенными, а Павелъ I и Александръ I смотрѣли на нихъ по временамъ, какъ на несправедливо похищенные, а въ томъ, что и Екатерина II не видѣла тутъ народа, а только шляхту, что она подкрѣпила

¹⁾ Объ немъ см. у г. Вл. Антоновича: «Послѣднія времена казачества на правомъ берегу Днѣпра». Кіевъ, 1867.

российской дворянской грамотой власть польской шляхты надъ русскими хлопами, раздала немало прежде вольныхъ сель, и даже мѣстечекъ (изъ коихъ, напримѣрь, Бѣлая Церковь имѣла даже магдебургское право) польскимъ вельможамъ, съ цѣлью привлечь ихъ къ новому порядку вещей. Множество показаний современниковъ какъ польмѣцкихъ, такъ и польскихъ, свидѣтельствуютъ, что польскіе паны въ областяхъ, доставшихся Россіи въ концѣ XVIII в., были чрезвычайно довольны русскими порядками и хвалились ими передъ своими собратьями, доставшимися Пруссіи и Австріи, которыхъ правительства, болѣе вѣрныхъ духу XVIII в., сейчасъ же наложили руку на феодальный привилегіи шляхты надъ народомъ польскимъ и русскимъ (въ Галиціи).

Какъ будто нарочно, чтобы выставить неосновательность разсужденій г. Юзефовича, г. Чубинскій ставить рядомъ съ ними выписку изъ статьи г. Антоновича «О крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1799 гг.»: «Въ 1792 году Южно-Русский край былъ возвращенъ Россіи, и шляхетскій порядокъ долженъ быть уложенъ въ новые формы юридического и общественного строя. Въ первое время оказалось, что формы эти не только не враждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній, къ которымъ стремилась шляхта, но, напротивъ того, въ разительной степени подготовили его осуществленіе. Шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ крестьянами, простиравшуюся въ Рѣчи Посполитой до «права меча», но зато экономическое ихъ господство было вполнѣ признано закономъ и могло опереться на сильно организованную администрацію и на прочную власть, которую въ Россіи оберегался законъ и которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи Посполитой¹⁾. Хитрость и уловки въ отношеніи къ крестьянамъ (г. Антоновичъ въ своемъ изслѣдованіи изобразилъ систему льготъ крестьянамъ со стороны пановъ въ прежнее время, въ виду возможности побѣговъ крестьянскихъ на Запорожье, а также такихъ движений, какъ «уманьская рѣзня») сдѣлались лишни, явились средства удержать ихъ отъ побѣговъ, обращаясь къ администраціи, а не къ льготамъ и приман-

¹⁾ Мы должны, впрочемъ, прибавить, что и «право меча» достаточно воинствовалось правомъ отдать крестьянина въ солдаты, сослать въ Сибирь, въ равно возможность, при полкунной администраціи, состоявшей на добрую долю изъ своего брата, прикрыть и самое убийство крестьянина.

камъ, какъ было прежде. Потому послѣ 1792 г. значительно ослабѣваетъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ (съ 1796 г.) и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ; напротивъ того, помѣщики отбираютъ прежде данныхя ими дарственныя записи и повсемѣстно отнимаютъ у крестьянъ землю. Въ староствахъ, поступившихъ въ частное владѣніе, гдѣ права на поземельную собственность утверждались болѣе прочно, владѣльцы прибѣгаютъ нерѣдко къ перегону жителей цѣлыми селами и мѣстечками на новые мѣста жительства, для того, чтобы разорвать ихъ связь и уничтожить всякое воспоминаніе о правахъ на нее... Шляхта, опираясь на покровительство, оказанное ей русскимъ правительствомъ, наконецъ, сломила долго сопротивлявшійся народъ и дождалась полнаго торжества».

Въ этомъ процессѣ, который называется «ополченіемъ» западной Руси, не было, такимъ образомъ, никакой «польской интриги» (объяснить общественные явленія такими deus ex machina это значитъ показывать слабость своего исторического образования); это быть естественный процессъ, совершившійся въ силу идей, которыхъ господствовали въ извѣстное время всюду. По этимъ идеямъ только паны считались за политическую націю, паны же всячески старались отдалиться отъ народа; что же мудренаго, что польскій панъ старался говорить по-латыни, что за нимъ шелъ панъ русскій, который говорилъ по-польски, какъ потому онъ и другое говорили по-французски, что даже прежнее русское правительство, заставь въ Западномъ краѣ большинство пановъ польскихъ, внутри себя искренно считало край этотъ польскимъ? Что мудренаго, что государство, которое само было основано тогда на крѣпостномъ правѣ, поддержало, а не ослабило власть польскихъ пановъ надъ русскимъ хлопомъ? Одинъ официальный русизмъ правительства Екатерины II былъ ничтоженъ въ своемъ вліяніи противъ такого сильнаго средства къ ополченію края, какъ крѣпостное право и дворянская грамота. Что же мудренаго, что и самыи русизмъ этотъ скоро подался, что бывшіе еще въ XVIII в. дворянне православные продолжали сливатся съ польскими, что само духовенство православное, даже въ самое послѣднее время, говорило въ семьяхъ по-польски, въ силу того, что Великоруссія далеко, по-руски говорять только хлопы, а окрестные паны, т.-е. единственныи «порядочные люди»—поляки? Ничего иѣть удивительнаго и въ томъ, что

именно послѣ присоединенія Западнаго края, въ концѣ прошедшаго вѣка, къ Россійской имперіи, въ немъ исчезаетъ постепенно русскій католицизмъ, русское протестантизмъ, даже русское уніатство, и все не-хлоцкое, даже то, что прежде, какъ кальвинисты, враждовало съ польскимъ государствомъ, становится само польскимъ и начинаетъ стремиться къ возстановленію Польши.

III.

Несмотря, однако, на всѣ уступки правительства Александра I польско-дворянскому элементу въ Западномъ краѣ, гуманныя идеи этого правительства все же стали примѣняться сколько-нибудь систематически и къ западной Руси, и уже одно прекращеніе съ того времени раздачи крестьянъ помѣщикамъ слѣдуетъ считать за болѣе сильную преграду дальнѣйшему ополяченію края, чѣмъ всѣ предыдущія поверхностныя мѣры. Со временемъ Александра I Западный край начинаетъ покрываться учебными заведеніями, пускай сначала польскими (такъ какъ эти заведенія основывались помѣщицами), а потомъ уже русскими, тѣмъ не менѣе эти заведенія свидѣтельствовали о проникновеніи въ извѣстные слои такихъ идей, которыхъ постепенно разложили старые феодальные идеалы. Подъ вліяніемъ новыхъ идей начинается, какъ на польской сторонѣ, такъ и на русской, постепенно растущая реакція въ пользу «хлопа» въ западной Руси, а потомъ и въ пользу народности этого хлопа.

Какъ мы сказали, VII томъ «Матеріаловъ», собранныхъ г. Чубинскимъ, заключаетъ хотя короткій, но интересный, обзоръ при полномъ почти незнакомствѣ нашей публики съ этимъ предметомъ, очеркъ того вліянія, какое производить въ теченіе XIX в. мѣстный народный элементъ на польское общество, литературу, языкъ, искусство, однимъ словомъ, всеторю пробужденія вниманія польской шляхты Юго-Западнаго края къ мѣстной русской народности. Поляки Юго-Западнаго края считали, конечно, эту народность различностью польской, какъ вообще всю эту землю частію Польши, но дѣло въ томъ, что они стали постепенно изучать ее, изображать въ повѣстяхъ, разумѣется, по-сво-

ему, возбуждать, тоже по-своему, симпатию къ хлону. На стр. 251—257 этого тома читатель найдеть перечень польскихъ поэтовъ и романистовъ, которые брали сюжеты изъ исторіи и народнаго быта Украины (Богданъ Залтьскій, Северинъ Гощинскій, Крапивскій, Корженевскій, М. Грабовскій, Чайковскій и др.); поэты, которые даже стали писать по-малорусски (Падура, Осташевскій, Бонковичъ и др.); издателей этнографическихъ и музыкальныхъ сборниковъ малорусскихъ пѣсень (Вацлавъ зъ Олеска, Жегота Паули, Новосельскій, Руликовскій, Коципанскій¹⁾); композиторовъ, которые разработывали украинскія мелодіи, какъ, напр., самъ Монюшко; историковъ и археологовъ, какъ, напр., Чарноцкій, Бѣлевскій, Пржездецкій, и т. п.; филологовъ, какъ Лозинскій, который издалъ первую въ Галиції малорусскую грамматику (унась первую и единственную издалъ Павловскій въ 1818 г.). На стр. 257—270 читатель найдеть материалъ для заключеній о вліяніи малорусского языка не только на разговорный языкъ поляковъ Юго-Западнаго края, но и на литературный польский. Это можетъ удивить читателя, который наслышался толковъ нашей печати объ ополяченіи самихъ малоруссовъ и нѣкоторыхъ языка. Но самый выводъ объ этомъ ополяченіи основанъ частію на томъ, что польскій языкъ, впрочемъ, въ основѣ столько же отличный въ одномъ и сходный въ другомъ съ малорусскимъ, какъ и съ великокорусскимъ, черезъ литературу усвоиль много малорусскихъ словъ, которыхъ кажутся польскими, когда встрѣчаютъ ихъ въ рѣчи малорусса. Какъ можно замѣтить изъ вышеупомянутаго перечня писателей польско-украинской школы, многие изъ нихъ принадлежать къ первокласснымъ польскимъ писателямъ, а потому странно бы было, если бы они не внесли украинскаго элемента въ польский литературный языкъ, что, впрочемъ, началось еще въ XVI—XVII вв., со временемъ такихъ писателей, какъ Шимоновичъ и Зиморовичъ, галичанъ. О вліяніи хлопекой малорусской рѣчи на языки польскихъ пановъ Юго-Западнаго края

¹⁾ Въ числѣ этихъ собирателей былъ и Ходаковскій (Чарноцкій), которого сборникъ пѣсень купицъ по его смерти М. А. Максимовичъ. Это едва ли не первый страстный археологъ и этнографъ южно-русскій между поляками и russkimi. Уже въ началь XIX в. онъ сталъ (въ польскихъ журналахъ) говорить о древностяхъ, преданіяхъ и поэзіи южно-русской. Ходаковскій заслуживалъ бы біографіи.

свидѣтельствуетъ изданный въ Краковѣ въ 1870 г. г. Кремеромъ «Slowniczek prowincjonalizmów Podolskich». Г. Михальчукъ выбралъ изъ этого лексикончика слова малорусскія и напечаталъ въ VII т. «Материаловъ» г. Чубинскаго.

Такая реакція среди самихъ поляковъ въ пользу «хлопцаго» элемента не осталась въ одной только области литературы, а переходила и въ жизнь: на стр. 246—248 того же тома «Материаловъ» находимъ, къ сожалѣнію, слишкомъ короткія, указанія на такія явленія въ польскомъ обществѣ Юго-Западнаго края, какъ балагульство, казакофильство, цуризмъ и хлопоманія. Первое г. Михальчукъ характеризуетъ такъ: «главные догматы балагульства — цинизмъ и шутовство. Это былъ въ грубой, уродливой формѣ протестъ противъ аристократизма, французоманіи, свѣтскихъ приличій. Балагулы отличались оригинальностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и простотою костюма, а подчасъ и его неряшествомъ; преимущественно носили одежду народную, малорусскую, съ нѣкоторыми измѣненіями и добавленіями, иногда для своеобразнаго шляху испачкавъ ее преизрядно; пренебрегали принятymi условіями жизни. Гарцование на коняхъ, скачки, необузданый кутежъ, даже пьянство въ кабакахъ съ крестьянами и панибратство съ ними (хотя съ своими крестьянами балагулы обращались уже другихъ пановъ), развратъ, сквернословіе, а въ особенности циническіе анекдоты, охоты съ попойками — вотъ содержаніе жизни балагуловъ¹⁾... Балагульщина вызвала въ польскомъ обществѣ и литературѣ двоякое къ ней отношеніе. М. Чайковскій, въ повѣсти «Анна», и г. Ржевускій, въ «Мѣшанинахъ обычайныхъ» Яроша Бейлы, относились къ этому явленію съ безпощадною критикой; въ этомъ сошелся казакофиль съ аристократомъ. («Мѣшанины» Ржевускаго вызвали целогоду балагульства въ брошюре Януарія Филипповича «Pomieszanie Jarosza Bejly»). Съ другой стороны, юліателный

¹⁾ Аналогичнія балагульству явленія были и въ малорусскомъ и великорусскомъ обществѣ; въ первомъ, напр., процвѣтавшій въ 40-хъ годахъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ кружокъ: «общество мочемордія», во второмъ типы, въ родѣ Карапасева, Чертоханова, Веретьева. При всѣхъ антинативническихъ для теперешняго взгляда чертахъ своихъ такія явленія называются, во всякомъ случаѣ, стремленіе вырваться изъ обыденной, ставшей слишкомъ узкой, рамки жизни. «То кровь кипѣла, то быть избытокъ силъ», — находившихъ себѣ приложенія по разнымъ причинамъ.

казакофиль Ш... и представитель эмигрировавшей аристократии, Адамъ Чарторыйскій относились сочувственно къ балагульщина. Первый имѣлъ въ виду возрожденіе казачини, но уже польско-католической, а второй видѣлъ въ спартанскихъ (?) привычкахъ балагуловъ средство, воспитывающее людей для инсуррекцій».

«Казакофильская литература внесла въ балагульщину оттѣнокъ политической; подъ вліяніемъ ея балагульство преобразилось; хотя разгуль и другія привычки оставались, но оно явилось уже менѣе циничнымъ и болѣе тенденціознымъ». Тутъ не мѣсто много говорить о причинахъ рожденія казакофильства въ польскомъ обществѣ: довольно указать на то, что одно романтическое обращеніе къ старинѣ, обнавившее все европейскія общества въ началѣ XIX в., должно было натолкнуть польскихъ романтиковъ и байронистовъ въ юго-западной Руїи на казачество. Въ этомъ послѣднемъ польские романтики останавливались преимущественно на XVI в., когда во главѣ казаковъ стояли магнаты (Лянцкоронскіе, Вишневецкіе, Ружинскіе, Зборовскіе и т. п.) и когда силы казаковъ вмѣстѣ съ магнатскимъ направлялись на борьбу съ турками. Въ XVII вѣкѣ казачества, когда оно вступило въ борьбу съ магнатствомъ, неохотно заглядывали польские казакофили...»

«Въ 30 годы,—говорить въ другомъ мѣстѣ г. Михальчука (стр. 256).—въ мѣстной шляхѣ особенно рѣзко проявилось казакофильство. Польско-шляхетскіе патріоты подозревали въ этомъ даже украинскій сепаратизмъ и обращались съ угрозами къ одному изъ корифеевъ казакофиловъ, несмотря на то, что этотъ корифей сражался за ихъ же традиціи. Но тѣмъ не менѣе казакофильство было модой. Казацкія пѣсни распѣвались съ особою любовью: балагульство приняло казацкій характеръ. Барини первѣю любили наряжаться въ малорусскіе костюмы, аристократический дворь одного изъ Ржевускихъ (воспѣтаго въ поэмѣ Мицкевича «Farys») совсѣмъ было оказачился, разумѣется, въ смыслѣ казако-польскомъ: у него, въ качествѣ бандуриста, распѣвалъ думы Тымко Надура. Въ 1830 г. волынскій отрядъ инсургентовъ, подъ предводительствомъ Ружицкаго (отца), имѣлъ казацкій характеръ. Чайковскій, послѣ неудачи возстанія въ 1830 году, образовалъ въ Турціи иѣчто въ родѣ казацкой Сѣчи изъ разнаго сброва.

На Чайковскомъ можно отчасти видѣть какъ то, какія, во всякомъ случаѣ, добрая зерна заключало въ себѣ даже шляхетско-польское казакофильство, такъ и то, что за сумбуръ и винегреть представляло оно, благодаря незнакомству съ реальною исторіею казачества и страху передъ тѣмъ, чтобы узнать ее такою, какою она была, потому что тогда пришлось бы отречься отъ польского патріотизма. Польско-украинскій писатель Чайковскій составилъ въ своеемъ умѣ фантастическое понятіе о казацкой націи отъ Дуная до Урала, и задумалъ возстановленіе союза съ Польшею казаковъ не только малорусскихъ, но и уральскихъ. Расширившисъ такъ область своихъ симпатій, Чайковскій долженъ былъ выйти изъ области католицизма, стать говорить симпатично и о великорусахъ, о православіи, о славяннинѣ, и въ то же время стать магометаниномъ, Садыкъ-Пашою. Всю жизнь свою Чайковскій хлопоталъ обѣ обращеніи казацкой традиціи на службу Польшѣ, о томъ, чтобы Польша стала во главѣ славянщины, а между тѣмъ польские націоналы-централисты боялись казачества, какъ демократического элемента, боялись украинофильства и славянофильства, какъ федерализма. Одно изъ послѣднихъ произведеній Чайковскаго «Nemolaka» (Biblioteka Pisarzy polskich. Tom 65, Lipsk, 1873), въ которомъ свойственнымъ этому писателю образомъ перемѣшаны черты дѣятельности съ вымыслами, крайне несообразными, полно раздраженій противъ поляковъ, которые во время войны «сидѣть за печкою и поють съ іезуитами пѣсни: спаси насть, Господи, отъ славянщины, отъ казачины, отъ нового Богдана Хмельницкаго». Самъ Чайковскій, кажется, не видѣлъ логическихъ послѣдствій казакофильства, которое у него оставалось чисто военно-национальнымъ, шляхетскимъ.

Между тѣмъ шло, вліяніе западныхъ идей 40-хъ головъ, такъ или иначе, отражалось и на польскомъ обществѣ, университетъ кіевской дѣйствовалъ на него тоже. Въ университетской польской молодежи казакофильство пошло еще одною ступенью дальше. Въ средѣ этой молодежи, уже въ 50-ые годы, въ концѣ, возникла секта такъ называемыхъ пурристовъ. «Догматы этого кружка,—говорить г. Михальчукъ,—серезныя отношенія къ наукѣ, строгая нравственность, доходящая до цѣломудрія, и философское направленіе». Мы считаемъ необходимымъ прибавить, что иные между пурристами ге чужды

были демократического католицизма, а весьма многие туризмы видѣли не только въ цѣломудріи и простотѣ жизни и одѣжды (часто изъ верблюжьаго волоса), но и въ отдѣленіи отъ русскихъ. «Существование этой секты было непродолжительное, но она все-таки произвела свое вліяніе».

Подъ вліяніемъ ея, съ одной стороны, казакофильство превращается въ такъ называемую хлопоманію, а съ другой — въ литературѣ возникаетъ безпощадная критика на господствующіе нравы; таковы корреспонденціи г. Савинскаго въ «Виленскомъ Курьерѣ» и его же сатиры, сатиры и комедіи Ап. Корженевскаго. Хлопоманія отличалась демократическимъ характеромъ. Панскій аристократизмъ и историческо-панскія традиціи хлопоманы осмѣивали и называли «мош родзѣйствомъ» (отъ Moscie panie dobrodzieju, произносимаго скороговоркою). Польские хлопоманы сознавали историческая неправды Польши, по отношенію къ Українѣ; они сознавали, что народъ — не «быдло», что нужно уважать его личность, заботиться объ его образованіи на его родномъ языке. Большинство, впрочемъ, считало необходимымъ, чтобы алфавитъ былъ принятъ польской, но незначительное меньшинство допускало даже употребленіе русскаго алфавита. Хлопоманы сознавали необходимость религіозной терпимости и немедленного освобожденія крестьянъ. Существование этой немногочисленной партіи было непродолжительно. Уже изъ-за алфавита въ средѣ ея происходили ожесточенные споры, которые въ самомъ началѣ возникновенія хлопоманства обозначили собою двѣ противоположныя его группы: болѣе и менѣе искреннихъ и послѣдовательныхъ хлопомановъ, что не замедлило выразиться въ развищемъ польскій міръ расколѣ въ самой средѣ хлопоманства. Этотъ расколъ, однако, много надѣлалъ шуму, но ни къ чему не привелъ; маленький кружокъ выдѣлившихъ украинофиловъ вскорѣ началъ рѣдѣть и, рѣшившись примкнуть къ русскимъ, не досчитался почти всѣхъ своихъ членовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ православныхъ и только одного, неизмѣримо возвысившагося умственно и нравственно надъ своимъ обществомъ, католика. За выдѣленіемъ изъ кружка хлопомановъ самыхъ лучшихъ передовыхъ людей, примкнувшихъ активно или пассивно къ общерусскому движению начала 60-хъ годовъ, остальные были поглощены приготовлявшимся политическимъ польскимъ движениемъ. Мало

того, иные, какъ, напр., г. Савинскій, отрекались отъ прежняго направленія и явились яростными обличителями хлопоманія.

Такъ, повидимому, беззѣдно кончилось движеніе, начатое писателямипольско-украинской и казакофильтской школы. Не было ли и это совершенно случайнымъ движеніемъ, прихотью фантазіи иѣсколькихъ поэтовъ? Или, быть-можетъ, такова уже легкомысленная и непостоянная натура поляковъ, что они не могутъ долго предаваться одному направленію? Ни то ни другое. А то, что польско-шляхетское общество Юго-Западнаго края, отправившись отъ украинскаго романтизма, казакофильтства, дошло до такого пункта, что, дальше идя, должно было отречься совсѣмъ отъ Польши, а это такого рода переломъ, который не можетъ скоро совершиться даже въ наиболѣе передовыхъ слояхъ общества. А тутъ еще польско-украинское общество, идя ступенеобразно отъ Варшавы къ Киеву, отъ Линцкоронскихъ къ Гонтамъ, мало того, что не могло вычеркнуть совсѣмъ изъ памяти своей Хмельницкаго, но еще встрѣтилось въ русскомъ обществѣ съ послѣдствіями акта, совершенного этимъ Хмельницкимъ, присоединенія Малороссии къ Московскому государству. Пока поляки переходили отъ балагульства къ хлопоманіи, отъ чисто феодальныхъ идей къ рациональнымъ, подобный же переходъ совершался въ разныхъ сферахъ русского общества того времени, отъ правительственныйыхъ до крайнихъ частныхъ. Когда государственные люди времень Екатерины II присоединяли провинцію за провинціей отъ Польши, они всего менѣе думали о национальности; то, что при этомъ иногда вспоминалось наслѣдіе Владимира Святого и т. п., не имѣло реальной силы: вѣдь и Марія-Терезія присоединила Галицию по родству венгерскихъ королей съ Даниэльемъ Галицкимъ. Державы, раздѣлившия Польшу, присоединяли къ себѣ ея части такъ, что, напримѣръ, Россія взяла, между прочимъ, чистую Жмудь, а уступила Австріи — Червонную Русь. Даже Карамзинъ, возставая противъ плана Александра I расширить Царство Польское до предѣловъ 1772 г., вспоминалъ о Владимирѣ Святомъ и уходилъ въ сѣду древность, но ни слова не говорилъ о томъ, что и теперь на Волыни и Украинѣ народъ — русскій. Только мало-по-малу русское общество сдѣлало открытие, что губерніи Западнаго края — русскія и, въ настоящее время, въ большинствѣ сво-

его населенія. Этому открытію помогло восстание поляковъ въ 1830 г.

Съ тѣхъ порь, въ 30-е и 40-е годы принять было цѣлью рядъ мѣръ къ тому, чтобы придать краю русскій видъ и въ офиціальной жизни. Мѣры эти, впрочемъ, носили на себѣ слѣды гораздо болѣе системы офиціальной народности, нежели дѣйствительной, о коей не могло быть рѣчи, такъ какъ русская масса народа въ краѣ все еще продолжала быть тогда крѣпостною. Наші государственные люди того времени смысливали систему репрессалій противъ поляковъ съ системой реорганизаціи края въ духѣ русскомъ, да и эту послѣднюю понимали, конечно, не иначе, какъ въ формахъ, отвѣчавшихъ тогдашнимъ общимъ формамъ нашей общественной жизни. Вотъ почему большая часть мѣръ, тогда принятыхъ для обрученія Западнаго края, привели къ весьма ничтожнымъ послѣдствіямъ. Много польскихъ учрежденій для образования было закрыто, но вмѣсто нихъ далеко не было открыто столько же русскихъ: такъ, не говоря о среднихъ и низшихъ школахъ, вмѣсто виленского университета и кременецкаго лицея, открыть одинъ только кievскій университетъ (характерно, что все-таки, какъ говорилось тогда, *для поляковъ*), да и тогъ скоро былъ закрытъ (въ 1839) и едва-едва не окончательно. Въ 1849 г. число студентовъ и въ Кіевѣ было ограничено комплектомъ, а вообще же въ то время податныя сословія не могли вовсе поступать въ среднія и высшія учебныя заведенія, между тѣмъ какъ въ Западномъ краѣ только эти сословія и были русскія. Въ VII томѣ «Матеріаловъ» г. Чубинскаго (стр. 225—230) приведена выдержка изъ записки г. Воронина, чиновника по особымъ порученіямъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, представляющая умную критику мѣръ, принятыхъ въ Юго-Западномъ краѣ послѣ восстания 1830 г. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ воспроизвести эту выписку всю, а она сильно сбавляетъ цѣну тѣмъ дисрамбамъ, какие часто слышатся со стороны поверхностныхъ патріотовъ въ пользу кіевской администраціи 40-хъ годовъ. Въ это время выборная дворянская администрація и земскій судъ были замѣнены коронными, введенъ въ дѣйствіе русскій сводъ законовъ вмѣсто литовскаго статута (надо замѣтить, что этотъ статутъ практиковался въ послѣднее время не въ древне-русскомъ оригиналѣ, а въ польскомъ переводѣ, и о существова-

ваний перваго не знало огромное большинство какъ польскаго, такъ и русского общества), но дѣла отъ того не пошли лучше. «Чиновничья орда, — говоритъ г. Воронинъ, — имѣвшая непосредственное отношеніе къ народу, набиралась изъ послѣднихъ осадковъ нашей бюрократіи или изъ бѣдной и необразованной польской же шляхты. Преобразование судопроизводства не принесло никакой пользы отправленію правосудія въ краѣ. Судь сталь производиться на русскомъ языке, по русскимъ законамъ; но злоупотребленія отъ того не уменьшились, а увѣличились. Изъ публичнаго и гласнаго, какимъ былъ судъ по литовскому статуту, онъ сдѣлался закрытымъ, канцелярскимъ судомъ»... Законъ о бракахъ ставить сильную преграду къ распространенію въ краѣ католичества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ г. Воронинъ, «и польской національности», но мы думаемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ и русской, такъ какъ самъ г. Воронинъ говоритъ, что «въ высшемъ союзovи совершенно прекратились брачные союзы католиковъ и православныхъ, а въ низшихъ они начали встрѣчать сильное противодѣйствие со стороны ксендзовъ¹⁾». Въ пользу православнаго духовенства была установлена барщина, которая тяжело легла на крестьянъ, на которыхъ падали и тѣ поборы, какія взимало правительство съ польскихъ пановъ. «Всякая жалоба крестьянъ на несправедливость и жестокость обращенія пана признавалась ослушничествомъ, неповиновеніемъ и бунтомъ, и влекла за собою еще большее угнетеніе. Полицейскіе, да и другіе чиновники, являвшися для разбора жалобъ крестьянъ на своихъ пановъ, всегда были на сторонѣ послѣднихъ, и потому народъ привыкъ считать ихъ подкупленными слугами пановъ, какими они въ дѣйствительности и бывали. Возникшее въ 1847 г. въ Галиціи крестьянское движение дало поводъ правительству къ попыткѣ ограниченія произвола дворянства въ отношеніяхъ его къ крестьянамъ. Въ 1847 году торжественно были обнародованы инвентарные правила. Они возбудили въ народѣ преждевременные надежды на свободу

¹⁾ Кроме того, слѣдуетъ замѣтить, что такие законы раздражаютъ людей извѣстной религіи и, вообще, сливая вѣропонѣтаніе съ національностью, порождаютъ цѣлый рядъ препятствій къ тому слитію разнообразныхъ элементовъ въ одну національность, какое было цѣлью политики въ отношеніяхъ къ Западному краю и въ прежнее время.

и, подавая поводъ къ безпорядкамъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, горько обманули ожидавшихъ крестьянъ. Правила эти составлены были тѣми самыми панами, на угнетеніе которыми они безпрестанно жаловались, и не принесли никакого облегченія крестьянамъ, а сдѣлались только неизсякаемымъ рудникомъ доходовъ полиціи и уздаю, которою сдерживалась въ политическихъ видахъ польская заносчивость. Положеніе крестьянъ съ изданіемъ правилъ измѣнилось не къ лучшему, а къ худшему: введенія правила два рода барщины — тяглой и пѣшой — сдѣлали невыгоднымъ для помѣщиковъ удерживать разрядъ плуговыхъ крестьянъ, а для послѣднихъ тяглую барщину, слѣдствіемъ чего было уменьшеніе рабочаго крестьянскаго скота и замѣтное обѣднѣніе крестьянъ».

IV.

Такимъ образомъ система официальной русской народности вовсе не дѣлала ничего положительнаго, существеннаго для русскаго народа въ Западномъ краѣ, а мѣры вѣроисповѣдныя, исходившія изъ этой системы, должны были способствовать болѣе тѣсному союзу между католицизмомъ и полонизмомъ, вся же система вмѣстѣ, раздражая польско-католическій элементъ, должна была возбуждать въ немъ тенденціи польскаго централизма и парализовать дѣйствіе того процесса *украинскаго сепаратизма отъ Польши* и движенія отъ панства (польскаго и католическаго) къ хлопству (русскому и православному), какой явно замѣчался въ шляхетскомъ обществѣ Юго-Западнаго края въ теченіе XIX вѣка. Но въ тридцатые — пятидесятые годы въ русскомъ обществѣ, подъ наружнымъ дѣйствіемъ системы официальной народности, шло также движеніе народно-культурное, анти-феодальное, въ двухъ существенныхъ направлениихъ: въ такъ называемыхъ западничествѣ и славянофильствѣ, московскомъ великоруссофильствѣ, и харьковско-киевскомъ украинофильствѣ. Въ то же время, подъ вліяніемъ различныхъ новыхъ культурныхъ теченій, и сама система государственного централизма все больше обращала вниманіе на массы народа. Рассказываютъ, что разъ, когда одинъ польскій помѣщикъ

на официальномъ пріемѣ у кіевскаго генераль-губернатора Бибикова обратился къ нему по-французски, то Бибиковъ пригласилъ его говорить по-русски. «Я не могу по-русски», отвѣчалъ помѣщикъ. «А какъ же вы говорите съ крестьянами?» — «По-хлопеску», отвѣтилъ панъ. «Ну, то говорите со мной по-хлопеску, я такой же русскій, какъ и ваши крестьяне», сказалъ генераль-губернаторъ. Панъ, очевидно, былъ не изъ бойкихъ и плохо говорилъ по-хлопески. Онъ могъ бы въ свою очередь озадачить генераль-губернатора, замѣтивши, что крестьяне его хоть и русскіе, а все-таки хлопы, да и генераль-губернаторъ врядь ли долго выдержалъ бы разговоръ «по-хлопеску». Очевидно, что для Бибикова его фраза была только ловкимъ *bon-mot*, какими онъ любилъ смущать польскихъ пановъ; характерно тутъ развѣ то, что жизнь въ Юго-Западномъ краѣ вызываетъ такія *bon-mot*. Но были въ русскомъ обществѣ уже и въ 40-е годы люди, для которыхъ такія фразы были вопросомъ жизни для Россіи.

Такіе люди были и между западниками, и между великоруссофилами, и украинофилами, вообще занимавшими по идеямъ середину между тѣми и другими. По отношенію къ Западному краю и Польшѣ имѣютъ особенное значеніе два послѣднія направления въ русскомъ обществѣ. При всемъ томъ, что наше западничество, которое бы лучше назвать русскимъ гуманизмомъ, представляетъ и до сихъ поръ большинство культурныхъ силъ Россіи, главный факторъ ея прогресса, литературного и общественнаго, оно въ чистомъ своемъ видѣ не выступало никогда активно въ вопросахъ, касающихся западныхъ краевъ, по столичному незнанію и по Петербургско-великорусскому провинціализму. Гуманизмъ западниковъ старыхъ и новыхъ оскорблался тѣмъ нетерпимымъ характеромъ, съ какимъ проявлялась всегда русская реакція полонизма, и не видѣлъ такой же нетерпимости на польской сторонѣ. Выросшіе все-таки на почвѣ народности крѣпкой и обезпеченней, безпрепятственно могущей предаваться рѣшенію немополитическихъ, чисто-общественныхъ вопросовъ, русскіе западники смотрѣли съ сожалѣніемъ на людей, толкующихъ Западномъ краѣ, и не знали, что тамъ классы—народности, потому тамъ всякий общественный вопросъ осложняется вопросомъ национальнымъ. Гораздо больше другихъ русскихъ общественныхъ направленій столкнулись съ польскимъ вопро-

сомъ въ Западномъ краѣ славянофилы московскіе и кіевскіе, или украинофилы¹⁾.

Всѣ эти направленія въ русскомъ обществѣ 40—60-хъ годовъ выработали и приготовили общество къ ихъ принятію тѣ принципы, которые послужили опорою для обновленія Россіи посль 1856 г. Эти принципы не могли не повлиять и на реакцію польскому элементу въ Западномъ краѣ посль 1863 г. Эта реакція, конечно, въ значительной степени продолжала ити по колѣв старой; многое изъ старыхъ началь до-реформенной Россіи, что было уже оставлено во внутреннихъ краяхъ, возродилось, благодаря реакціи польскому восстанию, и самъ Западный край остался на полдорогѣ въ дѣлѣ реформъ. Возродившіяся идеи офиціальной народности на этотъ разъ соединились съ идеями национально-государственного централизма на прусскій ладъ, которая принесла съ собою часть западнокобь-гегеліанцевъ, присоединившіяся къ реакціи, польскому движению, и образовали политическую доктрину весьма смѣшанного и противорѣчиваго по многимъ вопросамъ свойства (напр., по вопросу: католики Западнаго края — русские ли?). Но во всякомъ случаѣ теперь уже государственная дѣятельность въ Западномъ краѣ въ пользу русской народности имѣть подъ ногами такую почву, какъ освобожденіе крестьянъ, и борьба государства съ сепаратизмомъ польской шляхты посль 1863 г. сопровождается не только разрушительными мѣрами и репрессіями, или такими мѣрами, какъ возвращеніе крупнаго русскаго землевладѣнія посредствомъ защенія католикамъ покупки земель²⁾, но и такими, какъ повѣрка уставныхъ грамотъ. Подобными мѣрами, совершенными въ силу принципа, на которомъ основана всероссійская реформа 19 февраля, достигнуто, что политическая сила польско-шляхетскаго элемента въ Западномъ краѣ можетъ

¹⁾ „Съ русскимъ украинофильствомъ не слѣдуетъ смѣшивать, — говорить г. Михальчукъ, — русское же казакофильство, которое находило себѣ немногихъ послѣдователей большою частью въ числѣ малорусскихъ аристократовъ. Это постѣднее, впрочемъ, недолго существовало и вскорѣ погибло безвозвратно“. Сатиру на него представляютъ стихотвореніе Шевченка: „Потомокъ гетмана дурнаго“ и проч., „Кобзарь“, изд. 1867 г.

²⁾ Въ литовскихъ губерніяхъ въ силу этой, наѣтнанной русскими пруссаками, мѣры, земли переходятъ въ руки дѣйствительныхъ и замаскированныхъ временемъ пруссаковъ.

считаться сломанію навсегда, особенно въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ народъ самъ, раньше и энергичнѣе администраціи, заявилъ себѣ противъ этого элемента. Дальнѣйшее укрѣпленіе послѣдствій органическихъ мѣръ въ пользу русскихъ массъ Западнаго края требуетъ дальнѣйшихъ реформъ: земства, суда, освобожденія провинціальной печати, большаго вниманія къ народному образованію, вѣротерпимости и т. п.

Но въ Западномъ краѣ все-таки продолжаетъ существовать довольно крупный процентъ шляхетско-польского элемента, желать устранить который сразу съ государственной точки зрѣнія — было бы нецѣлѣстю (какъ признали и публицисты, вызвавшіе запрещеніе полякамъ покупать имѣнія), съ точки зрѣнія рациональной — дѣломъ весьма неблизкаго будущаго. Думать о возможности передѣлки его национальности посредствомъ вѣнѣніиъ полицейскихъ мѣръ могутъ только люди, серьезно никогда не думавшіе объ общественныхъ переломахъ. Хотя мы не сомнѣваемся, что дальнѣйшее держаніе Западнаго края въ «исключительномъ положеніи» въ силу того, что онъ находится, благодаря польскому характеру большинства его дворянства, въ иенормальномъ состояніи (мы, впрочемъ, тѣмъ не менѣе не сомнѣваемся, что Западный край и вообще русско-польскій вопросъ че выйдетъ изъ своего теперешняго глухого конца, пока все наше общество не выйдетъ изъ теперешняго застоя), но все-таки развитіе его будетъ тормозиться, пока такъ или иначе не ассимилируется польское шляхетство съ русскимъ «хлопствомъ» края.

Мы видѣли, что въ теченіе XIX вѣка въ польскомъ обществѣ Юго-Западнаго края замѣчалось движеніе къ такой ассимиляціи, но мы видѣли, что оно кончилось, повидимому,ничѣмъ. Теперь въ этомъ обществѣ не слышно ни о казако-фольствѣ ни тѣмъ менѣе о хлопоманії, да и эта послѣдняя встрѣтила въ польскомъ обществѣ гораздо большую реакцію, тѣмъ та, какую обыкновенно встрѣчаютъ даже самыя крайнія демократическія направленія. Тому причина, сказали мы, та, что польское общественное движеніе встрѣтилось, наконецъ, съ русскимъ, и между ними возникла борьба за обладаніе не только краемъ Юго-Западнаго, но и самыми стихіями его народности, усвоить которую, не отрываясь отъ Польши, хотѣли бы передовыя слои шляхетскаго общества. Стремясь, чѣсто разрушенной исторіею унитарной Польши, восстановить

федеративную Польшу, Литву и Русь, какъ стали звать поляки то Малороссию, то и всю Западную Русь въ отличие отъ Россіи — Москвы, передовые шляхтичи Юго-Западнаго края встрѣтились съ русскими, которые дѣлали то же совершенно независимо, и принимая эту Русь или за отдѣльную народность или за часть все-русской, но только не польской народности.

Изъ Харькова, Полтавы, потомъ изъ Киева стали выходить труды художественные, этнографические, исторические, которые тоже говорили о Руси, объ Украинѣ, которую звали еще и *Малороссія*, о степяхъ, казакахъ, поселянахъ, но не только не по польски, но даже съ довольно враждебнымъ къ польскому элементу отношениемъ, и такъ какъ авторамъ этихъ трудовъ было естественно ближе все украинское, то не мудрено, что скоро количественно и качественно ихъ произведеній оказались численіе, вѣрище польско-украинскихъ. Вслѣдъ за изданиемъ пѣсенъ малороссійскихъ Цертелевымъ (1819) и грамматики малороссійского нарѣчія Павловскимъ (1818), пошли изданія малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича (1827, 1834, 1849), Срезневскаго (1833—1838), Лукашевича (1836), Метлинскаго (1854), Кулиша (1855—1856), Костомарова (1859), которая затмили прежнія польско-украинскія изданія. Археографическая комиссія въ Киевѣ и въ Петербургѣ, г. Бодянскій въ Москвѣ издали акты и мемуары малорусскихъ хронистовъ XVII—XVIII вв.; малоруссы-историки, отъ Бантыша до г. Костомарова, стали изслѣдовывать такія стороны польско-русской исторіи, о которыхъ полякамъ трудно говорить спокойно передъ чужими. Беллетристы отъ Котляревскаго и Квитки до Кулиша и Марка Вовчка представили картины изъ народнаго быта и исторіи Украины, которая, по меньшей мѣрѣ, не уступая въ художественности картинамъ Крашевскихъ, Чайковскихъ и т. п., превосходили ихъ правдивостью. Въ довершеніе, въ этой не-польской, но несомнѣнно украинской литературѣ появился писатель-хлопъ, Шевченко, и совершенно не въ духѣ Гончарскаго, Грабовскаго, Чайковскаго изобразилъ отношенія украинскаго казачества къ полякамъ. Передъ дѣйствительно народнымъ языкомъ этого хлопа-поэта жалокъ оказался языкъ пітия-нахлѣбника Падуры и т. п. Рядомъ съ этой чисто-украинской литературой и обще-русская литература дала рядъ произведеній, какъ «Полтава» Пушкина, «Вечера» и

«Тарась Бульба» Гоголя, который съ такимъ же правомъ могли называться украинскими, какъ и произведенія Залѣсскихъ, Гоцинскихъ и т. п., но опять не имѣли въ себѣ ничего польского. «Энеида» Котляревскаго и «Пѣсни» Максимовича попадаютъ въ руки галичанина Марк. Шашкевича и полагаютъ начало русской литературы въ Галиціи. Во всѣхъ концахъ русского міра начинается рѣчь о Руси, объ Украинѣ, о казакахъ, независимо отъ поляковъ; параллельно съ тѣмъ въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, во Львовѣ говорить и о славянщинѣ, и опять независимо отъ поляковъ. А народъ украинскій, несмотря на то, что его старались изобразить такъ идеаллическимъ, такъ готовымъ служить цанамъ, при всякомъ случаѣ показываетъ весьма недвусмысленную антипатію шляхты. Было отчего призадуматься, а потомъ босклинуть: «сохрани насть, Боже, отъ славянщины, отъ казачины, отъ нового Богдана Хмельницкаго».

Русское украинское движение долгое время не было замѣчено поляками или смышеваемо было, вообще, съ официальноправославной литературою, противъ которой поляки были застрахованы достаточно твердыми для польского общества аргументами. Но уже въ 50-е годы нельзѧ было не замѣтить, что польская шляхта встрѣчается съ направлениемъ, котороегрозитъ отнять у нея ореолъ оппозиціи и либерализма, вырвать изъ-подъ ногъ почву народности и земскаго патріотизма. Мѣстомъ, где впервые встрѣтилось русско-украинское и польско-украинское направление быль, какъ и слѣдуетъ ожидать, Кіевъ. Здѣсь же въ 40-е годы бывалъ часто польскій археологъ и этнографъ Свидзинскій, а въ 50-е годы жилъ повѣствователь и критикъ польско-украинской школы Мих. Грабовскій, впослѣдствіи членъ правительства Велепольскаго; здѣсь же съ 40-хъ годовъ дѣйствовала комиссія для разбора древнихъ актовъ, основанная по идеѣ М. А. Максимовича, и въ 1844—1846 гг. существовало «Кирилло-Меѳодіевское братство», къ коему принадлежали Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко и др.

Мы не станемъ тутъ говорить о значеніи украинофильства въ ряду другихъ движений въ русскомъ обществѣ, ни въ подробностяхъ характеризовать отношеніе этого движения, а также другихъ, къ польскому; о томъ и другомъ было немало говорено въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ же

изданиі¹⁾). Мы говоримъ теперь о польскомъ, а не о русскомъ обществѣ, и имѣмъ въ виду только выяснить, почему свелось почти до нуля движение польско-украинской шляхты къ сближенію съ русско-украинскою народностью. Для нашей задачи мы считаемъ достаточнымъ сдѣлать два-три указанія на столкновеніе между польскимъ и русскимъ украинофильствомъ. То мѣніе, будто такъ называемое украинофильство явилось подъ польскимъ вліяніемъ и было даже покровительствовано польскими патріотами, какъ «орудіе польской интриги»,— мѣніе, которое не разъ высказывалось въ нашей печати, не заслуживаетъ даже быть опровергаемо. Довольно припомнить, что первые малорусские писатели и ученые родились на лѣвомъ берегу Днѣпра и воспитались болѣе чистою далеко отъ всякаго польского вліянія, въ Полтавѣ, Харьковѣ, даже Москвѣ и Петербургѣ, и что до сихъ поръ главная масса литераторовъ, этнографовъ и ученыхъ малорусскихъ почти исключительно состоять изъ лѣво-бережныхъ уроженцевъ²⁾. Если иные изъ нихъ и дѣйствовали по временамъ на правомъ берегу, гдѣ они встрѣчались съ польскимъ населеніемъ, то они являлись туда съ совершенно готовымъ міровоззрѣніемъ, при которомъ обыкновенно приходили въ весьма острый разладъ съ польскими стремленіями, гораздо даже болѣе острый разладъ, чѣмъ тотъ, какой могъ бы развититься у нихъ, если бы они оставались на лѣвомъ берегу, вдали отъ этихъ стремленій³⁾.

Разладъ этотъ обусловливается цѣлымъ ходомъ развитія украинскаго движенія въ XIX вѣкѣ. Въ XVII вѣкѣ Малороссія присоединилась къ московскому государству отъ Польши, вслѣдствіе не одного національнаго сродства. Казаки, главные

1) См., между прочимъ „Характеристики литературныхъ мѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“ А. Н. Пышнина, печатавшіяся первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“.

2) Таковы Котляревскій, Іертель, Павловскій, Квитка, Гребенка, Бодинскій, Метлинскій, Максимовичъ, Лукашевичъ, Костомаровъ, Кузинъ, Марко Вовчокъ, Стороженко, Помисль и т. д.

3) Недавно въ львовскомъ журнальѣ „Правда“ напечатана была біографія по всему видно, доброго человѣка, по весьма незначительного малорусскаго поэта В. С. Кулика. Тамъ, между прочимъ, разсказывается о той симпатіи, какую вызывало въ Кулика начало польского движенія 1861—1863 гг., какъ удивлялись многіе на лѣвомъ берегу тому жару, съ какимъ кіевская университетская мозаїдка спорила съ позиками.

дѣятели въ этомъ присоединеніи, надѣялись этимъ обеспечить свои права и привилегіи, поспольство избавиться отъ панства и жидовъ; вѣсЬ вмѣстъ желали видѣть обезпечению вѣру православную, но само духовенство кіевское смотрѣло на подчиненіе Малороссіи Москвѣ, не желая подчиняться московскому патріарху. Национальная реакція полонизма и вообще национальное начало, хотя и проявлялось при этомъ, но вообще играло весьма слабую роль. Къ великоруссамъ въ Малороссіи Хмельницкаго не было ни симпатій ни антипатій собственно национального свойства. Знакомство съ боярами и ратными людьми московскими, которые смотрѣли на малороссовъ, какъ на нечисто православныхъ, не замедлило возбудить антипатіи, противъ которыхъ, однажды, дѣйствовало религіозное тяготѣніе и монархизмъ, весьма скоро привившіеся среди малорусской религіозной интеллигенціи, уже и подъ польскими королями гораздо больше роялістической, чѣмъ поляки. «Шатанія» казаковъ малорусскихъ отъ Виговскаго до Мазепы, ихъ попытки возвратиться подъ польское подданство не имѣли въ себѣ никакихъ слѣдовъ национальныхъ стремленій и вполнѣ объясняются борьбою казацкаго порядка съ московскими государственными стремленіями. Послѣднія восторжествовали, между прочимъ, благодаря тому, что старшина казацкая стремилась сложиться по образцу польской шляхты и великорусскихъ дворянъ въ рабовладѣльческое или, вообще, привилегированное сословіе, а потому народъ въ Малороссіи оставался равнодушенъ къ сепаратистическимъ стремленіямъ казацкой старшины. Послѣ Мазепы уже не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было сепаратизмѣ старшинъ малорусской, ни о ея тяготѣніи къ умиравшей тогда Польшѣ. Еще старые звуки обѣ автономіи гетманской продолжали иногда доноситься изъ Малороссіи въ Петербургъ въ видѣ всеподданѣйшихъ прошеній, но старшина больше заботилась обѣ уравненій правъ съ правами дворянъ великорусскихъ, что и было исполнено. Не только о Польшѣ, какъ о государствѣ союзномъ, но и о право-бережной Украинѣ вообще забыли и думать на Украинѣ лѣво-бережной, которая одна сохранила офиціальное имя Малороссіи. Почти такъ же слабы были въ XVII вѣкѣ и такъ же еще болѣе ослабѣли въ XVIII вѣкѣ и литературно-автономные стремленія въ Малороссіи. Въ XVI вѣкѣ, когда на югѣ Россіи замѣчаются явленія своего рода возрожденія (renaissance), по-

нятіе о языке русскомъ на югѣ, какъ и въ Москвѣ, не выдѣлилось ясно изъ понятія о языке церковно-славянскомъ, хотя и были люди, какъ, напр., переводчики Пересопницкаго евангелія, которые называли этотъ послѣдній «мовою болгарскою», съ коей надо было перевести Священное Писаніе на «языкъ рускій» для «лѣпшаго выраженія». Православная реакція, возбужденная уніюю и поддержанная казаками, задержала на Украинѣ процессъ освобожденія народнаго малорусскаго языка отъ церковно-славянскаго, а союзъ съ православною Москвою, гдѣ такъ же точно народный великорусскій языкъ не выдѣлился въ сознаніи книжныхъ людей отъ церковно-славянскаго, потянуль на сѣверъ немало литературныхъ силъ малорусскихъ, которымъ, при тогдашнихъ понятіяхъ о литературномъ языке, немного было нужно перемѣнить свой стиль, чтобы дѣйствовать на сѣверѣ. Почти до половины XVIII вѣка на Украинѣ продолжала существовать своеобразная литература мемуаровъ, лѣтописей, драмъ, комедій, поученій, академическихъ лекцій съ болѣшимъ или меньшимъ количествомъ мѣстнаго народнаго элемента въ языке, но безъ яснаго сознанія отличій его отъ церковнаго или отъ того, тоже емъшанаго, литературнаго языка, какой сталъ вырабатываться на сѣверѣ и къ которому тамъ стали прилагать название русскаго, какимъ первоначально звали свой литературный языкъ малоруссы XVII вѣка; малоруссы продолжали звать его такъ еще и въ XVIII вѣкѣ, между тѣмъ какъ и въ великорусской передѣлкѣ грамматики М. Смотрицкаго уже появился терминъ «малорусскій языкъ» въ примѣненіи къ тому языку, для коего первоначально написана была эта грамматика. Со временемъ Ломоносова великорусскій элементъ въ литературномъ языке сталъ все больше расти, и этотъ языкъ, исходя изъ государственного центра и будучи органомъ новой русско-европейской культуры, сталъ преобладать и у образованныхъ малоруссовъ, производя здѣсь разрывъ съ церковною славянциною. Одновременно съ тѣмъ, реакція классицизму, обнявшая наше общество съ конца XVIII вѣка, и сентиментализмъ и романтизмъ вели за собою запросъ на юморъ, на народныя сцены, на идиллію въ поэзіи. Оттѣтомъ на этотъ запросъ на югѣ были произведенія Котляревскаго, Гоголя - отца, Гулака - Артемовскаго, Квитки и др. начинателей наивнаго литературнаго украинофильства. Параллельно этому шло изученіе прошлаго въ исторіи, а вмѣстѣ съ

этимъ и общеевропейскій либерализмъ и смутно бродившія
значаць славянскія стремленія. Историки нашли въ прошломъ
Малороссії достойное интереса, либеральные романтики — до-
стойное воспѣванія. Явилась исторія Малой Россіи Бантыша.
Люди оппозиціи находили въ прошломъ Малороссіи зародыши
строя, къ которому они стремились въ силу новыхъ европей-
скихъ идей; это прошлое показалось имъ лучше, чѣмъ оно
было на самомъ дѣлѣ: Наливайки, Мазепы, Полуботки сіяли
въ ореолѣ, заимствованномъ изъ чтенія Тита-Ливія. А такъ
какъ на настоящее они смотрѣли глазами Тацита, то понятно,
что та легкая племенная насыпка надъ «москалями», которая
унаследована у Котляревскаго, обоихъ Гоголей (см. «Ве-
чера»), Квитки, племенные ссоры XVII вѣка стали острѣе.
На «москалей», «московские порядки» стали смотрѣть, какъ
на губителей «воли казако-украинскаго народа». Собственно
слово «народъ» тутъ ставилось по обычью, а подъ нимъ раз-
умѣлись только казаки или, еще чаще, старшина. Любопытный
памятникъ такого, уже съ политическими оттенкомъ, украино-
фильства представляетъ появившаяся въ 20-хъ годахъ и быстро
распространившаяся въ рукописяхъ «Исторія Руссовъ», при-
писанная Конисскому. Что она не могла принадлежать Конис-
скому, это, при теперешнемъ состояніи исторической критики,
ничего доказывать. Уже по ея очень новому, литературно-
русскому языку она, несомнѣнно, принадлежитъ XIX столѣтію.
Но кто былъ ея авторомъ? Теперь это загадка, заняться рѣше-
ніемъ которой было бы интересно, пока еще время не ушло и
есть надежда добраться до вѣрнаго рѣшенія. Много слѣдовъ
указываетъ на происхожденіе «Исторіи Руссовъ» среди тѣхъ
кружковъ изъ черниговскихъ и сѣверо-полтавскихъ потом-
ковъ малороссійской старшини, которые болѣе или менѣе
важутся и съ кружкомъ князя Рѣшина, бывшаго вице-короля
саксонскаго и малороссійскаго генераль-губернатора. Не пред-
ставляя теперь почти никакого интереса, какъ лѣтопись,
«Исторія Руссовъ» любопытна, какъ политический памфлетъ,
написанный съ большими талантами. Къ антипатіи, какою
отличаются малорусская лѣтопись конца XVII вѣка противъ
поляковъ, «Исторія Руссовъ» прибавила Ѣдкую насыпку, на-
правленную и противъ московско-петербургскихъ порядковъ;
въ ней иѣть вмѣстѣ съ тѣмъ роялизма и клерикальной точки
зрѣнія старыхъ казацкихъ лѣтописей и хроникъ. Понятно,

почему она такъ долго ходила въ рукописяхъ. Она была напечатана только въ 1846 г., уже въ то время, когда роль едьбыла собственно окончена, когда порожденное и сю новое направлениe въ украинофильствѣ переросло идеи этого памфлета.

Это то направлениe, котораго поэтическимъ выразителемъ явился Шевченко. Оно приняло въ себя много сентиментальнаго романтизма, оно зачерпнуло и броженія тогдашніхъ умовъ и патріотизма «Исторії Руссовъ», но осложнилось затѣздившимся на югъ Руси еще съ первыхъ временъ Харьковскаго университета, со временъ Каразина и Северина Потоцкаго, славянофильствомъ, а также соціальными идеями 40-хъ годовъ, который такъ пришли въ мужицкой натурѣ и памяти Шевченка. Когда, послѣ периода романтическаго отношенія къ традиціямъ и народной жизни украинской, у Шевченка наступилъ періодъ историческо-политического самосознанія, онъ сталъ на точку зрѣнія «Исторії Руссовъ», при чёмъ образы исторіи Украины дали у него перевѣсь антипольскому направленію надъ анти-московскимъ. На двѣ-три ядовитыя фразы, направленныя противъ Москвы, у Шевченка мы видимъ иѣсколько поэмъ, въ которыхъ, съ явнымъ сочувствіемъ въ одну сторону, описывается борьба украинскихъ казаковъ съ поляками. Но для украинскаго поэта не замедлилъ наступить переломъ, который сталъ поперекъ его исключительно национальнымъ тенденціямъ и образамъ. Переломъ этотъ совершился подъ вліяніемъ болѣе глубокаго вдумыванія въ жизнь, вдумыванія, толкаемаго крестьянскимъ проиходженіемъ поэта, а также подъ вліяніемъ того южно-русскаго славянофильства и тѣхъ идей 40-хъ годовъ, въ струю которыхъ попалъ Шевченко. Они заставили его написать стихотвореніе къ Б. З., въ коемъ особенно замѣчательны слѣдующія слова:

Отъ так-то зише, друже, брате,
Неситій ксіонди, магнати,
Нас розлучили, розвели, и проч.

Вмѣсто картинъ прошлаго Украины, поэтъ сталъ рисовать картины обще-русскаго до-реформеннаго порядка; самое это прошлое показалось ему полнымъ зародышей настоящаго бѣдственнаго положенія народа, и онъ ъдко осмѣивалъ казакофильство поклонниковъ «Исторії Руссовъ», особенно между «потомками гетьмановъ дурныхъ». Эти наемщики, это отноше-

ие къ гетманщинѣ нанесли смертельный ударъ исключительному национализму и сепаратизму, во имя исторического строя и традицій среди украинофильства.

Когда, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, они вновь заговорили, на этотъ разъ поддержаны болѣе свободною печатью во всей Россіи и юношествомъ южно-русскимъ, то уже обѣ исключительномъ национализмѣ и особенно обѣ историческомъ сепаратизмѣ почти не было рѣчи. Если въ 60-е годы прошумѣла среди украинофильства струя антипатій къ полякамъ и слабѣйшая анти-московская, то она была, главнымъ образомъ, реакцией противъ тѣхъ препятствій и вражды, какую встрѣтили основныя стремленія тогдашнихъ украинофиловъ, т.-е. стремленія въ духѣ мѣры освобожденія крестьянъ, образованія народа на его языкѣ, обработки литературы малорусской. Съ 1857 по 1863 г. прошумѣть въ польской и русской литературѣ споръ между малорусскими и польскими писателями о народности право-бerezиной Украины и Галичинѣ, взаимные перекоры изъ-за «хлономанія». Послѣ 1863 г. польская народность оказалась далеко, въ наступательномъ положеніи даже за Вислою, а потому споры эти затихли, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые русские патріоты попробовали и само украинофильство, открывшее перестрѣлку съ поляками по вопросу о народности Западной Руси, изображать, какъ порождѣвіе польской интриги. Въ 1861—1864 гг. прошумѣть въ нашей и галицкой печати споръ о самостоятельности и границахъ малорусской литературы сравнительно съ русскою, которую нѣкоторые украинофили признавали только великорусскою. При этомъ не обошлось безъ укоровъ въ политическомъ сепаратизмѣ съ одной стороны, безъ раздраженія и сепаратистическихъ выходокъ съ другой. Но и этотъ споръ скоро затихъ. Когда, съ конца 60-хъ годовъ, украинское направленіе вновь появилось въ печати, — въ наукѣ, въ публицистикѣ и беллетристикѣ, — оно явилось не только безъ прежніаго раздражительного отношенія къ полякамъ и великоруссамъ, но и раздвоенное и по вопросу обѣ автономіи, даже литературной. Въ то время, когда одни, — преимущественно, нѣкоторые беллетристы и поэты, воспитывавшіеся въ эпоху полемики по вопросу о малорусской народности и выступившіе на литературное поприще въ Галиції, — продолжаютъ относиться ко всей русской литературѣ, какъ къ великорусской, другіе отли-

чають спеціально-великорусський елемент въ нашей новой литературѣ отъ обще-руссаго и признаютъ русскую литературу дѣйствительно обще-русскою, по крайней мѣрѣ, для русскихъ нашей имперіи. Къ этому воззрѣнію примыкаетъ и одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей прежняго украинофильства, Н. И. Костомаровъ, который въ 60-е годы взялся было за издание книгъ для народнаго чтенія и Священнаго Писанія на малорусскомъ языкѣ. Въ своей статьѣ о малорусской литературѣ, помѣщенной въ изданіи г. Гербеля «Поззія славянъ», г. Костомаровъ говоритъ:

«Если было сочтено умѣстнымъ переводить Священное Писаніе съ церковно-славянскаго на русскій, то тѣмъ же самымъ казалось вполнѣ умѣстнымъ перевести его по-малорусски, потому что на русскомъ языкѣ для малоросса оно менѣе понятно, чѣмъ на славяно-церковномъ. Никто не думалъ, что первоначальное образованіе, полученное малоруссами на своемъ природномъ языкѣ, могло изгнать и устранить изъ Малороссіи языкъ обще-русскій: напротивъ, существовала увѣренность, что, получивъ иѣкоторыя свѣдѣнія на свое мѣсто, малороссъ съ болѣшою охотою пожелаетъ читать по-русски и скорѣе научится русскому языку, пріобрѣвши уже до этого иѣкоторую подготовку и развитіе».

Такимъ образомъ наблюденіе надъ ходомъ общественно-культурнаго движения въ Малороссіи, со временемъ Мазепы до нашихъ дней, показываетъ постепенное ослабленіе здѣсь стремлений политическо-национальной исключительности и постепенное усиленіе стремлений соціально-культурныхъ въ формахъ народныхъ и въ гармоніи съ подобными стремлѣніями сѣверно-русскими. Вотъ это-то движение, сложившись, главнымъ образомъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра и совершенно независимо отъ движений въ польскомъ и польско-украинскомъ обществѣ, встрѣтилось съ польскимъ украинизмомъ какъ разъ въ то время, когда въ русскомъ украинизмѣ замѣтно совершился кризисъ въ послѣднѣмъ изъ вышеозначенныхъ направлений. Разумѣется, что эта встрѣча польского и русского украинофильства не могла быть очень симпатичною, по противоположности ихъ основныхъ стремлений, при иѣкоторомъ сходствѣ наружномъ, дѣлавшемъ тѣмъ болѣе непріятнымъ взаимный сюрпризъ при встрѣчѣ.

Кажется, въ первый разъ оба эти движенья встрѣтились литературно въ полемикѣ между Мих. Грабовскимъ и Кулишемъ, мирно помѣстившейся въ одной книгѣ во II томѣ изданныхъ г. Кулишемъ «Записокъ о Южной Руси» (1857 г.). Полемика эта произошла по поводу открытаго г. Судіенкомъ универсала Острянина отъ 1638 г., рисующаго польскія притесненія въ Малороссіи, и озаглавлена: «О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ въ XVII вѣкѣ». Грабовскій объясняетъ всѣ малороссійскія возстанія (даже Хмельницкаго) частными обидами, напесенными своеобразными жаловщиками тому или другому казаку малороссійскому (см. особенно стр. 313), и т. п. причинами. Слѣдующія слова Грабовскаго особенно характерны: «что ни говори, а украинскія смуты были не что иное, какъ войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война». Грабовскій недоволенъ, что историки описываютъ съ удовольствіемъ «изгнаніе ляховъ изъ Украины, какъ будто украинцы въ самомъ дѣлѣ прогнали прочь чужеземцевъ и отняли у нихъ то, что еще вчера принадлежало имъ самимъ, тогда какъ на дѣлѣ выходитъ, что поднятая казаками къ возстанію чернь, вслѣдъ за ненавистными ей жаловщиками, прогнала и своихъ родныхъ пановъ и что она грабила и отнимала у нихъ ихъ несомнѣнную собственность. Въ ея глазахъ ляхами, недоляшками и ополячившимися панами были не только военные люди Рѣчи Посполитой, не только необузданые своеобразники и буйны, но и всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что заграбить». Естественно послѣ этого, что вся польская шляхта воспламенилась миценiemъ за своихъ собратій изъ южно-русскихъ провинцій, и что Вишневецкіе и Кисѣли называли войско Хмельницкаго «взбунтовавшимися мужиками» (стр. 317). Мы не станемъ слѣдить за аргументацией г. Кулиша, которую не трудно угадать напередъ, а выпишемъ только заключительныя слова его отвѣта (стр. 327): «Двѣ совершенно противоположныя (между прочимъ, и по соціальному стремлѣнію) національности столкнулись на почвѣ, занятой польской политической системой и, исполнивъ предназначение имъ свыше обоядное дѣло на пользу человѣчества, доказали, наконецъ, другъ другу, кажется, слишкомъ ясно свою несовмѣстимость. И потому да будетъ миръ костямъ Острожскихъ, Вишневецкихъ и Кисѣлей, которые у поляковъ

прослыли русскими патротами и о которыхъ современные лѣтописи наши говорятъ, что они плакали по своимъ имѣніямъ на Украинѣ! Они принесли свою пользу въ общѣй дѣятельности Рѣчи Посполитой польской, а ихъ заблужденія, вмѣстѣ съ заблужденіями цѣлаго сословія, къ которому они принадлежали, способствовали первому послѣ татарщины и, какъ мы вѣруемъ, не напрасному шагу русскаго племени къ истинному самосознанію и самодѣятельности».

Для первого раза, кажется, съ обѣихъ сторонъ было сказано довольно ясно. Компромисса трудно было ожидать, пока кто-нибудь не уступилъ бы весьма существеннаго. Спустя нѣсколько лѣтъ тогъ же г. Кулишъ напечаталъ въ «Основѣ» мнѣніе о корифеяхъ польско-украинской школы поэзіи и беллетристики, въ коемъ отрицалъ совершенно правду и народный украинскій элементъ въ ихъ произведеніяхъ. Еще передъ тѣмъ по поводу «Богдана Хмельницкаго» Костомарова произошла полемика между нимъ и г. Падалицею, начатая въ «Современникѣ» и продолжавшаяся въ «Основѣ». Въ это же время возвратившійся изъ ссылки Шевченко обратилъ на себя общее вниманіе; явилось новое изданіе его сочиненій, съ которыми только въ это время серьезно стали знакомиться поляки. Достойный доброй памяти и у русскихъ, польскій поэтъ Сырокомля (Кондратовичъ), человѣкъ съ искренними симпатіями къ хлопству и одинъ изъ немногихъ бѣлорусофиловъ, перевелъ нѣсколько пьесъ Шевченка (1861); другія («Гайдамаки» и «Наймичка») перевелъ уже упомянутый вами г. Савинскій, написавшій и *Studya nad Literaturoю ukraїnskoю*. Шевченко исцугнагъ польскую прессу. Самъ Сырокомля не рѣшился перевестъ «Тарасову ночь» и «Гайдамаковъ», объявивъ въ предисловіи къ своему переводу «Кобзаря», что Шевченко, писавши эти пьесы, омокалъ перо свое въ кровь. «Biblioteka Warszawska» (1862, № 1) назвала поэзію Шевченка «крикомъ вороньяго горла», объясняла его злость къ полякамъ тѣмъ, что, когда онъ былъ мальчикомъ, «панъ его побилъ за то, что онъ чуть не сжегъ дома» и т. п. Какъ извѣстно каждому, большинство польского дворянства, желая искренно отдѣленія Польши съ западными губерніями отъ Россіи, не жаловало демократической фразеологіи своей молодежи, а тѣмъ больше косилось оно на хлопомановъ. Когда же нѣсколько изъ по-

следнихъ появилось со статьями на страницахъ «Основы», поляки-отцы вообразили, что потеряютъ сыновей своихъ, которые отрекутся отъ Польши для Украины. Хлопоманія и украинофильство стали казаться имъ не только гайдамачествомъ, но еще и интригою схизматицкой Москвы¹⁾. Дѣйствительное освобожденіе крестьянъ со всѣми обстоятельствами, его сопровождавшими, между прочимъ, съ недовѣремъ, какое показывали крестьяне даже помѣщикамъ-либераламъ и народолюбцамъ, вездѣ, и въ великой и въ малой Россіи, сильно похладило въ нѣкоторыхъ слояхъ симпатіи къ народу ради народности, а отношеніе крестьянъ къ шляхтѣ во время восстанія 1863 г. было такого рода, что должно было добить всякихъ идеаллическихъ симпатій польско-украинскихъ романтиковъ къ «пейзанамъ». Страхъ новой хмельнищины, колівщины убилъ польское украинофильство.

Спустя немногого, ограничена малорусской литературы, вы-
званныя инкриминациями тѣхъ нашихъ изданий, которая не-
ожиданнымъ образомъ произвели русскихъ украинофиловъ въ
сокурсниковъ поляковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повторили всѣ до-
носы польской прессы на хлопомановъ, вызвали у нѣкото-
рыхъ русиновъ и поляковъ въ Галиціи фразы объ общемъ
союзѣ Польши и «Руси» противъ турецкой Москвы, но эти
фразы, послѣ всего случившагося, говорились съ кислой ми-
ной и не только не вели ни къ чему, но тотчасъ же смѣя-
лись надъ ими.

1) Въ дополненіе къ выпискамъ изъ польскихъ газетъ 1862—1863 (первымъ выступило противъ хлопоманій „Slovo“ въ 1859 г.), приведеннымъ въ статьѣ „Восточная политика Германии“, можно указать на книгу, изданную Влад. Мицкевичемъ въ 1863 г. „La Pologne et ses provinces méridionales, manuscrit du Oukskr. Janin“ etc. Тутъ „un Oukskr. Janin“ жалуется на руссмановъ, называя ихъ: „les roussomanes ou les russiens, des jeunes gens de toutes classes, des hommes sans fortune, des esprits faux et des demi-savants“, которые нападаютъ на польскую плахту во множествѣ издаваемыхъ ими книжекъ. „Un recueil de différentes poésies telles que Kobzar, Haïdamaki, Chata, Narodni Opovidannie, Azbuki, Gramatki etc. forme une énorme batterie, dirigé contre les seigneurs ou, pour dire la vérité, contre les plus riches seulement. L’organe qui concentre toutes les idées d’un communisme destructeur et d’un faux socialisme, c’est l’Osnova, qui sort de Pétersbourg. Ce journal est plus nuisible aux polonais que Dzien (de Moscou), à cause d’une certaine nobilité et du choix circonspect de ses rédacteurs. Ces écrits trouvent un timide et faible écho dans le Slovo de Leopol, mais le dernier journal mérite à peine qu’on fasse mention de lui.“ (24, 25). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ говоритъ, что правительство по-спрятало этихъ руссмановъ.

лись жалобами, что малорусское движение въ Россіи и въ Галиції есть «авангардъ Москвы для послѣднаго, самаго жестокаго раздѣла Польши»¹⁾. Недавно краковская газета «Край», рассматривая отношения «Польши и Руси» съ горечью говорила о томъ, «чего хотѣла кіевская (польская) молодежь для русскаго (малорусскаго) народа и чѣмъ онъ заплатилъ въ 1863 г. за эти благія намѣренія». При такомъ настроеніи прежняго отношенія польской литературы къ украинскому элементу стали надолго невозможны.

Между тѣмъ и русское украинофильство почти совсѣмъ сошло со сцены, не успѣвъ выработать и высказать цѣльного, систематического міровоззрѣнія на текущіе вопросы внутренней и вѣнѣній политики, даже на польской вопросѣ, по которому оно выступило было, какъ застѣльщикъ съ русской стороны²⁾. Во время разгара польского восстания и послѣдовавшихъ за нимъ мѣръ въ Западномъ краѣ, уже не существовало специального малороссийскаго органа въ Петербургѣ. Провинціальная же печать у насъ вовсе не можетъ считаться серьезною, по своему подиачальному положенію. Въ 1863—1866 гг., когда у насъ наиболѣе активно занимались только русскимъ вопросомъ, передовое мѣсто въ русской политической прессѣ въ глазахъ поляковъ занимали органы московской славянофильства («День», «Москва») и того смѣшаннаго, больше отрицательнаго, чѣмъ положительнаго направлѣнія, которое характеризуетъ «Московскія Вѣдомости». «День» старался было установить на польской вопросѣ славяно-

¹⁾ Еще недавно польская печать въ Галиції, обсуждая вопросъ, какой органъ желательнѣй для русиновъ въ Галиції, выражалась о стремленіяхъ тамошніхъ „молодыхъ“ такимъ образомъ: „Молодая Русь портить кредитъ себѣ у практичныхъ людей своими мечтами объ Украинѣ и казачинѣ“ (Gaz. Narod. 1874, 52).

²⁾ Какъ благосклонны были въ началѣ 60-хъ годовъ къ шляхетскому элементу люди, которые потомъ приобрѣли себѣ было известность, какъ его противники въ Юго-Западномъ краѣ, можно видѣть на примѣрѣ г. В. Шульгина (Исторія Кіевскаго университета, 1861 г., стр. 9 и слѣд.), потому редактора „Кіевлянина“, и г. М. Юзефовича („Объясненіе отъ предсѣдателя кіевской комиссии для разбора древнихъ актовъ“, 1861, стр. VIII), потому крупнаго публициста въ „Кіевлянинѣ“, корреспондента „Моск. Вѣд.“ и проч. Какъ мало знакома была съ Западною Русью стодачная печать, можно видѣть по тому, что изъ „Паруса“ И. С. Аксакова (1859, 2) было помѣщено „Письмо изъ Польши“ съ помѣткою „Житомиръ“.

русскую, отличную от прусской, точку зрения, держаться народныхъ, а не административно-централистическихъ началь, не смѣшивать славянство съ православіемъ, а русское вообще съ великокорусскимъ, а потому и не имѣть вліянія на поляковъ. Да къ тому, во время восстанія ничто, кромѣ безусловного оправданія всѣхъ, самыхъ агрессивныхъ польскихъ требованій, не могло имѣть сочувствія среди поляковъ. Но окончаніи же восстанія органъ московскаго славянофильства совершиенно почти перешелъ къ тѣмъ прусскимъ начальамъ, которымъ представляли единственно послѣдовательное въ доктринахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и которыхъ, конечно, не могли найти себѣ пути къ умамъ самыхъ умѣренныхъ поляковъ. События 1866 г., славянскій съездъ, союзъ русской ретроградной партии съ польскою («Вѣсть» и т. п.), наконецъ, события 1870—1871 гг. произвели совершенное потемнѣніе въ взорѣніяхъ московскихъ изданій на польской вопросѣ. «Бесѣда» (1871—1873) покушалась было опять установить славяно-русскую, отличную отъ прусской, точку зрения на этотъ вопросъ, но это намѣреніе, равно какъ и стремленіе редакціи «очистить» славянофильское направление отъ постороннихъ примѣсей, не удалось по внутреннимъ отношеніямъ зъ кружкахъ славянофильскихъ и по вѣшнимъ обстоятельствамъ. По временамъ изъ тѣхъ круговъ, которые примыкаютъ тѣснѣ къ «западникамъ» 40—50 годовъ, слышатся иѣсколько новые голоса по польскому вопросу, далекіе отъ прежняго равнодушия или безусловного раздѣленія польскихъ тенденцій, а равно и отъ нетерпимости московскихъ публицистовъ 1863—1866 гг., но ихъ не настолько много, чтобы они могли произвести замѣтное вліяніе на русское и польское общество. Новое органическое и созидательное міровоззрѣніе на русско-польскія отношенія можетъ выработаться только при систематическомъ изученіи жизни какъ Польши, такъ и Литвы и западно-русскихъ краевъ, а это станетъ возможнымъ только при существованіи серьезныхъ и свободныхъ органовъ печати въ Варшавѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и т. п.

Говоря, въ предѣлахъ нашего предмета, только о Юго-Западномъ краѣ, приходится сознаться, что въ тамошнемъ польскомъ элементѣ мы имѣемъ дѣло съ племенемъ во всякомъ случаѣ не малочисленнымъ и весьма даровитымъ, что видно, напр., изъ того большого числа дѣятелей, какое даль-

польской литературѣ этотъ крайъ съ конца XVIII вѣка¹⁾. Въ послѣдніе годы право-бережная Украина не производить ничего и ничего и для польской культуры. Очевидно, что тамошніе поляки переживаютъ кризисъ. Обстоятельства поставили передъ ними дилемму; или быть пассивными свидѣтелями хода жизни, или подвинуть симпатіи ближе къ дѣятельности русскаго общества, такъ какъ крайъ, въ коемъ они могутъ дѣйствовать, очевидно, часть русскаго, а не польскаго міра. Въ пассивномъ положеніи никакое общество долго оставаться не можетъ, не осуждая себя на разложеніе, на то, что жизненные вопросы будутъ решаться безъ него. Для того, чтобы помочь свѣжимъ силамъ польскаго общества въ Юго-Западномъ краѣ выйти изъ теперешняго ненормального состоянія, надо, чтобы съ русской стороны образовалось и энергически проявило себя направлѣніе, которое бы, оставаясь русскимъ и будучи непремѣнно народнымъ, въ то же время давало мѣсто естественнымъ чувствамъ кровной связи съ краемъ и увлекало молодые умы широтою общественныхъ и культурныхъ стремленій. Такое направлѣніе, несомнѣнно, совершилъ то, чего прежде времени страшились польско-католические кружки Юго-Западнаго края еще въ 1860—1863 гг., а именно отниметъ у нихъ дѣтей. Нельзя сказать, чтобы въ современномъ русскомъ обществѣ не было вовсе элементовъ для такого направлѣнія: зародыши его существовали и въ прежніхъ движеніяхъ русской мысли, въ западничествѣ, въ московскомъ славянофильствѣ, въ украинофильствѣ. Но для того, чтобы русская мысль подействовала на поляковъ Западнаго края, необходимо, чтобы извѣстные нравственные элементы сложились въ систему и концентрировались въ направлѣніе, которое бы избрало своимъ центромъ мѣсто столько же

1) Соответственно этому немалое число дѣятелей русской культуры дала зѣво-бережная Украина; такъ, изъ одной Полтавской губерніи съ половины XVIII вѣка вышли Херасковъ, Богдановичъ, Канницѣ, Гнѣдичъ, Нарѣжный, Гоголь, Котляревскій, Максимовичъ, Бодянскій, Метлинскій, Остроградскій и немало ученыхъ, профессоровъ изъ разныхъ русскихъ университетахъ. Замѣчательно, что послѣ Гоголя совсѣмъ не являются въ обще-русской бѣллетристикѣ украинцы, и что украинскій быть у насъ или вовсе не воспроизводится въ бѣллетристикѣ или воспроизводится по-малорусски. Право-бережная Украина только и дала въ послѣдніе времена крупного литератора—Шевченка.

русское, сколько и непосредственно прилегающее къ Западному краю, или въ немъ самомъ лежащее.

Въ настоящее время мы прежде всего не имѣемъ вовсе никакихъ данныхъ для того, чтобы сколько-нибудь вѣрно судить о томъ, чѣмъ морально живетьпольское общество вообще, а особенно въ западныхъ краяхъ. Вотъ почему намъ по меньшей мѣрѣ странно видѣть смѣло выраженными многія изъ тѣхъ заключеній, какія встрѣчаемъ въ главахъ очерка о полякахъ Юго-Западнаго края въ «Матеріалахъ» г. Чубинскаго: «Католицизмъ въ Юго-Западномъ краѣ», и особенно коротенькая, но громко названная глава: «Коренные причины антагонизма съ великоруссами (?) и измѣненія въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанья». Тутъ, кромѣ недостаточности данныхъ для заключеній, встрѣчаемся еще съ отсутствіемъ всякаго положительного метода для ихъ составленія. Мы бы не говорили объ этомъ, если бы не были обычны у насть особенности разсужденій о полякахъ. Такъ, мы встрѣчаемъ тутъ и либеральный укорьпольскому обществу въ его крайнемъ католицизмѣ, и приговоръ, чтопольское общество не цѣнитъженщину, какъ человѣка, не расположено къ идеѣ женской эманципаціи и т. п. Антагонизмъ поляковъ и русскихъ объясняется кряду и соперничествомъ за преобладаніе въ славянскомъ мірѣ, и тѣмъ, что русская культура антиратичнапольскому обществу, помимо политического даже антагонизма. «Русское интеллигентное общество было всегда демократическимъ. Въ нашей литературѣ сильно развито критическое направление, самообличеніе и стремленіе стражнуть съ себя всякий романтизмъ. Не даромъ Россія называется мужицкимъ государствомъ, ея интеллигенція ближе къ народу, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ обществѣ» (стр. 270).

Авторъ этихъ строкъ, очевидно, не задалъ себѣ вопросовъ: «Кѣмъ называется? Что должно разумѣть подъ словомъ интеллигентное общество? Кто въ Россіи сочувствуетъ эманципаціи женщинъ, всеѣ или нѣкоторые? Кто чуждъ религіознаго фанатизма?» и т. п. Во всякомъ случаѣ онъ не объяснилъ этого читателямъ. Къ тому же онъ, очевидно, забылъ, что нѣсколько листковъ выше онъ говорилъ такія фразы: «демократизмъ повстанцевъ» (стр. 249), «безпощадная критика (пурристовъ) на господствующіе нравы» (стр. 248) и т. п. Для того, чтобы сравнивать двѣ вещи, нужно, чтобы онъ были

однородны. Такъ и сравненіе русскаго и польскаго общества можетъ быть только тогда поучительно, когда мы не забудемъ того, что и то и другое распадается на извѣстные слои, между коими и надо производить сравненіе, а равно и обстоятельствъ развитія того и другого. Надо сравнивать не польскаго магната съ какимъ-нибудь Бѣлинскимъ и т. д., а магната съ вельможей, ксендза съ священникомъ, плахтича съ помѣщикомъ, студента со студентомъ и т. п. Разница, конечно, найдется, но не такая качественная, какая получается у г. Чубинскаго. Окажется, мы думаемъ, только то, что въ польскомъ обществѣ всѣ консервативны и реакціонны элементы болѣе сознательны, болѣе сплочены, чѣмъ въ нашемъ, а прогрессивные болѣе разсѣяны, и при этомъ тѣ и другіе болѣе направлены на национальные, чѣмъ на общественные вопросы. А большая часть этой разницы, при сличеніи условій развитія польского общества и русскаго объясняется тѣмъ, что Россія самостоятельное государство, что русская народность обеспечена, а польская нѣтъ. Разсѣянность польскаго прогрессивнаго элемента, его слабѣйшее дѣйствіе на общество объясняется, между прочимъ, эмиграціей; меньшая степень разлада между «отцами» и «дѣтьми» въ Польшѣ общимъ давленіемъ извѣй и т. п. При такихъ сравненіяхъ нельзя упускать изъ виду и того, что надо сравнивать явленія, происходящія въ одно время, потому что для каждой эпохи придется дѣлать особые выводы. Въ такомъ случаѣ, точнымъ, а не произвольнымъ, сравнительнымъ методомъ, произведенное изслѣдованіе надъ польскимъ обществомъ можетъ дѣйствительно привести къ уясненію практическихъ мѣръ по отношенію къ нему; но наши публицисты и даже изслѣдователи, какъ въ свою очередь и польские, обыкновенно поступаютъ иначе. Вотъ, напримѣръ, въ послѣднее время часто въ нашей печати поляки похваляются тѣмъ, что они начинаютъ «отрезвляться отъ увлечений 1863 г. и безпристрастнѣе оцѣнивать Россію»— это все вѣрно, но при этомъ вовсе не задаются мыслью о томъ, однимъ ли только полякамъ слѣдуетъ отрезвляться и не замѣчается ли «признакъ отрезвленія» и у насть? И въ книжѣ г. Чубинскаго говорится объ «измѣненіи быта (т.-е. настроенія) поляковъ со времени неудачи повстанія», а особенно со времени событий 1870—1871 гг. Книга г. Чубинскаго говоритъ, напримѣръ, о томъ, что «поляки Юго-Западнаго края совер-

денно незнакомы съ русскими, какъ съ культурнымъ народомъ. Для нихъ русская интеллигенція являлась въ видѣ чиновника или офицера. Литературы русской они и не знали и относились къ ней съ пренебреженiemъ. Вообще въ мнѣніяхъ поляковъ русскіе не обладаютъ умомъ и знаніемъ. Даже студенты университета ограничивались только обязательными для нихъ руководствами. Въ ихъ библіотекахъ не было ни одной русской книги. Впрочемъ, нельзя не сознаться, что до 40 годовъ наша литература была бѣдна, журнальная дѣятельность была не обширна. Хорошихъ научныхъ руководствъ почти не было, было очень мало даже переводныхъ ученыхъ сочиненій... Только съ 40 годовъ, а въ особенности съ 1855 г. русская журналистика и наука получили широкое развитіе и далеко опередили польскую литературу. И съ этого времени начинается иѣкоторый поворотъ въ польскомъ обществѣ» (стр. 272).

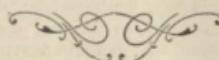
Въ этихъ словахъ, дѣло не обошлось, однако, безъ преувеличенія; заключенія также невѣрны отъ отсутствія сравненія или отъ невниманія къ тому, о какомъ собственно времени идетъ дѣло; наконецъ, есть и противорѣчія. Говоря не абсолютнo, а сравнительно, едва ли поляки не больше знаютъ русскую литературу, чѣмъ мы польскую; о языкѣ ужъ и говорить нечего. Переводовъ съ польского у насъ очень мало, а до послѣдняго времени, напримѣръ, Мицкевича, не говоря уже, напримѣръ, о Красинскомъ, совершенно почти не переводили у насъ, между тѣмъ важнѣйша произведенія русскихъ поэтовъ довольно скоро послѣ появленія ихъ въ оригиналѣ переводились и по иѣсколько разъ часто знаменитѣйшими польскими поэтами¹⁾. До 1830 года вообще существовали

¹⁾ Вотъ указание польскихъ переводовъ иѣкоторыхъ изъ произведеній русскихъ писателей; изъ Пушкина, кроме множества мелкихъ стихотвореній, переведенныхъ Мицкевичемъ, Одынцемъ, Ходзькомъ, Сабовскимъ и т. п. «Кавказскій пѣсniникъ» переведенъ Н. Ф. Жабой въ 1828 г.; «Бахчисарайскій фонтанъ»—три раза (между 1828 и 1832); «Браты разбойники» и «Пыгланъ»—изъ Варшавы въ 1842 г. и другой разъ въ Вильне; «Евгений Онѣгінъ»—изъ Вильны въ 1847 г.; «Скупой Рыцарь», «Мѣдный Всадникъ» и т. д. Изъ Лермонтова—литературные стихотворенія переводили Сырокомля, Лепартовичъ, Сабовскій и др.; кроме того, переведены «Герой нашего времени» (1844), «Мидари» (Сырокомля, 1853), «Демонъ» (1860), «Хаджи-Абрекъ» (1855) и т. д.; Граббе́рова отрывки «Горя отъ ума» въ польскомъ перевѣтъ съ рукописи опубликованы въ печати (1830) раньше, чѣмъ вся пьеса была напечатана по-русски

доволі близкія отношенія между литературно-общественными дѣятелями польскими и русскими, а пока былъ Виленский университетъ, то проявлялось и научное общеніе: Ледевель, напримѣръ, написалъ критику на исторію Карамзина, и дѣльную критику, по времени; въ Вильнѣ вышелъ (въ сокращеніи польскомъ), скоро послѣ выхода въ Харьковѣ, «Обзоръ русскихъ древностей» Успенского и т. п. Послѣ 1830 года польское общество точно больше удалилось отъ русскаго, но не настолько все-таки, чтобы совсѣмъ перестать слѣдить за русскою литературою. Какъ можно видѣть изъ списка переводовъ на польскій языкъ съ русскаго, поляки слѣдили за русской литературой не довольно систематично; но то же слѣдуетъ сказать и о русскихъ. Русская литература и критика въ 40 годы пошла вглубь русского общества, стала принимать весьма серьезный характеръ, но въ то же время имѣла часто весьма домашній характеръ. Какъ только сфера литературы, науки, публицистики русской расширилась, то, какъ говорить и г. Чубинскій, и поляки стали обращать на нее больше вниманія. Тутъ, значитъ, не произошло никакого поворота у поляковъ, а произошло только увеличеніе важности того явленія, на которое мы желаемъ, чтобы поляки обращали вниманіе. А то, что же удивительнаго, если поляки не обращали вниманія, напримѣръ, на русскую переводную литературу, если таковой, по сознанію и г. Чубинскаго, вовсе почти не было? До послѣдняго времени условія нашей печати дѣлали невозможнымъ появленіе въ русскихъ переводахъ сочинений передовыхъ въ ту эпоху историковъ и политиковъ Европы: Гизо, Маколея, Шлюссера, Гервинуса, Лун-Блава, Мишле и т. п.; цѣлыхъ области науки, какъ, напримѣръ, политическая экономія, были сплошь почти недоступны нашей литературѣ; до сихъ поръ ей мало или вовсе недоступны многія сочиненія по истории религій, по византійской исторіи

(1833), а въ 1859 г. явился полный переводъ. Крылова басенъ есть на перевода: полный (1852) и избранные басни (пер. Глинскимъ, авторомъ „Wajazra Polskiego“, въ 1861—1862). Марлинскаго почти всѣ важнѣйшии вещи переведены въ 30—40-е годы. Даже мало пріятнаго полякамъ „Юрій Милославскій“ переведенъ давно на польскій и т. д. и т. л. Красинскаго „Небожественная комедія“ переведена была въ самое послѣднее время въ „Русскомъ Вѣстнике“, когда интерес къ ней долженъ былъ сильно испариться у самихъ поляковъ; то же надо сказать о „Мазенѣ“ Словинскаго.

и даже по восточнымъ древностямъ. Переводами же классиковъ, которые тоже притихли въ Россіи послѣ Александровскаго времени, а равно и переводами образцовыхъ поэтическихъ произведеній европейской поэзіи (Данте, Тассъ, Ариостъ, Камозенъ и т. д.), польская литература была богаче нашей. Въ послѣднее время русская переводная литература, особенно научная, стала расширяться и слѣдить за крупными новостями въ Западной Европѣ, и она стала находить себѣ публику въ польской молодежи. Не подлежитъ сомнѣнію, что та энергія, какую во многихъ мѣстахъ обнаруживаютъ въ послѣдние два-три года поляки по части переводной литературы (особенно въ Варшавѣ), объясняется, между прочимъ, и сознаниемъ необходимости конкурировать въ умахъ молодежи съ русской литературою. Пока еще русская переводная литература стоитъ впереди польской по научному отдѣлу; но если почему-либо притихнетъ то стремленіе русской печати слѣдить за важнѣйшими явленіями въ области европейской мысли, которое въ послѣднее время замѣтно въ ней, то поляки, при возможности печатать безпрепятственно книги въ Краковѣ, Львовѣ, Познаніи, конечно, обгонять насть. Практическіе выводы изъ сказанного сдѣлать не трудно: нужно и намъ не зпадать въ грѣхъ, въ коемъ обвиняемъ поляковъ, а главное, нужно прежде всего заботиться о расширѣніи нашей культуры и литературы, тогда поляки перестанутъ игнорировать ее. Для того же, чтобы наша культура повлияла на ассимиляцію поляковъ Западнаго края съ русскими, нужно, чтобы въ тамошнихъ центрахъ было побольше условій и простора для самодѣятельности русского общества. Два-три серьезныхъ независимыхъ журнала въ Кіевѣ, Вильнѣ, университетъ въ послѣднемъ городѣ, повлияютъ больше, чѣмъ всѣ репрессаліи и укоры полякамъ, зачѣмъ они не хотятъ знать насть, русскихъ, какъ культурный народъ.

Русские въ Галиції*).

Литературныя и политическая замѣтки.

Не безъ колебаний приступаемъ мы къ передачѣ результатовъ нашихъ наблюдений надъ нѣкоторыми сторонами общественной и литературной жизни у галицкихъ русскихъ, не безъ опасеній за интересъ нашего предмета для читателей. Несмотря на громкіе толки нѣкоторыхъ кружковъ, кружковъ у настѣ и въ Австріи, о «единствѣ» славяно-русскихъ интересовъ, а можетъ-быть, именно благодаря этимъ толкамъ, въ значительной части нашего образованнаго общества, и едва ли не въ большинствѣ его, существуетъ, говоря словами одного

*.) Эта статья была первоначально напечатана въ „Вѣстнике Европы“, 1873 г. январь и февраль, и подписана псевдонимомъ М. Т-опъ. „Русскимъ въ Галиції“ въ этой и въ слѣдующихъ статтяхъ авторъ называетъ галицкихъ русиновъ или украинцевъ, т.-с. ту часть украинскаго народа, которая живетъ въ Галиціи; то же наименование „русскихъ“ онъ примѣняетъ и къ русинамъ или украинцамъ, живущимъ на Буковинѣ и въ Венгрии. Конечно, такая терминология очень неудобна, такъ какъ она создаетъ путаницу. Въ свое время она была вызвана цензурными условіями; авторъ долженъ былъ жертвовать нѣкоторой определенностью выражений для того, чтобы иметь возможность печатно высказывать и распространять свои идеи. Когда авторъ, живя за границей, получилъ возможность выражать свои взгляды вполнѣ свободно, онъ самъ настаивалъ на томъ, что терминъ „украинцы“, какъ наиболѣе всеобъемлющій, больше всего подходитъ ко всѣмъ частямъ такъ называемаго малорусскаго народа. (Ср. М. Драгомановъ, „Собрание политическихъ сочиненій“, т. II, Парижъ, 1906, стр. 593 и сл. „Страхи украинскаго сепаратизма“. Эта статья будетъ перепечатана въ IV томѣ предлагаемаго изданія.) Перепечатываю здѣсь статьи автора, появлявшіяся въ подцензурныхъ изданіяхъ, мы, конечно, не можемъ замѣнить сбивчивой и пелесной терминологіи ихъ болѣе точной и опредѣленной. Эту неправильную терминологію надо отнести къ извѣстному колориту, который накладывала историческая эпоха на всѣ литературныя произведения, принадлежавшія къ ней. Устранить этотъ колоритъ невозможно, да и не сбѣдуетъ.

Прим. ред.

изъ пропагандистовъ у нась панславистскихъ идей, Гильфердинга, «ледяная холодность» къ славянскимъ дѣламъ, которые по временамъ прорывается рѣшительнымъ отвращенiemъ не только отъ разсужденій о славянскомъ единствѣ, но и отъ всякаго рода разговоровъ о «нашихъ западныхъ братьяхъ». даже столь близкихъ, какъ галичане. Говоря вообще, мы имѣемъ мало что можемъ сказать противъ этой «холодности» и противъ этого отвращенія. Дѣла западныхъ славянъ не представляютъ для нась того общечеловѣческаго интереса, какой имѣть жизнь великихъ передовыхъ народовъ Европы, а въ то же время дѣла эти — не наши домашнія дѣла, какъ бы они были этнографически съ нами иѣкоторые изъ этихъ славянъ. Вовсе не потому, чтобъ у нась было слабо чувство народности, а потому именно, что мы очень русскіе, т.-е. очень неравнодушны къ нашимъ русскимъ, домашнимъ дѣламъ, которые требуютъ особенно внимательной работы, общество наше за дѣлъ не только равнодушно къ дѣламъ западныхъ братьевъ нашихъ, но расѣ, а не по внутреннимъ задачамъ, но даже не чень и жалуетъ толки объ этихъ послѣднихъ, такъ какъ ни толки сводятся сейчасъ же на разсужденія о «напемъ славинскомъ призваніи», исполненіе котораго должно бы было излечь насть далеко отъ нашихъ существенныхъ домашніхъ задачъ. Къ тому же толки объ этихъ славинскихъ призваніяхъ задачахъ возникли было у нась и усилились вновь не въ чьи-то благопріятныя для нашего внутренняго развитія миты, и слишкомъ часто и слишкомъ удобно совмѣщаются насть съ неособенно благопріятными для этого развитія тенденціями. Благодаря, съ одной стороны, искусственности у нась славинскихъ тенденцій», а съ другой, благодаря упомянутому сейчасъ «совмѣщенію» ихъ, всѣ такие толки о славянскихъ дѣлахъ и разсказы о нашихъ западныхъ братьяхъ въ нашей печати какъ исходящіе отъ нашихъ писателей, такъ отъ западныхъ корреспондентовъ, не имѣютъ своимъ посѣдствиемъ даже фактическаго ознакомленія нашего общества съ дѣлами славянства, какъ они есть, такъ какъ эти писанія по большей части состоять изъ общихъ фразъ или прывочніхъ фактівъ, сопровождаемыхъ возгласами и односторонними комментаріями.

Вотъ хоть бы и сопредѣльная намъ Галиція: съ самаго 1867 года, со временемъ извѣстнаго славянскаго съѣзда, у нась

напечатано не мало корреспонденцій, передовыхъ статей и даже поль-книги объ этой ближайшей намъ по географіи и этнографіи австрійско-славянской землѣ. Но почти все напечатанное представляетъ только варіаціи двухъ-трехъ фразъ въ такомъ родѣ: «вотъ, моль, несчастные соглеменники наши, оторванная плоть отъ плоти нашей, кость отъ кости нашей, страждуть подъ польско-нѣмецкимъ гнетомъ именно потому, что они оторваны отъ насъ; будь они съ нами, ничего подобного бы не было, и они, несчастные, чувствуютъ это, завидуютъ нашему положенію, а потому рвутся къ слитію съ нами, кромѣ нѣсколькихъ измѣнниковъ народу русскому, купленныхъ или отуманиенныхъ коварною польскою интригою». Никакихъ фактическихъ данныхъ ни о положеніи ни о настроеніи народа въ Галиціи, о степени умственнаго развитія тамошней интеллигентії, о внутреннемъ вѣсѣ тѣхъ круговъ, которые простираются оттуда къ намъ длані, ни тѣхъ, которые отворачиваются отъ насъ, въ такихъ разсказахъ не найдете. Не найдете также строгаго взвѣшиванія своихъ словъ и у тѣхъ, которые обращаются къ галичанамъ съ обнадеживаніями, точно для того, чтобы подать помощь сосѣдямъ, и даже передвинуть границу государства, достаточно только одного почерка пера и притомъ совершенно частнаго лица. Такимъ образомъ разговоры о нашихъ соглеменникахъ, продолжающіеся вотъ уже добрыхъ пять-шесть лѣтъ, если не болѣе, до сихъ поръ не дали намъ даже фактическаго знакомства съ Галиціей и вообще не произвели другого практическаго результата, кромѣ эмиграціи къ намъ на разныя служебныя мѣста нѣсколькихъ лицъ изъ Галиціи. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно сказать, что, исключая Холмскаго края, куда эмигрировало нѣсколько духовныхъ галицкихъ, оказавшихся олье полезными тамъ, чѣмъ сильно ополяченные туземные уніатскіе священники, эмиграція изъ Галиціи не увеличила симпатій нашего образованнаго общества къ нашимъ заграничнымъ соглеменникамъ. По всѣмъ этимъ причинамъ мы совершенно понимаемъ не совсѣмъ благосклонное отношеніе русскаго читателя къ толкамъ объ этихъ соглеменникахъ.

И однакожъ мы рѣшаемся говорить о нихъ, но предварительно предупредивъ читателя, что не будемъ ни гавалерски относиться къ государственнымъ границамъ, ни обнадеживать ни устрашать кого-либо, не будемъ увлекаться фразами о

русско-славянскомъ єдинствѣ, а постараемся, насколько возможно, передать фактами политическое и литературное положеніе Галиціи, и въ критикѣ тамошнихъ дѣлъ держаться не только субъективныхъ взглядовъ, сколько оцѣнки ихъ стоянки зрѣнія тамошнихъ интересовъ, т.-е. интересовъ тамошнаго народа. Мы убѣждены, что совершенно игнорировать жизнь страны, которая прилегаетъ къ нашимъ границамъ, съ которой мы уже связаны одною прямую желѣзной дорогой и горо свяжемся другою, не совсѣмъ резонно. Къ тому же, мало того, что масса народа въ этой странѣ принадлежитъ къ одной народной группѣ съ нашей, дѣла Галиціи находятся въ нѣкоторомъ соотношеніи и съ нашими домашними дѣлами, такъ какъ страна эта, населенная русскими, поляками и евреями, представляетъ въ миниатюрѣ наши западныя губерніи и Царство Польское. Отъ этого въ Галиціи мы можемъ наблюдать дѣйствие многихъ тѣхъ же самыхъ общественныхъ элементовъ, что и у насъ, хотя и съ нѣкоторыми вариаціями. Впрочемъ, эти вариаціи дѣлаются тѣмъ болѣе интересными наблюденія надъ Галиціей, такъ какъ даютъ возможность по сравненію опѣнить значение многихъ нашихъ домашнихъ элементовъ и сильь, изучить влияніе ихъ на положеніе нашихъ обширныхъ областей на западъ отъ Днѣпра, въ которыхъ, несомнѣнно, замѣчены наши весьма важные народные и государственные интересы.

У насъ принято жаловаться на безпомощное положеніе пытевъ нашихъ подъ давленіемъ «польской интриги» и тѣмъ самымъ косвенно призывать наше общество, и чуть не правительство, столь, по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ, блистательно борющихся съ этой интригой у себя дома, приняться борьбу съ нею и за предѣлами государства нашего, по вѣдѣлахъ все нашего же русского племени. И дѣйствительно, положеніи нашихъ соплеменниковъ, галицкихъ русиновъ и «русихъ», какъ они себя называютъ, есть много печально. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Австріи установилась конституционная система, русины все больше и больше лишаются за счетъ центрального правительства, а мѣстное правительство всецѣло переходитъ въ руки поляковъ, при чемъ желанное для всего славянства въ Австріи и одобряемое и паними «печальниками» галицко-русского народа торжество терративной системы въ Австріи, т.-е. автономіи такъ назы-

ваемыхъ «коронныхъ земель» ея, должно еще болѣе отдать русиновъ подъ политическое господство поляковъ. Но въ то же время, если нынѣшняя конституціонная система въ Австріи и тѣ формы, къ которымъ она можетъ перейти въ ближайшемъ будущемъ, и мало благопріятствуютъ русинамъ политическими-административными путями, то та же система, расширивъ поле частной и общественной дѣятельности, даетъ русинамъ для борьбы за свою народность такія могущественные орудія, какихъ, напр., мы въ Западномъ краѣ имѣть не можемъ. Всѣдѣствие этого въ то время, какъ мы можемъ по справедливости гордиться въ Западномъ краѣ устройствомъ поземельныхъ отношеній между русскими крестьянами и польскими помѣщицами, болѣе выгоднымъ для первыхъ, чѣмъ введенное послѣ 1848 г. въ Галиціи, хотя перевѣсь результатовъ нашихъ мѣръ, сравнительно съ австрійскими, и ослабляется нашей все еще старой податной системой, но зато у насъ русскій театръ существуетъ даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Киевъ и Вильна, только благодаря казеннѣй субсидіи, на какую мы завели въ этихъ мѣстахъ и русскія газеты, между тѣмъ въ Галиціи интелигентія которой не отличается материальными богатствомъ, уже давно существуетъ русскій театръ, десять периодическихъ изданій почти исключительно общественными средствами. Наконецъ послѣ 1863 г. у насъ замѣтили, что именно подъ нашею государственною властью — послѣ сопряженія съ такими трудами и (какъ показываетъ напечатанная въ давно въ «Вѣстнике Европы» статья о. Морошкина) съ такимъ давленіемъ на духовныя лица и даже на народныя массы упраздненія униї въ 1839 г. въ предѣлахъ западныхъ губерній, — оставшаяся въ губерніяхъ Царства Польскаго униї принялъ почти окончательно католической и польской характеръ, тогда наше правительство оказалось въ необходимости вынуждать изъ той же Галиціи униатскихъ духовныхъ съ национально-русскимъ направленіемъ и съ стремлѣніями охранять «чистоту восточного обряда», духовныхъ, которые успѣли образоваться именно въ Австріи даже подъ господствомъ системы, коей характериимъ выразителемъ былъ конкордатъ Баха съ польскимъ дворомъ. Оттуда же выписывались въ первые годы послѣ 1863 и учителя и учебники для русско-униатскаго населения Царства Польскаго. И много бы мы могли привести фактовъ показывающихъ, что общественная борьба за освобожденіе

ренної національності оть преобладанія польського меншинства ідеть въ предоставленной, повидимому, всецѣло политики-административной власти поляковъ Галиции гораздо успѣшише, чѣмъ у насть въ Западномъ краѣ, и во всякомъ случаѣ стоить не такъ безнадежно, какъ часто говорятъ о томъ наши публицисты и корреспонденты. Если же съ развитіемъ конституціоннаго порядка въ Австріи политическое значение русиновъ, чрезъ влияніе на представительство мѣстное (сеймъ Галиції) и центральное (вѣнскій рейхстагъ), вмѣсто того, чтобы усиливаться, уменьшалось, то этому причина не столько какая-то органическая вражда нѣмецко-мадьярской партіи, заправляющей политикой въ Австріи съ 1866 г., къ русскому племени, какъ объ этомъ часто пишутъ у насть, сколько собственная политическая неспособность и неразвитость тѣхъ кружковъ, которые представляли въ политикѣ и литературѣ галицко-русскій народъ съ 1848 года.

I.

Очень много пришлось бы намъ писать, если бы мы захотѣли передать вполнѣ исторію русинскаго національнаго движения съ 1848 г. до сихъ поръ, а потому мы только ограничимся самыми крупными фактами изъ литературнаго движения среди русиновъ, чтобы сдѣлать понятнымъ читателю ихъ нынѣшнее политическое положеніе и нынѣшнія стремленія въ русинскомъ обществѣ.

У поляковъ долго было въ ходу выраженіе, что «русиновъ выдумаль», въ 1848 г., гр. Стадіонъ, намѣстникъ въ Галиції, для парализованія польскихъ либерально-революціонныхъ стремленій. Это выраженіе въ послѣдніе годы стало смѣняться мнѣніемъ, будто русиновъ выдумала уже «московско-православная (схизматическая) интрига» для того, чтобы опять прописнуться въ послѣдній остатокъ либеральной Польши и поубить Австрію, а съ нею чуть не всю западную цивилизацию¹⁾. Читатель долженъ вспомнить, что у польскихъ публи-

1) Ссылаемся на любую галицко-польскую газету 1861—1866 гг. и на весьма характерный романъ Захарьясевича „Святый Юръ“ (Swiety jur). Романъ этотъ изъ Галиціи то же самое, что наши „Маревы“ и „Панурговы стада“ для Россіи.

цистовъ и политиковъ «схизма» и «московскіе рубли» играютъ такую же роль, какъ у нашихъ «польская интрига», а мы замѣтимъ по этому поводу, что благо тѣмъ, кто способенъ довольствоваться такими отмычками ко всякимъ труднымъ общественнымъ вопросамъ! Легко тому на свѣтѣ... писать передовыя статьи, романы, произносить рѣчи и даже писать циркуляры! Жаль только, что обществамъ и народамъ приходится нести отвѣтственность за ту путаницу и остановку въ дѣйствительномъ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, которая бываетъ послѣдствиемъ долговременной игры въ такія легкія объясненія... Но, это въ сторону! Конечно, русиновъ выдумали не графъ Стадіонъ, но ему пришло въ голову выдвинуть на политическую арену кружки галицко-руссихъ духовныхъ и литераторовъ, которые уже и передъ тѣмъ не чужды были національныхъ идей и стремлений, навѣянныхъ такъ называемымъ славянскимъ возрожденіемъ, да только сами хорошо не могли формулировать своихъ идей, а особенно своихъ практическихъ стремлений. Кромѣ духовныхъ, которые по-своему были привержены къ своей двуликой церкви, и у которыхъ бродила яснѣ другихъ развѣ только идея сохраненія и очищенія по старымъ книгамъ открытаго ими «восточнаго обряда», русинскіе патріоты были стихотворцы, не знавшіе даже на какомъ языкѣ имѣть писать: на томъ ли, на какомъ писались вирши и духовныя сочиненія въ Малороссії и Литвѣ въ XVII—XVIII вв., и который съ грѣхомъ пополамъ, принимая все больше польскіе, латинскіе и лѣмѣцкіе элементы, а иногда и заблудившіеся «rossijskie», дожилъ до послѣднихъ дней въ духовныхъ семинаріяхъ Галичинѣ; на «rossijskomъ» ли, на которомъ доходили до Галичинѣ столь прекрасныя для ея литераторовъ оды Ломоносова, Державина и т. д.; или на малороссійскомъ, на которомъ забрели въ Галицию думы, изданныя Максимовичемъ, стихи Метлинскаго, повѣсти Квитки и который былъ такъ сходенъ съ народно-галицкимъ (хлопскимъ), что г. Максимовичъ, коего правописаніе принималось галицкими литераторами, совѣтоваль галицкимъ литераторамъ именно этимъ языкомъ и писать ихъ произведенія. Немногочисленные филологи и археологи галицкіе составляли также немалую относительно часть мѣстной русской интеллигенціи. Они находили въ старыхъ книгахъ русскій народъ, русскую исторію и языкъ, да только затруднялись

найти все это въ современности, ибо видѣли у себя русскаго только, какъ говорили поляки, «поповъ и хлоповъ», и подобно полякамъ стыдились признать «хлоповъ» за настоящій русскій народъ, а рѣчь ихъ за тотъ искомый русскій языкъ; а потому, когда они затѣвали писать «русскую грамматику» подъ стать другимъ грамматикамъ, извѣстнымъ въ школьно-ученомъ мірѣ, то заносили туда всякаго рода формы, отъ церковно-славянскихъ включительно, но всего менѣе хлопскія. А когда эти филологи или археологи хотѣли подѣлиться своими трудами съ публикой, то писали или по-нѣмецки, или по-польски, или изрѣдка «по-российски». Въ послѣднемъ не было ничего и странного, въ тѣхъ случаяхъ, когда авторы прослѣдовали исключительно научныя цѣли и по необходимости должны были искать себѣ публики за предѣлами своего народа. Но дѣло въ томъ, что тѣ, которые начинали въ Галиції русское возрожденіе, до того сами были отрезаны отъ народа, что и на будущее время не допускали мысли о литературѣ для народа и сами съ презрѣніемъ относились къ нему, какъ къ хлопамъ. Исключеніе составлялъ развѣ Маркіанъ Шашкевичъ (1811—1843), который не только собиралъ народныя пѣсни и подражалъ имъ, но и думалъ о воспитаніи народа, переводилъ на его рѣчь евангелія и своею приверженностью къ «хлопамъ» возбудилъ даже неудовольствіе многихъ собственныхъ земляковъ. Но Шашкевичъ рано умеръ, многое изъ его писаній и переводовъ, въ томъ числѣ евангелія, осталось въ рукописяхъ, да и ему самому не приходила въ голову возможность политической дѣятельности, опиравшейся на массу народа; даже и онъ сочинилъ оду на смерть императора Франца I, при которомъ господствовала вреднѣйшая для народа всѣхъ австрійскихъ национальностей государственная система: «Печаль по смерти его величества блаж. пам. Цѣсаря намъ щастливо пановавшаго Франца I». А вотъ какъ относился къ народу одинъ изъ часто прославляемыхъ и у насъ дѣятелей недавней галицко-русской литературы историкъ Денись Зубрицкій, человѣкъ, дѣйствительно, трудолюбивый и ученый. Сначала онъ написалъ исторію Львова по-польски, а потомъ исторію княжества Галицко-Володимирскаго по-русски или, какъ говорятъ въ Галиціи, «по-российски», и вотъ что говорилъ онъ уже въ 1855 г.: «Есть мрачные иступленники или

скорѣе низкіе невѣжды, въ лѣнѣ доселѣ проживавшиѣ, пренебрегавшиѣ всякую науку собственнаго языка, употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушивавшиеся только простонародному и разговору собственныхъ слугъ и работниковъ и желавшиѣ теперь, чтобы мы писали свою исторію на областномъ нарѣчіи галицкой черни. Странное требование! Исторіи пишутся для образованаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтиря». Въ приведенныхъ словахъ мы считаемъ характерными, особенно, подчеркнутыя. Что уваженія къ народу въ нихъ немнogo, этого, памъ кажется, разъяснить нечего, и ясно, что такое отношеніе къ народу приводило за собою и презрѣніе къ его рѣчи. Безъ опоры на живой народъ возможны археология и даже, пожалуй, стихотворство (ибо писать же стихи и языккомъ умершихъ народовъ), но нерозможны живая поэзія и беллетристика, а еще меньше народно-политическая дѣятельность.

Понятно поэтому, что когда люди, относившиеся къ народу, какъ Зубрицкій, вызваны были событиями 1848 года на политическую сцену, то сдѣлали не много для народа, а потому, наконецъ, остались вовсе безъ опоры передъ новыми дуновеніями въ официальныхъ сферахъ. Самое существенное, и едва ли не единственное-существенное, сдѣланное для народа въ Галиции послѣ 1848 г., было прекращеніе оставшихся послѣ мѣръ Іосифа II видовъ крѣпостной зависимости русинскихъ крестьянъ отъ польскихъ помѣщиковъ; но это дѣло было совершено исключительно центральнымъ правительствомъ безъ всякой не только практической, но и теоретической помощи и участія русинской интеллигенції: и до сихъ поръ въ галицко-русской литературѣ нѣть и одного сочиненія не только такого, которое бы приготовило общество къ эмансипаціи крестьянъ, но даже и историко-статистического обозрѣнія мѣръ по крестьянскому дѣлу и его теперешняго состоянія. Да и вообще до самаго послѣдняго времени, за самыми ничтожными исключеніями, представители галицко-русской интеллигенціи практическими соціальными вопросами народной жизни не занимались. Въ длинный періодъ времени съ 1848 до 1866 г., когда центральное правительство заявило намѣренія покровительствовать русинамъ, представители этихъ по-

следующихъ ничего почти не дѣлали, какъ только заявили свою преданность правительству и поддерживали его во что бы то ни стало по всемъ вопросамъ въ сеймѣ галицкомъ и винскомъ (съ 1861 г.). Представители же эти были по большей части духовные, которые одно время даже публично высказывали, что они-то именно и составляютъ «народъ» русинской, а не «хлопы». Если были ясно сознанныя стремления у тогдашнихъ галицкихъ духовныхъ, особенно у главы ихъ, львовского митрополита барона Кирь-Яхимовича, такъ это намѣреніе возстановить «чистоту восточного обряда», что считалось равносильнымъ возстановленію русской народности, и съ этою цѣлью воспитаніе въ такомъ духѣ кандидатовъ на духовныя мѣста и обеспеченіе положенія духовныхъ въ экономическомъ отношеніи съ тѣмъ, чтобы поставить ихъ въ большую независимость отъ помѣщиковъ-поляковъ. Нельзя отрицать, что съ формальной и отрицательной стороны дѣятельность митрополита Яхимовича и духовно-уніатской, такъ называемой «святоюрской» партіи (отъ монастыря святого Юрия) имѣла известную заслугу для идеи русской народности въ Галиціи, но заслуга эта была формальная и отрицательная: политические кружки въ Австрии привыкли знать, что есть въ Галиціи, кромѣпольского, элементъ русскій, а духовенство уніатское, въ теченіе известнаго времени подбираемое въ одномъ духѣ, составило первый организованный кадры русинскаго национальнаго направленія. Но очень ошибаются галицкіе и наши хвалители тѣхъ временъ, когда святоюрская партія существовала, какъ довольно многочисленное, единое и нераздѣльное тѣло, если не видѣть всей недостаточности и односторонности ея дѣятельности, которая и привели, наконецъ, къ раздѣленіямъ и къ настоящей политической ничтожности этой партіи. Сосредоточить все свое вниманіе на дѣлахъ церковныхъ, не имѣя другого компаса политического, кромѣ желанія дѣйствовать во всемъ наперекоръ полякамъ и въ рабскомъ повиновеніи центральному правительству, святоюрская партія не приготовила себѣ никакой крѣпкой опоры въ краѣ, ни въ народѣ, ни даже въ слояхъ, ближе стоявшихъ къ духовенству. Не говоря о политикѣ, даже литература и школа, которая всецѣло были въ рукахъ святоюрцевъ, не далеко подвинулись во время ихъ процвѣтанія. Съ помощью правительства и правительственныхъ кружковъ, т.-е. слу-

жакъ даже изъ поляковъ, какъ гр. Голуховскій, были заведены въ Львовѣ въ 1849 г. русинскій клубъ съ библиотекой и пр., «Народный Домъ» и общество «Руска Матица», которыхъ цѣлью было объявлено развитіе русинской литературы и образования. «Матица» стала издавать «Науковый Сборникъ» и «Галицкую Зорю», но оба изданія, кромѣ нѣсколькихъ археологическихъ и этнографическихъ статей не дали ничего сколько-нибудь живого и интереснаго, и, чѣмъ дальше, выходили все рѣже, пока и вовсе прекратились. Для народного же образования въ собственномъ смыслѣ «Матица» не сдѣлала вовсе ничего, несмотря на то, что имѣть капиталъ въ 20 тысячъ гульденовъ. Не очень больше сдѣлано было ю и по части составленія учебниковъ для среднихъ школъ и для университетскаго курса, хотя въ Львовскомъ университѣтѣ были учреждены три русскія каѳедры, и самимъ императоромъ было обѣщано расширить участіе русскаго языка въ преподаваніи въ этомъ, какъ сказалъ императоръ, «руssкомъ» университетѣ.

Мы, впрочемъ, не думаемъ обвинять личности святоюрцевъ за бесплодность ихъ дѣятельности; самая главная причина этой бесплодности было малое число людей русской интеллигентіи и при этомъ числѣ тѣ качества, какія могли выработаться при исключительно семинарскомъ образованіи. 1860 годъ принесъ было нѣкоторое оживленіе въ святоюрскую партію, вслѣдствіе провозглашенія конституціи въ Австріи. Святоюрскіе правящіе круги почувствовали необходимость учрежденія постояннаго періодического органа на русинскомъ языкѣ и основали газету «Слово», выходящую три раза въ недѣлю. Но люди, которые были такъ долго послушными орудіемъ реакціонно-абсолютистской бюрократіи нѣмецкой, не могли оказаться искусствами политиками въ той сложной конституціонной борьбѣ, которая завязалась съ тѣхъ поръ въ Австріи. Когда только заявлено было правительству намѣреніе созвать парламентъ имперскій, и еще не извѣстно было, какой статутъ получить Галиція, а уже святоюрцы составили адресъ о довѣріи (Vertraungsadresse) къ министерству Шмерлинга, съ которымъ депутація галицкихъ духовныхъ отправилась въ Вѣну. Тамъ она принимала участіе въ выработкѣ статута галицкаго сейма, въ которомъ избирательный законъ составленъ такъ, что русины всегда останутся въ меньшин-

ствъ¹⁾). А такъ какъ святоюрскіе политики не приготовили почвы для политической силы своей, даже въ тѣхъ предѣлахъ, какіе давалъ имъ избирательный законъ, то и могли держаться даже въ сеймѣ львовскому только пока того хотѣла администрація, всегда имѣющая въ Австріи большое вліяніе на выборы. А въ первые годы послѣ 1860 года администрація австрійская поддерживала святоюрцевъ такимъ образомъ, что русины имѣли обыкновенно до 40 депутатовъ, болѣею частію священниковъ, которые составляли очень часто болѣе трети наличныхъ депутатовъ на львовскомъ сеймѣ и хотя не могли, не вступая въ соглашеніе съ другими партіями, ничего существенного сдѣлать для своего народа, зато могли служить сильнымъ тормозомъ для стремленій польскихъ депутатовъ и, посыпая 10—12 членовъ въ вѣнскій рейхсрать, могли доставлять довольно чувствительный контингентъ для нѣмецко-

1) Въ галицкомъ сеймѣ, кроме 9-ти членовъ, или назначаемыхъ, или такихъ, которые имѣютъ голоса по ихъ должностямъ въ краѣ (Virilstimmen), положено быть 141 депутату, изъ коихъ крупные поземельные собственники выбираютъ 44, города и торговыхъ камеры—23, сельскія общины—74. Такимъ образомъ число депутатовъ отъ крупныхъ собственниковъ относится къ общему числу, какъ 1: 3, а къ числу депутатовъ отъ села, — какъ 1: 1 $\frac{1}{4}$. Между тѣмъ, по счетамъ 1861 г., крупные поземельные собственники платили всего 1.254.695 гульд. податей, а общины, — 3.293.431, т.-е. подати крупныхъ землевладѣльцевъ относились къ податямъ общинъ, какъ 1: 2 $\frac{9}{14}$; следовательно, если даже не брать за основу представительства число населенія, а разсчитать число голосовъ по австрійской системѣ представительства интересовъ, то на 44 депутата отъ крупныхъ собственниковъ села должны были посыпать 99 депутатовъ. Города, въ которыхъ русины тоже мало имѣютъ силы, принадлежа разѣ къ бѣдному мѣщанству, но въ которыхъ силы полики и особенно евреи, тоже посыпаютъ слишкомъ много депутатовъ пропорционально несомой ими тяжести налогової: города платили въ 1861 году только 574.000 гульд. налоговъ, изъ коихъ высшіе налоги, т.-е. платимые тѣми, которые имѣютъ участіе въ выборахъ (на послѣдніхъ выборахъ въ Львовѣ голосовало только съ небольшимъ 3.000 человѣкъ, тогда какъ въ городе 70.000 жителей), составляли только 233.000 гульд., тактъ что, если взять даже отношеніе общей цифры налоговъ, платимыхъ городами, къ налогамъ всего края, то и тогда торгово-ремесленныи корпорации въ города не должны бы посыпать болѣе 1 $\frac{1}{9}$ числа всѣхъ депутатовъ, т.-е. 16, а не 23. Очевидно, что справедливость требовала бы и иного распределенія налоговъ и иного распределенія представительства изъ пользу сельскихъ классовъ. Очевидно также, что одобрение дѣйствующаго избирательного статута въ Галиции русинскими клерикальными вождями въ 1861 г., вознагражденными Шмерлингомъ за поддержку мѣстами въ сеймѣ львовскомъ и въ палатѣ господъ, есть непростительная оплошность и забвеніе интересовъ народа.

централистической партии. Прибавимъ, что послѣдняя имѣла помошь и въ 12—13 членахъ изъ русинскаго высшаго духовенства въ палатѣ господь. Для того, чтобы отѣнить всю политическую неспособность святоюрскихъ клерикаловъ, нужно замѣтить, что въ первыхъ собраніяхъ галицкаго сейма было немало депутатовъ изъ сельскихъ жителей западной,польской части Галиціи, а сельскіе классы и здѣсь не очень-то были проникнуты официальнымъ польскимъ патріотизмомъ, въ нихъ еще далеко не угласли тѣ чувства, которымъ выразились въ знаменитой рѣзинѣ 1846 г., замѣтите, произведенной не въ русинскихъ округахъ, а въ чисто польскихъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы русинскіе политики обратились сразу къ вопросамъ элементарнымъ, къ экономіи, школамъ и т. п., то могли бы встрѣтить поддержку и въ польскихъ крестьянахъ. Но такие вопросы считались святоюрцами слишкомъ уже хлопѣскими, и они не только не встрѣтили сочувствія у польскихъ поселенцѣ, но не вызвали серьезнаго къ себѣ вниманія и у своихъ. И въ Львовѣ и въ Вѣнѣ святоюрцы занимались только оппозиціей quand mme полякамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и венграмъ, наконецъ, и самимъ чехамъ, когда и эти высказались противъ Шмерлинговской конституції, т.-е. всѣмъ разнообразнымъ конституціонно-федеральнымъ партіямъ въ Австріи, что, конечно, вовсе не вязалось съ тѣми славянофильскими идеями, которыя стали проникать и въ Галицію. Мы бы, впрочемъ, не слишкомъ строго судили дѣятельность святоюрцевъ, если бы эта помощь ихъ нѣмецко-бюрократическому и потомъ буржуазно-централистическому элементу не оказывалась совершенно платонической. Мы очень хорошо видимъ, что въ Австріи, преимущественно между славянами, всѣ разговоры о единствѣ, систематичности и даже, увы, о честности и согласіи дѣйствій съ либерализмомъ, суть не что иное, какъ фразы, а въ существѣ дѣла каждое племя хватается за всякий случай, за всякую партію, лишь бы добѣть себѣ что-нибудь¹⁾. Но дѣло въ томъ, что святоюрцы развѣ нѣкоторые добыли себѣ мѣста, а своему народу не добыли ничего своею услугливостію бюрократии и нѣмцамъ.

1) Припомнить, какъ недавно далматинцы оставили, за обѣщанія нѣсколькохъ уступокъ, лагерь „staatsrechtlichen Opposition“, послѣ паденія Гогенварта министерства.

Мы не станемъ, конечно, подобно полякамъ, укорять русинъ политиковъ 1861 г. за ихъ оппозицію полякамъ въ принципѣ; борьба русиновъ съ поляками до извѣстной степени есть явленіе совершенно естественное, такъ какъ въ Восточной Галиції поляки составляютъ элементъ привилегированій, а русины — подавленный. Но слѣпую оппозицію полякамъ во то бы то ни стало, равно какъ слѣпую вѣру и службу польско-централістическому элементу не можемъ не назвать проявленіемъ политической неспособности, неумѣнія стать въ независимое положеніе. За нашъ приговоръ громко говорить безплодность тогдашней парламентской дѣятельности русинскихъ политиковъ. Нацуганные относительно немалымъ числомъ русинскихъ депутатовъ въ сеймѣ, а равно и ихъ недімымъ почетомъ у центрального правительства, поляки готовы были на уступки русинамъ. По крайней мѣрѣ въ 1861 году при обсужденіи вопроса объ устраниеніи изъ администраціи Галиції нѣмецкаго языка поляки по предложенію князя Юрія Любомирскаго подали голоса за то, чтобы опись замѣнить не толькопольскимъ, но и русинскимъ. Кромѣ того депутаты поляки уговорились съ русинами, что изъ послѣднихъ выберутъ депутатами въ Вѣну тѣхъ, кого сами русины захотятъ. Очевидно, что, составляя русинскіе депутаты партію людей, понимающихъ народные интересы, ставящихъ ихъ выше личныхъ и, главное, способныхъ независимо держаться, они бы могли, заявивъ прямо свои принципы и цѣли, входить въ компромиссы по частнымъ вопросамъ съ различными партіями какъ въ сеймѣ, такъ и въ имперской думѣ, добиваться шагъ за шагомъ расширенія правъ своего народа. Но русинскіе депутаты слишкомъ привыкли служить и прислуживаться, а потому безразсудно предались бюрократическо-нѣмецкой партіи, избравъ имѣсто парламентскаго пути систему адресовъ и петицій прямо министерству. Перечень нѣкоторыхъ вопросовъ, о которыхъ въ богатый адресоподаніемъ періодъ 1861—1863 гг. подавали прошенія русинскіе депутаты правительству г. Шмерлинга, и сопоставленіе прошеній съ результатами ихъ показываютъ нагляднѣе справедливость нашей оцѣнки политическихъ талантовъ русинскихъ политиковъ. Количество петицій въ предметахъ народныхъ нуждъ въ числѣ другихъ, поданныхъ русскими депутатами въ 1861—1863 гг., весьма неве-

лико; настойчивость ходатайствъ о такихъ нуждахъ еще
меньше, результаты же ходатайствъ у центрального прави-
тельства равны нулю. Такъ въ 1861 г. русские депутаты за-
мѣтили, что рѣшеніе вопроса о сервитутахъ (выпасахъ, лѣ-
сахъ, водопояхъ и т. п.) совершено было вовсе не въ пользу
крестьянъ, т.-е. большинства русского народа въ то время,
когда администрація пѣрмѣцкая, казалось, такъ покровитель-
ствовала русинамъ, и когда политические вожди послѣднихъ
возлагали все упованіе на цесарскую администрацію. Поэтому
въ 1861 г. русинские депутаты послали петицію въ Вѣну о
пересмотрѣ вопроса о сервитутахъ, но петиція не имѣла вовсе
никакихъ послѣдствій, такъ что мы въ правѣ думать, что
результаты были бы лучше, если бы русинские политики,
обобщивъ вопросъ, сумѣли перетянуть на свою сторону въ
этомъ дѣлѣ польскихъ крестьянскихъ депутатовъ. Въ томъ же
году русины просили о переводе на русскій языкъ законовъ,
но получили отвѣтъ Шмерлинга, что съ этимъ дѣломъ надо
подождать, такъ какъ у правительства нѣть теперь средствъ
на изданіе подобнаго перевода. Такимъ образомъ у Шмерлинга,
которому русины вотировали безусловное довѣріе, не нашлось
для нихъ какой-нибудь тысячи гульденовъ. Очевидно, что
не стоило расходиться съ поляками, которые предложили
ввести въ отправленіе публичной жизни края вмѣсто пѣрмѣц-
каго языка русинскій и польскій, чтобы получить такой
отвѣтъ. Просьба о предоставлениі русинамъ гимназій оставила-
лись тоже безъ удовлетворенія. Даже не удовлетворена была
просьба объ увеличеніи жалованья священникамъ. Только
просьба о предоставлениі печатанія и продажи первоначаль-
ныхъ учебныхъ книгъ институту Ставроигіальному была
удовлетворена хотя и послѣ Шмерлинга, но, какъ всякая
монополія, эта уступка полезна не столько обществу и на-
роду, сколько самой лаврѣ Ставроигіальной. Междупросъ-
бами, которая правительство обѣщало удовлетворить и тѣмъ
водило за собою русинскихъ политиковъ-клерикаловъ, боль-
шое количество занимаютъ такія, какъ, напр., объ установлении
епископіи въ Станиславовѣ, о постройкѣ дома капитула въ
Львовѣ, объ учрежденіи инфузаторы при клирахъ въ Львовѣ,
о предоставлениі митрополиту званія тайного совѣтника, объ
увеличеніи жалованья львовскому владыкѣ и т. д. Но самый
главный вопросъ, изъ-за котораго русинские депутаты пролили

столько поту и черниль при писаніи адресовъ и петицій къ императору съ 1861 по 1871 г., бытъ вопросъ объ администра-
тивномъ и политическомъ раздѣленіи искусственно сложенной
грамотой, которой въ 1772 г. Станиславъ-Августъ отрекся въ
пользу Австріи отъ земель, составляющихъ нынѣ Галицію,
имперской области, называемой теперь на официальномъ языке:
королевство Галиція и Владимирія (*Lodomerien*) съ великимъ
княжествомъ Краковомъ. Дѣйствительно, Галиція русская, во-
сточная, т.-е. Галиція собственно, не только отличается этно-
графически отъ западной, т.-е. польской, но даже Марія-Терезія
въ свое время объявила притязаніе на Галицію, какъ королева
Венгріи, по родству старинныхъ королей Венгріи съ князьями-
королями русского Галича, т.-е. Галиціи собственно. Въ 1848 г.
послѣ уничтоженія тогдашней кратковременно существовав-
шей конституції австрійской Галиція и была раздѣлена, но
уже съ 1850 года министерство вновь стало соединять обѣ
области, и по октябрьскому диплому 1860 г. и Шмерлинговой
конституції 1861 г., составленной съ согласія и одобренія и
галицкихъ политиковъ, Галиція признана одною имперскою
землею съ Краковомъ. Измѣнить это соединеніе теперь уже
корона не могла своюю властю безъ согласія палатъ, такъ
какъ теперь конституціи земель уже не могутъ быть октроиро-
ваны, какъ было въ 1860 и 1861. Очевидно, что галицкіе
политики оказались крѣпки заднимъ умомъ. Не знаемъ, въ
какой степени можно приписывать Шмерлингу маккіавелизмъ,
но, установляя съ согласія и поляковъ и русиновъ въ 1861 г.
единство Галиціи, онъ прекрасно послужилъ интересамъ цен-
трализма: раздѣленные русины и поляки занялись бы, каждый
народъ своими дѣлами и, конечно, скоро дошли бы до идей
федеральныхъ; соединенные они грызутся между собою, и,
боясь господства поляковъ, русины подавали голоса за цен-
тралистовъ, а за господство надъ русинами то же самое сдѣ-
вали въ 1867 г. и поляки. Разумѣется, что, какъ элементъ
 aristokratischer, поляки все-таки успѣваютъ больше полу-
чить и отъ федералистическихъ и отъ централистическихъ
чѣль въ Вѣнѣ, а русины всегда остаются въ накладѣ, какъ бы
вѣрно ни служили вѣнскимъ бюрократамъ. При теперешнихъ
обстоятельствахъ австрійское правительство не имѣетъ уже
никакого права раздѣлять Галицію; ни корона, ни самый
райхсрать не рѣшился на такое дѣло, которое сдѣлаетъ изъ

поляковъ непримиримыхъ враговъ той и другого. Поэтому русинамъ до времени гораздо практичнѣ было бы и не поднимать этого вопроса, а оставалось только путемъ политической борбы на почвѣ существующихъ установленій добиваться огражденія своихъ національныхъ интересовъ и главное приготовлять свой народъ къ сознательному и твердому участію въ политической жизни. Со временемъ, имѣя за себя весь свой народъ, можно будетъ подумать и о раздѣлѣ Галиции.

Былъ еще одинъ резонъ въ 1861—1863 гг., по которому австрійская бюрократія не очень-то наклонна была дѣлить Галицию, такъ чтобы въ одной половинѣ ея русскій элементъ оказался господствующимъ. Резонъ этотъ не только не исчезъ, но съ нѣкоторыми вариаціями еще усилился съ тѣхъ поръ. Австрійская бюрократія боится родства Галиціи съ Россіей, потому что близорукіе централісты-государственники въ Европѣ никакъ не могутъ взять въ толкъ, что національность тогда только есть условіе для государственного сепаратизма, когда населеніе извѣстной національности терпитъ ущербъ въ своихъ политическихъ правахъ или стѣсненіе своего духовнаго и національнаго развитія въ извѣстномъ государственномъ тѣлѣ. А казалось бы, если кому слѣдуетъ вполнѣ понимать это дѣло, такъ австрійцамъ, которые видѣть по сосѣдству у себя Италию и Швейцарію, видѣть, напримѣръ, что Венеция ушла отъ Австріи къ королевству Виктора-Эммануила, а Тессинскій кантонъ въ Швейцаріи (тоже итальянскій) и не думалъ присоединяться къ Италии изъ-за одного только этнографического сродства, какъ и Женевскій кантонъ къ Франціи и т. д. Что же, спрашивается, это значитъ?

Несмотря на то, что со временемъ Іосифа II австрійское правительство умѣренно покровительствовало русское духовенство въ Галиціи, оно всегда съ недовѣріемъ смотрѣло на попытки свѣтскаго образования и литературы въ Галиціи (ниже мы приведемъ примѣры, что такъ смотрѣли на эти попытки и многіе среди самаго духовенства русскаго въ Галиціи). При Францѣ I печатаніе русскихъ книгъ въ Галиціи было до извѣстной степени *staatsgefährlich*. Въ бурныя времена 1848—1849 года пришлося бюрократіи поневолѣ «выдумать русиновъ», но передъ нею totчасъ же стала страшный вопросъ: «а что, если русины (Ruthenen) есть не что иное, какъ

руssкие (Russen)?» Еще въ 1867 году гр. Бейстъ выразился
весьма оригинально: «Wenn die Ruthenen Russen wären, so
müsste ich es bedauern», точно народы обязаны справляться у
австрійскихъ министровъ, чѣмъ имъ быть, чтобы не опеча-
лить ихъ высокопревосходительства! На вопросъ австрійской
администраціи: что такое «рутены», тогдашніе представители
галицкой интеллигенціи сознательно отвѣтить не могли, по-
тому что сами они не знали своего народа да никогда о немъ
серьезно не думали. Но воспитанію, по языку, на которомъ
думали, старые галицкіе литераторы, руководившіе въ 1848 г.
«Головной руской Радой» въ Львовѣ, были, собственно го-
воря, поляки и нѣмцы, а вовсе не русские. Мы выше видѣли
уже, что Зубрицкій писалъ сначала по-польски, по-польски же
писалъ грамматикъ Лозинскій, а другой священникъ Левицкій
въ книжкѣ, написанной по-польски о русской литературѣ
въ Галиціи (*Listy tyczace się pismiennictwa rnskiego w Galicyi.*
W. Przemysln, w drukarni biskupiej obrządku grzecko-katolickiego,
1843), даже жаловался на попытки Шашкевича, Головацкаго
и Вагилевича писать по-народно-русскому, защищая по-
польски церковное письмо, какъ «стародавнее, принятое 50 мил-
лионами», и хвалилъ начальство за то, что оно не позволило
явиться альманаху упомянутыхъ литераторовъ «Русалки
Днѣстровой» (1837), въ томъ видѣ, въ какомъ задумалъ ее
«триумвиратъ», а между тѣмъ по общему признанию всѣхъ,
писавшихъ сколько-нибудь серьезно о литературѣ русской въ
Галиціи, именно съ этой «Русалки» и начинается русское воз-
рожденіе въ этой области. Изъ лицъ, которыхъ потомъ играли
видную роль въ литературѣ и политикѣ въ Галиції, г. Дѣ-
дицкій потерпѣлъ даже правительственную кару за участіе
въ польскихъ революціонныхъ попыткахъ; гг: Наумовичъ и
Бѣлоустъ — первый очень талантливый ораторъ, издатель многихъ
популярныхъ журнальцевъ и брошюръ, теперь издаю-
щій чисто-народныи нарѣчіемъ ежемѣсячный популярный
журналъ «Наука», гдѣ, между прочимъ, печатается свою авто-
біографію: второй былъ послѣ директоромъ гимназіи въ Ко-
ломії, гдѣ завелъ было русскую типографію и имѣлъ боль-
шое вліяніе на русское общество, для парализованія котораго
послѣ 1867 г. переведенъ въ чисто-польскій край въ Запад-
ной Галиціи, — оба до 1848 г. считали себя поляками, какъ
говорилось тогда: «gente Rutheni, natione Poloni». Передъ

1848 г. русинские духовные и литераторы семинарского образования на свой народъ смотрѣли, какъ на хлоповъ, знали о себѣ ясно только, что они люди «грецко-католицкаго обряду» и въ этомъ смыслѣ русины, то-есть не поляки; слыхали, что и въ Россіи живутъ люди того же обряду, съ тѣмъ же церковнымъ языккомъ; слыхали, что въ Россіи есть и литература россійская, изъ коей, кромѣ Ломоносова и Державина и т. п., они и ничего не знали да и понять не могли; слыхали, что въ Россіи есть зачатки и малороссійской литературы; читали въ классификаціяхъ народовъ и у славянскихъ филологовъ, что галицкіе русины относятся къ племени русскому, а иль немъ къ вѣтви малорусской, но чѣмъ отличается одна вѣтвь отъ другихъ, чѣмъ даже отличается языкъ русскій отъ языка, употребляемаго въ церквахъ въ Россіи и Галиціи, того не могли опредѣлить не только заурядные духовные въ Галиціи, но даже и тѣ, кто писалъ тамъ грамматики языка «русскаго», «малорусскаго», «русинскаго», и т. д., грамматики, по филологическимъ идеямъ и приемамъ не отличающимся отъ издѣлій XVII вѣка. Довольно и такого примѣра, что въ нѣмецкой, изданной въ 1837 году, грамматикѣ галицко-русского языка (*Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache in Galizien*) Левицкій приводилъ въ примѣръ малорусской рѣчи стихи Державина!

И вотъ, людей съ такими неясными понятіями трусливая и педантическая австрійская администрація настойчиво спрашиваетъ въ 1848 г.: «что вы за народъ?» Они знаютъ только одно: «*wir sind die Ruthenen!*» да еще то, что австрійское правительство боится Россіи, а потому прибавляютъ: «*wir sind aber keine Russen*». А замѣтимъ, что въ старой ученой латинской терминологіи очень часто и русскихъ называли *Rutheni sive Russi*, равно какъ и слово *руси* издавна въ Россіи употреблялось въ равномъ смыслѣ, какъ и русскій, и есть только южно-русская или, если хотите, старо-русская форма названія народа отъ слова *русь*, какъ и русскій, похожая на турчинъ, сербинъ, нѣмчинъ, гречинъ, татаринъ и т. д. Болѣе знакомые съ славянской филолого-этнографической терминологію, не забывши воспоминаний «тріумвирата» Шашкевича и изрѣдка находившіеся въ сношеніяхъ съ нашими малорусскими филологами, напримѣръ, г. Максимовичемъ, добавили къ слову «*die Ruthen*»

въ еще и статистическаяя даннаяя, что, моль, этотъ народъ въ количествѣ 15 миллионовъ живеть тамъ-то и тамъ-то въ Австріи и Россіи; кетати же, дебютъ въ политикѣ, да еще въ виду столь претенціознаго народа, какъ польскіе патріоты, благодаря такому счету географическому и статистическому, становился внушительнѣе. Такимъ образомъ сложился въ одно время и внушительный и на первое время совершенно успокоительный для австрійской бюрократіи отвѣтъ русинскихъ патріотовъ «Головной руской Рады»: Мы — русины, самостоятельное славянское племя, отличное отъ поляковъ и русскихъ¹⁾. Но подъ этими словами не лежало никакихъ ясныхъ представлений ни о русскихъ, ни о малороссахъ, ни о самомъ галицкомъ народѣ, чтобы дальнѣйшая литература и политическаяя дѣятельность была направлена къ сознательнымъ цѣлямъ и была ограждена отъ qui pro quo, скачковъ и недоразумѣній. Если формула галицкихъ патріотовъ 1848 года имѣла какую-нибудь цѣну и пользу, то только отрицательную: «мы не поляки», это одно только и было ясно. А прибавка: «мы часть племени малорусского», усиливала значение этой отрицательной формулы, составляя отвѣтъ тѣмъ полякамъ и псевдорусинамъ, какъ, напримѣръ, гр. Добжанскій, Костецкій и др., которые собрали противъ «Головной руской Рады» свою «Раду русскую», провозгласившую, что галицкая Русь издревле не разъ входила въ составъ польского государства (поляки любить говорить, что Владимиръ Св. отняль было временно «чёрнную Русь» отъ Польши), и укрѣплена за нимъ въ XIV в.

¹⁾ Вотъ подлинныя слова изъ записки „Головной Рады“ отъ 31 июня 1848 г. (Denkschrift der ruthenischen Nation in Galizien, zur Aufklarung ihrer Verhältnisse): „Obwohl gleich den Polen dem grossen Slaven-Stamme angehörig, sind die Ruthenen von den Polen durch Sprache, Schrif., Gewohnheiten, Gebräuche und den kirchlichen Ritus verschieden; sie bewohnen einen der fruchtbaren Landstriche Europas, denn sie sind in gegenwärtigen Südl-Russland, Sudost-Polen, Galizien und Nord-Ungarn verbreitet und zählen 15 Millionen Seelen“. Въ запискѣ отъ 21 августа 1848 г. („Darstellung der gegenwärtigen Zustände in Galizien“) говорится: „Das ruthenische Volk bildet für sich eine eigene Nation, so wie die Russen, Czechen, Kroaten, Bulgaren, Poen und andere slavische Volksstämme“; а въ запискѣ, посланной ейму императорскому 25 августа 1848 г., та же мысль высказана даже въ такихъ патетическихъ выраженияхъ: „Würde man auch die Geschichte vertilgen, alle Bücher und Schriften verbrennen, so lässt sich doch ein grosses Volk von 15 Millionen Seelen, dessen Theil wir 2½ M. sind, mit blossen Worten nicht wegdenonstriren“.

окончательно, и что русинъ, руснякъ и т. п. названия народныя въ Галиції составляютъ только разновидность поляка (gente ruthenica, natione polonica), какъ мазуры. Ссылка на малороссіянъ и признаніе, что галичане составляютъ часть послѣднихъ, была полезна, какъ отвѣтъ на эти теоріи, такъ какъ, во-первыхъ, малороссіяне сами свергли съ себяпольскую власть, а во-вторыхъ, живутъ и въ такихъ земляхъ, которая не только никогда не принадлежали Польшѣ, но даже не входили въ составъ столь часто поминаемаго поляками, но столь же мало понимаемаго ими, такъ называемаго «вольнаго союза Польши, Литвы и Руси», какъ, напримѣръ, малороссіяне въ губерніяхъ, образовавшихся изъ Слободской Украины, и въ краяхъ черноморскихъ.

Но во всѣхъ этихъ переговорахъ и объясненіяхъ съ правительствомъ австрійскимъ и поляками на тему: «что такое русины галицкіе?» лежалъ одинъ существенный порокъ — это связываніе вопроса о національности русиновъ съ вѣнѣнными политическими отношеніями, отчего на будущее время не только государственные вопросы, какъ дѣло устройства области Галиції, но и всѣ чисто домашнія дѣла галицкихъ русиновъ, ихъ литература, даже самое письмо, ихъ этнографическая идея, все это получило значеніе политическихъ вопросовъ, въ которые позволяли себѣ вмѣшиваться политическая и даже административная власти. Пишеть человѣкъ гражданкой, — *staatsgefährlich* на одинъ манеръ; пишеть другой «кулишевской», — *staatsgefährlich* на другой манеръ; говорить одинъ, что онъ «русскій», — москофильство; говорить другой, что онъ «руській», — украинофильство; читаетъ Пушкина — измѣнникъ; читаетъ Шевченка — революціонеръ; считается землякомъ Владимира Св. — «схизматикъ» и, слѣдовательно, опять измѣнникъ и революціонеръ; считается Казиміра Великаго и Мицкевича — поленофиль и, слѣдовательно, революціонеръ на другой манеръ и т. д. И вотъ надо русинамъ на всякие случаи сочинить официальныя формулы: на грамматику, исторію, этнографію, официальные эстетические вкусы, научные положенія и т. д., и сочинять эти формулы и программы будеть имъ бюрократія, ничего основательно въ такихъ вещахъ незнающая и мѣняющаяся сообразно дуновеніямъ вѣтропы. Произошло же это смыщеніе областей внутреннихъ и пра-ственныхъ, домашне-галицкихъ вопросовъ съ областью вѣнѣн-

ней политики и администрации оттого, что русинские вожди сразу пустились толковать съ людьми чужими по национальности и съ государственными властями и учреждениями о такомъ совершенно домашнемъ вопросѣ, какъ то—кто они такие, а не заявили сразу и прямо, что обѣ этомъ, молъ, намъ самимъ знать, постороннимъ же людямъ и государственнымъ властямъ и собраниемъ довольно и того, что мы вѣрные подданные государственныхъ законовъ и намѣреваемся впредь заботиться о своихъ дѣлахъ и своею нравственномъ и национальномъ развитии на почвѣ этихъ законовъ и т. д. Быть-можеть, и даже наѣрное, приведенный выше объясненія русинскихъ вожаковъ съ намѣстниками, министрами, рейхсратаами на тему, кто они такие, были и неизбѣжны при тѣхъ условіяхъ, при какихъ были «выдуманы русины»; объясненія эти происходили, конечно, частію оттого, что русинские вожди сами не знали хорошенько, кто они такие, и сами не освоились съ мыслью, что они существуютъ, какъ нѣчто несомнѣнное и потому не требующее объясненій своихъ правъ на существованіе; частію отъ слабости, при которой, если бы русины сразу не заявили себя весьма скромными просителями, то правительство не только не помогло бы имъ статъ на ноги, но еще сильно бы мѣшало. Все это такъ, но все это мало предвѣщало добра въ будущемъ, и мало дѣлаетъ чести проницательности русинскихъ вождей всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ то обстоятельство, что они до сихъ порь еще не стали на такую независимую точку зрѣнія, чтобы устраниить всякий политический элементъ изъ обсужденій вопроса, кто они такие, и отѣлить свои литературные и научные вопросы и мнѣнія отъ политическихъ и административныхъ.

Какъ бы то ни было, а на первый разъ въ 1848 году русинами данъ былъ отвѣтъ австрійскому правительству во всѣхъ отношеніяхъ, повидимому, удовлетворительный; «die Ruthenen» назывались «das treuste Volk, die Tiroler des Ostens»; русинские поэты «плели вѣнки на главу Габсбурговъ», и даже въ 1859 году такой даровитый поэтъ, какъ г. Федьковичъ, Шевченко галицко-буковинскій, воспѣвалъ воинство, стремившееся въ «буйную Италію съ французомъ, сардомъ воевать». Австрійское правительство точно «облагодѣтельствовало» галицко-русскій народъ, уничтоживъ остатки крѣпостного права, но очень умѣренно, оно далеко не обидѣло и помѣщиковъ (въ

Восточной Галиції — поляковъ), оставилъ за ними сервитуты, право продажи водки (пропинацію). Открыто было иѣсколько школъ русскихъ, которыхъ, сообразно тогда царившему въ Австрии клерикализму, попали въ руки духовенства, чѣмъ, конечно, галицкіе патріоты остались вполнѣ довольны; предусмотрительная администрація признала официальнымъ шрифтомъ для русскихъ школъ и литературы церковный, потому что проникшая было изъ Россіи, черезъ Котляревскаго и Максимовича, гражданка казалась австрійскому начальству, какъ и русинско-уніатскому, впрочемъ, подозрительною. Этимъ церковнымъ шрифтомъ, или хоть правописаніемъ пошла писаться новая русинская литература¹⁾. Галицкіе литераторы начали писать, какъ ни пошло, переводя свои мысли съ пѣменской и латинской семинаршины, съ польского на языкъ, который каждый изъ нихъ могъ называть русскимъ, русинскимъ, малороссійскимъ, галицко-русскимъ и т. д., смотря по вкусамъ и симпатіямъ, но который ни на какой живой человѣческой языкъ не былъ похожъ. Въ галицкихъ изданіяхъ — «Науковий Сборникъ», «Заря Галицка», «Семейная Библіотека», по недостатку своего материала, стали перепечатывать статьи, стихи и разсказы, напечатанные въ Россіи. Этнографическое сродство, память о формулѣ 1848 г. и о Шашкевичѣ, котораго имя начали читать, какъ отца литературы (всякой благопристойной литературѣ подобаетъ имѣть свою культу), совѣты г. Максимовича, все это было причиной того, что перепечатывалось большею частію малорусское; но случай и московскія славянофильскія идеи, заходившія, впрочемъ, больше всего косвеннымъ путемъ черезъ Прагу, заискили въ галицкія изданія и стихи Хомякова, а вмѣсть съ ними и «Мичмана Пецѣлуева», «Солдата Перфильева» и т. п. Сколько-нибудь сознательного выбора ни изъ русской ни изъ малорусской литературы галицкіе литераторы сдѣлать были не въ состояніи. Одинъ изъ нихъ, болѣе наклонный къ народному элементу, говорилъ еще въ 1848 году въ собраніи

1) Въ народныхъ школахъ Галиціи и до сихъ поръ употребляется этотъ церковный шрифтъ, а поляки и до сихъ поръ иногда поднимаютъ даже на сеймѣ рѣчь, что „гражданка“ не должна имѣть мѣста въ Галиціи, ибо она символъ „омосковленія“, какъ изобрѣтеніе Петра Великаго; русинскіе же литераторы, желая обѣйтъ несчастную „гражданку“, разыскиваютъ ее въ изданіяхъ кievскихъ и венеціанскихъ до Петра Великаго.

«Матицы» о Шевченкѣ, но вообще этотъ послѣдній раньше 1862—1863 гг. въ Галиціи былъ неизвѣстенъ: слишкомъ онъ былъ «хлопскій» да и вовсе неудобный для «восточного Тироля» писатель. Что въ русской литературѣ 40—50 годовъ можно было выбрать тоже что-либо получше «Мичмана Понѣтуева», само собою разумѣется. Но русской литературы и до сихъ порь не знаютъ въ Галиціи, а старые ея литераторы, тѣ и вовсе не могли понять интересовъ русской литературы послѣ гоголевскаго періода, потому что именно съ половины 40 годовъ она стала сильно отличаться «хлопствомъ». Какъ случайны были отношенія галицкихъ издателей и литераторовъ къ русской и малорусской литературѣ, видно изъ того, что издатель «Семейной Библіотеки» (1855—1856) г. Шеховичъ печаталъ у себя разсказъ Основьяненко «Сердешна Оксана» въ русскомъ переводѣ. Г. Шеховичъ теперь пишетъ по-польски и вернулся въ число тѣхъ, которые считаютъ себя *«gente ruthenica, natione polonica»*, а потому галицкіе малороссофилы въ такомъ поведеніи его усматриваютъ коварныя цѣли — помышлять развитію национальной литературы въ Галиціи. Вѣрнѣ всего, что г. Шеховичъ печаталъ, что ему по-надалось: по-малорусски, такъ по-малорусски, по-русски, такъ по-русски; тогда вѣдь, кромѣ что и что, якъ и какъ, галицкимъ литераторамъ разница между русскими языками была непонятна: для нихъ все равно читать и писать на какомъ бы то ни было русскомъ языке было павѣрное мухою. Разумѣется, имъ хотѣлось сейчасъ же сравнить свою литературу по чину съ польскою. О народномъ образованіи, о гимназическомъ даже, они не думали: вѣдь для народа довольно и псалтиря, какъ говорилъ Зубрицкій, а гимназіи тогда были зѣмецкія, и правительство Баха, конечно, не думало заводить другихъ, святоюрскіе же политики не смѣли итти противъ министерства. Галицкимъ литераторамъ осталось писать статьи — «расправы» филологическая, философическая, историческая, памфлеты политическо-национальные, и, конечно, не «по-хлопски» же ихъ писать. Если кто не могъ вынести муки переводить свою мысль на дѣланій языкъ, тотъ брался за иѣменскій или даже опять за польскій. У иныхъ явилась мысль обратиться прямо къ русскому, но одинъ Зубрицкій логично попшелъ по этой дорогѣ и написать «Исторію Галицко-Русского княжества» (1852—1855) довольно хорошо по-русски. Въ частной и семей-

ной жизни вновь, послѣ короткаго періода національнаго бро-
женія, всецѣло воцарился польскій языкъ и польская ли-
тература.

Австрійская бюрократія, часть духовенства униатскаго скоро
начали безпокойно смотрѣть и на это развитіе свѣтской ли-
тературы въ Галиціи и на ту долю связи ея съ Россіей, ка-
кая проявлялась въ перепечаткахъ даже съ малороссійскаго.
Разумѣется, что поляки не преминули раздуть подозритель-
ность австрійской бюрократіи, и фраза, бывшая тогда въ ходу
у поляковъ, что «русины можетъ быть только или полякомъ
или москалемъ», стала рано дѣйствовать на австрійскую бюро-
кратію. Офиціальный журналъ, заведенный правительствомъ
для русиновъ при вѣнckой униатской семинаріи, «Вѣденскій Вѣстникъ», началь проводить мысль объ особенному народѣ
рутенскомъ, отдельномъ и отъ малоруссовъ, а не только отъ
русскихъ. Правительство уже въ 1850 г. уничтожило политич-
еское раздѣленіе Галиціи, а въ 1859 г. уже было назначено
намѣстникомъ въ Львовъ гр. Голуховскій, который хоть и
былъ помощникомъ гр. Стадіона, изобрѣтателя русиновъ, но
все-таки не былъ чуждъ польскихъ національныхъ тенденцій.
Гр. Голуховскій задумалъ было устранить въ Галиціи не только
«гражданку», которая стала тамъ распространяться съ тѣми
приспособленіями къ южно-русскому языку, которая, на основѣ
старокіевскаго правописанія, ввелъ г. Максимовичъ, но и
кирилловскую азбуку вообще, замѣнивъ ее латинскою азбуковою
на польско-чешскій манеръ. Этотъ трудъ раздѣлялъ съ гр. Го-
луховскимъ чехъ профессоръ Иричекъ, тогда чиновникъ въ
министерствѣ, потомъ членъ министерства гр. Гогенварта.
Вообще чеховъ тогда было много въ Галиціи между чиновни-
ками и педагогами: они сначала помогали германизаціи Га-
лиціи, а потомъ стали помогать полонизаціи. Впрочемъ, бла-
годаря оппозиціи литераторовъ, особенно духовенства галиц-
каго, кириллица была спасена, но «гражданка» утвердилась
въ Галиціи только послѣ конституціи 1861 года.

1860—1863 гг. были годами, когда «новая» Россія, послѣ
начала реформъ, обратила на себя большее вниманіе за гра-
ницей. Между прочимъ, въ то время однѣ изъ проявлений
«новой» Россіи было довольно сильное возбужденіе малорус-
ской исторіографіи (по-русски) и беллетристики (по-мало-
русски). Это возбужденіе отразилось и на Галиціи, куда про-

никли съ этого времени печатаемыя отдѣльно въ петербургской «Основѣ» статьи, стихи, разсказы Костомарова, Шевченка, Кулиша, М. Вовчка и т. д. съ ихъ свѣтскимъ духомъ, съ рѣзкимъ демократическимъ и потому противупольскимъ и мало благопріятнымъ бюрократизму духомъ. Основанная въ 1861 г. изъ денегъ святоюрцевъ и печатаемая въ ставропигіальной типографіи, газета «Слово» стала явно высказывать украинофильскія идеи, перепечатывать статьи изъ «Основы», хотя и съ передѣлками на обычный языкъ галицкой литературы, и даже высказываться симпатично за борьбу малороссіянъ съ уніею. Противъ личности редактора «Слова» г. Дѣдичаго былъ возбужденъ даже судебный процессъ за рѣзкія выраженія о римскомъ католицизмѣ. Основанная младшимъ поколѣніемъ литераторовъ галицкихъ еженедѣльная газета «Вечерницы» шла еще дальше въ этомъ направленіи. Изъ тогдашнихъ польскихъ газетъ въ Галиції можно сдѣлать много выдержекъ, показывающихъ, какъ жаловались поляки на эту украинскую хлопоманію, будто бы поощряемую московскими рублями для погубленія поляковъ на Украинѣ и даже въ Галиціи, на московскую «схизму», подъ видомъ украинизма распространяемую въ Галиціи. Начавшіеся еще раньше доносы на русиновъ изъ Львова въ Вѣну теперь еще болѣе усилились: вѣнскій администраціи доносили, что «die ruthenische Litteratur hat die staatsgefährliche Richtung angenommen». «Вѣденскій Вѣстникъ» предостерегъ галицкихъ литераторовъ отъ «украинского болота» и еще настоятельнѣе стала развивать, въ противность малороссійской формулѣ «головной рады» 1848 г., учение объ особенной трехмиліонной галицко-русской народности, которой не только административныя, но и этнографическія границы лежать на р. Збручѣ, отдѣляющей Галицію отъ нашей Подоліи, — національности, которая не имѣть ничего общаго съ украинцами, всегда сопротивлявшимися уніи и обнаруживавшими непокорный демократический духъ. Дѣла стали такъ, что украинское ли, «общерусское» ли, «великорусское» ли направление принимала галицкая литература, все равно она казалась полякамъ «москало-фильскою» и «схизматицкою», а австрійской бюрократіи «сепаратистическою», staatsgefährlich. Австрійская бюрократія стала бояться, какъ бы «восточные тирольцы» не стали «восточными венеціанцами».

II.

Вотъ по какимъ именно причинамъ австрійская бюрократія не оченьъ-то была расположена удовлетворять такія требованія русинскихъ политиковъ, какъ требование административного раздѣла Галиціи, а разработкой вопросовъ болѣе частныхъ, ближе касавшихся народной жизни, эти политики не занимались. Такъ простояли дѣла на одноть мѣстѣ до самаго 1866 г., несмотря на то, что Шмерлингъ столько разъ обѣщалъ, что «die politische Theilung Galiziens wird den Ruthenen als eine reife Frucht in den Schoss fallen». Уже министерство Белькреди, при его федерализмѣ, оказалось наклоннымъ уступить польскимъ автономнымъ требованіямъ, а послѣ пораженія Австріи при Садовой и централистически-конституціонная партія въ Вѣнѣ увидѣла необходимость уступить полькамъ. На жалобы русиновъ въ Вѣнѣ отвѣчали, и при Белькреди и при Бейстѣ, или общими фразами, или совсѣмъ стараться провести свои требованія законнымъ путемъ чрезъ мѣстный сеймъ. Послѣдній созѣть былъ и не безъ резона, да только бѣда въ томъ, что прочное положеніе въ мѣстномъ сеймѣ приобрѣтается прочнымъ положеніемъ и вліяніемъ среди народа, а клерикалы русинскіе о немъ-то и не позабылисъ. Вторичное назначение графа Голуховскаго намѣстникомъ въ Галиціи въ 1866 г. обозначило, что правительство лишаетъ русинскую партію административной поддержки, и съ тѣхъ поръ число русинскихъ депутатовъ въ львовскомъ сеймѣ все уменьшалось, а искусственнымъ подборомъ выборныхъ въ имперскій сеймъ число русиновъ въ этомъ послѣднемъ свелось почти на нуль (на два, на три!). Гербстъ прямо сказалъ полькамъ: «wir haben Ihnen die Ruthenen geopfert». Русинскимъ политикамъ осталось, кромѣ безплоднаго средства частныхъ протестовъ, адресовать императору, еще поискать другого средства, чтобы поддержать свои требования. Такимъ средствомъ было выбрано заявленіе въ газетѣ «Слово», что русины составляютъ часть однороднаго великаго народа русскаго, имѣющаго въ Россіи отличное національное правительство, могущественную литературу и національно-настроенное общество, которая, то-есть и правительство и общество, не оставать безпомощными своихъ братьевъ въ Австріи, отданныхъ

на притѣненіе полякамъ, венграмъ и нѣмцамъ. Такъ какъ галицкіе публицисты прежде всего археологи и филологи, то и новый политический маневръ они тоже облекли въ археолого-филологическую форму. Они стали писать брошюры, доказывающія полное тожество всѣхъ племенъ русскихъ въ древности и ихъ наѣбчай теперъ, ненужность всякихъ попытокъ писанія на другомъ русскомъ нарѣчи, кромѣ того, какое принято въ литературѣ въ Россіи, и которое, по ихъ словамъ, совершенно сходно съ ихъ собственнымъ. Языѣкъ, которымъ говорять въ Россіи, высказалъ одинъ галицкій публицистъ въ журналѣ «Боянъ», есть напѣ галицкій литературный языѣкъ! Всякаго, кто бы держался другого мнѣнія или даже хоть бы другого правописанія, галицкіе публицисты партии «Слова» обзывали измѣнникомъ русскому народу, польскимъ запороданцемъ и т. п.

Это было какъ разъ во время разгара въ нашихъ журналахъ извѣстнаго sorta криковъ о сепаратизмѣ, польской интригѣ, обрусеніи, славянскихъ братьяхъ и т. п., а потому столь быстрый поворотъ тѣхъ самыхъ людей, которые еще за нѣсколько мѣсяцевъ писали сами статьи противъ «несытаго московскаго централизма, угрожающаго существованію Австріи, подъ покровомъ которой вольно развиваются всякия народности», столь быстрый и рѣшительный поворотъ не только такихъ людей, какъ редакторъ «Слова» г. Дѣдицкій, но и такихъ, какъ г. Климковичъ, редакторъ «Меты», злонамѣреннѣйшаго, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», органа сепаратистовъ украинскихъ, на стезю «обрусенія», не могъ не быть привѣтствуемъ нашими обрусительными публицистами. А поворотъ былъ полный: г. Дѣдицкій издалъ брошюру: «Въ одинъ чась малоруссицу выучиться по-великорусски», и въ ней доказывалъ, въ противность прежнимъ заявленіямъ своимъ и грамматикѣ одного изъ главныхъ руководителей «Матицы» и «Рады русской», г. Головацкаго, что Русь галицкая, угорская, кіевская, московская, тобольская и проч., во всѣхъ отношеніяхъ одна и та же Русь, а г. Климковичъ сталъ издавать съ г. Ловчакомъ въ Вѣнѣ журналъ «Славянская Заря», въ коей не только напечатать открытое отреченіе отъ своей прежней литературной дѣятельности, въ статьѣ: «Быти ли малорусскому (литературному) вопросу», но и рекомендовать всѣмъ славянамъ австрійскимъ писать тѣмъ языккомъ, какимъ

обыкновенно пишутъ въ Россіи, и въ какомъ сама редакція «Зари» была не совсѣмъ тверда. Концертъ вышелъ умилительный. Австрійскіе русины писали жалобы нашимъ публицистамъ, расхваливали насть, ругали Австрію, а наши утѣшили ихъ обѣщаніемъ близкой помощи.

Благоразумный человѣкъ среди русской публики могъ находить порицанія и похвалы очень преувеличенными, надежды слишкомъ пылкими, а обѣщанія слишкомъ легкомысленными, или хотя легковѣрными (вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, редакторы нашихъ газетъ не могли же объявить войны Австріи, ни даже объявить графу Голуховскому выговоръ со внесениемъ въ формуляръ). Но самый умѣренный человѣкъ у насть могъ почувствовать нѣкоторое удовольствіе при видѣ того, какъ наши австрійскіе соотечественники желаютъ подкрепиться нашими духовными плодами на борьбу за свою народность, для своего вѣрственного развитія, или хоть при видѣ того, что они обнаруживаютъ охоту ознакомиться съ нами, нашей литературой и языкомъ ея. Что жъ, пусть выучатся ему хоть въ $\frac{1}{4}$ часа, коли могутъ, пусть пишутъ на немъ, только бы писали дѣло, только бы изъ всего этого вышелъ прокъ и для насть, а особенно для нихъ.

Для насть никакого проку изъ признанія галицкими патріотами единства русской литературы не вышло. Кто изъ вѣсъ, читатели, знаетъ въ эту минуту хоть пять строкъ, принадлежащихъ перу галицкаго писателя, которыхъ могли быть причислены къ произведеніямъ сколько-нибудь обогащающимъ нашу литературу? Несмотря на всѣ рекламы и искусственную поддержку, которую дѣлали наши извѣстные органы и кружки всѣмъ этимъ «Словамъ», «Боянамъ», «Страхопудамъ», «Зарямъ», они не могли найти себѣ въ Россіи и пяти добровольныхъ подписчиковъ. Нѣсколько галицкихъ литераторовъ переселились къ намъ въ послѣднее время, что надѣжало немало шуму въ газетахъ нашихъ и австрійскихъ (въ галицкихъ газетахъ еще специально надѣжало шуму возведеніе одного изъ нихъ въ высокій чинъ, такъ какъ въ отношеніи къ чинамъ и орденамъ наши галицкіе братья совершенны нѣмцы и австрійцы), но это переселеніе людей, бывшихъ иногда у себя и очень замѣтными, не произвело ровно никакого вліянія на нашу науку и литературу. О нихъ у насть врядъ ли много людей и помнить, да и они сами не очень-то часто на-

поминаютъ о себѣ. Подобная безрезультатность для нашей литературы обращенія къ намъ нѣсколькихъ галицкихъ патріотовъ клерикального и полуклерикального направленія совершенно естественна: чтобы понять ее, читатель, не видавшій самъ галицкихъ журналовъ и книгъ, долженъ вообразить себѣ, что вдругъ бы воскресъ Симеонъ Полоцкій и пожелалъ написать что-либо интересное для читателей любого нашего журнала, хоть бы самого «Русскаго Вѣстника»... Разумѣется, что такой новѣйший Симеонъ Полоцкій самъ, подумавъ нѣсколько серьезно, началъ бы съ того, что ничего бы не написать, или если бы и написать, то не нашелъ бы много читателей. Одинъ изъ галицкихъ литераторовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ представилъ въ петербургскую дирекцію театръ драму «Роксоляна», заявивъ даже, что не имѣть въ виду никакихъ выгодъ, а хотеть только, чтобы его пьеса была представлена на сценѣ въ Россіи, въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Разумѣется, что дирекція нашла «Роксоляну» невозможную для постановки и даже сама редакція «Современной Лѣтописи Московскихъ Вѣдомостей» повторила подобное мнѣніе, несмотря на то, что въ это время она предавалась самымъ нѣжнымъ объясненіямъ и объятіямъ съ тѣми кружками въ Галиції, гдѣ возникла «Роксоляна», которая, замѣтимъ, въ свое время давалась въ Галиціи съ превеликимъ успѣхомъ, вохвалаясь въ «Словѣ» и даже вызвала бурю въ польскихъ газетахъ изъ-за того, что авторъ выставилъ русинку, а не полькою, героиню, плѣнную галичанку, ставшую въ плѣну въ Турціи султаншею. А вѣдь собственно говоря все писанія политическія и даже ученые всѣхъ этихъ господь, простиравшихъ свои длані къ Россіи, были въ своемъ родѣ «Роксоляна». Гдѣ жъ имѣть возбудить интересъ, а тѣмъ болѣе прибавить богатство литературы у насть, когда мы, хоть и не Богъ знаемъ, какъ далеко ушли, а все-таки воспитались на Гоголѣ, читали лучшія вещи изъ европейскихъ литературу то въ переводѣ, то въ подлиннике.

Не больше пользы принесло это братаніе галицкихъ святыцевъ съ нашими охранительными публицистами и для самихъ галичанъ. Начать съ того, что оно не дало даже тѣхъ послѣдствій, какія можно было бы ожидать всего скорѣе отъ этого братанія, а именно, ознакомленія галичанъ съ нашей литературой и обществомъ, которое она выражаетъ. Здѣсь

опять просимъ читателя вообразить себѣ, что Симеону Польскому пришлось бы писать корреспонденціи изъ нынѣшней Россіи, выбирать передовыя статьи изъ русскихъ газетъ для перепечатки въ галицкія, книги для чтенія въ Галиції и т. п., и затѣмъ вообразить себѣ, какое понятіе можно было составить о Россіи и русской литературѣ подъ руководствомъ такого истолкователя. Шовинистическая статья «Голоса», реакціонныя завыванія «Московскихъ Вѣдомостей», культурно-историческіе афоризмы г. Погодина, компиляціи съ приправами, на сей часъ требуемыми на Толкучемъ рынке русской литературы, въ родѣ «Чеха Яна Гуса изъ Гусинца» какого-то Бильбасова, — вотъ чѣмъ кормили галицкую публику тѣ, кто взялся представить ей образцы литературы и мысли русской. Здѣсь кстати напомнимъ одинъ достовѣрный случай разговора русского съ однимъ сербомъ, который спрашивалъ, есть ли въ Россіи свѣтская литература, потому что ни сербскіе русофилы ни наши славянофилы о другихъ произведеніяхъ русской литературы, кромѣ духовныхъ, сербской публикѣ не говорили. Со времени этого разговора прошло уже лѣтъ съ десять; съ тѣхъ порь сами московскіе славянофилы значительно «разшиковались», а все-таки и до сихъ порь, напримѣрь, славянскій благотворительный комитетъ въ своихъ посылкахъ книгъ русскихъ западнѣй братіямъ руководится тенденціями, довольно отзывающимися духомъ своихъ прародителей, а иногда береть для распространенія у братьевъ такой литературный хламъ, который у насъ никто не читаетъ и который авторы, со скучившись держать у себя въ складахъ, жертвуютъ славянскому комитету. Отъ этого наши западнѣй братія собственно о настоящей русской литературѣ понятія не имѣютъ: имя г. Погодина, напримѣрь, всѣ знаютъ у нашихъ братьевъ, а о Бѣлинскомъ никогда не слыхали, ужъ о Добролюбовѣ и ему подобныхъ говорить нечего. Между тѣмъ самый предрасположенный къ г. Погодину человѣкъ долженъ будеть согласиться съ тѣмъ, что имя Бѣлинского надо поставить рядомъ съ именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и т. п. людей, не будь которыхъ, видъ русской литературы и общества, слѣдовательно, былъ бы какой-то иной, тогда какъ безъ г. Погодина... не было бы развѣ «норманскаго периода въ русской исторіи». Мудрено ли поэтому, что, напримѣрь, даже чешскіе либералы удивляются, какъ это русскій

могъ написать «Дымъ»; а у славянъ высказываются мнѣнія, будто всѣ, кто критически относится къ русской дѣйствительности и кто находитъ, что намъ, прежде чѣмъ «учить и спасать другихъ», надо самимъ поучиться многому и спастиесь отъ многаго, нигилисты, т.-е. нѣмцы (!) и враги русскаго народа, а тѣмъ кружкамъ у славянъ и у нѣмцевъ, которые враждебны сближенію славянъ съ Россіей, чтобы напугать свою публику послѣднею, чтобы выставить, что въ Россіи только и высказываются что шовинистическая да ретроградная мысли, стоитъ только указать на тѣ самыя произведения, которыхъ выставляютъ на видъ наши же славяноведы и руководимые ими кружки у нашихъ западныхъ братьевъ.

Но это еще поль-горя, что братаніе извѣстной партии среди галицкихъ патріотовъ съ нашими шовинистами не привело за собою даже ясныхъ представлений о нась въ Галиціи, самая главная бѣда, и именно съ точки зрѣнія интересовъ русскаго народа въ Галиціи, это — то, что вслѣдствіе, такъ сказать, эмиграционнаго настроенія умовъ галицкихъ патріотовъ политическое положеніе русскаго вопроса въ Галиціи сильно ухудшилось, да не улучшилось и положеніе самихъ патріотовъ, кромѣ развѣ личнаго положенія тѣхъ, которые перебрались на служебныя мѣста въ Россію. Прежде всего въ этихъ обращеніяхъ взоровъ галицкихъ патріотовъ на Россію было всегда своего рода двуличіе или, по меньшей мѣрѣ, не было прямоты и послѣдовательности. А въ политической и национальной борбѣ обращеніе за помощью виѣ границъ извѣстнаго государства тогда только и приносить пользу, когда оно совершается открыто и послѣдовательно, и когда, конечно, за границею есть сила дѣйствительно способная и готовая доставить торжество элементу, обращающемуся къ ней за помощью и съ надеждами. Въ такомъ родѣ было, напр., отношеніе Венеціи къ Австріи и Италии къ Венеціи: венеціанцы прямо высказали нежеланіе быть въ Австріи и, благодаря нескрываемой поддержкѣ Италии, могли выносить тотъ застой всякаго рода положительной дѣятельности, нравственной и материальной, который неизбѣжно сопровождаетъ состояніе протеста и отрицанія, а особенно физической или нравственной эмиграціи. Но такъ называемые галицкіе «московифилы» не имѣли въ прошломъ никакихъ ни Манинъхъ ни Мацции, они вышли изъ «treuste Volk» и никогда не переставали ни-

сать въ Вѣну самыя усердныя вѣрноподданническія заявленія на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ заявляли, что русскій народъ въ Галиціи ждетъ блага только отъ Цесаря изъ Вѣни. А въ то же время въ своихъ изданіяхъ какъ въ «Словѣ», такъ и въ популярныхъ «Листахъ до громадъ» галицкіе литераторы говорили о Россіи, какъ о единственномъ государствѣ, где русскій народъ можетъ пользоваться тѣмъ чѣмъ не райскимъ состояніемъ, коимъ теперь уже пользуется населеніе Россіи, о русскомъ государѣ, какъ о единственномъ царѣ всего русскаго народа и т. д.¹⁾.

Еще въ 1848 г. несчастнымъ образомъ вопросъ о національности, языкѣ и литературѣ галичанъ получилъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ политическое значеніе и связался съ вопросомъ о вѣрноподданствѣ. Поэтому вышеупомянутое заявленіе «Слова» и «Листовъ до громадъ» о единству русской народности и литературы отъ Карнать до Амура имѣло тоже политическое значеніе, въ особенности благодаря весьма прозрачнымъ намекамъ, которыми всегда сопровождались подобные заявленія. Еще болѣе политический характеръ придали этимъ заявленіямъ слова г. Наумовича въ сеймѣ, где этотъ очень усердный дѣятель и весьма талантливый ораторъ выразился въ такомъ смыслѣ: мы оставались вѣрины формулѣ 1848 г. о нашей народности и работали усердно надъ развитіемъ литературы исключительно на народныхъ началахъ, но за это намъ заплатили отданіемъ насть полякамъ, а поляки не хотятъ признавать нашу народность, теперь мы должны перемѣнить свои взгляды на свою народность и литературу и искать себѣ опоры въ 60-миллионномъ русскомъ народѣ. Иѣ-

1) До чего привычка къ низкопоклонству предъ централистическими элементами въ Австроіи укоренилась въ святоюрскихъ кружкахъ,—видно изъ слѣдующаго недавняго факта: нѣсколько мѣсяцевъ назадъ праздновалось въ Австроіи совершенноюѣтіе дочери императора Гизели. Корпораціи разныхъ національностей воспользовались этимъ случаемъ, чтобы заявить свою принадлежность династіи,—отдѣля ее отъ министерствъ,—и имѣть стѣмъ свои національныя стремленія. Конечно, каждая народность писала адресы на своемъ языкѣ. Въ Галиціи представители корпорацій такъ называемой молодой или народной партии,—о которой ниже,—«Русской Бесѣдѣ» и «Прогнѣты», «Торбанѣ», «Дружескаго Лихваря» послали адресы по-русски и по-нѣмецки, а институтъ ставроигіальныи—комиссіи «Народнаго Дому», «Русской Матицы», «Русской Рады»—только по-нѣмецки. И это послѣ всѣхъ заявлений, что отъ «Запада» и «нѣмцемъ» не ждать русскому народу добра.

которые изъ влиятельныхъ въ русинскихъ обществахъ лицъ, какъ-то: совѣтникъ судебной палаты въ Галиціи и вице-президентъ сейма г. Лавровскій и крылошанинъ Павликівъ, которыхъ мы еще будемъ имѣть случай называть далѣе, хотѣли протестовать противъ отреченія своихъ товарищей отъ формулы «Головной русской Рады» 1848 г. и обратились къ номинату-епископу Куземскому. Это былъ тотъ самый Куземскій, котораго потомъ назначили униатскимъ епископомъ къ замку въ Холмъ, гдѣ онъ и восхвалялся нашими и галицкими изданіями, какъ ревностный очиститель унії отъ ультрамонтанскихъ элементовъ, а потому вдругъ по какимъ-то неразъясненнымъ причинамъ (иностранныя газеты говорили, что будто бы вслѣдствіе тайныхъ сношеній съ Римомъ, гдѣ онъ жаловался на насильственный дѣйствія нашего правительства) оставилъ Россію и теперь представлень митрополитомъ львовскимъ Сембраторичемъ, извѣстнымъ ультрамонтаномъ, въ кандидаты на должность викарія львовскаго архиепископства. Этого-то Куземскаго и просили собрать тогда «Головную Раду» для протеста. Въ Вѣнѣ поняли заявленія «Слова» и г. Наумовича, какъ вызовъ Австріи. Гр. Бейстъ говорилъ: «Будь дѣйствительно русины русские, мнѣ было бы это очень прискорбно (?!). Но на самомъ дѣлѣ это не такъ, а потому правительство должно видѣть въ новѣйшихъ манифестаціяхъ русиновъ враждебное Австріи направленіе и не можетъ поддерживать ихъ. Мой совѣтъ былъ бы — вернуться на старый путь, честно вернуться (*umkehren, ehrlich umkehren*), если только точно они принимаютъ близко къ сердцу благо своего народа». «Головную Раду» въ виду важности положенія собрать было необходимо для того, чтобы или отвергнуть формулу провозглашенную въ газетѣ, которая служить органомъ института ставропигіального, «Матицы» и «Народнаго Дому», или утвердить ее, или же объявить, что всякаго рода мнѣнія русиновъ о своей этнографической народности и литературѣ не имѣютъ ничего общаго съ политикой и вопросомъ объ ихъ отношеніяхъ къ Австріи. Въ томъ или другомъ случаѣ дѣло было бы ведено ясно и четко, но въ томъ-то и бѣда, что политики-крылошане не хотѣли ясности, разъ потому, что все-таки мало чувствовали ее въ своихъ головахъ, а въ другой — потому, что ясность помѣшала бы имъ вести двойную или тройную игру въ Вѣнѣ у нѣмцевъ, въ Львовѣ — у поляковъ и въ

России — у нашихъ славянофиловъ и обрусителей, которыхъ тогда считали за границею партіей, руководящей даже и правительствомъ нашимъ. Вотъ почему номинать Куземскій отвѣчалъ, что по поводу заявлений частныхъ мнѣній журналистовъ не стоитъ собирать «Головной Рады». Подобное двуличіе въ поведеніи галицкихъ политиковъ было столько же разечтанное, сколько и естественное, потому что не могли же они не видѣть хоть по временамъ, когда тумантъ газетныхъ фразъ иѣсколько разсѣвался, что Россія вовсе не такъ относится къ Галиціи, какъ Италия къ Венеціи, что и галицкій народъ вовсе не такъ настроенъ, какъ венеціанскій, что и общество у насъ весьма холодно къ галицкимъ сосплеменникамъ, будучи слишкомъ занято своими домашними дѣлами, и что, слѣдовательно, суть борьбы за народность русскую въ Галиціи должна быть ведена на внутреннемъ полѣ, внутренними средствами, въ условіяхъ австрійского политического строя, а не заграничного, и что поэтому разрывать вовсе съ Австріей нельзя было. Но не практиче ли было вовсе и не кричать о помощи извнѣ, если на нее мала была надежда, и заниматься своимъ дѣломъ, — дѣломъ поднятія нравственной и материальной силы своего народа? При этомъ каждый могъ имѣть объ этнографическихъ отношеніяхъ русскаго народа такое мнѣніе, какое вытекало изъ научныхъ познаній и изслѣдований каждого, и развивать литературу сообразно этимъ идеямъ этнографическимъ и филологическимъ и своимъ литературнымъ вкусамъ.

Теперь же это новое связываніе вопроса о народности и литературѣ галицко-русской съ политикой, и при этомъ неискренность и двойственность поведенія русинскихъ литераторовъ и политиковъ послѣ 1866—1867 гг., навлекли на русиновъ и, главное, на невинный ни въ чёмъ народъ всѣ не выгодныя послѣдствія оппозиціи и не дали ни одной выгоды, какую ведеть за собою откровенная оппозиція, которую уважаютъ и боятся, и съ которой потому по необходимости считаются и договариваются. Центральное правительство не только предоставило вопросъ объ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ галицкому сейму, но даже, какъ выразился графъ Бейстъ, сейму этому, то-есть польскому большинству его, предоставлено было решить, насколько русины имѣютъ право быть признаны и существовать въ Галиціи (ob und wiefern die

Ruthenen in Galizien zu bestehen haben). Поляки, конечно, не подщеремонились съ русинами и не только всюду, гдѣ можно было, насадили администраторами поляковъ, ввелипольскій языкъ въ администрацію, въ судь, отвергли права русинскаго языка въ тѣхъ гимназіяхъ, въ коихъ онъ былъ признанъ прежде, но и чрезъ школьній совѣтъ налагли тяжелою рукою и на тѣ школы, въ какихъ еще оставался признаннымъ русскій языкъ. Центральное правительство давало согласіе на всѣ вредныя русинамъ определенія львовскаго сейма. Затѣмъ, двуличie, о которомъ мы говорили, имѣло весьма вредное нравственное вліяніе на личности и характеры въ русинскомъ обществѣ, старомъ и молодомъ, а особенно, когда послѣ усиленія поляковъ въ сеймѣ оно превратилось у иѣкоторыхъ въ триличie, такъ какъ въ центральныхъ кружкахъ вѣнскихъ не покинули вовсе приема по временамъ страшать поляковъ русинами, а поляки по временамъ заявляли, что не прочно сдѣлать уступки и русинамъ, только бъ они не дружили ни съ «Москвою» ни съ иѣмцами.

Уже и прежняя конституціонная практика австрійскихъ народовъ не способствовала развитію честности и гражданскаго мужества, особенно у русиновъ, а теперь состояніе слабости, дезорганизаціи и раздѣленій въ русинскомъ обществѣ открывало дорогу всякаго рода виляніямъ и эквилибристикѣ, эксплуатаціи въ пользу личныхъ интересовъ, запутанности общественныхъ дѣлъ и т. п. Въ этихъ эквилибристическихъ упражненіяхъ и въ ловлѣ рыбы въ мутной водѣ особенно отличались именно тѣ кружки, изъ прежней болѣе компактной святоюрской партіи, которые прежней политикой покорности успѣли выдвинуться впередъ, и во главѣ ихъ наследникъ Яхимовичъ, митрополитъ Литвиновичъ. Сообразно двумъ непрѣятнымъ дляпольской и иѣмецкой бюрократіи прізракамъ, революціонно-гайдамацкаго украинофильства и сепаратистического москвофильства, митрополитъ и его приближенные заявляли высшимъ сферамъ, что только они могутъ удерживать спокойствіе въ краѣ и принадлежность его къ монархіи Габсбурговъ. Парламентская казуистика и обрядность: подача адресовъ, воздержаніе отъ голосованія, выходъ изъ залы засѣданій и т. п., — вотъ чѣмъ наполнялась дѣятельность политическихъ кружковъ русинскихъ, съ 1866 г. особенно приближенныхъ къ митрополиту, которыхъ стали

звать «политиками». Черезъ нѣсколько лѣтъ Литвиновичъ умеръ, каѳедра митрополитская оставалась нѣкоторое время вакантною, каѳедра перемышльскаго епископа — тоже, и свято-юрская партія, въ которой замѣчалась уже и прежде деморализація и раздѣленіе, теперь осталась даже безъ видимыхъ главъ. Между тѣмъ въ Вѣнѣ, очевидно, шансы поляковъ все поднимались: кто бы ни взялъ верхъ, централісты ли, или федералисты, въ томъ и другомъ случаѣ поляки должны были получить требуемыя ими уступки; русины же оказывались слишкомъ слабы, чтобы съ ними договаривались не только нѣмцы, но и сами чехи. Съ другой стороны, становилось очевиднымъ, что и на Россію надѣяться было нечего. Она и не думала вмѣшиваться во внутреннія дѣла Австріи, и, кромѣ передовыхъ статей въ газетахъ да нѣсколькихъ сотенъ рублей кое-кому изъ галицкихъ ораторовъ и редакцій «Слова», присланныхъ славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ, изъ Россіи ничего въ Галицію не являлось. Одни думали, что Россія холодна потому, что и галичане еще не довольно усердны въ заявлѣніи своей преданности, что «Слово» еще слишкомъ робко усвоиваетъ русскій литературный языкъ, и требовали въ петербургскихъ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» радикального разрыва какъ съ австрійскими властями, такъ и съ тѣмъ литературнымъ языккомъ, какой употреблялся все-таки въ святоюрскихъ изданіяхъ, и иногда даже наивно называемый настоящимъ литературнымъ языккомъ, употребляющимся въ Россіи. Не знаемъ, какія бы практическія послѣдствія послѣбо бы за собою усвоеніе такой радикальной политики, много ли бы людей пошло за такою программой, много ли бы читателей въ Галиції нашла литература, языккомъ и духомъ не отличающаяся отъ петербургской и московской, но несомнѣнно, что и такая программа политическая и писаніе въ Львовѣ живымъ языккомъ, какимъ говоримъ и пишемъ мы въ Россіи, были бы, какъ говорится, «что-нибудь», такая программа была бы, по крайней мѣрѣ, понятной. Но дѣло въ томъ, что для такой программы у святоюрцевъ нѣть ни характера ни умѣнья: пишутъ же они не только у себя, но даже и къ намъ: «поздравьте», вмѣсто «пожелайте здоровья» и т. д. Гдѣ жъ имъ издавать газеты такимъ же языккомъ, какъ «Голосъ» или «Московскія Вѣдомости»? Наконецъ еще одинъ сортъ людей, среди святоюрцевъ, видя, что поляки все растутъ

въ силѣ, что, напр., даже министромъ-президентомъ стала полякъ графъ Потоцкій, и что полякамъ одинаково не нравится ни «москофильство» ни «украинофильство» (пародовство), послѣдовательно проведенные, надумались возвратиться къ пропагандируемой прежде «Вѣденскимъ Вѣстникомъ» строго «рутенской» программѣ, вытекавшей изъ идеи, что галичане не часть 15-милліоннаго племени малорусскаго, какъ объявила въ 1848 году «Рада русская», въ своемъ посланіи къ имперскому сейму отъ 25 августа, не часть 60-милліоннаго однороднаго народа русскаго, какъ говорило съ 1866 года «Слово», а особый 3-милліонный народъ «рутены». Къ этой программѣ и прежде и теперь наибольшую наклонность имѣли строгіе клерикалы-уніаты и то, что называется въ Галиції «политики», т.-е. собственно флюгера, и нельзя не видѣть, что «рутенская» программа представляетъ наиболѣе шансовъ для хорошихъ отношеній съ предержащими властями, каковы бы они ни были. Высшее духовенство въ Галиціи, т.-е. крылошане (клиръ), архимандриты, самъ митрополитъ (по смерти Литвиновича — теперь Сембратовичъ) больше всего имѣютъ наклонности къ такого рода «политической» и «рутенской» программѣ. Теперь они хлопочутъ объ основаніи журнала съ рутенско-клерикальнымъ направленіемъ подъ на-
званіемъ «Святый Юрій».

Разумѣется, что такого рода раздѣленія и колебанія въ рядахъ руководящихъ галицко-русской политикой лицъ не способствуютъ успѣху галицко-русскаго народа на политическомъ поприщѣ. Приведемъ для характеристики тамошнихъ правовъ и отношеній наивный разсказъ одного изъ самыхъ старыхъ и усердныхъ дѣятелей духовенства галицкаго о томъ, какъ онъ юздила въ 1868 г. въ Прагу и что изъ этого вышло.

«Насъ, — говорить отецъ Качала, — «Слово» зоветъ мягими русинами, а себя — твердыми; насъ упрекаютъ въ томъ, что мы полономаны! Удивительное дѣло съ этимъ полономанствомъ, — потому что поляки меня, напр., зовутъ москалемъ!» И далѣе онъ разсказываетъ, какъ лишился деканства за поѣздку въ Прагу на съѣздъ славянскій, по поводу заложенія театра чешскаго, — съѣздъ, который польская печать выставляла, какъ «московскую агитацию» въ Австріи. «Пришедши, по приѣздѣ въ Львовъ, въ «Бесѣду русскую»,

во Львовѣ, — разсказываетъ г. Качала, — спрашиваю высокопреподобнаго крылошанина Кульчицкаго: «кого посылаете въ Прагу?» — потому что это дѣло меня интересовало. Высокопреподобный крылошанинъ Кульчицкій говоритъ: «Да кого жъ и для чего? Развѣ у насъ есть знаменитые люди? Тамъ будуть кнізья и графы, а мы развѣ хотѣли бы засвидѣтельствовать нашу мизерію да нищету?» Вижу, что нечего и слушать такія рѣчи, потому что развѣ мы виноваты и развѣ намъ слѣдуетъ стыдиться своей нищеты? Не сказавши ни слова, оборачиваюсь въ другую сторону, а услыхавши, что выборъ представителя порученъ редактору «Слова», возвращаюсь опять въ «Бесѣду». Тутъ начали уже и деньги собирать на дорогу. Редакторъ, г. Дѣдицкій, спрашиваетъ и меня, дамъ ли я что-нибудь. Отвѣчаю: «кого жъ посылаете?» «Кого жъ, — говорить, — Павлевича, онъ и въ Москвѣ былъ, знакомъ съ чехами, такъ скорѣе спрявится и съ порученіемъ». Такое извѣстіе меня поразило. Спросилъ я еще разъ: «неужели нѣтъ никого больше, кто бы могъ представлять русиновъ?»¹⁾ и вышелъ самъ изъ «Бесѣды». Павлевича, думаю, который во время послѣдней польской революціи принималъ въ ней не совсѣмъ почетное участіе, который (затѣмъ), по возвращеніи изъ Москвы, уже почти отказывается говорить погалицко-русски, и такого-то человѣка галицкая Русь высылаетъ, какъ своего представителя! На другой день прихожу въ редакцію «Слова» и начинаю доказывать, что не Павлевичъ, а кто-нибудь изъ приглашенныхъ долженъѣхать. А приглашенными были: высокопреподобные крылошане, номинантъ Куземскій, историкъ Петрушевичъ и редакторъ «Слова» г. Дѣдицкій. Если два первыхъ не хотятъ, можетъ-быть, ради высшихъ соображеній, то вы, говорю редактору, должныѣхать. Дѣдицкій, подумавши такъ и сякъ, говоритъ мнѣ: «поѣзжайте вы!» Отвѣчаю: «я не приглашенъ». Дѣдицкій: «если вы поѣдете, и я поѣду». Я говорю: «я не имѣю позволенія и не время хлопотать обѣ немъ; но если быѣхать, такъ теперь же, потому что посмотрѣть бы (въ Прагѣ) и выставку хозяйственную, которая будетъ передъ заложеніемъ театра».

1) Г. Качала, кажется, и до сихъ порь не догадался, что дѣло тутъ не въ кнізьяхъ и графахъ и не въ томъ, что г. Павлевичъ „дастъ себѣ раду“, какъ человѣкъ бывалый въ дорогахъ, а именно въ томъ, что люди покрупнѣе боялисьѣхать, а кто поѣхать, какъ увидимъ дальше, боялся говорить.

Дѣдицкій: «я пойду къ высокопреподобному крылошанину Куземскому и позволеніе вамъ выхлопочу». Отвѣщаю: «погдамо» — и поспѣть въ городъ. Думаю такъ: позволенія не имѣю, поѣздка не останется тайною. Желать позволенія? Но послѣ того, что писали польскія газеты о сборѣ славянъ, митрополитъ Спиридонъ никогда не позовлить. Вхать противъ запрещенія — такъ лучше безъ позволенія. Какая же, думаю, дальше будетъ мнѣ кара? Прихода у меня не отнимутъ, если что и отнимутъ, такъ развѣ деканство (благочиніе) къ великой радости поляковъ. Послѣ такого рѣшенія приходитъ Дѣдицкій и извѣщасть, что говорилъ съ высокопреподобнымъ крылошаниномъ официаломъ Куземскимъ, и что этотъ очень радъ моей готовности вхать... Въ Прагѣ къ торжественному обѣду на 500 человѣкъ пришелъ я и нѣсколько позже другихъ. Сѣль у стола, гдѣ уже сидѣли Дѣдицкій и Павлевичъ съ русскими. Г. Дѣдицкій говорить мнѣ: «спрашивали настѣ чехи, будетъ ли кто изъ насъ говорить. Мы уже условились съ проф. Ламанскимъ, и онъ будетъ говорить и именемъ галицкихъ русиновъ». Я говорю: «вы сдѣлали счетъ безъ хозяина, ибо я при этомъ не былъ. Развѣ политично, если уже мы здѣсь находимся, чтобы великоруссъ говорилъ и именемъ австрійскихъ русиновъ?» Послѣ этого приходятъ ко мнѣ чехи съ вопросомъ: хочу ли я говорить? Видно, что чехи сами не считали приличнымъ, чтобы на соборѣ славянъ, гдѣ каждая народность говорила своимъ языкамъ, чтобы Малая Русь отрекалась отъ слова и давала себѣ представлять великоруссамъ. Подумавши такъ, я просилъ записать меня на очередь слова. Настали рѣчи. Начало сдѣлали чехи, за ними иные представители народностей. Изъ русскихъ первый говорилъ Ламанский, и сказать, между прочимъ, что говорить не только именемъ русскихъ въ Россіи, но и русскихъ въ Австріи. На эти слова Дѣдицкій и Павлевичъ поклонились въ знакъ того, что и они согласны на то».

Какъ видимъ, гг. Дѣдицкій и Павлевичъ разсудили пре-
веновательно: поклонъ во всякомъ случаѣ ведеть за собою
меньше ответственности, чѣмъ рѣчь, притомъ же, какъ бы
они и говорили: такимъ жаргономъ, какимъ пишутъ? — но
вѣдь дѣло было бы не въ Галиціи, гдѣ никто не знаетъ на-
шего литературнаго языка и гдѣ легко выдать всякий жар-
гонъ за чистый русскій. Итакъ, говорить своимъ жаргономъ

передъ русскими изъ Россіи значило бы показать и имъ и другимъ славянамъ всю легковѣсность заявлений о литературномъ единстве Галиціи съ Россіею, говорить же такимъ языкомъ, какъ г. Ламанскій и другіе «rossiine», гг. Дѣдицкій и Павлевичъ не умѣютъ, потому что иначе они бы не писали такъ, какъ пишутъ въ «Словѣ». Что же вышло, однако, дальше?

«Когда приближалась очередь ко мнѣ, — продолжаетъ г. Качала, — Дѣдицкій и Павлевичъ стали все больше непокойны, и, наконецъ, оба выходятъ изъ залы. Приглашенный говорить, я сказалъ, примѣрно, такъ: «Позвольте, господа, и мнѣ, какъ русину, говорить вамъ на рускомъ языкѣ. На приглашеніе ваше мы прибыли, милые братья, чтобы вмѣстѣ съ вами присутствовать при торжествѣ, которое — не только торжество чешское, но торжество вмѣстѣ съ тѣмъ и славянское, — прибыли, чтобы показать, что мы умѣемъ цѣнить заслуги чеховъ для славянства. Потому что, по правдѣ, если теперь во всей славянщинѣ всѣ славяне знаютъ, кто они такие, какъ сами по себѣ, такъ и по отношенію къ другимъ славянскимъ племенамъ, такъ это заслуга вашихъ великихъ мужей, которые неутомимо работали надъ тѣмъ, чтобы славянские потоки и рѣки направить къ одному великому морю. Въ единствѣ наша сила, но въ единствѣ братскому, основанному на равноправности, чтобы права и наименьшей народности славянской были уважаемы. Да здравствуютъ чехи, да здравствуетъ славяне, да здравствуетъ славянская взаимность!» Послѣ такихъ словъ Ламанскій посмотрѣлъ на меня веселѣе и чокнулся со мной бокаломъ. Потомъ появились и Дѣдицкій и Павлевичъ. Должентъ я еще прибавить, что чехи говорили мнѣ, что понимали меня лучше, чѣмъ русскихъ изъ Россіи...

«... Прибывши въ Львовъ, спѣшу къ «Народному Дому». Тутъ иѣкоторые господа крылошане смотрѣть на меня, какъ говорится, *съ basy*, и я узнаю, что митрополитъ очень сердитъ на меня и грозить большими карами. Видно, что никто не хочетъ со мною слова сказать. Я подумалъ себѣ: и не требую! И на другой день пошелъ самъ къ митрополиту. *Mitropolitъ*: Что вы тутъ дѣлаете? — *Я.* Возвращаюсь изъ Праги и пришелъ извиниться. — *М.* Развѣ это правда, что вы были тамъ? — *Я.* Правда. — *М.* Что вы надѣлали? Что скажутъ поляки и Голуховскій? — *Я.* Что скажутъ, не знаю.

но я считалъ это мою обязанностью. — *М.* Кто вамъ далъ позволеніе бѣхать? — *Я.* О позволеніи некогда было хлопотать. — *М.* А вы являлись къ пражскому митрополиту? — *Я.* У меня свой митрополитъ, а другихъ я не знаю. — *М.* Такъ вы не знаете правиль каноническихъ? А гдѣ вы были съ Божией службой въ воскресенье и гдѣ на Вознесенье? — *Я.* Въ воскресенье былъ я на службѣ Божией въ костелѣ, въ Прагѣ, самъ же не служилъ. А на Вознесенье былъ въ дорогѣ. — *М.* Такъ развѣ можно поступать священнику? — *Я.* Лгать я не умѣю смолоду и передъ вашимъ превосходительствомъ не буду. — *М.* А знаете, какое наказаніе ждеть вась? — *Я.* Я едѣлали то, что считалъ своюю обязанностью, а наказаніе назначить дѣло вашего высокопреосвященства. — *М.* Вы зачѣмъ съ рѣчью выступали? Только бы газеты крику больше надѣлали! — Разговоръ кончился тѣмъ, что у меня было отнято деканство, чemu могли порадоваться многие поляки.

«Итакъ, львовскіе русины, а особенно наши «твердые», посылаютъ Павловича представлять галицкихъ русиновъ на сборѣ славянъ. Дѣдицкій и Павловичъ условливаются съ петербургскимъ профессоромъ великоруссомъ Ламанскимъ, чтобы говорить именемъ галицкихъ русиновъ, а потомъ жалуются, что на нихъ кто-то доносить. Я хочу этотъ неполитичный шагъ поправить, и остаюсь наказаннымъ изъ страха, что скажутъ поляки и Голуховскій. А въ довершеніе, меня теперь зовутъ ляхоманомъ!...»

При тѣхъ нравахъ, при тѣхъ отношеніяхъ, какія рисуются въ каждомъ словѣ наивнаго рассказа г. Качалы, мудрено ли, что галицко-русскій народъ не далеко ушелъ въ политикѣ, имѣя такихъ политиковъ руководителями и представителями!

III.

Только послѣ долгихъ испытаній русины замѣтили, наконецъ, что надеждѣ на австрійское центральное правительство возлагать больше нечего, на Россію тѣмъ паче, и тогда между галицкими руководящими людьми стала укрѣпляться идея, что опоры для патріотической дѣятельности надо искать подъ ногами, въ собственномъ краѣ. Эта идея повела къ новымъ иска-
ніямъ путей, не всегда удачнымъ, но мало-по-малу изъ нея

стали вытекать и такія дѣйствія, которыхъ подаютъ надежду на лучшій исходъ борьбы за русскій народъ и народность въ Галиціи, чѣмъ тѣ, какія мы видѣли до сихъ поръ. Для выхода изъ какого-либо положенія, надо прежде всего сознаніе этого положенія. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ очень важнымъ слова вице-маршала сейма галицкаго, совѣтника г. Лавровскаго, о результатахъ его наблюдений надъ положеніемъ национальнаго вопроса въ Чехіи и Галиції. «Когда въ 1871 г. я былъ въ Прагѣ, то имѣлъ случай разговаривать съ чешскими политическими дѣятелями. Чехи говорили: «Вы, русины, хотитеѣ юзти на конѣ высокой политики, а русскіе избиратели выбираютъ поляковъ депутатами. До такой степени они не имѣютъ понятія о правахъ своей народности! Въ чемъ же ваша сила? Пока мы, чехи, на народъ нашъ съ уверенностью не могли разсчитывать, мы не вели оппозиціи противъ нѣмцевъ. Мы просили: дайте намъ школу; а давали намъ одну, — мы требовали другой. Такъ мы добивались разъ одного, другой — другого, и старались прежде всего просвѣтить нашъ народъ. Теперь мы уже сидимъ на конѣ высокой политики, но у насъ чехъ нѣмца въ депутаты не выбираетъ, и быть матеріальный у насъ не такой, какъ у васъ. Такъ и вамъ надо стараться силы ваши укрѣпить просвѣщеніемъ народа и поднять его благосостояніе». Въ объясненіе того обстоятельства, что русинскіе крестьяне выбираютъ польскихъ депутатовъ, надо сказать, что съ тѣхъ поръ какъ администрація перестала поддерживать на выборахъ русинскихъ депутатовъ священниковъ, это явленіе стало неизбѣжнымъ: сами патріотическія газеты русинскія, въ томъ числѣ и «Слово», плачутся, что за бочку водки крестьяне выбираютъ помѣщиковъ (дѣдичей) депутатами (на послѣдніхъ выборахъ въ сельскихъ округахъ восточной, т.-е. русинской Галиціи, было выбрано 18 поляковъ-помѣщиковъ), или же такихъ изъ своей среды, которые не имѣютъ ни подготовки ни характера, чтобы держать себя независимо на сеймѣ. Поляки поэтому тамъ, где не могутъ провести своего кандидата изъ помѣщиковъ, поддерживаютъ такихъ кандидатовъ изъ «хлоповъ» и даже выбираютъ ихъ депутатами въ вѣнскій рейхсрать, если на какой округъ неѣтъ своего кандидата. Разумѣется, что такие «хлопы», не понимая нѣмецкаго языка, только то и дѣлаютъ, что получаютъ суточныхъ деньги. Галицкіе литераторы и политики изъ духов-

ныхъ ужасно злятся поэтому на своихъ «хлоповъ» вообще, т.-е. на свой собственный народъ, честя ихъ подчасъ выражениями не лучше известнаго «быдла» — польскихъ пановъ. Но надо вспомнить, что въ то время, когда устраивался быть крестьянъ, галицкіе духовные были изъ большой силы «у Царя», однакожъ за помѣщикаами оставлено не только исключительное владѣніе лѣсами и выпасами, но и право продажи водки (пропинація), т.-е. крестьяне поставлены въ весьма тяжелую зависимость отъ помѣщиковъ. Поздно только спохватились духовные представители галицкаго народа и два раза, правда, подавали петиціи императору, указывающія на невыгоду для русскаго народа разрѣшенія вопроса о выпасахъ, но эти прошенія канули въ архивахъ вѣнскихъ канцелярій, да и вообще, какъ мы видѣли, петицій о такихъ «низкихъ» и «матеріальныхъ, хлонскихъ» вопросахъ было очень мало сравнительно съ адресами, петиціями и т. п., о вопросахъ высокой политики. Если посмотретьъ на избирательные манифесты и рѣчи святоюрскихъ политиковъ тѣхъ временъ, когда они были изъ большой силы, то не найдете много заботъ о такихъ матеріяхъ, а найдете развѣ аргументы въ родѣ того, что «слѣдуетъ слушаться батюшки», а «поляки не уважаютъ русской вѣры и батюшкѣ»; слѣдуетъ слушаться кесаря, а поляки идутъ противъ кесаря, поддерживая враговъ и т. д. Мудрено ли, что крестьянинъ, мало понимающій въ конституціонныхъ вопросахъ, вида, что теперь кесарь назначаетъ поляковъ министрами, намѣстниками и т. д., слушается польскихъ чиновниковъ и, испытавъ мало пользы отъ того, что онъ «слушался батюшки», подаетъ голосъ въ пользу пана за нѣсколько вязанокъ дровъ да за стаканъ водки? Онъ все-таки употребляетъ эти дрова и водку для себя, т.-е. получаетъ хоть что-нибудь. Святоюрцамъ всего менѣе прилично бы было говорить съ презрѣніемъ о «хлоахъ», а лучше постараться привлечь ихъ къ себѣ болѣе дѣйствительными мѣрами, чѣмъ до сихъ поръ; между тѣмъ до сихъ поръ галицко-русскіе патріоты не воспользовались даже всѣми средствами вліянія на народъ, какія имъ даетъ австрійская конституція: такъ, напримѣръ, только недавно обратили они вниманіе на то, что эта конституція даетъ имъ возможность собирать народныя сходки, которыхъ, напримѣръ, у чеховъ дошли до грандиознаго развитія, и почти на этихъ дняхъ только

собрана была сходка въ Бедриковцахъ, и то крестьянскимъ депутатомъ г. Бейчукомъ, который скоро затѣмъ умеръ, какъ подозрѣваютъ, даже отъ отравы; сходка эта постановила ходатайствовать объ избитомъ уже вопросѣ о раздѣлѣніи Галиціи, но вмѣстѣ и о пересмотрѣ законовъ о пропинації. Но сколько времени упущено и съ 1848 г., и съ 1861, и даже съ 1867 года!

Вотъ это-то ясное сознаніе своего политическаго безсилія и бесплодности юзды на конѣ высокой политики, въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, побудило въ 1870 г. нѣсколькихъ изъ болѣе влиятельныхъ депутатовъ русинскихъ договориться съ поляками обѣ условияхъ согласной политики по вопросу обѣ отношеніяхъ Галиціи къ имперіи. Во главѣ этихъ депутатовъ стали г. Лавровскій, всегда принадлежавшій къ такъ называемымъ политикамъ, или умѣреннымъ, и о. Наумовичъ, который всегда принадлежалъ къ такъ называемымъ «твѣрдымъ» (на поднесеніе ему «бокала» въ знакъ сочувствія за его рѣзкія рѣчи противъ поляковъ и выраженія надеждъ на Россію у насы собирали въ 1866—1867 гг. деньги). Впрочемъ, Наумовичъ несравненно больше другихъ своихъ собратовъ заботился о народѣ, издавая для него еженедѣльныя газеты, составляя сельско-хозяйственные статьи и брошюры, хотя и церковною правописью и шрифтомъ, но чистымъ народнымъ языккомъ (и такому человѣку бокаль хотѣли поднести тѣ самые люди, которые обзвивали г. Костомарова орудіемъпольской интриги за намѣреніе печатать тѣмъ же языккомъ книги для народа въ южной Россіи!). Предложеніе гг. Наумовича и Лавровскаго было, впрочемъ, подписано 30 депутатами русскими, т.-е. почти всѣми наличными силами русскими въ львовскомъ сеймѣ. Отъ имени этихъ депутатовъ представилъ г. Лавровскій въ 1869 г. цѣлый проектъ условій, на которыхъ русинские депутаты соглашаются не протестовать противъ извѣстной «резолюціи» львовскаго сейма обѣ автономіи Галиціи. Условія эти касаются, главнымъ образомъ, употребленія русскаго языка въ администраціи и судѣ окружовъ чисто русинскихъ и смѣшанныхъ (т.-е. такихъ, въ коихъ русиновъ не менѣе $\frac{1}{5}$), а особливо устройства народнаго образованія на рускомъ языкѣ. По этому проекту въ школахъ первоначальныхъ языккомъ преподаванія признается языкъ большинства населенія, меньшинству здѣсь, какъ и вообще, предosta-

кляется завести параллельные классы. Во всякомъ случаѣ въ смѣшанныхъ мѣстностяхъ учитель долженъ знать оба языка, польскій и русскій. Нормальная школа въ Львовѣ должна имѣть языкокъ преподаванія — русскій. Въ Львовѣ должна быть учреждена одна высшая семинарія съ русскимъ языккомъ; въ Станиславовѣ тоже, а пока вездѣ въ провинціяхъ заведутся учительскія семинаріи, приготовительныя школы въ Львовѣ, Бучачѣ и Перемышлѣ будуть имѣть языкокъ преподаванія языкъ русскій. Изъ гимназій львовская академическая, въ которой и теперь въ низшемъ отдѣленіи преподается по-русски, русскій языкъ долженъ быть введенъ постепенно во всѣхъ классахъ *), а въ гимназіяхъ въ Станиславовѣ, въ Перемышлѣ, Бережанахъ, Самборѣ и Тарнополѣ, въ которыхъ теперь преподается русинамъ только русскій языкъ на-турально по-русски, должны были основаться во всѣхъ классахъ два отдѣленія — одно польское, другое русское. Для со-ставленія и одобренія русскихъ учебниковъ должна быть создана особая комиссія, подъ надзоромъ общей «земской школьнной рады», изъ одного лица, назначенного этой радой, какъ предсѣдателя, изъ профессора русскаго языка и литературы въ Львовскомъ университѣтѣ, двухъ членовъ товарищества ученаго «Просвіта», двухъ членовъ товарищества «Галицкая русская Матица» и трехъ членовъ, выбранныхъ преды-дущими лицами. Въ университѣтѣ Львовскомъ оба мѣстные языка признаются равноправными, и теперь же должны быть открыты каѳедры съ русскимъ языкокъ: на юридическомъ факультетѣ по всѣмъ предметамъ, по которымъ требуется экзаменъ на званіе суды (теперь есть двѣ каѳедры русскія на юридическомъ факультетѣ), на философскомъ: каѳедра русскаго языка и литературы (есть), философіи, классической филологіи, всеобщей исторіи, мѣстной исторіи, математики, физики и естественныхъ наукъ. Для наблюденія за непри-зносивенностью правъ русскаго языка долженъ быть выбиралъ непремѣнныи членъ изъ русиновъ въ постоянный комитетъ галицкаго сейма **).

*) Преподаваніе на украинскомъ языкѣ во всѣхъ классахъ львовской академической гимназіи было введено съ 1874 года. *Прим. ред.*

**) Всѣ факты, изложенные въ этой статьѣ, не простираются далѣе 1872 года. Они рисуютъ культурное состояніе Галицкой Руси или Галицкой Украины крайне низкимъ. Но какъ ни трудна борьба украинскаго народа въ Галичинѣ

Мы нарочно привели существенные статьи из предложенныхъ русскими депутатами условий, по принятіи которыхъ они соглашались поддерживать известную резолюцію польского большинства объ автономіи Галиції, такъ какъ некоторые наши изданія, не познакомивъ нашу публику съ самой сущностью этихъ условий, набросили тѣнь на эту попытку соглашенія русиновъ съ поляками только по одному тому, что это — соглашеніе. Нашимъ политикамъ известнаго сорга за словами «соглашеніе съ поляками» сейчасъ же кажется «польская интрига», и притомъ направленная во вредъ Россіи, а потому они голословно осудили попытку этого соглашенія и свернули ее на украинофиловъ. Точно будто русинамъ нечего и дѣлать, какъ спорить съ поляками, и притомъ платонически, безъ всякой выгоды для себя, какъ было до сихъ поръ, и точно русины живутъ прежде всего не для самихъ себя, а для такой или другой системы, принятой относительно поляковъ въ Россіи? Замѣтимъ при этомъ, что кто желаетъ добра национальнымъ стремленіямъ русиновъ въ

за свое культурное существование, какъ ни ничтожны культурные силы галицкихъ украинцевъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе малочисленности украинской интелигенции, тѣмъ не менѣе за послѣднія тридцать лѣтъ можно отмѣтить громадный ростъ украинскихъ культурныхъ средствъ въ Галиції. Въ 1903—4 учебномъ году въ Галиції было 2.231 украинскихъ народныхъ школъ различныхъ типовъ отъ одноклассныхъ до четырехклассныхъ. Часто украинскихъ учительскихъ семинарий, существующихъ на областныхъ или казенныхъ средствахъ, въ Галиціи нѣть, но есть учительскіе семинаріи изъ восточной или украинской Галиціи „двойственны“ (утраквистичні), т.-е. преподавание въ нихъ ведется и на польскомъ и на украинскомъ языкахъ. Такихъ учительскихъ семинарій 6 мужскихъ и 2 женскихъ. Кромѣ того, во Львовѣ есть одна частная учительская семинарія съ преподаваніемъ исключительно на украинскомъ языке, созданная украинскимъ „Педагогическимъ Товариществомъ“. Украинскихъ гимназій въ Галиціи теперь пять. Первая изъ нихъ — Львовская Академическая — реорганизована изъ полную украинскую гимназію, какъ было указано выше, въ 1874 г., вторая учреждена въ Перемышль въ 1887 г., третья — въ Коломїи въ 1892 г., четвертая — въ Тернополѣ въ 1898 г. и, наконецъ, пятая — въ Станиславовѣ въ 1905 г. Украинского университета въ Галиціи пока еще нѣть. Но въ Львовскомъ университѣтѣ существуетъ восемь украинскихъ каѳедр — три на историко-филологическомъ факультете, двѣ на юридическомъ и три на теологическомъ. Всѣ эти сведения мы заимствуемъ изъ статьи М. Лозинскаго, „Украинська школа въ Галичинѣ“ („Нова Громада“, 1906, № 10 и 11). Ср. также М. Грушевскій, „Очеркъ истории украинского народа“. С.-Петербургъ 1906 г. гл. XXV.

Прим. ред.

Галиції, тотъ долженъ всего болѣе остерегаться того, чтобы ихъ отношенія въ Галиції съ поляками и наши — съ поляками въ Царствѣ Польскомъ были поставлены въ зависимость между собою. У насъ кн. Черкасскій, въ отвѣтъ на рѣчь Ригера въ Москвѣ въ 1867 г., о необходимости примиренія русскихъ съ поляками, сказъть при рукоплесканіяхъ присутствовавшихъ москвичей, что исторія рѣшила безповоротно вопросъ о полномъ слитъ Царства Польскаго съ Россіей, но что если поляки хотятъ примиренія съ русскими въ Россіи, такъ пусть начнутъ съ признания правъ русскихъ въ Галиціи. Въ духѣ этихъ словъ у насъ пишутъ весьма многіе изъ органовъ печати. А между тѣмъ въ этихъ словахъ находится не только рѣзкое противорѣчіе, но и опасное именно для русиновъ соображеніе, ибо и поляки могутъ, въ свою очередь, сказать, что не признаютъ права послѣднихъ, пока не будутъ признаны права поляковъ въ Россіи, и могутъ не только не соглашаться за такія во всякомъ случаѣ вѣскія уступки, которыхъ изложены въ вышеприведенномъ проектѣ соглашенія, но даже могутъ предложить привести положеніе русиновъ въ Галиції въ полное соответствие съ положеніемъ поляковъ въ Царствѣ Польскомъ, замѣнить польскимъ языкомъ русскій языкъ, употребляемый теперь въ народныхъ школахъ въ Восточной Галиції, въ іѣ-
вторыхъ гимназияхъ, и уничтожить тѣ три каѳедры русскія, какія есть въ Львовскомъ университѣтѣ. Къ сожалѣнію, именно поставленіе отношеній поляковъ и русскихъ въ Галиції въ вязь съ отношеніями ихъ въ Россіи имѣло отчасти вліяніе на неуспѣхъ предположенного въ 1869 г. соглашенія. Сначала сеймъ львовскій одобрилъ въ принципѣ соглашеніе и, чтобы показать готовность удовлетворить духовныя потребности русиновъ, назначилъ пособіе въ три тысячи гульденовъ театру русскому, въ которомъ отказывалъ въ 1865 г. и, кромѣ того, обществу «Просвіта» 1.000, и журналу «Учителю» 500 гульденовъ. Впрочемъ, вообще изъ поведенія сейма не видно было, чтобъ онъ совершенно былъ убѣжденъ въ необходимости серьезныхъ уступокъ русинамъ. Разсмотрѣніе предложеній русинскихъ депутатовъ было возложено сеймомъ на постоянный комитетъ, которому было поручено составить комиссію изъ компетентныхъ людей, поляковъ и русиновъ. Тройкѣ комиссію эту было приглашено 8 поляковъ, депутатовъ сейма, профессоровъ университета и директоровъ училищъ,

и 7 русиновъ: вице-предсѣдатель сейма Ю. Лавровскій, проф. Шараневичъ, крылошанинъ Петрушевичъ, кр. Павликъ, директоръ Академической гимназіи Ильницкій, учитель Вахнянинъ и докторъ Сушкевичъ.

Скоро оказалось, что ни у поляковъ не было желания дать серьезныя уступки русинамъ ни у послѣднихъ еще не отпала охота ѳздить на конѣ высокой политики и высокихъ вопросовъ, и, что еще хуже, русины обнаружили крайний недостатокъ того политического такта, которыемъ, напр., въ такой большой степени владѣютъ чешскія партіи. Мы уже отчасти упоминали о раздѣленіяхъ на партіи между русинами, изъ коихъ выдвигаются наиболѣе ясно различно называемыя дѣлъ партіи: старыхъ и молодыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, твердыхъ и мягкихъ, святоюрацѣвъ и народовцевъ, московофиловъ и украинофиловъ и т. п., и скажемъ дальше объ этомъ еще нѣсколько словъ. А теперь замѣтимъ, что раздраженіе между партіями таково, что «старые» подавали въ 1870 г. голоса за поляковъ, только бы не прошелъ въ сеймъ депутатомъ г. Лавровскій, который въ это время присоединился къ «молодымъ». Когда внесенъ былъ 30 русскими депутатами проектъ соглашенія съ поляками, всѣ партіи, казалось, рѣшились поддержать его единодушно. «Слово», признанное передъ тѣмъ еще разъ органомъ института лавры ставропигіальной, «Русской Матицы» и крылошань святого Юрия, говорило о проектѣ въ такихъ словахъ, которыхъ мы нарочно приведемъ въ подлинникѣ, чтобы наши читатели видѣли на примѣрѣ, какую цѣну надо придавать мнѣніямъ самого «Слова» и покровительствующихъ ему нашихъ газетъ о литературномъ единстве Галиції съ Россіей: «Дуже (очень) ошибаются тѣи изъ нашихъ родимцевъ (земляковъ), которыхъ думаютъ, що выступленіе г. Лавровскаго и Наумовича въ з-мъ засѣданіи сейма съ предложеніемъ поразумѣнія съ поляками послѣдувало за выразнымъ препорученіемъ гр. Бейста, и приклоннаго, якъ извѣстно, не толькопольскому дѣлу, но и польскимъ мечтамъ. На щастье дѣло стоить совершенно инакше. Наши руски послы поняли важность нынѣшней ситуаціи, якъ належить, и пріѣхали къ тому заключенію, що отъ цислитанскаго правительства и отъ г. Бейста народъ рускій ніякої защиты надѣяться не можетъ: противно... Мы можемъ имѣти нашу будущность, если не упадемъ подъ ноги

ииноплеменникамъ, но яко одинъ мужъ станемъ вразъ съ другими славянскими народами въ запітъ единоспасительной для Австрії федеративной системы. Потребу поразумѣнія съ поляками выразила еще Русь подъ днемъ 18 юнія сего года въ своемъ протестѣ въ «Словѣ» противъ празднованія унії люблинской, но она жадала, чтобы иниціатива вышла отъ поляковъ. Польскій журналъ «Czas» выразно жалѣе, что иниціатива не вышла отъ поляковъ... Съ поляками мы уже довольно навраждовалися, и щожъ маємъ изъ той вражды? Нѣмцамъ централистамъ мы наслужилися также больше, якъ довольно, бо до омерзнія, и якуюжъ надгороду маємъ за нашу вѣрну службу? При поразумѣніи съ поляками, що нынѣ стратимъ? Голый разбоу не боится, но зыскати можемъ много, если твердымъ компромисомъ, забезпечивши себѣ права индивидуальности нашей народной, пойдемъ вразъ съ ними и другими славянами противъ равно всѣмъ намъ погубной нѣмецкой централізації» («Слово», 1867, № 76).

Черезъ нѣсколько времени «Слово» встревожилось статьями объ этомъ соглашениі, появившимися въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и «Варшавскомъ Дневникѣ», думая, по обыкновенію заграницной печати, столь вредному и для Россіи и для западныхъ славянъ, что голоса газетъ такого направленія выражаютъ собою мнѣніе не только общества, но и правительства въ Россіи, а оставить надежды на помощь послѣдней все-таки было трудно «Слову», такъ много объ этомъ читавшему и писавшему. Поэтому уже въ № 80 «Слово» заявило, что оно не прияло вѣсть о предложеніи г. Лавровскаго (уже о г. Наумовичѣ не упоминается) съ восторгомъ, а въ № 82 заявило неудовольствіе на малость требованій русскихъ депутатовъ и на рѣчъ г. Лавровскаго, которая, по словамъ львовской газеты, «указывала, яко бы русскій (теперь опять съ двумя с) народъ въ Галиції изнемогъ до такой степени, что его существованіе зависить только отъпольской милости» и т. д., а черезъ нѣсколько времени «Слово» уже не щадило выраженій противъ комиссіи, назначеннай постояннымъ комитетомъ сейма и противъ ея проектоў. Львовская газета раздѣлила въ это время русиновъ на «твѣрдыхъ» и «мягкихъ», именуя «твѣрдыми» только своихъ, и такъ расклассифицировала русскихъ членовъ упомянутой комиссіи: «три отъявленныхъ украинофилы, два середину (?)

держащихъ (Шараневичъ и Лавровскій) и только двое «твѣрдыхъ русиновъ», искреннихъ приверженцевъ Руси кореннай», — (оба упомянутые выше крылошанина); а потомъ и органъ «твѣрдыхъ русиновъ» стать представлять и все дѣло соглашенія затѣй «украинофиловъ», несмотря на то, что въ комиссіи всѣ русскіе члены, т.-е. и оба крылошанина подавали голоса за одинаковый предложенія. Полемика органа столькихъ важныхъ въ Галиції церковныхъ учрежденій противъ работъ въ комиссіи для соглашенія русиновъ съ поляками, разумѣется, ослабила вѣсъ ея въ глазахъ поляковъ, а ссылки «Слова» на русскія газеты, враждебныя существованіюпольской народности, давали полякамъ, не желавшимъ искреннаго соглашенія съ русинами (желала его только небольшая партія, такъ называемая краковская, и демократы-федералисты, предводимые Смолкой, а не желала партія Земляковскаго, т.-е. бюрократически-аристократическое большинство польскихъ депутатовъ), давали поводъ толковать объ опасности дѣлать русинамъ уступки, которая поведутъ только къ «омосковленію» Галиціи. Попытка достигнуть соглашенія и между партіями среди русиновъ, инициативу которой взялъ на себя митрополит Сембраторовичъ, не привели ни къ чему: сначала обѣ партіи выказали готовность соглашенія, и «молодые русины», которые составляли уже большинство въ «Бесѣдѣ русской», выбрали въ знакъ примиренія въ комитетъ ея нѣсколькоихъ членовъ изъ «старыхъ», но скоро старые выключили молодыхъ изъ общества «Русская Рада», въ которомъ составляли большинство.

Не состоялось соглашеніе между молодыми и старыми оттого, что вмѣсто того, чтобы говорить о практическихъ вопросахъ, на которыхъ обѣ стороны могли согласиться въ образѣ дѣйствій, обѣ сей часъ же подняли все тотъ же злосчастный вопросъ: что такое русины? По приглашенію митрополита, товарищество «Просвѣта» отъ имени «молодыхъ» представило записку, въ которой объясняло, что главный корень раздѣленія, существующаго между русинскими партіями, заключается въ томъ, что кружокъ «Слова» отступилъ отъ формулы 1848 г., что русины суть часть 15-миллионнаго малорусскаго племени, и провозгласилъ тожество русиновъ съ великоруссами, въ противность какъ прежнимъ своимъ словамъ, такъ и мнѣніямъ о малорусскомъ языке авторитетовъ филологіи, не только

западно-славянскихъ, какъ Шафарикъ, г. Миклошичъ и др., и малорусскихъ, какъ г. Максимовичъ, и русинскихъ, какъ г. Головацкій, но и самихъ великоруссовъ, какъ г. П. Лавровскій. Представители молодыхъ признавали, такимъ образомъ, раскольниками старыхъ и требовали, для возстановленія мира, возвратиться къ формулѣ 1848 г. Конечно, на такомъ синтетическомъ полѣ соглашенія нигдѣ и никогда не достигаются, а въ Галиціи, гдѣ, собственно говоря, никто хорощенько не знаетъ не только того, что такое Россія вообще, или Великороссія, но даже Малороссія, тѣмъ паче. Русинамъ просто слѣдовало бы обратиться къ своимъ элементарнымъ дѣламъ, ибо коихъ они могли бы и помириться. Но это случится развѣ тогда, когда или галичане дойдутъ до окончательного излѣченія отъ страсти предпочитать высокія и далекія матеріи низкимъ и близкимъ, или узнаютъ Россію и Малороссію получше, или хоть сознаются, что они вовсе ихъ не знаютъ. Однако до такого состоянія и теперь еще далеко галичанамъ, а иѣсколько времени назадъ было еще дальше, оттого всякаго рода попытки соглашенія между галицкими партіями приводили только къ новымъ раздорамъ. Въ отвѣтъ на программу «Просвѣты» партія старыхъ своей офиціальной программы не представила, вѣроятно, потому, что иные считали неполитичными въ Австро-Галичинѣ соглашаніи съ филологическими идеями «Слова», другіе же, среди духовныхъ, особенно, сами имѣли большие всего наклонности избѣгать общенія со всякаго рода живыми силами и языками и держаться строго австро-рутенскихъ идей. Дѣло ограничилось только тѣмъ, что «Слово» напало на программу «молодыхъ», обозвавъ ихъ «мягкими» и измѣнниками русскому народу. Да и самъ митрополитъ и его приближенные не очень-то принимали къ сердцу соглашеніе между русскими партіями, изъ коихъ и къ народовцамъ они не имѣли большой симпатіи по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже, и обусловили это соглашеніе тѣмъ, чтобы обѣ партіи признали митрополита политическимъ вождемъ русиновъ, къ чему именно «молодые» русины большой наклонности не имѣли.

Междуду тѣмъ упомянутая комиссія медленно вырабатывала проектъ соглашенія. Впрочемъ, и комиссія начала работу съ конца, который предвѣщалъ мало доброго, а именно съ теоретического вопроса и съ предрѣшенія будущаго, — съ во-

проса, что такое галицкіе русины и въ какихъ отношеніяхъ они должны стоять къ другимъ народамъ. Вопросъ этотъ подняли прежде всего поляки. Если бы русины радикально изгѣчились отъ страсти Ѣздить на конѣ высокой политики, они должны бы были, въ особенности въ переговорахъ съ чужими, безусловно отказаться отъ всякихъ пополновеній и увлеченій на дорогу политического синтеза, а ограничиться политическімъ анализомъ, т.-е. заявленіемъ практическихъ требованій отъ предержащей польской власти, предоставляемъ себѣ и своему народу употребить тѣ уступки, которая они должны были получить, какъ они сами вмѣстѣ съ своимъ народомъ сочли бы это для себя выгоднымъ. На вопросъ поляковъ—кто вы такие по національности—русинские политики, если хотѣли оставаться политиками, т.-е. людьми практическими, могли отвѣтить только въ такомъ родѣ: это намъ знать, да вообще людямъ, специально занимающимся этнографіей, а для васъ довольно и того, что насть столько-то и что мы, чувствуя свою разницу отъ васъ, желаемъ себѣ другого положенія, правового, особыхъ средствъ для нашего образованія и т. п., такъ и будемъ говорить о томъ, сколько вы теперь можете уступить намъ этихъ правъ и этихъ средствъ, для того, чтобы мы не противодѣйствовали вашимъ теперешнимъ стремленіямъ получить автономію для края, населенного вами и нами. Но вмѣсто того, чтобы прямо приступить къ обсужденію практическихъ требованій, изложенныхъ въ программѣ русинскихъ депутатовъ, комиссія занялась теоретическими вопросами. Польскій членъ ея, проф. Кабать, предложилъ поставить во главу соглашенія положеніе, что «Галицкая Русь признаетъ себя на будущее время единой и нераздѣльной частию съ Krakowomъ». Такъ какъ подобная формула давала поводъ къ толкованіямъ, въ родѣ тѣхъ, какія были въ безусловной силѣ у поляковъ между 1848 и 1853 гг., что русинъ только разновидность поляка, какъ и мазуръ, и что собственно «нѣть Руси» (nièma Rusi), то очевидно, что русины не могли допустить и мысли о соглашеніи, по принятіи подобной формулы, а потому она почти единогласно (13 противъ 2) была отвергнута комиссией. Вмѣсто нея прията, 14 голосами противъ одного, формула 1848 г. въ отвѣтъ на вопросъ, что такое русины. А именно, что «народъ рускій признается за особое 15-милліонное племя славянъ».

вянское, отдельное отъ польского и московского». Въ пользу этой формулы подали голоса не только тѣ члены, которыхъ «Слово» называло украинофилами и середину держащими, но и тѣ, которыхъ оно звало твердыми. Не будемъ говорить о польскихъ членахъ комиссій (со стороны поляковъ это уже большой прогрессъ съ 1848 г., что у нихъ нашлись люди, которые признали, наконецъ, что Русь въ Галиціи есть нечто отдельное отъ Польши), но не можемъ не сказать, что русские члены ея, какъ внося подобные формулы, такъ и подавая за нихъ голоса, явили себя филологами и этнографами, но никакъ не историками, а всего менѣе политиками, какими они только и должны были быть въ комиссіи, назначеннай не ученымъ обществомъ, а политическимъ учрежденіемъ, какъ постоянный комитетъ львовскаго сейма.

Основаніями для той формулы, служать мнѣнія вышеупоменованныхъ ученыхъ о самостоятельности малорусскаго языка, коего галицкое нарѣчіе составляетъ одинъ изъ видовъ. Но эти чисто филологическія мнѣнія не ведутъ за собою непремѣнно не только политическихъ, но даже и литературныхъ послѣдователей, потому что не только политическая особность известной части народности отъ ея цѣлаго, но даже и литературная, не зависятъ отъ одной только языковой и бытовой особности ея, видной для специалистовъ-филологовъ; особность политическая, и даже литературная, зависить, кромѣ этнографическихъ и филологическихъ условій, еще и отъ многихъ другихъ: историческихъ, религіозныхъ, экономическихъ, культурныхъ, а главнымъ образомъ, отъ воли самого народа, простирающей изъ сознанія, что ему полезно, нужно, пріятно, или какъ бы тамъ ни было, быть въ единствѣ, политическомъ или литературномъ, съ другимъ народомъ, или въ раздѣльности. А въ данномъ случаѣ на вопросъ обѣ отношеніяхъ (сходствѣ и различії) галичанъ къ полякамъ и великоруссамъ, малоруссовъ къ полякамъ и великоруссамъ, самихъ галичанъ къ остальнымъ малоруссамъ, имѣло вліяніе столько условій историческихъ и культурныхъ, что решить всеѣ возникающіе въ этихъ отношеніяхъ вопросы только одними филологическими наблюденіями надъ языками поименованныхъ племенъ, неѣ никакой возможности.

Начать съ того, что галичане, дѣйствительно, этнографически и филологически вполнѣ составляютъ часть малорус-

скаго племени. Но правовое, бытовое, экономическое, литературное состояніе ихъ такъ отлично отъ состоянія малороссовъ, что если взять галичанъ, какъ они есть, «живѣмъ», то они окажутся въ иномъ отношеніи больше похожи на поляковъ, словаковъ и т. д., чѣмъ на нашихъ малороссовъ. Конечно, единство политической жизни галичанъ съ малороссами возможно только или вслѣдствіе трудно-вообразимой международной катастрофы, или какъ результатъ долговременной жизни, которая, можетъ-быть, измѣнитъ и малороссовъ и галичанъ такъ, что они не будутъ похожи на теперешнихъ. О политическихъ отношеніяхъ галичанъ къ великоруссамъ теперь и говорить серьезно нечего, потому что этихъ отношеній не было со временемъ Владимира Хитраго и Ярослава Осьмомысла, — князей, прозвища которыхъ показываютъ, что когда-то и галичане были очень тонкими для своего времени политиками. Для Россіи въ политическомъ отношеніи нѣтъ галичанъ, а есть Австрія, и, кромѣ болтуновъ, никто серьезно не думать, чтобы Россія заботилась о томъ, какъ бы присоединить къ себѣ Галицию, а еще менѣе, чтобы и Австрія могла думать присоединить какую-нибудь часть Россіи. Хотя и въ меньшей степени, но то же самое надо сказать и о литературныхъ отношеніяхъ галичанъ, малороссовъ, великороссовъ, поляковъ.

Всѣ вышеизвѣнныи наши ученые признаютъ малорусский языкъ такимъ же совершенно самостоятельнымъ славянскимъ нарѣчіемъ, какъ и великорусское, сербское, польское и т. д., но даже эти самые ученые несогласны касательно практическихъ выводовъ по вопросу о малорусской литературѣ: такъ, самъ г. Максимовичъ, правда, очень давно, выражалъ мнѣніе, что въ Малороссіи попытки писать по-малорусски будуть всегда искусственными, хотя при этомъ же совѣтовать галичанамъ именно писать по-малорусски, потому что для нихъ это существенная основа живой литературы, такъ какъ это единственный для галичанъ живой русскій народный языкъ («Кіевлянинъ», 1841 г., и письмо къ галицкимъ литераторамъ въ 1848 году, напечатанное въ «Галичанинѣ», ч. II, стр. 107); что же до святоюрского литературного синкретизма, то г. Максимовичъ отзывается о немъ такъ: «Отъ своего отбиваются, а къ великорусскому не пристаютъ и плаваютъ между ними на искусственной серединѣ, весьма неблагопріят-

ной ихъ поэзии». Г-нь П. Лавровский, признавая самостоятельность малорусского нарѣчія, однакожъ, принадлежить къ тѣмъ писателямъ, которые и всѣмъ славянамъ совѣтуютъ принять тотъ литературный языкъ, который галичане называютъ «московскимъ» и т. д. Очевидно, что вопросъ о самостоятельности какой-либо литературы, или близости ея, или даже единства съ другою решается далеко не одними только теоретическими наблюденіями надъ извѣстнымъ нарѣчіемъ, а обусловливается всею совокупностью обстановки народной и общественной жизни, и особенно жизненною потребностью въ извѣстной литературѣ. Такъ, въ Малороссіи языкъ народа всегда былъ болѣе или менѣе такой же, какъ и теперь, но писатели-малоруссы XVI—XVII вѣковъ употребляли церковный и даже польскій и латинскій языки, внося въ свои писанія малороссіанізмы больше невольно; потомъ, начиная съ Дмитрія Ростовскаго, стали переходить отъ церковно-славянскаго къ великорусскому, а потомъ, отъ Богдановича и Капниста, стали писать выработавшимся въ Россіи послѣ Ломоносова на основѣ великорусского нарѣчія литературнымъ языкомъ, которымъ писана большая часть и такъ уважаемыхъ галицкими народовцами сочиненій гг. Костомарова, Кулиша и др., потому что публику такого рода сочиненія могутъ найти только будучи написаны на общемъ всему образованному обществу въ Россіи, и потому, что та жизнь, которая описывается въ сочиненіяхъ Капниста, Гоголя и др. подобныхъ писателей-малоруссовъ, употребляеть для своихъ потребъ этотъ самый языкъ съ небольшими варіаціями по провинціямъ. И только когда жизнь породила новыя задачи и потребности въ литературѣ, а именно, изображенія жизни народной, потребность сближенія высшихъ классовъ съ низшими, потребность проведенія знаній въ народѣ въ самой удобной формѣ, — тогда явились, и сначала безсознательно, а потомъ и болѣе сознательныя попытки писать на малорусскомъ народномъ языкѣ; аналогичныя потребности проявились тогда и въ великорусскомъ обществѣ. Куда дальше поведеть жизнь вопросъ о сближеніи литературнаго языка съ простонароднымъ въ Сѣверной и Южной Россіи, — посмотримъ; но только онъ решится не одними лишь филологическими законами, а всею совокупностью народной и политической жизни въ Россіи, и скроѣ всего въ пользу преобладанія центростремительной

(русской) силы надъ центробѣжными (великорусской и малорусской).

Что касается до Галиції, то такъ какъ тамъ, дѣйствительно, языкъ народа есть собственно нарѣчіе малорусскаго языка, то все писанное живымъ малорусскимъ языкомъ въ Россіи, изображающее ли жизнь народа, или передающее общечеловѣческія идеи, или знанія, тамъ принимается, какъ свое, родное: такъ, мы видимъ, что тамъ начало театру, которому польки потому и отказывали въ субсидіи изъ земскихъ суммъ, что называли его «московскимъ», положили сперва малорусскія пьесы Котляревскаго, Гоголя-отца, Квитки, Ильченки, Кухаренка, которая и до сихъ поръ составляютъ большинство въ репертуарѣ русскаго театра въ Галиції; такъ, въ настоящемъ году товарищество «Просвіта» приобрѣло 500 экземпляровъ изданнаго въ Россіи популярнаго изложения физической географії «Дѣ-що про світ Божій» и т. п. Такъ, наоборотъ, все написанное въ Галиції популярнымъ языкомъ можетъ быть принято легко и въ Малороссіи. Но условія исторіи и быта Галиції съ XVIII вѣка были настолько не схожи съ жизнью въ Малороссіи, что всѣ отношенія даже въ народѣ, а особенно въ высшихъ классахъ, болѣе тронутыя политическою и общественною исторіей, а не вытекающія только изъ этнографії, въ Галиції вовсе не похожи на малороссійскія. А потому и литература галицкая, выражавшая эту жизнь болѣе историческихъ слоевъ населенія, гораздо дальше отъ умовъ и интересовъ образованныхъ малороссовъ, чѣмъ та, которая у галичанъ называется россійскою и великорусскою. Не говоря уже о содержаній, даже языке, напримѣръ, самыхъ украино-фильскихъ журналовъ галицкихъ образованному малороссіянину подчасъ даже трудно понять, несмотря на то, что галичане пишутъ грамматикой и фонетикой малороссійской, тогда какъ тотъ же малороссіянинъ, конечно, читаетъ, какъ свое и близкое, какой-нибудь «Вѣстникъ Европы» или «Отечественные Записки», несмотря на то, что эти, какъ говорятъ въ Галиціи, «великорусские» или «московские» журналы пишутъ грамматикой и фонетикой гораздо ближайшей къ великорусской, чѣмъ къ малорусской.

Вотъ этого-то именно факта и того закона, что литературу дѣлаетъ именно вся совокупность жизни, а не одни только этнографическо-филологическая условія, и не знаютъ галицкіе

украинофилы, а потому, какъ только поднимется у нихъ вопросъ литературный, сейчасъ принимаются говорить во имя 15 миллионовъ русскаго народа, изъ коихъ 12 находятся совсѣмъ не въ тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, въ какихъ живутъ галичане. Въ свою очередь галицкіе «москофилы», «панрусисты» и наши покровители ихъ, вслѣдствіе невниманія къ тому же закону, въ такихъ случаяхъ поднимаютъ толки о единой литературѣ единаго русскаго народа и языка, ссылаясь на другихъ филологовъ и этнографовъ, которые называютъ галичанъ частію великаго 50—60-миллионнаго русскаго народа. Поэтому они и предлагаютъ имъ развивать единую съ ними литературу, забывая, что если разность условій жизни произвела такую разницу между обществомъ въ Малороссіи и Галичинѣ, то эта разница между галичанами и великоруссами должна быть еще больше, что и дѣйствительно подтверждается тѣмъ, что надъ содержаніемъ и языкомъ писаній гг. Дѣдицкихъ смыются великоруссы, даже и тѣ, которые печатно похваляютъ панрусскія стремленія «Слова».

Говоря это, мы не думаемъ подобно галицкимъ клерикаламъ присуждать галицкихъ русскихъ наивки къ участіи особаго австро-рутенскаго народа. Намъ эта доктрина о «рутенцахъ» особенно тѣмъ и противна, что эти клерикалы вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаютъ народъ русинской на умственное рабство униатскому духовенству и бюрократіи; мы не отрицаємъ, что существуютъ и теперь точки соприкосновенія нравственныхъ и общественныхъ интересовъ между Галицией и Малороссіей, и даже всей Россіей, и думаемъ, что количество этихъ связей будетъ со временемъ расти все больше, повинуясь дѣйствію степеней народнаго сродства, т.-е. что Галиція именно черезъ Малороссію все больше придется въ связь и со всю Россіей. Мы только считаемъ, на основанії фактическихъ наблюдений, безъ предвзятыхъ идей, надъ политикой и литературой въ Галиціи, что толки о полномъ единстве литературы и политики Галиціи даже съ Малороссіей, а особенно со всю Россіей, пока не основаны на пониманіи практическихъ интересовъ. Это постоянное расширение литературнаго вопроса въ Галиціи за ея предѣлы, въ чемъ повинны одинаково и галицкіе москофилы, и галицкіе украинофилы, и наши ихъ покровители, это обсужденіе литературнаго вопроса галицкаго не на почвѣ реальныхъ потребностей галиц-

каго народа и общества, а на теоретическихъ грамматическихъ соображеніяхъ или дилетантски-политическихъ фразахъ и фантазіяхъ, есть собственно преждевременная ъзда на «конѣ высшей политики», которая, кромѣ вреда, ничего не можетъ принести галицкому народу и зарождающемуся обществу въ его борьбѣ за сохраненіе и развитіе русской народности въ Галиції. А между тѣмъ эта безплодная ъзда на конѣ теоріи и фразѣ политическихъ сейчась начинается и въ Галиції, и у насъ, какъ только поднимается какой-либо жизненный вопросъ въ Галиції, какъ, напримѣръ, вопросъ о соглашеніи съ поляками на условіяхъ уступокъ русинамъ школѣ, гимназій и каѳедрѣ въ университетѣ. Такъ случилось и въ комиссіи, назначеннай для разсмотрѣнія предложеній 30 русскихъ депутатовъ.

Какъ мы видѣли, кромѣ одного польского члена, всѣ остальные члены комиссій, и поляки, и «москофилы» или «твѣрды» русины, и «отъявленные украинофилы» или «мягкие русины», и «средніе» подали голоса за формулу, что русины считаются за народъ особый отъ поляковъ и великоруссовъ, или «москалей». Но скоро оказалось, что самое поднятіе такого теоретического вопроса было ошибкой для всѣхъ сторонъ, кромѣ, быть-можеть, тѣхъ изъ поляковъ, которые только желали заняться дѣло разсужденіями, а не хотѣли искренняго соглашенія съ русинами. Кружокъ «Слова» обидѣлся противорѣчіями его новымъ этнографическимъ теоріямъ. Онъ выразилъ справедливо сожалѣніе, что комиссія вмѣсто того, чтобы заняться разборомъ требованій 30 депутатовъ, обратилась сейчась же къ опредѣленію разницы между русинами и москалями, и пожаловался довольно без tactно на то, что комиссія не признала галичанъ «коренными русскими», какъ будто малоруссы — прямые потомки тѣхъ «русовъ», которые положили начало и Россіи, не такие же «коренные русские», какъ и москвичи. Поляки начали упрекать русиновъ въ неискренности, указывая на то, что представители партии святоюрцевъ подаютъ въ сеймѣ и въ комиссіи голоса за проектъ соглашенія между русинами и поляками, а органъ ихъ въ печати ведетъ полемику противъ него. Другіе изъ поляковъ выразили недовольство формулой, которая прямо признала русиновъ народомъ, отдѣльнымъ отъ поляковъ, и говорили, что такимъ образомъ de jure признано раздѣленіе

Галиції, которому они всегда такъ сопротивлялись, и что, если привести въ исполненіе предложенія комиссіи, которая пошла въ подробностяхъ даже нѣсколько дальше въ пользу русиновъ, чѣмъ предложеніе 30 депутатовъ, тогда это раздѣленіе произойдетъ и de facto.

Опредѣленіе комиссіи, что русины составляютъ отдѣльный народъ и отъ великоруссовъ, никакъ не успокоило поляковъ, изъ которыхъ многіе говорили въ сеймѣ, что допустить русскій языкъ въ университетъ Львовскій — значитъ открыть въ немъ «московскія каѳедры» (Dziennik Polski), такъ какъ для поляковъ малорусскій ли, великорусскій ли языкъ — равно представляются «московскими» въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется у поляковъ. Указывая на то, что «Слово» раздѣляетъ мнѣнія, существующія у настъ обѣ обрученій Польши, поляки тѣмъ паче говорили, что уступки русинамъ — шагъ къ уничтоженію поляковъ и въ Галиціи. По поводу опредѣленій комиссіи нѣкоторыепольськіе ораторы и часть журналистики (Dziennik Lwowski) возобновили прежнія жалобы на украинофильство галицкое и «хлопоманію» украинофиловъ въ Россіи, и въ опредѣленіи, что галичане — часть малорусскаго народа, усмотрѣли и эту хлопоманію, и сепаратизмъ отъ королевства Галицко-Володимирскаго и Великаго княжества Кракова, а слѣдовательно, и отъ Австріи. Русинскіе ораторы въ сеймѣ пробовали успокоитьпольскія опасенія доводами, что дѣйствительно языкъ русиновъ близокъ къ тому, которымъ говорятъ въ Россіи и даже пишутъ въ Москвѣ, что послѣднее произошло отъ того, что и самая цивилизациѣ и литература въ Россіи пошла съ юга, изъ Киева, но что такое сходство не должно служить поводомъ оставлять галицко-русское населеніе безъ образованія на его родномъ языке. Въ заведенной въ 1871 г., съ пособіемъ отъ г. Лавровскаго и, кажется, отъ министерства, газетѣ «Основа», органѣ партіи «политиковъ» и «умѣренныхъ», русинскій публицістъ пробовалъ успокоить поляковъ и австрійскую бюрократію протестомъ противъ того, зачѣмъ называютъ галицкую народную партію «украинцами» и «украинофилами» и тѣмъ «денуницируютъ», что они «за Украиной» тянутъ «за Россіей», и предлагалъ, если ужъ такъ, называть галичанъ «мало-Украинцами», въ отличіе отъ «великоукраинцевъ», находящихся въ Россіи! Но такія успокоенія помогали мало, такъ

какъ полякамъ очень хорошо извѣстны отношенія къ нимъ украинцевъ и украинофиловъ и прежде и теперь. Даже тѣ изъ польскихъ журналовъ, которые высказывались за соглашеніе съ русинами (какъ, напримѣръ, Край), все-таки не становились на прямую и откровенную точку зрѣнія. Не забывая Польши въ предѣлахъ 1772 г., они понимали соглашеніе съ русинами, какъ признаніе и со стороны послѣднихъ этой Польши, а потому, напр., во время съѣзда поляковъ въ Львовѣ въ 1871 г., требовали, чтобы русины прислали своихъ представителей, для привѣтствія гостей, изъ Познани, Силезіи и т. п. «Основа», правда, помѣстила статью, въ которой въ общихъ выраженіяхъ наговорила вѣжливостей и добрыхъ желаній стремленіямъ поляковъ къ национальной свободѣ и независимости, но не выразила никакихъ обѣщаній со стороны русиновъ.

Около этого времени вступившее въ должность министерство Гогенварта освѣжило опять надежды поляковъ, которые хотѣли явиться передъ правительствомъ, оппозиціей и познанскими гостями единодушными, и предложили принять участіе въ съѣздѣ и «фракції Лавровскаго». Но г. Лавровскій и другіе приглашенные на съѣздъ (гг. Ильницкій, Партицкій, Климковичъ, Романчукъ, Вахнянинъ) отвѣчали, что русины — не фракція, а национальность, а потому и не примутъ участія ни въ какомъ политическомъ актѣ, пока не будетъ на дѣлѣ признана равноправность обоихъ народовъ въ Галиціи. На съѣздѣ польскомъ никто изъ русиновъ не былъ, если не считать русиномъ г. Костецкаго изъ редакціи «Gazeta Narodowa», который такой же русинъ, какъ и гр. Голуховскій и всякий полякъ родомъ изъ Западной Руси, но по обычью, установленному на такіе случаи у поляковъ, опять представляя себѣ олицетвореніе вольного союза Руси и Польши. Настоящимъ русинамъ — *absentibus* было прочитано внушеніе однѣмъ слезакомъ (силезцемъ) о томъ, что они должны быть благодарны памяти Казимира Великаго и Стефана Баторія, а евреи г. Варшаверъ развили теорію, что русинъ и мазуръ — это виды поляка. Но все-таки обнаружившееся въ виду съѣзда и министерства Гогенварта оживленіе политическихъ надеждъ у поляковъ заставляло ихъ не раздражать русиновъ, а потому некоторые польскія газеты не разъ возвращались къ темѣ соглашенія съ русинами. Однако миролюбивыя фразы этихъ газетъ

сопровождались обычными оговорками, искажением истории, а главное, явным недовѣрьем и чуть не отвращениемъ отъ русинского народа. Польские журналы говорили, что поляки готовы уступить «настоящимъ русинамъ», а не «москалямъ», а «Край», — газета, чаще другихъ польскихъ позволяющая себѣ отступать отъ ортодоксіи польско-национальныхъ фразъ, хотя и высказывалась за необходимость соглашения съ русинами, но, обращаясь къ событиямъ 1862—1863 гг., рассказывала небывалы исторіи, какъ братски относилась польская молодежь къ украинскому народу и какъ этотъ народъ заплатилъ полякамъ неблагодарностью. Конечно, русины, особенно народная партия, очень хорошо понимали всю цѣну подобныхъ фразъ, а потому и не обнаруживали особенной вѣры въ объѣцій поляковъ сдѣлать уступки русскому элементу, на основаніи предположений вышеупомянутой комиссіи, особенно послѣ того, какъ центральное правительство признало автономію Галиції на основаніи извѣстной резолюціи, которую министерство Гогенварта объявило иѣкоторымъ образомъ правительственной программой по галицкому вопросу.

Такимъ образомъ завершилось переговоры о соглашении путемъ уступокъ русинамъ, которое должно было бы предшествовать принятію и русинами въ львовскомъ сеймѣ и въ Вѣнѣ резолюцій, отдвигалось въ долгій ящикъ. Отговорки поляковъ, что они не могутъ ничего ни дать ни обѣщать положительного, пока не знаютъ навѣрно, что будутъ имѣть сами, не могутъ быть признаны искренними, такъ какъ многія изъ вышеприведенныхъ требованій русиновъ, напр., касающіяся гимназій, не выходятъ изъ предѣловъ компетенціи львовскаго сейма. Между тѣмъ и министерство, не желая ничего дѣлать въ пользу русиновъ безъ поляковъ, не только не предпринимало ничего въ предѣлахъ своей власти, напр., въ университетѣ Львовскомъ, въ которомъ оно могло открыть русскія каѳедры, но даже не приводило въ исполненіе распоряженія своего предшественника о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ половины предметовъ въ смѣшанныхъ учительскихъ семинаріяхъ въ Львовѣ, Тарнополѣ и Станиславовѣ. Поляки вѣрили, что и безъ русиновъ они своего добьются, даже если не отъ федералистического министерства графа Гогенварта, то отъ централистической оппозиціи, которая, въ случаѣ паденія гр. Гогенварта, станетъ прави-

тельствомъ. Поэтому они мало интересовались поддержкой русиновъ, политическая сила которыхъ имъ вовсе не была страшна въ виду того, что, какъ мы говорили, на послѣднихъ выборахъ даже въ 16 сельскихъ округахъ Восточной Галиціи были выбраны депутатами помѣщики, т.-е. поляки. Въ виду неискренности поляковъ, даже партія народовцевъ въ Галиціи, которая было признала главою своей г. Лавровскаго и органомъ «Основу», стала выражать свое неудовольствие на слишкомъ уже «политичное» поведеніе этого журнала, который изъ всѣхъ силъ старался поддержать ладъ между русинами и поляками и увѣрить первыхъ, что огражденіе правъ своей народности они скорѣе получатъ отъ львовскаго сейма, чѣмъ отъ нѣмецкихъ централистовъ и искусственнаго вѣнскаго рейхсрата, составленного по конституції 1867 г. Послѣднее, пожалуй, было высказано и справедливо, если бы были сдѣланы нѣкоторыя оговорки: вѣнскіе централисты дѣйствительно только, что называется, кормили русиновъ обѣщаніями, но вѣдь и львовское польское большинство дѣяло то же самое или, еще хуже, принимало мѣры, особенно черезъ школьній совѣтъ, къ стѣсненію русиновъ. Отказаться отъ надеждъ на вѣнскіхъ централистовъ было полезно — одною надеждою на чужія силы меныше, значить, все-таки ближе къ мысли, что надѣяться надо только на себя; сосредоточить же борьбу у себя въ краѣ, въ мѣстномъ сеймѣ — полезно въ виду сосредоточенія работы. Однако все-таки для полученія результатовъ усилій патріотическихъ надо усилить свою работу и прийти къ идеѣ, что и тутъ, и въ своемъ краѣ, въ его сеймѣ только тогда получишь уступки, когда приобрѣшь силу большую, чѣмъ теперь, когда число русскихъ депутатовъ станетъ больше и т. д. А слѣдовательно, русскій органъ, который звать русиновъ бросить надежды на вѣнскіхъ централистовъ и не сопротивляться признанію автономіи Галиціи, долженъ быть выступить съ болѣе энергическою внутреннею программой, меныше политичничать, меныше возлагать надежды на милосердіе польского большинства и на весьма сомнительное обращеніе части польской аристократіи изъ Восточной Галиціи къ благосклонному отношенію къ русской народности, къ образованію чего-то въ родѣ «исторической шляхты» чешскаго сейма, — чѣмъ это дѣлала «Основа» и ея патронъ г. Лавровскій. Поэтому болѣе энергическая часть народной

партии стала неодобрительно относиться къ «Основѣ» и «политикамъ».

Что касается до партии святоюрской, то она, давно уже высказавши черезъ свой органъ «Слово» полное недовѣріе къ тому, чтобы автономія Галиціи могла послужить въ пользу русинамъ, теперь при новой перемѣнѣ министерства еще разъ попробовала обратиться непосредственно къ центральной власти. Образовавшееся въ это время политическое общество «Руска Рада» изъ 500 членовъ, отправило депутацію къ министерству Гогенварта съ адресомъ къ палатамъ противъ резолюціи галицкаго сейма объ автономії Галиціи, какъ «вредной русинскому народу» и (опять-таки!) ослабляющей силу и единство монархіи. Для удовлетворенія русинскаго народа Рада просила: пересмотръ конституціи о представительствѣ 1861 года, прямыхъ выборовъ въ рейхсрать и законъ о национальностяхъ. Впрочемъ, кр. Павликова, котораго мы видѣли членомъ комиссии соглашенія, и который теперь стоитъ во главѣ депутатіи «Руской Рады», началь свою рѣчь графу Гогенварту съ странного заявленія, «что русины имѣютъ довѣріе къ министерству и его программѣ (тогда какъ гр. Гогенвартъ выражалъ мнѣніе, что принимаетъ «резолюцію», какъ министерскую программу), и что такъ какъ министерство стоитъ выше партий и желаетъ мира внутренняго и проведения § 19 конституціи (т.-е. равноправности народностей), то и русская программа гармонируетъ съ стремлѣніемъ министерства. Гр. Гогенвартъ отвѣчалъ: «меня чрезвычайно радуетъ, что ваша политическая программа, *какъ кажется*, согласна съ нашимъ (dass Ihr politisches Programm mit unserem in Einklang zu stehen scheint), и я бы весьма радъ, если бы могъ увидѣть исполненными ваши желанія». Хотя изъ другихъ министровъ Шефле и прямѣе выразилъ, что министерство желаетъ равноправности всѣхъ народностей, но въ концѣ-концовъ Гогенвартовское и Иричковское (Иричекъ, какъ мы говорили, принималъ участіе въ проектѣ введенія въ Галиціи латинской азбуки вместо кирилловской) *scheint* и *wenn ich könnte* въ реальномъ смыслѣ было равно нулю, ибо, если министерство обѣщало поддерживать автономію Галиціи, на основаніи резолюціи сейма, значитъ, отъ себя не могло ничего сдѣлать въ пользу русиновъ. Этотъ нуль приправлялся, впрочемъ, довольно резоннымъ совѣтомъ: до-

бивайтесь своихъ правъ въ галицкомъ сеймѣ. Но это было то же самое, что русины уже слышали въ свое время отъ федералиста Белькреди и потомъ отъ новоконституціонныхъ централистовъ школы Бейста, которые готовы были кинуть полякамъ автономію, лишь бы отлучить ихъ отъ союза съ остальными славянами.

Пойти противъ министерства Гогенварта — но, во-первыхъ, не въ нравахъ крылошанъ ити противъ властей предержащихъ; во-вторыхъ, это значить уже явно измѣнить славянскому знамени, а въ-третьихъ, все равно протестъ слабой партіи ровно ни къ чему не ведеть. Поэтому, когда начались переговоры гр. Гогенварта съ поляками и чехами, «Слово» объявило, что хотя русины и не ждутъ ничего доброго отъ автономіи Галиції, но и протестовать больше не будуть, мемуаровъ и адресовъ ни министерству, ни коронѣ, ни рейхерату подавать не будутъ, что, моль, довольно подавалось такихъ адресовъ, но пользы изъ нихъ русинамъ не было. Это значило признаться, что 23 года политической дѣятельности партіи, нѣкогда немалочисленной, равны цулу. Признаніе непріятное, но во всякомъ случаѣ полезное, какъ всякое признаніе факта и отказъ отъ «насъ возвышающихъ обмановъ», хотя бы это признаніе еще и не повело за собою принятія ясной программы, указывающей выходъ изъ настоящаго безотраднаго положенія. Пока, впрочемъ, святоюрская партія держится именно только одной отрицательной стороны упомянутаго признания; она воздержалась отъ оппозиціи министерству Гогенварта, но пока и не вступала вновь на путь поддержки централистической партіи, взявшей верхъ послѣ паденія этого министерства, потому что и централистическая партія тотчасъ же вступила въ соглашеніе съ поляками, хотя все-таки до сихъ поръ вопросъ объ автономіи Галичини не рѣшиенъ въ вѣнскомъ рейхератѣ. Изрѣдка иѣменско-централистическая печать, ворча на слишкомъ большія требования поляковъ, вспоминаетъ о русинахъ, какъ объ элементѣ, который не очень-то сочувствуетъ польской резолюціи, но это ворчаніе не ведеть къ практическимъ послѣдствіямъ въ пользу русиновъ.

Мало того, говоря объ элементахъ не-польскихъ въ Галиції, вѣнская централистическая печать и ораторы рейхерата упоминаютъ, какъ «народность», угнетаемую поляками, кромѣ

русиновъ, еще и евреевъ. И, дѣйствительно, евреи, чего добраго, дѣйствительно выступятъ послѣ новыхъ выборовъ, какъ зовалъ «народность» въ Галиціи. Политика евреевъ всюду одна и та же: становиться на сторонѣ сильнаго, для того, чтобы въ этомъ союзѣ преслѣдоватъ свои интересы, которые, во самому существу дѣла, конечно, не могутъ быть интересами извѣстныхъ политическихъ, национальныхъ и т. п. теоретическихъ началь. До сихъ поръ евреи въ Галиціи были на сторонѣ польской аристократіи, господство которой помогало имъ эксплуатировать и народъ русскій, и польскій и самую аристократію. На сторонѣ русиновъ они никогда не были, да и быть не могутъ, такъ какъ русины долго еще будуть политически слабы и такъ какъ всякая русинская партія, volens-nolens, большие или меньшие, но должна быть демократическою, а подиціе «демоса» есть уменьшеніе возможности эксплуатации его евреями. Но мало-по-малу во всѣхъ славянскихъ земляхъ евреи становятся союзниками нѣмецкой партіи, по мѣрѣ того, какъ эта партія становится правительственною, а нѣмецкая партія, конечно, рада принять въ себя ловкое и по-нѣмецки говорящее племя. Поэтому-то галицкіе евреи овладѣваютъ, благодаря гнету польской аристократіи надъ народомъ какъ русскимъ, такъ и польскимъ, и благодаря неразвитости народа — результату этого гнета, твердой позиціей въ Галиціи въ видѣ торговли въ городахъ, шинковъ, арендѣ и во многихъ мѣстахъ путемъ покупки земли въ селаахъ; а теперь они начинаютъ пользоваться конституціей и положениемъ своимъ въ Галиціи, чтобы проникнуть и въ сеймъ, и обращаются на себя вниманіе политиковъ и публицистовъ нѣмецко-централистической партіи, заключающей уже въ себѣ не мало еврейского элемента.

Какъ средство противъ всякаго федерализма, партія централистовъ выдумала прямые выборы въ рейхсратъ. Поляки боятся этихъ прямыхъ выборовъ, опасаясь въ такомъ случаѣ усиленія русиновъ. И дѣйствительно, такъ какъ выборъ депутатовъ въ рейхсратъ не будетъ зависѣть отъ польского большинства въ львовскѣмъ сеймѣ, то число русскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ должно увеличиться. Но чтобы оно увеличилось на первыхъ порахъ, въ особенности очень значительно, на это вѣроятности мало. Если русские крестьяне выбираютъ часто польскихъ пановъ въ львовскій сеймъ, и притомъ, какъ гово-

пять представители обѣихъ русскихъ партій въ Галиції, по-
даютъ свои голоса за водку, то нѣтъ ничего неизброянаго,
что они будутъ посыпать поляковъ и въ вѣнскѣй рейхерать.
Правда, степень политического развитія русиновъ можетъ под-
няться со временемъ, но тогда и въ львовскомъ сеймѣ будетъ
другое отношеніе числа и качества русскихъ депутатовъ къ
польскимъ. Притомъ же русины, — изъ которыхъ не только
«старые», но и «молодые», кажется, слишкомъ много возла-
гаютъ надежды на прямые выборы, а потому все-таки и на
вѣнскихъ централістовъ разныхъ оттѣнковъ, рядомъ съ со-
гласіемъ на прямые выборы, изобрѣтеніе централістовъ, — же-
лаютъ и закона о национальностяхъ такого самаго, какой вы-
работали чехи съ гр. Гогенвартомъ для земель богемской
короны. Но противъ такого закона не только пойдутъ поляки,
но и нѣмцы, потому что не хотятъ его ни для Богеміи съ
Моравіей, ни для Штирии и земель, где нѣмцы перемѣшаны
съ словинцами, ни для южнаго Тироля — итальянскаго. Та-
кимъ образомъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, развѣ
очень не скоро и рейхерать, вышедший изъ прямыхъ выбо-
ровъ, послужить русинамъ и другимъ слабымъ народностямъ.
Любопытно, что когда въ Галиціи шла послѣдняя избира-
тельная борьба, въ Львовѣ выступилъ кандидатомъ евреи
г. Гонигсманъ, бывшій уже депутатомъ Бродъ, и которому
совершенно индиферентны интересы и русскихъ и поляковъ.
На избирательномъ собраниі г. Гонигсманъ объявилъ, что онъ
не будетъ стоять за автономію Галиціи, а будетъ отстаивать
прямые выборы въ рейхерать. Такою политикою евреи сниски-
ваютъ поддержку централістической партіи и пріобрѣтаютъ
голоса и русиновъ; кромѣ того, они, вѣроятно, очень надѣяются
на то, что прямые выборы послужатъ имъ на пользу¹⁾. Выступление евреевъ на политическую арену въ Галиціи, не-
сомнѣнно, измѣнить до сихъ поръ бывшіе у русиновъ и по-
ляковъ способы постановки политическихъ вопросовъ. Что до
русинскаго народа, то это выступленіе, конечно, только уси-
лить его политическую придавленность, а потому оно должно
еще болѣе заставить русинскихъ политиковъ перемѣнить
способъ своей дѣятельности, направивъ ее прямѣе на народъ.

¹⁾ Г. Гонигсманъ получиль 1.140 голосовъ, полякъ Йсинскій — 1.900; за
Гонигсмана голосовали и русины, которыхъ, впрочемъ, между львовскими
избирателями мало.

Такимъ образомъ цѣлый рядъ горькихъ неудачъ и неожиданностей привель въ Галиции только къ обличенію несостоительности дѣятельности той партіи, которая выдвинута была событиями послѣ 1848 г. Это была клерикальная партія, искавшая опоры себѣ не у себя дома, въ народѣ, а далеко, въ Вѣнѣ или Москвѣ, и смотрѣвшая на политику, не какъ на служеніе народу, а какъ на прислуживаніе бюрократическому правительству. Почти въ такой же степени послѣдніе годы обличили несостоительность и той болѣе свѣтской и болѣе молодой части галицкихъ политиковъ, преимущественно состоящей изъ чиновниковъ, выдвинувшихся въ вѣкъ гармоніи русиновъ съ вѣнскою бюрократіей,—той части, которая, убѣдившись въ безплодности надеждъ на силы, лежащія въ краю, и увидѣвши, что въ самой бюрократіи беретъ перевѣсъ польская аристократія, обратилась за опорою для национальныхъ стремленій въ свой край, но только возложила надежды не столько на свой народъ и на медленную, но вѣрную работу надъ своимъ народомъ, сколько на уступчивость чужого польско-аристократического элемента. Немного выигралъ русскій народъ въ Галиции отъ ожесточенной борѣбы святоюрцевъ съ поляками и ихъ усердной службы передъ вѣнскими централистами, но немного выигралъ онъ и отъ толковъ о соглашеніи съ поляками и уклончивости и лавированія передъ послѣдними министерствами въ Вѣнѣ и польскимъ большинствомъ въ Львовѣ галицкихъ «политиковъ», въ родѣ г. Лавровскаго. Собственно говоря, единственная реальная уступки, какихъ добился послѣдній отъ поляковъ въ 1870 г., были упомянуты выше субсидіи изъ земскихъ суммъ театру русскому и педагогическому обществу «Прогрессъ» и журналу «Учитель», да постановленіе о передачѣ русинамъ и четырехъ высшихъ клаесовъ львовской академической гимназіи, которую вотировалъ, по предложенію г. Лавровскаго львовскій сеймъ въ 1871 г., хотя и связалъ ее съ предложеніемъ о закрытии пѣмѣцкой гимназіи. Правда, что сознаніе преждевременности Ѣзы на конѣ высшей политики, къ которому должны были прийти послѣ 25-лѣтней безплодной политической эквилибристики благоразуміѣшіе между русинскими дѣятелями, есть во всякомъ случаѣ важное, хотя и дорого купленное приобрѣтеніе. Правда также, что народныя школы, три каѳедры въ университетѣ, полученные русинами

за вѣрную службу оть министерства Баха и Шмерлинга, театръ, основанный въ 1863 на частныя средства съ помошью поляковъ, которые желали, назло «Москвѣ», привлечь на свою сторону русиновъ, но потомъ напали на него какъ на «московскій» и согласились упрочить его существованіе пособіемъ изъ земскихъ суммъ, наконецъ, гимназія въ Львовѣ и русскіе классы въ другихъ гимназіяхъ въ Восточной Галиції, — все это немаловажныя орудія для борьбы за национальность, для развитія народа и для приготовленія лучшей опоры и политической силы, чѣмъ та, которой искали русинскіе политики до сихъ поръ. Правда также, что австрійская конституція даетъ и другія средства для работы въ пользу народа и народности, кромѣ борьбы въ сеймѣ и рейхсрать, а именно — свободу печати, право сходокъ и образованія ассоціацій, — и мы видимъ именно ту особенную пользу въ парламентскихъ и въ политическихъ неудачахъ галицкихъ политиковъ, что эти неудачи заставили мыслящихъ людей среди галичанъ обратить болѣе серьезное вниманіе на другія орудія борьбы за народность, главнымъ образомъ, на поднятіе умственного и материального благосостоянія народа, — орудія, какія бросали имъ то нѣмецкую бюрократію, то польскую аристократію, и какія имъ даетъ австрійская конституція. Уже и теперь видно, что взявшись серьезно за эти орудія, русины успѣютъ больше, чѣмъ до сихъ поръ успѣли парламентской и публицистической эквилибристикой, и приготовятъ себѣ болѣе прочную почву и для парламентской дѣятельности.

Впрочемъ, послѣднія вѣсти изъ Галиції показываютъ, что тамошніе политики не устояли на этомъ намѣреніи удержаться на время отъ активнаго политикаства, какъ то можно было предполагать, судя по разочарованному тону ихъ органовъ печати. Но выступленіе галицкихъ депутатовъ вновь на сцену политическихъ представлений не принесло ничего новаго, а было только конвульсивнымъ или рефлексивнымъ движениемъ по издавна установленному образцу. Въ концѣ-концовъ оно только еще больше обнаружило численную слабость, отсутствіе организаций и послѣдовательности идей, т.-е., въ суммѣ, политическое ничтожество русинскихъ вождей.

Хотя не только «Основа», но и «Слово» высказали, какъ мы видѣли, полное признаніе безплодности прежняго служенія русиновъ нѣмецкой централистической партіи, однакожъ

вступлениі этой послѣдней, и притомъ именно той, которая и «пожертвовала русиновъ полякамъ», въ управлениі послѣ гр. Гогенварта потянуло опять русинскихъ политиковъ на старую дорогу. Въ теченіе 1872 г. «Руска Рада» вызвала около 300 протестовъ русинскихъ сельскихъ громадъ противъ польской резолюціи, и эту дѣятельность одобрилъ и органъ «молодыхъ» «Правда». Справедливо укоряя органъ г. Лавровскаго «Основу» въ слишкомъ розовыхъ надеждахъ на поляковъ, она, съ своей стороны, тоже непонятно почему, выразила мнѣніе, что если бъ русины поэнергичнѣе высказали свои требованія въ Вѣнѣ, то «нѣмцы» заставили бы поляковъ уладиться съ русинами, прежде чѣмъ согласились бы принять польскую резолюцію. Между тѣмъ «нѣмцамъ», т.-е. централістамъ, только потому послѣдняя и не совсѣмъ удобна, что можетъ служить прецедентомъ для другихъ земель, и найди они вмѣстѣ съ поляками такую форму, которая, давая полякамъ автономію, не беспокоила бы гегемонію нѣмцевъ въ другихъ краяхъ (что, вѣроятно, и случится), то они и не станутъ упорствоватъ въ уступкахъ полякамъ, а всего менѣе заботиться о русинахъ. Подачу петицій противъ резолюціи польской русскими громадами можно бы было счесть за небезполезную вещь, не только какъ заявленіе передъ политическимъ міромъ, что въ Галиціи существуютъ не одни поляки, но и какъ возбужденіе политической критики въ русинскихъ массахъ, особенно, если бы эта критика направлялась на практическіе вопросы, и если бы политическіе учителя русинскихъ селянъ, предлагая народу подписывать протесты противъ резолюціи, затрагивали какое-нибудь живое для народа дѣло. Но на самомъ дѣлѣ галицкій селянинъ, присоединяясь къ протесту «Руской Рады», выставлялъ себя только поборникомъ «единства австрійскаго государства», т.-е. принципа, отъ коего ему ни тепло ни холодно, и вопросъ о которомъ ему врядъ ли и ясенъ.

На послѣдніхъ засѣданіяхъ галицкаго сейма русинскіе депутаты еще рѣшительнѣе выступили на служеніе правительству централістической нѣмецкой партии. Они внесли предложеніе о введеніі прямыхъ выборовъ въ рейхсрать, т.-е. о томъ, что составляеть теперь конекъ «вѣрно-конституціонныхъ» нѣмцевъ. Но подъ этимъ предложеніемъ оказалось всего только 25 подписей (въ томъ числѣ митрополита), а

при подачѣ голосовъ противъ 101 польскихъ депутатовъ, голосовавшихъ, конечно, отрицательно, за русинское предложеніе оказалось всего 19, изъ коихъ два принадлежать польскимъ крестьянамъ (фактъ, который доказываетъ справедливость нашихъ словъ о возможности союза русинскихъ депутатовъ съ польскими крестьянами, если бы первые выступили съ живыми вопросами), и два, кажется, евреямъ. Когда обсуждался проектъ адреса отъ сейма, долженствовавшій напомнить правительству о резолюціи, однакожъ такъ, чтобы выставленіемъ ясныхъ федеральныхъ началъ не задѣть и нынѣшнее министерство,— большинство русинскихъ депутатовъ удалилось изъ сейма, заявивъ о своемъ нежеланіи принимать участіе въ обсужденіи предложеній, идущихъ противъ единства государства. И на этотъ разъ число этихъ защитниковъ централизма было жалко: изъ залы вышло всего 15 человѣкъ. Какъ ни мало оказалось русиновъ въ послѣднѣмъ сѣмѣ, но и среди этого ничтожнаго числа обнаружились разногласія: къ удалившимся изъ залы сейма централістамъ не присоединились гг. Лавровскій и Качала и нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ,—вѣроятно, изъ числа зависимыхъ отъ поляковъ. Гг. Лавровскій и Качала, впрочемъ, высказались одинаково и противъ централизма своихъ соотечественниковъ, и противъ недостаточно яснаго провозглашенія федеральныхъ идей въ польскомъ адресѣ, который они обвиняли въ противорѣчіи съ адресомъ, поданнымъ при гр. Гогенвартѣ. Г. Лавровскій говорилъ, что Галиція можетъ получить вполнѣ прочную автономію только при «всеобщемъ соглашенії» всѣхъ земель и народовъ Цислейтаніи; г. Качала развилъ еще подробнѣе славянофильскія идеи о необходимости солидарности всѣхъ славянъ въ Австріи, упрекая поляковъ, что они вступаютъ въ союзъ скорѣе съ нѣмецкими централістами, чѣмъ съ славянскою оппозиціей, только бы добиться исключительныхъ правъ себѣ и не давать уступокъ русинамъ, и побуждаютъ черезъ то и русиновъ бросаться въ руки централістовъ, только бы помѣшать неблагопріятной имъ автономії Галиції; ораторъ заключилъ мыслью, что централісты не имѣютъ въ виду дать прочныя уступки полякамъ, а только затягиваютъ время, и что только при общемъ федерализмѣ австрійскихъ народовъ можетъ утвердиться и автономія поляковъ въ Галиціи. Съ похвалными мыслями гг. Лавровскаго и Качалы согласился

отчасти изъ польскихъ ораторовъ одинъ только кн. Чарторискій, который упрекалъ своихъ соотечественниковъ въ отсутствіи принциповъ дѣятельности. Отвѣчая на эти упреки, полякъ г. Зиблікевичъ развила весьма характерную теорію, которой держится польское большинство сейма: онъ сказалъ, что нѣтъ никакой надобности въ тѣхъ прочныхъ началахъ обще-австрійской политики, которыхъ требуетъ отъ польскихъ депутатовъ кн. Чарторискій, что, главное, добиться своей цѣли, автономіи Галиціи, а этой цѣли можно добиться и безъ союза съ обще-австрійскими федералистами, съ цѣлями коихъ не во всемъ сходятся цѣли поляковъ. Г. Зиблікевичъ спросилъ: развѣ вы не возьмете автономіи для Галиціи только потому, что и Чехія и Моравія не получаютъ ея? И (что еще важнѣе) развѣ и теперь (при господствѣ теперешней конституціи) не вся земля полонизирована?

Рѣчь г. Зиблікевича, скромный тонъ польского адреса, который и прямыхъ выборовъ въ рейхсрать не допускаетъ только безъ согласія галицкаго сейма,— все это позволяетъ предположить съ достовѣрностію, что изъ новаго служенія русинскихъ представителей нѣмецкимъ централистамъ не выйдетъ никакой пользы для русскаго народа въ Галиціи. Нѣмецкія газеты въ Вѣнѣ, правда, опять вынули изъ старыхъ воспоминаній эпитетъ для русиновъ *die dem Reiche treue ruheneische Bevölkerung*, но, ворча на поляковъ, они все же довольно тѣмъ, что поляки не думаютъ провозглашать федерализма для всей Австріи, и что одинъ изъ главнѣйшихъ представителей польского большинства, г. Грохольскій высказался ясно, что онъ никогда не согласится съ совѣтами г. Качалы — отказаться, подобно чехамъ, отъ участія въ нынѣшнемъ рейхсратѣ. Теперь эти газеты обсуждаютъ условія, при которыхъ возможно соглашеніе и новыхъ плановъ централистической партіи съ видами поляковъ по образцу австро-венгерского соглашенія 1867 г. Конечно, соглашеніе это не замедлитъ состояться, и «вѣрные русины» еще разъ останутся ни съ чѣмъ. И это будетъ совершенно естественно, потому что кто станетъ входить въ соглашеніе съ 15 человѣками, когда есть возможность согласиться съ 100?

Если изреченіе одного англичанина XVII в., — что для того, чтобы дѣла пошли лучше, надо, чтобы они пошли хуже, — имѣть какой-нибудь смыслъ въ политикѣ, то по-

слѣднєе собраніе галицкаго сейма должно внушать самыя хорошия ожиданія на улучшеніе дѣлъ нашихъ соплеменниковъ въ Галиции. Хуже того положенія, которое обнаружило это собраніе, для нашихъ соплеменниковъ уже и выдумать трудно. Мы видѣли, какъ жалко число депутатовъ русинскихъ, выступавшихъ солидарно. Не менѣе жалка и степень такта, ими обнаруженаго. Выступленіе съ предложеніемъ о прямыхъ выборахъ, то-есть явная услужливость нѣмецко-централістической партіи, есть очевидное противорѣчіе тѣмъ славянофильскимъ идеямъ, которая высказывались галицкими политиками съ 1866 года, и которыхъ снискали имъ благорасположеніе и нашихъ славянофиловъ и националовъ. Это выступленіе должно вызвать нерасположеніе къ русинамъ всей не очень малочисленной партіи федералистовъ и staats-rechtliche Opposition вообще, а славянь въ особенности¹⁾. И эта партія, какъ и нѣмецкіе централісты, не особенно много обнаруживала внимательности къ русинамъ и предпочитала привлечь на свою сторону болѣе сильныхъ поляковъ, но все-таки она хоть изрѣдка да обращала ободрительное слово къ русинамъ, все-таки въ ея принципахъ находится соглашеніе со всѣми краями и народами Австріи, а слѣдовательно, и съ русинами. Теперь же русины сами разрываются съ нею, являясь самыми предупредительными слугами ея враговъ. Для польского большинства послѣднєе предложеніе большинства русинскихъ депутатовъ есть послѣдній и самый удобный предлогъ похоронить весь вопросъ о соглашеніи съ русинами, то-есть отказаться отъ всѣхъ обѣщанныхъ имъ, въ случаѣ получения Галиціей автономіи, уступокъ. Оговорка оратора русинскаго г. Ковальскаго, что прямые выборы не могутъ быть введены противъ желанія сейма, не послужить, конечно, къ смягченію поляковъ, а, какъ всякий признакъ «забѣганія

¹⁾ Любопытно, что наши славяновенители, привыкшіе почерпать сиѣднія и митїя о Галиції исключительно изъ „Слова“, предложаютъ похваливать русинскихъ политиковъ, представляемыхъ этой газетой, и въ то же время не нахвалятъ и чехами, которые такъ упорно противятся всякимъ метаморфозамъ централізма. Любопытно также, что наши славяновенительныи газеты даже и не упоминаютъ о рѣчахъ и предложеніяхъ гг. Лавровскаго и Качали, такъ какъ эти господа не принадлежатъ къ числу восхваляемыхъ „Словомъ“. А между тѣмъ, если было на послѣдніхъ засѣданіяхъ сейма въ Львовѣ что-либо славянофильскаго, такъ это, конечно, рѣчи г. Лавровскаго и, особенно, г. Качали.

нашимъ и вашимъ», то-есть признакъ отсутствія самоуваженія и силы, можетъ только послужить къ вящшему, если можно, нравственному унижению русинскихъ политиковъ. Послѣднєе собраніе львовскаго сейма обнаружило, правда, довольно симпатическое явленіе: это прямо федералистическая и славянофильская рѣчи гг. Лавровскаго и Качалы, но и эти рѣчи представляютъ болѣе *ria desideria*, чѣмъ практическія политическія программы, у нихъ нѣть подъ ногами никакой почвы. Ихъ рѣчи для того поколѣнія поляковъ, которое править теперь дѣлами въ Галиції, — гласть воопіощаго въ пустынѣ; русиновъ же, которые бы согласились съ этой программою въ сеймѣ, кромѣ самихъ двухъ ораторовъ, нѣть. Другіе братья-славяне предпочутуть уговориться скорѣе съ поляками, чѣмъ съ русинами. Славянофильство для славянофильства, братство для братства, федерализмъ для федерализма можетъ занимать двухъ-трехъ дилетантовъ; для того же, чтобы какая-нибудь политическая сила сдѣлала изъ этихъ идей свою программу, надо чтобы она видѣла въ томъ свою выгоду, — чтобы кто-нибудь вступилъ въ споръ съ другимъ, надо, чтобы этотъ споръ представлялъ практическій интересъ. Что поляки не обнаруживаютъ желанія во что бы то ни стало разрывать съ вѣнскимъ рейхератомъ ради одного братства славянскаго, — это совершенно естественно, такъ какъ поляки и безъ того надѣются добиться того, что имъ нужно. Съ другой стороны, если чехи рѣшаются на совершенное отрицаніе централистической конституціи и вѣнскаго рейхсрата и могутъ надѣяться на успѣхъ своей оппозиціи, то, конечно, только потому, что сначала обезпечили за собою большую силу въ своей странѣ, и эта сила ищетъ виѣ себѣ союзниковъ тоже между сильными и, конечно, русинами интересуется мало, а добившись власти, о нихъ и не вспомнить, если они будуть попрежнему слабы. Вотъ потому-то одного прекраснодушнія, однихъ несомнѣнно симпатическихъ рѣчей, каковы послѣднія рѣчи гг. Качалы и Лавровскаго, галичанамъ мало. Будетъ ли въ Австріи и Галиціи централистическая или автономная конституція, русинскимъ политикамъ надо сначала увеличить и организовать силу своего народа, а тогда она претворить въ свою пользу всякую конституцію; тогда только можно будетъ серьезно говорить и объ обще-австрійскихъ программахъ и о союзахъ съ другими силами.

Такимъ образомъ послѣдніе годы галицкой политической жизни привели, можно сказать, къ полному банкротству политическихъ вождей русинскаго народа. Количественная ничтожность, отсутствіе принциповъ, непослѣдовательность, отсутствіе такта и дисциплины и въ результатѣ безплодность всѣхъ замысловъ и экспериментовъ — вотъ, что обличило послѣдніе время въ положеніи галицко-руссихъ политиковъ. Все это было, впрочемъ, необходимымъ послѣдствіемъ политической неразвитости и культурной отсталости галицко-руссаго общества, и въ этомъ отношеніи, та полнота банкротства галицко-руссихъ политиковъ, которую мы видимъ въ послѣдніе время, имѣть свои утѣшительныя стороны, какъ всякое обличеніе, какъ бы оно горько и тяжело ни было. Это политическое банкротство должно навести все, что еще или уже есть живого въ галицко-русскомъ обществѣ, на мысли о необходимости вниманія къ другимъ сферамъ и средствамъ патріотической дѣятельности, о необходимости подготовительныхъ работъ къ тому, чтобы съ достоинствомъ выступить на политическую сцену. Къ счастію, тѣ слова разочарованія, какія мы видѣли у представителей разныхъ галицкихъ кружковъ, — разочарованія въ прежнихъ приемахъ политическихъ, указываются на наступленіе въ галицко-русскомъ обществѣ спасительнаго сознанія своего положенія, на наступленіе кризиса. Къ счастію также, австрійскіе государственные порядки, хотя и выработанные не галичанами, при всей ихъ несправедливости въ отношеніи къ русинамъ, даютъ, однакожъ, просторъ для такой дѣятельности галицкихъ патріотовъ, которая обѣщаетъ больше успѣха въ будущемъ, чѣмъ двадцатипятилѣтнее политиканство, безъ опоры въ народѣ, безъ науки и безъ просвѣщенія.

Литературное движение въ Галиции^{**}).

Мы имѣли случай говорить о политическомъ движении въ Галиции¹⁾. Оно, къ сожалѣнію, сказали мы, сводится на одно «политиканство», такъ какъ не имѣть себѣ твердой опоры ни въ народѣ, ни въ наукѣ, ни вообще въ просвѣщеніи. Но есть еще другая сторона дѣла, по которой можно судить о положеніи вещей въ Галиции; это — движение литературное, просвѣтительное, въ которомъ нельзя не видѣть здоровыхъ ростковъ лучшей будущности русскихъ въ Галиціи. Впрочемъ, самый главный союзникъ этого движенія — время, ведущее за собою естественный подростъ людей.

1848 годъ засталъ галичанъ врасплохъ. Кромѣ небольшого числа археологовъ и духовныхъ, воспитанныхъ строго-семи-

^{*)} Эта статья впервые была напечатана въ журнале „Вѣстникъ Европы“, 1873 г., сентябрь и октябрь. Въ своей автобиографіи авторъ сообщаетъ, что въ рукописи она составляла одно цѣлое съ предыдущей статьей, и что раздѣлила эту первоначально единую статью на двѣ редакціи „Вѣсти. Евр.“ Кромѣ того, редакція „Вѣсти. Евр.“ присоединила къ ней слѣдующее примѣчаніе:

„Одній изъ корреспондентовъ „Голоса“ поторопился нашему автору возразить, — если только брань, гаданія о личности автора и подборь искусственныхъ фактовъ могутъ быть названы возраженіями. Съ такими противниками, лучший отвѣтъ на „возраженія“ есть новый трудъ, изъ которого читатель увидитъ самъ и неосновательность той браны, и неблагонадѣйность гаданій о томъ или другомъ происхожденіи автора, о мѣстѣ его службы и т. д., и, наконецъ, получить въ руки факты, не подбраные искусственно въ видахъ хѣстной партіи, а взятые свободно изъ самой жизни народа, впервые пробуждающагося умствѣнно. Авторъ весьма справедливо говорить въ настоящей статьѣ, что русская журналистика очень мало занимается Галицией, и еще справедливѣе прибавляетъ къ этому: „И это, пожалуй, самое лучшее еще съ ее стороны“ — такъ какъ молчать лучше, нежели путать, или, подобно „Голосу“, ити съ чужого голоса, служа безосознательнымъ органомъ какой-нибудь хѣстной партіи, и притомъ партіи далеко не лучшаго свойства“.

Прим. ред.

¹⁾ См. предыдущую статью.

нарски, другихъ дѣятелей русинскихъ не было. Народъ былъ не только безграмотенъ, но и безправенъ. Со времени прекращенія остатковъ крѣпостной зависимости, со времени оживленія торговли и промышленности успѣло образоваться даже среди крестьянъ и мѣщанъ русскихъ хотя небольшое число людей, которыхъ можно назвать зародышемъ национального средняго сословія, т.-е. людей, которые имѣютъ настолько достатка, чтобы послать дѣтей въ среднюю и высшую школу, интересоваться книгой, театромъ на родномъ языкѣ, подать сознательно голосъ на выборахъ. Все больше и больше распложается число такихъ людей, а каковы бы тамъ они ни были, все-таки свѣтская школы русинскія, даже полу-польскія и даже чисто-польскія даютъ возможность подрастающей молодежи группироваться между собою и развиваться въ национальному направлению, посредствомъ взаимнаго вліянія, чтенія и т. д. Теперь уже при каждой гимназіи, учительской семинаріи мы видимъ кружки русской молодежи, которая готовится къ будущей борьбѣ за народъ и народность. Съ 1848 г. число русской молодежи, получившей свое образование не въ училищахъ только ставроигіальной лавры, а въ университетахъ Львовскомъ, какъ онъ ни плохъ, и особенно въ Вѣнскомъ, и въ вѣнскомъ политехникумѣ, растетъ съ каждымъ годомъ. А молодежь, то открыто национального направления, то хотя бы, «страха ради польска», и умѣренного и осторожнаго, все больше проникаетъ въ краѣ не только на педагогическія должностія, не только въ русскія, но и въ польскія учрежденія, но и въ чиновники администраціи, суда, финансово, въ промышленность, въ городскія учрежденія (особенно въ Станиславовѣ и Перемышлѣ), что даетъ имъ вліяніе на назначеніе лицъ въ школы, зависящія отъ городскихъ учрежденій, даже такія, какъ женскія гимназіи, и устраивать полу-легально русскіе курсы для русскихъ учениковъ и ученицъ въ не чисто русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ старое выраженіе поляковъ, что русины — только «попы и хлѣбы», все больше теряетъ смыслъ. Volens-nolens, а полякамъ приходится считаться съ этой нарастающей молодежью русской и дѣлать уступки ея национальному направлению въ школѣ и жизни: такъ, напр., недавно даже въ Краковскомъ университѣтѣ должны были допустить экзамены и на русскомъ языке, кромѣ польского. Во Львовскомъ уни-

верситетъ, вслѣдствіе объявленнаго въ прошломъ году министерскаго распоряженія, дозволившаго произнесеніе актовыхъ рѣчей не только по-латыни и по-нѣмецки, но и на мѣстныхъ галицкихъ языкахъ, стоявшій на очереди проф. Огоновскій произнесъ рѣчь о славянскихъ языкахъ и о русинскомъ въ частности, и заключилъ мыслью о необходимости равноправности его съ польскимъ *).

Это численное нарастаніе русинской интеллигенціи и даетъ ей возможность пользоваться тѣмъ средствами для борьбы въ частной жизни съ польскимъ элементомъ, для самопомощи, какія представляютъ австрійская конституція; а нарастаніе интеллигенціи свѣтской, т.-е. болѣе способной усвоить политическая и культурная идеи нашего времени, вообще благопріятныя демократически-національнымъ стремленіямъ,—а русинская національная партія фатально должна, чтобы существовать, стать демократическою,—нарастаніе интеллигенціи свѣтской есть залогъ того, что русинское національное возрожденіе на будущее время окажется способнѣе понять свои задачи и средства, чѣмъ ставроигіальные политики 1848 и 1861 гг.

Число депутатовъ русскихъ въ сеймѣ и въ рейхсрата въ послѣднее время все уменьшалось. Но зато въ послѣднее же время возрастило какъ количество русскихъ журналовъ (изъ коихъ «Слово», «Основа», «Правда», «Учителъ», «Ластівка», «Сіонъ русскій», «Сборникъ Литературный»,—выходить въ Львовѣ, а «Рада Руска», «Наука», «Читальня» — въ Коломїї), количество разнаго рода русскихъ ассоціацій, такъ и число членовъ въ издавна уже существующихъ ассоціаціяхъ **).

*) Омелянъ Огоновскій (1833—1894) былъ профессоромъ украинскаго языка и украинской литературы въ Львовскомъ университѣтѣ. Самый выдающійся его сочиненія „Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache“, 1880, и „Історія літератури руской“ (украинской), которая печаталась въ журналѣ „Зоря“ съ 1886 г. и вышла отдельнымъ изданіемъ въ шести томахъ. Смерть помѣшила автору довести этотъ обширный трудъ до конца. (Объ О. Огоновскомъ см. „Киевская Старина“, 1894, XII стр. 475—479). *Прим. ред.*

**) Всѣ сообщаемые здесь факты относятся къ началу семидесятыхъ годовъ. Теперь общественные и литературные силы галицкихъ украинцевъbastолько выросли, что простое перечисленіе ихъ организаций и органовъ не представляло бы интереса. Только относительно украинской прессы считаемъ не лишнимъ упомянуть о томъ, что органъ украинской „національно-демократической партіи“ (прежде „народовой“) ежедневная газета „Ліло“ существуетъ

Такъ, кромъ существующаго съ сороковыхъ годовъ общества «Галицко-руска Матица», которое, впрочемъ, представляется всегда комитетомъ, какъ и «Народный Домъ», и кромъ ставропигіального института, основалось въ 1870 г. и общество «Руска Рада»; «Руська Бесіда», издавна собирающееся въ «Народномъ Домѣ» общество, считаетъ въ Львовѣ болѣе 100 мѣстныхъ членовъ, несмотря на то, что многіе изъ членовъ старой партіи вышли изъ общества съ тѣхъ поръ, какъ въ комитетѣ его большинство стало принадлежать народной партіи. «Руська Бесіда» имѣеть читальную въ «Народномъ Домѣ», устраиваетъ музыкально-литературные вечера и комитетъ ей завѣдываетъ русскимъ театромъ. Съ каждымъ годомъ все расширяетъ свою дѣятельность и основывается въ меньшихъ городахъ свои агенціи и отдѣленія товарищество «Прогресія», которое устраиваетъ публичныя лекціи и занимается, главнымъ образомъ, составленіемъ и распространеніемъ книгъ для народнаго чтенія и учебниковъ для школъ среднихъ. Въ провинциальныхъ городахъ вездѣ существуютъ болѣе или менѣе организованные русскіе кружки, изъ которыхъ болѣе открытою федералистическою и демократическою программою отличается «Народная Рада» въ Перемышлѣ. Среди учащейся молодежи при Львовскомъ университете существуетъ общество взаимного пособія и кредита подъ названіемъ «Дружескій Лихварь», имѣющее болѣе 100 членовъ, и отдѣлившееся отъ него товарищество студентовъ, держащихся идеей «Слова»,

уже болѣе четверти столѣтія. На ряду съ „Діломъ“ въ Галиції уже много лѣтъ издается и другая украинская ежедневная газета „Русланъ“ — партіи „угодовщина“, отстаивающей „примиреніе“ съ поляками. Только третья украинская партія въ Галиції — радикальная не достаточно сильна, чтобы издавать ежедневную газету, и ея газета „Громадский Голосъ“, которая существуетъ уже двѣнадцатый годъ, выходитъ два раза въ недѣлю. Не меньшіе успѣхи можно отмѣтить и въ галицко-украинской журналистицѣ. Соотвѣтствующий нашимъ толстымъ журналамъ „Литературно-науковий Вістникъ“ вступилъ уже въ десятый годъ изданія, и теперь его существованіе вполнѣ прочно обезпечено подпиской. Научный журналъ „Записки Наукового товариства ім. Шевченка“ издается уже шестнадцатый годъ. Что же касается еженедѣльныхъ и двухнедѣльныхъ журналовъ, какъ общелитературныхъ, популярныхъ и дѣтскихъ, такъ и специальныхъ — юридическихъ, педагогическихъ и профессіональныхъ, то ихъ уже можно насчитывать десятками. Въ противоположность „русско-украинской“ прессѣ московофильская пресса въ Галиції не только не развивается, но даже постепенно падаетъ.

Прим. ред.

«Академический Кружокъ», имѣющій около 30 членовъ. Въ Вѣнѣ тоже существуетъ два русскихъ товарищества, преимущественно изъ учащейся въ тамошнихъ высшихъ школахъ молодежи: «Січъ», партіи «народной», и «Русская Основа», партіи «Слова». Оба товарищества имѣютъ небольшія библиотеки, устраиваютъ сборы въ торжественные дни, чтенія и т. п. съ участіемъ членовъ и другихъ славянскихъ кружковъ. «Січъ» имѣла въ послѣдній годъ 39 членовъ; печатнаго отчета о числѣ членовъ и дѣятельности «Русской Основы» мы, къ сожалѣнію, не встрѣчали въ послѣдніе времена. Почти два года существуетъ въ Львовѣ и русское музыкальное общество «Торбанъ», въ которомъ участвуютъ иѣсколько начинаящихъ появляться въ Галиціи русскихъ композиторовъ.

Хотя еще не образовалось русского кружка для развитія искусства пластическихъ, но уже стали появляться и русскіе живописцы, между которыми выдается г. Устіановичъ, сынъ поэта и патріота галицкаго сороковыхъ годовъ и самъ пишущій стихи. Кроме церковныхъ сюжетовъ, г. Устіановичъ пробовалъ свою кисть и въ пѣкоторыхъ картинахъ изъ народной жизни, что показываетъ, что болѣе реальное направление въ Галиціи,—такъ еще слабое тамъ,—проникаетъ уже и въ пластичнія искусства. Недавно русинская интеллигенція надумалась, наконецъ, учредить товарищество въ средѣ дѣйствительно народной: иѣсколько лицъ партіи «народной» собрали съ небольшимъ 100 гульденовъ, чтобы помочь основанію товарищества рабочихъ русскихъ въ Львовѣ «Побратимъ», зерно которому составили 20 человѣкъ рабочихъ, которые прежде, за неимѣніемъ русского товарищества въ такомъ родѣ, принадлежали къпольскому обществу «Gwiazda»; это послѣдніе имѣть уже около 1.000 членовъ, изъ коихъ, если вѣрить русинскимъ газетамъ, почти половина русскіе. Невѣроятнаго тутъ иѣтъ ничего, такъ какъ хотя мѣщанство въ Львовѣ можно считать почти все ужепольскимъ, крестьянство около Львова все-таки русское, и русинскимъ патріотамъ пора уже давно было подумать объ организаціи русскихъ рабочихъ во Львовѣ, если они хотѣли дѣйствительно быть патріотами. Основаніе товарищества «Побратимъ», котороепольскія газеты уже успѣли провозгласить «москалофильскимъ» и «православнымъ», т.-е. опаснымъ для Австроїи, есть вдвойнѣ пріятное явленіе, потому что, хотя, судя по именамъ лицъ, под-

писавшихъ деньги на основание товарищества, и доктора, который изъявилъ охоту лѣчить бесплатно членовъ его, наибольшую помошь дѣлу оказала партія народная, но львовскіе патріоты отступили на этотъ разъ отъ обычныхъ своихъ пререканій, и представители партіи «Слова» выказали готовность помочь этому дѣлу: по крайней мѣрѣ, для библіотеки товарищества пожертвовали не только товарищество «Прогресса» (40 книгъ), но и г. Дѣдицкій (23 книжки), «Матица» (32 кн.) и даже «Інститутъ Ставронигійскій» расщедрился на книги цѣною на 20 гульденовъ и на обѣщаніе давать по 25 гульденовъ въ мѣсяцъ.

Органъ народной партіи «Правда» привѣтствуетъ проявившуюся въ этомъ случаѣ солидарность галицкихъ партій и желаетъ ей «повторяться почаще, потому что, говорить онъ, въ нашихъ дѣлахъ народныхъ есть много точекъ, въ которыхъ русины обоихъ направлений, безъ нарушенія своихъ специфическихъ понятій, могли бы итти рука въ руку и совмѣстно работать надъ поднятіемъ нравственныхъ и материальныхъ силъ народа». Мы рады бы были, если бы въ самомъ дѣлѣ эта въ недавнее время проявившаяся солидарность и это пожеланіе органа одной изъ русинскихъ партій не были только отдѣльнымъ фактомъ и фразой, не имѣющей послѣдствій, а были началомъ обдуманнаго поворота въ политику обѣихъ русинскихъ партій, разногласіе между которыми, по крайней мѣрѣ, между искренними людьми въ обоихъ лагеряхъ, происходить очень часто тоже изъ-за слишкомъ высокихъ политиканскихъ матерій, или слишкомъ отдаленныхъ, какъ, напр., одинакова ли Русь галицкая съ московскою, или изъ-за слишкомъ формальныхъ, какъ, напр., правописаніе, а то изъ-за личностей. Оставивши хоть на время всякую бѣду на конѣ высокой политики, отложивши до болѣе удобныхъ временъ политический синтезъ, а сосредоточивши вниманіе на работѣ, такъ сказать, аналитической, русинскіе патріоты могли бы дѣйствовать гораздо согласнѣе, и потому гораздо плодотворнѣе, чѣмъ до сихъ порь.

Впрочемъ, приведенные выше слова «Правды» представляютъ не первый примѣръ, со стороны народовцевъ, призывающія своихъ теоретическихъ противниковъ къ согласной дѣятельности среди народа. Еще въ 1871 г., когда поднято было вопросъ о примиреніи русинскихъ партій и «Слово» раздѣ-

лило русиновъ на «твърдыхъ» и «мягкихъ», г. Качала въ своихъ статьяхъ по этому поводу говорилъ: «раздѣление между нами произошло изъ-за вопроса объ общерусскомъ литературномъ языке, или даже объ общеславянскомъ... Но людъ нашъ терпить отъ жидовскаго лихомства, отдается въ руки панства, упадаетъ материально и т. д., а причина тому, что темень. Развѣ, напр., Россія можетъ помѣшать умному жиду обманывать темнаго хлопа? Во всякомъ случаѣ, съ Россіей или безъ Россіи, тутъ можетъ помочь только просвѣщеніе. Однакожъ, какъ теперь устраиваются дѣла на политическомъ небосклонѣ, Россія, навѣрно, не придетъ къ намъ на помощь. Умно ли, поэтому, изъ-за какихъ-то неясныхъ надеждъ задерживать просвѣщеніе народа и губить народность? Политика наша единственно должна стремиться къ народному просвѣщенію, которое можетъ быть достигнуто скоро и вѣрно только на основѣ употребляемаго теперь народомъ языка. Додамъ къ этому, что и великорусскій языкъ не утратить ничего, а, напротивъ, много можетъ попользоваться, если рядомъ съ нимъ будетъ не только стоять, но и разрабатываться языкъ малорусскій... Иные говорятъ, что языки мало- и великорусскій въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи сойдутся и должны сойтися. «Зачѣмъ, — говорятъ, — ити двумя дорогами? Лучше сразу писать по-великорусски?» Затѣмъ, что черезъ это задерживается просвѣщеніе, а черезъ то бѣднѣеть народъ, и земля, эта основа народности, переходитъ тѣмъ временемъ въ чужія руки. Не лучше ли было бы расширять просвѣщеніе на народномъ языке, увеличивать благосостояніе народное и оставить сліяніе языковъ ити его естественнымъ ходомъ, если оно должно наступить: все на свѣтѣ требуетъ своего времени и ходу натурального, иначе обращается во вредъ, а не въ пользу. Дѣлать то, что само должно наступить, т.-е. сливатъ языки преждевременно и черезъ то оставлять или затруднить просвѣщеніе народное,— поддерживать темноту и губить народъ,— будто это въ интересѣ народной политики, будто къ этому можно относиться равнодушно?!. Мы вовсе не думаемъ бросать перчатку Россіи... мы думаемъ, что и вѣтъ славянѣ могли бы принять великорусскій языкъ за дипломатической между собою, какъ предметъ обязательный въ школахъ, хотя и не могутъ принять его, какъ (исключительный) языкъ преподаванія, какъ правительственный языкъ въ су-

дахъ и администраці... Иное дѣло интересы общеславянские, и иное домашніе и народные интересы каждого народа... Что до различій въ мѣніяхъ по галицкому литературному вопросу, то главная разница между такъ называемыми «твѣрдыми» и «мягкими» русинами такова: «твѣрдые» хотятъ прежде всего языка литературнаго (готоваго) и просвѣщенія посредствомъ этого языка; «мягкіе» хотятъ прежде всего просвѣщенія. А такъ какъ оно можетъ распредѣлиться только на народномъ языкѣ, то они и хотятъ, чтобы оно сообщалось на народномъ языкѣ и чтобы языкъ этотъ вырабатывался до высшей литературы. Которая сторона имѣть передъ собою будущность,— не мое дѣло судить. Но только пора намъ вѣлько поставить себѣ цѣлью: «просвѣщеніе на основѣ народнаго языка», а остальное предоставить времени и Богу». («Основа», 1871, № 9).

Мы должны, впрочемъ, сказать, что г. Качала иѣсколько идеализируетъ своихъ «мягкихъ», которые, къ сожалѣнію, далеко еще не вѣлько пришли къ столь практическимъ идеямъ, какія высказываютъ самъ почтенный г. Качала *). Въ томъ-то и дѣло, что и «мягкіе» тоже заботятся о «литературномъ языке» для высокихъ матерій, для науки и публицистики, и не могутъ, конечно, вовсе оставить заботу эту; потому что хотя самое насущное дѣло галицкихъ патріотовъ должно быть, конечно, народное элементарное образованіе, а слѣдовательно, самое главное дѣло и для галицкой литературы — составле-

* Стефанъ Качала (1815—1888) былъ виднымъ украинскимъ писателемъ и однимъ изъ самыхъ выдающихся галицко-русинскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей третьей четверти XIX столѣтія. Въ 1848 г. онъ содѣйствовалъ возникновенію политического общества „Головна Руска Рада“ и общества научно-литературнаго „Галицко-руска Матица“, а также былъ членомъ основателемъ „Народнаго Дома“. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ былъ однимъ изъ основателей просвѣтительно-издательского общества „Пропаганда“, для котораго онъ написалъ рядъ популярныхъ книгъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ созданіи и дѣятельности „Товариства ім. Шевченка“ и „Русскаго товариства педагогическаго“, возникшихъ въ семидесятыхъ годахъ, а въ 1885 г. принялъ дѣятельное участіе въ учрежденіи нового политического общества „Народна Рада“. Въ 1889 г. Качала издалъ крупное историческое изслѣдованіе „Polityka „Polaków wzgldem Rusi“, которое было напечатано въ русскомъ переводе съ небольшими сокращеніями въ „Кievskoy Stariinѣ“ въ 1885 г. подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи Юго-Западной Руси“ (О Качалѣ см. „Кievskaya Stariina“ 1889 г. II стр. 503—506.).

шіе элементарныхъ научныхъ книгъ, но все-таки жизнь побуждается хоть нѣкоторыхъ литераторовъ и къ писанію о высшихъ матеріяхъ: надо вѣдь и писать политическія статьи, и читать лекціи въ университѣтѣ и т. д., а слѣдовательно, надо же имѣть и органъ для выраженія этихъ потребностей жизненныхъ. И вотъ одни совѣтуютъ взять этотъ органъ готовый изъ Россіи, другіе желаютъ развить его на основѣ народнаго галицко-малорусскаго языка. *Inde irae!*

Но условія для литературы въ Галиції одни и тѣ же и для «твѣрдыхъ», и для «мягкихъ», и для русскихъ, и для руськихъ. Вѣдь ближайшій народъ говорить по-русськи, т.-е. по-малорусски, а источники и пособія для образованія и литературно-ученой работы писаны по-нѣмецки, по-латыни, по-польски, по-древне-русски, по-малорусски, какъ писали въ XVII в., иаконецъ, и «по-русски», какъ пишутъ теперь въ Россіи ученые, и малоруссы, и великоруссы, а потому въ ученопублицистическомъ языкѣ галицкихъ литераторовъ обоихъ главныхъ толковъ въ сущности разницы большей нѣть. Они пишутъ по большей части почти одинаково, языккомъ довольно мѣшаннымъ (мы не говоримъ о беллетристикѣ и поэзіи молодыхъ галицкихъ писателей, которые въ такихъ случаяхъ пишутъ всегда чистымъ народнымъ языккомъ, естественно очень близкимъ къ великорусскому), при чемъ одни воображаютъ, что пишутъ языккомъ «общерусскимъ» или «великорусскимъ», а другіе — что «малорусскимъ», и изъ-за этой болѣе воображаемой, чѣмъ дѣйствительной разницы и ссорятся между собою. Откровенно говоря, впечатлѣніе сколько-нибудь цѣльной и живой рѣчи въ статьяхъ ученыхъ и политическихъ въ галицкихъ журналахъ и до сихъ порь дѣлаютъ больше всего статьи, очевидно, писанныя украинцами изъ Россіи. Но только, читая эти статьи, чувствуешь, что авторы думали по-русски, т.-е. на томъ языкѣ, на которомъ обыкновенно пишутъ въ Россіи, и языкъ этихъ статей есть по большей части случаевъ транскрипція (какъ говорятъ лингвисты) малорусской фонетикой словъ этого русскаго языка съ замѣной малорусскими словами специальнно великорусскихъ и иностраннѣхъ словъ и выражений (мы говоримъ о лучшихъ примѣрахъ такихъ статей, когда авторы не задавались цѣлью оригинальничать и выковыывать слова во что бы то ни стало). И, удивительное дѣло, языкъ этихъ украинскихъ статей, по

сравнению съ писаниемъ галицкихъ литераторовъ, особенно старшихъ возрастомъ, оказывается не только наиболѣе русскимъ (малорусскимъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе русскимъ, т.-е. наиболѣе чуждымъ полонизмовъ, германизмовъ, латинизмовъ и т. п.¹⁾.

Серьезное размышленіе надъ этимъ обстоятельствомъ и вмѣстѣ надъ словами г. Качалы, думаемъ, много помогло бы соглашенію спорящихъ о галицкомъ литературномъ вопросѣ. Соглашеніе это намъ кажется тѣмъ болѣе возможнымъ, что сама редакція «Слова» издаетъ по временамъ «Письма до громадъ», а одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ въ Галиции людей изъ старой партіи г. Наумовичъ пишетъ свои сельскіе журналы и брошюры довольно чистымъ галицкимъ народнымъ языкамъ. Даже въ то самое время, когда галицкіе «общеруссы» подняли вопросъ, произведшій столь сильный расколъ въ Галиції: «быти ли малорусскому литературному вопросу», само «Слово» замѣтило, что, вѣроятно, и въ Россіи и сами гг. Катковъ, Краевскій, Аксаковъ не спорятъ противъ того, чтобы и въ Малороссіи популярные журналы и книги писались на народномъ языке. Такимъ образомъ въ существенныхъ чертахъ и по самому существенному вопросу между обѣими партіями, на которыхъ распадается галицкая интеллигенція, различіе и разногласіе не велико. Поэтому по практическимъ вопросамъ соглашеніе между ними было бы весьма возможно (мы говоримъ, конечно, только о тѣхъ, кто искренно любить просвѣщеніе и народъ, съ тѣми же, о коихъ нельзѧ этого сказать, конечно, соглашеніе невозможно), если бы обѣ стороны дѣйствительно одинаково серьезно сознали, какое дѣло, при теперешнемъ положеніи Галиціи, есть болѣе, и какое—менѣе существенное, да если бы не мелочность и личная самолюбія и не присутствіе въ старой партіи доброй дозы открытыхъ обскурантовъ. Наша журналистика своимъ пристрастнымъ вмѣшательствомъ въ споры галицкихъ партій, своимъ головорубнымъ обвиненіемъ одной стороны и при томъ обвиненіемъ

1) То же слѣдуетъ сказать и о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ галицкихъ писателей младшаго возраста, т.-е., выступавшихъ послѣ 1861-го г., которые основательно изучили народный языкъ и сочиненія нашихъ украинскихъ писателей. Образецъ такого чистаго народнаго и русскаго языка представляетъ, напр., недавно вышедшій выпускъ сочиненія г. Партицкаго о Шевченкѣ („Праводії вдеї въ письмахъ Тараса Шевченка“).

весъма обиднымъ, а именно въ сознательной «мягкости» и измѣнѣ народнымъ интересамъ, — пристрастіемъ и обвиненіями, происходящими, думаемъ мы, не столько умышленно, сколько отъ отсутствія фактическаго знакомства какъ съ языкомъ и писаніями, такъ и дѣйствіями обѣихъ галицкихъ партій, — наша журналистика только удаляла галичанъ отъ согласія и терпимости, такъ необходимыхъ для столь немногочисленной тамошней интеллигенціи.

Но пока галицкіе политики все еще не убѣдились въ томъ, что самое главное дѣло у нихъ — это работа не вверху, а внизу, это элементарное образованіе народа. Еще менѣе они способны отказаться отъ мелочного самомнѣнія. Что же касается нашихъ журналовъ, то они или вовсе не занимаются Галицией, — и это, пожалуй, самое лучшее еще съ ихъ стороны, — или говорятъ о ней только съ голоса одной стороны. Вслѣдствіе всего этого вражда между двумя партіями (съ двумя подпартіями) галицкими доходитъ до самыхъ печальныхъ явлений и послѣдствій. Такъ, иногда «святоюрцы» вотириуютъ за поляковъ, лишь бы не прошель въ сеймъ, напр., г. Лавровскій; комитетъ «Народнаго Дома», «Матицы» и «Ставроопігія» подали императору адресъ по-немецки, только потому, что кружки народовцевъ написали свои адресы по-руськи. Говорятъ даже, что молодежь, принадлежащая въ Львовѣ къ «Академическому Кружку», демонстративно употребляетъ въ разговорѣ польский языкъ, чтобы отличить себя отъ членовъ «Дружескаго Лихваря», говорящихъ «по-хлопски».

Въ одномъ изъ номеровъ галицкаго журнала «Правда» редакція разсказываетъ слѣдующія вещи, въ которыхъ мы не видимъ ничего невѣроятнаго: «Въ 1871 г. мы спрашивали предсѣдателя «Академического Кружка» — почему кружокъ не занимается народнымъ просвѣщеніемъ и не пишетъ книжекъ для сельскаго народа? «Мы не будемъ дѣлать этого, — отвѣтилъ голова «кружка», — потому что не признаемъ языка малорусскаго, по-польски же писать не хотимъ, а по-московски — такъ не знаемъ». Такъ же точно на вопросъ, поставленный двумъ молодымъ членамъ «Русской Рады», почему они говорять публично между собою по-польски, мы услышали слѣдующій отвѣтъ: «малорусская рѣчь хлопская, великорусской не знаемъ, такъ и говоримъ цивилизованнымъ языкомъ польскимъ».

Редакція «Правди» обвиняєть въ подобномъ же употреблениі польской рѣчи въ сем'ї и въ обществоѣ по тѣмъ же мотивамъ самого нынѣшняго редактора «Слова». Она жалуется, что въ семьяхъ священниковъ вновь усиливается, изъ желанія «відрізитися відъ хлопа», такое же забвеніе народнаго русскаго языка, какое было передъ 1860 г., и употреблениіе польского, если не іѣмецкаго. А желанію отрѣзаться отъ хлопа языкомъ соотвѣтствуетъ презрѣніе и раздѣленіе съ нимъ и въ другихъ отношеніяхъ. Таковы неизбѣжныя послѣдствія тѣхъ раздѣленій, какія существуютъ въ галицко-руссекомъ обществѣ, и забвенія, что основой политической силы въ краѣ можетъ быть только «хлопство», что на поднятіе нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія этого хлопства должны быть главнымъ образомъ направлены усилия патріотовъ и что слоімы населенія, стоящія нѣсколько выше народнаго, должны быть внушиаемы идеи не о раздѣленіи отъ «хлоповъ», но именно о сближеніи съ ними.

Но до сихъ поръ всѣ попытки достичнуть соглашенія между галицкими партіями на такихъ началахъ не приводили къ успешному результату. Такъ, между прочимъ, въ 1870 г. была поднята мысль объ основаніи общества «Русская Рада», которое бы руководило политикою русскою въ Львовѣ и въ провинціальныхъ городахъ и въ которомъ бы приняли участіе всѣ русинскіе кружки и партіи. Но едва только большинство членовъ въ Львовѣ оказалось, одно время, изъ «старыхъ» русиновъ, какъ они тотчасъ же выключили изъ общества всѣхъ мало-мальски выдающихся лицъ изъ «молодшихъ», напр., проф. университета Огоновскаго и Шараневича *), доктора права Сушкевича, учителей Партицкаго, Вахнянина, самаго талантливаго поэта галицкаго г. Федъковича, котораго сочиненія издались впервые съ громкими хвалами г. Дѣдицкій въ 1863 г., и т. п. — людей, которыхъ нельзя же не признать искренними патріотами, не мало трудившимися надъ развитіемъ народнаго духа, и которые не разъ терпѣли нападки

*). Шараневичъ, Исidorъ Ивановичъ (1829—1902), профессоръ русинской истории. Наиболѣе выдающіяся его сочиненія: „Стародавніе Галицкіе города“ 1861—1862 гг. „Исторія Галицко-Володимирской Руси“ 1863 г. Подъ его руководствомъ вышелъ въ 1886 г. первый томъ монументальнаго юбилейнаго изданія въ память 300-лѣтнаго Львовскаго Ставропигійскаго Братства.

отъ поляковъ за свое народное направлениe. Теперь органъ «молодыхъ», «Правда», выскаживаетъ похвальные мысли о соединеніи усилий обѣихъ русинскихъ партій и объявляетъ, что вновь протягиваетъ столько разъ отвергнутую руку примиренія. Но сомнительно, чтобы и на этотъ разъ примиреніе состоялось, такъ какъ опять «Правда», вмѣсто того, чтобы говорить о соглашеніи по текущимъ практическимъ вопросамъ, предлагаетъ своимъ противникамъ отказаться отъ своего отступничества отъ формулы 1848 г. по вопросу, что такое русины?

I.

Но всмотримся ближе въ сущность разногласій между галицкими партіями и опредѣлимъ характеръ той изъ нихъ, которую мы называли до сихъ поръ разными именами — «молодшій», народной, украинской и т. п., и которая играетъ теперь большую роль въ галицкихъ школахъ, литературѣ, ассоціаціяхъ, подобно тому, какъ «святоюрская» партія играла роль въ политикѣ послѣ 1848 и послѣ 1861 гг. Признаемся, что опредѣленіе существенной разницы между галицкими партіями, даже главнѣйшими, дѣло не очень легкое. Онъ сами себя и другъ друга зовутъ столь большимъ количествомъ именъ, что ориентироваться среди нихъ не легко: такъ, одни называются «старшими» русинами, «твѣрдыми», москофилами, панруссистами, святоюорцами, клерикалами и т. д., другие «молодшими», «мягкими», «украинофилами», даже поленофилами, народовцами и т. д. У насъ чаще всего видѣть разницу между обѣими партіями въ томъ, что одни стремятся къ духовному и даже, какъ весьма прозрачно намекаютъ иногда передовыя статьи и корреспонденціи нѣкоторыхъ газетъ (хотя въ другой разъ и отрицаютъ это), къ политическому сліянію съ Россіей. Другіе, говорятъ, не только не хотятъ этого сліянія, но даже ради вражды къ Россіи готовы на союзъ съ поляками. Нѣкоторые писатели наши, напр., Кельсіевъ въ своей книжѣ «Галичина и Молдавія», даже объясняютъ все происхожденіе партіи «молодшихъ» русиновъ, или народовцевъ, польскими златыми, совратившими съ пути истинаго нѣсколько головъ среди молодежи львовской, и.

это объяснение весьма въ ходу въ нашей печати, а равно и въ той части галицкой печати, которая выдумала термины — «твѣрдые» русины и «мягкие». Недавно въ Галиції газета «Слово» объяснила происхожденіе новой партіи еще проще — желаніемъ овладѣть учрежденіями и фондами, которые собраны твердыми русинами, а также и ихъ мѣстами.

Но понятно, что кто ищетъ серьезныхъ органическихъ причинъ возникновенія партій въ обществахъ, тотъ не можетъ удовлетвориться подобными объясненіями. «Золотыми», какъ и «рублями», не формируются партіи, а только временно собираются кружки и личности, которые изъ-за злотыхъ же и рублей и разсѣиваются и переходятъ отъ злотыхъ къ рублямъ и наоборотъ. Въ Галиції есть и такие любители «злотыхъ» и «рублей», какъ и вездѣ, есть и перебѣжчики изъ партіи въ партію, а равно и въ боковые лагеря: нѣмецкій, польскій, русскій. Но эти любители злотыхъ и бѣгуны не составляютъ основы никакой партіи, и если галицкая печать обоихъ лагерей иногда перебрасывается укорами въ полученіи денегъ то отъ поляковъ, то отъ московскаго славянскаго комитета, то на эти укоры можно только смотрѣть съ сожалѣніемъ, если не съ омерзѣніемъ, но не видѣть въ нихъ объясненіе причинъ раздѣленія галицкой интеллигенціи на партіи. Начать съ того, что галицкая интеллигенція раздѣляется именно на партіи: святоюрцы, какъ мы видѣли, относительно не малочисленны; народовцы тоже не случайный сборъ отдѣльныхъ личностей, даже не кружокъ. Съ 1862 — 1863 гг. число народовцевъ растетъ, такъ что теперь къ нимъ принадлежить не мало лицъ среди духовенства, особенно молодого, а въ особенности много лицъ, кончившихъ курсъ въ университѣтѣ и высшихъ школахъ и занявшихъ мѣста чиновниковъ, учителей гимназій, профессоровъ университета, адвокатовъ, медиковъ и т. п., такъ что, если выдающіяся лица святоюрской партіи преимущественно украшаютъ свои фамиліи прибавкою буквъ *кр.*, т.-е. крилошанинъ, то народовцы имѣютъ преимущественно прибавку *д-ръ* (докторъ) или *проф.* Народовцы основываютъ немалочисленную ассоціацію, напр., «Просвіта», постепенно составили большинство въ старомъ уже обществѣ «Руска Бесіда», и можно предвидѣть, что со временемъ, особенно если эмиграція молодежи съ святоюрскими идеями въ Россію будетъ итти такъ, какъ идетъ въ послѣднее время, большая

часть мѣсть и обществъ, требующихъ высшаго образованія, въ Галиції будетъ занята людьми, раздѣляющими мнѣнія «народовцевъ». Очевидно, что тутъ не можетъ уже быть рѣчи о нѣсколькихъ лицахъ, молодыхъ фантастахъ, а особенно объ «отуманныхъ поляками» или ими «подкупленныхъ».

Подобныя фразы теперь уже и въ Галиції раздаются рѣже, даже въ жару полемики, тѣмъ паче пора бросить ихъ у насъ, гдѣ печать можетъ болѣе беспристрастно обсуждать дѣла хотя и родственной, но все-таки отдѣльной отъ насы страны. Что народовцы никогда не были измѣнниками своему народу ради поляковъ, что они не пропускали случая, даже когда были малочисленнѣе, протестовать противъ польского господства надъ галицкимъ народомъ, это доказывается фактами. Первый журналъ народовцевъ «Вечерницы» въ 1861 — 1862 гг. уже терпѣть укоры отъ польской печати за «гайдамацко-схизматическая идея», и на предложенія польскихъ журналовъ соединить силы «молодой Руси» съ польскими для революціонной борьбы отвѣчалъ: «Вы насы не поняли. Борьба, какой вамъ хочется и въ какую вы бы хотѣли втянуть насы, не найдеть ни одного воина въ рядахъ молодой Руси». (Ср. «Вечерницы» 1862, № 5, статью «Мы и они». Эта статья вообще очень любопытна для характеристики тогдашнихъ отношеній поляковъ къ малороссіянамъ и галичанамъ, и галичанъ къ полякамъ. Ср. «Вечерницы» 1862, №№ 3—5). Когда послѣ Садовой правительство рѣшилось уступить полякамъ, даже пожертвовать имъ русиновъ, то самъ Голуховскій уже не смѣть, послѣ столькихъ лѣтъ жизни русинскаго национальнаго движения, выступить съ прежней польской теоріей, что Руси нѣтъ въ Галиції. Тогда поляки задумали попробовать привлечь на свою сторону «молодую Русь», заявивъ, что они не прочь сдѣлать уступки въ Галиції «настоящей Руси», но не «Москвѣ». Когда затѣмъ на субсидію административную была основана во Львовѣ газета «Русь», которая пробовала русинскимъ языкомъ и даже признаваемымъ народовцами русинскимъ фонетическимъ правописаніемъ (кулишовкою) проводить идеи уже не о тождествѣ, но о союзѣ русиновъ съ польско-правительственную партией, народовцы обнародовали брошюру «Письмо народовцівъ руськихъ до редактора политичної часописі «Русь», яко протест и меморіалъ» (Вѣна, 1867), въ которомъ предлагали редактору «Руси» просто отказаться отъ

принятаго имъ направления. «Русь» не долго и прожила, а основанный почти въ то же время органъ народовцевъ «Правда» настолько откровенно и критически относился къ польской исключительности и фантазіямъ, что только нарочитая недобросовѣтность и незнаніе могли ставить на одну доску «Русь» и «Правду», какъ то иногда дѣжалось въ нѣкоторыхъ нашихъ изданіяхъ. Народовцы не пропускали случая протестовать противъ идеи сліянія русиновъ и поляковъ и передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Такъ, они издали протестъ противъ празднованія поляками 300-лѣтняго юбилея Люблинской унії (*Protest der ruthenischen Nation gegen die irrthümliche Deutung der sogenannten Lubliner Union als eines rechtlich zu Stande gekommenen Aktes. Lemberg, 1869*), противъ распространенія идей Духинскаго во Франціи, которая, по поводу преобразованія каѳедръ славянскихъ нарбчий въ Парижѣ, излагалась и въ законодательныхъ сораніяхъ въ петиціи Казиміра Делламарра и въ брошюре: «*Un peuple europ  en de 15 millions oubli   devant l'histoire. P  tition au s  nat de l'Empire, demandant une reforme dans l'enseignement de l'histoire* (Paris, 1869). Подобно тому, какъ послѣ брошюры Делламарра: «*Un pluriel pour un singulier, et le panslavisme est d  truit dans son principe*» (Paris, Dentu, 1868), состоялось поддержаніе и ораторами оппозиціи измѣненіе каѳедры «славянской литературы» въ каѳедру «славянскихъ литературу». не съ цѣлью улучшить научную сторону преподаванія, что можетъ быть и произойдетъ помимо воли петиціонистовъ и ораторовъ, но съ цѣлью пораженія «московитскаго панславизма», такъ же точно Делламарръ и друзья его хотѣли новою брошюрою-петиціей достигнуть декрета объ измѣненіи программы преподаванія исторіи такъ, чтобы исторія всего населенія Западной Россіи, которое авторъ называетъ русинами (*les routhenes*), излагалась, какъ польская исторія, такъ какъ авторъ считаетъ русиновъ разновидностью поляковъ, всегда хотѣвшей союза съ ними и Римомъ.

И, дѣйствительно, министръ Дюрюи приказалъ учителямъ во Франціи относительно вопроса о Западной Россіи въ исторіи и этнографіи держаться сочиненій Духинскаго *de Kieff*, какъ онъ обыкновенно подписывается. Вотъ противъ этого изложенія Делламарра галицкіе народовцы и издали протестъ въ видѣ письма на имя автора. Мы видѣли отвѣтъ предста-

вителей народовцевъ на приглашениѣ принять участіе въ польскомъ съѣздѣ 1871 г. Въ настоящемъ году возобновленіе, послѣ короткаго перерыва, журнала народовцевъ «Правда» было встрѣчено со стороны польской прессы укорами не только въ «схизмѣ», но и въ «гайдамачинѣ»; а критика вредной для русиновъ дѣятельности «школьнаго совѣта» въ Галиціи, стремящагося задержать развитіе русинской педагогической литературы, ополячивать школы народныя, переводить усердныхъ русскихъ педагоговъ въ чисто польскіе округа, даже замѣнять постепенно кирилловскій шрифтъ въ русскихъ учебникахъ польскимъ и т. д., вызвала даже административную конфискацію майскаго № «Правды». Въ этомъ №, отпечатанномъ напово съ выпускомъ словъ, обидѣвшихъ «школьную раду», редакція отъ имени своей партіи отвѣчаетъ на вызовы польскихъ газетъ, чтобы городская дума (большинство которой, конечно, поляки) вмѣшалась въ споръ между «Руской Бесѣдой» и комитетомъ «Народнаго Дому» (въ комитетѣ большинство принадлежитъ «старой» партіи, которая, увидѣвъ себя въ меньшинствѣ въ комитетѣ «Бесѣды», желаетъ запретить «Бесѣдѣ» собираться въ зданіи Народнаго дома). Органъ русинскихъ народовцевъ говоритъ, что никакихъ вмѣшательствъ даже въ ихъ пользу послѣдніе не потерпятъ: «Вы, господа поляки, говорить «Правда», *не тыкайте носа до чужого проса.* Мы (русины) какъ сами между собою поссорились, такъ сами и помиримся, — какъ этого слѣдуетъ надѣяться отъ патріотовъ какъ одной, такъ и другой партіи, — а чужимъ къ намъ нѣть дѣла». Статья въ 1-мъ (апрѣль) № «Правды» за этотъ годъ — «Политика чувствъ и политика интересовъ» и особенно горячія и полныя интересныхъ подробностей статьи «Русско-польскі взаимніи въ Галичинѣ», въ №№ за юль — сентябрь, подвергаютъ рѣзкой критикѣ и польско-централістическую политику старыхъ святоюрцевъ, перемѣшанную въ послѣдніе годы съ безплоднымъ выращиваніемъ помощи у Россіи, и способъ политики «соглашенія съ поляками», предпринятаго въ два послѣдніе года г. Лавровскимъ, и требуетъ для русиновъ независимой политики, имѣющей въ виду только пользу галицко-русского народа, опирающейся на просвѣщеніе и поднятіе массы народа, а на все боковое смотрящей только, какъ на средства, не предаваясь безусловно ни одной изъ существующихъ въ русинскаго на-

рода силъ и партій. Такія статьи «Правды» вызвали даже укоры отъ органа г. Лавровскаго «Основа», которая прежде очень старалась считаться за органъ «народовцевъ», а теперь стала упрекать «Правду» въ отступничествѣ отъ началь партіи. Отвѣтомъ на это было опредѣленіе «Просвѣты» печатать впредь протоколы свои и объявленія въ «Правдѣ», а не въ «Основѣ», хотя предсѣдателемъ «Просвѣты» состоять г. Лавровскій.

Такъ же мало справедливо и другое обвиненіе, которое съ 1867 г., со времени славянскаго съѣзда въ Москвѣ, слышится часто не только въ галицкихъ и нашихъ газетахъ, но даже по временамъ и въ славянскихъ, въ родѣ «Zukunft», а именно, что галицкое такъ называемое народное направлѣніе есть одно изъ покровительствуемыхъ врагами славянскаго движенія, желающими, по слову Бейста, прижать славянъ къ стѣнѣ. Еще въ 1867 г. въ брошюре — «Письмо галицкихъ народовцевъ къ редактору газеты «Русь», высказано слѣдующее вполнѣ свободное отношеніе ко всякаго рода австрійско-іѣмецкимъ централистическимъ партіямъ:

«Не веселыми воспоминаніями наполнено наше почти столѣтнее пребываніе въ Австріи. Присоединенные къ ней на основаніи претензій Угорской короны на галицко-русское княжество, а слѣдовательно, какъ край русскій, мы были почитаемы, какъ и всякая другая польская провинція, и дѣло шляхетской колонизаціи нашей земли велось и подъ Австріей, только въ другой формѣ, т.-е. бюрократично, по-іѣмецки. Если же иногда, какъ, напр., до императора Іосифа, нашему kraю давался русскій характеръ, то не надолго. Австрія служила вѣроно аристократическому принципу и, слѣдовательно, полонизированному нашему панскому элементу. Управление и школы подчинялись тоже аристократіи и хоть управляли по-іѣмецки, а частно распространяли полонизацію. Польскій духъ проникъ въ наше чисто русское учрежденіе — семинарію; тутъ сгнила наша родная рѣчъ, и чего никогда прежде не было, то сталося подъ управлѣніемъ австрійскимъ: въ наши священническія семьи проникла польщина, а если между молодежью семинарской проявлялась русская мысль, то правительство старалось придушить ее въ интересахъ польскихъ. Когда же, несмотря на то, русскій духъ проявился публично въ 1848 г., то съ того самаго времени и начинается не-

искренняя и двусмысленная политика Австро-Венгрии относительно русиновъ. Манило насть австро-венгерское правительство обещаниями, которыхъ не исполняло, или, показавъ что-либо на минуту, тотчасъ же прятало; ласкало насть, когда надо было чѣмъ-нибудь напугать революционныхъ поляковъ и не дать имъ всего того, чего они желали, а потихоньку-таки вступало въ союзъ съ поляками, хотя бы и во время польской революціи. И депутаты наши выслушивали и жалобы наши принимали, а таки на погибель нашу давали согласіе на такие порядки, которые дѣлали поляковъ полновластными господами на нашей землѣ, какъ это случилось съ февральскимъ патентомъ (1861). И только по временамъ правительство выясняло свою мысль, чѣмъ оно хотѣло, чтобы мы были. Нападеніе правительства австро-венгерского на наше стародавнѣе письмо достаточно объясняетъ его виды. Ласкаючи насть, оно зорко смотрѣло, не поднимается ли наше око, чтобы поискать, не живеть ли гдѣ большие нашего народа и роду. Вспомнимъ, какими революционерами были объявлены мы, народовцы, когда мы, недовольные галицкими литературными плодами, витали думою на Украинѣ. Однимъ словомъ, правительство австро-венгерское хотѣло, чтобы мы были людьми, которые, клаяясь ему низенько, всю науку принимали только отъ него; хотѣло, чтобы мы были на утѣху ему «рутенами», способными на все, только не на то, чтобы признать, кто они, понять, что они имѣютъ свои права и что, исполняя свои обязанности передъ имперіей, смѣло могутъ добиваться этихъ правъ. Мы должны были оставаться все народомъ мизерненькимъ, ничтожнымъ, который, высыпая тысячи людей безъ сопротивленія на оборону Австро-Венгрии и неся наравнѣ съ другими тяготы имперіи, доволенъ быть бы однимъ названіемъ *treue Ruthenen*, доволенъ быть бы какимъ-нибудь кусочкомъ своего же собственного добра, который бы ему кинули, какъ наивысшую милость. У насть были такие вожаки, которые вѣрою служили такой правительственной системѣ и въ своей ревности переходили даже за границы ожиданій своихъ «благодѣтелей». Народная партия, заявивши о себѣ формально позже, не имѣть ничего общаго съ такою комичною вѣрностію. Выше всего она поставила справедливые интересы народа и его потребности. Господиномъ, дающимъ ей наказы, стала народъ, его добро и честь. Поэтому и теперь, когда мы пересчитаемъ всѣ наши

обиды и потребности, съѣло произнесемъ, что никакихъ милостей не просимъ ни у кого, а домогаемся только того, что намъ должно, какъ народу. И весело прощаемся мы, во имя народа, съ названіемъ «вѣрныхъ», — такихъ вѣрныхъ, что готовы служить не благу своего народа и имперіи, а экспериментамъ министровъ. Прежде всего мы — русины, которые любятъ свой народъ и живутъ для блага его... Мы отказываемся решительно отъ «вѣрнаго рутенизма», отказываемся отъ всѣхъ дѣйствій, въ которыхъ наше народное дѣло являлось только службой планамъ министерскимъ, преднамѣреннымъ на погибель и оскорблѣніе достоинства нашего народа, какъ и на вредъ государству и на остановку развитія славянщины. Мы — искренніе австрійцы, это правда! Но только наша привязанность къ Австріи не относится ни къ прошлой Австріи, въ которой настъ полонизировали и отрицали, ни къ теперешней, гдѣ настъ обставили такъ польскими порядками, что русской душѣ тяжело и вздохнуть. Мы привязаны къ Австріи ради ея естественнаго призванія, ея истинныхъ интересовъ; мы привязаны къ Австріи такой, какою она должна быть: Австріи, ко всѣмъ народамъ своимъ одинаково справедливой — не нѣмецкой, нѣмецко-мадьярской, не нѣмецко-мадьярско-польской... Поэтому мы ни стадіонисты, ни баухисты, ни голуховщики, ни шимерлингисты, ни белькредисты, ни бейстовцы, мы по-просту «октябрьсты», т.-е. приверженцы октябрьского цезарскаго диплома, въ которомъ *народы* призываются къ великому дѣлу обновленія имперіи на основаніи собственныхъ, хорошо понятыхъ, особыхъ ихъ интересовъ... Мы — крѣпкіе приверженцы принципа федералистического въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, разумѣя подъ этимъ федерацію народовъ Австріи, а не федерацію провинцій короны австрійской... Такъ думая, вѣруемъ, что мы работаемъ, какъ добрые славяне, въ несомнѣнномъ интересѣ славянщины. Мы не уступимъ ни волоса изъ этого нашего политическаго исповѣданія, потерпимъ съ другими славянами немногого, а потомъ вмѣстѣ съ ними будемъ искать дорогъ, которая бы привели настъ къ нашей справедливой цѣли».

Постѣ такихъ словъ и послѣ въ такомъ же духѣ писанныхъ статей «Правды», полагаемъ, трудно обвинить галицкихъ изродовцевъ въ какой-либо измѣнѣ интересамъ ихъ народа и

славянини въ Австрії ради польскихъ или нѣмецкихъ ми-
достей. Скорѣе, въ ихъ политическомъ *credo* можно видѣть
большой идеализмъ, большую смѣлость для столь все-таки
немногочисленной партіи, говорящей во имя небольшого пле-
мени, если считать только русинское населеніе въ Австріи,
которое надолго только и можетъ служить опорою тамошнимъ
партіямъ, — племени, раздѣленаго между тремя коронными
областями (Галиціей, Буковиной, Венгріей), находящагося на
невысокой степени материального и умственнаго развитія. Ско-
рѣе можно видѣть въ галицкихъ народовцахъ одинъ изъ за-
родышей, у австрійскихъ народовъ, партіи дѣйствительно
будущей Австріи, чѣмъ партію, которая бы была готова при-
служиваться и даже полагаться на какую-либо изъ сущес-
твующихъ и силу имѣющихъ въ Австріи партій, не только
централістической, но и федералистической. О прислуживаніи
со стороны народовцевъ галицкихъ партіи централістической
и говорить нечего, а приведенные выше слова, что галицкая
народная партія желаетъ федерализма не коронныхъ земель,
а народовъ въ Австріи, показываютъ разницу между федера-
лизмомъ народной русинской партіи и другими федералистами
въ Австріи. Такъ, поляки тоже своего рода федералисты, т.-е.
говорятъ объ автономіи Галиціи, но готовы войти въ союзъ съ
какими угодно централістическими нѣмецкими элементами,
только бы получить автономію для этой коронной земли и въ
ней господствовать и надѣять искусственно загнанными въ нее
русинами. То же надо сказать о буковинскихъ федералистахъ
изъ румынской аристократіи, въ родѣ бар. Петрино. Штирійско-
нѣмецкіе автономисты соглашаются съ самыми вѣрными
централістами въ оппозиціи народнымъ требованіямъ слав-
янъ, хотя готовы, какъ и строгіе централісты, на уступки
полякамъ, между прочимъ, для того, чтобы удалить изъ
Цислейтаніи одинъ сильный автономистический и славянскій
элементъ. Чехи, о федерализмѣ которыхъ, равно какъ и о
панславизмѣ и особенной любви къ русскому народу, такъ
много толкуютъ у насъ и въ Австріи, говорятъ объ автономіи
не чешскаго народа, а земель короны чешской, присоединяя
къ ней не только Моравію, но и (скорѣе польскую, чѣмъ
чешскую) Силезію, и, только бы поляки присоединились къ
ихъ оппозиціи противъ вѣнскаго рейхсрата, признаютъ без-
условно резолюцію галицкаго сейма, не признающую въ Га-

лицін другой народности, кромъ польской. О тирольцахъ, которые федералисты только потому, что они клерикалы, и говорить нечего, да они теперь уже начинаютъ ссориться съ чехами, усматривая у послѣднихъ не только прикрытия до времени федерализмомъ старокатолическія и даже гуситскія тенденціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что даже теперь приведеніе въ исполненіе требованій такъ называемой «staatsrechtliche Opposition», т.-е. федерализма коронныхъ земель въ Австріи, раздробивъ силы централистического бюрократизма и поставивъ лицомъ къ лицу въ каждой отдѣльной землѣ борющіяся народности, повело бы къ постепенному торжеству федерализма народностей и федерализма демократическаго.

Но сильная доза централизма второй руки, которая присутствуетъ въ тенденціяхъ земельныхъ федералистовъ, не малая доза феодализма, клерикализма, ихъ неспѣшность и непослѣдовательность составляютъ причину неуспѣшности борьбы ихъ съ централистами и заставляютъ ожидать сформированія и союза между собою настоящихъ народно-демократически-автономныхъ партій. Быть-можеть, эта настоящая федерально-народная партія образуется изъ начавшей теперь разлагаться столь многочисленной передѣлъ выступленіемъ на сцену министерства Гогенварта «staatsrechtliche Opposition», а быть-можеть, она сложится и въ будущемъ выбираемъ примирами выборами имперскомъ рейхсрата, за идею котораго должны были ухватиться буржуазные централисты теперешняго рейхсгата, чтобы побороть теперешнихъ федералистовъ коронныхъ земель. Во всякомъ случаѣ въ разныхъ мѣстахъ Австріи, у разныхъ народовъ, не исключая и нѣмцевъ, мы видимъ пока еще слабые ростки такой дѣйствительно демократической партіи, которая логически должна прійти и къ равноправію народностей и къ самоуправлению народныхъ областей. Будетъ ли это народовластіе болѣе обеспечено новымъ раздѣленіемъ коронныхъ земель по народностямъ, или общимъ имперскимъ закономъ о народностяхъ и проведеніемъ принципа общиннаго и кантональнаго самоуправления, это покажетъ будущее, а пока въ интересѣ дѣйствительной свободы и демократизма желательно сформированіе и сознательная дѣятельность этихъ ростковъ будущей народно-автономной Австріи, будетъ ли то въ коронныхъ земляхъ и мѣстныхъ сеймахъ, будетъ ли то въ имперскомъ сеймѣ. Приведенное выше изложеніе политиче-

скихъ идей галицкихъ народовцевъ даеть намъ право при-
числить ихъ къ такимъ росткамъ, хотя имъ нельзя не по-
желать еще уясненія ихъ началь и очищенія отъ постороннихъ
примѣсей¹⁾.

Такимъ образомъ мѣніе, будто разница между партіями
у галицкихъ русиновъ состоять въ томъ, что одни «твѣрдо»
стоять за права русскаго народа и славянства, а другіе го-
товы предать ихъ или хоть уступить полякамъ и нѣмецкимъ
централістамъ (мягкіе), совершенно не выдерживает кри-
тики. Понятно, что какъ всякая политическая партія, такъ и
галицкія обѣ, по временамъ входять то въ тѣ, то въ другія
отношенія съ поляками и нѣмцами, по временамъ возлагаютъ
слишкомъ много надежды на парламентскія комбинаціи съ
посторонними элементами; понятно также, что во всякой
партіи есть элементы, болѣе наклонные къ такимъ комбина-
ціямъ, чѣмъ къ твердой самостоятельной дѣятельности, — та-
ковы строго-клерикальные «рутенцы» среди святоюрцевъ и
бюрократические политики, пристающіе по временамъ, какъ,
напр., въ эпоху 1870—1871 гг., къ народовцамъ. Но въ концѣ
концовъ гораздо болѣе старая русинская партія оказывалась
слугою нѣмецкихъ противославянскихъ стремлений, а клери-
кало-рутенцы — слугою польскихъ (а еще болѣе ультрамонтан-
скихъ, которые такъ связаны съ теперешними польскими)
интересовъ, чѣмъ даже политики-полународовцы оказывались

1) Любопытно вспомнить ту славянскую программу, которую излагалъ почти
тридцать лѣтъ тому назадъ Шевченко въ своеемъ посланіи къ Шафарiku при
посылкѣ поэмы „Еретикъ“ (Іоанн Гусс): я помолюсь Богу, говорилъ Шевченко,—

Щоб усі славяне стали
Добрими братами
І синами сонця правди
І еретиками
Оттакими, як Констанській
Еретик великий...
Мир мирові (міру) подарують
І славу во віki!..

Очень любопытно сравнить эту программу и эти мечты о славѣ славян-
ской прирожденного „народовца“ съ другими славянофильскими мечтами и
программами, а особенно — съ поведенiemъ чешскихъ политическихъ вождей
во время недавнаго празднованія юбилея Гусса, когда они боялись слишкомъ
торжественнымъ заявленіемъ сочувствія этому „еретику“ и „демагогу“ обидѣть
феодальну и клерикальную партію!

«мягкими» передъ поляками. Да и въ этомъ случаѣ, и даже въ обоихъ названныхъ случаяхъ, беззаботная услужливость и мягкость происходили не изъ сознательнаго стремленія измѣнить своему или родственному, — «измѣна» не можетъ порождать политическія партіи, — а изъ той степени политического развитія, на которой фатально должны были стоять люди, воспитанные въ австрійско-уніатскихъ семинаріяхъ меттерніховскаго времени.

Не точны и тѣ опредѣленія разницы между галицкими партіями, которая выражаются словами «панруссисты», «московофилы», «украинофилы» и т. п., и которая выставляютъ характеристическими чертами обѣихъ партій ихъ отношенія къ Россіи. И здѣсь мы должны сказать, что такое или иное отношеніе, хотя бы и къ родственному, но все-таки виѣшнему политическому тѣлу, не можетъ составлять основы ни мѣнѣй ни дѣйствій какой бы то ни было политической или культурной партіи. Такія партіи образуются, раздѣляются и поддерживаются только дѣйствіемъ мѣстныхъ внутреннихъ причинъ. Дѣйствительно, съ 1866 г. журналы старой галицкой партіи высказываютъ мысли объ однородности галицкаго народа съ великорусскимъ, галицкой литературы съ нашей, и восхваляютъ Россію и ея порядки. Народовцы же признаютъ однородность своего народа, по старой формулы 1848 г., только съ малороссіянами, называя только южно-русское племя руськимъ, но не съ великоруссами, которыхъ именуютъ россіянами, все, написанное въ Россіи не по-малорусски, — россійскимъ, то-есть великорусскимъ. Съ 1863 г., со временеми запрещенія въ Россіи печатанія малорусскаго перевода евангелія и изгнанія малорусской рѣчи изъ школьнаго преподаванія и объясненія, галицкіе народовцы охотно бранятъ Россію, то-есть, по-ихнему, «Москву», и иногда высказываютъ этнографическая и историческая теоріи не лучше теоріи г. Духинскаго de Kieff. Такъ, не очень давно (въ 1871 г.) въ «Основѣ» печаталась статья, въ коей и борьба Москвы съ Новгородомъ объяснялась иенавистью полутурецкаго «россійскаго» племени къ «русскому», и слова Гильфердинга о томъ, что народное почитаніе свв. Кирилла и Меѳодія было довольно сильно въ древней Руси кіевской, а потомъ заглохло въ Россіи въ московскій періодъ, и что у малоруссовъ скорѣе можно ожидать прибивки «славянскихъ» ідей, чѣмъ у великоруссовъ,

«въ массѣ образованнаго даже общества, относящихся къ славянству съ ледянымъ равнодушіемъ», объяснялись, какъ признаніе самого великорусса въ томъ, что малоруссы гораздо больше славяне, чѣмъ великоруссы и т. д.

Но надо имѣть въ виду, что симпатіи къ Россіи не составляютъ постояннаго признака и старой галицкой партіи, органъ которой, «Слово», въ 1862—1866 гг. не хуже органа народовцевъ, «Меты», бранилъ «несытый централізмъ московскихъ и гемоновъ» гг. Каткова и Аксакова, и если онъ измѣнилъ направление, то, очевидно, болѣе вслѣдствіе сознанія необходимости употребить извѣстный политическій маневръ, чѣмъ вслѣдствіе искренней перемѣны мнѣній о русскихъ порядкахъ; для послѣднаго перемѣна была слишкомъ быстра. Къ тому же изъ общей массы «старыхъ» русиновъ не выдѣлялась, какъ совершенно особая партія, фракція или подпартія вліятельныхъ духовныхъ лицъ, а эти послѣднія особенно пылкими приверженцами Россіи считаться не могутъ. Недавно отъ имени епископа Куземскаго выражено было въ собраніи Ставроигіаль-наго института даже неудовольствіе на участіе въ собраніи г. Площанскаго, нынѣшняго редактора «Слова», какъ лица, слишкомъ явно высказывающагося за Россію. А между тѣмъ высшее униатское духовенство преслѣдуєтъ «украинофильскія» тенденціи у молодежи, учащейся въ семинаріяхъ, не одобряетъ ни слишкомъ свѣтскихъ демократическихъ идей народовцевъ ни ихъ стремленій придать большую жизненность религіозности населенія переводомъ на народный языкъ евангелія и молитвъ, видя у народовцевъ проблески протестантскаго порядка идей¹⁾. Мы приводимъ ниже выдержку изъ

¹⁾ Говоря „протестантскаго“, мы не имѣемъ въ виду какое-либо официальное вѣроисповѣданіе протестантское. Въ нашъ вѣкъ собственно вѣроисповѣдные вопросы не могутъ занимать общественныхъ партій, а потому ни одна изъ нихъ не имѣеть въ виду пропагандировать идеи о необходимости перемѣны вѣроисповѣданія, хотя, конечно, болѣе современные и народныи партіи не могутъ не быть врагами мертвенно-іезуитскихъ идей и элементовъ, которые существуютъ далеко не въ одной только католической церкви. Вотъ несколько строкъ изъ „Письма народовцевъ“ редактору *Rуси*, въ которомъ читатель можетъ видѣть иѣкоторыя черты отношеній народовцевъ къ церковнымъѣзузамъ: „Мы знаемъ, какими польскими формулами римской непогрѣшимости засорена наша церковь; знаемъ, чѣмъ служила польская церковь въ старину, чѣмъ служить она у насъ и теперь, то-есть ареной полонізациіи, а потому цѣлью нашею должно быть освобожденіе нашего народа отъ всякихъ такого

одного документа, свидѣтельствующаго объ отвращеніи галицкаго официально-клерикального элемента отъ украинизма,—выдержку, которая покажетъ читателямъ, что причина этого отвращенія лежитъ вовсе не въ симпатіяхъ галицкихъ клерикаловъ къ Россіи. Вообще надо сказать, что какъ заявленіе симпатій и похвалы Россіи, такъ и порицаніе ей со стороны нашихъ «западныхъ братій», не исключая и «галицкихъ единоплеменниковъ», не имѣютъ вовсе серьезнаго значенія по той простой причинѣ, что не коренятся въ основательномъ знакомствѣ съ нами. Наши западные братья имѣютъ оборотный капиталъ знаній и понятій о Россіи не больше того, какой имѣть любое западно-европейское общество, французское, нѣмецкое и др. Этотъ капиталъ состоялся изъ кое-какихъ наблюдений западныхъ путешественниковъ, кое-какихъ выдержанкъ изъ русской исторіи, приправленныхъ поверхностными философскими обобщеніями, изъ восклицаній страстныхъ памфлетистовъ, польскихъ преимущественно, и возгласовъ нашихъ патріотовъ, полу-шишковского, полу-новославяно-фильского лагеря. Возьмите любую западно-европейскую книгу о Россіи, хотя бы и такую, которой авторъ желалъ бы симпатично отнестись къ ней, вы непремѣнно натолкнетесь на фразы о русскомъ национальномъ духѣ, который выйдетъ то, что называютъ въ Европѣ *l'esprit vieux-russe*, *Altrussenthum*.

рода вліяній. Это, впрочемъ, не значитъ, что мы стремимся разорвать съ упію, какъ говорить, стремимся къ сепаратизму, къ „схизмѣ“. Мы догматовъ не трогаемъ. Мы крѣпко держимся за упію, потому что считаемъ ее почвою, на которой можетъ удобнѣе, чѣмъ на другой, развиться церковное самоуправліе, но наша упія не привязана ни къ Бресту, ни къ Риму, ни къ грбѹ бж. Іосафата (Кунцевича) такими желѣзными оковами, чтобы мы вѣру нашихъ православныхъ отцовъ и братьевъ нашихъ равняли съ вѣрою изъ чорта, или чтобы вѣра дѣлала насъ слѣпыми относительно тѣхъ великихъ и глубокогуманиыхъ поучений, какія передала намъ наша исторія. Правда, мы получили эту упію изъ нечистыхъ рукъ, какъ адскую [махинацію политическую], но духъ народа нашего, глубоко религіозный и моральный, очистить и очистить ее еще совсѣмъ, и она еще можетъ имѣть большую будущность. И именно въ интересахъ этой „св. упії“ необходимо освобожденіе нашей церкви отъ латинства, и не успокойтъ этого нашего стремленія ни кардинальство, приготовленное для какого-нибудь нашего архіерея, ни примасонство, а удовлетвореніе наше лежитъ только въ слѣдующемъ: патріархатъ для русиново-уніатовъ, то-есть для австрійско-русскихъ епархій, со всѣми ему принадлежащими правами и прерогативами, а именно, съ правомъ созванія народнаго собора для выбора патріарха и владыкъ».

и т. д., въ который входить безусловное повиновеніе властямъ, религіозная исключительность, виды на Константинополь и т. п. Къ такимъ опредѣленіямъ русскаго національнаго духа въ послѣднее время примѣшиваются *l'esprit des anciennes communes slaves*, или *le communisme cosaque*, *komunistisch-nihilistische Schwärmerei* des *verjungerten Altrussenthums*, которая видитъ «образецъ соціальной жизни въ дикой коммунѣ старославянской» и т. д. и т. д. Никто изъ пишущихъ такія фразы не хочетъ поискать около себя того же *Altrussenthum'a* и той же *Schwärmerei*, не хочетъ подумать, что и въ Россіи есть свои партии застоя, регресса и прогресса разныхъ оттѣнковъ, какъ и въ любой землѣ въ Европѣ, хотя, конечно, съ мѣстными, болѣе количественными, чѣмъ качественными, вариаціями. Однимъ словомъ, нелѣшая идея о томъ, что Европа раздѣляется на два міра съ особыми законами развитія, не-историческія представленія и крики о такъ называемой «петровской реформѣ», какъ о явленіи небываломъ и противонаціональномъ, а, наконецъ, частныя, то-есть французско-шовинистическая, нѣмецко-колонистская, польская и т. п., и вовсе не «западныя» вообще симпатіи и антипатіи мѣшаютъ смотрѣть ясными глазами на русскую дѣйствительность. Надо признаться, что много мѣшаютъ этому простому отношенію къ русской дѣйствительности съ тѣми же приемами критики, съ какими каждый наблюдатель европейской относится къ своимъ дѣламъ, также и якобы своеобразная, а по настоящему — переведенная съ нѣмецкаго, хотя и съ «перелицовкою», философія истории Запада и Бостока нашихъ московскихъ гегеліанцевъ какъ пра-заго, славянофильского, такъ и лѣваго, соціалистического, загеря, такъ какъ отрывочное знакомство западныхъ писателей съ нею только усилило фантастичность представлений западно-европейскихъ о національномъ русскомъ духѣ, о за-лачахъ русскаго народа и т. п.

И вотъ, сочинивъ такимъ образомъ изъ обрывковъ русской дѣйствительности, преимущественно до 1856 г., и изъ общественного воображенія физіономію «русскаго народа уха», французы, нѣмцы, чехи, галичане и т. п. начинаютъ бранить его, то хвалить, то пугаться, то возлагать на него длѣжды и пугать другихъ, сообразно колебаніямъ въ ихъ общественныхъ земляхъ. Французы, напр., думая, что русскій плоскій ничѣмъ такъ не занятъ, какъ мыслю поставить одну

свою пяту въ сердцѣ Западной Европы, раздавивъ мимоходомъ Польшу, а другую на Босфоръ, толковали долго о необходимости спасти свободу въ Европѣ отъ гнета этого колосса и начинали свою работу или безразборчивымъ покровительствомъ всякаго рода польскимъ идеямъ, изъ чего, кромѣ вреда для поляковъ въ серьезной сторонѣ ихъ национальныхъ стремлений, ничего не вышло, или тѣмъ, что поддерживали рабство турецкое надъ христіанами балканскими, изъ чего опять-таки, кромѣ вреда для самихъ турокъ, ничего не произошло. Потерпѣть пораженіе отъ нѣмцевъ, при благопріятномъ для послѣднихъ нейтралитетѣ Россіи, французы вдругъ заговориваютъ о необходимости войти въ союзъ съ «руссими видами»: «что жь дѣлать, — говорятъ они, — скрѣя сердце, надо пожертвовать не только Турцію, но и Польшу; теперь мы должны быть французами прежде всего», утверждаютъ они, воображая, что они прежде, когда заботились то о порядкѣ, то о свободѣ во всемъ мірѣ, не были «французами прежде всего», и что русскому колоссу въ самомъ дѣлѣ нечего дѣлать, кромѣ какъ давить поляковъ и забирать Босфоръ. Чехи, которые даже теперь учатся по-русски все по хрестоматіи Челяковскаго, въ которой изъ Пушкина приведено только «Клеветникамъ Россіи» и т. п., и въ которой нѣть ни одного отрывка изъ «Ревизора» и т. п., думаютъ, что всѣмъ русскимъ только и снится «слияніе славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ» и нѣть любезнѣе картины «сверкнія стальной щетины». Они то пугаютъ нѣмцевъ этой щетиной, какъ дѣлали всегда старочехи, то трепещутъ за свою «вѣковую литературу» и оплакиваютъ гибель Польши, какъ дѣлали младо-чехи до 1867 г., пока и они, чтобы нащупать гр. Бейста, пустились въ «московофильство», и начали и себѣ возлагать надежды на русский колоссъ.

Такъ же точно поступали и поступаютъ галичане, старые и молодые, потому что и тѣ и другіе знаютъ о Россіи ровно столько, сколько любая редакція французской или нѣмецкой газеты. До 1861 г. галицкая интеллигентія, ища увеличить количественно свою литературу, забирала у насъ «Сердешнюю Оксану» и «Солдата Перфильева», между 1861 и 1866 гг., считала болѣе всего сообразнымъ съ своими интересами ругать «московскихъ централовъ», ставя въ одну шеренгу не только г. Каткова съ г. Аксаковымъ, но даже рядомъ съ ними

и никому въ Россії невѣдомаго г. Говорскаго; послѣ 1866 г. одни сочли необходимымъ перейти изъ порицателей «московскаго централизма» въ хвалителей, другіе еще больше ожесточились, но и хвалители и порицатели хвалять и порицаютъ не столько дѣйствительныя, сколько созданныя ихъ воображениемъ явленія. Поэтому и похвалы и порицанія эти имѣются не только мало серьезности (хотя, конечно, и порицанія и похвалы имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ основаніе), но и гарантій прочности: и то и другое зависитъ отъ внутреннихъ дѣлъ и интересовъ самихъ галичанъ. Слѣдовательно, если мы хотимъ понять сущность галицкихъ дѣлъ, то должны, оставивъ въ сторонѣ ихъ отношенія къ Россіи, посмотретьъ ча отношеніе каждой галицкой партіи къ своимъ внутреннимъ дѣламъ. Не вполнѣ вѣрно также часто высказываемое у насъ сужденіе, что старая галицкая партія имѣеть то общее съ Россіей, чѣмъ употребляетъ письмо общее съ нашимъ, тогда какъ молодая, по духу сепаратизма, употребляетъ злонамѣренную кулишовку, о которой, если читать только галицкія корреспонденціи въ наши газеты, можно подумать, что это какой-то неслыханный въ мірѣ алфавитъ, а не та же самая кириллица.

Старые галичане приняли то правописаніе, которымъ, напр., печатается «Слово», вовсе не потому, что оно ихъ соединяетъ съ Россіей, а потому, что оно соединяетъ ихъ съ церковно-славяниной, и даже не кирилловской, а кіево-галицкой XVII в. Притомъ они приняли его отчасти съ тѣми приспособленіями къ южно-русскому говору, какія были у насъ придуманы г. Максимовичемъ, имѣвшимъ изъ нашихъ филологовъ наиболѣе связей съ галичанами въ сороковые годы, а отчасти съ своими собственными придатками (грамматика Осадца), такъ что даже название «историческая» не совсѣмъ идетъ къ этому правописанію. Скорѣе всего слѣдуетъ называть ему «вѣрно-рутенской», сообразно эпохѣ сложенія его и сообразно той мѣшанинѣ, которую должна представлять народность «рутенская» по строгимъ австрійскимъ идеаламъ. Поэтому даже это правописаніе, этотъ якобы символъ связи всѣхъ русскихъ племенъ, почти также отличается отъ той, напр., какую пишемъ мы теперь, какъ и кулишовка (исправленное нѣсколько правописаніе Котляревскаго, слѣдующее малорусскому выговору), и въ то же время не имѣть удобствъ, какія имѣть для малорусса кулишовка. Гоголь оставилъ когда-то,

что вся русская грамматика сосредоточивается на буквѣ *и*; вотъ эта-то буква и дѣлаетъ главную разницу «исторического» правописанія г. Максимовича отъ «фонетического» г. Кулиша. Но галицкіе послѣдователи г. Максимовича употребляютъ *и* не только тамъ, гдѣ оно исторически существовало въ церковно-славянскомъ и старорусскомъ письмѣ, и гдѣ его южноруссы произносятъ какъ мягкое *i*, но и всюду, гдѣ слышать острое *i*, т.-е. пишутъ въ своемъ родѣ тоже фонетически. Такъ, они пишутъ не только «свѧтъ», произнося «свѣтъ» (какъ народовцы и пишутъ по кулишовкѣ), но и въ родительномъ падежѣ единственного числа и въ именительномъ множественнаго: напр., «сочиненіе г. Метелѣ», «приятелѣ» и т. п., такъ что въ этомъ случаѣ написанное кулишовкою «г. Метелѣ», «приятелѣ» будетъ все-таки понятнѣе великоруссю, который не знакомъ съ другою манерою писанія, чѣмъ та, какою обыкновенно пишутъ въ Россіи, а ужъ, конечно, сразу даже и не великоруссу трудно догадаться, о комъ идетъ дѣло, если онъ встрѣтитъ имя известнаго Ригера, написанное «Ригерь», какъ это дѣлается по историческому правописанію въ Галиции. Мы можемъ увѣрить читателя, что если онъ такимъ же образомъ пропробить собственнымъ анализомъ правописаніе, языкъ, культурныя идеи, политическая тенденція той галицкой партіи, главную характерную черту которой видѣть будто бы въ стремленіи слиться съ Россіей и въ частности съ Великороссіей, то онъ найдетъ тамъ не Россію и не Великороссию, а «Австро-рутеніе». Иначе и быть не можетъ при той мѣстной почвѣ, на которой возникли галицко-русскія партіи.

Посмотримъ же, имѣя въ виду эту мѣстную почву, на то, какъ произошла и въ чёмъ состоять разница между галицкими партіями. Мы видѣли, что большая часть дѣятелей старой партіи выступила на сцену около 1848 г., молодые же появились въ 1861—1863 гг. и сложились въ болѣе плотную партію послѣ 1866 г. Такимъ образомъ разница между людьми этихъ партій лежитъ прежде всего во времени, въ возрастѣ. А разница во времени обусловливаетъ разницу и въ воспитаніи: старые — всѣ воспитанники униатскихъ семинарій меттерниховскихъ временъ и почти всѣ духовные. Между прочимъ, одно изъ характеристическихъ послѣдствій этого воспитанія, въ Вѣнѣ ли, или Львовѣ, должно было быть не

только исчезновение уважения къ народу, т.-е., къ единственному русскому элементу въ Галиции, но и разучение единственной русской рѣчи, какая была тамъ, т.-е. народной рѣчи. Мы видѣли, что старые галицкіе литераторы писали больше всего по-нѣмецки или по-польски, если же покушались писать по-русски, то писали по-церковно-славянски съ разными подмѣсями, или по-австро-уніатско-рутенски, а не по-русски. Такимъ образомъ самая характеристическая черта галицкихъ русскихъ литераторовъ старого времени состояла въ томъ, что они всего менѣе знали какой бы то ни было живой русскій языкъ. Этой чертѣ соотвѣтствуетъ другая, что галицко-русскіе литераторы и духовные, пустившись въ политику, не были въ состояніи представлять живые интересы народа: имъ фатально не оставалось ничего, кромѣ служенія бюрократіи австрійской и интересамъ своего и вообще австрійского клира. Младшія поколѣнія не только воспитывались болѣе въ свѣтскомъ духѣ, но все-таки хоть сколько-нибудь пріучались къ русской, хоть мѣшаной рѣчи. Наконецъ они воспитывались въ то время, когда уже идеи о народѣ измѣнились и въ Австріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и взглядъ на народный языкъ, который они поэтому не только не могли въ такой степени забыть, какъ старшіе, но который, независимо отъ политическихъ идей, а просто вслѣдствіе общихъ европейскому ученому и образованному міру понятій, не могли не счесть основу и для литературнаго языка, орудіемъ для проведенія знаній въ народъ и т. д. А какъ народный языкъ въ Галиції почти тотъ же, что и въ Малороссіи, то младшія галицкія поколѣнія должны были реально, а не формально, какъ старшыя въ 1848 г. признать свою литературу частью южно-русской.

Кромѣ того, какъ ни мала объемомъ сумма книгъ, писанныхъ въ Россіи по-малорусски, но здѣсь младшіе, свѣтскіе галичане нашли именно ту пищу новымъ своимъ потребностямъ, которыхъ не могли удовлетворить «рутенскія» писанія и «рутенскія» общественно-политическая идеи 1848—1861 гг. Какъ въ выборѣ изъ русской литературы послѣ 1848 г. и даже теперь литераторы святоюрскаго лагеря руководились съ вами и вкусами, обусловленными ихъ степенью развитія, такъ теперь младшія галицкія поколѣнія бросились на украинскую литературу подъ вліяніемъ новыхъ вкусовъ, новой сте-

ции развитія. Если «рутенцы», не переставая, конечно, быть самыми вѣрными австрійцами, выбирали изъ литературы, возникшей въ Россіи, оды Державина, «Мичмана Поцѣлуева», но не «Горе отъ ума», не «Ревизора», не «Кто виноватъ», не «Записки Охотника»; если, несмотря на то, что имя Шевченка дошло уже въ Галицію и въ 1848—1849 гг., его все-таки не перепечатывали и не читали тамъ до 1861 г., то это произошло, конечно, отъ того, что и въ русской литературѣ «рутенцы» могли искать только «рутенское» по идеямъ, слогу и даже языку, что «русской» литературы одинаково не могли они понять, выражалась ли она на языкѣ, которымъ писалъ Гоголь или Искандеръ, или на томъ, на какомъ писалъ Шевченко. Мы полагаемъ, что никто не сочтеть за парадоксъ, если мы скажемъ, что Шевченко, какъ и Гоголь, и Островскій, и Некрасовъ и т. д., по эпохѣ развитія русского общества, къ которому они принадлежать, суть русские писатели, а Державинъ теперь преудобно можетъ быть названъ «рутенскимъ».

Когда въ недавнее время галицкіе литераторы извѣстнаго лагеря сочли необходимымъ провозгласить единство литературы во всемъ русскомъ мірѣ и потому сочли неизбѣжнымъ перепечатать что-либо изъ новѣйшей литературы въ Россіи, журналъ «Боянъ», провозгласившій приведенное выше курьезное мнѣніе, что «языкъ, которымъ говорятъ въ Россіи, есть галицкій литературный языкъ», услыхавъ, что самъ талантливый изъ дѣйствовавшихъ въ послѣдніе годы писателей въ Россіи считается Тургеневъ, выбралъ для ознакомленія съ нимъ, какъ бы вы думали, что? — разсказать «Жидъ». Конечно, самъ г. Тургеневъ согласится съ нами, что изъ всѣхъ вещей, когда-либо имъ написанныхъ, «Жидъ» — самое близкое къ «Мичману Поцѣлуеву», а потому наименѣе «русское» и наиболѣе «рутенское» сочиненіе. Мы видѣли, что самое обращеніе къ литературѣ, существующей въ Россіи, отреченіе отъ программы, машинально написанной въ 1848 г., совершили органы «рутенцевъ» послѣ того, какъ бюрократія австрійская явно оттолкнула ихъ отъ себя, и они обратились къ Россіи, не какъ русскіе, а именно, какъ «рутенцы», т.-е. съ надеждами и въ Россіи на бюрократію, съ лестію и въ Россіи той части общества и литературы, которую они считали наиболѣе близкою къ бюрократіи. А когда оказалось, что русскіе

правительство не расположено вмѣшиватьсь въ дѣла соѣдѣй, что фразы нашихъ публицистовъ реакціоннаго пошиба о помощи западнымъ братьямъ такъ фразами и остаются, «рутенцамъ» осталось только хлопотать о служебныхъ мѣтахъ въ Россіи, гдѣ они, впрочемъ, не встрѣчаютъ сочувствія ни со стороны «русскаго» общества, ни со стороны представляющей его печати.

Когда, въ противоположность рутенцамъ, нарастающая народная партія обратилась за нравственной пищей въ Россію, она обратилась жадно на Шевченка, Костомарова, Кулиша, М. Вовчка, не только потому, что ихъ сочиненія были написаны наиболѣе понятныемъ для галичанъ языкомъ, но и потому, что они отвѣчали тѣмъ стремленіямъ къ независимости въ политикѣ, тѣмъ понятіямъ о значеніи народныхъ массъ, какія нарождались уже въ головахъ младшаго поколѣнія, — тѣмъ понятіямъ научнымъ, историческимъ и филологическимъ, какія они находили въ аудиторіяхъ болѣе ново-европейскихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ старыя уніатскія семинаріи. Новая малорусская беллетристика и исторіографія была для галичанъ новою европейскою литературой, писанной наиболѣе близкимъ языкомъ для ихъ народа. А такъ какъ малороссійская литература и исторіографія зародились въ Россіи, благодаря ея высшимъ школамъ, которая все-таки отражаютъ общеевропейскія умственныя движения, то мы должны сказать, наперекорь близорукимъ людямъ въ обоихъ лагеряхъ, «москофильскомъ» и «украинофильскомъ» какъ у насъ, такъ и въ Галиціи, что галицкое украинофильство есть первое и до сихъ поръ самое сильное проявленіе нравственной связи Галиціи съ Россіей. Галицкіе народовцы не потому стали народовцами, что заразились «мечтательными» тенденціями нашихъ украинофиловъ, а потому стали украинофилами, что нашли у послѣднихъ «народныя» (демократическая) идеи. А такъ какъ беспристрастный человѣкъ долженъ согласиться, что русинское национальное движение въ Галиціи можетъ стать прочнымъ, только ставши просвѣтительнымъ и демократическимъ, то въ этомъ проникновеніи въ Галицію украинофильства онъ долженъ усматривать тотъ путь, какимъ должна ити пропаганда идей о нравственной солидарности русскихъ племенъ, для того, чтобы принести пользу народу этихъ племенъ. Если когда-либо эта солидарность установится, то только

путемъ связи прогрессивно-народныхъ движений въ Галиції и Россіи, которая можетъ наступить послѣ взаимнаго основательнаго знакомства, а вовсе не посредствомъ того искусственнаго братанія реакціонныхъ и своекорыстныхъ общественныхъ элементовъ, которое до сихъ поръ ничего не дало Галиції, кромѣ эмигрантовъ, а намъ — кромѣ увеличенія туземнаго гашкентскаго полка еще и наѣзжимъ. Проблески такой солидарности галичанъ не только съ Малороссіей, но и съ Россіей вообще (мы не говоримъ о политикѣ) замѣчаются уже и теперь, и мы укажемъ ихъ ниже; пока же мы обратимся къ обзору дѣятельности молодой или народной партіи въ Галиції, которую мы и будемъ называть молодой, свѣтской или народной партіей, какъ болѣе точными названіями, чѣмъ другія, и этими названіями мы будемъ отличать ее отъ старой, которая, какіе бы виды ни принимала, въ какіе бы союзы ни входила, по непремѣнно окажется «рутеніскою», клерикально-бюрократическою и непремѣнно всюду найдетъ для себя подобныхъ же союзниковъ.

II.

«Народная» партія въ Галиції (она же и «молодая», «свѣтская») отложила въ сторону политианство и стала на практическій путь не вдругъ. Еще и теперь ей предстоитъ не мало работы надъ собою, начиная съ языка, чтобы стать и на дѣлѣ народною. Она въ свое время также занималась «высшею политикою», возлагала большія надежды на наше украино-фильское движение и даже отчасти на польское, а также и на австрійское правительство и на собственныхъ совѣтниковъ и владыкъ. Но въ послѣднее время направление «народной партіи» сильно измѣнилось, и она, отказавшись возлагать надежды на международныя катастрофы и начавъ посильнѣ работать надъ поднятіемъ нравственнаго уровня своего народа, оказалась и болѣе благоразумною и болѣе патріотическою. Дѣйствительно, чѣмъ мы далѣе отходимъ отъ 1866 года, тѣмъ болѣе замѣчаемъ упадокъ вкуса у галицкихъ «народовцевъ» ко вѣщамъ-политическимъ дѣламъ, и большее сосредоточивание вниманія на вопросахъ литературно-научныхъ и народномъ образованіи, хотя все еще можно пожелать галиц-

кимъ народовцамъ еще болѣе практическаго направленія и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣй независимости въ провозглашеніи ихъ идей и въ ихъ исполненіи.

Зеркаломъ нравственной жизни галицко-народной партіи служить журналъ «Правда», который съ 1866 выходилъ непрерывно до лѣта 1870 г. и потому, послѣ перерыва, во время котораго сотрудники его принимали участіе въ «Основѣ», возобновился съ апрѣля прошедшаго года и выходитъ ежемѣсячно небольшими книжками отъ 3 до 4 листовъ печатныхъ, за весьма небольшую плату (4 гульдена въ годъ) съ эпиграфомъ изъ Шевченка: «въ свой хатѣ своя правда і сила і воля». «Правда» познакомила галицкую публику не только со многими напечатанными уже въ Россіи (по-русски и по-малорусски), но и не напечатанными повѣстями малорусскихъ беллѣтистовъ, преимущественно рисующихъ жизнь народа на югѣ Россіи, которая имѣютъ для Галиціи значеніе примѣровъ произведеній «натуральной школы», утвержденной въ Россіи Гоголемъ. «Натурализмъ» долженъ и въ Галиціи нести смертельный ударъ безплодной старинной беллѣтистикѣ и поэзіи, представляемой виршами, по истинѣ достойными времень Симеона Полоцкаго, или недалеко отъ нихъ ушедшими поэмами на такія темы, какъ Сонъ Князя Льва, Буй-Турь Всеволодъ, Конюшій и т. п.¹⁾). Галицко-русской литературѣ,

¹⁾ Повѣрить ли читатель, что еще въ 1838 году галицко-русскій литераторъ напечаталъ поэму подъ такимъ заглавиемъ: «Воззрѣніе страшилица въ Пестѣ и Будѣ, наступающаго мѣсяцемъ марта 1838 года во время разлитія Дуная, Симеономъ Феофилѣ Лисинецкимъ, Галиціаниномъ, теперь кес. корол. сожитища Вѣденскаго интомцемъ въ Мало-Рускимъ языку (!) изображенное!» Вотъ куріоза ради начало этой поэмы:

Тутъ прохаживающій удивляю,	Буря та! злачтія причина.
На что всюль челики суть возставленны?	Кая, осмъ лѣть ужъ, когда бѣсила
Но теперь бурю си вспоминаю	Но есть осторожности новина
Где бували здѣшии скорбленны.	И расположенія правила.

Пусть читатели возьмутъ приведенную въ „Історії славянскихъ литературъ“ г. Пыпина выдержку изъ первого манифеста галицкой Матицы въ 1849 г.—и онъ увидитъ тамъ точно такой же икобы малорусскій языкъ, только еще испещренный полонізмами, и вспомнитъ, что мы говорили выше о томъ, какъ галицкие литераторы въ 1848 г. не могли и знать, что такое малорусскій и что русскій языкъ.—А вотъ выдержка изъ оды къ императору австрійскому, напечатанной пѣ „Вѣникѣ русинъ на обжинки“ И. Головацкаго въ 1849 г.

даже въ лицѣ молодыхъ писателей, много еще нужно труда, чтобы избавиться отъ старицаго археологизма (еще недавно одинъ не старый еще писатель напечаталъ драму въ 5 актахъ «Настася», основанную на преданіи изъ исторіи Галицкой Руси изъ второй половины XII вѣка, въ коей князья, бояре, мѣщане говорять длиннѣйшія и скучнѣйшія рѣчи), да при этомъ поуменьшилъ вообще страсть къ стихотворству и морализаціи. Самая малорусская литература изобилуетъ маниловскаго стихокропательства, библейскимъ аллегоризмомъ, часто встрѣчающимся у Шевченка, и его же смѣшнѣемъ ораторства съ поэзіей, задерживаетъ отчасти развитіе литературныхъ идей галичанъ въ томъ направленіи, которое она же и внесла въ Галицию, а именно, въ направленіи «живописанія быта», которое одно и можетъ быть теперь существенною задачею поэзіи.

Що же! безсилен задумав я пти
Величественія дѣла:
Ох, рад бы я соколом взлетѣти,
Прогянити их числа!

Але годѣ! Не вдась, духу мой птиційный,
Ген-ген! подъ солнце съ юности,
Вздѣти сих дѣл вже бы образ тѣній,
З поднебесной высоты.

Не впадила съ бутнѣстъ, ани шыхота
В Велич'ствѣ Вашог Престоль;
С сердечностью побратала съ, простота:
Двора въ тѣм Вашог роздѣл (?) .

Дальше авторъ не только называетъ императора Франца II въ 1849 году „Вы—защита всѣхъ идей!“, но и увѣряетъ, что его „Пля радо воїюю“, между прочимъ и „Галиче“.

Вотъ нѣсколько стиховъ о „Буй-Турѣ Всеизводѣ“ изъ поэмы г. Дѣдичаго, напечатанной въ 1860 г.:

— Той князь на Руси такъ прославился
Такъ съ ей врагами насильно (!) бился,
И такъ Половцамъ дался во знаки,
Же щебетали о немъ и штаки!“

Не правда ли, невезикъ прогрессъ со времени „Воззрѣнія страшнѣла“. Замѣтимъ, что въ Галиціи поклонники и противники г. Дѣдичаго говорятъ, что онъ подражалъ Пушкину (!), а у насть доктринеры „Русскаго Вѣстника“ и „Современной Лѣтописи“ ставили малорусскимъ писателямъ времени Шевченка и др. въ образецъ галицкихъ литераторовъ съ г. Дѣдичкимъ во главѣ, изображая, что такое виршеплетство можетъ быть названо русской литературой!?

Не мало еще вредить торжеству реализма въ литературѣ галичанъ и возрастающее вліяніе нѣмецкое, такъ какъ и въ нѣмецкой литературѣ сильно еще злоупотребляютъ стихотворствомъ, разсужденіями въ стихахъ, а также переложеніемъ лѣтописей въ драмы. Мы думаемъ, что полезное вліяніе на галицкую беллетристику оказалось бы основательное изученіе (кромѣ англійскихъ романистовъ) Гоголя, если бы они, по украинофильтскому узкоглядію, не смотрѣли на него, какъ на «московскаго» писателя, а также знакомство съ русской литературою послѣ Гоголя. Во всякомъ случаѣ въ «Правдѣ» было не мало поимѣнено рассказовъ изъ народной жизни, представляющихъ уже ясные начатки реальнаго направленія, между которыми выдаются рассказы изъ жизни и преданій буковинскихъ г. Федъковича. Но — увы! — этого нельзя сказать о его драматическихъ опытахъ, въ которыхъ даже иконы разговариваютъ! Кромѣ художественной своей стороны, такого рода рассказы имѣютъ и политическую: они знаменуютъ, что классы интеллигентные все болѣе обращаютъ вниманіе на массу народа.

Еще болѣе видно это вниманіе въ умноженіи въ послѣдніе годы въ Галиції книгъ для первоначального образования народного и чтенія, религіознаго и свѣтскаго, написанныхъ народнымъ языкомъ. Самую характерную и богатую послѣдствіями новизну въ этомъ родѣ составляютъ переводы Священнаго Писания и молитвъ на чисто-народный языкъ. Еще Маркіянъ Шашкевичъ работалъ надъ переводомъ евангелій на народный галицкій языкъ, но его работа не только не была напечатана, но даже такъ было куда-то затерялась, что ее насили разыскали въ настоящемъ году. Въ 1869 г. «Правда» напечатала опять переводъ «Пятикнижія» Моисея, стихотворный переводъ Іова, который вышелъ въ 1870 г. и отдельно, а также и полный стихотворный переводъ Псалтыри. Въ 1871 же году въ Вѣнѣ былъ отпечатанъ южно-русскій переводъ четырехъ евангелистовъ. Тогда же и тамъ же напечатанъ переводъ молитвъ, специальнѣе приспособленный къ галицкому народу и галицкому нарѣчу южно-руssкаго языка. По поводу этого послѣдняго произошла переписка между духовными властями и переводчиками, столь характерно рисующая отношенія строго-уніатскихъ клерикалью къ галицкому украинофильтству, или народному направлению, что мы считаемъ необходимымъ привести изъ нея

выдержку въ подтверждение сказанного нами выше объ этихъ отношеніяхъ.

Переводчикъ «Молитвослова» отправилъ рукопись издания своего на разсмотрѣніе митрополита, который обѣщалъ одобрить его, если тамъ не будетъ ничего противнаго католической вѣрѣ. Но вместо того ректоръ вѣнскай уніатской семинарии получиль отъ країшанина Малиновскаго изъ Львова слѣдующее письмо, которое мы приведемъ въ подлинникѣ, чтобы дать возможность читателю видѣть, за какой литературный языкъ стоять противъ украинскаго клерикальный элементъ въ Галиції. Вотъ письмо кр. Малиновскаго:

«Высокопріподобный гоєподине! Изъ препорученія ихъ Высокопреосвященства зволить Ваше Віреподобіе завозвати до себе Ивана Пулюя, оукон. богослова и слыш. філософії на оуниверзитетѣ Вѣденскомъ, и заявити ему, изъ ихъ Высокопреосвященство не только не даютъ имени своего, но также совсѣмъ не соглашаются, абы написанный нимъ молитовникъ напечатался, и тая рукопись по праву каноническому предназначена достала до оунічтоженія. — I) И. Пулюй покликауся (ссылается) на 1 Кр. XIV. 18, 19 (1 посл. къ Корине), въ которомъ апостоль говорить, что лучше въ церкви сказать пять словъ понятныхъ всѣмъ, нежели десять тысячъ чужимъ языкомъ) и думаетъ, що такъ званна оукраинница и кулишовка суть якимось тайнымъ ключемъ, отворити разумѣніе церковнаго языка и церковныхъ нашихъ молитовъ и службъ, где властиво святохоронячи нашъ обрядъ потребно филологическихъ и богословскихъ толкований словъ и положеній¹⁾. II) Очевисто намѣреніемъ его есть перенести агитацию для оукраиницы и кулишевки на поле церковное, а дающи при славянскомъ текстѣ переводы на такъ званну оукраинницу съ кулишевкою, хоче на тѣмъ поставити, щобы вѣрни приняліи

¹⁾ Замѣтимъ, что пока собирались высокомудрые богословы на филологическая и богословская толкованія словъ и положеній молитвъ и литургій, даже жены ихъ и вообще семьи патріотовъ русинскихъ ходили въ церкви съ польскими католическими молитвенниками, и сама Ставроигіальна типографія еще въ 1860 году напечатала Канонъ Воскресный съ польскимъ переводомъ. Молитвенники изд. г. Пулюя есть первый образецъ польско-русского молитвенника въ Галиції, и высокомудрые богословы, нападая на него за то, что онъ написанъ понятною и простолюдину рѣчью, просто помогаютъ или манипуляльному стоянію въ церкви, или полонизаціи русиновъ.

звычай по украински молитися (напомнимъ, что галицкое народное нарѣчіе самыми ничтожными чертами отличается отъ украинскаго и что въ молитвенникѣ г. Пулюя, который самъ не украинецъ, а галичанинъ, переводъ сдѣланъ примѣнительно къ галицкому нарѣчію, такъ что, очевидно, «украинщина» тутъ ни при чёмъ, а ихъ высокопреосвященство просто не хочетъ, чтобы народъ понималъ молитвы и богослуженіе, и слѣдуетъ просто фарисейской и іезуитской политикѣ), то оуже иде о тое, не только сорвать съ нашою малорускою литературою, но также съ нашими церковными книгами, съведенными на ладъ нашего малорусского языка, о кѣлько то было возможно, — на корысть украинщины и кулишевки, которы суть нововведеніемъ безъ подставы якъ оу настъ, такъ на Оукраинѣ (итакъ, ихъ впрѣстро не только открыли какую-то «Малороссію», отдельную отъ «Украины», но даже увѣряютъ, что «Украинщина» есть нововведеніе и на «Оукраинѣ!») и которы еще оу настъ не оправдилися, абы оуже и церкви наша гонила за пустымъ вѣтромъ». Въ III пунктѣ впр. крылошанинъ заботится, какъ бы старовѣры въ Россіи не соблазнились писаніемъ слова Иесусъ по кулишовкѣ, хотя они до сихъ поръ не соблазнялись такимъ же писаніемъ у сербовъ; въ IV спорить о перевѣдѣ г. Пулюемъ нѣсколькихъ словъ, при чёмъ въ одномъ случаѣ указываетъ дѣйствительную ошибку, а въ двухъ самъ ошибается. V пунктѣ гласить такъ: «Що ино есть сваволя на поли мирской литературы, а що ино есть церковна литература: ту оуже повиненъ Иванъ Пулуй оставить власти церковной потребное зараждати, и до толка молитовъ и служеній церковныхъ потребно священника (,) на котораго ординаріать спуститися може, що тою роботою совѣсно и працевито займесь, мающи страхъ передъ вѣтренностю и легкомыслностию. — Поручася эъ причины того приклада Вашему Вирѣподобію наблюдать на тое абы питомцы наши въ тамошней семинаріи въ церковны, обрядовы предметы не мѣшиали украинщины и кулишовки и занималися совѣсно и трудолюбиво литературою церковно-славянскою и малорускою, якъ они изъ давна намъ передании суть».

Надѣемся, читатель не посѣтуетъ на насъ за то, что мы заставили его прочитать десятокъ-другой строкъ, писанныхъ варварскимъ языккомъ, такъ какъ этотъ языкъ и духъ письма впр. крылошанина, его аргументація, покажетъ ему нагляд-

иже, чѣмъ вѣсъ наши разсужденія и разсказы, иѣкоторыя стороны галицкой жизни. Онъ увидѣть, что въ борьбѣ противъ «украиницы» въ Галиції вовсе не идетъ дѣло о сохраненіи единства развитія литературы и духа всѣхъ частей русскаго племени, и, думаемъ, согласится съ тѣмъ, что стремленія приверженцевъ «украиницы» находятся въ гораздо болѣшемъ согласіи съ стремленіями нашего образованаго общества и его прогрессивной литературы, чѣмъ идеи значительной части ихъ противниковъ, а слѣдовательно, несмотря на различіе языка, употребляемаго нашей прогрессивной литературой, когда она берется за дѣло народнаго образованія, съ языками галицкой народной партіи (какъ видимъ мы, въ письмѣ впр. крылошанина языкъ тоже не тотъ, какимъ пишемъ мы), дѣятствія этой послѣдней суть выраженія гораздо болѣшаго единства цѣлей образованныхъ представителей достойныхъ ордена іезуитовъ впр. крылошанъ, какъ бы они себя ни называли: «рутенцами», «рускими», «малоруссами», или «русскими».

Въ особенности нельзя не отнести съ сочувствіемъ къ дѣятельности устроившагося въ 1868 г. товарищества «Прогрессія». Товарищество это образовалось по примѣру чешской «Матицы», которая по временамъ издаєтъ книги для народнаго чтенія въ 18 тысячахъ экземпляровъ. Мысль о необходимости направить литературно-издательскую дѣятельность на приготовленіе преимущественно книгъ для народнаго чтенія и для элементарнаго образования была поднята г. Качалой, по возвращеніи изъ Праги, гдѣ онъ познакомился наглядише съ дѣятельностью чеховъ, но заявленіе этой мысли въ существующей давно уже «Матицѣ Русской» въ Львовѣ повело только къ раздражительнымъ спорамъ. Тогда явилась у иѣкоторыхъ лицъ, преимущественно «младшей» партіи, мысль объ основаніи особаго съ этой цѣлью общества «Прогрессія». Намѣстничество отказалось утвердить проектъ общества, но министерство утвердило. Товарищество начало свою дѣятельность съ болѣшимъ тактомъ и терпимостью, несмотря на то, что съ самаго начала встрѣтило со стороны иѣкоторыхъ лицъ весьма вызывающее обращеніе. Такъ, напр., два священника въ Львовѣ отказались отслужить въ церкви своихъ молебень передъ открытѣемъ товарищества, и одинъ прямо сказалъ, что у него нѣтъ мѣста въ церкви для «ляхофиловъ», — упрекъ,

безусловно ничѣмъ не заслуженный товариществомъ, котораго устава не захотѣло и утвердить польское наимѣстничество. Вѣроятно, это, по галицкимъ обстоятельствамъ очень чувствительное, оскорблѣніе подало поводъ краковскому обществу «Oswiaty» и львовскому «Przyjaciol oswiaty ludowej» предложить «Просвѣтѣ» соединить свою дѣятельность съ дѣятельностью польскихъ обществъ. Разумѣется, «Просвѣта» отказалась отъ этихъ предложенийъ, предпочитая сохранять полную самостоятельность, хотя бы и при скучныхъ средствахъ. Съ такимъ же тактомъ новое товарищество отнеслось и къ вопросамъ, раздѣляющимъ между собою русиновъ, и показало для галицкаго общества даже удивительное безпристрастіе, заявивъ, что будетъ употреблять въ изданіяхъ для сельскихъ школъ и первоначального чтенія такъ называемое «историческое» правописаніе, а въ изданіяхъ научныхъ, по желанію авторовъ, историческую или фонетическую. Кромѣ того, «Просвѣта» неоднократно заявляла желаніе вести дѣло изданія первоначальныхъ книгъ въ согласіи съ членами партіи «старыхъ» русиновъ, изъ коихъ г. Наумовичъ сначала и принялъ участіе въ изданіяхъ «Просвѣты». Однакожъ болѣе никто изъ «старыхъ» не принялъ участія въ этихъ изданіяхъ, и даже въ ихъ собраніяхъ товарищество обзывалось измѣническимъ. Между тѣмъ оно сдѣлало въ короткое время и съ небольшими средствами столько для первоначального народнаго чтенія и для школъ русскихъ вообще, какъ ни одно изъ старыхъ обществъ, гораздо болѣе богатыхъ, какъ, напр., «Матица» или «Институтъ Ставропигіальный», главная гаслуга котораго заключается въ томъ, что онъ имѣть русскую типографію, до настоящаго года единственную во Львовѣ. Для сельскаго чтенія «Просвѣта» издаєтъ, кромѣ календарей, еще небольшіе сборнички подъ названіемъ «Зоря», какихъ съ 1869 г. вышло шесть книжекъ. Книжки эти заключаютъ житія святыхъ, болѣе чтимыхъ въ народѣ (Николая, Пантелеймона), рассказы изъ физической географіи, мѣстной исторіи и географіи, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ животныхъ, обѣ удобреніи, народныя сказки, стихи и т. п. Можно пожелать большей систематичности состава книжекъ, по крайней мѣрѣ, большей поэлѣдовательности и связи одной съ другою въ статьяхъ научныхъ, менѣе благодушества въ литературныхъ, и большей разборчивости въ выборѣ вещей изъ народной же словес-

ности. Такъ, напр., въ одной изъ книжекъ перепечатаны изъ записокъ о Южной Руси повѣрья «объ умершихъ», разсказанныя очень хорошимъ языкомъ, однакожъ гораздо болѣе умѣстная въ этнографическомъ, чѣмъ въ педагогическомъ изданіи, потому что все-таки вѣдь это «сувѣрія», хотя бы и «не лишенныя поэзіи», но не вяжущиа съ рассказами изъ физики и естественной исторіи. Кромѣ календарей и «Зори», «Просвѣта» издала не лишенный юмора разсказъ о приключеніяхъ пары крестьянъ на ярмаркѣ и очень любопытную брошюру г. Качалы «Що насъ губить и що намъ помагти може?» о нынѣствѣ и пропиннії. Количество обыкновенно печатаемыхъ «Просвѣто» экземпляровъ бываетъ 2 — 3.000. Товарищество постепенно открывается въ провинціальныхъ городахъ свои отдѣленія и агенціи, и въ настоящемъ году уже имѣло 246 членовъ и болѣе 2.600 гульденовъ приходу, да на 4.878 гульденовъ книгъ. Къ этому имуществу, какъ мы видѣли, въ прошломъ году комиссія сейма должна была прибавить и годовую субсидію въ 1.000 гульденовъ. Только библіотека товарищества не можетъ похвалиться богатствомъ, имѣя всего 126 сочиненій. Въ распоряженіе товарищества начинаютъ поступать пожертвованія на литературныя цѣли и на стипендіи учащимся; товарищество открываетъ отъ себя подписку на стипендіи, напр., на стипендію Шевченка. Въ предѣлахъ своего предмета товарищество начинаетъ выступать и въ политикѣ: такъ, въ этомъ году оно подало министерству петицію объ учрежденіи въ Львовскомъ университѣтѣ каѳедры русской исторіи (будеть читать въ зимнемъ семестрѣ проф. Шараневичъ), объ учрежденіи третьей инспекціи для народныхъ школъ, специальнѣ русинскихъ, и объ исполненіи распоряженія министерскаго, о введеніи русскаго языка въ смѣшанныя семинаріи, и семейной комиссіи, о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ V классѣ львовской русской гимназіи. Для введенія въ гимназіи преподаванія на русскомъ языкѣ товарищество «Просвѣта» оказалось самыя серьезныя услуги. До сихъ поръ всякаго рода министерскія распоряженія и петиціи русинскихъ депутатовъ о введеніи русскаго языка въ гимназіи не могли принести плодовъ по той простой причинѣ, что не было русскихъ учебниковъ, такъ что, если, напр., прежде 1867 г. галицкія гимназіи не были, какъ говорится, такъ ополячены, какъ послѣ этого года, такъ это не столько

потому, что онъ были русскія, сколько потому, что онъ были нѣмецкія. Поэтому нечего удивляться, что всякаго рода реклами русиновъ о предоставлениі имъ полныхъ гимназій не могли получать удовлетворенія, пока они не наготовили учениковъ для этихъ гимназій. Вотъ «Просвіта» и взялась за это дѣло, и выдала сначала Хрестоматіи для упражненій въ русскомъ языкѣ учениковъ I—IV классовъ русской гимназіи и русскихъ учениковъ въ другихъ (Руска Читанка для низшихъ клас середнихъ школъ. Часть I. 1871, ред. Романчука. Часть II. 1871, ред. Партицкаго), и преподаванія исторіи русинской литературы ученикамъ высшихъ классовъ, V—VIII (Руска Читанка для высшої гимназіи, I—III. 1870—1871, ред. Ал. Барвинскаго). Хрестоматіи состоять изъ отрывковъ изъ малорусскихъ писателей, начиная съ Котляревскаго, и галицкихъ, начиная съ Марк. Шашкевича, и изъ народной южно-русской словесности, а Хрестоматіи г. Барвинскаго имѣютъ и историко-критическая примѣчанія о писателяхъ. Эти Хрестоматіи имѣютъ двойное значеніе, такъ какъ въ семействахъ учениковъ, особенно въ селахъ, они часто составляютъ единственное чтеніе особенно для женщинъ. Въ послѣдніхъ своихъ собраніяхъ комитетъ «Просвіты» объявилъ, что онъ уже имѣть оригиналные и переводные курсы ариеметики, геометріи, географіи, зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, грамматики отечественной, греческой и нѣмецкой, исторіи всеобщей, частію уже одобренныхъ школьнымъ совѣтомъ (18 книгъ), частію представленныхъ или должныствующихъ быть представленными къ одобрению.

Рядомъ съ изданіями «Просвіты» для сельскаго чтенія надо помянуть изданія, которая почти всецѣло принадлежать одному человѣку, сначала также принимавшему участіе въ изданіяхъ «Просвіты», но теперь, кажется, совершенно удалившемуся отъ общества. Лицо это — г. Наумовичъ, который издастъ въ маленькомъ городѣ Коломіи народную газету «Русская Рада», выходящую въ мѣсяцъ два раза, нумерами въ 1 небольшой печатный листъ (цѣна 3 гульдена въ годъ), и ежемѣсячный журналъ «Наука» въ 3 печатныхъ листа (цѣна 4 гульдена въ годъ) и, кромѣ того, обещаетъ выпустить въ годъ 6 небольшихъ книжечекъ, подъ названіемъ «Читальня» (1 гульденъ 50 крейцеровъ). Такимъ образомъ, въ особенности, если взять во вниманіе, что г. Наумовичъ не разъ уже при-

мался за изданіе народныхъ журналовъ, надо сказать, что не только никакое другое лицо, но и никакое другое учрежденіе и общество въ Галиціи не работает столько для популярной литературы, какъ г. Наумовичъ, съ которымъ теперь раздѣляеть труды г. Бѣлоусъ, хотя и находится въ почетномъ изгнаніи, директоръ гимназіи въ чисто-польской Бохнѣ. Вообще г. Наумовичъ — одна изъ самыхъ энергическихъ и талантливыхъ личностей русского общества въ Галиціи, и нельзя не найти счастливою его мысль написать свою автобіографію, которую онъ началъ печатать въ «Наукѣ» и съ которой въ свое время можетъ познакомиться и наше общество. Г. Наумовичъ вышелъ изъ бѣдности (какъ и г. Бѣлоусъ), прошелъ черезъ нищету самую крайнюю, живеть и до сихъ поръ въ бѣдности, какъ сельскій священникъ (только этимъ лѣтомъ онъ получилъ приходъ, который, кажется, обезпечить ему безбѣдное существование). Но въ теченіе всей своей жизни онъ не переставалъ самымъ усерднымъ образомъ работать, преимущественно на пользу сельского люда, какъ священникъ, депутатъ въ сеймѣ, издаватель самыхъ разнообразныхъ статей и газетъ, организаторъ хозяйственныхъ обществъ, подаватель совѣтовъ и т. п. И что, признаемся, довольно рѣдко въ краѣ, гдѣ система семинарскаго воспитанія забивала, а не развивала людей, во всемъ, что дѣлалъ и писалъ г. Наумовичъ, видно не только усердіе, но и талантъ, который чувствуется и въ самомъ лицѣ его, весьма интеллигентномъ, и въ языке, которымъ онъ пишетъ. Но именно, въ виду несомнѣнной талантливости, энергіи, горячей любви къ народу и безкорыстія г. Наумовича, становится тѣмъ болѣе досадно за ту школу, которую прошелъ онъ и которая заковала его міросозерцаніе въ узкія рамки семинарщины *).

*) Наумовичъ, Іоаннъ Григорьевичъ, род. въ 1826 г., ум. въ 1891 г. Въ 1882 году противъ него былъ возбужденъ процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, окончившійся осужденіемъ его къ 8 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за „смущеніе общественнаго спокойствія“. (См. Драгомановъ, „Собрание политическихъ сочинений“, т. II, Парижъ, 1906, стр. 626—638 „Процессъ постыдный во всѣхъ отношеніяхъ“. Эта статья будетъ напечатана въ четвертомъ томѣ нашего изданія). Одновременно его духовное начальство возбудило противъ него обвиненіе въ склонности къ православію, и папа отлучилъ его отъ церкви. Тогда въ 1885 году Наумовичъ присоединился къ православію и переселился въ Кіевъ. Но здѣсь ему, повидимому, пришлось

Философія всѣхъ вышеупомянутыхъ изданій г. Наумовича весьма несложна. Въ религіозномъ и національномъ отношеніи о. Наумовичъ выскаживается самымъ отъявленнымъ фанатикомъ: жиды и поляки у него — прежде всего враги русской вѣры, потомъ народности, и, наконецъ, экономические эксплуататоры (противъ него послѣдняго, конечно, никто и спорить не станетъ). Когда начитаешься у г. Наумовича его разныхъ фразъ противъ жидовъ, какъ нехристей, то какъ-то странно становится вдругъ встрѣтить въ извѣстіяхъ его газеты слова: «какие-то бездушики» зарѣзали семейство еврея-шинкаря такого-то, и затѣмъ восклицаніе: «Господи! чего только не дѣлается на свѣтѣ». Возрастаніе числа преступлений г. Наумовичъ объясняетъ дозволеніемъ торга въ праздничные дни; по его словамъ, въ Англіи оттого и цивилизациія и благосостояніе стоять высоко, что въ праздничные дни закрыты и лавки и театры и т. п. Онь объясняетъ даже, что свобода вѣроисповѣданія введена въ Галиции прежде временно, и чуть ли не желаетъ предоставленія духовенству судебно-распорядительныхъ правъ. Плохое положеніе, въ которомъ теперь находится народъ галицкій, о. Наумовичъ объясняетъ тѣмъ, что «мы правдивыхъ добродѣльныхъ панъ-отцевъ не слыхаемъ», хотя самъ же не разъ говорить о такихъ панъ-отцахъ, которые держать сторону помѣщиковъ-поляковъ и думаютъ больше о личныхъ выгодахъ, чѣмъ о русскомъ народѣ и народности. Часто поставляя русскому народу въ примѣръ нѣмецкихъ колонистовъ, г. Наумовичъ на первый планъ выдвигаетъ то обстоятельство, что колонисты, первое дѣло (?), назначаю хорошее жалованье пастору. Само собою разумѣется, что о «владыкахъ» и «митрополитѣ» г. Наумовичъ говорить, какъ объ истинныхъ святыхъ отцахъ народа, хотя послѣдніе владыки галицкіе въ этомъ отношеніи очень сомнителны. Изданное въ Вѣнѣ евангеліе на народномъ языке не нравится журналу г. Наумовича, который говорить, что для такого дѣла надо епископа, что издатели перевода поступаютъ какъ «лютры и кальвины»,

пережить глубокое разочарованіе въ идеализируемыхъ имъ Россіи и русскихъ порядкахъ. Сперва онъ былъ назначенъ миссионеромъ для внутренней миссіи, но затѣмъ онъ выхлопоталъ себѣ място деревенского священника. Изъ его трудовъ этого періода нужно отмѣтить: «Исторический очеркъ уніі», Кіевъ, 1890 г., и „Червонная Русь ея прошлое и настоящее“. Кіевъ, 1890 г.

Прим. ред.

а потому переводъ ихъ «цѣлкомъ геретиченъ» и «клять», и кто его купилъ, долженъ сжечь и т. д. Въ рѣчи о полякахъ у г. Наумовича видно не только совершенно справедливое негодование на непризнаніе ими правъ русскаго народа и народности, но и принципіальное отрицаніе правъ поляковъ и ихъ национальныхъ стремленій, доходящее до одобренія нѣмецкой централистической партии, тѣмъ болѣе страннаго, что самъ же онъ передаетъ факты, какъ не добромъ ложилось на русскій народъ и господство нѣмцевъ въ прежней Австрии. Мы, конечно, не станемъ отрицать, что гражданская борьба и защита русскаго народа въ Галиціи противъ давищъ его поляковъ и жидовъ составляетъ обязанность русскаго патріота, и что пробужденіе въ тамошнихъ массахъ народнаго и национального самосознанія есть первая основа для возбужденія въ народѣ стремленія къ самоорганизаціи съ цѣлью самозащиты. Но только эту гражданскую борьбу надо бы вести, для избѣженія упрековъ въ такой же несправедливости, въ какой мы обвиняемъ поляковъ и жидовъ, подъ другими, болѣе «человѣческими» знаменами, чѣмъ религіозный и национальный фанатизмъ. Этотъ фанатизмъ особенно неудобенъ потому, что вѣдь такъ или иначе, а русскому народу въ Галиціи все же придется вести дѣло и жить съ иновѣрцами и людьми другой национальности. Притомъ факты, которые приводятся въ самыхъ же изданіяхъ г. Наумовича, напр., сочувственный его полезной практической дѣятельности адресъ, подписанный и «латинцами», какъ и русскими поселянами и мѣщанами, показываютъ, что согласное житѣе и работа для народа и человѣка возможна въ Галиціи и для людей разныхъ вѣръ и национальностей. А потому, защищая человѣческія права русскаго народа и народности, не лучше ли стараться ослаблять национальныя и религіозныя ненависти, чѣмъ усиливать ихъ? Мы понимаемъ также, что при конституціонной борьбѣ необходимо входить въ соглашенія съ разными политическими силами, но нѣтъ никакой надобности, въ конституціонномъ государствѣ, безусловно полагаться на кого бы то ни было, и, наоборотъ, необходимо возбуждать въ народѣ идею самоуваженія и независимости. Поэтому тотъ языкъ, какимъ говорять изданія г. Наумовича о вѣнскихъ высокихъ сферахъ, кажется намъ болѣе идолопоклонническимъ, чѣмъ политическимъ; надежды же на нѣмецкіе централисти-

ческие элементы и министерства пора бы уже давно бросить серьезнымъ галицкимъ патротамъ, въ особенности такимъ, какъ г. Наумовичъ. Этотъ идолопоклоннический языкъ и эти надежды тѣмъ болѣе страшны, чѣмъ чаще въ Австріи мѣняются вѣты въ высшихъ сферахъ и падаютъ министерства, изъ коихъ каждое навязываетъ и коронѣ свои идеи и планы. Благодаря этому, г. Наумовичу приходится такъ часто противорѣчить себѣ, что посторонній наблюдатель долженъ заподозрить его или въ недогадливости, или въ неискренности, такъ какъ въ одномъ номерѣ читаемъ, что «найяснейшій монархъ, нашъ батько, чтобы въ здоровлю та щастю панували многая лѣтъ, растигнули свою доброту» и «рады всѣ народы участвовѣти», для чего и дали нынѣ дѣйствующую конституцію (которая, однакожъ, не очень-то благопріятна русскому народу), а черезъ два-три номера читаемъ, что «найяснейшій монархъ хотять» утвердить польскую резолюцію, еще болѣе невыгодную для русиновъ.

Отношенія изданий г. Наумовича къ русской народности и землѣ, въ настоящемъ и прошломъ, весьма наивны, равно какъ и его философія русской исторіи, а слѣдовательно, и политические идеалы, которые онъ проповѣдуетъ галицкому народу. «Наша земля самая лучшая въ свѣтѣ» — на эту фразу то и дѣло натыкаешься въ изданіяхъ г. Наумовича. Вотъ, напр., начало одной изъ статей «Русской Рады»: «Колись мы були славными народомъ (въ другомъ мѣстѣ «самыми сильными народомъ въ свѣтѣ») и не было богатшаго края, якъ нашъ русскій край. За нашу шпеничку, за наше житце, за наши волы плыло давними часами золото и срѣбро до насыть цѣлого свѣта. Оу князей нашихъ, оу боярь (газета г. Наумовича печатается пополамъ церковнымъ шрифтомъ, пополамъ гражданкою) нашихъ були неизмѣреній богатства и люде наши не були бѣдні, бо хоть всяко бувало, но каждый русинъ бувъ тогды якъ не купцемъ, то землемѣдѣльцемъ, а земля русска така, что въ свѣтѣ рѣной ей нема. Теперь свѣтъ перенеслся. Тамтѣ народы збогатѣли, а мы збѣдили. Чому мы збѣдили? Бо земля наша русска опала подъ Польшу, а Польша знала, що Русь велика и красна, такъ що з нею родити? Треба ю спольщiti. И таке зробилося, що наслали на боярь русскихъ ксендзбоя, іезуїтбоя... Такъ нашъ русскій народъ теперь не має своихъ панбоя, а чужихъ, що не его

языкомъ говорять, а брыдятся его языка, що не таки молитвы мовлять бнъ, а свои окремні, що вразъ з нимъ не идутъ до церкви, вразъ зъ нимъ не святкують свята, що зъ нашого русскаго краю не дивляться на Русь, но на Варшаву, а ради бы, щобы зъ Руси зробилася Польща, що бы русске письмо и русскій языкъ перешовъ на польскій. Инакше оу другихъ народбвъ, и для того други народы щастливѣ, бо тамъ и панъ, и мужикъ, и мѣщанинъ, и ремесникъ все якъ Нѣмцѣ, то Нѣмцѣ; якъ Чехи, то Чехи (?), якъ Италіяне, то Италіяне, якъ Французы, то Французы... Не думая никакъ отрицать, какъ неблагопріятно для развитія и среди высшихъ классовъ партіи съ общенароднымъ направленіемъ такое національное и религіозное различіе, какое существуетъ между аристократіей и народомъ въ Галиції, все же нельзѧ не улыбнуться, читая эти наивныя строки. Какой выводъ, примѣнительно къ политикѣ, можетъ вывести послушный читатель газеты г. Наумовича, а особливо галицкій селянинъ? Тотъ, что для возстановленія утеряннаго рая надо откуда-нибудь набрать пановъ въ Галиції, которые бы праздновали одно «свято» съ русскимъ народомъ? Только гдѣ жъ ихъ взять? А если негдѣ, то не поискать ли другихъ средствъ для улучшенія положенія народа русскаго, чѣмъ сѣтованія о тѣхъ временахъ, когда русскимъ князьямъ и боярамъ пыло золото, если только точно пыло оно когда-нибудь въ такомъ количествѣ, какъ мерещится г. Наумовичу.

Мы уже говорили, что г. Наумовичъ въ 1867 году присоединился къ тѣмъ изъ «старыхъ» русиновъ, которые сочли политичніымъ, для противодѣйствія усиленію поляковъ въ Галиції, обратиться къ Россіи. Разумѣется, что въ своихъ изданіяхъ г. Наумовичъ охотно разсказываетъ галицкому народу о Россіи. Но разумѣется, что выборъ предметовъ для этихъ разсказовъ, а равно и общий характеръ отношенія г. Наумовича къ Россіи вполнѣ соответствуетъ характеру выписанныхъ выше строкъ. Такъ, г. Наумовичъ объясняетъ, что какъ «великъ русскій народъ, такъ велики и его колокола», и восторженно говорить о московскихъ колоколахъ. Такъ какъ Россія имѣть и теперь русскихъ бояръ, то она изображается г. Наумовичемъ такими же рабскими красками, какъ и древняя галицкая Русь, даже безъ прибавленія словъ: «всяко бываетъ». «Рѣ Россіи,—по словамъ г. Наумовича,—и вельможи,

и селяне, и солдаты живутъ, какъ братья»; русскую крестьянскую избу г. Наумовичъ описываетъ, какъ нѣчто лучшее, чѣмъ даже сельскіе дома фермеровъ въ Англіи или крестьянъ-собственниковъ въ Норвегіи. «Отъ якбысте заѣхали въ Россию,— говорить одна статья въ «Наукѣ»,— и якбысте пустилися въ край глубше, то чѣмъ близше до Москвы, тѣмъ богатшій народъ, и села дуже красній и богаты. Хаты велики, выгодній, а що деревнини, то теплій, бо тамъ красній край и лѣса достаткомъ и тамъ нема жидовъ, а вся торговля, всѣ маєтки суть въ рукахъ народа. Въ хатахъ въ серединѣ тамъ такъ, якъ у нась въ паньскихъ покояхъ, особенно суть тамъ прекрасній образа вызолочованы, и каждый, кто вступить до хаты, закимъ еще поздоровитъ домашніхъ, на передъ поклоняется образамъ. Що край, то обычай».

Что край, то обычай! скажемъ и мы. У нась, напр., всякий, кто прочтаетъ эти строки въ журналѣ г. Наумовича, разсмѣется и воскликнетъ: «дай Богъ намъ устами галицкаго писателя медь пить!» У нась врядъ ли кто пойметъ, для чего могутъ быть нужны и полезны такого рода описанія, не соответствующія дѣйствительности нигдѣ, а особенно въ странѣ, где большинство сельскаго люда живеть въ курныхъ избахъ.

Если мы прибавимъ къ помянутымъ чертамъ писаній г. Наумовича еще весьма наивное восхваленіе «своихъ», то исчерпаемъ почти всѣ черты «старосвѣтскости» этихъ писаній, общія большинству галицкой литературы. Но если такимъ образомъ философская сторона изданий г. Наумовича въ напомѣнѣ читателѣ, воспитанномъ въ идеяхъ нашего времени, можетъ возбудить только улыбку, а галицкому народу мало даетъ идей, которыхъ бы и онъ самъ не имѣль по преданію, мало способна дать твердныя руководящія начала политики народной, то аналитическая сторона писаній г. Наумовича не можетъ не возбуждать интереса и сочувствія, не можетъ не приносить пользы народу. Тѣ сельско-хозяйственная наставленія (медицина г. Наумовича, впрочемъ, страдаетъ гомеопатіей), разсужденія о шинкахъ, о школахъ, читальняхъ, кассахъ, выборахъ и т. п. практическихъ нуждахъ народа, осмѣяніе и обличеніе пьянства, лѣни и другихъ пороковъ, заѣдающихъ нашего крестьянина, хроника замѣчательныхъ случаевъ въ жизни края и народа,— все это излагается у г. Наумовича живо (можно возразить развѣ противъ злоупотребленія диалоги-

ческой формой) и должно приносить не малую пользу народу. То же надо сказать и о статьяхъ, популяризирующихъ свѣдѣнія изъ географіи, исторіи (гдѣ, впрочемъ, можно бы поменьше говорить о разныхъ князьяхъ и князькахъ) и даже изъ церковной исторіи и житій святыхъ. Отдѣль корреспонденціи, въ коей попадаются и поздравительственные стихи, присылаемые г. Наумовичу его подписчиками-крестьянами и мѣщанами, показываетъ, что между издателемъ и его публикою существуетъ живая связь и взаимное сочувствіе, которое облегчается, быть-можеть, и тѣмъ, что по основнымъ начальамъ міровоззрѣнія издатель самъ не очень высоко стоитъ надъ своею публикою. Живости и вліянію журналовъ г. Наумовича способствуетъ живость языка, который у г. Наумовича почти чисто мѣстный народный, чуть кое-гдѣ тронутый церковно-славянизмами, полонизмами и латинизмами. Вообще языкъ изданій г. Наумовича, именно по своей близости къ народному,— одна изъ самыхъ русскихъ, чистыхъ и живыхъ рѣчей, какія мы встрѣчаемъ въ галицкой литературѣ. То же надо сказать и о складѣ стихотвореній, принадлежащихъ какъ лично г. Наумовичу (который написалъ даже нѣчто въ родѣ поэмы въ обличеніе пьянства), такъ и его крестьянамъ-корреспондентамъ: эти стихотворенія не Богъ знаетъ какого высокаго поэтическаго значенія, но, по крайней мѣрѣ, они удобопонятны и чужды той мертвчины и реторического безобразія, какимъ отличается галицкая лирика и эпика, особенно недавно-прошедшаго времени, благодаря именно своей близости къ народнымъ пѣснямъ и полународнымъ виршамъ. Вообще, какъ въ языкѣ изданій г. Наумовича, такъ и въ приемахъ стихотвореній его и его сотрудниковъ и корреспондентовъ, видно, что, volens-nolens, сознательно или бессознательно, они подчинились вліянію такъ называемой «хлопоманіи», вліянію Шевченка и другихъ малорусскихъ писателей, благодаря чему на практикѣ г. Наумовичъ и его сотрудники являются «народовцами» и украинофилами, часто даже въ болѣйшей степени, чѣмъ тѣ, кто самъ себя причисляетъ къ этому направлению, хотя въ теоріи г. Наумовичъ и принадлежитъ скорѣе къ «старой» клерикальной, чѣмъ къ новой, народной партіи. Фактъ очень любопытный, который показываетъ, какъ практическая дѣятельность для народа и сила естественныхъ законовъ развитія общественнаго и литературнаго, подъ вліяніемъ

демократическихъ идей времени, дѣлаетъ все болѣе и болѣе невозможнымъ для живыхъ людей вѣрность мертвому «рутизму» старой галицкой партии, какія бы онъ формулы ни принималъ.

Мы знаемъ, что найдутся у насть люди, которые именно въ энергіи товарищества «Просвіта», въ какіе-нибудь три года приготовившаго курсы для гимназии и учительскихъ семинарій,— дѣло, на которое не собрались галицкіе дѣятели старого поколѣнія съ самаго 1848 г., усмотрять основанія къ осужденію этого товарищества. Они скажутъ, что товарищество работаетъ надъ раздѣленіемъ литературы русскихъ племенъ, приготавляя книги не только для элементарнаго образованія и чтенія простолюдиновъ, но и для получающихъ среднее и высшее образованіе,— книги, особая отъ тѣхъ, какія употребляются у насть въ Россії, а по особенному родству народа и языка галицкаго съ нашимъ южно-русскимъ населеніемъ, уготавляетъ, такимъ образомъ, литературный «сепаратизмъ» не только для галицко-русскаго, но и для южно-русского населенія вообще. У насть, кромѣ людей, безусловно неодобряющихъ всякую попытку писать иначе, какъ на господствующемъ въ Россії литературномъ нарѣчіи, есть и такие, которые дозволяютъ писать на разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ стихи, повѣсти, пожалуй, даже книги для сельскаго чтенія, но не дальше. Такъ, напр., во время пресловутаго спора о галицкой и украинской словесности, г. Вл. Ламанскій, который вообще не одобряетъ слишкомъ строгаго великокорусскаго централизма въ литературѣ, высказался за необходимость и пользу особой малорусской, а особенно галицкой словесности, но въ то же время высказалъ (въ газетѣ «День» 1862 г.), что языкъ высшаго образованія въ Галиції «можеть и долженъ быть только нашъ литературный языкъ».

Чтобы уяснить себѣ правильную точку зрѣнія на пользу или вредъ дѣятельности галицкихъ писателей по части заготовленія популярныхъ и учебныхъ книгъ, мы должны оставить всякия априорныя воззрѣнія и посмотретьъ на дѣло прежде всего съ точки зрѣнія интересовъ галицкаго общества и народа въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ они находятся теперь. Посмотрѣть же на это общество и этотъ народъ, мы прежде всего увидимъ, что въ Галиції ни народъ ни общество не могутъ относиться къ нашему литературному языку, какъ

къ родному, по той простой причинѣ, что они не участвовали въ выработкѣ его, не слыхали его и не слышать въ обыденной жизни. Галиція отдѣлилась отъ насть раньше, чѣмъ образовался нашъ литературный языкъ, и притомъ преимущественно на подкладкѣ нарѣчія великорусскаго (мы считаемъ основателями литературнаго языка Ломоносова, Карамзина, Крылова, Пушкина,— Гоголь бытъ реформаторомъ направлениія нашей литературы, но не учителемъ языка). Въ Европѣ это не единственный примѣръ: голландцы, по ученой этнографической классификациіи, причисляются къ ниже-нѣмецкому племени, однакожъ никто не видить ничего неестественнаго въ томъ, что у нихъ въ школахъ учать не на нарѣчіи Шиллера и Гёте, на которомъ учать въ нижней Германіи. Что массу народа въ Галиції невозможно съ успѣхомъ учить по книгамъ, по какимъ учать во Владимирской губерніи, это въ Галиції сознаютъ и высказываютъ и тѣ, кто настаиваетъ на необходимости литературнаго единства съ Россіей. Объ этомъ въ Галиції и не спорять. Значить, и мы можемъ считать вопросъ о книгахъ на галицкомъ народномъ нарѣчіи для первоначальнаго народнаго образованія и чтенія съ галицкой точки зрѣнія порѣшенніемъ, а другой точки зрѣнія мы не имѣмъ права имѣть на галицкія, все-таки чужія намъ дѣла.

Перейдемъ теперь къ учебникамъ для среднихъ и высшихъ школъ. Изъ примѣровъ, какъ пишутъ даже тѣ галицкіе писатели, которыхъ у насть и въ Галиції считаются москофилами, видно, что и въ стоящемъ выше простолюдиновъ обществѣ Галиції не умѣютъ говорить и писать на нашемъ литературномъ языкѣ, а это уже одно дѣлаетъ тамъ обученіе по нашимъ учебникамъ по меньшей мѣрѣ затруднительнымъ. Къ этому надо прибавить, что мѣстныя обстоятельства, цѣли и уставы школъ у насть и въ Австріи настолько имѣютъ отличій, что и по содержанію нельзя было бы безъ измѣненій преподавать въ Галиції по тѣмъ же учебникамъ, по какимъ преподаются у насть. Вѣдь не намъ же составлять учебники для Галиції, а предоставивъ это дѣло галицкимъ литераторамъ и педагогамъ, надо быть готовымъ къ тому, что тѣ изъ нихъ, которые по языку постараются наиболѣе приблизиться къ нашему литературному, напишутъ такъ, какъ написанъ «Буй-Туръ Всеволодъ», т.-е. напишутъ языккомъ и не напишъ, и

въ то же время все-таки далекимъ отъ ежедневнаго галицкаго. Кто жъ при этомъ останется въ выигрышѣ? Слѣдуетъ прибавить, что ни австрійское центральное правительство ни галицко-польское мѣстное не допустятъ преподаванія въ галицкихъ школахъ по нашимъ учебникамъ, а слѣдовательно, кто противъ мѣстныхъ галицкихъ учебниковъ, тотъ просто желаетъ, чтобы галицко-русское юношество учили не иначе, какъ по польскимъ и нѣмецкимъ книгамъ, впредь, пока Галицию не завоюетъ Россія, а этого скоро не предвидится. Но желанный ли это результатъ для того, кто хочетъ возрожденія русскаго элемента въ Галиції даже въ видахъ единенія русскихъ племенъ въ Австріи и въ Россіи? Не болѣе ли согласно съ видами этого возрожденія и даже единенія желаніе, чтобы группа мѣстныхъ галицко-русскихъ дѣятелей осуществила мысль составить учебники на языкахъ, наиболѣе подходящемъ къ языку массы галицко-русского народа, который не можетъ же не быть признанъ русскимъ, въ особенности со стороны того, кто говорить о близости между всѣми частями русского племени? Притомъ эти учебники по необходимости составляются и должны быть составлены подъ вліяніемъ нашего украинскаго языка и языка украинскихъ писателей, еще болѣе родственного и нашему литературному, а также по идеямъ нашихъ украинскихъ писателей, которые все-таки порожденіе нашего процесса общественнаго развитія. Что бы ни было въ будущемъ, а въ настоящее время мы считаемъ, что даже съ самой строгой «московофильтской» точки зреінія, члены товарищества «Просвіта» дѣлаютъ достойное благодарности всѣхъ русскихъ племенъ дѣло, если задались мыслью составить учебники для Галиції въ наиболѣе приновленной къ мѣстнымъ условіямъ формѣ и на языкахъ, наиболѣе приближенномъ къ мѣстному народному языку. Солются ли литературы въ Россіи и у русскихъ въ Австріи въ одну, или галичане останутся въ такомъ отношеніи къ Россіи, какъ голландцы къ Германіи, или жизнь породить какое-нибудь третье явленіе, но по иниціативѣ товарищества «Просвіта» мы будемъ имѣть въ Галиції народъ и общество образованное, и образованное по-своему, т.-е. по-русски, а это — самое главное какъ съ гуманій, такъ и съ русской точки зреінія.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сочиненія Шевченка и друзей его возбудили и въ Галиції тотъ энтузіазмъ къ простонародью, который у насть соотвѣтствовалъ времени проектовъ объ эманципаціи крестьянъ, и ту оппозицію противъ полѣскихъ притязаній съ чисто народной, а не «исторической» только точкѣ зреінія, — оппозицію, которой смыслъ внослѣдствій затемнился у насть въ наступившія времена «обруcenія». А безъ энтузіазма къ народнымъ массамъ, безъ радикального отрицанія принципа «исторического», т.-е. завоевательного права въ народныхъ отношеніяхъ, какую бы почву имѣть русскій патріотизмъ въ Галиції? Сначала въ спорахъ съ поляками, а потомъ съ своими «рутенцами» разныхъ оттѣниковъ, галицкіе литераторы народнаго направленія обратились за данными о языкѣ, бытѣ и исторіи галицкаго и южно-русскаго народа вообще къ литературѣ и наукѣ въ Россіи и нашли ихъ въ сочиненіяхъ, написанныхъ не только на общемъ въ Россіи литературномъ языкѣ, но и въ трудахъ даже не малоруссовъ по рожденію. Съ 1862 г., въ галицкихъ журналахъ, а особенно съ 1867 г. въ «Правдѣ», мы находимъ перепечатки и переводы или резюме статей не только гг. Костомарова, Максимовича, Котляревскаго, Кулиша, но и гг. П. Лавровскаго, Даля, Гильфердинга, Ешевскаго, Кавелина, Пышина, Стасова, статей изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Отечественныхъ Записокъ», «Вѣстника Европы» и т. п. Галицкіе народовѣцы полемизировали, иногда далеко не съ большими достоинствами, «съ несытою Москвою», а въ то же время написали въ Россіи научныя работы по филологіи и исторіи, произведенныя по правиламъ европейской науки, а не по пріемамъ временъ Мелетія Смотрицкаго и не по методамъ той науки, которая, какъ флюгеръ, извивается сообразно дуновеніямъ въ сферахъ министерствъ и кардинальскихъ канцелярій. И, *volens-nolens*, галицкіе литераторы народной партіи должны отдать справедливость этой наукѣ въ Россіи. Будучи недовольны тѣми перепечатками изъ нашей литературы, которыми ихъ кормили «Слово» и «Боянь», молодые литераторы галицкіе стали искать въ Россіи болѣе живой литературы, и первый опытъ перевода въ «Правдѣ» одного изъ разсказовъ Щедрина («Два генерала») такъ понравился въ Галиціи, что внесенъ даже въ хрестоматію. Слыша въ послѣднее время въ Вѣнѣ и Львовѣ tolki о

единствѣ литературы не только во всѣхъ вѣтвяхъ русскаго племени, но и даже во всемъ славянствѣ, и не видя подъ рукою ни одной порядочной книжки «rossijskoy» (г. Боборыкинъ года полтора назадъ разсказывалъ, какъ онъ въ Вѣнѣ, думая удовлетворить желанію не только чешскихъ, но и галицкихъ студентовъ кружка «Русская Основа», выучиться читать по-русски и ознакомиться съ русской литературой, не нашелъ ни одной книжки изъ сочиненій сколько-нибудь читаемыхъ въ Россіи авторовъ), товарищество галицкихъ студентовъ въ Вѣнѣ «Січъ» — кружка народовцевъ — заботилось пріобрѣсти нѣсколько сочиненій, которая бы могли дать свѣдѣнія какъ о Малороссіи, такъ и о Россіи вообще, и образцы книгъ для элементарнаго образования въ Россіи, которая бы могли быть приняты при составленіи подобныхъ книгъ и для галицкаго народа, такъ какъ за него желаетъ взяться молодежь «Січи». Товарищество пріобрѣло въ 1871 г. монографіи г. Костомарова, труды по исторіи Юго-Западной Россіи кievской археографической комиссіи, исторію славянскихъ литературъ г. Пышнина, «Новѣйшую русскую литературу» г. Водовозова, сочиненія Гоголя, Тургенева, «Отечество-вѣдѣніе» г. Семенова, «Родное Слово» Ушинскаго, книгу для первоначального чтенія г. Водовозова, «Нашъ Другъ» и «Русскую Народную Школу» бар. Корфа, «Русскую Грамоту» г. В. Добровольскаго. Представляя общему собранію членовъ «Січи» отчетъ о пріобрѣтеніи поименованныхъ книгъ, распорядитель отъ имени комитета сказалъ, что комитетъ руководствовался стремлѣніемъ «прійти къ болѣе широкому взгляду на отношенія между людьми, принадлежащими къ разнымъ общественнымъ группамъ, такъ запутаннымъ невѣжествомъ и фанатизмомъ, и дѣйствовать изъ желанія узнать и уважать честныхъ и просвѣщенныхъ людей въ Россіи и ея прогрессивную словесность, а не ту, которую намъ выдаютъ за русскую и которой не想要 знать Россія». Собрание «признало важность и для галичанъ» такой словесности и журналистики, которая, дѣйствительно, представляетъ лучшія стремленія общества въ Россіи, и въ настоящее время, едва ли въ какомъ-либо славянскомъ кружкѣ молодежи въ Австріи есть такая обильная коллекція книгъ, напечатанныхъ въ Россіи и о Россіи, какую имѣть товарищество, носящее столь «неблагонамѣренное» название, какъ «Січъ».

Болѣе близкое знакомство съ нашою литературою и журналистикою, съ тѣми газетами, которыхъ представляютъ собою Россію, желающую трудиться надъ своимъ развитіемъ, а не пожинать лавры Марса, исполняя разныя фантастичекія миссіи, произвело уже и теперь полезное вліяніе на отношенія къ Россіи среди галицкой народной партіи. Въ новыхъ своихъ №№ «Правда» смѣется надъ тѣми польскими изданіями, которая желаютъ возбуждать галичанъ противъ Россіи, надъ тѣми пропагандистами, которые рассказываютъ мазурамъ, будто бы «москали съ однимъ глазомъ и ёдятъ живыхъ дѣтей» (галицкій авторъ говорить, что онъ самъ часто слышалъ подобный вещи, и разъ даже отъ одного бернардина), и выказываетъ, что нѣть ничего болѣе гибельного для Австріи и въ особенности для населенія Галиціи, польского и русскаго, какъ возбужденіе вражды противъ Россіи.

Взаимное знакомство между нами и нашими соплеменниками, распространеніе въ Галиціи свѣдѣній о нашей литературѣ, несомнѣнно, повлѣяетъ полезно на уменьшеніе разногласій между тамошними партіями даже по вопросу объ отношеніи литературы русской, малорусской и галицко-русской: тѣ, которые стоять за особую литературу галицко-малорусскую, увидѣли бы, что большая часть литературныхъ продуктовъ въ Россіи теперь по праву, а не вслѣдствіе какого-то давленія, являются общими Сѣверу и Югу Россіи, потому что выражаютъ собою типы, идеи и интересы общіе всѣмъ племенамъ въ Россіи, и что эта общая въ Россіи литература, въ лицѣ своихъ наиболѣе характерныхъ представителей, всегда сочувственно относилась къ развитію мѣстной словесности, какъ проявленію жизненныхъ потребностей искусства и педагогики, тамъ, гдѣ они не могутъ быть удовлетворены общою въ Россіи литературой, что тѣмъ паче имѣть значеніе для Галиціи, какъ страны, не жившей съ нами общою политическо-культурною жизнью. Съ другой стороны, тѣ, кто стоитъ въ Галиціи за единство литературы съ Россіей, и кто тамъ возлагаетъ надежды на Россію, увидѣть, что стремленія нашей литературы и пріемы нашего искусства какъ общѣ-русскаго (Гоголь, Тургеневъ и т. д.), такъ и специально великорусскаго (Островскій) и малорусскаго (Шевченко), не имѣть ничего общаго съ стремленіями и пріемами временъ Симеона Полоцкаго; что издѣлія въ родѣ «Буй-Тура Всеволода», «Рокко-

ляны» и т. п. могутъ найти себѣ у насть аналогію развѣ въ «Битвѣ русскихъ съ кабардинцами»; что для дружбы съ нами не требуется безразличное восхваленіе и того, отъ чего мы сами желаемъ избавиться, и что поддержка заграничными похвалами и симпатіями разнаго рода нашихъ отсталыхъ идей и элементовъ въ обществѣ нашемъ только возбуждаетъ въ лучшихъ представителяхъ его антишатю и къ нашимъ сосплеменникамъ, и что, поклоняясь идеямъ и элементамъ «старой» Россіи, наши сосплеменники оказываютъ дурную услугу и намъ и самимъ себѣ, такъ какъ оказать имъ хоть нравственную помощь можетъ только Россія развивающаяся, а не застоявшаяся. Мы думаемъ, что, узнавъ истинныя стремленія русской литературы, хоть дѣйствительно искренняя часть даже теперешней партіи русского единства въ Галиції обратится къ работѣ надъ своимъ народомъ, воспроизведя его быть въ искусствѣ, приближая къ его быту и потребностямъ науку, и образуетъ другую фракцію народной партіи, если обѣ не сойдутся на разумномъ компромиссѣ, предоставивъ неисправимымъ обскурантамъ и мертворожденнымъ «рутенцамъ» «погребать своихъ мертвцевовъ».

Такимъ образомъ вслѣдствіе взаимнаго обмѣна мыслей и взаимнаго ознакомленія между разными частями и партіями въ мірѣ русскихъ племенъ можетъ, мы думаемъ, очень легко выработать единство идей и цѣлей, служба русскому народу, его просвѣщенію, благатству и свободному внутреннему развитію, а вѣдь только такого рода единство существенно и желательно. Стремиться же къ единобразію всѣхъ формъ жизни и средствъ дѣятельности свойственно только ограниченнымъ натурамъ, щедринскимъ Угрюмъ-Бурчеевымъ. Но вѣдь люди такого рода способны не объединять, а только разрушать, и чрезъ то еще больше разъединять¹⁾.

1) Въ первой статьѣ нашей упомянуто было о помѣщенніи въ галицкому изданіи повѣсти г. Тургенева „Жидъ“. Считаемъ не лишнимъ дополнить сказанное нами замѣчаніе другими фактами. Въ недавнее время „Слово“ напечатало въ своихъ фельетонахъ цѣликомъ „Первую Любовь“ Тургенева, а потомъ „Призраки“. Послѣ „Жида“—„Первая любовь“, конечно, большой шагъ впередъ, но все-таки до лучшихъ, совершенно „русскихъ“ вещей Тургенева еще далеко, а перепечатыванье послѣ даже „Первой любви“, „Призраковъ“ показываетъ, что, при всей доброй волѣ, редакція „Слова“ изъ „рутенскихъ“ литературныхъ вкусовъ не скоро выбѣтся. Въ этомъ мы особенно убѣждаемся, видя, что рядомъ съ рассказами Тургенева печатается

По поводу нашей первой статьи: «Русские въ Галиции», которая, какъ видитъ читатель, находится въ тѣсной связи съ настоящимъ очеркомъ, появилась въ нашей печати до-

такая вещь, какъ „Шляхтичъ и мѣщанка. Повѣсть изъ давнѣйшихъ временъ. По пѣменному первотвору передѣлана Б. А. Д-мъ“. О содержаніи этой повѣсти можно составить понятіе уже по тому, что повѣсть, въ которой дѣйствіе происходитъ на Волыни, передѣлана съ пѣменскаго, а для образца стиля и языка ея вотъ нѣсколько словъ: „Одного разу Роеичъ побѣхалъ съ вѣльможнымъ паномъ въ сусѣднѣй зѣсь, на тетерви, которую-то ловлю онъ пристрастно былъ полюбилъ... Тутъ-то Роеичъ избѣлся съ трону и спряталъ изъ виду такъ серну, якъ и ского вѣльможнаго товарища. Солнце уже зашло, а онъ все еще давалъ знакъ трубкою, но не отдергивалъ піякаго отвѣта, кроме отгомона власной трубки и т. д.“. Прибавимъ, что, судя по весьма прозрачной подписи автора, онъ—автор брошюры: „Въ одинъ часъ малорусину выучиться по-великорусски“. Между тѣмъ изъ приведенныхъ строкъ видно, что авторъ съ 1866 г., за семь лѣтъ, не только не выучился по-великорусски, но совершиенно „избѣлся“ даже со всякаго славянскаго языка, такъ какъ такую фразу, какъ „избѣлся съ трону“ можно услышать развѣ отъ польскаго жида. Очевидно, что галицкій авторъ или учился русскому языку у бердичевскихъ балагуль, или же, когда онъ пишетъ, то руководится въ сомнительныхъ случаяхъ тѣмъ правиломъ, что какъ-нибудь перековеркай форму, лишь бы не по малорусски, такъ и будешь по-великорусски. На бѣду, „сбѣлся съ трону“ было бы правильно и по-малорусски и по-великорусски, а „избѣлся съ трону“—по-бердичевски! Подобныхъ примѣровъ особаго „рутенскаго“ языка, выдаваемаго въ Галиции за „великорусскій“ и „общерусскій“ и отдываемаго подъ покровительство наимѣнѣ славянофильмъ, можно бы привести изъ любого № „Слова“ сколько угодно. Думаемъ, что „Слово“ не можетъ находить вкуса даже въ такого рода русскихъ вещахъ Тургенева, какъ „Призраки“, а перепечатало ихъ только, чтобы не отстать отъ „Правды“, которая въ начаѣ этого года напечатала переводъ нѣсколькихъ рассказовъ изъ „Записокъ Охотника“ съ порядочною характеристикою Тургенева. Жалко, что „Правда“ остановилась на этихъ разсказахъ. Знакомство съ лучшими вещами Тургенева, Островскаго, Некрасова и т. п., авось бы помогло и органу „народной“ партіи въ Галиции окончательно излѣчиться отъ „рутенскихъ“ литературныхъ вкусовъ, которые заставляютъ и литераторовъ этой партіи писать такія скучныя псевдо-историческія драмы, какъ вышедшая въ 1872 г. „Настасія“ (дѣйствіе въ XII в.), или какъ напечатанная тогда же въ „Правдѣ“ передѣлка въ драму безъ всякой жизни и характеровъ народной пѣсни про Бояндірину, или, еще хуже, передѣлка безъ всякой мѣры въ грубости и безъ всякаго смысла „Укрощенія своеіравній“ Шекспира,—передѣлка, до которой упалъ самый талантливый галицкій поэтъ Федьковичъ. Изъ Россіи славянскій комитетъ, какъ слышно, высыпаетъ въ Галицию русскія книги. Неужто онъ не выслать до сихъ поръ Гоголя, Тургенева, Островскаго, Некрасова, Щедрина, Достоевскаго (конечно, не новаго), Рѣшетникова, Бѣлинскаго, Добролюбова? Если выслать, то значить въ Галиции ихъ не читаютъ, если могутъ писать такія вещи, какъ „Шляхтичъ и мѣщанка“!

вольно ожесточенная полемика. Конечно, само собою вышло уже такъ, что новый нашъ очеркъ можетъ служить отвѣтомъ на возраженія противъ наст.; но мы считаемъ не лишнимъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы дать и прямой отвѣтъ, не оставляющей никакого сомнія.

Къ намъ обращено «Письмо изъ Львова» въ 167 № «Голоса» и послѣдовавшій за замѣткой редакціи «Вѣстника Европы» о характерѣ этого письма новый отзывъ въ томъ же «Голосѣ» въ № 185. Мы очень рады, что замѣтки наши обратили на себя вниманіе въ Галиціи, такъ какъ мы весьма многое въ этихъ замѣткахъ писали не только для нашей публики, которой могутъ быть интересны развѣ факты изъ галицкой жизни, но которая настолько преоходитъ, конечно, своимъ развитіемъ галицкую, что многія наши разсужденія могли показаться ей слишкомъ банальными и ясными безъ доказательствъ. То, что о нашихъ замѣткахъ отзовались ипольскія газеты (Czas и Dziennik Poznański), которая, принимая, конечно, по-своему, съ удовольствіемъ нашу строгую критику галицко-русскихъ клерикаловъ, въ то же время жалуются на наше «пристрасіе», а также что отзвался г. И. Л—ль «изъ Львова», все это уменьшаетъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ вину за ту скучу, которую мы должны были навести на нашу публику «широковѣщательными» разсужденіями по поводу часто лилицутскихъ дѣлъ нашихъ галицкихъ соплеменниковъ, поляковъ и русскихъ, или же дѣлъ хотя и болѣе серьезныхъ, но безъ большого труда разрѣшившихъ, если только отрѣниться отъ провинціальнаго, национальнаго и кружкового узколобія, губящаго нравственную жизнь этихъ соплеменниковъ.

Признаемся, кромѣ того, что намъ доставила неподдѣльное удовольствіе та злость, съ какою говорить о нашихъ замѣткахъ нашъ львовскій возражатель, который усматриваетъ въ нихъ «тонкій ядъ» и «язвительную насмѣшку», кою авторъ ихъ будто бы преслѣдуєтъ несимпатичное ему галицко-русское племя! Мы видимъ изъ этихъ словъ, что попали дѣйстителю въ больное мѣсто извѣстныхъ общественныхъ слоевъ галицко-русского племени (а все племя цѣликомъ не можетъ быть намъ несимпатично потому, что глупо было бы отказывать въ симпатіи миллионамъ людей, а особенно близайшихъ нашихъ соплеменниковъ), что мы положили палецъ

на действительно несимпатичный нароство на бѣдномъ галицко - русскомъ племени, — нароство, образовавшійся изъ самыхъ дурныхъ соковъ, развитыхъ неблагопріятій политической и культурной исторіей несчастной Галичини. Но то бурсако - греко - латино - славяно - поляко - австро - угро-рутенское племя, которое вылѣзло наверхъ галицко-русского племени, и принимая по временамъ то австро-рутенскую, то русинско - украинскую, то московско - всероссийскую кличку, остается у большинства представителей его болѣе или менѣе явно обскурантнымъ, а въ краинихъ своихъ побѣгахъ прямо... ташкентскимъ, какъ это начинаютъ понимать уже и въ самой Австріи, и въ самой Галиції, куда уже успѣлъ проникнуть мѣткій терминъ г. Щедрина.

Спорить намъ съ г. И. Л—нѣмъ не о чёмъ. Все его письмо, несмотря на свой немалый объемъ, и несмотря на то, что онъ общимъ приговоромъ обвинилъ насъ въ незнаніи, искаженіяхъ и т. п., не только не представляется ни одного опроверженія противъ переданныхъ нами фактovъ, но является и въ цѣломъ и въ частностихъ самою лучшою *r  ce justificative* для нашихъ выводовъ объ умственному и нравственному уровнѣ тѣхъ галицкихъ сферъ, кои взялся защищать напрь «за-кордопный братъ» — возражатель.

Во-первыхъ, онъ не понялъ ничего, или притворился, что не понялъ ничего во всей нашей статьѣ: въ первомъ случаѣ даль *testimonium* рутенского умственного развитія, во второмъ — нравственнаго; а по всему видно, что нашъ «брать» отличился и по одной части и по другой. Только зачѣмъ же онъ по себѣ судилъ о нашей публикѣ, которой онъ взялся жаловаться на насъ? Вѣдь статьи наши не за горами, а только за пятью-шестью мѣсяцами, и публика наша можетъ отличить черное отъ благо и даже отъ сѣраго. Г. И. Л—нъ усматриваетъ въ насъ поляка, желающаго подорвать въ глазахъ публики въ Россіи национальное галицко-русское возрожденіе, борьбу русиновъ съ поляками, идею братства ихъ съ русскими въ Россіи и т. п.; плачетъ, что мы совѣтуемъ галичанамъ замирять летаргическимъ сномъ и становиться поляками. Бѣдный г. И. Л—нъ не понялъ, что мы только хотѣли показать фактами, и надѣемся, что показали ясно — злоба г. И. Л—на тому порукою, — что восхваляемые имъ галицко-русскіе «проводири», по своему умственному и нравственному уровню, не

въ состояніи понять, что ведеть племя къ вѣрному возрожденію и самоуправлению, не умѣютъ вести борьбы съпольской аристократіей, съ тактомъ и съ яснымъ и съ логичнымъ слѣдованіемъ принципамъ народности; не умѣютъ держать себя съ тактомъ и передъ нѣмецкимъ правительствомъ; не понимаютъ, какъ и съ чѣмъ въ Россіи полезно единеніе галичанъ; не умѣютъ связать себя даже съ собственнымъ народомъ, и, кромѣ того, дѣйствуютъ такъ мало, точно находятся въ самомъ дѣлѣ, если не въ летаргическомъ снѣ, такъ епросонкахъ, совершиенно, впрочемъ, естественныхъ при томъ скучномъ образованіи, какое они получаютъ, и при необходимости разобщенности ихъ интересовъ съ живыми интересами дня и самаго ихъ народа. Богъ бы съ ними, съ «проводирами», мы бы сказали съ гоголевскимъ городничимъ: «можеть-быть, оно тамъ, въ упіатскихъ ставроопіяхъ, такъ и нужно». «Проводири» и ихъ протеже такъ-сякъ, но все-таки держатся на свѣтѣ, а иные такъ и пользуются кое-чѣмъ то въ Вѣнѣ, то въ Львовѣ, то Питерѣ, Москвѣ и Киевѣ; а вотъ бѣда, что галицко-русскому народу съ каждымъ днемъ становится все хуже какъ по винѣ, конечно, австро-нѣмцевъ (коимъ теперь снова поють хвалы «проводири») и поляковъ (съ коими еще въ 1862—1863 гг. нынѣшніе «москвафили» въ Львовѣ братались и даже иные толковали обѣ образованіи «казако-русской державы», союзной съ Польшией), такъ и по винѣ самихъ галицкихъ вожаковъ. Вотъ именно съ точки зреінія пользы этого галицко-русского народа, который точно нашъ соплеменникъ, точно напѣтъ, малорусъ, русскій, и потому забыть нами быть не можетъ, мы и попробовали критиковать дѣятельность австро-рутенскихъ политиковъ, литераторовъ и вообще интеллигенціи, и не наша вина, если наша критика не вышла мягкой¹⁾.

1) Г. И. Л.—ни напрасно, вырывалъ безъ связи и, слѣдовательно, съ искаженіемъ смысла, наши слова о томъ, что „наши галицкіе современники похожи больше на словаковъ, поляковъ, нѣмцевъ и т. п., чѣмъ на нашихъ малорусовъ“— получаетъ настъ этнографіи и филологіи. Мы тамъ же, откуда г. И. Л. вырвалъ это мѣсто, сказали, что говоримъ не о народѣ, а обѣ австро-рутенской интеллигенціи. Что такое нароль въ Галиціи,—это мы знаемъ и безъ уроковъ г. И. Л.—на, кому въ отвѣтъ соѣтствуемъ прочитать хоть первыи главы „Исторической Грамматики“ г. Буслаева и послѣднія главы „Нет. Хрестоматії“ того же автора, или хоть статью о малорусскомъ нарольѣ такъ восхваляемаго г. И. Л.—нимъ г. П. Лавровскаго въ Журн. Мин. Нар. Пр.

Г. И. Л—нь и самъ видить, что какъ-то наши замѣтки не вяжутся съ его заявлениемъ, будто авторъ ихъ полякъ, враждебный галицко-русскому племени и его возрожденію и сближенію съ Россіей, и потому оговаривается, что мы на- говорили противорѣчій и всяческихъ нелогичностей. Такъ-то способенъ онъ понять взгляды, выходящіе изъ узкихъ рамокъ галицкихъ партій и кружковъ польскихъ и русскихъ, которые «для насть, россіянъ, совсѣмъ не обязательны! «Знаемъ мы и это!» — такъ вышелъ изъ затруднительного положенія передъ такимъ новымъ для него отношеніемъ сотрудника рос- сійскаго журнала, напрь галицкой противникъ: г. М. Т—овъ^{*)} не что иное, какъ ловкій «краковскій іезуитъ»! Ну, конечно! «Вѣдь сильнѣе кошки звѣря иѣть!» — скажемъ мы ему на эту догадку.

Но этимъ не ограничивается нашъ «за-кордонный братъ» въ своемъ усердіи подтвердить наглядно справедливость того, что мы говорили объ австро-рутенской интеллигенції. Онъ взялся доказать фактическую невѣрность нашихъ сообщеній о Галиции. Самый тяжелый упрекъ, какой мы дѣлаемъ галицко-русскимъ политикамъ, и упрекъ, какъ чувствуетъ г. И. Л—нь, очень сильный въ глазахъ нашего общества, заключается въ томъ, что они ничего не дѣлали для народнаго образования тогда, когда были въ силѣ у вѣнскихъ централістовъ, и ничего не дѣлаютъ теперь, когда, хотя эти централісты бросили ихъ полякамъ, какъ ничтожную вещь, но когда все-таки возможность работать на пользу народнаго просвѣщенія галичанъ не отнята, несмотря на всѣ препятствія, ибо все-таки существуютъ русскія ученолитературныя общества, и преподаваніе въ народныхъ школахъ въ Восточной Галичинѣ на русскомъ языкѣ осталось не нарушеніемъ. Г. И. Л—нь думаетъ снять это обвиненіе, сообщивъ, что прежде, во времена Баха, Шмерлинга и т. д., галицкіе клери-

(восхваляемаго даже въ ущербъ не только Миклошичу, но — зачѣмъ такая немилость?! — и г. Головацкому). Г. И. Л—нь тогда не напишетъ однімъ духомъ такой фразы: «областные говоры, какъ нарѣчія малорусское, бѣлорусское, новгородское, московское, костромское и проч.» — которая простительна для галичанина, но за которую у насть, въ Россіи, могутъ и ученику гимназій поставить непереводный баллъ изъ русскаго языка и логики. О томъ же, какое значеніе имѣтъ русская литература въ Россіи и даже въ Галичинѣ, г. И. Л—нь да зритъ въ нашей статьѣ, противъ коей онъ полемизируетъ.

^{*)} Псевдонимъ Драгоманова.

Прим. ред.

каль (которыхъ онъ тутъ и называетъ) открыли до 500 школъ, гдѣ, какъ онъ говорить, учили по-русски и по-нѣмецки, но что теперь, когда дѣло народнаго образованія отдано въ руки польской школьнай рады, «галицкіе проводирі, конечно, равнодушны къ народному образованію, ибо по ихней логикѣ (а по вашей какъ?), пусть лучше народъ остается въ невѣжествѣ, нежели подвергаться ему въ школѣ глубокой деморализациі, нравственной и национальной». Насколько теперь все-таки не отнята возможность работать для русской народной школы въ Галиції, мы говорили выше, значитъ, нечего говорить о томъ, какъ похвально то равнодушіе галицкихъ вожаковъ къ народному образованію, которое (равнодушіе) признаетъ и ихъ защитникъ. Нечего, надѣемся, говорить и о томъ, сколько логики въ заботѣ о народной нравственности и предоставленіи народа оставаться въ невѣжествѣ, или сколько смысла въ фразѣ «национальная деморализація». Остановимся лучше на 500 школахъ, открытыхъ послѣ 1849 г. стараніями будто бы галицкихъ «проводирей», и на ихъ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи, которымъ думаетъ поразить нась г. И. Л—нь. Дѣятельность школы — не правда ли? — характеризуется школьнью литературою, учебниками. А гдѣ они, эти учебники для галицко-русскихъ школъ, г. И. Л—нь? Почему галицко-руssкая «Матица», имѣющая 20.000 гульденовъ капитала, собранного съ бѣдныхъ «хлоповъ», издала за 25 лѣтъ два-три молитвенника да жалкихъ букваря на неимовѣрномъ языке? Потому, что старые галицкіе патріоты держались и держатся принципа, высказаннаго Зубрицкимъ тогда, когда и «краковскіе іезуиты» уже боялись высказывать гласно такие принципы, что для черни довольно молитвенника и пеалтыря. Мы бы совѣтовали г. И. Л—ну, вмѣсто всякихъ разсужденій о пользѣ дѣятельности старой партіи галицкой для народнаго просвѣщенія и для направленія «галицко-руssского возрожденія въ нормальномъ русскомъ духѣ», послать въ редакцію «Голоса» коллекцію книгъ, по коимъ учили въ «рутенскихъ» школахъ «Восточнаго Тироля» послѣ 1848 г.; а то почтенная редакція и читатели газеты въ самомъ дѣлѣ подумаютъ, что въ Галиції учили по «Родному Слову» Ушинскаго и писали языккомъ Пушкина и Тургенева, пока тому не помѣшили злостные поляки и созданные ими украинофилы. Драгоцѣнное признаніе г. И. Л—на, что въ галицкихъ школахъ во

времена до злостной польской рады учили и по-русски и по-нѣмецки, ибо «нѣмцы-де не то, что поляки, они не хотѣли уничтожить русскую словесность» (послѣ Шварценберга-то!). Признаніе это даетъ возможность и читателямъ «Голоса» наглядно представить себѣ ту школу, которая должна была не только насадить просвѣщеніе, укрѣпить нравственность галицкаго хлопа, но и дать нормальный русскій (обще-русскій) характеръ галицко-русскому возрожденію. Вообразимъ себѣ, что гдѣ-нибудь у насть въ селѣ дѣячка заставили бы учить русскихъ мальчиковъ, кромѣ часослова и псалтыря, еще по грамматикѣ XVII вѣка, да еще униатской, а рядомъ посадили бы первого встрѣчнаго нѣмца, который бы вдалбливалъ по-нѣмецки несчастнымъ мальчикамъ «Lesebuch», изданный по благословенію кардинала Раушера во время дѣйствія баховскаго конкордата съ папой. Не правда ли, завидная настоящая русская школа! ¹⁾.

Кетати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ отразилась въ Галиції отмѣна конкордата, это тѣмъ болѣе необходимо, что въ нашей печати часто говорятъ объ ополяченіи школъ въ Галиціи, а между тѣмъ это ополяченіе есть отчасти послѣдствіе именно этой отмѣны конкордата, который, какъ извѣстно, предоставлялъ завѣданіе школами, главнымъ образомъ, духовенству. Въ силу этого ультрамонтанско-іезуитскаго конкордата, и духовенство нашихъ братьевъ-галичанъ зарѣмывало школами. Каковы были эти школы, мы видѣли; каковы могъ быть прокѣтъ отъ нихъ, говорить нечего. Конкордатъ Баха — вещь, осужденная всѣмъ образованнымъ свѣтомъ; не думаемъ, чтобы у насть самъ «Голосъ», напр., желалъ введенія чего-либо подобнаго, или чтобы онъ, напр., не одобрялъ новыхъ бисмарковскихъ законовъ, которые отмѣнили систему Мюлера и т. д. Вотъ почему, пока русскій характеръ школъ держался въ Галиції только въ силу конкордата, онъ не представлялъ не только ничего прочнаго, но и симпатичнаго, ибо школы существовали прежде всего, какъ клерикальныя, потомъ, какъ нѣмецкія, а послѣ уже, какъ русскія, т.-е. какъ рутенскія. Когда въ 1867 г. завѣданіе школами въ Галиції перес-

¹⁾ Вообразите же себѣ, что недавно „Русская Рада“, чтобы угодить нѣмцамъ, которые ей вѣрно-конституціонныхъ нѣжностей „совсѣмъ не примѣчаютъ“, рѣшила ходатайствовать о введеніи опять нѣмецкаго языка въ народныя школы Галиціи!

шло отъ духовенства къ сейму и къ назначенній имъ школьній радѣ, это, конечно, было шагомъ къ полонизаціи школы, ибо поляки составляли большинство въ сеймѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это была и секуляризациія ихъ, т.-е. открытие воротъ для педагогически-научной методы преподаванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для живой народности школы. Мы, конечно, не станемъ писать панегирика галицкой школьній радѣ: эта рада состоитъ въ большинствѣ изъ поляковъ, и притомъ въ доброй долѣ довольно невинныхъ въ наукахъ, не большие, впрочемъ, чѣмъ и галицкіе крылошаи; эта рада, такими мѣрами, какъ переводъ способныхъ директоровъ и учителей русскихъ «на мазуры», т.-е. въ Западную Галичину, медленностью и пристрастіемъ въ решеніи всѣхъ вопросовъ о русскихъ классахъ и школьніомъ дѣлѣ вообще, неблаговидными стараніями превратить въ смѣшанныхъ округахъ школы въ польской и католической, попытками завести въ русскихъ школахъ сначала латинскій шрифтъ, а потомъ и польскій языкъ,— всѣмъ этимъ и другимъ подобнымъ школьнія рада заслужила справедливыя жалобы русиновъ всѣхъ партій. Но въ принципѣ школьнія рада представляютъ учрежденіе все-таки болѣе способное къ усовершенствованію, чѣмъ баходовская система, въ ней все-таки есть люди компетентные, изъ нея не исключены и русины, и она все-таки не мѣшаетъ существованію русскихъ народныхъ школъ. Этихъ послѣднихъ все-таки остается около 500, правда, въ нихъ не учатъ по-нѣмецки, но зато учебники и книги для чтенія, употребляемые теперь въ нихъ, изданные товариществомъ «Просвіта», хотя и оставляютъ еще многаго желать и со стороны свѣтской, научно-педагогической и народной, но все-таки не могутъ быть сравниваемы съ тою дьячковскою дребеденью и австро-славянско-рутенской тарабарчиною, которую оплакиваетъ г. И. Л-нь. Повторяемъ, не думая вовсе отрицать трудностей положенія русского народнаго возрожденія въ Галиції, что все-таки нѣ сколько каѳедръ въ университетѣ, русская гимназія въ Львовѣ, русскіе классы въ восточныхъ гимназіяхъ Галичины, 500 народныхъ школъ представляютъ еще достаточно поля для умной дѣятельности галицко-русскихъ патріотовъ. Г. И. Л-нь, упрекая нась въ оптимизмѣ, говорить, между прочимъ, что русскіе классы въ восточныхъ гимназіяхъ существуютъ только въ нашемъ воображеніи. Если въ такомъ оптимизмѣ можно

упрекнуть нась, такъ это развѣ въ томъ, что мы надѣемся оть галицко-русской интеллигенціи, что она сумѣть наполнить трудомъ своимъ тѣ, правда, не широкія рамки дѣятельности, какія ей оставлены теперешнимъ польскимъ господствомъ въ Галиціи, но и не очень узкія, сравнительно съ тѣми, какія давало нѣмецкое господство своимъ союзникамъ, русинскимъ клерикаламъ. Мы уже упоминали, что русины не умѣютъ заставить школьній совѣтъ открывать, согласно закону, параллельные русскіе классы тамъ, гдѣ наберется 25 учениковъ. А теперь мы видимъ, что корреспондентъ изъ Львова не знаетъ даже, что въ Восточной Галичинѣ русскимъ ученикамъ предоставлено право посѣщать уроки русскаго языка и литературы, на какой случай существуетъ и учитель. Конечно, этого мало; въ иныхъ мѣстахъ учителя сами не знаютъ по-русски, но вѣдь въ Галичинѣ и иные «руссікіе» литераторы въ русскомъ языкѣ не сильны и все ищутъ русскаго языка. Мы не знаемъ, во всѣхъ ли гимназіяхъ Восточной Галичины существуютъ такие русскіе классы, но по закону они должны существовать, и на то есть русскіе депутаты въ сеймѣ, чтобы добиться ихъ открытия и замѣщенія людьми достойными. Кто же виноватъ, что эти депутаты, которые дѣлаютъ запросы о лишнемъ каноникѣ въ Львовскомъ соборѣ, или горячатся въ пользу министерской политики, чтобы добыть концессію на банкъ, молчатъ въ сеймѣ о такихъ вещахъ, какъ русскіе классы. Мы навѣрно знаемъ, что, напр., въ Станиславовѣ существуютъ такие классы, и знаемъ по тому скандалу, который подняли недавно «старые» русины противъ молодого учителя русскаго языка и литературы въ этомъ городѣ. Скандалъ вышелъ изъ-за того, что учитель, преподающій по хрестоматії, составленной изъ галицкихъ и украинскихъ писателей, которыхъ и самъ г. И. Л.—нь удостоиваетъ одобренія, не приходилъ въ восторгъ по поводу виршой одного мѣстнаго піаніста изъ старыхъ. Послѣдніе печатно въ «Словѣ» и частно подбигали учениковъ протестовать противъ учителя и требовать «замѣны безизравственной казацкой (?) хрестоматії, настоящей рутенской (?)» или, еще лучше, не ходить на уроки, и такимъ образомъ закрыть классы. Значитъ, по крайней мѣрѣ, Станиславовскіе русскіе классы существуютъ не въ нашемъ воображеніи. Отъ самихъ русиновъ въ значительной степени зависитъ, чтобы они существовали и въ другихъ мѣ-

стахъ. Если бы даже сеймъ и рѣшился не дать вовсе средстій на русскіе классы, то тѣхъ денегъ, которыя лежатъ (если только лежатъ еще) безполезно въ кассѣ «Матицы», и тѣхъ, на которыя строится совершенно излишня, при другихъ, новая церковь въ Львовѣ, которая потребуетъ и новыхъ канониковъ, достаточно было бы на основаніе цѣлой русской гимназіи. Вообще, если кризисъ перехода отъ клерикальной, іезуитской системы организаціи школъ къ свѣтской обошелся не совсѣмъ выгодно для русиновъ и сопровождался перевѣсомъ поляковъ, тому виною не только неблагодарное коварство нѣмецкихъ централістовъ и нетерпимость поляковъ (которой мы и не отрицаємъ), но и малая развитость русиновъ, которые не припасли въ прошломъ ни свѣтской педагогической литературы ни даже должнаго количества свѣтско-образованыхъ людей, которые могли бы конкурировать съ поляками на должностяхъ учителей, директоровъ, членовъ школьнаго соѣза и т. д. Можно сказать, что и это вина не русиновъ, а несчастной ихъ исторіи, но надо же признать это обстоятельство далеко не непоправимымъ, а не только плакаться на враговъ. А между тѣмъ вслѣдствіе рутины, узкаго утилитаризма и ложнаго направленія стипендій, находящихся въ распоряженіи русинскихъ клерикаловъ, и теперь большинство студентовъ-русиновъ — теологи, а потомъ юристы. Несмотря на все это галицкіе политики старого лагеря предпочитаютъ жаловаться на враговъ вмѣсто практической дѣятельности надъ усиленіемъ свѣтской культуры въ своемъ обществѣ, а своимъ вліяніемъ на молодежь они способствуютъ ея эмиграціи въ Россію, гдѣ она, будучи въ большинствѣ случаевъ по развитію ниже мѣстной, вовсе не усиливаетъ культурнаго элемента, исключая развѣ Холмскаго края, а принося съ собою узкій эмигрантскій утилитаризмъ и польско-нѣмецкіе взгляды на Россію, прикрашенные национальнымъ (тоже скорѣепольскимъ и нѣмецкимъ, чѣмъ русскимъ) фразерствомъ, подрываєтъ ту симпатію къ родственной намъ Галичинѣ, какая должна бы быть у насъ къ обойдной выгодѣ. Не стократъ ли патріотичѣ, чѣмъ эти моральныи и физические абсентеисты, поступаютъ тѣ изъ галичанъ, которые, какъ гг. Бѣлоусъ и Наумовичъ изъ старыхъ, и товарищество «Просвіта» изъ молодыхъ, работаютъ дома, какъ можно при данныхъ условіяхъ, для образования народа и, слѣдовательно, для возрожденія народности? Передъ

русиами стоит наглядный примѣръ — словинцы. Тамъ тоже національное возрожденіе было связано сначала, въ противность, между прочимъ, и прошлому страны, съ ультрамонтанствомъ и реакцией. Тамъ тоже новая конституція и отмѣна клерикальной организаціи школы выдвинула впередъ нѣмцевъ. Но тамъ, кромѣ старо-словинской партіи, которая хотя и имѣть аналогію съ галицкими святоюорцами, но все-таки превосходитъ ихъ развитіемъ и дѣятельностью, — партіи, связавшей свой націонализмъ съ девизомъ «католицизмъ, отчество и король», выдвинулась партія молодая, которая взяла себѣ девизомъ «свобода, образованіе и народъ» и не только не плакала надъ отмѣной конкордата, а привѣтствовала ее. Младо-словинцы, не отказываясь отъ славинской солидарности, не оставляли, однокожъ, домашней работы ради панславянскихъ упованій; не проповѣдуя вражды къ нѣмцамъ за то только, что они нѣмцы, младо-словинцы не отрекались, однокожъ, отъ своей народности и, переживъ періодъ вражды и клеветы отъ старой партіи (похожихъ на тѣ, какими угождаются святоюорцы народовцевъ) и двусмысличныхъ похвалъ, смѣняемыхъ ожесточенною бранью нѣмецкихъ централистовъ (отношенія, похожія на отношенія поляковъ къ народовцамъ), сумѣли поддержать словинство и въ новомъ государствѣ, и въ новой школѣ, а теперь выступаютъ, какъ сила, съ которой должны считаться и нѣмцы. Отчего же и галичанамъ не одолѣть партію польскихъ централистовъ, слабыхъ въ сущности культурою, угрожаемыхъ со всѣхъ сторонъ, оторванныхъ отъ собственного народа, отчего не одолѣть ихъ умною домашнею работою и умно-понятнымъ общеніемъ съ Россіею, т.-е. съ свѣжими и народными элементами въ Россіи?

Мы привели не мало примѣровъ того, что въ Галиції весьма смутно понимаются отношенія къ Россіи, и что собственно тѣ, кто болѣе всего кричитъ о своемъ желаніи слиться хоть нравственно съ Россіей¹⁾), тѣ дальше всего стоять отъ

1) Г. И. Линь требуетъ и политического присоединенія къ ней, въ то время, какъ защищаемые имъ вѣрно-конституціонные „проводи“ клянутся въѣхать въ Вѣнѣ въ своей австро-рутенской лояльности, обвиняютъ черезъ Neue Freie Presse органъ народцевъ „Правду“ въ получении субсидій отъ кіевскаго славянскаго комитета для пропаганды федерализма и панславизма, а въ Allgemeine Zeitung даже обзываютъ Австрію помошь 12 миллионовъ „рутеновъ“ (малороссовъ) противъ Россіи въ грядущемъ столкновеніи изъ-за восточного вопроса.

России, дальне даже народовцевъ, или галицкихъ украино-филовъ. Мы указали, что первое живое звено между Россією и Галичиною была украинская литература и украинофильство, которое, по-нашему, есть такое же произведение Россіи, какъ и московское славянофильство, или великоруссофильство, такой же необходимый народный источникъ для оживленія и развитія русско-европейской культуры, какъ и это великоруссофильство, хотя такъ же, какъ послѣднее, по времени способный впадать въ ошибки партикуляризма. Мы указали вмѣстѣ съ тѣмъ, что украинская литература въ Галиціи произвела первый зародыши свѣтскаго и живо-народнаго русскаго направлениія и въ литературѣ и въ политикѣ,— зародыши еще очень несовершенный, иногда еще сильно смахивающій на самое старое рутенство, но все-таки напоминающій иѣчто свѣжее, способное къ прогрессу. Украинская литература оказалась въ Галиціи конкурентомъ не русской литературы, въ томъ смыслѣ, какъ это понимается у насъ, въ Россіи (ибо тамъ, въ Галиціи, этой литературы не было и нѣть), а польской и рутенской, сравнительно съ которою украинская литература явилась и является прямымъ и сильнымъ авангардомъ русской литературы въ нашемъ смыслѣ слова, что поляки отлично и поняли. Доказывать это положеніе мы считаемъ особенно важнымъ для устраниенія множества печальныхъ недоразумѣній, вредящихъ успѣшному ходу русского возрожденія въ Галичинѣ и отчасти даже въ Западномъ краѣ. Разумѣется, что эта мысль не можетъ, особенно съ первого раза, быть по зубамъ старовѣрамъ какъ рутенскаго, неправильно принимаемаго за русскій, такъ и украинскаго лагеря въ Галиціи. Понятно, что г. И. Л—ну наша аргументація могла показаться, съ одной стороны, сепаратическою, а съ другой—іезуитскою. Но онъ самъ подтверждаетъ наше положеніе. Неизвѣстно, почему накинувшись на насъ за то, что мы считаемъ русскій театръ въ Галичинѣ хотя и не упроченнымъ, но все-таки сильнымъ орудіемъ русского возрожденія, нашъ возражатель говоритъ: «на русскій театръ ассигновали было поляки значительную (?) субсидію въ тѣхъ расчетахъ, что онъ послужить орудіемъ галицко-украинской пропагандѣ во вредъ нормальному русскому направлѣнію нашей интеллигентіи, но какъ только замѣтили, что на подмосткахъ этого театра даются не однѣ

только пьесы мѣстнаго издѣлія, на галицкомъ простонародномъ жаргонѣ, но и комедіи (?) вашихъ украинскихъ поэтовъ, Артемовскаго (?), Основяненка, Котляревскаго, то субсидіи эти тотчасъ прекратили». Тутъ, если устранимъ неимовѣрно наивную, отъ невѣдѣнія ни нашей литературы ни ея языка, или отъ смѣлаго расчета на то, что наша публика незнакома съ галицкою литературою, терминологію, то и окажется, что нашъ возражатель только подтверждаетъ то, что мы говорили; а уяснить эту терминологію надо, ибо иначе выйдеть безсмыслица, будто поляки захотѣли учредить украинскій театръ, а когда оказалось, что онъ украинскій, то они и перестали выдавать ему субсидію. Кромѣ того, читатель въ Россіи подумаетъ, будто въ Львовѣ давали «Горе отъ ума», или «Ревизора», прежде чѣмъ поляки вздумали завести театръ галицко-украинскій, чтобы повредить «русскому направлению» тамошней интеллигенціи. А между тѣмъ не только ничего подобнаго не бывало, но не бывало въ Галиціи и пьесъ на галицкомъ простонародномъ нарѣчіи, все въ силу того, что тамъ не могли уразумѣть ничего живого въ литературѣ, ни такого, какъ Гоголь, ни такого, какимъ бы, напр., явился Островскій, если бы сталъ писать пьесы изъ галицкой простонародной жизни. Если тамъ были пьесы «мѣстнаго издѣлія», какъ говорить авторъ, и на «жаргонѣ», то этотъ жаргонъ былъ именно мѣстнаго издѣлія языкъ, который въ Львовѣ называли по мѣрѣ надобности то австро-рутенскимъ, то малорусскимъ, то русскимъ, и который есть собственно иѣчто въ родѣ смѣси трѣдьяковщины съ польскими и простонародными галицкими выраженіями, но вовсе не русскій, не украинскій, не галицкій народный языкъ. Самъ же г. И. Л.—нь нѣсколько строчкъ далѣе выражается о языкѣ одного изъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ авторитетовъ галицкихъ: «языкъ, которымъ обходилъся профессоръ Г.». Вотъ на такомъ жаргонѣ мѣстнаго издѣлія мѣстные литераторы, тѣ самые, которыхъ И. Л.—нь называетъ представителями нормального русскаго направлѣнія, компановали нелѣпая историческая драмы, передѣльвали съ нѣмецкаго и съ польскаго водевили и фарсы въ родѣ «Парижскій уличникъ», «Адамъ и Ева» и т. п. Конечно, такая драматическая литература полякамъ казалась нестрашною, и когда представился случай сдѣлать демонстрацію «противъ Москвы» и покричать о «згодѣ съ братьями-русинами», то они и дали

и несколько сотень гульденовъ на такой русинскій театръ. Но когда, какъ разсказываетъ и г. И. Л—нь, въ Львовѣ стали давать настоящія украинскія народныя пьесы, то поляки перепугались вліянія и этихъ слабенькихъ водевилей и опереттъ, которая при всей своей слабости все-таки представляли въ Галиції нѣчто неслыханно-живое русское, и возбуждавшее вниманіе и любовь къ русскому «хлопу». Поляки напали на украинскій театръ какъ на «хлопоманско-революціонный» и вмѣстѣ «московскій» такъ точно, какъ они нападаютъ теперь, какъ разсказываетъ г. И. Л—нь, на малорусскія вывѣски на лавкахъ, обзываю ихъ тоже «московскими». Все это доказываетъ именно, что русизмъ «мѣстнаго издѣлія» въ Львовѣ, хотя бы онъ и назывался «нормальнымъ русскимъ направленіемъ», менѣе страшень полякамъ, и менѣе «московскій» по-ихнему, чѣмъ народное украинское направленіе. Что и требовалось доказать!

Очевидно, что съ такими свойствами опроверженій, съ какими выступилъ противъ насъ г. И. Л—нь, онъ и самъ чувствовалъ, что далеко не уйдетъ. А потому онъ занялся, вмѣсто фактическихъ опроверженій, выловленіемъ и вырываніемъ въ нашихъ статьяхъ фразъ, съ цѣлью показать нашу неблагонамѣренность, и даже сообщилъ львовскую сплетню, что авторъ-де зловредныхъ статей о Галиціи — неблагонадежный чиновникъ — «видное лицо учебнаго вѣдомства, исповѣдующее (!?) украинофильство» (точно это и впрямь вѣроисповѣданіе какое!). Г. И. Л—нь утыкаль себя, очевидно, сладкой мыслью: ничего, если и плоха моя аргументація, все-таки, авось, автора обличающихъ настѣ статей отправлять «на мазуры». Во всемъ этомъ г. И. Л—нь опять-таки явилъ себѣ характернымъ австро-рутенцемъ и далъ доказательство именно того обиднаго и невѣжественнаго австрійскаго мнѣнія о Россіи, которое имѣютъ, какъ мы и говорили, въ Австріи, а особенно въ Галиціи, не только іѣмцы и поляки, но и «братья» наши. Г. И. Л—нь не знаетъ, что русская публика настолько европейски образована, что можетъ отличить независимость взгляда и отсутствіе кружковыхъ односторонностей отъ іезуитской изворотливости, что Россія не Австрія и не галицкая Польша, и что великому русскому народу нѣть ни малѣйшей надобности стирать ни народности малыхъ народовъ ни особенности собственныхъ разновидностей, которая могутъ только питать

и расширять общерусскую культуру; что въ Россіи, гдѣ литературные и ученые труды Квитки, Метлинского, Максимовича, Бодянского, Костомарова, Кулиша, Шевченко, М. Вовчка и др. пользуются общимъ уваженіемъ великорусской, какъ и малорусской публики, украинофильство вовсе не можетъ считаться *staatsgefährlich*, какъ въ разношерстно-немецкой Австріи, или опасною хлопотанію, какъ въмагнатской Галиції. Не сообразил напрь австро-рутенецъ и того, что русскія министерства не школьная рада въ Львовѣ и что у нихъ есть дѣла поважнѣе, чѣмъ слушаніе сплетенъ львовскихъ Коробочекъ.

Редакція «Вѣстника Европы» сочла необходимымъ указать «Голосу» на неблаговидность поведенія его львовского корреспондента и протестовать противъ его доносовъ. Мы бы, на мѣсть редакціи, признаемся, ограничились товарищескимъ указаниемъ «Голосу», а протести противъ львовскихъ доносовъ и сплетенъ сочли бы лишними; развѣ для вицца ограниченнія доносчиковъ и сплетниковъ сказали бы: «ошибаетесь: нашъ сотрудникъ не только не особа, но вовсе не чиновникъ... А кто онъ?.. Cherchez!» Но редакція «Вѣстника Европы» сдѣлала, что сдѣлала. «Голосу» ничего не оставалось, какъ промолчать и быть впередъ осторожнѣе. Однако фельетонистъ «Голоса» (№ 185) захотѣлъ свернуть съ больной головы на здоровую и заговорилъ въ такомъ жалостномъ тонѣ: «какъ не стыдно «Вѣстнику Европы» видѣть доносы тамъ, гдѣ ихъ нѣть, ругаться, вмѣсто того, чтобы опровергать факты». По словамъ фельетониста, г. И. Л—нь выступилъ только противъ «прекраснодушія», съ какимъ мы смотримъ на Галицію, и «опровергая всѣ радужныя мечтанія наши рядомъ фактическихъ доказательствъ притѣсненія галицко-русскаго народа со стороны галицкихъ поляковъ, заподозрилъ насъ въпольскомъ происхожденіи и тѣмъ объяснилъ наши симпатіи къ галицко-польскимъ порядкамъ». Это что такое? остается спросить намъ. *Was für eine Wendung?* Это уже что-то третье въ спорѣ! Да вся наша, очень далекая отъ прекраснодушія, статья наполнена фактами о притѣсненіяхъ галицко-русскаго народа поляками и иѣмцами. Мы только не раздѣляемъ радужныхъ мечтаній, распускаемыхъ незнающими или предубѣждennыми людьми о галицко-русской интеллигенціи, и снимая съ нея туманъ прекраснаго далѣка, показали, что въ

своемъ большинствъ она тоже своего рода польская шляхта и австро-иѣмецкая бюрократія; что она не хочетъ и не умѣеть работать для галицко-русскаго народа, не умѣеть бороться съ поляками, лакействуетъ передъ иѣмцами, не умѣеть пользоваться для борбы за народность и работы для народа и тѣми орудіями, которыя достались ей отъ разныхъ системъ конституціонной исторіи Австріи, не умѣеть, наконецъ, пользоваться силами Россіи, о родствѣ съ коей она такъ много кричить... не въ Neue Freie Presse, конечно, въ коей она отрекается отъ Россіи. Г. И. Л—нь, не будучи въ состояніи опровергнуть нашихъ фактовъ, объявилъ, что мы іезуитъ-полякъ, или неблагонамѣренный чиновникъ. А теперь фельетонистъ «Голоса», очевидно, не читавшій ни нашихъ статей, ни даже письма г. И. Л—на, увѣряетъ насъ въ томъ, что мы рассказали полигѣ и его, и г. И. Л—на, — что галичане дѣйствительно угнетены, а мы оказываемся «мечтателемъ» и все-таки, вѣроятно, польского происхожденія. Вотъ какъ создается общественное мнѣніе!

Мы не станемъ препираться съ «Голосомъ». Признаемся даже, что хотя онъ и очень немилостивъ къ намъ, мы только ради его и его читателей, которые слишкомъ многочисленны, чтобы не вызывать къ себѣ вниманія, и которые могли соблазниться сладкими рѣчами и смѣльными протестами корреспондента «съ мѣста», — а вовсе не ради г. И. Л—на лично, написали весь этотъ постскриптумъ. «Голосъ» едва ли не усерднѣе всѣхъ нашихъ газетъ слѣдить за австро-славянскими дѣлами и, въ частности, за галицкими, и это служить, конечно, къ чести петербургской газеты. Съ своей стороны, наблюдала за славянскими дѣлами не со вчерашняго дня, и даже не со временемъ знаменитаго конгресса 1867 г. въ Москвѣ, мы думаемъ, что толки о славянской солидарности, о славянскомъ призваніи Россіи, особенно о роли Россіи по отношенію не только къ русской, но и польской Галичинѣ (ибо и она связана съ нами черезъ Польшу), затрагиваютъ интересы гораздо серьезнѣе, чѣмъ на первый разъ кажется и любителямъ и противникамъ этихъ толковъ, и что всѣ эти толки, конечно, могутъ у иѣкоторыхъ выливаться въ пустую фразеологію, или вести къ шовинизму, вредному и для насъ и для нашихъ соплеменниковъ, но могутъ послужить серьезно и нашему развитію внутреннему, и возрожденію нашихъ со-

племенниковъ, и улаживанію ихъ, въ сущности, довольно мелочныхъ разногласій. Только для этого надо, чтобы печать величайшаго и, такъ или иначе, но единственного самостоятельно организованного славянскаго народа отнеслась къ своему призванію вполнѣ серьезно, чтобы обсуждала славянскія дѣла, исходя изъ такихъ началь, которыхъ бы оказались шире всѣхъ споровъ славянъ съ чужими и между собой. Въ наши времена нечего долго искать такихъ началь. Они — просвѣщеніе и народъ. Изъ этихъ началь исходить всякая серьезная газета и въ Россіи, когда говорить о дѣлахъ, партіяхъ, литературѣ въ Англіи, Франціи, Пруссіи, когда говорить о дѣлахъ внутреннихъ краевъ Россіи. Мы ничего другого не сдѣлали въ нашихъ статьяхъ, какъ только посмотрѣли на Галицию, на поляковъ и русскихъ, на ихъ споры, дѣятельность, литературу съ тѣхъ самыхъ точекъ зреінія, съ какихъ у насъ говорить объ Англіи, Германіи, о Владимирской или Астраханской губерніи, о Гоголѣ, Островскомъ, Далѣ, съ одной стороны, или о «Битвѣ русскихъ съ кабардинцами» и т. п.— съ другой. Касаясь политически-национальныхъ вопросовъ въ Галиції, мы говорили о полякахъ и русскихъ, руководясь тѣми началами, какихъ держится всякий образованный человѣкъ въ Россіи, говоря, напр., о нѣмцахъ и чехахъ въ Богеміи. «Голосъ» самъ не можетъ же рекомендовать намъ другихъ точекъ зреінія. Вѣдь смытесь же онъ надъ «Маякомъ», «Гражданиномъ», возмущаетесь эгоизмомъ и невѣжествомъ тѣхъ «отцовъ» въ какой-нибудь Гродненской или Полтавской губерніи, которые агитируютъ противъ школъ, притѣсняютъ народъ, подаютъ доносы и т. п. (см. 186 № «Голоса»); потѣшается же онъ надъ пьесами г. Аверкіева, который «Монбланъ предъ Пулковской горой» въ сравненіи съ галицкими литераторами; хвалить же статьи г. Белютина. Зачѣмъ же онъ изображаетъ въ розовомъ цвѣтѣ какое-нибудь «Слово» или «Роксоляну» или крылошашь львовскихъ? Вѣдь строгъ же «Голосъ» къ іезуитамъ католическимъ, къ шовинистамъ иѣменскимъ, польскимъ! Почему же онъ будетъ требовать отъ насъ симпатіи къ обскурантамъ униатскимъ, къ фанатикамъ и шовинистамъ русскимъ, или къ рутенскимъ китайцамъ? Или «Голосъ» скажетъ, что хорошо быть разборчивымъ, когда есть изъ чего выбирать, что жестоко быть строгимъ къ тѣмъ, кто тебѣ диенрѣмбы пишетъ (и въ Neue Freie Presse отъ нихъ

отказывается), кто къ тебѣ за помощью обращается (и опять-таки въ нѣмецкихъ газетахъ заявляетъ, что теперь уже *ruthenische Führer* разорвали связь съ московскими панславистами). Но это будетъ значить держаться теоріи, что «тьмы горькихъ истиинъ намъ дороже насть возвышающій обманъ»! Повторяемъ, пусть «Голосъ» относится къ польскимъ и галицкимъ дѣламъ, какъ и вообще къ дѣламъ въ славянщигъ и на нашихъ западныхъ окраинахъ, жизнь которыхъ такъ связана съ вопросомъ славянско-польско-нѣмецкимъ, такъ же точно, какъ и къ дѣламъ внутреннимъ и европейскимъ, и пусть онъ посмотритъ на нихъ съ той же точки зрѣнія, тогда онъ послужить и Россіи, и славянамъ, и галичанамъ. Но только тогда онъ не будетъ писать о Галиціи ничего другого, кромѣ того, что написали мы.

Литературно-общественные партии в Галиции *).

(Эпизодъ изъ исторіи русско-славянскихъ отношеній).

Лѣтъ двадцать тому назадъ врядъ ли больше десятка средне-образованныхъ людей въ Россіи думали когда-нибудь о Галиції, а изъ литераторовъ никто не писалъ объ этой ближайшей къ Россіи западно-славянской землѣ, кромѣ специалистовъ-славистовъ (Срезневскій, Лавровскій) да такъ называемыхъ украинофиловъ, которые вносили въ свои изданія народной словесности, рядомъ съ приднѣпровскими, и галицкія пѣсни (Лукашевичъ, Максимовичъ, Метлинскій и др.). Публицистика русская открыла Галицію только послѣ польского восстанія 1863 года и одно время вспоминала ее довольно часто, или, лучше сказать, одно время сами галичане напоминали ей о себѣ довольно часто: это было время довольно значительного переселенія въ Россію галицкихъ духовныхъ въ юніатскія части Царства Польскаго, а потомъ въ учителя въ новыя классическія гимназіи. Само собою разумѣется, что напоминанія эти должны были носить на себѣ

* Статья эта первоначально была напечатана въ журнале «Діло», 1881 г., октябрь, подъ псевдонимомъ Туристъ. Болѣе льготныя цензурные условія отразились на ней въ томъ, что авторъ прямо можетъ говорить объ украинскихъ партияхъ и теченіяхъ среди галицкихъ русиновъ, но въ то же время онъ принужденъ называть партию, именовавшую себя соціалистической, «народно-общинной». Въ 1903 году статья эта была переведена на украинскій языкъ и издана отдельной брошюрой во Львовѣ. Ср. М. Драгомановъ, Літературно-справильнія патії в Галичинѣ, Літер.-наук. бібліотека, ч. 78. Кромѣ того, какъ сообщаетъ самъ Драгомановъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, основные положенія этой статьи были изложены въ свое время въ „Augsburger Allg. Zeitung“ — „Die russ.-slavistischen Bestrebungen der Ukrainer“. Ср. М. Драгомановъ, Листи до Ів. Франка і іншихъ, 1881—1886, Львівъ, 1906 стр., 42.

характеръ тѣхъ интересовъ, которые привлекали въ Россію эту эмиграцію. Печать же русская, не приготовленная предварительнымъ изученіемъ, оказалась не въ состояніи отвѣстись критически къ неспешимъ къ ней голосамъ галичанъ-эмигрантовъ. Мало того, именно та часть печати, которая всего болѣе говорила о славянствѣ, прибавила къ общему незнанію галицкихъ дѣлъ еще и нарочитое нежеланіе провѣрить точность тѣхъ заявлений, вѣрить которымъ ей было пріятно. Такимъ образомъ въ русской печати водворился миѳъ о Галиції, какъ о своего рода Венеціи до 1866 г., которая спить и видѣть присоединеніе къ «общему отечеству», т.-е. къ Россіи, да о добродѣтельныхъ, безкорыстныхъ патріотахъ Галиціи, которые изъ всѣхъ силъ боятся, чтобы довести свою родину до этого пламенно-желаемаго соединенія, а пока стараются хоть о нравственному, литературномъ единеніи, выдерживая зато гоненія отъ враговъ—іѣмцевъ, поляковъ и кучки измѣниковъ собственному народу, выдумавшихъ какую-то національную особенность украинскаго племени, т.-е. малороссовъ въ Россіи и русиновъ въ Австро-Венгрии.

Нѣсколько фактическихъ статей о Галиціи, напечатанныхъ въ Петербургѣ и Кіевѣ, и особенно сдѣланныхъ въ нихъ выписки изъ галицкихъ изданий, несомнѣнно остановили наиболѣе горячихъ миѳологовъ, но не изгнали миѳовъ изъ общаго оборота и не сдѣлали совершенно невозможнымъ ихъ возрожденіе. Этого результата не имѣла даже обстоятельная глава о малорусской литературѣ въ Россіи и Австріи, помѣщенная въ новомъ изданіи «Исторіи славянскихъ литературъ» г. Пыпина. По крайней мѣрѣ, въ концѣ 1879 г., когда австро-славянскія дѣла и вопросъ о примиреніи съ поляками опять обратилъ взоры русскихъ публицистовъ за австрійскую границу и они заговорили, напр., о собраніи галицкаго политического общества «Руска Рада», то мы не знали, чѣму болѣе удивляться: незнанію, или смѣлости въ изобрѣтеніи репортажъ и редакцій «Голоса», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Нового Времени» и т. п.

Въ числѣ наиболѣе важныхъ вопросовъ, поставленныхъ на этомъ собраніи «Руской Рады», былъ занимающій Галицію и до сихъ поръ вопросъ о соединеніи «старой» и «молодой» партій, которая извѣстна въ русской печати подъ именемъ «московской» и «украинской» партій. И въ самомъ дѣлѣ,

постановка этого вопроса вообще, и то, какъ относится къ нему общественное мнѣніе въ Галиціи, настолько любопытны, что мы считаемъ не безполезнымъ передать обѣ этомъ нѣсколько свѣдѣній читателямъ въ Россіи.

Начнемъ съ короткой исторіи партій галицкихъ, отсылая читателя, который бы желалъ болѣе подробныхъ библіографическихъ свѣдѣній, къ вышеупомянутой главѣ труда г. Пыпина.

Галицкія партіи носятъ до сихъ поръ клички національно-литературныя гораздо болѣе, чѣмъ политico-соціальныя. Это обусловливается положенiemъ народности русиновъ Галиціи и характеромъ образованія тамошнихъ высшихъ классовъ, т.-е. почти исключительно духовенства. Извѣстно, что масса народа въ Галиціи одинакова съ малороссами, или украинцами, въ Россіи и до раздѣла Украины между московскимъ государствомъ, Польшею и Турцией въ концѣ XVII в. жила общею жизнью съ рюриковичевскою, гедиминовичевскою, польскою и казацкою Украиною. Но послѣ вышеупомянутаго раздѣла и истребленія казачества на правой сторонѣ Днѣпра, въ XVIII в. Галиція предоставлена была въ неограниченную власть польского аристократического государства, и съ течениемъ времени неополяченными въ ней остались только крестьяне, часть мѣщанъ и духовенство, которое, впрочемъ, можно было считать наполовину ополяченнымъ. Раздѣль Польши отдалъ Галицію подъ австро-нѣмецкое вліяніе, тогда какъ остальная украинскія земли поступили подъ власть Россіи, гдѣ московское вліяніе, осиливъ уже высшіе классы въ восточной половинѣ Украины, теперь стало наступать и на польскѣ, полуукраинскѣ и украинскѣ элементы и западной части. Вотъ почему, когда по законамъ національнаго и, въ частности, славянскаго возрожденія и въ Галиціи насталь часть постановки вопроса національнаго, то отвѣтъ на этотъ вопросъ получился не въ такой простой формѣ, какъ въ другихъ славянскихъ земляхъ, напр., въ Чехіи, Славоніи, Польши, и породилъ, кромѣ естественнаго раздѣленія интеллигентій на партіи культурно-политическія, еще и раздѣленіе на національныя партіи.

Впрочемъ, въ 1848 г., т.-е. тогда, когда вопросъ національный сталъ серіознымъ въ Галиціи, какъ и во всей Австріи вообще, отвѣтъ на него былъ не такъ запутанъ, какъ нѣсколько времени спустя. На вопросъ: что вы за народъ?

галичане, которые тогда были въ состояніи отвѣтить на такіе вопросы, т.-е. духовные, отвѣтчили: мы—часть народа малорусскаго, который живетъ отъ нижней и верхней Тисы въ Венгріи до нижняго Дона и Кубани въ Россіи. Этотъ отвѣтъ данъ бытъ, между прочимъ, и тогдашней «Руской Радой». Послѣ не разъ было говорено, между прочимъ, и иѣкоторыми участниками ея, перешедшими на службу въ Россію, что отвѣтъ въ смыслѣ признанія тождества русиновъ Галиціи съ русскими великоруссами напугалъ бы австрійское правительство, и что это опасение опредѣлило національную программу собранія. Быть можетъ, относительно иѣкоторыхъ членовъ «Руской Рады» 1848 г. это и правда, и это, конечно, опредѣляетъ степень ихъ политической и личной нравственности. Но нельзя сомнѣваться, что большинство галицкихъ патріотовъ 1848 г. было совершенно искренно, признавъ себя малоруссами, такъ какъ оно состояло изъ духовныхъ, которыхъ вѣдь традиціи и то, что было еще національнаго въ ихъ воспитаніи, привязывали къ малорусскому XVII вѣку, а также изъ небольшого числа литераторовъ, которыхъ національные инстинкты были пробуждены зашедшими въ Австрію украинскими книгами Котляревскаго, Максимовича и др.; Максимовичъ же, сдѣлали не единственный учёный и писатель въ Россіи, имѣвшій въ 40-е годы сколько-нибудь правильныя сношенія съ галичанами, рекомендовалъ имъ украинскія народныя пѣсни и ихъ языки, какъ единственную естественную почву для замѣны третьяковщины, которую озnamеновались первые опыты русской литературы въ Галиціи въ XIX столѣтіи, сколько-нибудь живою и народною литературою. Такимъ образомъ галицкая интеллигенція, при самомъ выступлѣніи на политическое поприще, высказалась за мѣстную и демократическую формулу національности. Масса народа, съ своей стороны, конечно, весьма равнодушная къ вопросу о томъ, въ какомъ смыслѣ она русская, и зная только, что она не польская, поддерживала своихъ тогдашнихъ представителей, надѣясь, что они будутъ выразителями ея соціально-экономическихъ интересовъ, затронутыхъ заживо вопросомъ обѣ отмѣнѣ барщинъ и о выкупѣ угодій (усадебъ, полей, лѣсовъ и пастбищъ), безъ чего крестьяне не могли себѣ вообразить свободы. Такимъ образомъ 1848—1849 гг. были

временемъ большого одушевлениі и единства среди галичанъ, начинавшихъ свое дѣло национального и политико-соціального возрожденія. Кромѣ общества «Русской Рады», которая была сначала неоформленіемъ собраниемъ нотаблей, два постоянныя литературно-патріотическія учрежденія ведутъ свое начало съ этого времени: «Галицко-русская Матица» и «Народный Домъ». Оба учрежденія имѣютъ капиталовъ и имущество на сумму до 250.000 гульденовъ, значительную часть которыхъ сложили крестьянскія общины въ первые годы свободы и одушевлениія. Въ виду этихъ капиталовъ вдвойнѣ странно попрошайство нѣкоторыхъ теперешнихъ патріотовъ галицкихъ у славянскихъ комитетовъ въ Россіи, гораздо болѣе бѣдныхъ, чѣмъ, напр., «Народный Домъ». Процессъ же собирания этихъ капиталовъ показываетъ, что если бы галицкіе патріоты сумѣли поддержать свое единеніе съ народомъ, то и политическая сила ихъ все росла бы, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, какъ это случилось.

А случилось именно послѣднее. Галицкое духовенство не показало послѣ 1848—1849 гг. даже литературной дѣятельности, которая бы соответствовала принятой его малорусской демократической формулы опредѣленія своей национальности: въ большинствѣ случаевъ оно продолжало старую церковно-малорусско-польскую третьяковщину въ литературѣ, а въ жизни обнаруживало весьма большое равнодушие къ евѣтской школѣ и къ реальнымъ нуждамъ народа. Со временемъ не только народъ сталъ разочаровываться въ своихъ духовныхъ патріотахъ, но даже выступилъ наружу толькъ антагонизмъ между крестьянствомъ и духовенствомъ, который, напр., въ приднѣпровской Украинѣ, проявляется въ отпаденіи крестьянъ въ штудовскія братства. Мало-по-малу разъединеніе проявилось и среди самой галицкой интеллигенціи. Въ началѣ 60-хъ годовъ подростаніе болѣе молодыхъ и болѣе евѣтскихъ людей и болѣе близкое знакомство съ тою украинскою литературою, которую галичане напередъ признали своею, произвели въ Галиції раздѣленіе на двѣ литературныя партии: «старыхъ» и «молодыхъ», или «народовцевъ». Внѣшнимъ образомъ партии эти отличались правописаніемъ: старые писали Максимовичевымъ правописаніемъ, или *этнографическимъ* (близкимъ къ церковно-славянскому, но съ надстрочными значками), молодые — Кулишевымъ, которое желало быть фоне-

тическимъ¹⁾. Первые стояли и за болѣе церковный языкъ, вторые за народный. Къ литературнымъ отличіямъ присоединились, хотя сначала и въ легкой степени, отличія политическія; старые видѣли политический народъ въ духовенствѣ, молодые въ крестьянствѣ; старые возлагали надежду преимущественно на австрійскую бюрократію, молодые говорили съ сочувствіемъ о старомъ украинскомъ казачествѣ, такъ что первоначально они обратили на себя подозрительные взоры австрійского правительства. Молодыхъ прозвали казакоманами и украинцами и противополагали ихъ старымъ, просто «русины» или «рускімъ» (съ однимъ с), но не въ томъ смыслѣ русскимъ, какъ полагаютъ нѣкоторые наши публицисты, т.-е. не въ болѣе широкомъ,— общеруссы, а именно въ тѣсномъ,— «русины» австрійскіе или «рутенцы», какъ теперь принято говорить съ ироніей въ самой Галиціи. Дѣло въ томъ, что большинство галицкой интеллигентіи до того проникнуто было австро-рутенской легальностью и униатскимъ клерикализмомъ, что всякая реально-демократическая мысль, да еще выводящая за предѣлы Австріи, какъ казакофильство и крестьянское украинофильство и панмалорусизмъ, должна была пугать ее и возбуждать вражду, особенно, если эта мысль вела за собою, какъ первое послѣдствіе, непризнаніе мѣстныхъ авторитетовъ. А этихъ послѣднихъ за 10—15 лѣтъ сложилось въ Галиціи не мало, по пословицѣ «на безлюды и Ома — дворянинъ». Теперь, т.-е. въ началѣ 60-хъ годовъ, эти авторитеты

1) Но первому правописанію писалось, напр., *съѣзъ*, *коѣ*, *диѣ*, *вечерни-и*, *нѣсъ* и т. п., по второму *сієзъ*, *кіѣ*, *вінъ*, *вечорни-ї*, *нісъ* и т. п. Вносятъся въ спорную сторонника фонетического правописанія отбросили твердый знакъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ часть ихъ произвела совсѣмъ радикальную реформу, признавъ буквы *ю*, *я*, *ї*, *е* не буквами, а слогами и зачѣнивъ ихъ послѣдовательно начертаніями *йу*, *иа*, *їй*, *ио*, или *ju*, *ja*, *jї*, *jo*, *je*, а вмѣстѣ съ тѣмъ отѣлили для совершенно отличныхъ языка процесса, которые сливаются въ русской гражданкѣ въ одинъ, а именно соединеніе гласныхъ, *а*, *е*, *ї*, *о*, *у* съ согласной *и* (иотъ) и смягченіе согласныхъ, которое и радикалы-фонетики выражаютъ посредствомъ послѣдовательного употребленія значка *ї*. Такимъ образомъ радикалы пишутъ: *йама*, или *їама*, *їамоју* и т. д., а также *кои*, *кона*, *кіѣ*, *коња*, *полуда*, *ї луда* и т. д. Практическое значение всѣхъ этихъ правописаний можно постигъ только, занимаясь обученіемъ народа грамотѣ, особенно по единственному резонному способу, — по подвижнымъ буквицмъ. Тогда можно увидѣть, что чѣмъ болѣе радикально-фонетично извѣстное правописаніе, тѣмъ болѣе оно демократично. Вотъ почему галицкіе народники оказывались и «фонетиками», а клерикалы — «этимологами».

должны были уступить Шевченку, М. Вовчку, Костомарову, Кулишу и прочимъ «украинцамъ». Несмотря, однако, на внутреннія ссоры, обѣ галицкія фракціи держались сначала довольно согласно, во виѣшнихъ отношеніяхъ, оставаясь вѣрны старой формулѣ 1848 г. «о малорусской національности, отдельной отъ поляковъ и великоруссовъ». Въ горячее время польского восстанія и инкриминацій московскихъ централістовъ и вызванныхъ ими репрессій противъ украинцевъ въ Россіи, галицкіе писатели изъ старыхъ, ставшіе потомъ стипендіатами московскаго славянскаго комитета, какъ, напр., редакторъ «Слова» г. Дѣдицкій, выступали не хуже издателей украинофильской «Меты» (цѣль) противъ «несытаго централізма Москвы», выражаемаго въ органахъ гг. Каткова, Аксакова и т. п. Рѣшительное раздѣленіе партій и притомъ уже не на русскихъ или русиновъ, съ одной стороны, и украинцевъ — съ другой, а на русскихъ или московофиловъ и украинцевъ, произошло уже послѣ 1866 года.

Въ этомъ году разбитая подъ Садовой Австрія, вынужденная на иѣмецко-венгерскій дуализмъ, нуждалась въ отдѣленіи поляковъ отъ славянской оппозиціи и рѣшилась «пожертвовать имъ русиновъ». Съ другой стороны, московскіе дѣятели, въ родѣ кн. Черкасскаго, еще раньше попробовали употребить въ свою пользу въ Царствѣ Польскомъ, особенно въ юго-восточной его части, населенной малоруссами-уніатами, малорусскія антипатіи къ Польшѣ и отчасти украинскія казацкія традиціи и демократическая тенденціи. Извѣстно, что редакторъ прекратившейся «Основы» и самый дѣятельный ея сотрудникъ г. Кулишъ пошли на службу въ Царство Польское, родѣ начальство Н. А. Милютина и кн. Черкасскаго. Въ то же время началось переселеніе въ холмскую епархію и священниковъ-уніатовъ изъ Галиції, гдѣ уже и въ старшемъ поколѣніи духовенства, подъ вліяніемъ національнаго движения, ультрамонтанство оказалось слабѣе, чѣмъ оно было среди ополяченныхъ священниковъ въ Царствѣ Польскомъ, и гдѣ въ младшемъ поколѣніи казаофильство и украинофильство заставляло болѣе горячихъ людей даже изъ студентовъ львовскаго университета ходить въ православную церковь. Само собою разумѣется, что дѣятели, въ родѣ кн. Черкасскаго, нуждались болѣе въ антипатіяхъ малорусскихъ, нежели въ симпатіяхъ, и, употребляя украинцевъ и галичанъ противъ по-

ляковъ, имѣли въ виду полное «обрусеніе» Польши, начиная съ ея униатскихъ частей,—«обрусеніе» въ московскомъ смыслѣ этого слова. Только на первыхъ порахъ и обрусили допустили въ церквяхъ и школахъ холмской епархіи полу-малорусскія книги галицкаго происхождѣнія, но затѣмъ, шагъ за шагомъ,шли къ цѣлямъ «объединенія» и «обрусенія». Сначала эти цѣли вызывали ропотъ въ Галиціи, но мало-по-малу московскіе дѣятели въ Царствѣ Польскомъ нашли себѣ дорогу къ сердцамъ галичанъ, преимущественно изъ «старшихъ». Бѣсто «прижатіе славянъ къ стѣнѣ» и Гисекрино «пожертвованіе русиновъ полякамъ» помогло московскимъ дѣятелямъ какъ нельзя лучше. Теперь нельзя сомнѣваться, что политика гр. Бѣста и министерства пѣнзенскихъ мѣщанскихъ централістовъ, въ родѣ Гисекры, подала австрійскимъ славянскимъ вождямъ и, въ частности, русинамъ мысль обратиться за поддержкою къ московскимъ дѣятелямъ и что эти послѣдніе дали австрійскимъ славянамъ и, въ частности, галичанамъ обѣщанія, исполненіе которыхъ далеко превосходило ихъ компетентность. Эти обѣщанія побудили тогданыаго издателя главной галицкой газеты «Слово», г. Дѣдицкаго, одного изъ самыхъ плодовитыхъ писателей изъ партіи «старшихъ», на рѣзкую перемѣну фронта по национальному вопросу. Въ горячей статьѣ онъ объяснялъ всѣ неудачи галичанъ съ 1848 г. тѣмъ, что они не имѣли тогда смѣлости признать себя частію великаго народа русскаго, единаго отъ Карпатъ до Амура.

Это заявленіе, которому «Слово» остается вѣрнымъ и до сихъ поръ, имѣло рѣшительныя послѣдствія для исторіи политическихъ партій въ Галиціи. Какъ увидимъ дальше, оно привело постепенно «старшую» партію на ложе смерти. Дѣло въ томъ, что это заявленіе такъ и осталось заявлениемъ. Для того, чтобы оно стало дѣломъ, нужно было, чтобы Галиція действительно стала въ такое отношеніе къ Австріи, въ какомъ была къ ней до 1866 г. Венеція да, кромѣ того, конечно, нужно было, чтобы и Россія была похожа на Сардинское, потомъ Итальянское королевство. На дѣлѣ не было ни того, ни другого, и, когда галицкимъ «москвофиламъ» приходилось поставить политической вопросъ серьезно, то они отказались отъ политической уніи съ Великороссіей, а говорили только о моральной, преимущественно литературной, и то собственно языковой. Но оказалось, что и для этой послѣдней въ Галиціи

иѣть реальной почвы: по крайней мѣрѣ, несмотря на брошюру г. Дѣдицкаго «Въ одинъ часъ малорусину выучитися по-великорусски», ни онъ, ни кто другой изъ писателей его партіи не выучился по-великорусски и всѣ продолжаютъ писать до того удивительнымъ языкомъ, что ихъ покровители въ Россіи никогда не рѣшаются процитировать въ подлинникѣ ни одного періода, ими написанаго, а сами галицкіе «общеруссы» ни изъ-за чего такъ не сердятся, какъ если кто покажеть публикѣ въ Россіи подлинные образчики ихъ «общерусского литературнаго языка». Врядъ ли нужно лучшаго доказательства, что вся исторія единенія галичанъ съ нашими централистами есть миѳология и притомъ соединенная съ умышленнымъ обманомъ общественнаго мнѣнія въ Галиціи и въ Россіи. Но еще менѣе чѣмъ для языковаго единенія было дѣлаемо что-либо для единенія духа и содержанія двухъ литературъ. Да иначе и быть не могло. Соедините, если можете, самыя отсталыя и захолустныя «Епархиальная Вѣдомости», написанныя языкомъ Симеона Полоцкаго, съ любымъ петербургскимъ обозрѣніемъ!

Слѣдуетъ сказать, что ревнители единенія въ Россіи и даже специальная для того учрежденія, какъ славянскіе благотворительные комитеты, ровно ничего не сдѣлали даже для ознакомленія галичанъ съ тою литературою, съ которой предполагалось ихъ объединить, и на неоднократныя напоминанія объ этомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (ред. Корша), въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Кievскомъ Телеграфѣ» (1875 г.), отвѣчали обвиненіями въ злонамѣренности (въ «Голосѣ», въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Вѣстнике», въ «Кievлянинѣ», въ «Гражданинѣ», въ «Русскомъ Мирѣ» и даже въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»). Мы нарочно выписываемъ имена этихъ изданій, для того, чтобы показать, что вопросъ объ ознакомленіи галичанъ съ Россіей посредствомъ произведеній ея литературы былъ поставленъ весьма гласно, и, однакожъ, постановка эта осталась безъ всякихъ результатовъ. Намъ удалось въ 1875—1876 гг. систематически осмотрѣть всѣ русскіе центры въ Австро-Унгаріи (Черновцы, Коломыя, Львовъ, Переяславъ, Мукачевъ, Угварь, Прешевъ, кружки русиновъ въ Вѣнѣ) и добѣтъ копіи съ каталоговъ библіотекъ всѣхъ австро-русскихъ учрежденій и обществъ, и нигдѣ мы

не нашли ничего подобного, хотя бы самой маленькой систематической коллекции русскихъ авторовъ изъ Россіи. Если бы напечатать эти каталоги, то получились бы самые краснорѣчивы обвинительные акты противъ московскихъ славянофиловъ и ихъ комитетовъ, въ протоколахъ которыхъ мы находимъ слѣды сношеній со всѣми почти австро-русскими обществами и кружками. Но сношения эти ограничивались выдачею личныхъ субсидій отдельнымъ попрошайкамъ да случайными посылками литературнаго хлама и едва-едва кой-какихъ учебниковъ.

Въ 1875 году одно только австро-русское общество имѣло весьма полную коллекцію книгъ о Россіи, а также періодическія изданія петербургскія и московскія,—это вѣнское общество «Січ» (Сѣчь), которое подвергалось постояннѣмъ анаемамъ галицкихъ и россійскихъ объединителей именно за свое отщепенское украинофильство. Къ нашему удивленію, намъ сообщили, что эта «руссская» коллекція была составлена именно при помощи украинофиловъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ осипали обвиненіями славянскіе комитеты, особенно кіевскій, и поддерживавшіе ихъ органы («Голосъ», «Московскія Вѣдомости», «Кievлянинъ» и т. п.). Въ разгарѣ возобновленій гоненій на украинофильство въ Россіи, какъ разъ при началѣ сербско-болгарской войны, украинофили изъ Россіи положили начало библіотекѣ книгъ о Россіи въ Черновцахъ (въ Буковинѣ), въ Уигварѣ и Мукачевѣ (въ Венгріи).

Такимъ образомъ поступленіе галицкой старшей партіи подъ патронатъ московскихъ и петербургскихъ славянофиловъ-централістовъ не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ даже въ литературномъ отношеніи. Но этого мало; скоро оказались результаты отрицательные: внутренняя литературная производительность партіи сильно упала.

Въ числѣ прочихъ объясненій этого явленія приводится иногда такое, что, ожидая присоединенія Галиціи къ Россіи, литераторы русской партіи не желали увеличивать количества мѣстной литературы, все-таки болѣе или менѣе малорусской. Въ этомъ объясненіи есть доля истины, но имъ не объясняется все. Много значила тутъ и эмиграція старыхъ и молодыхъ людей русской партіи на службу въ Россію, где они тотчасъ же забывали интересы своей родины, такъ что

даже вызывали упреки въ самомъ львовскомъ «Словѣ». Эта эмиграція оставила «москофильскую» партію почти совершенно безъ молодого поколѣнія. Результатомъ было то, что въ слѣдующіе за 1866 годы изданія «Матицы» захирѣли до того, что общество, которое прежде все-таки печатало и научные труды и популярныя книги, теперь по цѣлымъ годамъ стало не щадить признаковъ своего существованія. До какого моральнаго состоянія дошло оно вмѣстѣ со своей партіей, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста протокола его общаго собранія въ 1870 г.: «О. Гушалевичъ. Выдѣль (комитетъ) Матицы спить. Належитъ позавязовать (основать) філіалки по краю, которыхъ бы расширяли часопись. Комитетъ будетъ мочь вліяти на провинцію... О. Лепкій. Диву мнѣ, что о. Гушалевичъ, жющій тутъ въ Львовѣ и присутствовавшій не разъ на засѣданіяхъ Выдѣла, можно говорiti, что Выдѣль Матицы спаль. О. Гушалевичъ бытъ членомъ Выдѣла, тоже спаль и онъ. Если же не спаль, то чemu не будиль онъ другихъ... Онъ самъ спаль. (Публика: славно! О. Лепкій сѣдаєтъ коло о. Гушалевича; оба ведуть между собою живый разговоръ, наконецъ, усмѣхаючись, стискаются за руки).—«Литературный Сборникъ», изд. Гал.-р. Матицею. 1870 г., 125—126). Послѣ этого курьезнаго разговора Матица выдала только двѣ книги «Литературнаго Сборника» и теперь едва начинаетъ опять поговаривать о необходимости проявленія своего бодрствованія.

Параллельно упадку литературной дѣятельности, упадала и политическая дѣятельность партіи. Но тутъ дѣйствовали нѣсколько иныхъ причины, да и положеніе политическихъ дѣятелей галицкихъ было нѣсколько иное, чѣмъ положеніе чистыхъ литераторовъ. Съ самаго начала конституціонной системы въ Австріи депутаты-русины какъ будто приняли правило быть не столько представителями интересовъ своего народа, сколько слугами правительства. Они видѣли въ этомъ единственную гарантію огражденія своего существованія отъ притязаній поляковъ. Свою вѣрность монархическому принципу въ революціонную эпоху 1848—1849 гг. и въ эпоху реакціи русины заслужили въ офиціальныхъ кругахъ Австріи эпитетъ «восточныхъ тирольцевъ».

Если бы согласить политическую дѣятельность депутатовъ-галичанъ съ литературными заявленіями ихъ друзей въ

1866 — 1867 гг., то пришлось бы тирольцамъ превратиться вдругъ въ венецианцевъ.

Галицкіе политики придумали еще болѣе удивительную вещь: оставаться восточными тирольцами въ то время, когда литературные друзья ихъ играютъ роль венецианцевъ, и въ то время, когда даже вѣрность дѣйствительныхъ тирольцевъ поколебалась въ виду централистической конституціи, когда само правительство признавалось, что оно «пожертвовало ихъ полякамъ».

Галицкіе депутаты сдѣлались неизмѣнными министерскими депутатами въ рейхсратъ и въ то же время, среди полнаго торжества парламентскаго правленія, не переставали въ мѣстномъ сеймѣ слать адресы прямо къ коронѣ и въ обращеніяхъ къ народу говорить такъ, какъ будто въ Австріи продолжаетъ существовать неограниченная монархія. Австрійскія «мѣщанскія министерства» послѣ 1867 г. не приобрѣли себѣ доброй славы, между прочимъ, благодаря биржевой своей дѣятельности, а между тѣмъ они постоянно пользовались поддержкой галицкихъ депутатовъ, между прочимъ, и въ такихъ дѣлахъ, какъ казенная поддержка заигравшимся на биржѣ «дѣльцамъ» 1873 г. Само собою, что ставши въ ряды «вѣриконституціонныхъ», галицкіе депутаты поддерживали всю противославянскую политику правительства съ 1867 г., противъ которой пущено столько бумажныхъ громовъ и въ петербургскихъ и въ московскихъ славянофильскихъ газетахъ. И странное дѣло — эти же самыя газеты не переставали гладить по головкѣ именно этихъ галицкихъ политиковъ. Не знаемъ, чего было тутъ больше: незнанія, нелогичности или умышленнаго мороченія публики?

Но гдѣ тонко, тамъ и рвется. Галицкіе политики оборвались и передъ своимъ народомъ и передъ правительствомъ. Народъ галицкій, дѣйствительно, заявилъ себѣ роялистомъ въ революціонную эпоху 1848—1849 гг., но, конечно, не роялистомъ-доктринеромъ: онъ шелъ противъ польскихъ помѣщицкіковъ не какъ противъ либераловъ, а какъ противъ помѣщицкіковъ, и стоялъ за «Пісаря», потому что получилъ отъ него отмѣну «панцины» и ожидалъ отъ него уступки и «поли, лісу і насовиська». Ожиданія эти далеко не сбылись, и народъ охладѣлъ къ высшей политикѣ, а между тѣмъ выступилъ антагонизмъ между нимъ и духовенствомъ, которое

доставляло контингент политиковъ. Пользы отъ двадцати-
лѣтней дѣятельности постоянно выбираемыхъ однихъ и тѣхъ же
депутатовъ въ рейхсратъ и въ сеймъ крестьяне не видѣли,
и потому стали продавать свои голоса хоть за водку, полу-
чаемую отъ помѣщиковъ-поляковъ. Къ тому же послѣ 1867 г.
мѣстная администрація все больше переходила въ руки поля-
ковъ и наклоняла вѣсы выборовъ, конечно, въ сторону своихъ
и противъ русиновъ. Каждое избирательное число послѣдніхъ
становилось менѣе, и теперь въ рейхсратѣ ихъ только 4 или
даже собственно три ¹⁾). Въ парламентскомъ смыслѣ русиновъ
въ Австріи не существуетъ.

На этомъ литературномъ и политическомъ вымираніи «старой» или рутенско-москвофильской партіи дѣло не остановилось. Въ послѣднее время обнаружились признаки разложения моральнаго, которые, однакожъ, не представляютъ ничего ни удивительнаго, ни новаго для внимательныхъ наблюдателей.

Въ недавнее время выступило уже передъ судомъ дѣло своего рода Юханцева, и въ этомъ дѣлѣ обрисовались порядки тѣхъ учрежденій, въ которыхъ галицкіе политики старой партіи играютъ роль хозяевъ. Въ началѣ 1879 г. священникъ Корнилій Яворовскій, казначай духовной консисторіи въ Львовѣ, кассиръ фонда вдовъ и сиротъ и другихъ подобныхъ, ввѣренныхъ консисторіи, капитулу и т. п., предалъ себя въ руки суда, сознавшись въ растратѣ ввѣренныхъ ему суммъ. Въ октябрѣ началось судебнное слѣдствіе. Прокуратура обвиняла г. Яворовскаго въ растратѣ 12.873 гульденовъ. Подсудимый признавался только въ растратѣ 7.000, которые онъ частію проигралъ, частію издержалъ въ надеждѣ имѣть возможность возвратить ихъ въ кассу; 4.000 же, по его словамъ, выданы заимообразно крылошанину Малиновскому (членъ капитула церкви св. Юра и вліятельное лицо партіи), что удостовѣряется его распискою, найденою у подсудимаго. Подсудимый считалъ возможнымъ брать деньги изъ кассы, такъ какъ не было ни правильной отчетности ни контроля и такъ какъ и другіе брали изъ нея, и не разъ, напр., крылошанинъ Малиновскій бралъ для себя, для митрополита, для устроеннаго партіей банка. Свидѣтели подтвердили эти пока-

¹⁾ Русскія села Восточной Галиціи выбираютъ 17 депутатовъ, изъ коихъ въ послѣдній разъ выбрали 13 польскихъ пановъ.

занія. Только г. Малиновскій пробовалъ отрицать ихъ и даже утверждать что его росписка подложная, но скоро призналься подлинность. Слѣдуетъ прибавить, что свидѣтели, все лица вліятельныя въ партіи, давали показанія по-польски, а не по-русски (по-малорусски), хотя судья читаль имъ формулу присяги по-русски, и они имѣли право, по закону, и, какъ люди, столь склонные обвинять другихъ въ измѣнѣ национальности, обязаны были отвѣтчать на свое мѣсто языкѣ.

Процессъ этотъ приподнялъ только край завѣсы, скрывающей хозяйство въ австро-русскихъ корпораціяхъ, которыхъ почти всѣ находятся въ рукахъ старой партіи. Статуты этихъ корпорацій, даже частныхъ патріотическихъ обществъ, составленные подъ вліяніемъ патріотовъ 1848—1849 гг., удѣляютъ огромное значеніе особѣ митрополита и, следовательно, высшему духовенству, а также даютъ чрезмѣрное преимущество комитетамъ передъ общими собраніями членовъ. Почти во всѣхъ этихъ корпораціяхъ въ комитетахъ сидятъ безсмѣнно одни и тѣ же лица и распоряжаются суммами почти безконтрольно. Поэтому нисколько не будетъ удивительно, если, напр., въ «Ставроигіальному Институту», въ который превратилось знаменитое демократическое львовское братство, организованное еще въ XVI в., или въ «Народномъ Домѣ» окажутся такие же, если не большие недочеты, какъ и въ кассахъ консисторіи. Но если бы даже недочетовъ и не было, то несомнѣнно, что, напр., «Народный Домъ» служить какъ бы имѣніемъ управляющему или комитету, члены которого имѣютъ въ немъ по удешевленнымъ цѣнамъ квартиры, тогда какъ, напр., для библіотеки не находится места, и она лежитъ въ беспорядкѣ и не служить ни къ чему. Кромѣ того, всему, относительно огромному, имуществу «Народнаго Дома» завѣдывающія имъ лица дали употребленіе совершенно противное цѣлямъ учрежденія. «Народный Домъ», котораго зданія были пожертвованы націи правительствомъ (погорѣлое зданіе университета), а возстановлены на деньги, собранныя съ народа, основанъ былъ для того, чтобы давать убѣжище национальнымъ культурнымъ учрежденіямъ, помочь развитію литературы и т. п. Но лица, завѣдывающія «Домомъ», стали на такую точку зрѣнія, что нужно сначала увеличить капиталъ его, а потомъ уже работать для достижениій этой цѣли. Для этого же они отдаютъ помѣщенія «Дома» внаймы

купцамъ, а также подъ квартиры, не забывая при этомъ себя и своихъ; мало того, они пустились въ спекуляцію и купили на имя учрежденія два имѣнія, да притомъ съ долгами. Спекуляція оказывается неудачною: имѣнія вводятъ «Домъ» въ долги, до уплаты которыхъ, говорить, нужно отложить даже такія нужды, какъ освобожденіе помѣщенія для библіотеки. О такой политикѣ справедливо говорить, что «Народный Домъ» тогда приступить къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, когда русиновъ и на свѣтѣ не будетъ. Единственнымъ объясненіемъ этой странной политики можетъ быть предположеніе, что распорядителемъ «Народного Дома» хозяйство сподручнѣе и даже выгоднѣе, чѣмъ литературныя и культурныя занятія.

Очевидно, что подобное безцеремонное отношеніе къ общественнымъ учрежденіямъ и имуществамъ можетъ держаться только при полномъ отсутствіи контроля. А чтобы избѣжать его, комитеты «Народного Дома», «Русской Матицы» и т. п. заботливо устранили принятіе новыхъ членовъ, сколько-нибудь заподозрѣнныхъ въ духѣ оппозиціи, и даже исключали таковыхъ подъ предлогомъ «отпаденія ихъ отъ національности «русской» въ какую-то украинскую, выдуманную поляками» и т. п. *).

*). «Народный домъ» по своему естественному назначению долженъ быть бытъ общенациональнымъ достояніемъ галицкихъ русиновъ или украинцевъ. Начало основанію его было положено австрійскимъ императоромъ, который рескриптомъ отъ 18-го октября 1849 г. подарилъ „русинскому населенію Львова“ развалины прежняго университета и стѣны примыкального къ нему костела. Затѣмъ весь русинский народъ безъ различія сословий и партій (послѣднихъ тогда еще не было) давалъ свои пожертвованія на его созданіе. Но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія „Народный домъ“ былъ захваченъ москофильской партіей и до сихъ поръ остается въ ея рукахъ. Представители украинскихъ партій, къ которымъ принадлежитъ теперь громадное большинство русинского народа въ Галиції и которыхъ изъ его среды являются единственными носительницами европейской культуры, совершенно отстранены отъ завѣдыванія и пользованія „Народнымъ домомъ“. Въ члены общества, занѣджающаго имъ, въ свое время не были приняты даже такіе „украинско-русскіе“ дѣятели, какъ проф. у-та Ал. Огоновскій, педагогъ Врециона, депутатъ рейхсрата Романчука, дѣятель на культурно-экономической поприщѣ Нагирный и др. Наконецъ даже въ 1905 году было отвергнуто принятіе адвоката и известнаго политическаго дѣятеля Евг. Олесницкаго. Одновременно единственный украинскій національ-демократъ о. Степановичъ, который раньше случайно попалъ въ члены общества „Народный

Понятно, что всякой такой политикѣ ранніе или позже должны наступить конецъ, особенно подъ вліяніемъ скандаловъ въ родѣ обнаруженной растраты въ св. Юрѣ. Неудачи парламентскія, конечно, способствовали пробужденію въ обществѣ духа критики, который, между прочимъ, на первый разъ выразился во многихъ мѣстахъ въ довольно единодушномъ желаніи допущенія всѣхъ русиновъ безъ различія партій въ общенациональныя учрежденія. Петиція въ такомъ родѣ была представлена и въ комитетъ «Русской Рады» въ концѣ 1879 года.

Когда говорится въ Галиціи о примиреніи и слитіи партій, то разумѣются, главнымъ образомъ, партіи «старую» и «молодую», или народную, или, иначе, «москофильскую» и «украинофильскую». Мы уже сказали, что особенно рѣзко разошлись они послѣ заявлений «Слова» въ 1866 году. Заявленіе это имѣло рѣшительное вліяніе и на галицкихъ украинофиловъ. Оно дало имъ болѣе легальную почву, такъ какъ они остались вѣрными разъ уже признанной национальной формулѣ. Теперь уже не они, казакоманы, являлись нова-

домъ», былъ исключенъ изъ числа его членовъ. Такое положеніе естественно вызываетъ возмущеніе не только у русинского народа, но и у органовъ мѣстнаго и автономнаго самоуправления. Такъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ городской думѣ Львова были поднять вопросъ о томъ, чтобы „Народный домъ“ былъ возвращенъ „русинскому населенію Львова“. Но тогда и представители украинскихъ партій не хотѣли, чтобы полики, располагающіе большинствомъ въ городской думѣ, были судьями въ русинскихъ дѣлахъ. Поэтому гласный проф. Ал. Огоновскій отъ имени всѣхъ русинскихъ гласныхъ заявилъ, что этотъ вопросъ русины должны решить сами между собой. Такъ же точно въ началѣ девяностыхъ годовъ представители украинскихъ партій отклонили предложеніе намѣстничества вмѣшаться въ это дѣло. Однако положеніе теперь едваилось совершенно безвыходнымъ. „Народный домъ“ не выполняетъ своего естественнаго назначенія и не приноситъ никакой пользы для подъема культуры русинскаго или украинскаго народа въ Галиціи. Онъ пока служилъ исключительно партійнымъ интересамъ москофиловъ, хотя могъ бы принести громадную пользу, напримѣръ, при решеніи остро теперь поставленного вопроса о созданіи украинскаго университета во Львовѣ. Все это, несомнѣнно, заставитъ представителей украинскаго народа въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ обратиться за посредничествомъ къ суду или къ органамъ законодательной власти для решения вопроса, кому долженъ принадлежать „Народный домъ“ или, что то же, какою уставомъ долженъ быть у такого учрежденія. Болѣе подробный свѣдѣній по вопросу см. „Причины до історіи „Народного Дому“ у Львовѣ“, передрукъ з „Діла“, Львів, 1906.

Прим. ред.

торами, а старые, москофилы. Несколько человѣкъ изъ старыхъ политиковъ, которыхъ покорила манифестація «Слова», пристали къ «молодымъ», какъ, напр., совѣтникъ и банкиръ, впослѣдствіи вице-маршаль сейма Лавровскій и депутатъ, священникъ Качала. Разумѣется, «молодымъ» пришлось поубавить «казакомані», а потомъ отчасти и самаго украинофильства и сдѣлать уступки австрійскому бюрократизму и униатскому клерикализму, а вмѣстѣ съ тѣмъ урѣзать несолько и свое украинофильство въ пользу «рутенства», или же придумать лицемѣрную середину между культомъ Шевченко и совѣтника Лавровскаго, скоро тоже умершаго. Политическая дѣятельность галицкихъ украинофиловъ, или, лучше сказать, ихъ пополненія на дѣятельность тоже не дѣлаютъ чести ни имъ морали, ни даже такту. Но такъ какъ они почти не существовали, какъ парламентская партія, то обѣ этой сторонѣ дѣла не стоитъ много и разговаривать. Галицкіе украинофилы остались преимущественно литературной партіею, или даже партіею школьнаго, такъ какъ они первоначально состояли почти исключительно изъ молодыхъ учителей и профессоровъ. Большимъ преимуществомъ на сторонѣ украинофиловъ оказалось то, что они, какъ бы то ни было, остались на мѣстной почвѣ, къ тому же обстоятельство, что украинофилы, какъ младшіе и бѣднѣйшіе, не попали еще въ парламенты, заставило ихъ искать подъ собою почвы все же нравственной, — въ школѣ, въ литературѣ. Вотъ почему въ то время, когда москофильская партія все вымирала, украинофильская все росла и теперь выступаетъ въ качествѣ наслѣдника первой далеко не безъ надежды на успѣхъ. Старая партія это отлично чувствуетъ, и потому-то такъ неохотно слушала рѣчи о «примиренії», за которымъ она весьма основательно усматривала свое грядущее замѣщеніе.

Украинофильская партія оказалась гораздо болѣе счастливой, чѣмъ «москофильская» и въ союзникахъ за границами Австріи. Какъ это ни удивительнымъ можетъ показаться на первый разъ, но мы видѣли, что богатые, организованные, чиновные и влиятельные московскіе славянофилы въ Россіи не принесли никакой существенной пользы своимъ протеже, не какъ лицамъ, а какъ партіи. Самы же галицкіе москофилы не были въ состояніи воспользоваться даже тою литературою, о единеніи съ которой столько говорили. Помимо вси-

кихъ частныхъ причинъ, тутъ вліяла основная: отсутствіе реальной почвы для единенія. Иначе было съ украинофилами. Украинская литература въ Россіи — не велика, но все-таки жива и родственна галичанамъ, которые сразу получили готовый нравственный, хоть и небольшой капиталъ. Украинофилы въ Россіи никогда не были организованы для систематической дѣятельности, но все-таки между ними были лица, которые видѣли въ галичанахъ своихъ людей, въ ихъ дѣлѣ свое дѣло, и если оказывали галичанамъ помощь, то именно помощь дѣлу, а не лицамъ. Съ 60-хъ годовъ, начиная съ г. Кулиша, который самъ заявилъ о томъ печатно во II т. «Исторії возоєдиненія Русії», всегда находились между украинцами изъ Россіи люди, которые прямо работали для литературнаго развитія въ Галиції, даже живя по временамъ въ странѣ, не говоря уже о томъ, что всѣ вновь появлявшіеся украинскіе писатели, беллетристы, поэты, педагоги отсыпали свои произведенія на печатанье въ Львовъ и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ больше встрѣчали къ тому неудобствъ въ Россіи. А между этими молодыми украинскими писателями оказалось нѣсколько человѣкъ съ несомнѣннымъ талантомъ. Мало того, даже материальная помощь дана была галичанамъ-украинофиламъ гораздо болѣе существенная отъ украинцевъ, чѣмъ москофили получали отъ своихъ покровителей. Мы уже говорили о библіотекахъ. Теперь скажемъ о типографіи въ Львовѣ, средства для основанія которой были доставлены изъ Россіи, но съ условіемъ, что они даются не лицамъ, а учрежденію, которое галичане и основали подъ именемъ Товариства імені Шевченка *). Выборъ распорядителей общества

*) „Товариство імені Шевченка“ было основано въ 1873 году первона-
чально какъ чисто издательское общество. Съ 1885 года оно начало издавать
лучшій въ то время украинскій литературно-научный журналъ „Зоря“, воз-
никшій еще въ 1880 г. Въ 1892 году оно было преобразовано въ научное
общество и стало именоваться „Науковим товариством ім. Шевченка“. Съ
этого года оно начало издавать „Записки Наукового товариства ім. Шев-
ченка“, которыхъ до настоящаго времени вышло семьдесят пять томовъ.
Въ томъ же году общество приняло на себя издание юридического трехмѣ-
сячника „Часописъ правничка“, основанного еще въ 1889 году и преобразо-
ваннаго въ 1900 году въ юридический и политico-экономический журналъ —
„Часописъ правничка і економна“. Дѣятельность общества была особенно
расширена, начиная съ 1898 года, когда уставъ его былъ снова переработанъ.
Въ этомъ году было прекращено издание журнала „Зоря“, и съ слѣ-

быть сдѣланъ сразу неудачно. Оно тоже пошло по дорогѣ «Народнаго Дома» и отложило издательство до тѣхъ поръ, пока типографія не разбогатѣть, и по нѣскольку лѣтъ не созываетъ общаго собранія и не даетъ отчета. Вообще певченковскаго въ этомъ обществѣ нѣть ничего, кромѣ имени. Но все-таки типографія существуетъ и приноситъ свою пользу хоть части изданій украинофильской партіи. Все же это не то, что деньги, безслѣдно загубленныя славянскими комитетами на субсидіи попрошайкамъ.

Такимъ образомъ украинская партія въ Галиції оказалась на болѣе твердой почвѣ и болѣе вооруженна нравственно. Центромъ ея было и есть основанное еще въ 1867 г. общество «Просвіта», которое теперь имѣть нѣсколько філій въ провинціяхъ. Оно издало нѣсколько десятковъ народныхъ книгъ, изъ которыхъ половина, по нашему мнѣнію, весьма плохи и даже вредны, какъ, вообще, добрая половина того, что повсюду издаются для такъ называемаго народа; но въ другой половинѣ есть книжки безспорно хорошия. Во всякомъ случаѣ книжки «Просвіти» читаются и расходятся въ числѣ отъ 10 до 20.000 въ годъ и болѣе. Но самое существенное изъ всего сдѣланнаго «Просвітою» это изданіе, хотя и при официальной помощи, учебниковъ для гимназіи, почти по всѣмъ предметамъ и для всѣхъ классовъ. Изданіе это дало возможность примѣнить на дѣлѣ то, что признала за галичанами австрійская конституція, а именно право на среднее и высшее образованіе на национальномъ языке. Право это было

дующаго года было начато изданіе толстаго журнала „Літературно-науковий Вістник“, который и въ настоящее время является лучшимъ украинскимъ журналомъ. Среди различныхъ научныхъ изданій общество предприняло также изданіе на украинскомъ языкѣ сочиненій М. Драгоманова по украинскому фольклору, разбросанныхъ въ различныхъ русскихъ, украинскихъ и западно-европейскихъ изданіяхъ; до сихъ поръ издано три тома, ср. М. Драгоманов, „Розмітки про українську народну словесність і письменство“, т. I, Львів 1899, т. II, Львів 1906, т. III, Львів 1906. Дѣятельность общества расширяется съ каждымъ годомъ, и еще въ прошломъ году было создано при немъ статистическое отдѣленіе. Для Украины и Галицкой Руси „Наукове товариство імені Шевченка“ пріобрѣло то же значеніе, какое имѣютъ академіи у народовъ, пользующихся поддержкой своихъ правительствъ. Болѣе подробный свѣдѣнія о немъ см. у М. Грушевского „Львовское ученое общество имени Шевченка и его вклады въ изучение Южной Руси“ (Журналъ Министерства Нар. Просв., 1904 г., мартъ, стр. 117—148).

Прим. ред.

признано за русинами еще въ 1848 г., но, по неимѣнію учебниковъ, а потомъ, въ эпоху реакціи, вслѣдствіе германизаторскихъ намѣреній правительства, на дѣлѣ национальный языкъ употреблялся только въ низшихъ школахъ да отчасти въ университетѣ (львовскомъ) для каѳедры этого языка и литературы; въ гимназіяхъ же господствовалъ языкъ нѣмецкій. Съ провозглашеніемъ конституціи 1867 г. и съ предоставлениемъ Галиції (собственно польской ея партії) автономіи въ школьныхъ дѣлахъ, нѣмецкій языкъ сталъ замѣняться польскимъ. На всѣ жалобы русиновъ польскіе централизаторы отвѣчали: «На вашемъ языкѣ не по чѣмъ учить». Теперь же украинцамъ удалось отвоевать, по крайней мѣрѣ, одну полную гимназію въ Львовѣ, не считая классовъ въ другихъ гимназіяхъ. А это, вмѣстѣ съ существованіемъ четырехъ каѳедръ въ львовскомъ университетѣ и одной въ черновицкомъ (въ Буковинѣ), съ которыхъ преподаваніе идетъ тоже на «рускомъ» языкѣ (*Ruthenische Sprache*), какъ говорятъ въ Австріи, или на «малорусскомъ» языкѣ, какъ сказали бы въ Россіи, представляетъ уже сильную гарантію въ пользу сохраненія органической связи между людьми высшаго образования съ народными массами.

Теперь школьнное и литературное поле можно признать окончательно завоеваннымъ «молодою», «народною», или «украинскою» партією. Наилучшимъ доказательствомъ тому служитъ обстоятельство, что среди самой «старой» партіи являются люди, которые, все еще продолжая ворчать противъ «украиноманія», считаютъ для себя выгоднымъ издавать украинскихъ авторовъ. Таково, напр., изданіе черновицкаго профессора «русской» литературы — «Руска Библіотека» (т. I, «Писанія И. П. Котляревскаго, В. А. Гоголя, П. П. Артемовскаго-Гулака»; т. II, «Писанія Квитки»). Книги и периодическая изданія украинской партіи должны быть признаны все-таки наиболѣе живыми и интересными произведеніями галицкой литературы, въ которыхъ наиболѣе видно и новѣйшихъ научныхъ приемовъ: таковы лингвистические и историко-литературные труды львовскаго профессора литературы г. Эм. Огопновскаго: «Слово о Полку Игоревѣ», и по-нѣмецки *«Studien über die Ruthenische Sprache»* и др., статистическая работы г. Вл. Навроцкаго, статьи по физикѣ доцента вѣнскаго университета г. Пуллю, переводы южно-русскихъ біографій изъ

«Исторії Россії» г. Костомарова и др. Сюда же слѣдуєть причислить популярно-историческая брошюры живущаго въ Россіи беллетриста г. Н. Левицкаго (Нечуя), который, кромъ того, почти каждый годъ печатаетъ въ Галиції большую повѣсть изъ народной жизни, всегда почти представляющую интересные результаты наблюдений, хотя и не всегда достаточно обработанную. Къ украинской же партіи примкнулъ и самый талантливый поэтъ и беллетристъ галицкій изъ числа появившихся въ 60-е годы, Федъковичъ, буковинскій крестьянинъ, описавшій съ удивительною простотою жизнь своихъ землякоевъ. Но части періодической печати украинская партія издавала въ послѣдніе годы сборникъ «Правда», «Газету Школьну», «Письмо зъ Просвіти», «Батьківщину» и т. п. Изъ нихъ «Газета Школьна» вызвала противъ себя мѣры официального училищного совѣта (въ огромномъ большинствѣ состоящаго изъ поляковъ), который запретилъ сельскимъ учителямъ подписываться на нее, и должна была прекратиться, но замѣнилась учено-литературной газетой «Зоря». Въ прошломъ году редакція «Правды», обративъ это изданіе въ не-періодическое, взялась за изданіе газеты (три раза въ недѣлю) «Діло», для которой, чтобы не рѣзать глазъ грамматиковъ-консерваторовъ, принято старое правописаніе («Дѣло»). Газета эта,— болтливая и водянистая въ передовыхъ статяхъ,— все же болѣе отдаетъ современностью, чѣмъ «Слово», выходящее въ томъ же форматѣ; по языку «Дѣло» совсѣмъ украинское изданіе.

Въ послѣднее время на сторону украинцевъ стали склоняться и тѣ сферы, которыя въ свое время первыя выступили противъ нихъ, въ періодъ появленія ихъ въ видѣ «казакофильевъ». Мы разумѣемъ высшія клерикальныя сферы, которыхъ органомъ служила до недавнаго времени газета «Рускій Сіонъ», раздѣлившіяся потомъ на двѣ газеты. Такая перемѣна имѣеть нѣсколько причинъ: во-первыхъ, подрастаніе болѣе молодого поколѣнія духовенства, которое уже не такъ держится за старую церковнославянницу и признаетъ значеніе за народнымъ языккомъ, а во-вторыхъ, въ болѣе официальныхъ сферахъ, оппозиція противъ той части старой партіи, которая симпатизировала уничтоженію униї въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ въ Россіи. Эта новая благосклонность униатскихъ клерикаловъ къ партіи, которая дебютировала пѣкогда,

какъ «казакофильская», омрачается по временамъ курьезами, въ родѣ полемики о Шевченкѣ, по поводу напечатанія въ полномъ пражскомъ изданіи неизвѣстныхъ прежде стихотвореній его, въ родѣ поэмы «Марія», въ которыхъ «батько» и «пророкъ» украинофиловъ выходить за предѣлы не только «церкви восточнаго обряда», но даже и христіанства. Но миръ възстановляется, между прочимъ, благодаря уступкамъ народовцевъ, которые то оправдываютъ своего пророка тѣмъ, что онъ, будучи православнымъ, имѣлъ право не почитать папизмъ въ такихъ поэмахъ, какъ «Іванъ Гусъ»; то заявляютъ, что и они сами не все одобряютъ въ писаніяхъ украинскаго кобзаря, или полагаютъ раздѣлить это писаніе на писанія для профановъ и для посвященныхъ. Вообще, перемѣна уніатскими клерикалами гнѣва противъ народовцевъ на милость имѣть на народовцевъ очень деморализующее направленіе. Хорошая сторона этой перемѣны заключается только въ томъ, что она знаменуетъ, что въ Галиції уменьшаются формальныя раздѣленія между партіями, напр., изъ-за литературнаго языка, и приготавляется почва для созданія нормальныхъ партій, которые различаются между собою культурными и политическими идеалами, но одинаково признаютъ общую национальную основу, какъ это видимъ повсюду, гдѣ утрата национальной независимости не произвела такой путаницы въ понятіяхъ о своей национальности, какую мы видѣли при началѣ возрожденія среди русиновъ въ Галиціи.

Такіе успѣхи украинской партіи среди разныхъ общественныхъ элементовъ Галиції не могли не произвести впечатлѣнія на ея противниковъ, которые увидѣли, что они теряютъ подъ собою почву. Образовалась средняя партія, которая, все еще держась формулы единства русскаго племени отъ Тиссы до Амура, заявила, что единство это должно имѣться въ виду только для большихъ оказій, для высшихъ сферъ общества, а что въ обыденной жизни и въ литературѣ для низшихъ сферъ надо считаться съ разнообразіями, напр., съ народными языками, или, какъ говорятъ менѣе уступчивые, съ нарѣчіями и даже выговорами. Наиболѣе активнымъ представителемъ этой средней партіи является священникъ Наумовичъ, довольно талантливый и энергический человѣкъ, хотя, къ сожалѣнію, недостаточно образованный,— прежде депутатъ сейма и рейхсрата,— основатель популярныхъ журналовъ «Наука»,

«Руска Рада» и т. п. Онъ стоитъ за единство русско-литературнаго языка, хотя, впрочемъ, вовсе не за великорусскій литературный языкъ, въ которомъ онъ тоже недоволенъ простонародностью, но за какой-то высшій русскій языкъ, основанный на церковно-славянскомъ. Но рядомъ съ общерусской литературою, которую, очевидно, слѣдуетъ еще создать, согласно идеямъ галицкаго патріота, онъ признаетъ необходимую литературу для простого народа на его языкѣ, которымъ, надо сказать, г. Наумовичъ владѣть лучше многихъ украино-филовъ-народовцевъ.

Онъ первый не выдержалъ пассивности своей партіи и ея эмигрантскаго и морально-абсентеистического духа послѣ 1866 г. *). Видя, что извѣжданная помощь не приходитъ, онъ сталъ искать почвы подъ ногами и обратился къ агитаціи среди самого мѣстнаго народа, начавъ издавать популярныя брошюры, журналы, листки, въ которыхъ жаловался на существующую систему австрійско-польскаго управлѣнія, а также на объединеніе народа, противъ котораго онъ предлагалъ и средства. Жалобы эти и эти средства были весьма нехитраго, очень домашнаго характера: во всѣхъ бѣдахъ у г. Наумовича были виноваты чужіе, особенно «латинцы», поляки; средства для поправленія дѣлъ, имъ рекомендованныя, были: вѣрность габсбургамъ и пастырямъ церкви, а изъ экономическихъ мѣръ: трезвость и бережливость. Но на первый разъ агитація г. Науморича была нѣчто новое, и онъ явился въ Галичинѣ своего рода Шульце-изъ-Делича, проповѣдуя организацію народныхъ обществъ бережливости, читалень, общественныхъ кассъ, магазиновъ и т. п. 1873—1875 гг. были апогеемъ дѣятельности галицкаго Шульце-изъ-Делича. Въ это время ему улыбнулась надежда расширить дѣятельность приобрѣтеніемъ болѣе значительныхъ средствъ. Въ 1873 г. умеръ въ Кронштадтѣ заѣхавшій въ Россію галичанинъ, совѣтникъ Михаиль Качковскій, оставилъ послѣ себѣ завѣщаніе, по которому всѣ его капиталы, которые сначала опредѣляли въ 85 тысячъ гульденовъ, должны были быть обращены на литературно-патріотическія цѣли, указаніе которыхъ онъ предоставилъ, по завѣщанію, особому комитету изъ духовныхъ и литераторовъ старой партіи. Наумовичъ возымѣть мысль организо-

*) Тѣмъ не менѣе и онъ окончилъ свою жизнь эмигрантомъ, о чёмъ см. прим. выше на стр. 386.

Прим. ред.

вать особое литературно-патротическое «Общество имени Михаила Качковского» съ девизомъ: «молися, трезвися, учися, трудися», какое дѣйствительно и было открыто. Но сверхъ ожиданий Наумовича, деньги Качковского въ общество это не поступили: изъ-за нихъ возникли процессы, сумма денегъ какъ-то все уменьшалась въ гласныхъ о нихъ указанияхъ, а въ послѣднее время самые разговоры о нихъ затихли. Впрочемъ, на первыхъ порахъ много сельского духовенства и крестьянъ и даже студентовъ вписалось въ члены общества, которыхъ числилось нѣсколько тысячъ; на митингѣ общества собиралось отъ 500 до 1.000 человѣкъ, большую частью крестьянъ. Предприняты были народныя изданія; митинги стали сопровождаться сельскохозяйственными выставками. Но скоро проникла въ общество партионная рутина, а вмѣстѣ съ нею денежная неаккуратность, тѣмъ болѣе, что Наумовичъ, въ расчетѣ на получение капитала Качковского, допустилъ широкое участіе въ дѣлахъ общества нотаблей старой партии и ихъ протеже. Рядомъ съ этимъ жизнь обнаружила узость клерикально-кооперативной идеи Наумовича, и крестьяне стали замѣчать, что какъ ни трезвися ни трудися, все изъ бѣдности не выйдешь, что «старшіе ихъ братья», духовенство, ничему реально-полезному ихъ не выучиваютъ, а проповѣдуя народу: «молися», сами не забываютъ себя и конкурируютъ съ «чужинцами», — жидами и ляхами, — въ эксплуатации народа, не гнущаясь и ростовицествомъ, индивидуальнымъ и коллективнымъ, въ видѣ особыго банка сельского кредита, основанаго чинами духовнаго управления. Симпатіи къ Наумовичу и его обществу стали падать до того, что на недавнихъ выборахъ въ сеймъ онъ самъ былъ заболотированъ въ томъ именно округѣ, гдѣ живетъ.

Между тѣмъ въ молодежи произошло новое движение, которое имѣло рѣшительное вліяніе на положеніе всѣхъ старыхъ партій. Движеніе это имѣть тоже связи съ постановкой вопроса объ отношеніи галицкой литературы къ русской, «российской». Мы уже видѣли, что извѣстная партія въ Галиціи дѣлала много шума по поводу литературной унії Галиціи съ Великороссіею и что шумъ этотъ не приводилъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Мало того, нетерпимо-централістическая постановка вопроса приводила къ результатамъ отрицательнымъ. Просматривая галицкіе журналы 60-хъ го-

довъ, видиши, что собственно украинская партія гораздо больше дѣлала для ознакомленія мѣстной публики даже съ великорусской литературою. По крайней мѣрѣ, она передавала своей публикѣ голоса ученыхъ великоруссовъ (пр. Лавровскаго, Гильфердинга, пр. Пыпина, даже Погодина) въ пользу самостоятельности малорусского языка и законности малорусской литературы. Галицкіе же общеруссы совсѣмъ ничего не давали, кромѣ газетныхъ перепечатокъ изъ «Москвы», «Московскихъ Вѣдомостей», «Кievлянина» и т. п. Извѣстная часть молодежи, вообразивъ, что въ Россіи другой литературы и нѣтъ, отвернулась отъ всего «rossiйскаго» настолько, что намъ самимъ приходилось встрѣтить въ началѣ 70-хъ годовъ молодыхъ галицкихъ украинофиловъ, которые не хотѣли читать Гоголя и даже Костомарова, какъ писателей «московскихъ». Среди молодыхъ же галицкихъ «москофиловъ» таково было невѣдѣніе «московской» литературы, что когда органъ ихъ «Другъ», изданіе львовскаго студенческаго общества «Академіческій кружокъ», пожелалъ познакомить свою публику съ Тургеневымъ, о которомъ слухъ не могъ же не дойти и въ Галицію, то онъ не выбралъ у этого писателя ничего болѣе подходящаго, кромѣ разсказа «Собака», да и толькъ перевѣль съ нѣмецкаго языка, на какой? — этого уже не беремся опредѣлить!

Тогда нѣкоторые изъ россiйскихъ украинцевъ остановились на такой мысли: познакомить галицкую молодежь съ великорусской литературой, такой, какова она есть, доставляя галичанамъ какъ великорусскія книги и журналы, такъ и переводя для нихъ разсказы и поэтическія произведенія писателей-великоруссовъ: Щедрина, Тургенева, Некрасова, Достоевскаго и т. п., показать галичанамъ, однимъ, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, а другимъ, что русская литература, только настоящая, т.-е. та, которую въ Россіи всѣ читаютъ, а не болтовня славянофильскаго кружка, исходить изъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ основывается и здоровое украинофильство, т.-е. изъ принциповъ реализма и демократизма. Планъ сводился, какъ видите, къ тому, чтобы убить въ галицкихъ украинофилахъ племенную узость, а галицкихъ москофиловъ поразить на голову московскую же литературою. Планъ этотъ удался какъ нельзя болѣе, и постепенный успѣхъ его можно видѣть на страницахъ упомянутаго студенческаго

журнала «Другъ» съ 1874 по 1876 годъ. Послѣ ряда полемическихъ статей, въ которыхъ шель обмѣнъ мыслей между иѣкимъ «Украинцемъ»¹⁾ и москофильскими членами редакціи, «Другъ» помѣстилъ, наконецъ, одинъ разсказъ г. Успенскаго въ великорусскомъ подлинникѣ. Это былъ разсказъ изъ ряда, озаглавленнаго «Изъ Альбома», и рисовалъ онъ жизнь захолустнаго городка, среди котораго жилъ дьяконъ, какъ вѣдь дьяконы. Вдругъ въ захолустье является дочь богатаго купца, которая бросила богатство, чтобы стать народной учительницей. Она-то перевернула вверхъ дномъ жизнь дьякона, пробудивъ въ немъ человѣческие инстинкты, которые уже никогда не могли примириться съ «свинскимъ», какъ онъ говорилъ, элементомъ его натуры и жизни. Драма кончается тѣмъ, что дьяконъ, безсильный стать человѣкомъ, спивается, а жена его, которая сначала подозрѣвала учительницу въ амурахъ, сама вмѣстѣ съ нею отправляется въ медико-хирургическую академію, чтобы приготовиться служить народу. Мы нарочно напомнили содержаніе этого разсказа, который читатель въ Россіи могъ и забыть, такъ какъ ихъ не мало появилось въ такомъ родѣ въ 70-е годы. На галицкую публику онъ произвелъ странное впечатлѣніе. Во-первыхъ, по языку онъ показалъ наглядно, какъ морочили публику мѣстные общеруссы, выдавая самыми рѣшительными образомъ свою третьяковщину за «rossijskij literaturnyj jazykъ». Во-вторыхъ, по содержанію этотъ разсказъ долженъ быть сильно задѣтъ ту публику, которая на большую половину состоять изъ духовенства и его семействъ. Сельская часть публики не сразу разобрала, въ чёмъ дѣло, потому что языкъ разсказа затруднялъ ей, но скоро друзья и враги нововведенія растолковали ей сущность дѣла, и цѣлый рядъ подписчиковъ возвратилъ въ редакцію зловредный № журнала и отказался отъ абонемента. Зато журналъ пріобрѣлъ новыхъ изъ провинциальной молодежи. Въ редакціи произошла перемѣна: часть отказалась отъ редакціи, и общее собраніе «Академического Кружка» приняло отставку ихъ и выбрали большинство комитета изъ партіи радикальной, во главѣ которой стали два молодые беллетристы Павликъ и Франко, оба сыновья крестьянъ, принадлежавшіе прежде къ обществу М. Качковскаго. Въ ихъ рукахъ «Другъ»

1) Подъ этимъ псевдонимомъ писалъ самъ М. П. Драгомановъ.

рѣшительно оставилъ старую, москофильскую партію, кото-
рая, такимъ образомъ, окончательно осталась безъ молодежи.

Украинофилы ликовали, потому что эта, оставляющая ряды
ихъ противниковъ, молодежь становилась на почву «народов-
цевъ». Но оказалось, что эти раскольники и вмѣстѣ съ частью
молодежи украинофильской сходятся съ официальную украино-
фильской партіей только въ вопросахъ формально-литератур-
ныхъ и національныхъ, но радикально расходится съ полити-
кою компромиссовъ, которые прежніе казакофилы и поклон-
ники Шевченка успѣли заключить съ разными «совѣтниками»
и «крылошанами». Новая народная партія примыкала, дѣйстви-
тельно, къ народству, но въ его прежнемъ, болѣе чистомъ
видѣ, и притомъ безъ его національного романтизма, который
она хотѣла замѣнить новѣйшею европейскою наукой. При
томъ же и по вопросу національному новая народная партія
отнеслась скептически къ весьма распространенному вѣроава-
нию объ индивидуалистическомъ характерѣ украинского племени
(идея, между прочимъ, развитая и въ статьѣ г. Костомарова
«Дѣй русскія народности») и явно обнаружила намѣ-
реніе искать въ украинскомъ народѣ инстинкты и опыты
артельныхъ, общинныхъ (товариства, громада), такъ что нов-
ая народная партія скорѣе всего можетъ быть названа на-
родно-общинною.

Партія эта оказалась довольно плодовитою въ литератур-
номъ отношеніи. Сначала въ 1876 г. она издавала мѣсячную
газету «Другъ», потомъ журналъ «Громадський Другъ», а
послѣ для лучшей борьбы съ цензурою, сборники большаго
формата: «Дзвінъ» (Колоколь) и «Молотъ», дальше серію бро-
шюръ подъ названіемъ «Дрібна Бібліотека» (13 брошюръ), а
въ настоящемъ году издаётъ опять мѣсячную газету «Світъ».
Въ этихъ изданіяхъ появились повѣсти изъ народной жизни
Павлика *) и Франка **), изъ которыхъ выдаются особенно

*) М. Павликъ, по происхожденію крестьянинъ, родился въ 1853 году. Онъ самый стойкий и послѣдовательный публицистъ и политический Ѳытатель въ Галиції. Болѣе кого бы то ни было онъ способствовалъ распространенію соціально-политическихъ идей Драгоманова въ Галиції и на Українѣ. За свои политическіе убѣжденія ему не разъ приходилось подвергаться преслѣ-
дованіямъ — переносить политическіе процессы и тюремное заключеніе. Въ
течение четырехъ лѣтъ съ начала 1879 года по конецъ 1882 года онъ при-
нужденъ былъ вести жизнь политического эмигранта въ Женевѣ. Съ 1890 по

«Ребеншукова Тетяна» Павлика, исторія борьбы женской личности за свою свободу, и Франка «Борислав», рядъ очерковъ изъ жизни крестьянъ рабочихъ на коняхъ нефти и земляного

1895 годъ онъ издавалъ журналъ „Народ“ сначала вмѣстѣ съ Франкомъ, а затѣмъ одинъ. Журналъ этотъ способствовалъ созданию украинской радикальной партии въ Галиціи, однимъ изъ основателей которой былъ Павликъ. Съ 1897 года онъ состоитъ библиотекаремъ „Наукового товариства ім. Шевченка“, Въ послѣдніе годы онъ занятъ, главнымъ образомъ,—переводомъ и изданиемъ научныхъ сочинений Драгоманова на украинскомъ языке и обработкой изданія его переписки. Въ 1904 году былъ отпразднованъ юбилей его тридцатилѣтней дѣятельности. Описаніе этого празднованія вмѣстѣ съ рѣчами, адресами и привѣтствіями издано особой брошюрою. Ср. „Юбилей 30-літньої діяльності Михаїла Павлика, 1874—1904“. Львівъ, 1905.

Прим. ред.

**) Ив. Франко родился въ 1856 году въ крестьянской семье. Обладая крупными поэтическими талантами, онъ, благодаря неутомимому труду, сдѣлался самыемъ выдающимся современнымъ украинскимъ поэтомъ и поэтическимъ сатирамъ. Многія изъ его произведеній переведены на русскій языкъ и печатались въ различныхъ журналахъ, а также вышли отдельнымъ сборникомъ — „Вѣ потѣ чена“. До половины девяностыхъ годовъ ему пришлось много страдать отъ политическихъ преслѣдований и бороться съ материальными незгодами. Средства къ жизни ему приходилось добывать газетной работой въ польскихъ и нѣмецкихъ органахъ. Съ половины девяностыхъ годовъ онъ посвящаетъ себѣ исключительно литературной и научной работѣ. Въ 1892 году онъ снова записывается слушателемъ въ университетъ и пишетъ обширное историко-литературное изслѣдованіе объ Іоаннѣ Выспенському и докторскую диссертацию о среднєвѣковомъ романѣ „Варлаамъ и Йоссафъ“. Ее онъ защищаетъ въ Вѣнѣ у академика Ягича въ 1894 году. Научные труды Франка по археологіи, истории, исторіи литературы, художественной критикѣ, этнографіи и статистикѣ печатались и печатаются въ различныхъ изданіяхъ „Наукового товариства ім. Шевченка“. Въ 1898 году по поводу исполнившагося двадцатилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности М. Павликъ издалъ объемистый указатель его сочинений — „Списокъ творівъ Івана Франка за перше 25-ліття його літературної діяльності, 1874—1898“, Львівъ, 1898. Въ прошломъ 1906 году, къ пятидесятилетнему дню рождения Франка, украинскій поэтъ Б. Грінченко писалъ о немъ: „Уже теперь можно сказать, что Ив. Франко — одинъ изъ самыхъ выдающихся деятелей всего украинского народа, одинъ изъ лучшихъ его вожаковъ, что онъ — одинъ изъ наиболѣе выдающихся и оригинальныхъ индивидуальностей украинской литературы. Что касается въ частности Галиціи, то можно съ уѣверенностю сказать, что безъ Ивана Франка Галиція не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть съ точки зренія просвѣтительско-культурной, что вся та литературная и научная работа, которая тамъ производится была бы просто невозможной, если бы Франко не поработалъ раньше и не работалъ бы тепері. А какъ великъ быть бы отъ этого вреѧ для всей Украины, это пойметъ каждый, кто знакомъ съ исторіей нашего развитія въ XIX столѣтії“. Ср. „Нова Громада“. Литературно-науковий місячникъ, 1906, серпень.

Прим. ред.

воску въ Бориславѣ, а также «На дні», чрезвычайно интересный этюдъ мѣстныхъ острожныхъ типовъ, результатъ наблюдений автора, который просидѣлъ два раза въ «Мертвомъ домѣ» по политическимъ причинамъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать этюды о положеніи рабочихъ массъ въ Галиції, объ отношеніи ихъ къ духовнымъ и т. п. Черная, такимъ образомъ, мѣстный народный матеріаль гораздо глубже, чѣмъ это дѣлали прежнія партіи, народно-общинная партія обращается и прямо къ источникамъ передовой западно-европейской литературы, помѣщая переводы изъ Шефле, Ланге, Гекели, а также Эркмана-Шатріана, Байрона (Каинъ), Шелли, Гете (Фаустъ), Гейне и т. п., по большей части очень удачные (стихотворные переводы Франка). Рядомъ съ изданіями новой галицкой группы надо поставить и книги, написанныя въ томъ же направленіи, но для которыхъ матеріаль доставила не Галиція, или, по крайней мѣрѣ, не одна Галиція, а и украинскія области Россіи. Таковъ большой романъ Біліка и Мирнаго «Хиба ревуть воли, jak ясла повні?» въ которомъ въ исторіи двухъ крестьянскихъ семей представлена исторія украинскаго села на лѣвомъ берегу Днѣпра отъ временъ введенія крѣпостного права, въ концѣ XVIII в., до введенія земства включительно, а также двѣ книги: «Житъть ј здоровја льудеј на Українії» и «Фабрики ј ремесла на Українії» *). Выходъ изъ традиціонныхъ галицкихъ партій новая группа обнаружила и тѣмъ, что она обратилась не только къ русинамъ, но и къ полякамъ, принявъ участіе въ организаціи рабочей газеты «Ргаса» («Трудъ») и въ изданіи популярныхъ брошюръ для мѣстныхъ рабочихъпольского языка. Нѣкоторыя вещи Франка выходятъ одновременно по-украински и по-польски.

Надо, впрочемъ, сказать, что, какъ партія еще новая и состоящая изъ молодыхъ и не имѣющихъ никакого лично вліятельного положенія, народно-общинная партія въ Галиціи еще не оказывается замѣтнаго вліянія на практическій ходъ дѣлъ въ странѣ. Но литературное вліяніе ея довольно сильно, и теперь, такъ что это едва ли не самая сильная въ Галиціи литературная партія. Косвенное же вліяніе ея сказалось и

*.) Эти сочиненія были написаны украинскимъ эмигрантомъ С. Подолинскимъ, сыномъ русского поэта Пушкинской эпохи. Изданы они были не во Львовѣ, а въ Женевѣ редакціей „Громади“ такъ же, какъ и романъ „Хиба ревуть воли, jak яsla повні?“.

Прим. ред.

теперь хотя бы въ томъ, что она выбила всѣ старыя партіи изъ ихъ наѣзженной колеи и по вопросамъ національнымъ и культурнымъ, и по вопросамъ политическимъ и соціальнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи главная заслуга новой партіи заключается въ возбужденіи вниманія къ вопросамъ экономическимъ и къ изслѣдованию болѣе глубокихъ причинъ обѣденія народа и возрастающаго его обезземеливанья, чѣмъ то «пьянство и лѣничество», о которомъ столько времени трубыли политики обѣихъ старыхъ партій, москофильской и украинофильской. Движеніе, возбужденное новой партіей въ литературѣ, тѣмъ болѣе имѣть шансовъ на будущее развитіе, что ему соотвѣтствуетъ движеніе въ томъ же направленіи, совершающееся въ самихъ народныхъ массахъ.

Говоря объ упадкѣ количества русиновъ-депутатовъ въ галицкомъ сеймѣ и въ вѣнскомъ рейхсратѣ, мы уже упомянули объ упадкѣ среди крестьянъ авторитета духовенства. Разладъ народныхъ массъ съ духовенствомъ, которое такъ долго было не только религіознымъ учителемъ, но и политическимъ и національнымъ представителемъ народа, выражается и въ другихъ формахъ. Недавно цѣлое село подѣлъ Львова, послѣ долгихъ споровъ со своимъ священникомъ, изъявило желаніе перейти въ католицизмъ, а когда къ тому встрѣтилось препятствіе (такъ какъ и унія считается католицизмомъ), то все перешло въ протестантство. Въ другомъ селѣ нѣсколько грамотныхъ крестьянъ, предводимые однимъ, прежде бывшимъ горячимъ распространителемъ изданий общества М. Качковскаго, отказались платить налогъ на содержаніе священниковъ и даже силою отняли у волостного старшины конфискованное имъ за недонимку ихъ имущество. Въ бывшемъ по этому поводу процессѣ выяснилось, что цѣлая группа крестьянъ, люди пожилые (за 40 и за 50 лѣтъ), отцы семействъ, высказывали самыя скептическія религіозныя мнѣнія. И, какъ можно судить по наблюденіямъ крестьянки же Аины Павликъ, изложеннымъ съ необыкновенною наивностю въ одной ея статьѣ въ «Дзвонѣ», подобныя мнѣнія представляютъ вовсе не рѣдкость въ средѣ крестьянъ. Рядомъ съ этимъ нѣсколько процессовъ показали, что среди крестьянъ обращаются такія изданія народно-общинной партіи, которыхъ львовскіе прокуроры конфисковали, но которыхъ, впрочемъ, врядъ ли бы рѣшились конфисковать прокуроры вѣнскіе, если бы эти изда-

нія были написаны на нѣмецкомъ языке. Наконецъ наблюдатели сообщаютъ, что среди простонародья разныхъ национальностей и церковныхъ обрядовъ въ Галиції замѣчается желаніе сближенія, совершиенно противное узкимъ национальнымъ стремленіямъ какъ польскихъ, такъ и русинскихъ политиковъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, не могло не проявить вліянія и на самихъ политиковъ старыхъ русинскихъ нарбчай, которые должны были почувствовать необходимость измѣненія своего поведенія. Въ послѣдніе мѣсяцы мы замѣчаемъ сильное движение въ галицкихъ политическихъ партіяхъ, сильное стремленіе привлечь на свою сторону активное сочувство народныхъ массъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаемъ, какъ вовсе не прежняя вліятельныя лица и кружки руководятъ народными массами, но какъ, наоборотъ, они сами должны подчиняться вліянію этихъ послѣднихъ и шагъ за шагомъ удаляться отъ всѣхъ рутинныхъ способовъ дѣйствій и даже отъ рутинныхъ идей. Это совсѣмъ необычное положеніе дѣлъ обнаружилось впервые на митингѣ, отбывшемся въ Львовѣ на 30 ноября прошлаго года.

Митингъ этотъ былъ созванъ по поводу празднованія столѣтней годовщины вступленія на престолъ императора Іосифа II. Празднованіе этой годовщины въ Австріи было выдумано собственною нѣмецко-централістической партіей, чтобы имѣть лишній случай для агитации противъ теперешняго федерального парламентскаго большинства, въ которомъ клерикалы и феодалы имѣютъ значительную долю участія. Русины, кажется, одни только изъ славянъ присоединились къ празднеству, подъ предлогомъ, что Іосифъ II первый нанесъ ударъ полонизму въ Галиціи учрежденіемъ русскихъ каѳедръ въ университетѣ львовскомъ, а также регулированіемъ барщинъ и повинностей крестьянскихъ. Но вообще юзефинская демонстрація русиновъ показывала, что ихъ политики все продолжаютъ ити по старой дорогѣ экспериментовъ цесарско-парламентского характера. Только второстепенныя обстоятельства, а также дальниѣший ходъ дѣла показали, что съ митинга 30 ноября русины вступили совсѣмъ на новую дорогу.

Прежде всего оказалось, что на этомъ митингѣ политики старой партіи играютъ второстепенную роль и притомъ роль совершенно не въ томъ духѣ, въ какомъ они выступали еще

годъ передъ тѣмъ. Мы уже упомянули въ началѣ статьи, что иъ концѣ 1879 г. на собраніи общества «Русская Рада» было сдѣлано предложеніе о примиреніи партій среди русиновъ и о принятіи въ число членовъ «Рады» и нѣсколькихъ членовъ изъ партіи украинской. Предложеніе исходило изъ рядовъ представителей одного провинціального округа, который на дѣлѣ могъ убѣдиться въ томъ, что и проклинаемые украинофилы, по крайней мѣрѣ, не хуже «старыхъ» русиновъ работаютъ на национальномъ полѣ. Предложеніе было отвергнуто въ общей его формѣ по настоянію комитета «Рады», объявившаго, что въ немъ нѣть надобности, такъ какъ и безъ того всякому честному патріоту открыть доступъ въ общество. Но затѣмъ комитетъ не принялъ въ члены нѣсколькихъ предложенныхъ представителей украинской партіи, какъ нарочно наиболѣе активныхъ и по-своему заслуженныхъ: учителей гимназій, профессоровъ университета, писателей, чѣмъ и показать свою партіонность. Оправданія въ родѣ того, что отверженные — люди, испортившіе родной литературный языкъ и не достаточно «твѣрдые» по отношенію къ полонизму, — быть можетъ, и подѣйствовали бы на публику десять лѣтъ назадъ, но теперь всѣми знакомыми съ дѣломъ сочтены были весьма неловкими. Имъ повѣрили только газеты въ Россіи, преимущественно «Берегъ», «Кіевлянинъ» и «Московскія Вѣдомости».

Пораженіе, нанесенное комитетомъ «Русской Рады», заставило украинофиловъ обратиться непосредственно къ населенію и дало имъ мысль организовать митинги 29 и 30 ноября, въ приготовленіи которыхъ игралъ главную роль редакторъ «Правды» г. Барвинскій. Москвофилы не могли отказываться отъ участія, и совокупными усилиями были выработаны четыре резолюціи: 1) относительно «государственно-правового положенія русиновъ», о необходимости исполненія на дѣлѣ конституціи, признающей равноправіе всѣхъ национальностей въ имперіи; 2) по вопросамъ экономическимъ, о мѣрахъ противъ обѣденія массы крестьянскаго населенія; 3) о дѣлахъ школьнѣхъ, о равноправіи русиновъ и поляковъ въ школахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ и въ учителскихъ семинаріяхъ; 4) о внутренней дѣятельности русиновъ, т.-е. о солидарности всѣхъ ихъ партій. Докладчиками по главнѣйшимъ вопросамъ, — по экономическому и школьному, — выступили украино-

филы и притомъ изъ числа наиболѣе чернімыхъ прежде москвофильскими журналами. По вопросу о солидарности партій реферировалъ москвофиль, членъ «Русской Рады», которая годъ назадъ провалила этотъ вопросъ. Митингъ, на которомъ присутствовало болѣе двухъ тысячъ человѣкъ (2.300), большую частью крестьянъ, конечно, одобрилъ всѣ резолюціи и выбралъ комитетъ для изслѣдованія положенія школы: въ этомъ комитетѣ, при 12 членахъ, оказалось украинофиловъ — девять. Такимъ образомъ первый результатъ митинга 30 ноября состоялъ въ томъ, что масса населенія не только признала законность существованія украинской партіи, но и отдала ей преимущество, по крайней мѣрѣ, въ школьнѣхъ дѣлахъ, которыми эта партія наиболѣе до сихъ порь и занималась. Вотъ почему теперь нѣсколько забавно читать въ львовскомъ «Словѣ», а затѣмъ и въ «Кievлянинѣ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и т. п. похвалы твердости и единодушію митинга русиновъ, а также мудрости одобрѣнныхъ имъ мѣръ къ огражденію национальныхъ интересовъ и одобреніе изданной школьнной комиссіей прокламаціи, подписанной тѣми самыми лицами, которая еще недавно честились, какъ измѣнники, запродавшіеся полякамъ и т. п.

Второй результатъ митинга — это всенародная постановка экономического вопроса тѣми самыми лицами, которые, какъ докладчикъ по вопросу, г. Барвинскій и какъ одинъ изъ ораторовъ, г. Наумовичъ, не видѣли никакой причины бѣдности «русскаго хлопа», кромѣ «пьянства и лѣнивства». Правда, референтъ, нарисовалъ картину обѣдненія «хлона», предложилъ для поправленія мѣры, при теперешнемъ управлѣніи въ Австріи совершенно фантастическая, въ родѣ уменьшенія и болѣе равномѣрнаго взиманія и рациональнаго употребленія податей, пособія отъ сейма и государства заемнымъ кассамъ и кооперациямъ и т. п. Но важно и то, что политики обѣихъ партій вышли изъ заколдованныго круга прежней фразеологіи, при чемъ двое изъ ораторовъ подошли и къ общимъ причинамъ бѣдности. Впрочемъ, когда одинъ изъ нихъ, г. Наумовичъ, коснулся конкуренціи съ бѣднымъ «хлопомъ» крупнаго производства и машинъ и полицейской комиссару, — персона, очевидно, не крѣпкая въ сознаніи предѣловъ своихъ правъ, — замѣтилъ, что онъ «не можетъ позволить говорить о машинахъ, такъ какъ это значитъ поднимать

социальный вопросъ», то г. Наумовичъ сконфузился, замѣтилъ, что онъ не поднимаетъ «соціального вопроса», и умолкъ. Тѣмъ не менѣе большинство польскихъ газетъ признало движение, охватившее теперь русиновъ, глубоко соціальнымъ.

На первыхъ порахъ довольные исходомъ митинга, политики русиновъ сочли возможнымъ направить его на старыя колеи парламентской рутины съ тѣмъ только, конечно, чтобы подновить составъ кандидатовъ въ депутаты сейма и рейхсратовъ новыми лицами изъ украинофильской партии, которая должна заключить союзъ съ болѣе умѣренными изъ старой партии. Особенно укрѣпились галицкіе политики въ этомъ планѣ, когда, вскорѣ послѣ митинга, сеймовые выборы въ одномъ изъ провинциальныхъ округовъ дали перевѣсъ депутату-русину. Но вслѣдъ затѣмъ коалиція потерпѣла пораженіе на выборахъ сеймовыхъ и рейхсраторовыхъ въ двухъ другихъ округахъ. Особенно второе пораженіе, въ львовскомъ округѣ, оказалось поучительно. Кандидатомъ былъ выставленъ давній дѣятель, видное духовное лицо, о. Шведицкій, котораго коалиція партій поставила президентомъ на митингѣ 30 ноября. И что жь? Многіе крестьянскіе гласные подали голоса противъ него и потомъ говорили членамъ «Русской Рады», поддерживающей кандидата: «если бы вы поставили намъ кандидатомъ портного, сапожника, кого хотите — мы бы подали за него голоса, а за попа не подадимъ!» Корреспондентъ «Батьківщины», передавая такія слова, прибавляетъ: «я слыхалъ отъ самихъ избирателей-священниковъ, что народъ подъ Львовомъ не имѣть довѣрія къ своимъ пастырямъ». Вслѣдъ за тѣмъ «Батьківщина» получила корреспонденцію отъ одного избирателя-крестьянина, въ которой, между прочимъ, читаемъ слѣдующія слова (даемъ ихъ, конечно, въ переводѣ): «совершенно справедливо, что настѣ, русиновъ, чужие перемогаютъ, но кто тому виноватъ, если не сами русины, а особенно ихъ интеллигенція. Эта интеллигенція, а особенно духовенство, не допускаютъ сами, при выборахъ, чтобы русинъ быть выбранъ депутатомъ, потому что ставить такого кандидата, за котораго мы голосовать не хотимъ, или котораго мы не знаемъ. Вы говорите, что мы не имѣемъ такого крестьянина, который бы понималъ политическія дѣла и могъ бы занимать такое важное мѣсто, какъ мѣсто депутата въ государственной думѣ. О, не беспокойтесь,

господа, мы имъемъ уже такихъ крестьянъ, которые могутъ представлять насть въ разныхъ нашихъ дѣлахъ земскихъ лучше, чѣмъ представляли насть господа Шведицкіе и другіе. Въ Щарецкомъ округѣ такіе русины, за которыхъ бы подали голоса и польскіе избиратели (крестьяне), слѣдующіе: хозяинъ и старшина громады Ястробкова, родившій русинъ, отставной фейрверкеръ артиллеріи, который знаетъ языки — украинскій, польскій и польскій и можетъ писать на этихъ трехъ языкахъ, понимаетъ также и политическая дѣла и то, отъ какихъ бѣль надо оборонять нашъ край и какія дѣла поднимать въ думѣ; такъ, дальше, Иванъ Микитка, Федоръ Царь, старшина громады въ Подбережкѣ и др. Ручаемся вамъ за то, что пока вы не будете ставить въ кандидаты крестьянина, до тѣхъ поръ не будетъ у насъ выбранъ русинъ».

Такое заявленіе оказалось внушительнымъ. Теперь, когда мы пишемъ эти строки, на новую вакансію въ львовскомъ округѣ поставленъ, послѣ предварительныхъ переговоровъ избирателей мелкой поземельной собственности, одинъ изъ названныхъ сейчасъ крестьянъ, Федоръ Царь. Въ избирательномъ манифестѣ, изданномъ по этому поводу и перепечатанномъ газетами всѣхъ партій русиновъ, бросается въ глаза отступленіе отъ исключительного націонализма: кандидатъ русинъ и крестьянинъ ставится, какъ кандидатъ мелкой поземельной собственности для лицъ всѣхъ національностей — русиновъ (которые составляютъ въ округѣ большинство), какъ и поляковъ (которыхъ въ данной мѣстности значительное меньшинство, даже если счесть всѣхъ католиковъ за поляковъ, что, впрочемъ, будетъ не совсѣмъ вѣрно, хотя такъ до сихъ поръ считаются не только политики-поляки, но и политики-клерикалы изъ русиновъ).

Мы не беремся предсказывать побѣды кандидата крестьянина-русина, а еще менѣе ждемъ практическихъ послѣдствій отъ его присутствія въ вѣнскомъ парламентѣ, гдѣ, впрочемъ, въ 1848 году рѣчи крестьянъ-русиновъ изъ Галиціи и Буковины по вопросу обѣ упраздненій барщинъ были однѣ изъ лучшихъ рѣчей. При теперешнихъ условіяхъ парламентской жизни въ Австріи присутствіе кандидата-крестьянина въ державной думѣ можетъ имѣть значеніе только демонстраціи, какъ процессъ выборовъ такого кандидата можетъ имѣть зна-

ченіе только повода къ самоорганизації крестьянскаго населенія. Надо сказать, что эта самоорганизація ведется въ послѣднее время весьма дѣятельно среди русиновъ по селамъ и городамъ: группируется она больше всего около читаленъ, которыхъ число быстро растетъ, равно какъ и число періодическихъ изданій (теперь ихъ 17). Вмѣстѣ съ тѣмъ организуются и политическія общества, не считая філій «Русской Рады», а также філій литературно-просвѣтительныхъ обществъ «Просвѣты» и «М. Качковскаго». И до сихъ поръ всѣ эти организаціи носятъ клерикальную окраску, а также страдаютъ односторонностью національной, какъ и газета «Батьківщина», издаваемая украинофилами, которая служить представителемъ настоящаго движенія среди русиновъ. Но и на этой газетѣ можно видѣть, какъ постепенно экономические вопросы берутъ верхъ надъ остальными въ умахъ галицкаго населения и увлекаютъ даже людей, все еще не рѣшающихся разорвать съ старою рутиной. Мы видѣли, что «Батьківщина» отважилась дать мѣсто голосамъ, направленнымъ противъ духовныхъ кандидатуръ¹⁾. «Батьківщина» проговорилась уже въ прошломъ году, что въ случаѣ нужды политики-русины обратятся къ агитаціи среди крестьянъ, не только русиновъ въ Восточной Галиціи, но и мазуровъ (поляковъ) Западной Галиціи, и избирательный манифестъ Федора Царя даетъ по-воду ожидать, что это общаніе не останется пустою угрозою. Рано или поздно, украинская демократія въ Галиціи должна будетъ выступить на эту дорогу.

Мы видѣли, что литература народно-общинной украинской партіи уже и стала на этотъ путь въ изданіяхъ для львовскаго рабочаго населения. Это населеніе, состоящее изъ поля-

¹⁾ Вотъ уже какую рѣчъ произнесъ недавно одинъ священникъ крестьянамъ при открытии одной читални, послѣ того какъ «Батьківщина» констатировала фактъ недовѣрія крестьянъ къ священникамъ: „Вы кормите цѣлый свѣтъ, а сами голодны; отъ кроваваго поту вашихъ рукъ одѣваются пани и поны, а сами вы голы и босы; вы воздвигаете церкви и школы, а сами темны! Почему это такъ? Подумайте объ этомъ“. И отыскивалъ причину, ораторъ показывъ въ концѣ, что причина тому—недостатокъ науки и темнота, которую должны прогнать читални. Большую правду сказалъ ораторъ также признаніемъ, что народъ не виновенъ въ своей темнотѣ, а виноватъ тѣ, кто, будучи его „отцами“, худо направляли его, кто были его „учителями“, а ничему не научили его,—и потому-то такъ велика оказалась пропасть между скортукомъ (въ Галиціи и священники носятъ скортуки, подлиннѣ) и кожухомъ (тулупомъ), что народъ никому не вѣрить и не можетъ ясно понять трудовъ привержен-ныхъ къ нему людей“ (Батьківщина. 1881, № 10).

ковъ, русиновъ и евреевъ, все понимаетъ по-польски и для него польскій языкъ, дѣйствительно, служить общимъ. На этомъ языкѣ ведутся пренія на митингахъ рабочихъ, которые собираются время отъ времени въ числѣ 500—600 человѣкъ въ Львовѣ и обсуждаютъ важные для рабочихъ экономические вопросы. До сихъ поръ эти митинги городскихъ рабочихъ стояли совершенно отдѣльно отъ русино-крестьянскихъ митинговъ и даже считались исключительно польскими. Но теперь «Батьківщина» уже сообщаетъ своимъ сельскимъ читателямъ-русинамъ о томъ, что говорится на митингахъ городскихъ рабочихъ.

Избирательный манифестъ Федора Царя, подписанный «Русской Радою», обращается уже и къ избирателямъ-полякамъ. Можно предвидѣть, что оба движенія,—городское, больше польское, по крайней мѣрѣ, по языку, и сельское, больше украинское, особенно при ослабленіи клерикального вліянія, сольются въ одно, сначала въ Восточной,—преимущественно украинской,—а потомъ и въ Западной,—преимущественно польской,—Галиціи. Если еще два-три года дѣла въ Галиціи пойдутъ такъ, какъ они шли въ послѣднее время, то можно предвидѣть, что на развалинахъ старыхъ политическихъ обществъ, въ родѣ «Русской Рады», образуются общества въродѣ ирландской «Земельной Лиги» или англійской «Лиги Земли и Труда», въ которыхъ примутъ участіе люди всѣхъ національностей въ Галиції. Эти общества, конечно, окажутся болѣе опасны для теперешнаго господства польской шляхты и еврейской буржуазіи, чѣмъ всѣ старыя «Русскія Рады» съ однимъ съ двумя, или съ мягкимъ знакомъ.

Таковы судьбы общественно-литературныхъ партій въ Восточной Галиціи и таково возможное ихъ будущее. Тѣ движения, какія мы тутъ пытались очертить, по необходимости, слишкомъ бѣгло и блѣдно, существуютъ и въ другихъ западно-славянскихъ земляхъ, окружающихъ Россію. Повсюду характеръ и положеніе литературно-общественныхъ партій въ этихъ странахъ существенно измѣнился въ послѣдніе годы. Не измѣнилось только отношеніе къ этимъ партіямъ русской печати. Эта печать, въ массѣ своей, игнорируетъ всѣ дѣла своихъ близайшихъ соѣдей-соплеменниковъ, а въ нѣкоторыхъ кружкахъ, которые время отъ времени

удостоиваютъ ихъ своего вниманія, относятся къ нимъ тоже безъ изученія, съ давно заученными фразами и мѣряютъ ихъ своими, придуманными въ темныхъ углахъ русской жизни, освѣщаемой весьма узкими оконечками, домашними аршинами, весьма небольшими, несмотря на обширность territoriї Россіи. Таково, напр., отношеніе, болѣе или менѣе извѣстное, къ новымъ явленіямъ западно-славянской жизни московскихъ славянофиловъ и обрустителей. Но таково же отношеніе и иныхъ изъ россійскихъ радикаловъ, въ родѣ, напр., преисполненнаго, впрочемъ, благородныхъ намѣреній, г. Л. Алексѣева, который недавно объявилъ отъ имени «народниковъ» («мы, народники,» говорить авторъ) украинофильство движениемъ реакціоннымъ. («Русское Богатство», 1881, № II,—«Что такое украинофильство?»). «Народникъ» петербургскаго обозрѣнія,—тоже исполненнаго вполнѣ благородныхъ намѣреній,—усматриваетъ, что украинофильство не признаетъ формулы: «семья выше индивидуума, общество выше семьи, нація выше общества, а человѣчество выше націи», и потому объявляетъ украинофильство движениемъ реакціоннымъ. Но если бы обвинитель знать хоть бы, напр., писаніе молодой украинской партіи въ Галиціи, то онъ бы увидѣлъ, что она давно уже основала всю свою дѣятельность именно на этой формулѣ. А, кромѣ того, г. Л. Алексѣевъ не замѣчаетъ, что самъ онъ въ концѣ-концовъ передергиваетъ послѣднюю карту въ своей формулѣ, подставляя украинцамъ, вместо человѣчества, государство, да еще тоже національное, какъ большая часть теперешнихъ государствъ. Передержка эта совершается, конечно, вполнѣ добросовѣстно и безсознательно, потому что рѣдко кому изъ русскихъ литераторовъ удается избѣгнуть взгляда на весь міръ или съ высоты невысокаго Ивана Великаго, или съ прямолинейнаго Васильевскаго острова, или если и изъ другого мѣста, то все-таки или сквозь туманъ московскаго ладана, или при свѣтѣ петербургскаго «окна въ Европу».

Бѣглый взглядъ на карту сѣверо-восточной Россіи и бѣглое же воспоминаніе культурной исторіи Московскаго государства убѣжддаютъ въ необходимости этого окна для огромной полосы Россіи. Но болѣе внимательное обозрѣніе карты всей Восточной Европы, а также болѣе тщательное изученіе исторіи культуры всѣхъ ея областей, показываютъ, что это

окно имѣло своихъ предшественниковъ въ Вильнѣ, гдѣ была основана первая русская типографія; въ Львовѣ, гдѣ была учреждена первая правильная русская школа, и притомъ общественная, а не правительственная; въ Кіевѣ, гдѣ существовала первая русская высшая школа тогда еще, когда на мѣстѣ Петербурга существовало только мшистое болото. Всѣ эти окна помрачились только вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ въ XVII—XVIII вв., а потомъ вслѣдствіе безмѣрного развитія централизаціи. Но все-таки, напр., Львовъ не попалъ въ сферу ни московской ни петербургской централизаціи. А къ тому же и та и другая теперь, съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, теряютъ съ каждымъ годомъ свой смыслъ и потеряютъ его окончательно, вмѣстѣ съ болѣшею свободою передвиженія и, вообще, свободой личности.

Мы видѣли, что московскій ладанъ оказался вовсе не къ добру въ исторіи галицкаго возрожденія; петербургское же окно въ Европу оказалось безмѣрныя услуги даже въ Львовѣ, поскольку оно оказалось, дѣйствительно, проводникомъ общечеловѣческаго свѣта. Но украинская пословица говоритъ: «не только свѣта, что въ окнѣ, за окномъ больше». Мы видѣли, что въ Галиції не только литераторы и университетская молодежь, но даже крестьяне уже вступили въ прямое соприкосновеніе съ европейскимъ свѣтомъ и, конечно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше будуть идти по прямой дорогѣ къ нему.

Повторяемъ, что то, что мы показали въ Галиції, существуетъ и во всѣхъ славянскихъ земляхъ, окружающихъ Россію, а такъ какъ, по силѣ вещей, дѣла соѣдніихъ и родственныхъ населеній не могутъ не оказывать влиянія другъ на друга, то нерасчетливо поступать и тѣ изъ представителей русскаго общества, которые будутъ по-старому относиться къ западно-славянскимъ обществамъ съ московско-опекунской точки зрѣнія, и тѣ, кто будетъ игнорировать эти общества, и тѣ, кто будетъ смотрѣть на нихъ съ высокомѣріемъ, какъ будто бы на отставшія отъ россійскаго прогресса. Въ послѣднее время события въ западно-славянскихъ обществахъ два раза сильно затрогивали Россію, и оба раза русская литература была захвачена врасплохъ событиями: разъ — во время польскаго движенія 1860—1863 гг., въ другой — во время сербо-болгарскаго 1875—1878 гг. Слѣдуетъ осторегаться, чтобы то же не случилось и въ третій разъ.

Новыя движенія среди русскихъ галичанъ*).

Въ послѣднее время на политическомъ горизонте Галицкой Руси, соѣдней намъ и близко родственной страны, можно усмотрѣть совершенно новое явленіе, котораго размѣры пока не особенно велики, но которое предназначено, несомнѣнно, къ дальнѣйшему росту и не останется безъ вліянія на положеніе тамошняго населенія; вѣроятно, оно будетъ имѣть отголосокъ и въ соѣднѣхъ съ Галицкою Русью странахъ. Говоря такъ, мы разумѣемъ образованіе въ Галиції группы, которая усвоила себѣ название «русско-украинской радикальной партии».

Всѣмъ, конечно, болѣе или менѣе извѣстно, что среди русиновъ Галиціи существовало издавна, еще съ 60-хъ годовъ, двѣ партіи. Иногда ихъ зовутъ: «старая» и «молодая»; иногда: «русская» и «украинская», или «общерусская» и «малорусская», «московофиль» и «украинофиль». Представители послѣдней партіи называли еще себѣ въ началѣ своего появленія охотнѣе всего «народовцами» — терминъ, въ извѣстномъ смыслѣ отвѣчающій нашему термину: «народники».

Какъ почти всегда бываетъ, эти названія партій не совсѣмъ точно и ясно выражаютъ сущность дѣла и могутъ быть

* Статья эта была первоначально напечатана въ журнале „Вѣстник Европы“, 1892 г., ноябрь, и подписана инициалами Р. И. Для характеристики тѣхъ цензурныхъ условій, въ которыхъ приходилось тогда работать политическимъ эмигрантамъ въ русской легальной журналистикѣ, можетъ служить то обстоятельство, что Драгоманову пришлось скрыть свое авторство этой и слѣдующей за ней статьи подъ инициалами извѣстного галицкаго общественнаго дѣятеля Романа Яросевича. Такъ же точно одна статья Драгоманова въ „Сѣверномъ Вѣстнике“ за 1886 г. была подписана инициалами Г. Н. — Г. Г. Цвѣтковскаго; автора же цѣлаго ряда его статей по украинской этнографіи и народной литературѣ въ журнале „Кievская Старина“, подписанныхъ вымышленными именемъ М. Кузьмичевскаго, корреспонденты редакціи журнала, устраивавшіе эти статьи, постоянно называли галичаниномъ.

понятны только знающему историю возникновения партий и ихъ кличекъ. Названия партий галицко-русскихъ всего болѣе связаны съ исторіей литературы въ Галицкой Руси или даже собственно съ исторіей литературнаго языка. Будучи въ историческомъ и этнографическомъ смыслѣ частью Киевской Руси, получившей къ XVII в. имя Малой Руси или Украины малороссийской, Галицкая Русь, завоеванная въ XIV в. Польшею, въ то время, когда остальная части кievской Руси достались подъ власть литовско-бѣлорусской династіи Гедимина, воссоединились съ родственными ей областями послѣ соединенія Литвы съ Польшей въ 1569 г. Это воссоединеніе совпало съ проникновеніемъ въ Западную Русь европейскаго возрожденія науки и реформаціи и съ началомъ сравнительно болѣшаго оживленія литературной дѣятельности, поддержанной аристократіей, а также мѣщанствомъ, организованнымъ въ муниципіи и корпораціи — ремесленныя (цехи) и культурно-церковныя (братьства). Подъ вліяніемъ новыхъ идей и потребностей литературный языкъ въ Западной Руси этого времени, до тѣхъ поръ болѣе или менѣе чистый церковно-славянскій или старо-болгарскій, сталъ приближаться къ народнымъ — бѣлорусскому и малорусскому.

Съ такимъ смѣшаннымъ или макароническимъ литературнымъ языкомъ восточная половина Киевской Руси, охваченная казацкимъ движениемъ, присоединилась въ половинѣ XVII в. къ государству московскому, великокорусскому, въ которомъ начиналось свое литературное движение, вносявшее тоже мѣстный народный языкъ въ литературное нарѣчіе. Подъ вліяніемъ государственной централизаціи въ казацкой Украинѣ, ставшей теперь Малороссіей par excellence, языкъ высшей литературы сталъ все больше приближаться къ великокорусскому, но въ то же время здѣсь въ извѣстныхъ болѣе суженныхъ сферахъ литературныхъ, беллетристикѣ и поэзіи, въ популярныхъ книгахъ, сталъ еще со временемъ Феофана Прокоповича и его литературныхъ теорій употребляться все болѣе чистый народный украинскій языкъ, пока, наконецъ, въ половинѣ XIX столѣтія возникъ цѣлый вопросъ о необходимости и размѣрахъ особой украинской или малорусской литературы.

Оставшись, послѣ отдѣленія казацкой Малороссіи, подъ властью Польши и потомъ, послѣ раздѣла Польши, попавши подъ власть Австріи, Русь галицкая осталась удаленною отъ

новой литературной жизни, развивавшейся въ Россіи. Поэтому она продолжала традицію XVI—XVII столѣтій съ ея преимущественно клерикальными интересами и макароническимъ языкомъ, который по старой памяти назывался то славяно-rossiйскимъ, славяно-руssкимъ, то просто русскимъ языкомъ, при чёмъ интересы и литературная производительность еще болѣе оскудѣли сравнительно съ XVI—XVII вв., да и въ литературномъ языке вліяніепольское чувствовалось все сильнѣе. Въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія и въ Галиції сказалось вліяніе славянского возрожденія, а въ то же время еще стали доходить отголоски литературной жизни и въ Россіи. Приѣмѣры западныхъ славянъ и нѣсколькихъ украинскихъ изданій, — какъ книги Максимовича, сочиненія Котляревскаго и др., — возбудили въ нѣсколькихъ молодыхъ галицко-руssкихъ литераторахъ (какъ Шашкевичъ, Головацкій и др.) желаніе писать чистымъ народнымъ языкомъ, близкимъ къ украинскому.

Съ этого момента можно собственно начать исторію народной или украинской партіи въ Галиції; «народовцы» и начинаютъ свою родословную отсюда, со временемъ составленія въ концѣ 30-хъ годовъ «Днѣстровой Русалки», сборника, изданного Шашкевичемъ. Но въ это время уже обрисовалась и оппозиція, которую встрѣчаютъ народовцы въ старой партіи. Извѣстной части старшихъ галицко-руssкихъ патріотовъ и литераторовъ, лицъ съ авторитетнымъ положеніемъ въ мѣстной церковной іерархіи, державшихся старыхъ литературныхъ преданій, «Днѣстровая Русалка» показалась новаторствомъ и притомъ демократического характера. Львовскіе цензоры, стоявшіе изъ галицко-руssкой митрополіи, не пропустили не-виинѣйшей, по своему содержанію, «Русалки», которую послѣ того пришлось отсылать для напечатанія въ Пешть, а выходъ «Русалки» тамъ повелъ за собою непріятныя послѣдствія для издателей.

1848—1849 гг. съ ихъ политическими волненіями отразились и среди галицкихъ русиновъ. Важнѣйший вопросъ для послѣднихъ былъ демократический — отмѣна барщины. Этотъ демократизмъ повліялъ и на постановку литературного вопроса, на который всѣ почти литераторы галицко-руssкие стали отвѣтывать въ духѣ Шашкевича. Сотрудникъ послѣдняго, Яковъ Головацкій, занялъ новообразованную каѳедру «руssкаго»

(малорусского) языка въ львовскомъ университѣтѣ и стала читать лекціи въ духѣ «Днѣстровой Русланки». Но скоро обнаружилось, что далеко не всѣ галицко-русскіе дѣятели способны послѣдовательно ити въ демократическомъ направленіи даже въ литературныхъ вопросахъ. Школа, которую они прошли въ семинаріяхъ, взглѣды, которые они усвоивали отъ окружающаго ихъ польского аристократическаго общества, — все вело ихъ не къ народу, а подальше отъ него. Къ тому же, послѣ усмиренія революціонныхъ движений 1848—1849 гг., въ Австріи поднялась общая реакція, неблагопріятная какому бы то ни было демократическому движению. По всѣмъ этимъ причинамъ въ галицко-русской литературѣ воспрѣобладала старая семинарщина съ ея языкомъ, который все назывался русскимъ или русинскимъ, по-іѣменски, *ruthenische Sprache*. Но тутъ обстоятельства ввели въ дѣло новые факторы — виѣннія вѣянія, шедшія изъ Россіи.

Первыми изъ нихъ была пропаганда панславизма, перешедшаго изъ австрійско-славянскихъ земель, гдѣ онъ имѣлъ болѣе или менѣе федеративное направленіе, въ Россію, особенно въ Москву, гдѣ онъ принялъ направление централистическое. Нѣкоторые галицкіе литераторы, особенно Зубрицкій, который передъ тѣмъ писалъ по-польски и презрительно относился къ «черни, для которой онъ считалъ достаточнымъ молитвенника и псалтыря», вошли въ сношенія съ Погодинымъ и стали высказываться въ пользу усвоенія и въ Галиції великорусскаго языка. Это новое направленіе, послужившее началомъ позднѣйшаго московофильства, мало, впрочемъ, отдѣлилось отъ старого русинства, плода поэтическія произведенія въ духѣ русской литературы докарамзинской эпохи, такъ какъ новѣйшая русская литература была ему совершенно чужда и не могла быть симпатична по своему реальному и демократическому характеру. Вслѣдствіе этого и языкъ литераторовъ-московофиловъ мало отличался отъ церковно-малорусскаго макаронизма рутеновъ, и между рутенами и московофилами не только не было антагонизма, но оба отклика выступили солидарно, когда демократическое направленіе опять подняло голову, какъ вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, такъ и вслѣдствіе новаго вѣянія, пришедшаго тоже изъ Россіи.

Это новое вѣяніе, систематично ставшее проникать въ Галицию съ 60-хъ годовъ, было такъ называемое укрainofиль-

ство, или, какъ его называли польскіе помѣщики на правомъ берегу Днѣпра, хлопоманія (мужикоманія), прямое продолженіе кіевскаго демократически-федерального панславизма, который пробовалъ въ 40-хъ годахъ сформулировать кружокъ Костомарова и Шевченка. Въ литературномъ отношеніи произведеній украинскихъ беллетристовъ и поэтовъ, про никшія въ 60-хъ годахъ въ Галицію, были тамъ первыми образцами той новой, европейско-русской литературной школы, которая образовалась въ Россіи послѣ Пушкина и Гоголя, и представляли рѣшительный контрастъ съ галицкой третьяковщиной, по содержанію и языку. Послѣдній, конечно, бросался въ глаза еще больше, чѣмъ содержаніе, и появленіе въ Галиціи произведеній украинскихъ писателей поставило тамъ рѣзко вопросъ о литературномъ языкѣ: должно ли взять за основу его рѣшительно языкъ народный, почти тождественный съ украинскимъ въ Россіи, или же держаться старыхъ макароническихъ преданій съ болѣшимъ или меньшимъ наклономъ или къ церковно-славянскому языку, или къ великорусскому? Вотъ въ это время и образовались окончательно среди русскихъ галичанъ партіи, которыхъ номенклатуру мы перечислили въ началѣ статьи. Собственно говоря, партій этихъ явилось три, а не двѣ, и если бы нужно было точнѣе характеризовать ихъ, то ихъ бы слѣдовало назвать: украинская, австро-рутенская и московская, но въ борьбѣ съ первой двѣ послѣднія держались и держатся солидарно.

Какъ видно изъ названій и исторіи возникновенія партій этихъ, онѣ не являются собственно политическими партіями, а прежде всего литературными и потому национальными. Собственно политические вопросы, государственные и соціальные, занимали галичанъ мало и почти для нихъ не существовали. Въ 1848—1849 гг., когда созванъ былъ первый австрійскій парламентъ, и послѣ 1861 г., когда окончательно установилось въ Австріи представительство провинціальное и общегосударственное, и среди русиновъ появились специалисты-политики, но вся политика ихъ состояла въ борьбѣ съ поляками за национальную отдѣльность русиновъ и въ покорности всякому министерству, которое слагалось въ Вѣнѣ. По вопросамъ культурнымъ русинские политики, выходившіе изъ круговъ духовенства и немногочисленнаго чиновничества, всѣ принадлежавшіе къ фракціямъ старой партіи, преимуще-

ственno къ рутенской, держались клерикально-консервативного направления. Молодые, или украинцы, обнаруживали нѣкоторое сочувствіе къ либеральнымъ идеямъ и къ демократизму въ политикѣ. Но это сочувствіе ограничивалось одними словами и не вело за собою никакихъ систематическихъ шаговъ къ тому, чтобы выработать цѣли и пріемы иной политики, кромѣ той, которой слѣдовали старые, прозванные, въ 1849 г., «восточными тирольцами» за свой консерватизмъ. Мало того, всякий разъ, когда у молодыхъ являлась надежда обратить на себя вниманіе высшихъ сферъ, они старались заявить, что не только не уступать въ консерватизмѣ старымъ, но даже превзойдуть ихъ въ габсбурго-австрійскомъ легитимизѣ. А случаи такие стали представляться особенно съ тѣхъ поръ, какъ, подъ вліяніемъ событий въ русскихъ областяхъ Польши, привлечены туда на службу галичанъ и помощи, оказанной ими подавленію униі въ Царствѣ Польскомъ, москофильское направлениe стало себя проявлять рѣшительнѣе въ Галиції. Мало-по-малу между двумя галицкими партиями установилась конкуренція въ погонѣ за благоволіемъ львовскихъ и вѣнскихъ правящихъ круговъ, — конкуренція весьма неблаговиднаго свойства.

Между тѣмъ жизнь литературная и общественная начала ставить новые вопросы передъ галичанами. Болѣе близкое ознакомленіе съ литературою въ Россіи, предпринятое кружками молодыхъ людей въ Львовѣ и Вѣнѣ, при помощи нѣсколькихъ украинцевъ изъ Россіи, показало имъ, что литературные интересы галицкихъ «москофиловъ» весьма далеки отъ интересовъ дѣйствительной русской литературы новаго времени, въ которой преобладаетъ соціально-реальное направлениe, съ явно демократическимъ оттенкомъ. Подъ вліяніемъ этого ознакомленія нѣсколько молодыхъ писателей галицко-русскихъ, принадлежащихъ къ кружкамъ, которые были подъ патронатомъ «старой партіи» (Павликъ, Франкъ и др.), рѣшительно перешли на сторону «украинцевъ» въ вопросѣ литературного языка, въ то же время сохраняя сочувственное отношение къ литературѣ русской, какъ болѣе богатой, чѣмъ украинская. Параллельно этой эволюціи литературныхъ взглядовъ, передъ галицкой публикой обрисовывалось реальное положеніе ея передовыхъ массъ, которыхъ условія государственной и экономической жизни вели къ явному обѣденію,

между тѣмъ какъ практика представительного правлениія и вліяніе школы, хотя и медленно развивающейся, будили въ этихъ массахъ мысли о причинахъ бѣдъ и о средствахъ помочь имъ. Болѣе чуткіе люди, преимущественно изъ молодежи, усвоившей новыя общественные идеи то подъ вліяніемъ литературы украинской и русской, то подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, шедшимъ чрезъ Вѣну, стали приходить къ убѣждению о поверхности прежняго галицко-русского патріотизма разныхъ оттѣнковъ, обѣ отсутствіи въ немъ вниманія къ реальнымъ нуждамъ народныхъ массъ. Такъ сложились мало-по-малу элементы новой галицко-русской партіи, которая, наконецъ, получила название радикальной.

Эта партія была первою изъ галицко-русскихъ, которая стала собственно политическою. Раздѣляя либеральную идеи, партія эта поставила себѣ цѣлью политическое образованіе народныхъ массъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ могли сознательно воспользоваться нынѣшними конституціонными учрежденіями Австріи для своей собственной организації, преобразовать эти учрежденія въ возможно болѣе демократическомъ направленіи, въ союзѣ съ другими подобными партіями въ разныхъ земляхъ Австріи, и при помощи законодательства измѣнить къ лучшему материальное положеніе массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, радикальная партія, отвергнувъ раздѣленіе правды — одна для мужика и другая для высшихъ классовъ, — положила себѣ цѣлью познакомить народныя массы со всѣми результатами новѣйшей культуры. Къ старымъ партіямъ новая отнеслась отрицательно и вмѣстѣ сначала очень примирительно. Она объявила предметы, изъ-за которыхъ скорились старые партіи, или неосуществимы, формальными и второстепенными, или, во всякомъ случаѣ, посторонними политикѣ, и предлагала оставить эти вопросы для научнаго изслѣдованія и литературной дискуссіи, а въ политикѣ выступить съ программами характера государственно-административнаго и соціально-экономического, съ цѣлью защиты наиболѣе страждущихъ народныхъ интересовъ.

Выступивъ съ конца 70-хъ годовъ, люди новой партіи прошли нѣсколько фазисовъ своего развитія: они начали съ абстрактнаго заявленія своихъ идей, формулируя ихъ болѣе или менѣе близко къ программамъ западно-европейскихъ соціалистовъ, пробовали пропагандировать эти идеи среди

крестьянъ - русиновъ и городскихъ рабочихъ поляковъ или усвоившихъ польской языкъ, пробовали работать въ разныхъ обществахъ и изданіяхъ народовцевъ съ минимальнымъ проявленіемъ своихъ стремленийъ, наконецъ, съ 1889 г. выступили какъ небольшая, но формально организованная партія, которая, чѣмъ дальше, все больше привлекаетъ къ себѣ галицко-русскихъ крестьянъ. Теперь партія эта, принявшая въ 1889 г. название «русско-украинская радикальная партія», имѣетъ два органа, выходящіе по два раза въ мѣсяцъ: «Народъ», для болѣе образованныхъ читателей, и «Хліборобъ» для крестьянъ и рабочихъ. Партія довольно часто собираетъ митинги въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ Галиціи, на которыхъ бываетъ крестьянъ и мѣщанъ до 2.000 человѣкъ. Партія организовала рядъ просвѣтительно-экономическихъ обществъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ именемъ «Народні Спілки»; кромѣ того, при надлежащіе къ ней люди завѣдуютъ дѣлами общества продажи продуктовъ кустарной промышленности гуцуловъ, русскихъ горцевъ южной Галиціи и Буковины, подъ названіемъ «Гуцульска Спілка». Въ послѣднее время представители партіи изъ болѣе образованныхъ круговъ составили проектъ основанія просвѣтительного общества «Поступъ» (Прогрессъ), а делегаты радикаловъ-крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ южной Галиціи положили основать радикальное политическое общество изъ селянъ. Это будетъ начало организаціи въ родѣ национальной и земельной лиги въ Ирландіи, примѣръ которой часто приводится въ органахъ галицкихъ радикаловъ.

Въ моментъ формальной организаціи этихъ радикаловъ въ особую партію можно было думать, что и старая партія послѣдуютъ, хотя и менѣе демонстративно, за нею на ту же дорогу политическо-соціальной дѣятельности, и что отношенія между разными партіями среди русскихъ галичанъ будутъ довольно миролюбивы, при всѣхъ различіяхъ между ними. Такъ можно было думать, судя по результатамъ выборовъ въ провинціальный сеймъ въ началѣ 1889 г., ходъ которыхъ отличался нѣкоторыми, дотолѣ необычными для Галиціи явленіями. Выборы въ городскихъ общинахъ (а напомнимъ, что въ Австріи выборы производятся отъ трехъ категорій отдельно: отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, отъ городовъ и торговыхъ палатъ, отъ сельскихъ общинъ) дали значительный процентъ депутатовъ той польской партіи, которая назы-

вается демократами. Но правдѣ говоря, эта партія мало за-
служиваетъ это имя, такъ какъ демократична она развѣ по
своему составу, сравнительно съ партіей магнатской. По от-
ношению къ русинамъ демократы являлись часто еще боль-
шими шовинистами, чѣмъ магнаты, съ которыми во всякомъ
случаѣ демократы держались солидарно, если гдѣ нужно
было побивать кандидата-русина. Но къ 1889 г. выяснилось,
что господство магнатской партіи явно уже невыгодно для
всего края, и демократы почувствовали необходимость отдѣ-
литься отъ магнатовъ, по крайней мѣрѣ, по вопросамъ эконо-
мическимъ, и, такимъ образомъ, у демократовъ открылась
возможность извѣстной солидарности съ представителями сель-
скихъ общинъ, въ томъ числѣ и съ русинами.

Въ сельскихъ обшинахъ, гдѣ избирательство двойное,
т.-е. гдѣ общины выбираютъ выборщиковъ, а уже эти выби-
раютъ депутатовъ, въ Галиціи практикуется обыкновенно
открытое давленіе администраціи на выборы, а потому въ
западной, чисто польской Галиціи въ сельскихъ обшинахъ
прошли собственно только два кандидата, явно оппозиціон-
ныхъ магнатской партіи, но въ восточной части, гдѣ сельское
населеніе почти сплошь русины, оппозиція успѣла провести
16 депутатовъ, все русиновъ. На этотъ разъ селяне-русины
обнаружили значительную стойкость и организацію. Хотя въ
Львовѣ образовался для руководства выборами комитетъ изъ
депутатовъ двухъ старыхъ партій галицко-русскихъ, при
участіи представителей митрополита, но комитетъ этотъ, въ
которомъ, по обычая, не было солидарности и искренности
въ соглашеніи, на этотъ разъ только формально руководилъ
выборами, а на самомъ дѣлѣ кандидаты были поставлены и
поддерживаемы мѣстными комитетами, въ которыхъ самое дѣя-
тельное участіе имѣли крестьяне. Мѣстные же комитеты по-
ставили въ кандидаты людей болѣе популярныхъ на мѣстахъ,
безъ различія, были ли они «московифилы», «украинофилы»
или «радикалы». Такимъ образомъ изъ разныхъ фракцій ру-
синовъ-политиковъ въ сеймъ прошли на этотъ разъ дѣстви-
тельно болѣе дѣловые и порядочные люди.

Такой подборъ депутатовъ-русиновъ далъ себя почувствовать и въ самомъ сеймѣ. Депутаты-русины поставили себѣ
за норму поведенія быть прежде всего представителями сель-
ского класса, защищать его интересы, а въ национальномъ во-

прось выступать солидарно въ пользу правъ русиновъ съ тѣмъ, чтобы пользованіе этими правами было дѣломъ самихъ русиновъ, безъ вмѣшательства чужихъ въ спорные между русинами вопросы. Результаты такой тактики скоро оказались: по многимъ вопросамъ поляки-демократы должны были поддерживать русиновъ, и даже магнаты, выбранные представителями сельскихъ общинъ, должны были заявлять, что интересы этихъ общинъ имъ не чужды. По части защиты правъ русиновъ депутаты-русины рѣшились на мѣру, прежде не бывалую: они поставили запросъ правительству о полицейскомъ произволѣ, выразившемся въ арестахъ и преслѣдованіяхъ крестьянъ, ходившихъ на богомолье въ Почаевъ и т. п. (пунктъ, важный для москвофиловъ), въ обыскахъ, произведенныхъ въ читальняхъ и учрежденіяхъ народовцевъ, и въ арестахъ среди радикаловъ, подъ предлогомъ преслѣдованія противозаконной агитации. Правительственный комиссарь отвѣтилъ на запросъ весьма уступчиво, обѣщая разслѣдованіе превышенія власти полицейскими агентами и заявилъ, что правительство вовсе не намѣreno отрицать права русиновъ. Важнымъ результатомъ новой тактики депутатовъ-русиновъ слѣдуетъ счесть и то, что оппозиціонные депутаты селянъ-поляковъ стали обращаться къ нимъ за поддержкою ихъ запросовъ и предложеній, предпочитая ихъ демократамъ-полякамъ.

Нота диссонанса въ это солидарное дѣйствіе различныхъ фракцій русиновъ была, впрочемъ, скоро внесена со стороны львовскаго униатскаго митрополита. Митрополитъ Сембраторовичъ, по воспитанію ультрамонтанъ, благопріятный іезуитамъ рутенъ, принадлежитъ къ той части духовенства галицко-русскаго, которая уже не имѣеть отвращенія къ народному языку въ церковныхъ дѣлахъ, а потому занялъ довольно симпатическое отношеніе къ народовцамъ, тѣмъ болѣе, что порою католическая антипатія его къ православію удаляла его отъ болѣе рѣшительныхъ «москвофиловъ». Въ политическомъ отношеніи этотъ митрополитъ, — обязательный членъ сейма, — есть покорный слуга польской магнатской партіи, безъ чего, впрочемъ, онъ не былъ бы и назначенъ и терпимъ на должности; съ его согласія галицко-русскіе монастыри ордена св. Василія были переданы въ завѣдываніе іезуитамъ. Вотъ этотъ-то митрополитъ и выступилъ противъ радикаловъ скоро послѣ организаціи ихъ въ особую партію. Поводомъ къ столк-

новеню бытъ «Народ». Проповѣдуя солидарность между русинами на извѣстныхъ условіяхъ, «Народ» въ то же время подвергалъ критикѣ дѣйствія разныхъ партій и лицъ, и, между прочимъ, помѣстилъ у себя корреспонденцію о способахъ хозяйства въ имѣніяхъ митрополитской каѳедры,— способахъ, ничѣмъ не отличающихся отъ употребляемыхъ въ другихъмагнатскихъ помѣстьяхъ, арендуемыхъ евреями, и крайне стѣснительныхъ для крестьянъ. Митрополитъ поспѣшилъ издать циркуляръ, запрещающій духовенству выписывать «Народ» и предписывающій ему удалять эту газету изъ сельскихъ читаленъ и т. п. Всльдѣ за тѣмъ явился еще новый поводъ къ гнѣву митрополита противъ газеты радикаловъ. Поводъ этотъ дали дѣла галицко-русскої эмиграціи въ Содѣдиненныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Дѣла эти довольно интересны сами по себѣ, но мы будемъ говорить о нихъ лишь постольку, поскольку это нужно для пониманія вопроса, составляющаго прямой предметъ настоящей статьи. Лѣтъ съ десять тому назадъ стало извѣстно, что изъ Галиції направляется довольно значительная часть крестьянъ въ Сѣверную Америку не столько для поселенія тамъ, сколько для заработка, съ цѣлью, послѣ скопленія извѣстной суммы, возвратиться домой. Теперь, говорять, такого рода эмигранты изъ галицкой и венгерской Руси находится въ Сѣверной Америкѣ до 40.000. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ американские галичане пожелали имѣть у себя своего священника и обратились за нимъ къ львовскому митрополиту. Священникъ (о. Волянскій) нашелся, человѣкъ довольно энергическій и разносторонній, и, пріѣхавъ въ Америку, онъ скоро приспособился къ тамошнимъ условіямъ: выстроилъ церковь и при ней помѣстилъ читальню, потребительскую ассоціацію, типографію, сталъ издавать газету, руководить русинами-рабочими во время общей стачки, начатой извѣстнымъ обществомъ «Рыцарей труда», въ которомъ способствовалъ образованію особой русинской секціи, и т. д. Самое появленіе русинского униатскаго священника въ Америкѣ не понравилось тамошнимъ католическимъ священникамъ-полькамъ, которые даже попробовали вооружить противъ о. Волянского католического епископа Філадельфіи, въ округѣ котораго лежитъ Шенандоа (Shenandoah),—городокъ, гдѣ больше всего находится русиновъ, и гдѣ основана была первая русско-униатская цер-

ковъ. О. Волянскому поставлено было въ укоръ то, что онъ, по обычаю восточныхъ церквей, женасть. А надо сказать, что теперешний львовскій митрополитъ занять мыслю установленія и среди униатовъ безбрачія священниковъ. Повинуясь польскому клерикальному давлению, львовскій митрополитъ не только назначилъ въ другую паству въ Америку священника неженатаго, но и отозвалъ о. Волянского, замѣнивъ его тоже безбрачнымъ. Этотъ новый священникъ въ Шенандоа поссорился съ свѣтскими влиятельными лицами русинской колоніи, завѣдующими школой, потребительной лавкой и типографіей. Потребительная ассоціація распалась, газета прекратилась, начались препирательства весьма скандального свойства. «Народъ», который сразу пріобрѣлъ симпатіи въ средѣ русинъ и американскихъ колонистовъ, печаталъ корреспонденціи, неблагопріятныя новому священнику въ Шенандоа, и указалъ на ошибку, сдѣланную отозваніемъ о. Волянского, и на вредъ отъ того для всего дѣла малорусской эмиграціи въ Америкѣ, столь важной для будущаго австрійской Руси. Возбужденные посланіемъ митрополита, священники-ультрамонтаны въ Галиціи стали преслѣдовать «Народъ» въ селаѣ самымъ неблаговиднымъ способомъ, говорить проповѣди противъ него и противъ радикализма вообще.

Такъ установились дѣла къ концу 1890 г., когда въ парламентской жизни Галиціи произошло довольно знаменательное явленіе, называемое «угодой (соглашеніемъ) между поляками и русинами-народовцами».

Несогласія между русинами и поляками въ Галиціи составляютъ болѣе мѣсто края, а равно и всей Австріи, а потому австрійское правительство желаетъ установленія соглашенія между двумя элементами. Дѣло это не легкое, такъ какъ господствующему элементу, польскому, пришлось бы пойти на уступки не только на национальномъ полѣ, но, что гораздо труднѣе, и на соціально-экономическомъ, такъ какъ въ восточной Галиціи поляки — патриціи, а русины — плебеи, и мѣстами даже пролетаріи. Въ послѣднее время заговорили о необходимости соглашенія русиновъ и поляковъ, въ виду возможности войны Австріи на Востокѣ. Видимое пробужденіе народныхъ массъ русинскихъ, начало сознательно-оппозиціонной политики ихъ представителей въ сеймѣ заставляло правящіе круги обратить большее вниманіе на русиновъ. Призна-

комъ этого вниманія было въ 1889 г. то, что когда сеймовое большинство не согласилось дать русинамъ гимназію въ Пере-мышль, то министерскимъ распоряженіемъ даны были русинамъ параллельные классы при польской гимназіи, но съ особымъ директоромъ - русиномъ. Съ польской стороны, отъ тѣхъ круговъ, которые болѣе смотрѣть на востокъ и ждуть отъ столкновенія на востокѣ возстановленія Польши, были сдѣланы еще въ 1888 г. и потомъ въ 1890 г. попытки соглашенія съ русинами радикального направленія, но послѣдніе (изъ нихъ одинъ писатель, родомъ, впрочемъ, не галичанинъ) отвѣтили, что теперь не время для суммарныхъ соглашеній, особенно, въ виду международныхъ событий, на которыхъ «маленькие люди» не могутъ имѣть большого вліянія, а что необходимо итти постепенно для установления соглашенія между поляками и русинами въ Галиціи на почвѣ внутреннихъ дѣлъ: національныхъ правъ, администраціи, экономической политики и т. п. Въ концѣ сеймовой сессіи 1890 г. замѣтнику Галиціи (полякъ, гр. Бадени) съ нѣкоторыми депутатами клерикально-магнатской партіи, при участіі нѣкоторыхъ вѣнѣ-галицкихъ представителей двухъ націй и при сочувствії вѣнѣскаго министерства, удалось устроить такую пробу, которая была бы вмѣстѣ и соглашеніемъ русиновъ съ поляками, и подрывомъ оппозиціи русиновъ пынѣшней политической системѣ и въ краѣ и въ государствѣ. Это было соглашеніе польскихъ консерваторовъ съ депутатами народовцами. Послѣдніе, за общізмъ уступки формально-національного характера, преимущественно въ области школьнай жизни, согласились разорвать связи съ оппозиціей москоффильской и радикальной, объявивъ себя не только сторонниками полной самостоятельности малоруссовъ отъ великоруссовъ, съ наложеніемъ ацаемъ на всякаго, иначе о томъ думающаго, но и вѣрными защитниками римской церкви, и даже призналь митрополита политическимъ главою своей партіи и націи, чего не видно ни въ одной даже самой клерикальной и консервативной партіи у другихъ народовъ Австріи.

Декларация народовцевъ въ такомъ духѣ была провозглашена депутатомъ Романчукомъ неожиданно для другихъ депутатовъ «русскаго клуба» какъ москоффильского, такъ и радикального, и была даже объявлена сторонниками ея началомъ «новой эры», но вызвала сильное неудовольствіе во

многихъ кругахъ такъ называемой интеллигенціі, а также и въ народѣ. Возраженія противъ деклараціі г. Романчука со стороны круговъ рутенско-москвофильскихъ были, впрочемъ, не безусловны и потому довольно странного характера. Представители этихъ круговъ не соглашались только на національную формулу г. Романчука, а консервативные пункты его программы, до политического подчиненія митрополиту включительно, признавали. Между тѣмъ радикалы выступили противъ деклараціі г. Романчука съ принципіальной точки зрењія. Даже соглашаясь на національную формулу г. Романчука, радикалы протестовали противъ исключительности въ ея постановкѣ и особенно противъ введенія ея въ политическую программу, въ катехизисъ, виѣ котораго всякий объявлялся измѣнникомъ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ и австрійской державѣ, достойнымъ полицейского преслѣдованія. Радикалы протестовали противъ смышенія областей культуры и политики государственной, противъ смышенія понятій о національности и религії, или, лучше сказать, вѣроисповѣданія, противъ подчиненія политики клерикализму, противнаго даже австрійской конституції 1867 г.¹⁾. Наконецъ радикалы объявили нерациональнымъ переходъ русиновъ съ дороги оппозиціі на дорогу служенія нынѣшнему консервативному министерству, тогда какъ одна оппозиція ему, согласно съ другими прогрессивно-демократическими элементами въ Австріи, можетъ повести такія измѣненія въ законахъ Австріи, которыхъ поднимутъ русиновъ изъ нынѣшняго ихъ первоначального положенія. Что касается собственно до соглашенія съ поляками, то радикалы заявляли себя вовсе не противниками такого соглашенія, а, напротивъ, сторонниками его. Только, по ихъ мнѣнію, соглашеніе это должно быть свободно отъ фантастическихъ надеждъ на возстановленіе Польши 1772 г. и, кромѣ того, должно быть заключено, дѣйствительно, съ польскимъ народомъ, а не съ магнатами, и притомъ не путемъ отреченія въ пользу послѣд-

1) Замѣтимъ, что подчиненіе политики русиновъ интересамъ римской церкви потому уже безцѣльно, что въ самой Австріи буковинскіе русины принадлежать къ церкви православной, а въ Венгріи есть русины-протестанты. „Программа Романчука“ просто выдавала carte blanche галицко-польской полиції на всякій произволъ противъ лицъ, заподозреныхъ изъ сочувствія православію или свободомыслію, результаты чего скоро и сказались, въ противность обѣщаніямъ правительственнаго комиссара на сеймѣ 1889 г.

нихъ отъ справедливыхъ национальныхъ и сословныхъ требованій русиновъ.

Такого рода рѣшительная и принципіальная оппозиція радикаловъ «новой эрѣ» обратила на себя общее вниманіе въ Галиції, и даже вѣнское министерство, желая во всякомъ случаѣ знать истинное настроеніе края, дало знакъ львовской прокураторії позволить «Народу» высказаться съ должной откровенностью, не конфискуя его чумеровъ. «Народовцы» показали себя не въ очень достойномъ свѣтѣ при защитѣ «новой эры», такъ какъ вся ихъ аргументація сводилась къ оппортунизму довольно грубаго свойства: «мы, молъ, сдѣлали известную декларацію, такъ какъ правительство (т.-е. министерство) заявило намъ, что только при такихъ условіяхъ оно будетъ благопріятно русинамъ». Всѣ принципіальные объясненія народовцевъ и ихъ программы на будущее время были очень темны.

События повернули дѣло такъ, что декларація Романчука и вызванныя ею пренія оказались накапунѣ выборовъ въ имперскій парламентъ. Собственно эти выборы должны были произойти многими мѣсяцами позже. Но успѣхи младочеховъ заставили министерство послѣдить распущеніемъ парламента и назначеніемъ выборовъ, чтобы не дать оппозиціоннымъ партіямъ организоваться. Расчетъ, впрочемъ, оказался невѣренъ, по крайней мѣрѣ, относительно младочеховъ, и министерство должно было опереться на польскихъ централістовъ и поляковъ. Послѣдніе, чувствуя свою важность и не желая уменьшать ее уступкою парламентскихъ мѣстъ русинамъ, даже союзнымъ съ ними народовцамъ, согласились не ставить своихъ кандидатовъ только въ шести избирательныхъ округахъ восточной Галиціи, да въ два поставили кандидатами русиновъ только по имени, не признанныхъ даже народовскими избирательными комитетомъ. Такимъ образомъ результаты избирательной кампаниіи оказались для народовцевъ, которыхъ съ тѣхъ поръ стали звать «угодовцами» или «новоэристами», весьма не блестящими. Если они и могли утѣшать себя какими-либо побѣдами, то развѣ надѣ кандидатами «москвофилами» и радикалами, изъ коихъ послѣднихъ было два. Побѣды эти были, впрочемъ, достигнуты при помощи евреевъ-кабатчиковъ и полиціи, находящейся въ рукахъ польской шляхты, а въ одномъ округѣ, гдѣ противъ радикала,

поставленного крестьянскими комитетами (адвокатъ г. Даниловичъ) выставленъ бытъ народовцами чиновникъ суда, до тѣхъ поръ ничѣмъ не заявлявшій даже своего русинскаго происхожденія, побѣда была одержана народовцами только при помощи также и священниковъ рутенско-московоильскаго направленія. Такимъ образомъ радикалы не успѣли провести ни одного своего представителя въ имперскій парламентъ и должны довольствоваться пока принадлежностью къ ихъ направленію одного сеймового депутата (адвокатъ г. Окуневскій).

Во всякомъ случаѣ избирательная кампанія 1891 г. дала случай радикаламъ поставить свою программу передъ довольно широкими кругами народныхъ массъ. Нынѣшнія стремленія галицкихъ радикаловъ всего лучше характеризуютъ пункты ихъ программы, поставленной передъ избирателями въ 1891 г. Мы приведемъ здѣсь (въ переводѣ) важнѣйшіе изъ этихъ пунктовъ такимъ образомъ, чтобы можно было видѣть также и форму, въ которой ставятся передъ галицкими крестьянами требования европейскаго радикализма:

1. «Чтобы люди не платили подати ни отъ земли ни отъ дома, а только отъ дохода; чтобы тотъ, кто имѣть вдвое болѣйший доходъ, платить втрое болѣшую подать, тогда какъ теперь наибѣльшіе богачи платятъ гораздо менѣше податей, чѣмъ бы должны были, сравнительно съ тѣмъ, что платятъ бѣдные люди; чтобы отъ наименѣшаго имущества, которое необходимо человѣку для содержанія себя и семейства, не платились подати.

2. «Чтобы имущество, безусловно необходимое крестьянину для содержанія себя и семейства, не могло быть продано съ публичнаго торга.

3. «Чтобы вообще крестьянскій надѣль не продавался съ публичнаго торга, а только доходъ съ этого надѣла.

4. «Чтобы государство помогало сельскимъ общинамъ пріобрѣтать въ собственность общинные надѣли, лежащіе въ ихъ предѣлахъ; чтобы общины имѣли право первенства при всякихъ продажахъ надѣловъ съ публичнаго торга или зольныхъ.

5. «Чтобы безземельнымъ крестьянамъ государство отдавало въ аренду земли государственные.

6. «Чтобы въ войскѣ служили не большие одного года и чтобы постояннаго войска было менѣе; чтобы, такимъ обра-

зомъ, уменьшены были теперешние громадные расходы на войско.

8. «Чтобы каждый могъ брать сырости (вода изъ соляныхъ ключей), сколько ему нужно, а соль, чтобы стоила лишь столько, сколько обходится ея фабрикація.

9. «Чтобы была уничтожена казенная лотерея, которая вытягивает постѣдній крейцеръ у наибѣднѣшихъ людей.

11. «Чтобы уменьшены были акцизы съ предметовъ необходимыхъ, а вмѣсто того наложены были подати съ вещей, служащихъ для забавы и украшенія богачей.

12. «Чтобы правительство исправило берега рѣкъ.

«Особливо же,

13. «Чтобы были уничтожены избирательныя куріи, т.-е., чтобы на выборахъ крестьянинъ имѣлъ такое же право, какъ и пань; чтобы депутатовъ выбирали всѣ, кто имѣть 21 годъ; чтобы не было пра-выборовъ, а всѣ прямо подавали голосъ за депутата; чтобы подача голосовъ была тайная, такъ чтобы каждый, кто имѣть право голоса, могъ бы быть избранъ и депутатомъ. Это называется: общее прямое и тайное голосование, которое одно можетъ вамъ дать силу во всякихъ общинныхъ, областныхъ и государственныхъ дѣлахъ.

14. «Чтобы въ школахъ восточной Галиціи, отъ наивысшихъ до наизнѣшихъ, преподаваніе было по-русски (малорусское); чтобы въ русскихъ краяхъ офиціальнымъ языкомъ бытъ русскій.

16. «Чтобы обученіе въ школахъ было бесплатно; чтобы государство давало бѣднымъ ученикамъ пособія на книги, одежду и пропитаніе до окончанія курса.

17. «Чтобы уничтожены были штемпеля на газеты и календари; чтобы въ газетахъ было вольно писать всю правду; чтобы людямъ было совсѣмъ вольно сходиться для обсужденія своихъ дѣлъ и говорить тамъ всю правду; чтобы имъ было совсѣмъ вольно устраивать всякаго рода общества.

18. «Чтобы чиновники во время отправленія своихъ обязанностей строго держались закона, а если кто изъ нихъ нарушилъ законъ, то чтобы долженъ бытъ отвѣтчикъ передъ обыкновеннымъ судомъ, какъ и всякий другой человѣкъ.

«Наконецъ необходимо,

19. «Чтобы русские депутаты въ парламентѣ были въ союзѣ съ такими депутатами, которые твердо стоять за рабочихъ людей».

Въ какомъ отношеніи стоить эта программа, составленная, конечно, болѣе образованными членами галицкой радикальной партіи, къ требованіямъ, которыхъ стали формулировать сами галицко-русскіе мѣщане и крестьяне, это видно изъ резолюціи одного собранія въ 1891 г. въ маленькомъ мѣстечкѣ Роздоля, на которомъ были почти исключительно мѣщане.

«Мы желаемъ:

«Русскаго языка во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и школахъ, а для того возвращенія на нашу Русь до 400 русиновъ чиновниковъ и учителей изъ западной (польской) Галиціи и перевода туда всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, учителей и инспекторовъ школьніхъ, которые русскаго языка не знаютъ и не заботятся о немъ во время своихъ визитаций.

«Преобразованія уѣздныхъ совѣтовъ (родъ земскихъ управъ) на ладъ лучшій и болѣе дешевый и болѣе полезный для населения.

«Преобразованія въ болѣе справедливый способъ выборовъ сѣмѣй и парламентъ, а также въ члены совѣтовъ уѣздныхъ.

«Уменьшенія податей съ мѣщанъ и селянъ вообще.

«Справедливой раскладки публичныхъ налоговъ, податей и работъ, какъ, напр., дорожныхъ и т. д., а именно уменьшенія ихъ для имуществъ меньшихъ и увеличенія ихъ для кого другого, кто можетъ больше платить.

«Помощи отъ областного банка для задолжавшихъ селянъ и мѣщанъ, а прежде всего въ рустикальномъ банкѣ.

«Уничтоженія права патроната (по которому священника представлять на мѣсто помѣщикъ, хотя бы и чужой вѣры).

«Полнаго самоуправленія гр.-кат. церкви нашей и устраниенія ее іезуитовъ изъ василіанскихъ монастырей.

«Почитанія нашихъ праздниковъ всѣми властями гражданскими и военными, —

«и вообще (желаемъ) еще не одного этого», — довольно наивно заканчивается эта резолюція.

Какъ видно изъ сравненія, избирательная программа галицко-русскихъ радикаловъ излагаетъ болѣе систематично

тѣ требованиеія, сознаніе которыхъ уже наэрѣваетъ въ средѣ галицко-русскихъ мѣщанъ и крестьянъ, а это обстоятельство придаетъ особое значеніе небольшой пока группѣ организованныхъ радикаловъ передъ старыми партіями, которая все-таки претендуютъ на значеніе национальныхъ и народныхъ. Особенно фальшиво передъ радикалами положеніе «народовцевъ», которыхъ нынѣшия политика и борьба съ радикалами находятся въ полномъ принципіальномъ противорѣчіи съ ихъ именемъ и установленнымъ ими культомъ Шевченка.

Хотя избирательная кампанія 1891 г. и не дала радикаламъ непосредственныхъ результатовъ въ видѣ депутатскихъ мѣстъ въ Вѣнѣ, однако же радикалы не уменьшили, а увеличили свою агитацию среди крестьянства. Въ теченіе прошедшаго съ тѣхъ поръ года радикалы созвали пѣсколько митинговъ въ разныхъ мѣстахъ восточной Галиціи и появлялись на митингахъ, созванныхъ людьми другихъ партій, при чмъ иногда успѣвали проводить свои резолюціи, напр. о всенѣмецкомъ голосованіи. Въ организації радикальныхъ митинговъ принимаютъ дѣятельное участіе крестьяне, которые обыкновенно уплачиваютъ издержки по ихъ устройству и часто являются референтами, а, во всякомъ случаѣ, ораторами. За типичное собраніе такого рода можно принять то, которое было въ октябрѣ 1891 г. въ Коломїї, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ сеймового посла, доктора правъ Окуневскаго, собралось болѣе 400 крестьянъ. Изъ резолюцій того митинга, по вопросамъ, изъ которыхъ многіе имѣли референтами крестьянъ, мы упомянемъ слѣдующія: I — о всенѣмецкой подачѣ голосовъ; II — порицаніе русскимъ сеймовымъ депутатамъ за то, что они разбили солидарность русскаго депутатскаго клуба и, оставивъ защиту интересовъ сельскаго класса, вступили въ «угоду» съ магнатской партіей и перешли съ дороги оппозиціи въ положеніе «пріятно-выжидающее» (какъ нѣжно говорять народовцы) относительно нынѣшняго правительства; резолюція требуетъ отъ русскихъ депутатовъ и рѣшительной защиты интересовъ крестьянъ, и требованій возможно большаго расширенія гражданской вольности, и правъ политическихъ.

Резолюція III протестуетъ противъ составленнаго сеймовою комиссіею проекта измѣненія устройства сеймовыхъ обществъ черезъ соединеніе пѣсколькихъ обществъ въ одно и постановленіе надъ нимъ окружныхъ начальниковъ, и высказы-

вается, напротивъ, за расширение автономіи нынѣшнихъ сельскихъ обществъ, съ приложеніемъ и къ нимъ начала поголовной подачи голосовъ.

Резолюція V порицааетъ новый дорожный законъ, выработанный сеймомъ,—законъ, крайне невыгодный для крестьянъ, на которыхъ падаетъ почти вся тяжесть содержанія дорогъ въ порядкѣ, благодаря натуральной повинности.

Резолюція VIII требуетъ передачи завѣдыванія церковнымъ имуществомъ въ руки вѣроисповѣдныхъ общинъ.

Резолюція X постановляетъ о необходимости образования въ коломаїскому округу «политического общества для защиты интересовъ рабочаго населенія этого округа».

Подобныя же резолюціи были приняты и на митингѣ, бывшемъ въ марта 1892 г. въ Снятинѣ, куда собралось болѣе 2.000 русскихъ крестьянъ изъ Галиціи и сосѣдней Буковины. Кромѣ того, на этомъ же митингѣ подробно обсуждалось нынѣшнее правовое положеніе печати въ Галиціи и приняты резолюціи въ пользу расширенія свободы печати, уничтоженія штемпелей съ газетъ и календарей и залоговъ отъ политическихъ газетъ.

Резолюціи по важнѣйшимъ вопросамъ обыкновенно передаются, послѣ митинговъ, въ видѣ петицій въ сеймъ и парламентъ. О всеобщей подачѣ голосовъ собираются особы подпіси къ прошеніямъ, которыя, по мѣрѣ ихъ накопленія, пересылаются въ сеймъ и парламентъ. Въ настоящее время этотъ вопросъ есть главный, около которого сосредоточивается агитация, производимая галицкими радикалами, и это совершение естественно, такъ какъ, кромѣ соціального, вопросъ этотъ имѣть для русиновъ и первенствующее національное значеніе, потому что нынѣшняя система выборовъ ставить ихъ въ подчиненное положеніе, и только справедливое представительство, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ, можетъ дать русинамъ такое значеніе въ политической жизни областной и государственной, какое имѣ должно принадлежать по ихъ численности. Слѣдуетъ отмѣтить еще, какъ особенно интересное явленіе, что на митингахъ русинъ-крестьянъ выражается желаніе объ устройствѣ такихъ же митинговъ и въ польской части Галиціи. «Мы пойдемъ туда, къ нашимъ братьямъ- полякамъ!»— говорятъ крестьяне-русины радикального направленія. Такое явленіе обещаетъ поставить совсѣмъ

въ новомъ видѣ вѣсъ вопросъ о польско-русинскомъ со-
глашеніи.

Мы сказали, что изъ всѣхъ партій галицкихъ одни только радикалы являются партіей политической. Уже и теперь они успѣли произвести вліяніе и на другія партіи, которыхъ сами себѣ должны ставить политические вопросы, и притомъ прогрессивнаго характера. Такъ, въ послѣднее время и представители рутено-москофильской партіи заговорили объ избирательной реформѣ, а народовцы издали и свою политическую программу, въ которую внесли много пунктовъ изъ программы радикаловъ. Только старымъ партіямъ трудно отважиться решительно на новую дорогу, такъ какъ для этого надо отказаться совершенно отъ политики прислужничества теперь правящимъ сферамъ и возложить надежду только на пробужденіе своего народа, который, вмѣстѣ съ другими, тоже теперь пробуждающимися народами Австріи, создаетъ новую правительственную систему, опирающуюся на новый сеймъ и новый парламентъ. Особенно трудно теперь отважиться на такую политику «народовцамъ», которые недалъновидно связали себя со старою системою, не замѣтивъ, что она лопается по всѣмъ швамъ и въ галицкой области и въ остальныхъ провинціяхъ австрійской державы.

Какъ бы тамъ ни было, а галицкое радикальное движение интересно потому уже, что въ немъ мы видимъ явное пробужденіе политического сознанія самихъ галицко-русскихъ массъ, у которыхъ обстоятельства день за днемъ разбиваютъ надежды на какую-либо вѣшнюю помощь и толкаютъ ихъ къ надеждамъ только на самихъ себя. Европейскій же радикализмъ, который съ каждымъ днемъ дѣлаетъ успѣхи и въ Австріи, даетъ готовыя политическія формулы для этого нового сознанія галицко-русскихъ народныхъ массъ.

Въ заключеніе надо сказать нѣсколько словъ объ одномъ осложненіи политического движения среди русскихъ галичанъ, а именно о вопросѣ церковномъ. Собственно политическое движение въ Галиції независимо отъ церковныхъ дѣлъ могло бы ихъ и не трогать, но обстоятельства въ Галиції таковы, что къ политическимъ вопросамъ само собою при-

взываются и церковные. Мы видѣли, что въ резолюції мѣщанъ м. Роздоли говорится обѣ отмѣнѣ патроната и независимости галицко-русской церкви и обѣ удаленіи іезуитовъ изъ василіанскихъ монастырей, и что парламентская программа радикаловъ требуетъ предоставленія въроиспovѣднымъ общинамъ завѣдыванія церковными имуществами. Дѣло въ томъ, что галицко-русская греко-уніатская церковь находится въ крайне ненормальномъ положеніи, обусловленномъ политическими отношеніями въ краѣ и въ свою очередь вліающемъ на ходъ политической организаціи народныхъ силъ. Такъ, это средневѣковое феодальное учрежденіе, какъ патронатъ помѣщиковъ надъ священниками, остается въ Галиціи, потому что онъ даетъ полякамъ-помѣщикамъ возможность вліять на политическое поведеніе русинскихъ священниковъ. Въ послѣднее же время клерикально-польская партія въ Галиціи, видимо, задалась цѣлью вознаградить себя за обращеніе уніатовъ въ православіе въ Царствѣ Польскомъ въ Россіи — отождествленіемъ уніи съ католицизмомъ и полонизмомъ въ Галиціи. Ей удалось вовлечь въ свои виды и Римъ, который въ этомъ вопросѣ отступилъ отъ универсально-католическихъ цѣлей и сталъ поддерживать цѣли національно-польскія. Въ результатѣ вышло назначеніе на кафедры епископовъ уніатскихъ лицъ вполнѣ благопріятныхъ ультрамонтанскому-польскимъ цѣлямъ, а также предоставленіе уніатскихъ монастырей іезуитамъ «для реформы», борьба съ нѣкоторыми вицѣшними особенностями восточной церкви, совершаемая при помощи полиціи, къ явному скандалу и нарушенію основныхъ законовъ государства и т. п. Несколько лѣтъ еще тому назадъ обѣ старыя партіи галицко-русинскія согласно протестовали противъ такого порабощенія ихъ церкви, но теперь, послѣ «угоды», народовцы замолкли по этому вопросу. Между тѣмъ, ни съ національно-русинской точки зрѣнія ни съ точки зрѣнія свободы религіозной, молча терпѣть такого положенія дѣлъ нельзя, и радикалы подвергаютъ его критикѣ въ своихъ органахъ.

Въ то же время магнато-бюрократическая вліянія на галицко-русскую церковь совершенно подавили тамъ остатки старого демократизма, — времень братства XVI—XVII вв., — въ отношеніяхъ между прихожанами и священникомъ, въ завѣдываніи церковными имуществами, и повели къ вздорожа-

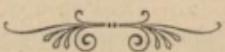
нію церковныхъ требъ. Все это возбуждаетъ неудовольствіе крестьянъ, и радикалы, какъ демократическая партія, не могутъ быть глухи къ этому неудовольствію и даютъ ему выраженіе въ своихъ органахъ. Духовенство, особенно высшее, раздражается этимъ выражениемъ и старается дискредитировать радикаловъ передъ крестьянами и затѣмъ всячески противодѣйствовать даже политическимъ тенденціямъ радикаловъ, препятствовать выборамъ ихъ въ депутаты. Борьба эта, конечно, могла только усилиться послѣ того, какъ радикалы выступили противъ «угоды», которая признала митрополита политическимъ главою русиновъ и внесла въ политическую программу требование служить интересамъ римской церкви не только въ Галиціи, но на всемъ пространствѣ, заселенномъ малорусскимъ племенемъ.

Наиболѣе подходящимъ способомъ борьбы съ радикалами было признано обвиненіе ихъ въ томъ, что они «хотять разрушить въ народѣ религию». Поддержкою такого обвиненія служить то, что болѣе образованные радикалы объявили себя сторонниками свободы изслѣдованія и печатаютъ переводы европейскихъ трудовъ по истории религії.

Со времени избирательной кампаніи 1891 г. галицкіе радикалы неоднократно имѣли случай объяснить свое положеніе въ религіозномъ вопросѣ и въ своихъ органахъ и на митингахъ. Они заявляютъ, что стоятъ только на пункте свободы совѣсти и въ своей критикѣ церковныхъ отношеній въ Галиції не трогаютъ догматовъ, а только общественно-церковныя учрежденія, которыя прямо входять въ область политики. По существу же радикалы совершенно раздѣляютъ область религіи и политики и, стоя за раздѣленіе церкви и государства, считаютъ вполнѣ возможнымъ солидарность людей разныхъ религіозно-философскихъ мѣній по вопросамъ государственной и соціальной политики, при чемъ указываютъ на примѣры Ирландіи, Англіи, Швейцаріи. Нѣсколько статей въ разъясненіе текста постановки вопроса было напечатано въ послѣднее время въ «Хліборобѣ», и аргументація ихъ показалась убѣдительной и многимъ крестьянамъ. На съездѣ крестьянскихъ делегатовъ изъ разныхъ мѣстъ, недавно бывшемъ въ Коломїї, съ цѣлью положить начало крестьянскому радикальному политическому обществу, принята именно резолюція въ такомъ духѣ.

Свобода совѣсти теперь принята почти всѣми европейскими законодательствами, въ томъ числѣ и австрійскимъ, и само католическое духовенство въ болѣе цивилизованныхъ странахъ мирится съ этимъ, а во многихъ странахъ, какъ, напр., Сѣверо-Американскіе Штаты, Англія, Швейцарія, католическое духовенство ничего не имѣетъ и противъ раздѣленія церкви и государства. Кромѣ того, въ этихъ странахъ католическое духовенство поддерживаетъ весьма радикальная стремлѣнія политическія и соціальные, а недавно, послѣ энциклики папы Льва XIII о положеніи рабочихъ, положена была высшая санкція такъ называемому «католическому соціализму». Но въ Галиції духовенство мало образовано, а высшая его іерархія есть явное орудіе магнато-польской партіи, а потому здѣсь примиреніе католицизма съ радикализмомъ очень затруднено, хотя національно-соціальные отношенія въ восточной Галиції, вполнѣ еходныя съ ирландскими, казалось бы, и обязывали галицко-русское духовенство къ подражанію католическому духовенству Ирландіи.

Такъ какъ вся совокупность условій жизни все болѣе толкаетъ галицко-руssинское крестьянство и мѣщанство на дорогу радикального политico-соціального движенія, и такъ какъ въ то же время большинство галицко-руssского духовенства заявляетъ себя ожесточеннымъ противникомъ этого движенія, а высшіе церковные іерархи галицкіе, прямо слѣдуя даже анти-національному направленію и такимъ мѣрамъ, какъ, напр., отзваніе о. Волянского изъ Америки, явно идуть противъ интересовъ народа, то не невозможно, что нынѣшняя натянутыя отношенія разразятся отпаденіемъ значительной части русскихъ галичанъ отъ униатской церкви и образованіемъ особыхъ вѣроисповѣдныхъ общинъ съ характеромъ болѣе или менѣе протестантскимъ.

Всеобщее голосование и русины въ Австріи^{**}).

Характерными явлениями въ современной политической жизни австрійской имперіи представляются въ Цислейтаніи — движение въ пользу расширения избирательного права до по-головной подачи голосовъ, а въ Транслейтаніи — требование не-венгерскихъ народовъ признания ихъ национальныхъ правъ. По всей вѣроятности, оба движения сольются въ одно. Нынѣшняя цензовая система выборовъ въ Транслейтаніи даетъ искусственное преобладаніе элементу болѣе богатому, — венграмъ. Въ Цислейтаніи же, хотя различныя народности и не такъ притѣснены, но теперешняя избирательная система — трехклассная (крупные землевладѣльцы, города и сельскія общины), съ двойнымъ избирательствомъ для селянъ и съ особенно хитрымъ распределеніемъ числа голосовъ по классамъ и провинціямъ — вовсе не имѣть цѣлью дать равноправное представительство разнымъ общественнымъ элементамъ, даже соответственно количеству платимыхъ ими податей, какъ это объявлялось при составленіи нынѣшняго избирательного закона. Въ западныхъ провинціяхъ Цислейтаніи этотъ законъ благопріятствуетъ нѣмцамъ, въ Галиціи — полякамъ, и вездѣ — феодальной аристократіи; составленъ онъ точно нарочно такъ, чтобы и при парламентскомъ правлении перевѣсь въ государствѣ остался въ сущности за бюрократіей, какъ и во времена absolutизма, только въ другихъ формахъ. И, дѣйствительно, различные общественные и национальные элементы,

^{**) Статья эта была первоначально напечатана въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ 1894 г., апрѣль, и подписана инициалами Р. Яр.}

Прим. ред.

не имъя естественнаго представительства ни въ провинциальныхъ сеймахъ ни въ державной думѣ, только нейтрализируютъ другъ друга и не въ состояніи даже составить парламентскаго большинства, такъ что вотъ уже болыше 15 лѣтъ въ Цислейтаніи править «надпарламентское» министерство гр. Таафе, стоящее «надъ партіями», какъ говорить его шефъ, и кое-какъ составляющее себѣ чутъ не въ каждую сессію поное подобіе большинства.

Мало-по-малу противоестественность такого порядка вещей раскрылась передъ значительной частью австрійскаго населения, и многіе пришли къ убѣжденію, что выходъ изъ него можетъ быть только въ установлениі поголовнаго избирательнаго права. Изъ теперешнихъ политическихъ партій въ вѣнскомъ парламентѣ рѣшительно заявили себя въ пользу такой реформы иѣмецкіе демократы и младочехи. Вообще, славянамъ эта реформа можетъ быть только выгодна, но словинцы и далматинцы еще боятся пристать къ агитациі въ ея пользу, чтобы не стать въ оппозицію сть правительствомъ, отъ котораго они получаютъ по временамъ и еще надѣются получить уступки «надпарламентскимъ» способомъ; поляки же, т.-е. шляхетское большинство польскихъ политиковъ, не желаютъ выпускать изъ своихъ рукъ политической власти въ своеимъ краѣ и своего преобладанія надъ русинами, почти исключительно селянами, а эта власть и это преобладаніе вполнѣ обезпечиваются теперешней избирательною системой, которая вдобавокъ, имъ послѣдствіемъ отсутствіе въ вѣнскомъ парламентѣ твердаго большинства, даетъ польскимъ депутатамъ значеніе рѣшителей судебъ, смотря по тому, на чью сторону они станутъ.

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ Австріи нѣть другого, болѣе обиженнаго теперешнимъ порядкомъ, въ томъ числѣ и избирательнымъ закономъ, какъ русины, такъ какъ они осуждены оставаться въ меньшинствѣ даже и въ галицкомъ сеймѣ, даже и тогда, если бы выборы производились безъ всяаго вмѣшательства полиціи, находящейся въ рукахъ поляковъ. Судя по этому, слѣдовало бы ожидать, что движение въ пользу поголовной подачи голосовъ встрѣтить себѣ энергическую поддержку со стороны русинскихъ политиковъ. Но на дѣлѣ это далеко не такъ. Мало развитые политически вожди русиновъ, члены старой партіи, или такъ называемой

москофильской, и «молодней», такъ называемой украино-фильской, или народовой, держатся вообще консервативныхъ идей и предпочитаютъ политику скромнаго услуживанія существующимъ министерствамъ смѣлымъ пробамъ опереться на свой народъ, пробудивъ въ немъ политическое и соціальное самосознаніе.

Но въ недавнее время формально образовалась въ Галиції «русско-украинская радикальная партія»; она рѣшительно отдѣлилась отъ народовцевъ, въ сущности потерявшихъ право на это название и передавшихъ это право радикаламъ, особенно послѣ пробы «угоды», или соглашеній съ польскими магнатско-клерикальными кругами въ 1890 г. Радикалы сдѣляли изъ агитациіи въ пользу всеобщаго и тайного голосованія главное свое политическое дѣло на настоящее время. Съ этой цѣлью въ восточной (русскої) Галиції они собирали нѣсколько митинговъ и распространяли для подписей проекты петицій въ сеймъ и парламентъ о такой реформѣ. Прошедшій лѣтомъ съ этой цѣлью образовано въ Коломії,— центрѣ края, называемаго Покутіемъ, гдѣ радикализмъ болѣе пустилъ корни въ сельскомъ населеніи и гдѣ выходить два радикальныхъ органа, «Народъ» (для интеллигенціи) и «Хліборобъ» (для крестьянъ и мѣщанъ) образовалось специальное политическое общество для агитациіи въ пользу вышеуказанной политической реформы. Статутъ этого общества «Народна Воля» (свобода) утвержденъ правительствомъ 17 іюня 1893 года. Главные параграфы этого статута — 1-й и 2-й. Они опредѣляютъ цѣль и средства общества.

«Цѣль общества, — читаемъ въ статутѣ, — есть соціально-политическое образованіе возможно болѣе широкихъ круговъ русского народа въ Галиціи, а прежде всего въ уѣздахъ покутскихъ: Коломайскомъ, Снятинскомъ, Косовскомъ, Городенскомъ и т. д.; оборона правъ гражданскихъ и стараніе всѣкими законными средствами о расширеніи этихъ правъ въ радикально-демократическомъ направлении, а, особенно, введение всеобщаго, непосредственнаго и тайного голосованія при выборахъ во всѣ представительныя учрежденія.

«Для достиженія этой цѣли служать обществу слѣдующія средства:

а) Собранія членовъ общества для обсужденія дѣлъ политическихъ, культурныхъ и экономическихъ и постановленіе

на этихъ собранияхъ соотвѣтственныхъ резолюцій. Собрания эти могутъ происходить въ каждой мѣстности въ Галиціи.

б) Публичные, равно доступные для членовъ и не-членовъ общества, митинги (вѣча), которые тоже могутъ происходить въ каждой мѣстности въ Галиціи.

в) Публичная, общедоступная для членовъ и не-членовъ, чтенія, производимыя членами общества или лицами, нарочито съ этой цѣлью приглашенными, а также вечера и содержаніе читалень и библіотекъ.

г) Издание газетъ, воззваній, книгъ и всякихъ брошюръ, а также поддержка такихъ изданій.

д) Законное вліяніе на выборы въ представительныя учрежденія государственныхъ, областныхъ, уѣздныхъ и общинныхъ.

е) Высылка петицій, адресовъ, мемуаровъ и депутатій».

(Переведено съ малорусскаго.)

Статутъ этотъ подписанъ пятью лицами, изъ которыхъ два адвоката, одинъ журналистъ и двое крестьянъ. 30 іюля было первое учредительное собрание общества, на которомъ присутствовало 250 лицъ, почти исключительно крестьянъ. Въ число членовъ вписалось 200 лицъ, изъ которыхъ 160 тот-часть внесли членскій взносъ: по 20 креѣцеровъ. Тогда же были выбраны быть распорядительный комитетъ общества изъ 8 лицъ, между которыми одинъ адвокатъ (докторъ правъ Даниловичъ), одинъ адвокатскій помощникъ, одинъ предсѣдатель торговой ассоціаціи кустарной промышленности карпатскихъ горцевъ (Гуцульска Спілка), одинъ журналистъ (редакторъ «Народа» и «Хлібороба», М. Павликъ) и четверо крестьянъ. «Головою» общества избранъ докторъ философіи (по славянской филології) Ив. Франко, извѣстный галицко-русскій поэтъ и беллетристъ.

Агитацией среди самихъ лицъ галицко-русскаго народа въ пользу всеобщаго избирательнаго права заставляеть уже считаться съ собою и политиковъ старыхъ галицко-русскихъ партій. «Москофилы», поставленные вышеупомянутою «угодою» 1890 г. въ оппозиціонное положеніе, начинаютъ обращаться сочувственно къ этой агитации, хотя со свойственными имъ колебаніями и стремленіями. Такъ, сеймовый депутатъ

докторъ Антоновичъ не рѣшился явиться ни на одно русское вѣче, созванное радикалами, но появился на вѣчѣ, созванномъ въ Перемышль польскими прогрессистами и произнесъ тамъ рѣчь въ пользу всеобщаго голосованія, по-польски, хотя тамъ же одинъ крестьянинъ-русинъ, радикалъ, говорилъ по-русски. Старые украинофилы, связавши себя «угодой» съ польской магнатско-клерикальной партіей, должны были выскажаться отрицательно по отношению къ всеобщему голосованію. Но въ прошломъ году выяснилось, что польскіе политики, въ сущности, очень неохотно идутъ на уступки русинамъ даже въ формально-национальныхъ пунктахъ, а въ то же время массовое стремленіе къ эмиграціи крестьянъ въ Россію открыло всю соціальную бездну, какая раздѣляетъ галицко-русскій патріотъ и польскую шляхту. «Угода» сильно поколебалась, и теперь старо-украинофильскіе политики выступили съ своимъ, хотя менѣе радикальнымъ, проектомъ избирательной реформы. По этому проекту число депутатовъ отъ селинъ Галиції должно было бы быть увеличено, и выборы отъ нихъ должны бы были сдѣлаться прямыми, а не двойными. Само собою разумѣется, что проектъ этотъ былъ отвергнутъ польскимъ большинствомъ галицкаго сейма даже безъ обсужденій и послужилъ только для удостовѣренія невозможности соглашенія между галицко-русской демократіей и польской шляхтой. Старо-украинофильскіе политики никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ пользу своего проекта реформы не предпринимаютъ, тѣмъ болѣе, что часть изъ нихъ, представляемая журналомъ «Правда», занялась новой «угодой», — реформой галицко-русской униатской церкви въ пріятномъ для польскихъ магнатовъ - клерикаловъ ультрамонтанскомъ направлениі. Но среди младшихъ галицкихъ украинофиловъ, особенно въ провинціи, развивается сочувствіе къ производимой радикалами агитациѣ въ пользу всеобщаго голосованія, а потому можно надѣяться, что агитациѣ эта будетъ расширяться, тѣмъ болѣе, что движение въ пользу этой реформы въ западныхъ провинціяхъ Австріи становится все болѣе энергическимъ. Благополучное окончаніе подобнаго же движенія въ Бельгіи придастъ силы и австрійской демократіи.

Для славянъ и, въ частности, для русиновъ австрійскихъ реформа избирательная въ демократическомъ духѣ будетъ имѣть решительное значеніе, такъ какъ она впервые поста-

вить каждую славянскую национальность на собственные ноги и дать ей такое представительство въ совѣтахъ общинныхъ и уѣздныхъ, въ сеймахъ областныхъ и въ державной думѣ, какое ей надлежитъ по ея численности. Поставивши же каждую славянскую народность Австріи въ возможность самой вѣдать свои дѣла, избирательная реформа австрійская будетъ имѣть влияніе и на постановку славянскихъ теорій не въ одной Австріи. Реформа эта заставитъ каждое славянское племя заниматься своими дѣлами дома, не развлекаясь ни надеждами на помошь извнѣ ни опытами благотворительности за границей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Отъ редакторовъ И. Грэса и Б. Кистяковскаго	III—VIII
М. П. Драгомановъ. <i>Его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь. Б. Кистяковского.</i> IX—LXXVII	
Предисловіе къ первому тому.	
Б. Кистяковскаго.	LXXVIII—LXXXII
СОЧИНЕНИЯ М. П. ДРАГОМАНОВА *).	
Восточная политика Германіи и обрученіе	1—219
Вмѣсто предисловія	1—5
I. Толки нѣмецкой печати о результатахъ и значеній гаштейнскихъ переговоровъ	6—16
Гаштейнское свиданіе канцлеровъ Германіи и Австріи (6). Основанія нарушения европейскаго мира; возможность войны между Францией и Германіей (7); турецкій вопросъ — угнетеніе христіанскаго населения (7); возможность движенія Австро-Венгрии къ приобрѣтенію новой области на Дунай (8); нарушение внутренняго мира въ Австріи (11). Польский вопросъ, какъ пренятствіе къ приглашенію въ Гаштейнъ русскихъ дипломатовъ (14).	
II. Отношеніе нѣмецкой и русской прессы къ польскому вопросу	16—47
Неподѣдовательность нѣмецкой либеральной печати по отношенію къ польскому вопросу, а въ частности къ русификаторской политикѣ въ Польшѣ (16). Мнѣнія этой печати о необходимости присоединенія Польши къ Германіи (19); примѣры: брошюра бранденбургскаго дворянинна К. (20), книга Рихарда Бѣкка (22), брошюра Альберта Шумакера (28), сочиненія Константина Франца (30), анонимныя брошюры: „Австро-Венгрия въ войнѣ противъ Россіи“ (37); общий смыслъ перечисленныхъ книгъ и брошюръ: стремленіе измѣнить къ скорѣйшему захвату Польши (40). Тревога въ русской прессѣ по поводу гаштейнскихъ переговоровъ (43).	
III. Степень опасности для Россіи враждебнаго отношенія къ ней поляковъ	47—62
Враждебность и равнодушіе поляковъ къ русскому правительству, какъ результатъ политики „обрученія“ (47). Системы обрученія, основанные публицистами „Голоса“ и „Московскихъ	

*.) Напечатанное ниже оглавление не принадлежитъ Драгоманову, а составлено редакціей настоящаго издания.

Вѣдомостей" (49). Аналогія правительстvenныхъ стремленийъ къ созданию единой государственной народности съ заботами о государственной религіи (51). Ничтожность шансовъ на усилішьность обрушения Царства Польского (57). Слои польского народа, противившіеся политики обрушения (58). Отношеніе поляковъ къ возможной борьбѣ Россіи съ вограничными государствами изъ-за польского вопроса (61).

IV. Необходимость культурной борьбы съ полонизмомъ въ не-польскихъ областяхъ

62—98

Измышленія русской прессы о т. и. "польской интригѣ" (62). Усиление польского влиянія, какъ слѣдствіе правительстvenного гнета (64). Уничтоженіе опасности полонизма будущими либерально-демократическими реформами (66). Культурная реакція полонизма въ западномъ краѣ (68). Украинофильство и белоруссофильство (71). Львовережное и правобережное украинофильство (78). Демократизмъ и славянскій федерализмъ въ Киевскомъ кружкѣ: Шевченко и Костомаровъ (80); литературные волемика съ Костомаровыми (86); отголоски этой полемики въ Юго-Западномъ краѣ (88). "Хлопоманія" и борьба съ ней и украинофильствомъ (95).

V. Народная реакція полонизму въ Западномъ краѣ: литвофильство и белоруссофильство

98—112

Связь между поляками и литовцами и возникновеніе литвофильства (98). Важность раздѣлій въ Литвѣ католицизма отъ полонизма (100). Необходимость замѣны политики обрушения Литвы культурнымъ влияніемъ на мѣстное населеніе (101). Бѣлоруссофильство, какъ реакція полонизму (106). Обличеніе белоруссофильства въ русской прессѣ (109). Отрицательная сторона белоруссофильства (111).

VI. Литературные течения въ Галиціи и отношеніе къ нимъ московскаго славянофильства

113—129

Характеръ московскаго славянофильства и отношеніе его къ украинофильству и белоруссофильству (113); отношеніе славянофильства къ культурнымъ течениямъ среди народностей Россіи (115). Теоретическая разногласія между славянофильствомъ и украинофильствомъ (117); пререканія представителей этихъ течений по вопросу о малорусской литературѣ (118). Появленіе русинской народной литературы въ 1848 г.: Маркіанъ Шашкевичъ и Б. Дѣдичукъ (120). Появленіе въ Галиціи украинской народной литературы: Федыконачъ (121). Отношеніе австрійского правительства къ галицкому украинофильству до 1861 г. и послѣ него (122). Реакція польскихъ и бюрократическихъ круговъ къ галицкому украинофильству (124). Литературный отпоръ "народовцевъ" и русскихъ централістовъ (127).

VII. Отношеніе московскихъ славянофиловъ къ польско-католическимъ течениямъ въ Царствѣ Польскомъ и Юго-Западномъ краѣ

129—142

Партикуляризмъ и сепаратизмъ самихъ славянофиловъ (129). Эволюція отношеній славянофиловъ къ польскому вопросу (131). Отрицательное отношеніе славянофиловъ къ полонизму Западнаго края и гибельная послѣдствія этого отношенія (136). Бюрократическая стѣсненія, какъ главный тормозъ обрушения

- ииновѣрцемъ (139). Миѳъ о „паниурговомъ стадѣ“ и его бессмыслица (140). Демократическая реформы во всей Россіи и ея окраинахъ, какъ спасеніе единства русскаго государства (141).
- VIII. Полонизмъ и руссофильскій направлениія . . . 142—154
- Материальная и нравственная слабость полонизма въ Западномъ краѣ (142). Значеніе учено-литературныхъ руссофильскихъ направлений, защищающихъ русскіе интересы въ Западномъ краѣ (143). Сочувствіе части русскаго общества польскому восстанию и результаты этого восстания (146). А. Герценъ и партія, защищавшая принципъ надѣлкы крестьянъ землею (151). Тактика „красныхъ“ и „блѣдыхъ“ (152).
- IX. Герценъ и итоги польской революціи . . . 154—168
- Герценъ и пѣмецкій патріотизмъ (155). Славянофильство Герцена (157). Общинные взгляды Герцена и его окружка тактику „Молодой Россіи“ (157). Взгляды Герцена на польскій вопросъ (158); сочувствіе Герцена польскому восстанию (160); переговоры Герцена съ Польскимъ Центральнымъ Комитетомъ (160); ошибки Герцена и польскихъ революціонеровъ (161). Назначеніе въ Вильну Муравьевъ (163). Изордная реакція въ Юго-Западномъ краѣ и дѣятельность администраціи (164). Разрешеніе крестьянскаго вопроса и демократические реформы, какъ единственный выходъ изъ польского вопроса (165).
- X. Вредъ политики насилиственнаго обрушения Польши 168—
- Офиція органомъ московскихъ славянофиловъ — газетой „День“ правителственныхъ мѣбръ для Польши въ 1864 г. (168). Офиція этихъ мѣбръ польской и западно-европейской централистской литературой (170). Большая жизнелюбість русскаго народничества сравнительно съ польскимъ демократическимъ движениемъ (171). Бюрократическая офиція обрушения, какъ препятствие образованію въ Польшѣ „русской партіи“ (173). Офиція администраціативного объединенія Польши и Россіи (174). Педагогическая организація учебной части въ Царствѣ Польскомъ и враждебное отношеніе русской бюрократіи къ польскому языку (177); аналогичные примѣры въ Германіи (179); польская литература (182); мнѣніе Погодина о невозможности уничтоженія путемъ насилія языка народа (183). Заключеніе (183).
- XI. «Московскія Вѣдомости» и бюрократическая централизация 18
- Ненасытность положительной программы „Московскихъ Вѣдомостей“ (185). Источникъ консерватизма „Московскихъ Вѣдомостей“ (187), „Московскія Вѣдомости“ и польский вопросъ (192). Вредъ администраціативного централизма (199). Равнодушіе большей части русской прессы къ вопросу объ обрушении окраинъ (200). Враждебное отношеніе населения окраинъ Россіи къ центру (201).
- XII. Политика подражанія и ея несостоятельность . . 202—214
- Непригодность политики подражанія западно-европейскимъ государствамъ (202). Временное вступленіе русскаго правительства на путь цѣлесообразной и гуманной политики въ Запад-

номъ краѣ и Польшѣ въ 1863—64 гг. (202). Соотношеніе вопроса о десентралізациіи и самоуправліеніи съ величиной территоріи (203). Отличіе Россіи отъ Франціи и Пруссіи въ этнографическомъ, культурномъ и численномъ отношеніи съ окраинъ во сравненіи съ центромъ (203). Исторія національнаго состава Россіи (204). Забота о материальномъ и нравственномъ развитіи населенія центра и окраинъ — единственная правильная политика (205). Реакціонная политика бюрократіи, питаемой идеями „Московскихъ Вѣдомостей“, изъ дѣлъ народнаго образования въ Польшѣ и Сѣверо-Западномъ краѣ (206). Вредъ рабскаго положенія подцензурной прессы для умственнаго и нравственнаго развитія центра и окраинъ (208). Нѣкоторыя положительныя стороны консервативно-централистического доктринерства „Московскихъ Вѣдомостей“ (209). Образованіе Германской имперіи ослабленіе Австріи (211). Усиленіе Германіи съ 1870 г. и намѣненіе политическихъ отношеній между Россіей, Германіей и Франціей.

Заключеніе 214—216

Евреи и поляки въ Юго-Западномъ краѣ 217—267

Вступленіе 217—218

Изслѣдованіе П. П. Чубинскаго о бытѣ евреевъ и поляковъ, живущихъ въ Юго-Западномъ краѣ.

I. Евреи въ Юго-Западномъ краѣ 218—228

Трудность научнаго изслѣдованія еврейскаго вопроса (218). Неудовлетворительность статистическаго очерка г. Чубинскаго о евреяхъ (218). Неправильное разрѣшеніе г. Чубинскимъ еврейскаго вопроса (220). Сущность еврейскаго вопроса: ошибки юдофиловъ и юдофобовъ (223). Взгляды автора на разрѣшеніе еврейскаго вопроса (226). Заключеніе (228).

II. Процессъ ополяченія западной Руси 228—235

Религіозная жизнь населенія юго-западной Руси (228). Исторія политики русскаго правительства, приведшей къ ополяченію западной Руси (231).

III. Польская реакція въ пользу народнаго элемента и постепенное проведеніе политики официальной русской народности 235—244

Польская реакція въ пользу „хлопскаго“ элемента въ области литературы и искусства (235). Балагульство (237); казакофильство (238); вуризмъ (239); хлопоманія и ея исчезновеніе (240). Система официальной русской народности въ 30-е и 40-е годы (по запискамъ г. Воронина) (242).

IV. Русское и польское украинофильство и ихъ взаимоотношеніе 244—261

Народно-культурное движение въ 30-е — 50-е годы (244). Шляхетско-польский элементъ въ Западномъ краѣ (247). Русско-украинское движение, его представители въ литературѣ и

столкновение его съ польскимъ украинофильствомъ (248). Исторические причины разлада между русскимъ и польскимъ украинофильствомъ (250); отражение этого разлада въ поэзіи Шевченка и возрождение украинофильскихъ традицій въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ (254); литературная полемика между Грабовскимъ и Кузищемъ (257). Падение польского украинофильства (258). Уничтожение русского украинофильства административно-централитическимъ течениемъ (260).	
Заключеніе	261—267
Русскіе въ Галиціі	268—342
Вступленіе	268—273
Равнодушіе русскаго общества къ галицкимъ соплеменникамъ.	
Задачи статьи.	
I. Исторія русинскаго національнаго литературнаго движения съ 1848 г.	273—293
Презрѣніе и равнодушіе русинскихъ литераторовъ къ про- стому народу (273). Деятельность митрополита Яхимовича и „свято-корской“ партіи; бесполезность этой дѣятельности (276); причины этой бесполезности: вичтожное количество русинской интеллигентіи и оппозиціи русиновъ польскому элементу (278). Русинская оппозиція полякамъ, какъ проявление политической неспособности русиновъ (281). Политический смысл вопроса: „что такое русины?“ (284). Развитіе свѣтской литературы въ Галиціи (289); попытки австрійской бюрократіи бороться съ нимъ (292). Русинско - польско - австрійскія отношенія въ 1860—63 гг. (292).	
II. Неудачные попытки русиновъ сблизиться съ Россіей	294—309
Обращеніе русиновъ къ единству русской національно- сти (294). Бесполезность для русскаго общества признанія галицкими патріотами единства русской литературы (296); без- полезность этого единства для галичанъ (297); политическая осложненія, вызванные признаніемъ этого единства (299). По- литическая эквилибрістика русиновъ (303). Разсказъ г. Качалы о его поездкѣ въ Прагу на Славянской създѣ (305).	
III. Гибельный послѣдствія неустойчивой и непрактич- ной политики русиновъ	309—341
Созданіе русинскими руководителями бессилія предшествую- щей политики (309). Проектъ русинско-польского договора 1870 г. (312); смѣшанная комиссія для обсужденія этого про- екта (314); несогласія среди членовъ комиссіи (316). Несогласія между партіями „молодыхъ“ и „старыхъ“ (318). Отѣѣтъ ко- миссія на вопросъ: „что такое русины“ и критика этого отѣї- та (319); осложненія русино-польскихъ отношеній, вызванные отѣїтомъ комиссіи (326). Политика народной партіи (329). Обра- щение „свято-корской“ партіи къ централізму и печальные результаты зангрыванія ея съ министерствомъ Гогенварта (331). Выступление евреевъ на политическую арену (332). Прямые вы-	

боры, какъ средство борьбы партіи централистовъ противъ вся-
каго федерализма; централизмъ и федерализмъ въ государ-
ственномъ устройствѣ Австрии (333). Обращеніе русиновъ къ
культурной борьбѣ за народность (335). Возрожденіе идеи цен-
трализма (336); усиленіе русинскихъ централистическихъ тен-
денцій на послѣдніхъ засѣданіяхъ Галицкаго сейма и ихъ
гибельныхъ послѣдствій (337).

Заключеніе 342

Литературное движение въ Галиции 343—417

Вступленіе 343—355

Ростъ русинской интеллигентіи съ 1848 г. и значение этого
роста для борьбы съ вольскими властями (343). Ростъ русин-
ской народной прессы и демократически-федеративныхъ со-
обществъ (345). Попытки объединенія галицкихъ партій и об-
сужденіе этихъ попытокъ въ галицкой прессѣ (348).

Сущность разногласій между галицкими партіями 355—376

Трудность опредѣленія существенной разницы между галиц-
кими партіями; неправильное представление о нихъ въ русской
прессѣ (355). Демократический характеръ партіи народов-
цевъ (357). Безкорыстная преданность народовцевъ интересамъ
русинского народа (360). Сущность федерализма народовцевъ
(362). Различіе галицкихъ партій въ отношеніи ихъ къ Россіи
(366). Литературный языкъ и правописаніе представителей
обоихъ партій (370). Дѣйствительное происхожденіе и насто-
ящее различие обоихъ партій (372).

**II. Литературно - просвѣтительная дѣятельность на-
родной партіи** 376—400

Отрицательные пережитки въ литературѣ народной партіи
(377). Переводъ на галицкій языкъ священныхъ книгъ (379).
Дѣятельность товарищества „Просвѣта“ (382). Просвѣтительская
дѣятельность г. Паумовича (385); отсталость его религіозныхъ
и национальныхъ взглядовъ (387); народный характеръ его
произведеній (391). Неправильность мысли о литературномъ
„сепаратизмѣ“ товарищества „Просвѣта“ (392). Значеніе взаим-
ного ознакомленія русинского и русского народа съ литературой
галичанъ и русскихъ (398).

Заключеніе 400—417

Возраженія автора львовскому корреспонденту „Голоса“
г. И. Л-ну.

Литературно-общественные партіи въ Галиции 418—456

Незнакомство русского общества съ Галицией (418). Исторія
галицкихъ партій (420). Москвофильство и его литературное
вырожденіе (424); упадокъ политической дѣятельности москово-
фильской партіи (428); ея моральная гибель (430). Характеръ
украинофильской партіи (433); ея дѣятельность (434). Общество
„Просвѣта“ и его дѣятельность (436). Литературныя доказатель-
ства уменьшеннія антагонизма между старой и молодой партіями

(437). Смягчение антагонизма между народовцами и клерикальными сферами (438). Деятельность представителя "средней" партии Наумовича (439). Ознакомление русинской молодежи с русской литературой, особенно с произведениями, касающимися великорусского народного быта (441). Литературная деятельность первых социалистов из Галиции (444). Уладок среди крестьян авторитета духовенства (447). Митингъ 30 ноября и его демократическое значение (448). Возможность торжества русинской демократии (452).

Новыя движение среди русскихъ галичанъ 457—480

Исторія галицкаго вопроса (457). Появленіе сборника Шашкевича "Дѣйстрова Русалка" (459). Москвофильство (460). Элементы, изъ которыхъ образовалась радикальная партія (462). Отношеніе радикальной партіи къ старыхъ галицкихъ партіямъ (463). Деятельность радикальной партіи (463). Результаты выборъ въ Львовскій сеймъ въ 1889 г. (464). Защита радикальной фракціей сейма народныхъ интересовъ (465). Борьба клерикаловъ съ радикальной партіей (466). Соглашеніе между поляками и народовцами и оппозиція радикальной партіи (468). Избирательная кампания 1891 г. (471). Демократическая программа радикальной партіи (472); ея агитационная дѣятельность (475). Значеніе галицкаго демократического движения (477). Заключеніе: отраженіе политического движения среди галичанъ на церковномъ вопросѣ (477).

Всеобщее голосование и русины въ Австріи 481—486

Современная избирательная система въ Цислейтаніи (481). Сторонники и противники демократическихъ реформъ среди австрійского населения (482). Угнетенное положеніе русиновъ (482). "Русско-украинская радикальная партія" и ея статутъ (483). Отношеніе старыхъ галицко-русинскихъ партій къ демократической агитации (484). Значеніе избирательной реформы для русиновъ (485).

0,000,000

Fotografia

